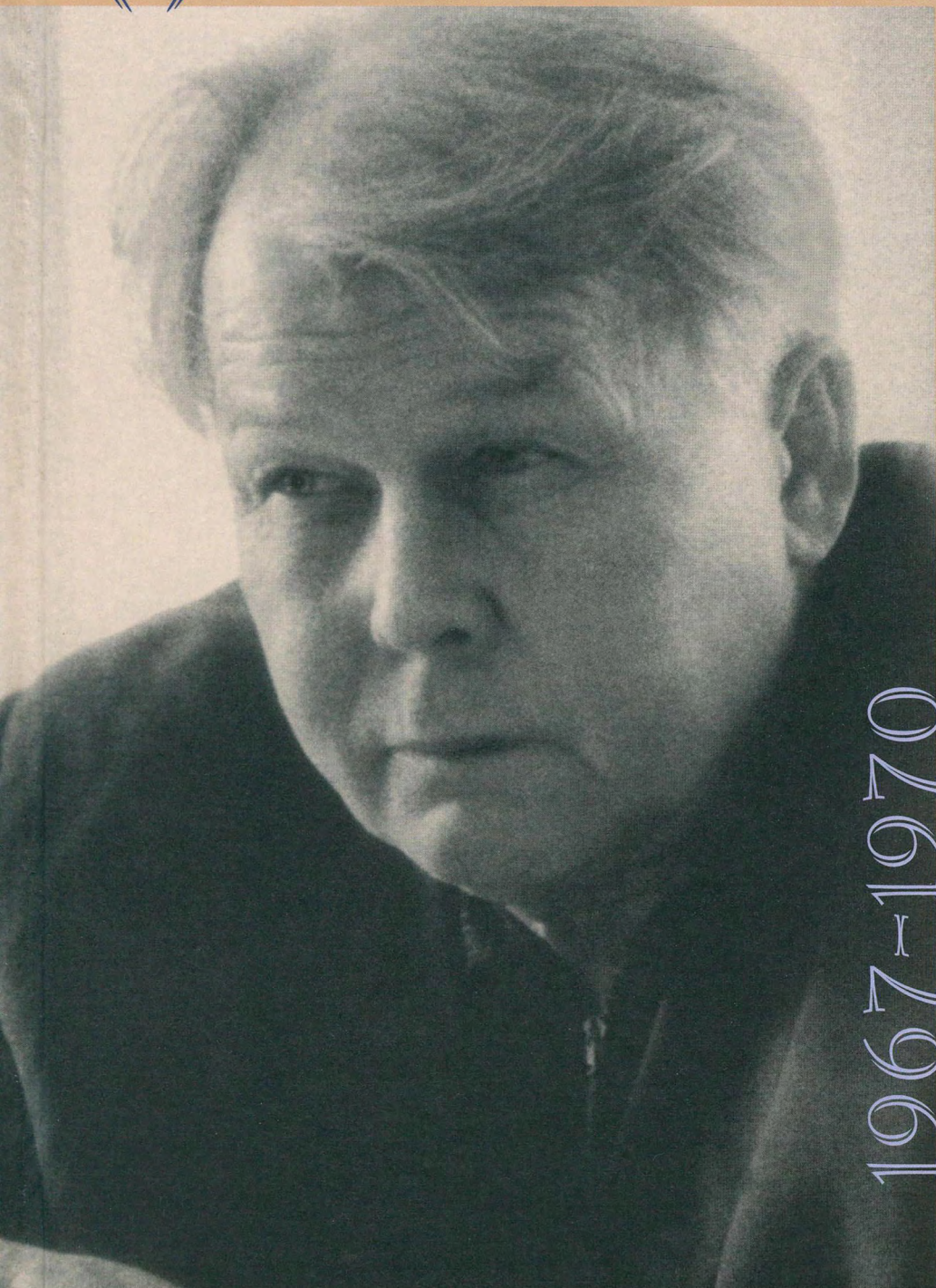

Александр Твардовский

НОВОМИРСКИЙ
ДНЕВНИК

1967-1970

Александр Твардовский
НОВОМИРСКИЙ
ДНЕВНИК

Том второй

1967–1970

Москва/ПРОЗАиК/2009

УДК 882-94

ББК 84(2Рос = Рус)6-4 + 83.3(2Рос = Рус)6

Т26

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках Федеральной целевой программы «Культура России»

Подготовка текста, комментарии, указатель имен
Валентины и Ольги Твардовских

Дизайн Татьяны Костериной

Издательство благодарит Валентину и Ольгу Твардовских
за предоставленный из семейного архива иллюстративный
материал

Твардовский А.Т.

Т26 Новомирский дневник. В 2 т. Т. 2: 1967—1970 /
Александр Твардовский; [подготовка текста, коммент., указ. имен
В.А. и О.А. Твардовских]. — М.: ПРОЗАиК, 2009. — 640 с.

ISBN 978-5-91631-012-2 (Т. 2)

ISBN 978-5-91631-014-6

Во второй половине 1960-х годов партийные и литературные
бонзы усилили давление на «Новый мир» и его главного редак-
тора. В конце концов им удалось разогнать непокорную редак-
цию и вынудить Твардовского уйти в отставку. На страницах
дневника запечатлены многие драматические эпизоды послед-
них лет жизни великого поэта и его журнала.

УДК 882-94

ББК 84(2Рос = Рус)6-4 + 83.3(2Рос = Рус)6

ISBN 978-5-91631-012-2 (Т. 2)

ISBN 978-5-91631-014-6

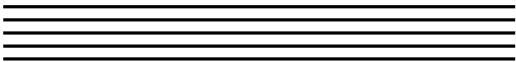
© Твардовские В.А. и О.А., 2009

© Твардовские В.А. и О.А.,

подготовка текста, комментарии, 2009

© Оформление. ЗАО «ПРОЗАиК», 2009

1967

4.I.67. П<ахра>

Первый человеческий день с последней записи, хотя сегодня ничего не делал, только хорошо гулял по метели и досыпал после почти бессонной ночи.

После телеф<онного> разговора с Шаурой катнул уж не помню хорошенько где и с кем — с Дементом? — Нет, еще поехал на дачу, потом Оля позвонила — сессия¹, поехал регистрироваться, получил деньги, накупил книг и шариковок и кое-что для подарков, а уж потом катнул, но в день, когда шла сессия, уехал, оставив Оле записку, что «могло быть хуже», а здесь начал «тянуть проволоку», сквозь кот<орую> помню звонок Воронкова насчет Дементьева с Заксом, потом приезд Вали с «поправкой» для меня и отчаянной просьбой держаться, а потом — Дементьев, многоступенчатое сообщение о том, что М.А.[Суслов] поговорит со мной и чтобы я ему позвонил. Многозначительные предположения Д<ементье>ва, мои соображения, тихий и скромный Новый год, поездка к Оле в понедельник. Некие надежды и планы «беседы», ан во вторник звоню, называю себя и сразу слышу упавший голос. И пошел тяжелый, крутой, противный разговор, показавший, что «правды нет и выше», но очень облегчивший меня: ни в какую!

Чтение окончания книги Роя² — лучшей, пожалуй, ее части — как-то все еще осветило и уточнило для меня все, что и без того знал как будто и делал кое-что в достойном духе. Мне страшно за него и за наверняка безгласную судьбу этой книги, которая так была бы нужна в «юбилейном» году и значение которой для оздоровления всей нашей «юбилейной» атмосферы невозможно переоценить. И мне, как любил говорить Л.Н.[Толстой], стало и продолжает быть «весело». —

5.I.67

Вот оно, самое, казалось бы, общеизвестное, о чем помнить бы всегда:

«Когда проживешь долго... то понимаешь, как ложны, невозможны всякие приспособления себя к жизни. Нет ничего *stable* в жизни. Все равно как приспособляться к текущей воде. Все — личности, семьи, общества, все изменяется, тает и переформируется, как облака. И не успеешь привыкнуть к одному состоянию общества, как уже его нет и оно перешло в другое...»

Л. Толстой. Дн<евник>, 5.VII.1892 г.

Именно, именно. — Вчера даже встал и пошел к Маше прочесть ей это, когда она уже тоже легла, но еще был свет — читала, — она все читает, читает (вчера дал ей прочесть заключительную часть Роя Медведева — прочла неотрывно, иногда видел, даже вытирала глаза, а закончив, сразу стала читать свою «Природу»³ или что-то такое).

— Да, да. Я в эту зиму чувствую, как по-особому трудно выкарабкиваюсь из недоумения.

— Вот и я говорю, еще вчера у меня была редакция, планы и т.д., а сегодня уже все другое — уже нет в ред<акции> Дементьева, Закса («этих двоих»), и все уже по-другому, и я уже, в сущности, не редактор...

— Как же, говорит, но ведь М.А.[Суслов] дал тебе отсрочку со всем этим делом?..

И тут выясняется то, что было ясно, но для нас, да и для меня самого отступило перед возбуждением передачи моего телеф<онного> разговора с М.А. моей «стойкости», т.е. что они свое дело уже, собственно, сделали: Воронков понудил Кондратовича подписать приказ об увольнении Д<ементьева> и З<акса> (а я в это время был на даче и «не в порядке», хотя ничего бы не изменилось, будь я и там и в порядке). А я об этом не знал еще, вернее, не понял или забыл, что мне говорил Воронков по телефону и что я ему отвечал, будучи «не в порядке», и только узнал от самого Кондратовича, когда их (его, Д<ементьева> и Лакшина) информировал о своем «геройском» разговоре с Сусловым. Вот оно что! Они (аппарат) торопились с «приведением в исполнение», чтобы поставить меня перед свершившимся фактом, и уверены были, что это меня сразу поставит перед «неизбежностью» (слова Шауры: «А.Т., это неизбежность»). А я, дурень, сообщая Шауре о своем разговоре с М.А., говорил, что тот согласился по моей просьбе повременить с «приведением в исполнение» (последние слова я именно и употребил в разговоре с Ш<аурой>).

Так возбужден, что рука дрожит и почерк беспокойный, несмотря на кофе, к кот<орому> уже как к рюмке приложился раз и другой.

Где они, мои, казалось, такие несокрушимые «пункты», заготовленные для беседы с М.Андр.:

1) «Линия» «Нового Мира»? Это плохо? Нет, это хорошо: коль у ж<урна>ла есть линия, значит, это настоящий ж<урна>л, а без таковой — что он? Линия — это лицо журнала, направление в лит<ерату>ре, но не нужно смешивать понятие такой линии с понятием линии партии, линии, единой для всех ж<урна>лов и газет, для всей лит<ерату>ры и т.д.

2) «Ошибки» «Нового Мира»? Давайте их перечислим. Они нигде не перечислены, о них лишь приходится догадываться (то-то и противно, что нужно догадываться, а я хочу знать, а тут все в молчанку — сам догадайся). Тут *догадываться* нечего, что главная, основная «ошибка» «Ив<ан> Денисыч»! Вот что не прощается ж<урна>лу, хотя в печати об этом речи нет. Отвечаю: *я не могу изменить свою оценку этой и др. вещей Солженицына*, напечатанных в «НМ», не могу и теперь, когда нынешнее поведение Солж<еницы>на мне не нравится⁴. Итак, если это, действительно, и есть главная ошибка ж<урна>ла и ей придается такое большое значение, то зачем удерживать на этой должности редактора, не меняющего своей оценки?

3) Зачем удерживать на этой должности автора другой сверхошибочной вещи «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>», облитой всяческой грязью, вещи, называемой или только подразумеваемой как нечто уж безусловно невозможное, враждебное политически, «хрущевское»? (Опять — почерк.) Но напомним, что меня при Хрущеве за нее и др. моменты «линии» снимали⁵ и т.д., что эта вещь в первом своем варианте была просто запрещена как «пасквиль антисоветский» и только по прошествии времени, в новом, более «зловредном» виде была «подсунута Хрущеву в Пицунде» (слова, кажется, Демичева на Моск<овском> активе).

4) «Орги» [организационные вопросы]. У меня, невзирая на мои возражения, протесты и пр. заявления, недвусмысленно и неоднократно, снимают зама и отв<етственно> секретаря, чтобы поставить меня перед совершившимся фактом. Но не ясно ли, что это что-то неподобное: плоха редколлегия — плох главный — его и снимать и делать хорошую.

Сейчас за бритьем пришла было мысль: а не согласиться ли с положением, выговорив, примерно, право подыскания самому людей — взамен выбывших — в самом деле: Лакшин, Кондратович, я — втроем и повезем воз дальше. Но тут же — нет, нет и нет.

Не потому нет, что без «этих двоих» не могу, мол, обойтись, — попади они, не дай бог, под трамвай — погоревали бы и продолжали работу. А потому, что изъятие «этих двоих» — заключительное звено в длинной-преддлинной цепи мероприятий по удушению журнала. И еще потому, что и без того было уж сверх меры тяжело и тошно: цензура и т.п. Но были до последнего времени надежды, что дело поправится хоть отчасти: предполагавшееся обсуждение вроде как сулило хоть что-то. А уж тут — пойдет дальше. Но пусть пришла и такая мысль — для проверки-примерки: м.б., мол, я упускаю некие возможности, поддаюсь порыву амбиции, самолюбия, действию «депрессии» — пусть.

Вчера уже вдруг стало совершенно ясно, почему все в таком темпе и в такой безапелляционности и безнадежности. Потому, что все от него самого, кому звонить подталкивал меня Сурков⁶.

Помимо прочего, губительной для ж<урна>ла оказалась его популярность дома и за границей — ничего не должно быть такого. — Нет уж!

6.I.67. П<ахра>. 4 ч. утра

Вчера гулял с Баклановым, он был уже в курсе, хотя только что вернулся из-за границы.

— Ах, А.Т., трудно быть советчиком здесь, но потерять журнал, который... и т.д. Ведь подберут, и ж<урна>ла не будет. Легко отдать, а обратно получить куда сложнее...⁷

С точки зрения формально-процессуальной:

1) После моего, м.б., слишком горячего и т.п. выступления на Секретариате у П.Н.Демичева — он задерживает меня, и мы в течение 5—6 часов «выясняем отношения» (с участием т. Шауры), расстаемся в самом дружеском расположении, я воодушевлен: обсуждение ж<урна>ла в Союзе писателей, а там видно будет. Через три дня в Союзе, в присутствии тт. Шауры, Мел<ентьева>, Беляева, намечается и день — 20.XII.

Незадолго (пятница 16.XII.66) до этого дня — вызов к Шауре, предложение освободить Дем<ентьева> и Закса. Мой отказ, предложение подумать, вторичный отказ 20.XII по телеф<ону>, оформление вывода «этих двоих» «по собств<енному> желанию».

2) Если можно без меня вывести, то уж ввести без меня — тем более, да и логично: прихожу в ред<акцию>,

а там сидят Дангулов с Суровцевым⁸, и освободить я их уже не могу.

Пусть коренные работники — Кондрат<ович>, Лакшин не хотят работать с этими новыми — ничего уже не сделать — свершилось. До этого — один шаг.

Велик соблазн, как всегда при крутых переменах жизненной тропы, — продолжать себе идти по старой, привычной, хоть уже и раскисшей под дождем и т.п. Мало веселого опять собирать свои бумажонки и книжонки, прощаться с коллективом, привычным строем жизни с ее тяготами и радостями и привыкать к иному, даже и желанному.

Но как подумаешь — ох, все уже не то будет, а будет еще круче в смысле тягот и еще скуднее в смысле радостей и вовсе безнадежно во всех смыслах — ведь не затем все повернуто, чтобы оставаться по-прежнему: этого-то «прежнего» и не хотят. И вообразить страшно мне свою роль редактора, подписывающего своим именем *другой* журнал.

Конечно, можно вообразить и так, что и после этого «укрепления», м.б., при моем все же участии в подборе замены все опять пойдет по-нашему, читатель и не заметит ничего. Но так могло бы быть лишь при условии снятия цензуры, т.е. радикальной перемены условий жизни ж<урна>ла. А об этом нечего и вкаты. —

Отказываюсь, объясняюсь и, если нужно, пишу объяснительную из двух частей: формально-процессуальной и по существу «линии», т.е. переставив местами набросанное здесь. —

8.1.67. П<ахра>

Начал было вчера:

Я пишу это письмо в связи с моим вынужденным уходом из журнала «Новый мир», которому я отдал в общей сложности 12 лет жизни в возрасте, являющемся для писателя наиболее продуктивным в смысле его собственной работы. Но озабочен я в данном случае не своей литературной либо житейской судьбой: чувствую в себе еще достаточно сил, чтобы с пользой послужить народу и партии моим пером, которое принадлежит им безраздельно. Не могу также пожаловаться на недостаток внимания к моим книгам со стороны читателей и критики или на стесненность в материально-бытовых обстоятельствах.

Речь идет о судьбе журнала, одного из старейших наших литературно-художественных ежемесячников, крупнейшего по объему и, может быть, наиболее популярного из них в читательской среде и авторитетного — в литературской. Такую характеристику этого журнала можно считать вполне допустимой, оставляя открытым вопрос о его существенных недостатках, слабостях, просчетах и ошибках литературно-политического порядка. В таком сложном практическом литературном деле, как выпуск журнала, способного длительный срок привлекать живейшее внимание читателей, приобретая характер сколько-нибудь значительного общественного явления, ошибки и просчеты попросту неизбежны. Важно, конечно, различать, какие из них являются действительными, а какие мнимыми, хотя бы уже привычно именовались в обиходе газетной критической фразеологии, изустных высказываний и т.п. Но и об этом я скажу ниже...

Итак, речь идет о судьбе журнала, которая является в значительной степени судьбой советской литературы на нынешнем ее особо сложном этапе развития...

Начну с краткого изложения обстоятельств, в каких находится сегодня журнал и которые понуждают меня расстаться с любимым делом, представляющимся мне предпочтительнейшей формой общественной деятельности писателя.

Писал это вчера с 4 ч. утра, в радостном возбуждении видя впереди неотразимые страницы «исторического документа». Но, уже поделившись после завтрака с Дементьевым (на словах), увидел по его хитрой и печальной затрудненности в одобрении, что, как он тянул, гадая так и сяк, «кто ее знает...». А уж после прогулки и после того, как мы совершенно точно до мелочей уяснили себе историю того, как попали в это дефиле, вовсе расхотелось писать и сейчас не хочется, никомушеньки это не нужно и ничего это не поправит. —

Третьего дня вызывали Кондратовича — Беляев и Галанов⁹.

— Как настроение?

— Нетрудно, мол, догадаться — хреновое.

— Надо признавать ошибки, делать выводы из критики.

— Какой критики?

— Это — форма критики (удаление Д<ементьева> и З<акса>). Это относится не к ним лично, а к редакции в целом. Надо делать выводы, работать и т.д.

— Работать будем, если Т<вардовский> остается, а нет — ясно, что ничего из нас (т.е. его, К<ондратовича> и Лакшина) не получится.

— Он останется.

— Не знаю, по-моему, при нынешних условиях он не останется (здесь он говорит нечто о том, что для Тв<ардовского> — это работа по призванию, а не по необходимости заработка или чего подобного).

— Есть дисциплина...

«Кукиш в кармане».

Кондратович резко возразил, что мы, мол, не двурушники, говорим прямо и хорош «Кукиш» в 150 тыс. экз.

Сказал, что мы бы рады были печатать «светлые» вещи, но где, мол, они. «Щит и меч»?¹⁰ Так мы не можем печатать такие вещи.

— Ах, вы еще и высокомерны.

Должно быть, в понедельник будут вызывать Лакшина, Виноградова.

Здраво рассуждая, какое право имеют «отделы» попрекать нас ошибками, если ни одна строка не могла быть нами напечатана без визы аппарата «отделов» — цензуры, — но это лишь формально, — а по существу, сами отделы разрешали, редактировали, отклоняли, задерживали. Попрекать нас (формально) вправе другие органы печати, критика, исходя из предположения как бы нашей бесцензурности.

Передо мной на выбор:

либо «не бросать журнал», оставаться на месте, зная, что на этом месте нужна лишь моя фамилия (до поры, когда ж<урна>л «перестроится», перестанет быть тем, чем он был), влачить безрадостное и безнадежное существование в этом качестве;

либо — с болью, с горечью крайней, но и с гордостью, с сохранением достоинства, рискуя навлечь на себя всевозможные немилости — уходить.

Не ясно ли?

Бедняга Демент еще в разговоре нет-нет и забывает, что он уже не зам. и не член. И сам говорит, что собрался ехать в город во вторник, как ездил столько лет, — Л<идия> Гавр<иловна>¹¹ говорит: а зачем тебе ехать во вторник? — Дела...

Третьего дня долго сидел у меня совсем погасший, несчастный, перешибленный Закс. — Все-таки в целом это преступление.

9.I.67. П<ахра>. 8 ч. утра

Нет, и без Дементьева, с которым говорил вчера вечером, было ясно, что так-таки бросить затею «исторического письма» не удастся, не выходит. Оно необходимо в первую очередь для самого себя и во многих других смыслах, хотя, конечно, оно не поправит дела. Но пусть его прочтут хотя бы на третьем этаже — а там прочтут-таки несомненно, пусть оно останется в копиях, подшитых в «дела» и там, и в Союзе писателей, и в редакции, и у меня, наконец. Оно должно разъяснить картину, дать удовлетворение тем, кого я оставляю или подвергаю своим уходом многим еще неизвестным испытаниям. Оно должно лишить людей, ответственных за операцию по разгрому ж<урна>ла, малейшего чувства правомерности — моральной и всяческой — содеянного, должно быть залогом того, что история-то будет иметь и этот материал при пересмотре нынешних акций высокоудумной политики. Словом, нужно писать, и, между прочим, это единственно возможное для меня в эти дни занятие, в эти дни, когда я не работаю в редакции и вишу «подвешенным», как выразился Сурков, за «первичные половые органы».

«Сосредоточиться» на заботах по переоборудованию б<ывшего> гаража под «биб<лиоте>ку» или даже сделать вид, что работаю, — хоть и вшил в книжку «Далей» белые листки для «доп<олнительной> главы» — не удастся. — Очень важно избежать жанра док<ладной> записки, не впадая в «художественность». —

10.I.67. П<ахра>

У Вали оба лежат, Оля — третий день¹².

Сегодня Маша ночевала там, а сейчас поехала по пути сюда — в больницу к Елене, которая, кажется, на исходе. Кругом.

Вчера зашивал всякими листами полки в гараже — забережь книги от пыли при разрушении перегородки — сегодня Миша приступил. Кабинет прозы — в отличие от этой комнаты — спальни и кабинета поэзии. Роскошная жизнь. А жить-то, м.б., гораздо менее того, что грубо предполагаешь. До 70 еще можно прикидывать, а дальше — что ж — 75? 80?¹³ Конечно, долголетие — благо, но чтение дневников Толстого (совпади так, что в эти дни такое чтение!) дает картину того, как муторно «готовиться к смерти», даже будучи Толстым. —

Зазвал вчера Верейского, хотя беседа с ним один на один не греет: [...] Мои беды способны лишь укрепить его

в затаенном сознании преимуществ беспартийного состояния. Сообщил о Демичеве. Это наводит на несколько иной план письма. Начать с того, что мы готовились к обсуждению журнала. В самом деле, что же мы такое, «Новый мир»? С одной стороны — с другой (Стариков¹⁴ — и рассуждение с выраженной готовностью понять, в чем же наши ошибки действительные). И вдруг...

13.1.67

Ездил вчера в Москву с одной ничтожной, но неотложной задачей — выправить доверенность в нотариальной конторе, чего не сделал позавчера (не захватил тех. паспорт). Лет 10 ездил наш Ник<олай> Фед<орович>¹⁵ с доверенностями, заверенными Наталией Павловной [Бианки], и вдруг — некий мл. л<ейтенант> милиции начертил квиток моей доверенности — как-никак на бланке деп<утата> Верх<овного>. Совета республики: «недействительна». Сила!

Вчера без нужды проторчал несколько часов в редакции, читая «белый ТАСС»¹⁶, подконец, имея впереди 1—1,5 [часа] в ожидании Маши, поехавшей к Вале, зашел с Кондратовичем и Лакшиным (увы, уже без неизменного в подобных экспедициях Дементьева) в столовую на Дмитровке. Выпили в общей сложности граммов по 250, я, м.б., 300. Рано лег, проснулся в 3 ч., пил чай, курил, топил камин бумагами, лег с интервью Ф.Кастро из того же «белого ТАССа», только в виде печатной брошюры, заснул до восьми, чистил снег, читал пьесу Каплера в надежде, что пригодится для «НМ»¹⁷, живущего без всяких запасов — напрасно. Чистил снег. Завтра — за работу, уже затянуло.

Пишет некий Г.Г.Ерошенков из Глинки, приславший сценарий «Трагедия Лянцев» из истории партизанского движения на Смоленщине. Сценарий прочла А<нна> Сам<ойлов>на [Берзер] — слабенький и неизвестно, зачем ему писать сценарий, но он много лет уже занимается историей отряда «легендарного починковского партизана Аркашки» (Аркадия Акимовича Синцова). Пишет: «Недавно мне стало известно, что Ваш отец тоже причастен к этому отряду. Он снабжал его продуктами питания». — Я сомневаюсь в этом, отец ничего такого не говорил, хотя не преминул бы похвастаться. — «Весь отряд погиб под деревней Чучелово в апреле 1943 г. Но я продолжаю розыск.

Занимаясь этой работой, я иногда копаюсь в партархиве. И, возможно, Вас будет интересовать, встретил Ваше

письмо, адресованное в Западный обком партии, по поводу неправильного раскулачивания крестьян. На нем виза (?): "А.Твардовский — незаурядный поэт. Но пусть не сует нос куда не следует". Подпись неразборчивая».

Не помню, что про что, но ясно, что это не письмо по поводу родных — по этому делу я ходил на прием к секретарю Зап<адного> обкома И.П.Румянцеву («нужно выбирать между папой-мамой и революцией»)¹⁸.

9. III. 67. Пахра

Два месяца без этой тетради!

Здесь бы вписать мое «большое письмо» (24 стр. машинописи). Оно — свидетельство настроения и дум на этом рубеже моей и журнала жизни. Оно не отправлено — не потому, что я что-нибудь в нем уже не считал бы соответствующим, а потому, что не смог найти адреса. Черноуцан дал мне понять, что письмо, на чье бы имя я его ни послал, читать будет Мелентьев. И докладывать будет он. Письмо вне редакции (редколлегии) и семьи, кроме Ч<ерноуца>на знает еще Федин («охо-хо-хо: поэт и аппарат»).

Затем было малое письмо, составленное из слов самого начала и самого конца большого письма. Но это, малое, не отослано уже сознательно: пусть сами снимают, не буду облегчать им задачу¹⁹. —

Статья в «Правде» (а накануне для ограждения Тв<ардовского> стихи из цикла с той самой сноской, которую решительно отказывались дать²⁰, и я решил, что все, разговор окончен, но не довел дело до конца, не затребовал рукопись. Отсюда, между прочим, разночтение в стих<отворении> «Я знаю, никакой моей вины» — в «НМ» было уже поправлено на старое, лучшее окончание; а из «Правды» не прислали гранку, вообще ни слова²¹) отчасти пересекла большое письмо, нужно уже было добавлять что-то про эту статью²².

Несколько раз ослабевал, выкарабкивался, только теперь вошел в норму, если не считать участие в женском вечере в «НМ»²³, которое вчера пересилил и изжил.

Воодушевлен задачей составления сборничка лирики последних лет для «Сов<етского> писателя»²⁴ и организации «приложения» к третьему тому («Стихи читателей»), кое-как вычитанному и пересланному с Машей.

Самая неотложка на сегодня двинуть представление на пополнение редколлегии. Остановились покамест на Дороше и Хитрове. Союз «советует» Айтматова, но это только для украшения.

Записывать много чего, но, слава богу, что хоть взялся за эту тетрадь. —

«Признак недеятельного состояния духа, что ничего не записано» (Л.Толстой. Дн<евник>, т. 20)²⁵.

11.III.67. П<ахра>

На ночь поедем в город, чтобы завтра проголосовать — пустопорожнее дело, но нельзя.

С чувством освобождения провожаю срок своих «полномочий» в Верх<овном> Совете РСФСР²⁶. Так постепенно спадает с меня все, что не я, а нечто извне присвоенное и связывающее и ничего не дающее, кроме удовлетворения (всегда неполного) ничтожного тщеславного чувства. Нужно быть только тем, что ты есть, — не дай бог иметь все, кроме этого, как у нынешних «Героев Соц<иалистического> Тр<уда>». Но нельзя не сознаться себе, что душа не минует и некоторого суетного самоуслаждения опалой, — ведь это меня выделяет из официального, никому не милого ряда. Этим тоже не нужно услаждаться, — помнить Толстого с его отречением от «славы людской». Кажется, я уже и не член Лен<инского> ком<итета>²⁷. Со съезда писателей, наверно, выведут меня и из Секретариата. Это если я не останусь редактором. А бог знает! Третьего дня послал представление: ввести Дороша и Мишу Хитрова, — предложили еще Айтматова — пожалуйста, если, правда, это облегчает основное — назначение Лакшина вторым замом (Виноградова — на критику, Дороша — на прозу). Если все это состоится (гл<авная> точка — Лакшин), то еще повоюем, потянем²⁸. А нет — так и не знаю — видно будет. Если останусь редактором, буду готовить речь на съезде, нет — не буду ничего говорить.

Живет слух, что перед съездом будет встреча (конечно, историческая). Там, если будет возможно, скажу, что, если исходить из понятий великой лит<ерату>ры, то хвастаться нам нечем. Скажу, что полувековой срок даже и для лит<ерату>ры немал. Взять любую — первую — во главе с Пушкиным — или — во главе с Толстым — половину XIX века, — мы ни с одной не можем равняться. Врядли возможно будет сказать, что причина этому не столько в уровне культуры и даже врожденных данных — таланты всегда есть, но они не всегда могут выявиться во всю силу. Главная причина в нашей куда большей несвободе художника, чем в XIX в., когда религия или не была обязательной нормой, или избиралась по соб-

ственному желанию, без догмы. Мы же во власти своей «религии», ограничившей нас, урезавшей, окорнавшей, обездивившей.

Явление Солженицына — первый выход за эти рамки, и отсюда нынешняя судьба его, — не допускается. — О Солженицыне можно будет сказать прямо, сопоставив его судьбу с судьбами Платонова, Зощенко, Пастернака, Ахматовой (до последних закатных дней, освещенных уже отпущением ей грехов). При жизни травим, долбаем, загоняем в гроб, а после смерти подбираем листочки и строчки.

13.III.67. П<ахра>

В среду лететь в Рим (КОМЕС)²⁹. Завтра итальянский посол встречается с этой делегацией (Сурков, я, Абашидзе, Брейтбурд³⁰). Сказать Воронкову или Шауре или обоим вместе, что мне являться на люди нехорошо, что я боюсь не врагов, а друзей, которым не смогу ответить на неизбежные вопросы, — при всей деликатности друзей, — о «НМ», о статье в «Правде»³¹, о награждении группы писателей званием Героя³² и т.д. Что если бы еще ехать мне по завершении дела с редколлегией — другая картина, — я бы мог быть свободнее и увереннее. Словом, ехать мне трудно, посылать меня сейчас жестоко по отношению ко мне и невыгодно для дела (там на повестке еще Синявский)³³. Врать, мол, физически не могу, но и жаловаться там на советскую власть — не позиция. Все это к тому, что, мол, утверждайте редколлегию — и тогда уж ладно.

Действительно ли я так уж боюсь ехать? Нет, конечно, хотя неловкость есть. Но я не хочу, чтобы и здесь, не спросив меня, решали вопрос о моей поездке, не хочу укреплять их в понятии, что со мной можно поступать как угодно, не считаясь с моими мнениями и настроениями. Ко всему поездка эта до крайности не ко времени в связи с сегодняшней сенсацией высшего разряда (Светлана Сталина)³⁴.

В редколлегии главное — Лакшин, на нем, конечно, поддержка. Утвердят — победа.

Прочел рукопись Газаряна, переданную Р.Медведевым, — впечатление глубокое³⁵. Нет, потушить в памяти людей *этого* нельзя. И если кто хочет предать это забвению, то тут можно предполагать либо глупость, либо нечто похуже — оставление про запас этих *форм* и *методов*, м<ежду> пр<очим>, начисто губящих идею коммунизма.

Рукопись озаглавлена по-газетному «Это не должно повториться» — слова, которые обычно относились к войне, зверствам фашистов. Но написана она даже с литературной

стороны очень незаурядно. Все дело, конечно, в личности автора — он настоящий человек, и мера испытаний, пройденных им, сама по себе такова, что нечего добавлять, придумывать, подогревать, подавать (не то что, напр., записки Гинзбург-Аксеновой, кот<орые>, говорят, вышли в Италии)³⁶.

Очень хотелось сделать выписки из дневников Толстого, но это лишнее — они у меня на полке, эти подчеркнутые места. —

Кажется, подсушило, и на досках балкона легкий слой снежной пудры. Пойду на лыжах (купил, а ходить все некогда: либо очень уж ростепель тяжелая, а лыжи необкатанные). —

16.III.67. П<ахра>

Состоялось-таки обсуждение журнала, длившееся вчера с 12 до 5. Федин накануне прислал записку — заболел, м.б., и правда, заболел. Ни одной души из отдела — заняты, хотя более серьезного вопроса в последние месяцы у них, полагаю, не было. Но это уж тактика: не смотреть, не читать, не слушать самому, а лишь через посредство «системы». На всякий случай: мне так доложили³⁷.

Была серьезность и уважительность тона, было ощущение, что речь идет о серьезных делах. Критика сопровождалась густыми комплиментами журналу и главному. Но странным образом, на какой-нибудь рассказец «Дома» тратилось едва ли не больше слов, чем на «целый ряд блестящих произведений»³⁸.

Выделялись гнусавцы Чаковский (все пытавшийся дать понять, что «линия» «НМ» выходит за пределы собственно литературные) и Соболев, которого я оборвал при его попытках пришить мне Синявского³⁹. Он, прервав речь, направился к выходу, его одернул Марков и с мест, вернулся, продолжил, затем ушел и разревелся где-то там, откуда вызвал Маркова, который дал ему валидол и машину. Мразь. Вспомнилось, что свой высокий пост он получил, применив такой прием истерики в Семеновском, — Хрущеву понравилась горячность беспартийного большевика.

Едем завтра, 17.III. Зачем — не знаю⁴⁰.

3.IV.67. Пахра

Добрались третьего дня, — ночевали в Киеве, я и Сурков (Абашидзе уехал еще из Рима, Брейтбурд отстал в Киеве)⁴¹.

Итоги поездки вроде бы с плюсом, оказалось, что решался вопрос, быть или не быть Сообществу, и действительно — наш (мой) неприезд мог означать его конец.

Подписано мною в числе других вице-президентов коммюнике и возобновлена работа Сообщества, принята «программа» на 67 г. Есть там темная фраза, которая предположительно может вызвать неприятности в Отделе, где парижский проект был одобрен за исключением именно этой фразы: «Придерживаясь терминов коммюнике, принятого большинством голосов 16 марта...». Но все дело, весь летаргический сон Сообщества в течение года — все восходит к «делу Синявского и Даниэля» и угрожает съезду писателей игнорированием его со стороны виднейших писателей мира. Если бы вырвать или хотя бы пригнуть этот «гвоздь в сапоге» перед съездом — какое бы разрешающее, освобождающее значение это имело со всех точек зрения — внешних и внутренних! Но надежд мало. Там мы с легкостью сговаривались и соглашались, что по приезде дойдем до самого верха, а тут сразу стало очевидно, что до верха далеко, а начинать с середины — почти наверняка потопить дело.

А здесь меня ждало поганое коммюнике по поводу «НМ» — прочел еще в Будапеште, а по пути с аэродрома Лакшин сообщил о закрытом порядке изготовления этого документа (без участия члена комиссии Кондратовича и вопреки заверениям, что до моего приезда в печати не будет)⁴².

Десяток-полтора блокнотных листков с подневными записями — только хронологическая канва, чтобы не сбиться в днях. Беглые выводы, вернее, впечатления, подводящие к выводам:

1. «НМ» — реальнейшая сила нашей советской литературы, может быть, единственно способная как-то влиять, привлекать, что-то означать в жизни европейской (и мировой) литературной общественности.

2. Все, что предпринимают наши премудрые идеологи для приглушения голоса «НМ», оборачивается противоположными результатами. В частности, лишение меня «чинов» решительно повышает значение моего голоса — и не только там, но и тут.

3. Съезд или пройдет никому не нужным «юбилейным мероприятием» или хоть по швам треснет, если будет 2—3—4 серьезных выступления. Вчера был Симонов (с Алигер), он подал заявление о снятии своего имени со своего фильма (старое название «Ни убавить, ни прибавить») и говорит, что будет выступать, если дадут слово).

4. Дементьев, пожалуй, прав, говоря о коммюнике: «Тебя будут "доводить". Снять или отпустить нельзя — шум великий, а "довести" в конце концов можно. — Посмотрим.

Флюс, наметившийся еще в Риме, застуженный вчера, кажется, помешает сегодня поехать в город. Скажут: пьет с дороги.

4.IV. П<ахра>

К речи на съезде нужно готовиться — пусть даже эта речь лишит меня «Нового мира», именно: либо — либо⁴³. Коммюнике Союза от 29.III, собственно, еще один шаг по ущемлению журнала, еще одна акция официальной лжи, лжи неуверенной, многохитростной и своекорыстной, сработанной мудрецами из Отдела и предложенной Секретариату, «с которым легко работать» (слова Егорычева, обращенные на юбилейном обеде к К.Федину⁴⁴).

Подготовка к этой речи, собственно, уже давно ведется: большое письмо, речь на обсуждении «НМ», наконец, многие записи и то, что всегда на памяти⁴⁵.

Странно было бы мне выступить с отвлеченно-общими соображениями о путях развития, когда реальнейшее дело — журнал — в последний год (и до этого) является главным фокусом этих «путей», символизирует, т<ак> с<казать>, главную беду и главную победу литературы на нынешнем ее этапе. — «Ничего, ничего, молчание»⁴⁶.

Отчаянное письмо Миши (пусть даже стимулированное Антониной) понуждает безотложно взяться за статью о нем⁴⁷.

Еду в Москву, как и вчера, чтобы поймать Суркова или Брейтбурда (по крайней мере, упредить представление в фин<ансовую> часть «филькиной грамоты», подписанной и мною)⁴⁸.

7.IV.67. П<ахра>

Бесспорная ценность весны (как и всех других переходов годичного времени нашей полосы).

Третьего дня был длинный весенний день, ушедший в стариковские хлопоты по двору. Вылил 100 ведер (по лотку — в сад) из канализационного колодца, — к вечеру вода опять была на том же уровне — как ведром зачерпнуть без веревки. Решили не бороться с талой водой, сократить пользование водопроводом в доме до минимума.

День начался рано, часов с шести, и к 12 уже захотелось вздремнуть.

Читал дополнительные страницы Роя Медведева.

Подлинность этих фактов истории (напр., приведение в исполнение приговора Троцкому) как будто не вызывает сомнений, и истории все это понадобится непременно, м.б., тогда уже, когда труднее будет установить факты⁴⁹. А пока что — это труд и подвиг одного человека, не только ожидающего себе похвалы, но скорее, имеющего основания опасаться совсем другого.

Спускал снег с крыши сторожки, из-за недомогания Маши готовил обед (картошку отварил). За столом сидеть не хотелось. Вчера — утро было мозглое, туманное, санная дорога под высоковольтной линией рухнула, увязал в резиновых сапогах в взбухнувшей и размешанной глине. Редкие пятна раскатанного полозьями конского навозца на зимней дороге, что еще держится, возвышаясь над обтаявшими обочинами.

Вчера в Гослите. Удалось (при поддержке Жирмунского⁵⁰ и др.) сломить Элика Маршака в части расположения материала в томах. Тщеславная тенденция составить «классическое» собрание, где детский Маршак и Маршак-переводчик шли бы за оригинальным лирическим Маршаком вопреки хронологии и сути (его лирика родилась из его переводов). Но, кажется, придется писать и к Маршаку предисловие⁵¹.

А неотложности:

1) Предисловие к Исаковскому.

2) Страницы «Р<одины> и Ч<ужбины>» из тетрадей для IV т.

3) Выборки из дневников по «Далям» и «Т<ёркину> на т<ом> св<ете>»⁵².

Сегодня нужно ехать к 3 ч. отчитываться по Италии в Секретариат.

Вчера подобрал для «Юности» (письмо Полевого)⁵³ четыре [стихотворения] из «Зап<исной> кн<ижки>» («Старушка», «Волки», «Над ухом не дышите» и «Зимнее утро в лесу»)⁵⁴.

Сегодня успеть бы подготовить публикацию «Ленин и печник»⁵⁵.

Легчайший утренничек подсушил дороги и тропы, затянул матовым ледком мелкие лужицы, но подсушенная глина уминается под ногой, снег не держит — окунул левую ногу в кроссовке (матерчатые ботинки).

8.IV. П<ахра>

Вчерашний отчет о поездке в Италию на Секретариате. Подробно и я, и Сурков остановились на «гвозде в сапоге». Все, конечно, согласны про себя, но — ни звука в смысле возражения или согласия на словах. Федин понес было какую-то чушь непонятную в оправдание «акции», но запутался, сник⁵⁶. Чаковский уклонился от оценки работы делегации в КОМЕСе, но сказал, что голосует вместе со всеми. Все признали проведенную в трудных условиях работу удовлетворительной и одобрили ее. Был Беляев. Когда Брейтбурд привел слова из моего интервью «Эспрессо»: «Должен вас огорчить» и т.д. насчет «оппозиционности» «НМ», Беляев возликовал: «Почему это не напечатано нигде у нас?» (к Чаковскому)⁵⁷. Будем с Брейтбурдом лепить интервью для «ЛГ». Вчетвером — я, Сурков, Бр<ейтбур>д и Беляев (!) пошли в рест<оран> клуба выпить коньяку. По пути Беляев сказал, что нынешнее идеологич<еское> совещание проходило в совсем иных тонах, чем декабрьское, более умягченных. Это подтверждается его решимостью выпить с нами, что в иную пору трудно было бы представить себе. Однако за столом он вдруг отдельно мне, растепленный рюмкой: «А.Т., не тащите Лакшина в заместители — не пройдет». Я сказал, что Лакшин давно уже выполняет фактически эту работу, но что не за этим столом обсуждать такие вопросы. — Предстоит, по-видимому, исповедь у Шауры, Демичева и, м.б., Суслова. Между прочим, на этом заседании я сообразил, что и из Ленинского комитета меня потихоньку выставили — возблагодарим небо: я все ближе к своей собственной сущности.

Маркс о прусской подцензурной печати:

«Величайший порок — лицемерие — от нас неотделим, из этого ее коренного порока проистекают все остальные ее недостатки... порок пассивности.

Правительство слышит только свой собственный голос, оно знает, что слышит только свой собственный голос, и тем не менее оно поддерживает в себе самообман, будто слышит голос народа, и требует также и от народа, чтобы он поддерживал этот самообман. Народ же, со своей стороны, либо впадает отчасти в политическое суеверие, отчасти в политическое неверие, либо, совершенно отвернувшись от государственной жизни, превращается в толпу людей, живущих только частной жизнью».*

* Подчеркнуто А.Т.

Если господь бог только на шестой день сказал о своем собственном творении: «И увидел, что все хорошо», то цензурная печать каждый день восхваляет творения правительственной воли; но так как один день непременно противоречит другому, то печать постоянно лжет и при этом должна скрывать, что она сознает свою ложь, должна потерять всякий стыд» (из статьи «Культ<урная> рев<олюция> и культура» Пажитнова и Шрагина, к сожалению, в целом неудобной для нас)⁵⁸.

М.В.Исаковский.

Статька в 4-м томе никуда почти не годится. Однобоко, по-газетному краснословно — что значит 17 лет назад, да и слеплена из каких-то предшествующих опусов⁵⁹. Писать наново, привлекая по необходимости кое-что, напр. о «песне».

Подлинность поэзии *Исаковского* — необходимость ее появления в 20-х годах. О многих ли можно сказать, что они явились необходимым образом?

Поэтический строй, язык стихов Исаковского 20 гг. деревни — вторжение в исконную крестьянскую речь новых элементов — газеты, ораторских оборотов, лозунгов, новых учреждений, наименований. Смешение. Верно угаданный комический эффект претенциозного словоупотребления («Леса местного значения», еще ранее — «докладная записка» — не письмо).

Материал новой действительности.

Есенин. Деревня — не для деревни, а на иной спрос («Туески, кузовочки»), на потребу горожанина. Я не испытал влияния Есенина, п.ч. жил в деревне, откуда, как многие, рвался в город — с готовностью тосковать по ней оттуда — искренне или в подражание моде.

Исаковский, несомненно, воспринял влияние Есенина — без его кабацких мотивов: «Смоленские каменные пороги»⁶⁰, город, с каланчи которого видно деревню. Но все другое, чем у Есенина, — разрыв исконных связей — уход от земли уже не только на сезонные заработки, но и на учебу, и в аппарат, в систему «писчих» должностей — зарождение новой интеллигенции. Без хорошо усвоенной классической поэтической культуры можно было потеряться в этом мире языковых смешений. Нужно было быть выше ухажера сельского активиста, для которого «леса местного значения» были нормой интеллигентности.

Одиночество Исаковского на первых порах: ни Д.Бедный⁶¹, ни Маяковский (за немногими и незначительными исключениями) не вели [за собой]. Далек он был и от поэзии других слоев.

Непринятие Исаковского критикой при уже значительном «местном» признании его. Горьковская «рецензия»⁶². Значение поэзии Исаковского для меня: мир, такой не похожий на поэзию, стал поэтичным. Дымок с картофельного поля, запах конопли, изба — деревенская новь («Ореховые палки»).

Колхозная тема. Сдержанность и выборочность поэта. Для его поэзии бурный и трагический характер перестройки деревенской жизни был трудноусвояем.

От стихов — к песне. Отдавая должное его песне, нельзя не видеть, что мотивы его поэзии суживаются, остерегаются острой жизненной конкретики. Обращение к народным мотивам, стилизация. Поэма ухода — в сущности, прощание не только со старой деревней, но и с деревенской темой.

Поэт не обязан быть великим — достаточно быть подлинным, незаменимым на своем месте. То, что рождается из предпосылок заданной великости (Сельвинский). Один видный, но так и не пробившийся к большому читателю поэт говорил публично: «Я с детских лет дал себе слово стать великим поэтом, и стану».

Биография — «нужно было чудо, случай»⁶³.

Непретенциозность поэзии Исаковского, ее близость народному труженическому характеру, чуждому всякого горлопанства, ячества, фразистости, но в скромности таящей и мягкое лукавство, и обезоруживающий юмор. Юмор Исаковского. Тон рассказчика, кот<орый> не спешит сам смеяться.

Непритязательность — до самоограничения и даже обеднение. «Поэмы» Исаковского (несовершившиеся): «Земля» и еще что-то, откуда «Дайте в руки мне гармонию».

9.IV. П<ахр>a

Что-то плохо налаживается: встаю рано, пью чай-кофеи, гуляю, завтракаю, — ложусь почитать и задремаю. — Сегодня немного занялся снегом, какой-никакой приборкой. Миша работает, все подвезено, кроме стекла и антисептика. Опасаюсь, что не только весну, но лето отнимут эти работы при таких темпах — полдня работает, три дня не показывается. Все эти малые отвлечения от сосущей и грызущей денно и ночью думы, что дело дрянь, глупство и произвол, забирают силу. Легко представить, что на съезде будет

крайне трудно, если не совсем невозможно, выступать. Все подведено под адм<инистративно>-парт<ийный> ранжир — делегации из республик и областей придут во главе с секретарями ЦК и обкомов. О чем они пекутся, наши идеологи? Хотят все же перебазировать соловья на свой КП — не важно, будет ли петь и как. — Махнуть бы, махнуть на все, определить остатки сил на свое единственное дело — соблазн велик, но чует душа — не выход. А и так и так тяжело, а главное, почти безнадежно. Вот уже на Лакшина нацелились — «не тяните его в замы». А я думал, что из него еще главный будет, преемник мой.

Все хочу записать, как с годами становится все дороже сон, лежак, успокоение, освобождение от изнурительного мысленного пустоутробия.

Исаковский.

Начать с тезисов, с набросков.

Подлинность и самобытность поэзии Исаковского.

Самое трудное в немногих словах очертить эту самобытность — непохожесть и незаменимость его в истории советской поэзии.

С середины двадцатых годов, со смоленской газеты «Рабочий путь» одно за другим стали появляться стихотворения за подписью «Мих. Исаковский», мало-помалу привлекая внимание и интерес читателей города и всей Смоленщины. Это не был интерес только людей, имеющих какие-нибудь литературные притязания, скажем, пишущей молодежи, заваливавшей уже тогда редакции местных и московских изданий своими опытами в стихах и прозе. Это был куда более широкий круг провинциальной интеллигенции — учителей, студенчества, сельских активистов, комсомольских работников и культпросветчиков города и деревни. Для этих читателей, которым были знакомы имена таких главнейших современных поэтов — Д.Бедный, Маяковский, Безыменский, Жаров, Уткин⁶⁴, — имя Исаковского было новым, тематика и самые заглавия его стихов — «Ореховые палки», «Докладная записка», «Хутора», «Большая деревня», «Переселенцы», «Радиомост», «О гибнущих лесах», «Конокрады»⁶⁵ — не напоминали других поэтов, отдавали чем-то уж очень свойским, смоленским и, может быть, в первую очередь этим самым располагали к себе земляческие чувства. Так или иначе, но в два-три года стихи Исаковского пользовались уже большой популярностью, их ждали, появление их в газете было для многих ра-

достью, их заучивали наизусть, переписывали. Иные уже угадывали, что стихи принадлежат Исаковскому, если даже не показывать имени автора. Он не походил ни на одного из известных в ту пору и куда более знаменитых поэтов, за которыми уже и на страницах смоленской печати тянулись стайки местных подражателей. Разве что наиболее опытные и разборчивые из читателей отмечали близость Есенину, но и от Есенина, несмотря на некоторые очевидные черты сходства, в частности этот поэт решительно отличался в чем-то главным, существенном.

10.IV. П<ахра>

Ходил за тополевыми палками для посадки (в Дегаевском парке⁶⁶ сделали обрезку) по утреннику более крепкому, чем в эти дни. Обычный мой встречный — однорукий: — Тополь? Надо помоложе, тогда он быстрее. Я сажал.

К выступлению на съезде

Привел я эти бесспорные ленинские слова хоть и в изложении, заслуживающем доверия, но все же в изложении, и уже для многих из нас эти слова как бы не имеют полной силы: мало ли как можно изложить.

И невольно приходит мысль, что вряд ли великий Ленин был бы доволен тем, что мы малейшее наше утверждение спешим подкрепить цитатой из него, точно книжники-богословы из священного писания. Сколько раз повторяли: марксизм не догма, но неизменно обращаемся к нему как к догматическим текстам: гл<ава> такая-то, стих такой-то.

Однако мы не так точны и в цитировании, даже Ленина, когда нам встречается у него противоположное нашему привычному догматическому канону.

«Литература должна стать...», но далее у Ленина «слов нет, тут меньше всего места шаблону»⁶⁷, и т.п. Эти слова приводятся куда реже и как будто менее обязательные, чем те, что впереди. — И невольно приходит мысль...

(Исаковский)

Еще до выхода в Госиздате книги «Провода в соломе», ругательски разруганной «маленьким А.Лежневым»⁶⁸, а затем решительно поддержанной М.Горьким⁶⁹, Исаковский в своих краях пользовался завидной известностью. И хотя жил он в Смоленске и работал в самой газете, где печатались его стихи, он не считался смоленским поэтом в отличие от нас, местной литературной молодежи. Пусть стихи Исаков-

ского, изредка печатавшиеся в московских журналах и газетах, самой Москвой еще не отмечались особым знаком внимания, но у полюбившей своего поэта провинции были на этот счет свои оценки. Это была, как сказал бы сам Исаковский, слава в губернском масштабе, но слава, с которой могла равняться не всякая приезжая знаменитость из выступавших в этом городе, по близости своей к Москве издавна отличавшемся повышенными литературными интересами.

Одно из самых памятных и дорогих для меня впечатлений ранней юности — выступление М.Исаковского на губернском съезде селькоров, на котором я был делегатом⁷⁰. Я впервые видел и слышал поэта, о котором давно уже знал, не только по его стихам, но и, по случайности, от его учителя Горанского, обосновавшегося было в наших местах и показавшего мне печатные книжки, правда, очень уж тоненькие, своего ученика. Известность Исаковского не представлялась, как и всем его читателям, ограниченной пределами Смоленщины, — она смыкалась для меня непосредственно с именем моего тогдашнего божества — Некрасова.

На вечернем заседании съезда было объявлено, что выступит поэт Михаил Исаковский со своими стихами, посвященными съезду. По проходу, из задних рядов, прошел к трибуне высокий, узкоплечий и немного сутулый человек в темной блузе с глухим отложным воротником и поясом из той же материи, коротко остриженный, с высоким белым лбом над темными очками. Подняв белую, узкую, совсем не крестьянскую руку к очкам с некоторым даже изяществом, он уточнил, как бы в заведомый ущерб успеху, что стихов, относящихся к съезду, у него нет, он прочтет просто стихи, какие у него есть. И начал негромким, ровным, однообразно-напевным и раздумчиво-печальным голосом, произнося все слова с подчеркнутой правильностью как бы и не стихотворной речи:

Мать, не грусти об убежавшем сыне...⁷¹

Что там только было в этом зале, где сидели, собственно, отборные земляки-читатели Исаковского — которых я уже называл, — те самые политпросветчики, учителя и учительницы, комсомольцы вроде меня, главным образом составлявшие съезд, с выделявшимися там-сям живописными бородами сельских книжечеев и законников.

Исаковского слушали — я не говорю о себе, но невольно взглядывал на других, не в силах оставаться одному со своим восторгом и растроганностью, — слушали преданно-

самозабвенно и благодарно, как любимую песню, «ту, которую хочется слушать и хочется петь самому».

Пусть это впечатление юности, когда еще нечего было с ним сравнить, но для меня оно имеет неопровержимую силу образца поэзии, доходящей до самого сердца не тех, кто привычно воспринимает и оценивает ее, а тех, для кого стихи не входят, т<ак> ск<азать>, в каждодневный духовный рацион.

Исаковский прочел тогда лишь два стихотворения — «Матери» и «Ореховые палки», — и аудитория, не искушенная в приемах настоятельных вызовов на бис, с тем его и отпустила, не смея требовать большего.

Для меня самый предмет, само заглавие стихов «Ореховые палки» было подобно откровению: я не мог представить себе, что те самые ореховые палки, которые вырубал на всякую хозяйственную поделку и мой отец, и я сам — для мальчишеских затей, могут быть воспеты в стихах. И не один я в ту пору так чувствовал стихи Исаковского, видел через них тот преображаемый мир сельской жизни, что окружал меня и до этих стихов был чем-то отдельным и далеким от поэзии, известной по книгам. Но как ни трудно мне, говоря об Исаковском, обойтись без автобиографических ссылок, надо сказать о месте и значении поэзии в советской литературе, как это представляется возможным теперь, когда она в существенном и главном вполне обозрима.

Вернейшим признаком подлинности и значительности...*

11.IV. П<ахра>

С утра заморосило (после звездной ночи).

Размышления и раскопки в памяти в связи с «Исаковским» вплотную — без шуток — подводят, хотя, казалось бы, что тут неожиданного, — к ощущению и осознанию возраста. Слушал я Исаковского на съезде селькоров, пожалуй, более сорока лет назад. «Муравии» моей — свыше 30 лет. И т.д. Слова Вали: тебе под 60, которые года два назад еще рассмешили меня, теперь уже не смешат. Все еще готовлю рабочее место, строю, покупаю и ремонтирую дачи — вот и теперь отделяваю «библиотеку», где, кажется теперь, будет хорошо писаться, все еще было так, все еще имелась впереди длительная, безотрывная, «пильная» и продуктивная работа, а уже вот оно — под 60.

Статейка об Исаковском — больше обязательства дружбы и памяти юношеских лет. Но сделать необходимо.

* Запись не завершена.

Хотя, матушки мои, четырех томов там не из чего было лепить. Большое количество официально-праздничных совсем обявых стихов и полуфельетонов в стиле «провинции», совсем отболевших во времени. Но он — в лучшей своей части поистине явление самобытное и незаурядное. Только бы все это обсказать, не растекаясь по мелочам. —

Еду в город. Главное — редколлегия, 1-я после «реформы»⁷², главный на ней вопрос — статья Пажитнова и Шрагина⁷³. Потом — стекло.

«Мне думается, что в одно прекрасное утро наша партия, благодаря беспомощности и вялости всех остальных партий, вынуждена будет стать у власти, чтобы, в конце концов, проводить все же такие вещи, которые иметь непосредственно не в наших интересах, а в интересах общереволюционных и в интересах специфически-мелкобуржуазных; в таком случае под давлением пролетарских масс, связанные своими собственными, в известной мере ложно истолкованными и выдвинутыми в порыве партийной борьбы печатными заявлениями и планами, мы будем вынуждены производить коммунистические опыты и делать скачки, о которых мы сами отлично знаем, что они несвоевременны. При этом мы потеряем головы — надо надеяться — только в физическом смысле; наступит реакция и, прежде чем мир способен будет дать историческую оценку подобным событиям, нас станут считать не только чудовищами, на что нам было бы наплевать, но и дураками, что уже гораздо хуже» (М<аркс>—Э<нгельс>. Избр<анные> письма, 48, 70—71).

Из той же статьи Пажитнова и Шрагина.

14.IV.67. П<ахра>

Исаковский приостановился на третьей страничке, когда уже стало обозначаться дальнейшее и главнейшее. — Вчера ездил в город, сдал верстку совписовского однотомника, занялся тяжело заболевшим Кондратовичем — звонил и писал Воронкову. Тот предложил мне (вм<есто> члена комиссии Кондратовича) ознакомиться с резолюцией по «НМ», — «коммюнике» как бы не в счет⁷⁴. Я отправил было (велел сегодня отправить) эту штуку с моими заметками на полях и маленькой сопровод<ительной> запиской⁷⁵. Но, проснувшись околотрех часов, раздумался, спохватился, что необходимо дать, м.б., последний бой за «НМ» — написать замечания по проекту в виде решительной записки, — и против коммюнике, принятого без нас, и против резолюции, даже расширившей список злодеяний «НМ» и оставляющей

без внимания едва ли не центральный пункт моего доклада-сообщения на Секр<етария>те — Солженицын, «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>» — в какой их список отнести. Пусть побегают, и пусть даже кончится игра в прятки и меня освободят, но соглашаться с такими «ошибками» «НМ», как статьи Лакшина, «Ив<ан> Ден<исович>», «Т<ёркин> на том св<ете>», рецензии против М.Алексеева⁷⁶ и т.п., скреплять это своей подписью нельзя. Дело вообще идет к своему предначертанному концу — уже вчера цензура (Эмилия)⁷⁷ сказала, что Залыгин «пошел наверх»⁷⁸, т.е. невозможно даже надеяться, что обойдется добром, да и слухи уже есть, будто бы новосибирские идеологи уже усмотрели в романе искажение истории гражд<анской> войны в Сибири (как в «На Иртыше» была усмотрена тов. Степаковым ревизия истории коллективизации⁷⁹). — Когда решил оформить недвусмысленный протест против «резолюции», с души спала та муть неопределенности, что висела все время: вперед, к ясности. —

Гулял утром немного по лесу.

Отгремели по дымным оврагам
Торопливые воды весны,
И пошла она медленным шагом
В междуречье Пахры и Десны.
(под своим зеленеющим флагом?)⁸⁰

С бедным Дементом худо — шьют ему «использование служ<ебного> положения» и получение гонораров за «плановые» работы — ему, а не всем, кто делал то же самое. Подписал заготовленное Лакшиным письмо Федосееву⁸¹.

18.IV. П<ахра>

Все эти утра уходили на Исаковского — продвинулся по истоптанному страничек на 10.

Бесспорная прелесть весны зазывает к земляным и иным работам.

Маяковский в освещении (касательном) С.Алянского по сравнению с Блоком, читавшим в Политехническом без «второго отделения», т.е. ответов на записки, что было гвоздем вечеров Маяковского, и с огромным успехом⁸².

Демент о развеянии легенды о «подобрении» Ленина к Маяковскому (Крупская) после посещения Вхутемаса⁸³.

Привел слова Маяковского о Доронине⁸⁴, и вдруг подумалось, что и его он убил, как Молчанова, Кудрейко, Ми-

трейкина. Пусть все они стоят того, но все же. Вспоминаю, как, по рассказам, он оремизил без нужды Исаковского в См<оленс>ке, сидевшего на его вечере. — «Что вы думаете о поэте Исаковском?» — «А разве есть и такой? Не слышал».

Он мне несимпатичен не только как пишущему, но и как читателю просто, за исключениями малыми. —

Еду заниматься Кондратовичем⁸⁵, КОМЕСом — «ЛГ» добивается моего интервью насчет моих интервью в Риме⁸⁶. Иное бы дело информация, кот<орую> составил бы Бр<ейтбурд>. Но интервью — это меня ущемляет и ограничивает — все хитрости!

19.IV. П<ахра>

«пользовался завидной известностью»⁸⁷.

Как это могло случиться в годы повсеместного, почти повального увлечения поэзией Есенина и, как это обычно бывает при таких случаях, обостренным интересом к личной судьбе автора.

Лирика Есенина в своем апогее была огромным общественным явлением в том смысле, что она решительно вырвалась из пределов внутрилитературного существования и стала предметом внимания самых разнообразных слоев и прослоек общества — в первую голову городских, но как всякая мода доносилась в отголосках и до села. Стихи Есенина читали, распевали, переписывали и знали наизусть, находя в них выражение своих переживаний и настроений, люди самой противоположной общественной принадлежности — от бывших фронтовиков гражданской войны, рабфаковцев, комсомольских работников до бывших барынь, нэпманских дочерей, квартирных хозяек, произносивших фамилию поэта на «э» — Эсенин, представителей блатного и тюремного мира.

Никак нельзя сказать, что эта поэзия находила отклик в среде по преимуществу ущербной — бывших людей, богемы, нэпманских сынков и дочек, блатного мира и всяких подонков. Она бытовала широчайшим образом и в среде, составляющей самую передовую часть нового общества, — студенчества, рабфаковцев, фронтовиков гражданской войны, комсомольских работников, людей искусства, не говоря уже об огромном контингенте молодежи, тянувшейся к литературе, к стихотворству, между прочим, под непосредственным влиянием есенинской поэзии. Только в одной среде Есенин превозносился и восхвалялся открыто, в дру-

гой несколько потаенно (вроде выпивки, которая в этих кругах была делом запретным и предосудительным).

Напрасно было бы отрицать, что лирика эта обладала тогда и много позднее почти магической силой и широчайшим проникновением даже в сердца тех, где она уживалась, находила место рядом с лирикой Безыменского и Жарова с Уткиным, комс<омольских> поэтов. Правда, в тесном интимном кругу дружеских вечеринок лирика этих последних имела ограниченное звучание — она против есенинской была чопорной и пресной, да еще обязательной. Директивное осуждение «есенинщины» (это словообразование звучало почти как «чубаровщина»⁸⁸, да еще с политическим акцентом) и запретительные мероприятия тех и позднейших лет, в особенности после трагической смерти Есенина, как это неизменно бывает и не может быть иначе, достигала обратного желаемому — т.е. усиливала ее.

Точно так же, к слову сказать, противоположного желаемому результата достигала директивная канонизация Маяковского, возведение его всеми средствами в степень «нормы и образца».

За те десятилетия, когда поэзия Маяковского утверждалась в сознании общества всеми средствами печати, радио, школы, эстрады и мемориальных установлений (памятник, квартира-музей и т.п.), а поэзия Есенина почти не издавалась и всячески ущемлялась и даже охаивалась, — трудно сказать, какая из них больше приобрела и потеряла в своем значении.

Конечно, многое и в поэзии Есенина уже принадлежит только своему времени, многое отзвучало и обветшало и уже отчасти заглушено новыми явлениями литературной моды. Но я говорю о той поэзии Есенина, когда она была в своем времени и была самой преобладающей модой. При этом нужно подчеркнуть, носителем этой моды был поистине редкий поэтический талант, до которого так еще далеко нынешним носителям моды, уже заметно убывающей⁸⁹.

Все это говорится к тому, чтобы подчеркнуть, как не просто было в ту пору явиться в литературе новому поэту иного склада и направленности, чем есенинской, и объявиться не в столичных литературных кругах, а где-то в провинции. Нужна была большая и безусловная душевная привязанность и зависимость к тому новому, что складывалось в жизни и с особой наглядностью — в пореволюционной деревне.

И этому принципиально новому в поэзии Исаковского не помешало проявиться даже то, что очевидным образом воспринял некоторые элементы его [Есенина] формы, зная не зная о предтечах и учителях Есенина.

У Есенина долгим следом кометы тянулся хвост раздражателей и эпигонов, среди которых было немало настоящего талантливых людей (Ив. Приблудный⁹⁰). Исаковский не встал в ряды «подъесенинских поэтов» — отнести его туда не могла даже самая недоброжелательная критика.

За ночь высыпал тоненькой порошей снежок, заглодало, подскорлупилась грязь, — снежок так и лежит по обочинам шоссе и в лесу и даже на досках моего «солярия».

Мрачные мысли о предстоящем съезде, неприятные вчерашние разговоры с «Лит. газетой» по поводу моего интервью⁹¹, затруднения с устройством Кондратовича в больницу, гнетущая неясность всего дальнейшего и т.п.

Но «Исаковский» должен развиваться. Это сегодня утром пришло, что значительность появления Исаковского надо подчеркнуть напоминанием о том, *когда* и *как вопреки* господствующей моде явился он. Дальше — видно будет.

20.IV.67

Гулял рано по крепкому заморозку — прихватило в лотках березовик, воду в бочках, трава прошлогодняя и новая — где пробилась — припорошена инеем.

С малым перерывом — творческим сном после завтрака, сидел за статьей: написал новое начало — о признаке, значительности поэтического явления и ввел Есенина, с которым у Исаковского больше противоположности, различия, чем даже внешнего сходства (это еще нужно будет сказать). Теперь — на утро: выступление Исаковского на селькоровском съезде и т.д., до мастерства Исаковского, идущего от языка и жизни, далекой Есенину. — «Докладная записка» и т.д. до «вершин повествовательной лирики», а потом песня и зрелая лирика. О «Провинции» — мимоходом⁹².

Сочетание повествовательной живой, разговорной и песенной интонации, близость тому национальному характеру (крестьянскому), который и т.д. Юмор (из этого же «характера») — он же и в песне, — от народной песни.

Всегдашний фон старой деревни, выявляющейся вполне лишь при новой. —

21.IV

Встал в 5. Высаживал колья тополей и раkit. Одним тополевым колом попал в Антона⁹³ — мягко ушел кол, как в трясинок. Присыпал прошлогодней глиной.

За кофием в размышлении об Исаковском пришло:

Время, скорое на расправу
В меру дней своих скоростных,
Власть любую, любую славу —
Опрокинет — и прах от них.

Даже в памяти след изгладит
Скоростным своим утюгом
И оно-то не может сладить —
С чем — подумаешь — со стишком!

Уж оно его так и этак⁹⁴

23.IV

Вчерашний стишок, которому помешал Верейский:

Время, скорое на расправу
В меру дней своих скоростных,
Власть и ту, что от власти, славу
Упраздняет — и крест на них.

Время в памяти след изгладит
Скоростным своим утюжком.
И оно же не в силах сладить —
С чем, подумаешь! — со стишком.

Уж оно его так и этак
Норовит забвенью предать,
Сделать вид, что его и нету
Да и не было. Гладь-поглядь:

За каким-то минучим сроком
И у времени с языка
Вдруг срывается ненароком
Из того же стишка — строка.

Вчерашний день посвятил неотложностям весны на участке, главное, пересадил с помощью Евг<ения> Ант<оно-вича> большую черемуху, что стала не на месте, когда осенью перенес из-под осины в углу быв<шего> земляничника за дорожку — на место березы-тройчатки, а потом памятного пня ее. И как пересадили — посредством «вычейки» — сложной системы из двух ваг, моих козел и подкладывания под ноги им досок — с полным, почти нетронутым комом пудов, может быть, в 15. Вычывали вагами, обмотав ствол, чтобы не повредить, отводя раз за разом в нужную сторону — к подготовленной яме — на метр примерно, а то и больше — с легкостью. Макушку долой.

Странное дело: мне эта операция доставила живейшее удовлетворение, хотя никому, кроме меня, не понять бы ни этой нужды, ни этого достижения — как, напр., подошедшему и принявшему в ней участие В.Жданову, не знавшему даже, что это за дерево, и назвавшему то, что мы делали, выкорчевкой. Удовлетворение такое, как будто написал труднейшую, давно задуманную главу и хорошо поставил на место.

Весь день провел по-выходному, т.е. занимался по хозяйству, махнув на статью и на стол, похаживал, копался, попивая березовичок (Степановна: «От липы тоже березовик сладкий бывает»). Миша заканчивал пол в моленной, как я ее называю, пришлось перегружать книжки с полки, занавешенной кое-как перед ремонтом, — пыль, пот, а книжки до раздражения ерундовые в большинстве, в том числе с дарственными надписями — зачем?

2. VI.67. Пахра

«Что было, то было» (Мещеряков из «Сол<еной> пади») — около месяца — кошмарное бытие на ногах. Пропустил все предсъездовские «встречи» (Егорычев, Демичев, вызовы Шауры), на съезд явился в предпоследний день⁹³.

Демичев: Что же так, А.Т.?

— Ослабел.

— Нужно держаться.

— Да. Многомесячная психологическая бомбежка, — сорвался.

— *Но ведь любовь народа остается, а это главное.*
(Буквально!)

Лечение лопатой, приведение в порядок почты, понемногу чтение. Понемногу — возвращение мыслей к статье об Исаковском.

Возраст. Курение.

Более бессодержательного и нудного спектакля, чем этот съезд, — не придумать, хотя были попытки сказать что-то: Симонов, Гончар⁹⁶, особенно Кетлинская, кот<орую> я слушал и дивился поведением президиума⁹⁷. Старики — Федин, Тихонов, Соболев — «беспартийные, кот<орые> хуже партийных»⁹⁸.

Нет, нечего записывать, уже столько дней я трезв, но еще не отошел.

3.VI.67. П<ахра>

С утра вывез 10 тачек навоза от ворот к огороду, накрыл его лапником, выкорчевав елочку, которую с балкона давно наметил убрать — ходу ей под сосной все равно не было, но она как-то портила полукружие, вдавшееся в лесок перед крыльцом веранды, а в дальнейшем притемняла бы малое окно моей «биб<лиоте>ки». Вообще, за столом плохо сидится, за Исаковского еще не принимался, — живейшее желание, потребность не столько, м.б., тела, сколько души, — делать что, не думая ни о чем, вернее, думая только об этом, что делаешь, — навоз с дороги в кучу, прибрать, припрятить «хозяйство», напоить яблони и т.п. — наслаждение. Построили с Володей компостную скрытную [яму] — большое удовлетворение, куда большее, чем от версток, которые читаю через пень-колоду. И к концу дня — был или не был в городе — с величайшей отрадой укладываюсь на своем лежаке (сейчас холода — поверх одеяла бурка — добро). От усталости, от нерешенности и неразрешимости множества вопросов и дел, от безнадежности и тоскливого упадка — в постель, как в спасительный мир одной только телесной жизни. Старею — никогда так еще не ощущал возраст. —

Не забыть мне тот запах маленьких, еще в копейку, листочков березы, что шел от них еще до первого дождя. А я, дурной и несчастный, стоял на балконе, на том углу, где береза, и не знал, что с собой делать.

Письмо жены Даниэля⁹⁹ (всем секретарям союза и некоторым редакциям) о поездке на свидание к мужу (ст. Потьма). Вроде бы никаких ужасов, но охватывает тоска, все кажется пустым и ненужным, раз есть еще на свете эти зоны и «лишения ларьком и посылкой», и 50-рублевку в день — норма, и «воспитание голодом». Особенно такие продуманные ограничения, как запрещение делиться посылкой с товарищами (тот, м.б., «лишен ларьком и посылкой» за «поведение» или невыполнение, а тут ему хоть малая поддержка, и вообще, товарищество, солидарность — все это решительно пресекается).

Вчерашний рассказ Лакшина о Ясной Поляне — гибель парка (уже спилена липовая аллея, по которой гулял Л<ев> Н<иколаевич>, усохли «елочки», «засыпают» птицы) от хим<ического> завода, расположенного вблизи и по плану «большой химии», расширенного и реконструированного, оснащенного бельгийским оборудованием, но без «уловителей» (экономия!). «Об этом уже писалось». —

Ответил вчера согласием на письмо В.М.Чмелева и его жены и матери с просьбой быть крестным отцом их сына и внука, нареченного Василием «в честь героя бессмертной поэмы». Написал этому Васе книгу¹⁰⁰.

«Заметки о социалистической диктатуре» Р.Медведева («Тезисы. Черновик для предварительного обсуждения»).

Течения и группы в партии и вне партии в настоящее время:

1. Догматически-консервативное (сталинисты) (Стуруа, Трапезни<иков>¹⁰¹, Епишев, Егорычев.)

2. Умеренно-консервативное (надо полагать, «старики» в П<олит>б<юро>).

3. Партийно-демократическое (автор причисляет себя к нему. Инст<итут> истории АН, «НМ»¹⁰²).

4. «Западническое» (условно).

В выводах и предложениях очень умерен и осторожен. Действительно, как выбраться из этого болота — ума не приложить. «Эволюция»? — Пока солнце взойдет...

7. VI.67

Вчера у Шауры с 3 до 6.30. Записывать нечего, говорил по существу я, а когда он, то это было явным приемом отвлечения от темы:

«Когда я был секретарем Минского обкома...» — и про что-то, не имеющее касательства к делу.

Телеграмму Вигорелли насчет Солженицына прочел и вернул молча¹⁰³.

— Что же делать, Вас<илий> Фил<имонович>?

— Это я у вас должен спросить — ведь это все в компетенции Секретариата Союза — как вы там решите, так и будет...

Выяснилось из разных показаний, что на первом после съезда Секретариате возник вопрос о солженицынском письме и перепалка¹⁰⁴.

Салынский: Зачем же мы будем его отдавать врагам.

Грибачев: А он и есть враг, зачем он нам. —

«Диверсия» Солж<еницы>на, конечно, острее всего, что случалось до сих пор (Пастернак, Синявский), но вряд ли, несмотря на мировой шум печати и радио, у нас дело пойдет по линии общемосковских митингов и т.п.

М<ежду> пр<очим>, я сказал, что есть два варианта решения вопроса:

1) Посадить Солж<еницы>на, а заодно и меня, как крестного отца его.

2) Немедленно напечатать отрывок из «Ракового корпуса» в «ЛГ» со сноской: печатается полностью в «НМ».

Шауро: Раньше я сам был за печатание «Р<акового> корпуса» (!?!), а теперь — не знаю.

Единственный его вопрос: как вы относитесь к поступку Солж<еницы>на?

— Я бы так не поступил (250 экз. письма к делегатам съезда), но бросить в него камень не могу. Он доведен до отчаяния, терять ему нечего. Объявить человека *власовцем* и не давать ему возможности возразить, представить документы и т.п. Он был поставлен в условия вне закона. Хотим мы этого или не хотим, но речь идет об огромном таланте, по отношению к которому «мы» вели себя преступно.

(Пригодится: т. Павлов должен бы по суду отвечать за клевету, публично высказанную им и разоблаченную мной на другой день представлением в К<омите>т по Лен<инским> премиям судебного определения Военной коллегии Верховного суда по реабилитации Солженицына.)¹⁰⁵ —

Что будет, то будет. Делать Исаковского.

9. VI.67

7-го позвонил Воронкову: на когда назначен Секр<етариат>, где будет обсуждаться Солж<еницын>? — А вот сидим, совещаемся, К.А.[Федин], Г.М.[Марков]. — Не приехать ли мне? — Ох, хорошо бы.

Вызвал машину, жду, нету, звоню С<офье> Х<анановне> — оказывается, одна машина не дошла из-за поломки, послали другую, жду с Дементом, прибываем в Москву в 3 ч. Федин ждал-ждал, поехал перекусить к своей О<льге> В<икторовне>. Теперь я жду его, толкую с К.В.[Воронковым] и Г.М. Ничего не понимают, только чувят, что дело не простое, — уж когда в ЦК говорят: это ваше дело, как вы там решите, мы не можем вмешиваться, — значит, дело серьезное, по которому нет прямых указаний. По-другому — когда мелочь.

Высказываю этим секретарям свою идею парирования зарубежной пропаганды в связи с письмом: немедленно отрывок в «ЛГ» со сноской: «полностью печатается в ж<урна>ле» — каком ему угодно. Недоверие, опаска, скепсис, умолчание¹⁰⁶.

— Ну что ж, давайте тогда общемосковский митинг, предание анафеме, исключение из Союза, письма читателей и т.д. по образцу дела Пастернака.

— Нет, обстановка не та...

Приезжает Федин, начинает говорить какую-то чушь несусветную: ударом на удар и т.п.

— Ой, К.А. чтой-то не тогой-то...

Опять излагаю идею. Говорю, что все испытанные приемы — масло в огонь. Это они понимают, но мнутя, держатся уровня предполагаемого понимания высшим начальством с учетом эмоций последнего.

— Этак получится, что он своего добился. Прецедент. Значит, давай дальше?..

Но я говорю, говорю, повторяю элементарные вещи: «дело» посерьезнее Пастернака вместе с Синявским — прокламация, подписанная самым авторитетным на Западе русским писателем; каждый день оба его романа могут выйти там в свет, а это не «Живаго», которого большой читатель не одолел, — это будет колоссальный успех, и ничего уже потом не поделатъ. А в каком положении «НМ» и я лично? Естественно, что я не смогу оставаться редактором — тут уж толковать нечего, — это уже будет другой «НМ», «отклонивший» эти романы и занимающийся чем-то вторым и третьестепенным.

Вдруг Федин говорит почти то же, что я, но в плане коммюнике, признающего существование вопросов, поставленных в письме, отвергающего дискриминационные измышления о Сол<женицы>не, «не видящего препятствий к опубликованию "Ракового корпуса" и "вместе с тем" решительно осуждающего форму обращения к съезду, давшую материал зарубежным противникам».

Подхватываю, соглашаюсь написать проект коммюнике, — вчера отвез, прочел двум богатырям из 42-х¹⁰⁷ («Что-то есть»). Вчера же бумага была послана Федину. Он задержал ее до сегодняшнего утра. Страшно важно, чтобы эта бесп<артичная> руина подписала — тогда авось хоть что-нибудь в этом направлении получится. — Посылаю телеграмму Вигорелли: «Вопрос обсуждается на Секр<етариате> вновь избранного Правления», далее: «...нет оснований для большого беспокойства».

Разыскиваю Солженицына, оказывается, он в Москве. Звонит уже с вокзала.

Я: Приезжайте немедленно, серьезнейшие дела.

Он: Вещи уже в вагоне, поезд сейчас уйдет.

— Заберите вещи, сдайте в камеру хранения.

— Нет, я буду в понедельник¹⁰⁸.

Зверь! —

13. VI. П<ахра>

Многодневное томление предгрозовья и сухих гроз не разразились, как предсказывали, ливневыми дождями и даже градом, но пошел наконец и идет уже около часа (сейчас 8 (20)) неторопливый и довольно спорый дождик.

Утром косил лужайку, где просвет с дороги я засадил в первый же год елочками, а ныне (осенью — липки) тополями-колями и ракетами-колышками. Купался с Дем<ентьевым> и Верейским. Написал кое-как странички три Исаковского (почему-то решил сразу разделаться с «иронической интонацией»¹⁰⁹ — и нечего особенно распространяться. Дальше должно пойти интересней. Новая деревня в поэзии Исаковского и неизменный фон старой деревни (тема «земли»). Чем больше обозначались просчеты и недостатки колхозной жизни, тем настойчивее подчеркивался этот «фон», как бы из опасения, что кто-нибудь пожелает вернуться к старому.

В сущности (это вплотную пришло на мысль, как только начал писать эту статью), Исаковский — певец предколхозной деревни, первых предвестий будущего хозяйствования, но когда оно пришло, он не поднял этой темы, отозвался на нее стихами никак не лучшими, чем основной цикл «Проводов»¹¹⁰, а потом вообще ушел «в песню» — т.е. туда, где не требовалось большой конкретности, непосредственного дыхания жизни. Кроме отличных песен написал он немало и просто ремесленных «текстов» — вроде песен к фильму «Куб<анские> казаки».

В сущности, не принял, не воспринял коллективизацию, какую она явилась в натуре. Его «Мастера земли», и заглавие и стихотворение книги (3-й?), — апофеоз мелиоративных мероприятий, которые вполне мыслимы и без колхозов. «География жизни» (и др. подобные) — фальшивка, лучше не углубляться, то же — «Враг»¹¹¹. Как наглядно в его судьбе то ужасное свидетельство духовной несвободы поэта, его деградации. А поэт истинный, столько в нем было искренности, прямоты, и постепенно (тоже вполне искренне) он переходит к напряженному, вынужденному изъяснению на «положенные» мотивы. А вдруг — «Враги сожгли родную хату», «Летят перелетные птицы», «Сказка о правде», где бедная Правда говорит мужику, нашедшему ее за морями-горами в жалкой избушке:

А ты про меня-то — возьми солги¹¹².

Дождик прошел. — Голова вообще занята куда больше, чем Исаковским, развитием солженицынской истории. Вче-

ра, подготовив его один на один, повез для «беседы» в Секретариат (Марков, Воронков, Сартаков¹¹³, Соболев, я). Страшно обмануться, но кажется, что нет худа без добра — проект мой вроде как принят.

21.VI.67. Пахра

Исполнилось мне 57 лет. Это уже не просто немало, но оставляет позади рубежи, даты, которые уже были немалыми, — 40, 50, 55. «Старик лет пятидесяти пяти». А впереди очень уж непоправимо стоят и не подлежат никакому пересчету даты-зарубки, даты-ступеньки вниз, вниз. Через 13 лет (это такой небольшой срок, если подумать, что уже война за толщей в четверть века) мне будет, если будет, 70, и там 75, а дальше уже нарастающее неприличие старости. Не до игрушек. Силу достойным образом пройти остаток пути может дать лишь сосредоточенность на деле. Не должно мириться с мыслью, будто большая часть того, что я мог сделать, уже сделана и что теперь осталось только завершать и очесывать свой скромный стожок. В работе еще могут явиться и подарки судьбы, хотя не следует и обольщаться.

Преимущество «зрелого» возраста не только в том, что «бремя — понимать»¹¹⁴ становится привычкой, но и в жестокости условий: уже нельзя, невозможно врать, трусить, «лавуировать» из тщеславия или корысти (видит бог, не очень грешен по этой части) — пример иных нынешних стариков достаточно отвратителен.

Последнее время живу напряженно, но, откровенно говоря, с самим собой, хорошо, продуктивно. Пишу (уже 50 стр. на машинке), обдумываю статью об Исаковском, — дело оказалось деликатным: талант несомненный и ценный, но в ужасных шорах, в пределах потребного и дозволенного, с какой-то удручающей покорностью внешним установлениям и нормам, с невыходом за черту. — Справлюсь.

Истинная отрада — преобразования природы на участке, приведение всего в некую опрятность и благообразие, оценить которые или даже отметить в полной мере доступно только самому себе, — в малой степени — даже Маше и Оле.

За статьей об Исаковском, как обычно за всякой данной работой, в голове вспыхивают огоньки разнообразных новых или давно задуманных, но законсервированных работ.

Вдруг пришло начало «Третьего сада» («Дом на буксире»)¹¹⁵ — быка за рога, и в первом же предложении необычность и странность картины, требующие объяснений, настаивающие.

Трактор завели, он дернулся вперед, выровняв тросы в струну, но хата не тронулась с места (это «болванка»). Пока готовится новый рывок — изложение дела и т.д.

Как только добыю Исаковского — за Доп<олнительную> главу. В ней нужно будет поместить строфы две о том, что он, как отец, в ответе за сына и за дочь, это нужно едва-едва, отдаленным намеком¹¹⁶.

Затем еще глава есть в зачатке, в набросках к «Другу детства»¹¹⁷.

Нужно бы написать и смерть деда — зачин «Пана», от которого давать себе отсрочки уже дольше не годится.

Если будет возможность переиздания Собрания, вернусь к прежнему плану: поэмы в сопровождении соответствующих по времени стихов.

1. «Страна Муравия» + «Сельск<ая> Хр<оника>».
2. «Тёркин» + Фронт<овая> Хр<оника>.
3. «Дом», «Дали»¹¹⁸, «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>» + стихи. (Комментарий к последним двум.)
4. Проза.
5. Критика.

Если удастся напечатать Доп<олнительную> главу — протолкнуть отдельное издание «Далей»¹¹⁹.

Журнал. — Дело Солженицына. — Все условно, все в подвешенном состоянии. Если захлебнется — уходить.

2.VII.67. П<ахра>

«Июль — макушка лета»¹²⁰. Отцвела липа (как-то очень рано в этом году). «День пошел на убыль».

Исаковского сдал (в ж<урна>л). Писалось по внешнему, в значит<ельной> степени, побуждению и теперь не дает чувства удовлетворения работой незаурядной, хотя есть и в ней кое-что не мимолетное, напр., о «Слове т. Сталину»¹²¹. Встречено всеми, кто читал (Сац, Дем<ентьев>, Лакшин, Виноград<ов>), сдержанно. Был я, конечно, «на ограничителе» в том смысле, что всю правду, как о покойнике, сказать не мог, — дай ему бог жить и жить без этой «всей правды». Честный, талантливый, он тоже дитя эпохи, и некоторые его крестьянские заветы скромности, молчания («я этого не знаю») приобрели потом окраску «партийности», «дисциплины». Не знаю, как там с раскулачиванием и т.п., мое дело петь радость

колхозной нови. Какими вынужденными видятся сейчас стихи о кулаке («Враг»), хотя в свое время они казались даже «смелыми».

Что там произошло в субботу с «делом Солженицына» — неизвестно. Неизвестно также, мой ли проект там рассматривался, но что-то, по Воронкову судя, было там¹²².

Опять я, в связи с нынешним этапом «дела Солженицына», думаю и отчасти на словах в самом новомирском кругу развиваю положение о том, что теперь-то мне уже придется волей-неволей покинуть журнал. В самом деле: Солженицын, на котором сосредоточена ненависть начальства и «открытых его противников в лит<ературном> мире», а также заглавное злорадование тех литераторов, что не прощают ему его таланта, успеха, иной природы его личности, — этот Солженицын — самое прямое и непосредственное порождение «НМ» при моем «руководстве», при моем неустанном повторении своих оценок его таланту, при всем моем попечительстве о нем — вплоть до нынешнего проекта коммюнике Секретариата. Если он отвергнут и принята будет другая, противоположная точка зрения, «то не ясен ли вопрос?..»¹²³. Но дело даже не в этом, — у нас может быть и так, что и при ясности вопроса и без изъявления мною вины и раскаяния — меня не станут сейчас же снимать во избежание шума (Егорычева куда легче снять, и не только Егорычева!). Но жизни не будет. Если цензура запрещает невиннейшую повестушку Е.Герасимова¹²⁴, то при «ясности вопроса» о Солж<еницы> не уже неизвестно, что она вообще будет разрешать «Новому Миру». Да и пора, говоря по чести. Оставаться там можно лишь в случае невероятного поворота «дела» в духе моего проекта.

Маша говорит, что забывчивость и т.п. у нее оттого, что она занимается хозяйством «без удовольствия». А редактировать ж<урнал> без удовольствия — это уж вовсе беда и мука. А покамест так оно и есть и в перспективе — только так видится.

С куда большим удовольствием, рабочим подъемом, неизменным обращением мысли к предмету и т.д. я занимаюсь пересадкой елочек, поливкой весенних и прежних посадок, заготовкой дров, хотя их для камина с избытком года на три. Вчера поймал себя на том, как углубленно обдумывал сооружение новой помойной ямы взамен нынешней, которую нужно зарыть, какой находкой было соображение об использовании в сан<итарно>-гигиен<ических> целях битума.

И все же возможно, что при всех наихудших вариантах решения «дела» что-то позволит или заставит оставаться на месте, хотя — нет, нет, нельзя. Нельзя что-нибудь делать стоящее, не стыдное, примирившись с этой позорной историей. Солженицын, каков бы он ни был сам по себе, сейчас фокус, в котором судьба не только ж<урна>ла, но, как я это всегда понимал, всей нашей литературы. Либо — перелом, либо на долгие годы (а не до конца юбилейного года) мрак и уныние. —

Кроме силы привычки, свойственного возрасту нежелания перемен и связанных с ними хлопот (партучет и т.д.), еще меня удерживает и делает предстоящий уход дополнительно болезненным — усердие, любовь к журналу и способности к работе таких славных ребят, как Кондратович, Лакшин, а теперь и Дорош с Хитровым (Хитров — молодчина, не сглазить бы!). А третьего дня пришел из «ЛГ» Буртин, милый, и умный, и дельный парень, заявивший готовность пойти на 160 р. после литгазетских 240, не говоря уже о том, что он — часть моей биографии (история на станции Буй)¹²⁵. Жаль их бросить не только потому, что для них не последний вопрос и трудоустройство после «НМ», а просто жаль, что стоящие люди и с ними можно было бы какие дела делать. Последняя статья Лакшина (вокруг б<арона> Брамбеуса)¹²⁶ — прелестна: историко-литературный экскурс, а в то же время такая актуальность, такая приложимость к нашему дню и «НМ», хоть ни капли т<ак> наз<ываемого> подтекста, все чистый текст — никаких кукишей.

Тянет заняться «отцом и сыном» — внести мимоходом как бы и не имея в виду Светлану [Сталину], а так:

Сын за отца не отвечает,
Отец за сына — головой.

В каком ты горестном ответе
Сам — и за сына и за дочь¹²⁷.

4. VII. П<ахра>

В который раз говорю себе, что так тошно еще никогда не было, так смутно, непробиваемо, безнадежно, безлично вокруг журнала, и что дальше уже нечего ждать и нельзя терпеть.

Из кн<иги> 7-й задержаны Назаровым¹²⁸ три материала (Герасимов, Рошин¹²⁹ — обе вещицы невиннейшие и не

блестящие) — все это замена изъятых из нашего портфеля четырех больших, готовых к печати работ (Солженицын, Бек, Драбкина, Симонов)¹³⁰ — наконец, письмо в «Из ред<акционной> почты» по поводу генеральских нападок на записки Галлая¹³¹.

Нет, хватит. Ни пяди назад. Цензура запрещает, а мы, не слыша сколько-нибудь убедительной мотивации, не снимаем, готовим следующий номер (на мое письмо с просьбой изложить в письменном виде претензии к Герасимову Н<азаров> не ответил, а по тел<ефону> сказал Кондратовичу, что он не обязан это делать — жалуйтесь, мол, на него). А по поводу того, что к пятидесятилетию [Октябрьской революции] такой ж<урнал>, как «НМ», фактически перестанет выходить (а только-только подтянулись, что уже № 6 вышел!), по этому поводу пусть будет давать объяснения цензура.

«Дело Солженицына», как я и знал наперед, направлено «на доследование».

Воронков сказал вчера по телефону, что «все дело сводится к тому, чтобы Секрет<ария>т СП прочел Солж<еницы>на».

— Что именно?

— Ну, «Корпус», «Круг» и «Пир победителей». Я подробнее потом расскажу, здесь и Георгий Макеевич [Марков], но мы едем на книжную выставку.

— Скажите Ант<онине> Ив<ановне>, чтобы связала меня с вами, как только вы будете на месте.

— Хорошо. Непременно.

Звоню в конце дня раз, другой. Наконец небывалый еще случай хамства по отношению ко мне:

— У него деп<утатский> прием. — Т.е. он не может взять трубку.

Больше не звоню. —

Сегодня опять ехать в город, партсобрание редакции, бог весть — о чем говорить в связи с «Тезисами» о задачах ж<урна>ла¹³².

Перечитал «Отца и сына» — крепко. Выбросил две строфы из последнего зачина: «не досказал»...

Хотелось бы сказать, где-то, что он и на том свете —

в каком он горестном ответе

За сына — — и за дочь...

Как бы даже пожалеть его отцовство.

Надеяться на опубликование, по кр<айней> мере в юбилейном году, — нет оснований.

5. VII. П<ахра>

Был Солженицын, по моему совету позвонил Воронкову. — «Он на секретариате». Что за секр<етариат>, на который меня не позвали, хотя я был накануне в городе и сам звонил два или три раза? Поколебавшись, позвонил. — «На секретариате, но я позову». Воронков подошел, несколько уточнил «обстановку». Секр<етариат>, — сказал он м<ежду> пр<очим>, — проходной — текучка. Нужно в течение недели прочесть членам всего Солж<еницы>на и обсудить. «Четырнадцать человек за эти два дня уже прочли». — Значит, все 42 [члена Секретариата] будут читать? — Да, все. Вот только нет «Ракового корпуса», нет ли у вас? — Есть, но не знаю, как без автора, — начал было я, но все же согласился дать. Солженицын был тут же, он было то, сё, но мы с Кондратовичем дружно пугнули его: нельзя ни в чем отказывать, потребуют подштанники показать — нате! Ни от чего не уклоняться. — Тут же удалось уговорить его выбросить две фразы, одна из них о том самом «метастазе». Переписаны и подклеены странички. С<офья> Х<анановна> сама отвезет Воронкову. Предосторожность, кажется, уже излишняя: зашел Н.Б.Томашевский¹³³, сказал, что, уезжая из Рима — это уже было недели две назад, — не захватил экземпляр, но видел сигнальный (правда, это в журнале или сб<орни>ке вроде нашего «Литнаследства»).

Так или иначе, дело не стоит на месте, будет обсуждение, будет возможность высказать все, что нужно, под запись стенографистки. Из 42 едва ли 12 будут людьми, сочувствующими Солж<еницы>ну, но все равно.

И пункт 3-й — о дискриминации. Sic!

Партсобрание было отложено до четверга.

Справившись с «текучкой», собрался с Н.Б.[Томашевским] и Вл.Я.[Лакшиным] выпить «спримуту». На выходе из приемной — человек малого роста, совсем мальчик, но со щетиной небритой бороды и всем обликом лет за 30. В рубаше на выпуск. — «Вы Ал<ександр> Триф<онович>?» — Да, а что? — Вдруг он отступил и начал читать с выражением:

За далекие пригорки
Уходил сраженья жар.
На снегу Василий Тёркин
Неподобранный лежал...

и т.д.

Тут же он объявился моим земляком, пытался поцеловать руку, и стало ясно по запаху, что он сильно выпивши, —

возможно, «для храбрости». Едва отвязался от него, — шел вслед, читал из этой главы, хватал мою руку и уже начал напирать: — Ах, А.Т., а я думал, что вы человек простой, что вам свойственен гуманизм... — Я сказал, что пусть зайдет в четверг и что не нужно приходить в редакцию выпивши. Фамилия Петроченков — очень смоленская¹³⁴ — имя, кажется, Олег. Кому-то из моих спутников он успел сказать, что зашел, чтобы попросить «всю книгу». Я жалел, что он не сказал этого сразу, — не пришлось бы мне так бесцеремонно отстранять читателя-земляка. —

Цензура, Шаура, седьмая книжка, приунывший уже Хитров. История с письмом Виноградова (о статье Лакшина)¹³⁵.

6. VII. П<ахра>

В одной из недавних записей допустил грубую ошибку — липы только что зацвели. Вчера или третьего дня шли с Д<ементьевым> по островку между счетверенными аллеями лип, молодых, дегаевской посадки, но уже в полную силу деревьев, — и, не поднимая головы, по запаху меда и слитному звону пчел (точно сами липы тихо звучали всей своей листовняной массой) можно было понять, что липы в цвету. Медово-золотистые (светлого липового меда цвет) соцветьяца липы.

Все собирался затесать осину (у трифонового забора), угрожавшую своей мощной разветвленной корневой системой — всеядной и неистребимой — огороду, смородине, сиреням. В прошлом году зачистил ствол вокруг, даже подрубил вокруг легонько — ничего не показала, а нынче распустилась и темной зеленой листвой не отличалась от других осин; зачистил еще дважды вверх по стволу — ни хрена. Только вчера из нужника (дверь настезь — полное удобство, никого) увидел, что листва из темно-зеленой пошла вроде если не в желтизну еще, но в серость.

Мои утра и вечера, отрада отхода ко сну и отрада подъема. — (Отдельно!)

10. VIII.67. П<ахра>

Все откладываю сделать хоть малую запись, хотя период «утренних ужасов» уже позади, уже с неделю как освобовился от чада и бреда добрых трех недель; уже позади Лидия

Дмитриевна [Морозова], первое появление в редакции, неотложности с Гослитом и Совписом¹³⁶, и т.д. Откладывая, а знаю, что в силу психоза, образовавшегося за долгие годы — вся, в сущности, жизнь, — не смогу быть вполне в форме, пока не возобновлю записи, какие бы они пустяковые и случайные ни были.

Откинем все стыдные и горькие, ограничимся записью того, что относится непосредственно к «летописи» жизни журнала.

Третьего дня послал Шауре проспект на 1968 г.¹³⁷ с лаконичной сопроводителькой: «Направляю для ознакомления»...

Вчера, когда у меня в кабинете сидел Сурков, позвонил Шаура (сперва его помощник (!) Чернов: есть ли я на месте — будет звонить Вас<илий> Фил<имонович>).

— Получил вашу бумагу, советую воздержаться, чтобы не испортить дело.

А там, мол, будет все хорошо.

— Да, но при нашем запаздывании с выходом проспект может очень поздно дойти до читателей.

— Не бойтесь потерять в подписке — вы все равно не потеряете.

— Мы не боимся, пусть и потеряем немного, не в том дело. Но если дать без этих имен (Бек, Симонов, Драпкина), объявленных уже ранее...

— Да, они уже дважды у вас были объявлены.

— ...то будет понято так, что они запрещены.

— Вот и не следует печатать без них, иначе поймут, что вы от них отказались...

— Хорошо, мы отложим до № 9.

— Там видно будет. Я вот возвращусь из-за океана.

— Когда?

— Деньков через пять-шесть. Встретимся, еще раз обговорим.

Это, по-видимому, Монреаль, куда люди его круга ездят в качестве «туристов», чтобы и туристы были на выставке, и никаких опасений.

Между прочим, он сообщил мне, что завтра, т.е. сегодня, будет «поставлена точка» на фильме Симонова¹³⁸. Это бы хорошо, — хоть какое, а все же начало, за которым, м.б., решится хотя бы вопрос о «100 сутках».

Никогда не посещал журнал с такой безнадежностью, тихим отчаянием, апатией и мукой. Ясно же, что все к тому,

чтобы придушить ж<урна>л, т.е. убавить подписку, лишить его «необщего выражения» и сделать «ручным». Мысль об уходе неотступна, но все кажется, что, м.б., еще и еще протянуть, а вдруг что-нибудь переменится. — А весь гвоздь в «письме»¹³⁹. Суркову этого не понять и многим.

12. VIII.67. П<ахра>

Ходил утром разведать грибы — скудно: два подосиновика, один подберезовик (по-нашему «гриб»), несколько свинушек. Купались с Дементом. Вода свежее, но зато чиста и гладка. Деньки теплые, августовские вечера, даже к вечеру — предосенняя тишь, успокоение с какой-то трудно выразимой грустью, — вот-вот, кажется, услышишь хрипотцу петушков молодых. —

Дважды был во Внукове этими днями, первый раз — возил Исаковскому статью на прочтение (в верстке новомирской)¹⁴⁰, другой — с Машей отвозили Вале котенка. Не помню, записывал ли, что на том участке чувствую себя так, как будто я пришел с того света и гляжу, что тут и как без меня разрослось и переменялось. — Минуло, однако, 20 лет с той поры, как там мы с Михвасом строились, сажали прутики яблонек-двухлеточек, — теперь это огромные деревья, и яблоч, яблоч — безумие. —

На этот раз особенно и по-новому послышался возраст — вот уж и точно «под шестьдесят», как выразилась Валялет пятьназад, и тогда я смеялся. Странно: столько беды вокруг — в лит<ерату>ре, в журнале, а на душе при всем этом какое-то сладкое и грустное спокойствие — вдыхаю природу, жду почему-то осени — и в общем мне хорошо. Будь что будет.

Симонов прислал копию своего заключения по произведениям Солженицына — весьма «диалектическое».

«О романе "Круг первый"»

«...Сам объект изображения не кажется мне запретным — к сожалению, это тоже часть истории нашего общества в период жизни Сталина...

Но когда Солженицын переходит от изображения этой стороны жизни общества к другим сторонам его жизни и к другим людям, то здесь обнаруживается, что он, за очень редкими исключениями, не видит в тогдашнем общ<ест>ве, в сущности, никого, кроме людей, связанных родственными

узами с теми, кто сидит в тюрьмах и лагерях, и тоже в силу этого в той или иной мере являющихся жертвами, и кроме людей, которым сложившееся положение в большей или меньшей мере удобно и выгодно и которые в конечном итоге являются или фактическими, или моральными пособниками тюремщиков...

Если принять на веру такое изображение нашего общества тех лет, станет совершенно непонятным, почему это общество после смерти Сталина не пошло по его стопам... почему оно вместо этого ликвидировало лагеря, освобождало заключенных...

...Я не приемлю этот роман в самой главной его отправной точке, в его неверии во внутреннюю здоровую основу нашего общества, которая присутствовала в нем всегда, даже в тягчайшие периоды...»

О «Раковом корпусе» мягче:

«Мне многое нравится в этой талантливой книге. И ее достоинства в моих глазах перевешивают ее недостатки»¹⁴¹.

13.VIII. П<ахра>

Со вчерашнего дня переписывал главу на вшитые в книжку «Далей» листы. Когда долго ничего своего не делаешь, то и такая работа — радость. Глава улежалась. М.б., строфы вступления все опустить, — покамест вычеркнул две. Кое-что по мелочам поправил внутри, а сегодня утречком, до купанья, вставил начерно:

...Ему видней.

Ему известны все начала
И все концы, само собой:
Сын за отца не отвечает,
Отец за сына — головой.

Но для него утратил силу
Тот вывод — день сменила ночь.
И не в ответе он за сына,
Ах, ни за сына, ни за дочь.

Там, у немой стены кремлевской,
Покоем вечным огражден,
По счастью, знать не знает он,
Какой лихой бедой отцовской
Покрыт его загробный сон...¹⁴²

Это дубовато, но очень существенно, не только в смысле сцепления с последним политическим мотивом сталин-

ской темы (Светлана), но и мотивом как бы жалости к нему в его поистине лихой отцовской беде. —

Деньки благословенные, на душе грустно, но ровно, сплю отлично, — купанье, пила, лопата. —

14. VIII. П<ахра>* [...]

С ходу что-то добавил, но все это на живую нитку. Где-то есть этот отрывок в более развернутом виде.

Купанье под осень, как жизнь под конец, — не хочется и дня пропустить, не то что где-то в середине лета, когда можно и пропустить не только день, но и неделю.

С утра прошел вдоль нашего оврага — принес один боровичок, три «гриба» и еще три какие-то «поддубовики», что ли. С самого утра подправлял вставку в главе — не очень плотно приходится, но ничего. —

16. VIII.67. П<ахра>

Читал главу в «Юности»¹⁴³. Кроме Полевого, было человек 10 — зав<едающие> отделами и неизвестные мне «наши поэты». Слушали очень хорошо. Обсуждения, конечно, не было. Были вздохи, как после задержания дыхания, и слова: «Святая правда», «Это и для Твардовского сильно»... Потом все, кроме Полевого, вышли, говоря: «Спасибо». Я тоже благодарил за внимание. После долгих сроков неписания и упадка духа, особенно в течение последнего «раза», было хорошо вновь почувствовать себя писателем, слово которого кое-что весит, который еще нечто пишет, а не только «переживает».

Полевой сказал, и этому можно верить, что он пойдет «наверх», к М.А.[Суслову], к Л.И.[Брежневу], и будет говорить, что эта вещь очень ценна для молодого читателя и что она, помимо этого, обладает большими художественными достоинствами. Но что он как реалист знает наперед, что ее задержат на первом же рубеже Главлита и она может кануть в небытие, уйти в разряд запрещенных вещей. — Я, — сказал он, — буду считать счастливым день, когда смогу сдать ее в набор...

* Здесь А.Т. переписывает из Рабочей тетради 1955 г. черновой фрагмент поэмы «За далью — даль» «А помнишь ночью предосенней...» (запись от 13 сентября).

А я загрустил: не разрешат, она поперек нынешним, руководящим настроениям, а если вдруг случится чудо, то будет жаль, что не в «НМ», хотя это пустяки, это разумный тактический путь, пусть другие хлопочут — не я сам, — а где бы ей ни напечататься — хоть в 2-миллионной «Юности», хоть в «Дружбе [народов]» с ее ничтожным тиражом, хоть в «Лит<ературной> России» — все равно. Мысленно уже подклеиваю врезку в конце третьего тома — он сразу станет «толще». —

Заходил вчера Солженицын: ясный, бодрый — нового ничего, где-то (я не расспрашивал) сидит, работает (не в Рязани). Под конец разговора спросил: нельзя ли заключить договор на «[Раковый] корпус», тот самый, который мы ему всячески предлагали подписать, когда он забирал рукопись после обсуждения второй части на редколлегии. Но теперь, когда «вопрос решается» и бог весть как еще он может вдруг разрешиться, оформлять договор — будет стук и звон. В таком духе я и сказал ему о затруднительности, но что, мол, мы что-нибудь придумаем¹⁴⁴. Тут он клятвенно стал уверять, что он не в претензии, если это сейчас трудно, но он не хочет никаких ухищрений («новая повесть» и т.п.), а чтобы прямо было написано «Раковый корпус». Это он пу-скал, как говорится, пробный шар. — До Воронкова не могу дозвониться — то обедает, то в ЦК (что они там делают, во что играют, воображая, что «направляют процесс»!). Шау-ры тоже нет. —

Этот отрывок «Ночью предосенней» можно развивать в таком плане, что мы, отправляясь в свои «дали», думали не иначе, что пуня, и все это так и остается на месте, ждет нас в своей захолустной смиренности, как память царства, нерушимым и неизменным. Но когда мы покинули эти края, они тоже не остались на месте, они были брошены в свои «дали», они пошли через все потрясения и кавардаки коллективизации, экспроприации, оккупации и т.д. И пуньки той уж нет. Но есть на свете запах сена и августовский звездопад. Но если бы все оставалось неизменным, бог знает, хорошо ли это было бы. Нет, здесь уже что-то не ясно. —

Приехав вчера из города, не стал обедать (перекусил с Полевым в ЦДЛ под сухое беспоследственное винишко), а пошел за Дементом и на остров — купаться. Вода чудная. Август жаркий, грибов умаление — сушь в лесу. Третьего дня, когда ходили в лес с Гердтом¹⁴⁵ и его друзьями, в лесу было душно, я взопрел в своей ковбойке, — становился под Ольгин душ, но это ни в какое сравнение с купаньем. [...]

19. VIII.67. П<ахра>

Встал в пять, но, глотнув кофе и закурив, не сел за стол, а занялся поливочными хлопотами — перетаскивание шлангов от дерева к дереву, подкладывание под струю кирпичин или чего другого — чтобы струя не пропарывала дырок в приствольном кругу. Потом убрал давно намеченную березку, потом стал переносить елочку к забору, но прежде нужно было выкорчевать пень ольхи, днями спиленной (елочка из-под нее), не губя по возможности корней елочки, — кое-как вырвал ее с односторонним комом — пенек сидел очень близко, — перенес, посадил в мокрую ямочку и полил, — «пойдет дерево» (Сталин!). Так до купания с Верейским и Дементом. А после плотного весьма завтрака опять задержался на участке, а потом сморился, прилег, подремал — и утро ухнуло. И сейчас сижу, скоро обед, а там задумал: прибраться с крыльца листы фанеры, то, сё. А вечером опять пойду купаться, — последние деньки такие — жара, вода чудесная.

Третьего дня ездили в грибы с М<ашей> и Валей (Вороново — и направо). Грибов мало, но все же привезли боровиков до полсотни. Мне бог послал «местинку» — под липовой купой, выступившей на полянку полуостровком леса. В траве — темно-коричневые, среднего возраста, крепкие, один за другим 14 шт<ук>. С предыдущими уже у меня было 19, но Маша пересчитала — 18 и после перекуса устремилась в том направлении, откуда я принес.

При ее неуклюжем характере она, как мне потом было ясно, решила превзойти меня, привычно считая, что я во всех смыслах человек нерасторопный и т.п. Лучше б я не считал и не показывал свои боровики! Ушла она в полдвенадцатого, в два мы с Валей, уже давно вернувшись из своего захода, стали беспокоиться, стали трубить, стал я кричать на весь безлюдный лес, ходить, кричать и опять трубить — что охотно делала Иринка¹⁴⁶, забираясь в машину. Нет и нет. В 3 ч<аса> выехали с Н<иколаем> Ф<едоровичем>¹⁴⁷ на просеку высоковольтной линии — в одну, в другую сторону — нет и нет и чужих голосов нет. Валя, вижу, сама не своя. Поехала она, сколько позволяла прогалина, в лес. Неподалеку от нас был «Москвич», возле него женщина, — я уже мимо нее проходил не раз. Вале она сказала, что к ней подходила седая женщина, говорила, что заблудилась, что «мы с собакой» и т.д. Но Маша не седая настолько, чтобы это было ее приметой, а кроме того, собаку я видел в лесу — вроде овчарки, нет, думаю, не то. Наконец, в 5 ч. поехали мы с Н.Ф. на шоссе, вспомнив Дементя, который ждал нас в другой деревне, когда потерялся, перепугался и, выбравшись из леса, по-

шел с пустой корзинкой в деревню — про это мы анекдоты рассказывали. Выехали (кстати, напились воды у колодца на развилке — ведро было на цепи, — вода хорошая, холодная). Махнули влево, в сторону Москвы, проехали до конца, до «композиторов»¹⁴⁸, повернули обратно. Я уж и не хотел ехать в другой конец — в сторону от Москвы, но Н.Ф., спасибо ему, говорит: давай уж проедем. Едем-едем, деревня кончилась, шоссе пустое в горочку поднимается — безнадежное дело, давай, говорю, разворачивайся, хочется и на место поспеть — вдруг пришла уже. — Нет, — говорит, — вон идет кто-то, не то мужчина, не то женщина. Я надел очки, смотрю в верхние стекла: женщина и с чем-то на руке — с корзиной. Ближе, ближе — она. Не забыть мне ее, измученную, бредущую по жаркому шоссе, с непокрытой головой. Я уж не стал ни острить, ни попрекать. Как я и боялся, было ей и худо от жары — где-то в грязной речушке она помылась, попила, вышла на шоссе — бог весть какой круг загнув, наголосовалась — никто не берет, пошла на остановку 231-го. Денег ни копейки, решила просить кондукторшу довезти так. Но думает, знает, что мы не тронемся из лесу, не дождавшись ее. (Зовут обедать.)

20.VIII

На обратном пути к лесу, у колодца на повороте с шоссе, я спросил, не хочет ли она попить. — Да, да, — живо и расстроганно отозвалась она. Напившись из той же бадейки, она достала в машине бутылку (из-под молока для Иры), помыла ее и наполнила водой. Валя тоже хотела пить, а остаток воды дали в кружке Куньке — она жадно лакала.

Мне казалось, что потрясение, пережитое ею, никогда не признающей за собой какой-либо слабости, оплошности, — и не без оснований: в лесу она ходит смело, уверенно, никогда ничего подобного с ней не случалось (или она не признавалась), — потрясение это точно бы привело ее к «раскачанию», к перемене характера.

— Да, да, — говорила она, — нужно договариваться на такой-то час возвращения к машине и не нужно далеко от машины отходить.

Видимо, она пережила очень тяжелые часы. Я знаю, как мучительно плутание, обманчивые выходы и возвращения на старое место (Барвиха, когда я на такси возвращался в санаторий, черт знает где выйдя на шоссе) и т.д. Но это еще одно, когда здоровый человек и некуда спешить, никто не ждет, а когда тут и сердце, и голова на жаре, и беспокойство за ожидающих, и просто страх...

На утреннем купанье с Дементом. Началось с замечаний Вали по статье Лакшина¹⁴⁹. Она особенно напирала на неправильность характеристики «Отеч<ественных> зап<исок>» как органа революционной демократии (это мы с Сацем уже поправили). Другое дело, говорит она, «Современник», идеи крестьянской революции, а это журнал демократический, широкий, рассчитанный на разнообразные круги, от шестидесятников до либеральных народников, и нельзя принижать Михайловского.

А потом, говоря о цельности идейно-политической «Современника», Дем<ентьев> напомнил простую вещь, что эта цельность обошлась, между прочим, в потерю Толстого, Тургенева, Островского. Да, десятилетиями мы любовались и превозносили эту «партийность» Некрасова и др., считали ее образцом, но минул век, и откуда больше мы огребаем наследство — от Толстого и Тургенева или от Н.Успенского с Решетниковым¹⁵⁰. Цельность — она тоже оплачивается дороговько. Ныне в интересах цельности травят Солженицына втихомолку, как травы, загоняли в гроб и просто убивали столько талантливых людей, за которыми теперь листочки подбираем. Это у нас как-то на купанье же был разговор о том, что литература очень живуча, неистребима. Проходят годы, и в ее строй возвращаются преданные анафеме, обозванные «врагами народа» и т.п. Утешительно, но это, это чаще всего происходит посмертно.

Вот и партия добивалась целостности, монолитности, истребляла инако- и мнимоинакомыслящих, распознавала давние стершиеся знаки какой-нибудь замешанности, «связей» и т.п. и на наших глазах, на нашей памяти перестала быть партией в смысле коллективной мысли и воли, а превратилась в «аппарат», подающий остальной инертной массе членов ее готовые «тексты», выводы, решения. Боже мой, это совсем-совсем не то, что мы представляли себе, вступая в ряды партии.

Замечательно, что Сталин применял принцип материальной заинтересованности в социализме прежде всего к верхушке руководства и «аппарату» сверху донизу, увязал их в окладах, пакетах, квартирах, машинах, дачах, почете. Потом принялись также подкупать ученых и писателей, — ешь от пуза, а вздумаешь отказаться — пеняй на себя, есть и кнут. —

Третьего дня мне вместе с очередной посылкой С<офья> Х<анановна> вручила конверт с премией — 128 р.,

и соответственно окладам, кажется, всем остальным в редакции. Журнал выходит с опозданием на месяц, а то и больше, журнал вообще закрыть бы — столько он доставляет беспокойства и неприятностей, а тут премирование — за своевременную сдачу материалов, словом, «реформы в действии». Правда, это из доходов журнала, из них же кредитуется и целиком убыточная «Дружба [народов]». Что тут можно понять? —

21. VIII. П<ахра>

Надо писать Маршака — это неизбежность, и, следовательно, нужно обрести в этой работе интерес¹⁵¹.

1. Вступление. Если не найдется ничего более свежего, то можно начать:

О Маршаке много писали при жизни его и еще больше после смерти. Это теперь уже не только статьи или рецензии, посвященные его стихам, переводам, пьесам, литературно-критическим работам, но и воспоминания дружески близких поэту по многообразным его литературным связям и сотрудничеству в редакторской работе. Проводив его до могилы, эти люди, да и не только эти, конечно, как это бывает с безвозвратным выходом из привычного круга понастоящему крупной личности, невольно ощутили, почувствовали значительность потери, постигшей их, [которая] намного превышает ту высокую оценку, какой он по заслугам пользовался у читателей и писателей, особенно в последние годы. И т.д., о его месте и значении и общий портрет.

2. Поэзия для детей, самых демократических и неподкупных ценителей поэзии. Взрослым нередко свойственно притворное или самовнушенное восхищение чем-нибудь таким в поэзии, что само по себе и не влечет их душу, но чем восхищаться положено модой или иными условностями.

Ребенок или подросток не имеет ни охоты, ни расчета притворяться очарованным тем, что ему скучно или непонятно. Эта особого рода требовательность маленького читателя обязывает особым образом. Такого читателя не подвигнешь на более активное восприятие скучной для него книжки пояснением, что это, мол, романтизм и т.д.

3. Переводы, нелюбовь Маршака к этому слову и правомерность этого.

Вершина переводческого искусства Маршака — русский Бёрнс¹⁵². М<аршак> не нашел бы к нему дороги без опыта стихов для детей. Бёрнс его любовь с юности, но с жаром он взялся его переводить, как мне кажется, после выхо-

да книжки переводов бёрнсовской лирики Щепкиной-Куперник¹⁵³. «Не так!» М.б., только ссылка на мою статейку «Р.Бёрнс в переводах Маршака», м.б., «встройка» ее в эту большую¹⁵⁴.

Гёте и Байрон о Бёрнсе.

4. Пьесы. 12 месяцев — главный момент. Пусть летом будет лето, зимой зима... и т.д.

5. Лирика поздних лет. То, чем обычно начинают, у него проявилось перед концом.

6. Фельетоны, плакаты, надписи.

7. Литературно-критические статьи («Воспитание словом»).

(Он не был белоручкой, не был стихотворцем, который боится потерять поэтическую особенность, обратившись к прозе.)

22.VIII. П<ахра>

Собрался с вечера в связи с дождями — теплыми, легкими, прерывистыми, гриботворными — в наш лес. Встал в четыре — дождь и темень, дождь, правда, уже затихает. С перерывами кропит он пересохшую природу уже 3-й день, уже вода из водостоков — чистая, редко вынесет желтый листочек (из ранней желтизны), соринку.

Вчера дважды купался, отчасти под дождем — вода побанному «летняя». Собственно, идет мой санаторский месяц — купаюсь, кошу (вчера выкосил в ближнем садике отаву и перенес прямо в компостницу), пересаживаю елочки (к забору от Трифонова¹⁵⁵ подчищенный лесок просквозился и победнел), пилю, колю дровишки и т.п. Читать удается мало. Мысли о журнале грустные. Вчера позвонил Кондратовичу, чтобы задержали рассказец Сёмина (по-видимому, автобиографический) — эпизодец из жизни освобожденных из-за немецкой проволоки (угнанных туда на работы), помещенных за нашу проволоку и работающих впредь до проверки на демонтаже немецких предприятий. Ужасная правда, но взятая совсем уж отдельно ото всего¹⁵⁶. Сунуть в цензуру — пойдет дальше, и парня можно окончательно погубить. А ясно, что иначе он не может и не должен ныне писать о том, чего он никогда не забудет. — Светлеет, дождик совсем притих, пойду обуваться в резиновые [сапоги], пройдуь неподалеку. Так вкусно живется, если не думать ни о чем, кроме дров, грибов и ямочек к осенним посадкам.

23. VIII. П<ахра>

Отметки вчерашнего дня.

1) Звонок из Иностранной комиссии по поводу исландца, приехавшего с письмом Лакснесса Морозовой¹⁵⁷, в котором будто бы Лакснесс просит ее помочь ему встретиться со мной. Я было согласился, но когда позвонили второй раз и сказали, что исландец приедет в редакцию без переводчика и без сопровождающего от Комиссии, да еще сообщили, что сей исландец был задержан в аэропорту, поскольку вез письмо Фурцевой (от норвежских, что ли, писателей) по поводу ареста каких-то пяти писателей (назвали одну фамилию — вроде Гинзбурга)¹⁵⁸, то я сказал, что исландец этот мне ни к чему и нечего дела такие подсовывать мне. «Хорошо, мы ему скажем, что вы его не сможете принять», — т.е. опять же пересунуто это дело на меня, и Лакснесс может понять этот мой отказ по-своему. —

2) Звонок из той же комиссии человека с незнакомой фамилией (там разор полный и растерянность младших в отсутствие старших): читал ли я завтрашний номер «Литгазеты»? (Оказывается, между прочим, что «ЛГ» выходит не в среду, а во вторник, но не поступает в свет, а лишь по начальству для обеспечения безошибочности и снятия редакцией с себя ответственности за содержание номера: читали до выхода в свет, замечаний не было? — Все. Неплохо придумано, ибо нет же на свете человека, который мог бы прочесть 16 полос этого крошева в течение одного дня. Так что и с начальства снимается ответственность: да, номер получен был, но прочесть за текущими делами не было возможности.)

В этом вчерашнем-сегодняшнем номере статья «Синьор Вигорелли в гостях и дома». В Союзе, говорит тот же голос, номер этот, как обычно, широко распространен, «есть и у Лихтенула»¹⁵⁹, но я, секретарь Союза, не получал никогда. Звоню Воронкову, он все еще болен, на его месте некий Соколов, он не может отойти от телефона, чтобы изыскать газету. Звоню Сырокомскому¹⁶⁰, кстати, объясняюсь по поводу его предложения опубликовать «самое дорогое» из получаемых мною писем читателей (письменный ответ после этого похерил) и посылаю за номером.

Тут звонит Беляев (звонивший накануне в редакцию) по поводу этой статьи в «ЛГ»: «Вы в курсе?» — Не в курсе, сейчас только послал за номером. — «Мы советовались с Борисом Сергеевичем Рюриковым, первый вариант забодали». — Почему же было не посоветоваться с вице-президентом

Сообщества? — «А разве с вами не советовались?» — Словом, ясно было, что со мной «советуются» как раз сейчас, по выходе газеты. — Значит, говорю, Сообщество мы теряем? — «Ну что ж, надо же давать по зубам, не все же нам проглатывать. Вы же знаете, какие гнусные статьи опубликовал Вигорелли?» — «Ничего не знаю». — «Вам разве не присылали?» Хорошо, я сейчас скажу, чтобы вам прислали из «ЛГ».

Пробежав статью, еще до прибытия вигореллевских статей, позвонил Беляеву. Знаете, говорю, большая тактическая ошибка, что автор укрылся псевдонимом «Литератор», тогда как Вигорелли подписывается своим именем. Он не преминет этим воспользоваться. Чего боится наш автор, от кого он скрывает свое имя — от своих или от «Запада»? Или, говорю, фамилия у него уж такая неприличная. Уж лучше бы статья была редакционной. А так — бок подставили. — «Да, я им тоже говорил...»¹⁶¹

Между тем редакционный день я начал со звонка Шауре, имея в виду спросить, как же быть, наконец, с проспектом. Милая Антонина Васильевна, поликарповская еще¹⁶², сказала, что он будет через час и она тотчас соединит меня, но позвонила вскоре и сказала, что, к сожалению, с 3 ч. он будет на Секретариате и уже не вернется в отдел. Это было еще до 2 ч., т.е. он мог не только поговорить со мной по телефону, но и принять меня для «задушевной беседы». Сегодня попытаюсь позвонить ему отсюда.

Статьи Вигорелли в «Темпо». Первая — «Советские писатели научились буксовать» о съезде писателей, с экспозицией о внешней политике СССР, более интересна, и главное в ней — письмо Солженицына¹⁶³, о чем «Литератор» ни звука, если не считать процитированной им полуфразы «об одном романе».

«Съезд нельзя назвать удавшимся, но все же он помог вскрыть и понять некоторые подспудные моменты, которые обычно не проявляют себя... Прежде всего важно уже то, что в огромном историческом зале Кремля собрались больше тысячи писателей не только из Москвы и Ленинграда, но из самых различных уголков Советского Союза... Здесь можно было почувствовать пульс всей России, особенно если вслушиваться не столько в выступления с трибуны, сколько в разговоры в кулуарах и во время различных неофициальных встреч, где высказывал свое мнение с виду однородный, а в действительности противоречивый и беспокойный легион так называемых "инженеров человеческих душ". Кстати, хочу оговориться сразу же: душа, вечная душа Святой Руси значительно поднялась в цене на фондовой бирже СССР. Но об этом мистическом возрождении души,

которое дает уже чувствовать себя повсеместно, я расскажу позже (это во второй статье "Полуночные христиане" — о поездке в Загорск, — в которой он всерьез говорит о возрождении у нас религиозно-мистических настроений, да в среде партийной, тайком посещающей церковь и т.п.), хотя самая большая и мощная "спиритуальная" бомба взорвалась именно на пороге съезда писателей: я имею в виду "Открытое письмо" Александра Солженицына, облетевшее весь мир, после того как его игнорировали и отвергли организаторы съезда...

...Письмо это исполнено ни с чем не сравнимой отваги и достоинства. По сравнению с ним все, что было раньше переправлено различными путями из России за границу, ничего не стоит. Даже произведения Синявского и Даниэля безусловно слабее... Но кто сейчас помнит о книжонках и разухабистой писанине Тарсиса? Пожалуй, единственной стоящей вещью остается книга Евгении Гинзбург... Голос Солженицына нельзя не только спутать, но даже сравнить ни с чьим другим голосом. Он несет на себе святую печать долгих лет, проведенных в сталинских концентрационных лагерях, о которых Солженицын вдохновенно рассказал в уже ставшей классической книге "Один день Ивана Денисовича". Особый вес этому честнейшему и неукротимому голосу придает то, что он принадлежит одному из самых крупных и самых достойных советских писателей. Этому голосу могут попытаться помешать, но задушить его, заставить его замолчать не сможет никто...

Это не только литературный или политический вызов, это нравственное, религиозное, мистическое требование свободы.

Вот то новое, что заявило о себе в России 1967 года, накануне юбилея революции. Сейчас уже речь идет не об "оттепели" и не об "охлаждении" (похолодании!), против которого Кремль сегодня был бы не против. После периода гегемонии политизированной литературы Солженицын вновь напоминает, что литература что-нибудь значит только в том случае, если она является в первую очередь отражением "духовного опыта". Душа, неустрашимая душа русской интеллигенции и русского народа начинает пробуждаться. Но об этом мы поговорим в следующей статье».

3) Выписка из протокола заседания Секретариата Союза писателей о письме читателя (Бессмертных?) по поводу опоздания с выходом «Нового мира»¹⁶⁴. Нужно ответить Секретариату в том смысле, что редакция не может взять на себя вину, поскольку на днях премирована за своевремен-

ную и досрочную сдачу материалов, а о действительных причинах Секретариату удобнее сообщить непосредственно, тем более что письмо к нему и обращено и, кстати, напоминает о вопросах, которыми Секретариат должен бы в первую голову заняться.

Зачем я это все записываю?

24. VIII. П<ахра>

Вчерашний день — почти что прахом.

С дачи дозвонился до Ант<онины> Вас<ильевны>. — Его нет¹⁶⁵, он приходит и раньше, а сегодня что-то нет. Записала дачные телефоны. Слышимость, исключая возможность разговора с самим начальством. Однако прождал с час или полтора, вызвал машину, поехал, звоню с квартиры. — Был, взял ваш телефон, как только немножко освободится — позвонит вам. — Хорошо, я в редакции, — как приедет — позвоните. — Да, да, сразу же... Прождал до б ч., написал письма Конраду, Тойнби (по совету первого)¹⁶⁶, А.М.Румянцеву (поблагодарил за Лисичкина)¹⁶⁷, в Секретариат Союза — по поводу жалобы подписчика «НМ» на запоздание ж<урна>ла. Так и не дождался Шауры, а сегодня уж решил не ездить. Завтра.

Работа моя в редакции очень условная, без всякого подъема, так только — кое-как. Ясно, что жизни не предвидится. Не ко двору — так не ко двору. Так и говорим, что если еще и Абрамов (его еще не читал) и Воронов пойдут в «залу ожидания»¹⁶⁸, то нужно будет уж собирать вещички. Но не спешить, еще мне отпуск полагается, а там м.б., м.б. Но вряд ли.

Жаль ребят, а сам уже не чувствую сил и запаса жизни, чтобы продолжать тратиться на ж<урна>л, который, по видимому, завершает свой период подъема, как это вообще бывает с журналами.

25. VIII. П<ахра>

«Я ходил на Финляндский вокзал встречать Ленина. Что я там мог видеть, когда был гул, как ледоход, и тысячи, тысячи разных головных уборов только я мог и увидеть. Когда все немного утихло, новое начальство (в полку?) было выбрано, меня откомандировали в портняжную мастерскую»¹⁶⁹.

Из рукописи «Биография и приключения Бартова Александра Степановича, родившегося в 1884 году, 12 августа, в бывшей д. Бартово, в семье у деда с отцом, середняка», которую сегодня снабдил своим предисловием и, м.б., напе-

чатаем в октябрьской книжке. В редакции она с 55 г. Я писал автору, что хорошо бы ее продолжить (она кончается возвращением автора, бежавшего из колчаковской тюрьмы, в свою деревню).

Концовка:

«За время пребывания меня на службе и в тюрьме моя жена развратилась донельзя. Немного прожил с ней, никакие убеждения не помогли. Пришлось добровольно развестись и жениться на другой.

Всего под арестом и в бегстве пробыл 235 дней, домой пришел 23 августа 1919 года».

В ответном письме он пишет:

«Я ошибку сделал, когда я пришел из тюрьмы, надо было бросить сельское хозяйство, поступить учиться. С деревенцами тоже не было согласия, они тоже старались уколоть. Я сеял всего 3 десятины 40 соток, урожай снимал 500 пудов сортированного зерна. Они молебны слушали, а урожай снимали против меня почти наполовину. Когда налог хлебом был, они старались свалить на меня больше. В колхоз я не пошел, раз все время была ненависть ко мне. Семьи у меня не было, только одна жена, и я в 1931 году уехал в Лысьву, от места родины 70 км. Служил я еще в исполкоме несколько лет, а справку о работе не имею. До 70 лет проработал, потом взял расчет... пенсию получаю всего 36 рублей, приходится подрабатывать» (портняжить? — рукопись прошита белой ниткой на швейной машинке). Дальше — о том, что жена больна, он все сам делает по дому, а и сам «здоровьем доволен», делает по утрам зарядку и т.п.

Неожиданным в этом письме является и такое сообщение: «у меня есть стихи, не один десяток (должно быть, вроде папаши Кондратовича), и старые частушки в конце того столетия». Однако!

Вызвал на 10 ч. машину, чтобы ехать звонить Шауре, но утром вижу у калитки котел, а по сю сторону причиндалы к нему — м.б., придут ставить.

31.VIII.67. Пахра

Стало было что-то получаться из давнего наброска к главе «Друг детства» — «Ты помнишь, ночью предосенней» (совершенно ясно, что не с этих строк начинать — нужен какой-то короткий, ударный зачин). Отвлекла очередная поездка в город и «конфликт» с Валею, который вчера был исчерпан — статью Лакшина еще можно было поправить, что с помощью А<лександра> Григ<орьевич>а [Дементьева] и было сделано по всем пунктам Валиных замечаний¹⁷⁰.

Вчера же в редакции со всей неотложностью встал вопрос о проспекте на 68-й год и октябрьском номере. С 1. IX объявляется подписка, в типографии лежат 100 тыс. экземпляров нашего проспекта, обреченного «под нож», и сводный проспект издательства по трем журналам¹⁷¹.

Поступившись объявленным среди своих решением не звонить больше явно уклоняющемуся от разговора Шауре (после того, как он задержал проспект), набрал его номер, и секретарша сказала, что сегодня, т.е. вчера, он последний день на работе, с завтрашнего — в отпуске и что, мол, естественно, он «замотался». — Передайте, говорю, что я звонил и что я в редакции. — Хорошо.

Конечно, звонка я не дождался. Знакомая манера начальства: отпуск, обед и т.п. Святое дело — знать ничего не знаю и знать не хочу.

Хорошо, что вчера не говорил Лакшину, что сегодня запишу, м.б., потому, что с такой отчетливостью, как сегодня, не представлял еще себе ситуацию.

Итак, в октябрьском номере нет, решительно нет прозы, если не считать конца гамзатовской штуки и переводной вещи А.Зегерс, не говоря уж о том, что «октябрьского» в них негусто даже в самом расширительном смысле¹⁷².

Между тем у нас есть работа Драбкиной — чего бы лучше: ленинская тема и работа отличная; есть Симонов и Бек, которыми тоже можно было бы открыть номер, — литература¹⁷³. И есть, правда, в гораздо большей условности, Солженицын — «Раковый корпус» — это, конечно, не для праздничного номера.

Но эти вещи мы лишены возможности даже объявить на 68-й год, хотя уже объявляли их, и даже не раз.

Значит, не только сегодня, но и в перспективе будущего года журнал с подрезанными крыльями, с невыгоднейшей необъяснимостью перед читателем такого положения. Да ведь это ясное дело: нас потихоньку загоняют на край, ставят в положение фальшивое (это сверх всего, что каждодневно творит цензура). Должен ли я, могу ли дальше оставлять свою подпись под этим изданием, которое неминуемо обречено на сокращенное дыхание, на потерю своего «облика»? Вряд ли здесь уже можно держаться за принцип «пусть снимают, а сам не уйду». Во имя чего? 400 рублей и права вызвать машину (всякий раз с ожиданием отказа — «придется подождать»)?

К понедельнику обдумаю все еще и еще раз, обговорю с Дементом, а там объявлю и ребятам, что намерен написать короткое, но вполне мотивированное письмо в ЦК (т.е. что при вышеизложенных обстоятельствах вынужден просить об отставке). —

Вчера, после ливня накануне, ходил в ближний лес, принес десятка два отличных «грибов» сверх «женской» мелочи. Сегодня всталось еще раньше — не было еще и четырех, — пишу это при лампе, но уже развидняет, пойду, хотя дождь был, кажется, всю ночь.

Вчера был Рой [Медведев]. Немного неприятно, что он здесь «базируется» у Россельса¹⁷⁴, куда я должен был пойти за ним, т.к. обещал ему быть дома, а сам уехал, а он еще раз не застал меня здесь. Милый и благородный, но, кажется, не очень глубокий. Дал ему на прочтение до нынешнего утра Главу дополнительную¹⁷⁵. —

1.IX.67. П<ахра>

Вчера через Верейского С<офья> Х<анановна> известила, что мне звонил Шауро и я должен ему позвонить. Звоню. — «Вот мы должны были встретиться (очень мне нужно!), но это не удалось».

— Я вам звонил несколько раз...

Не слышит, продолжает:

— Я должен буду уехать на длит<ельный> срок (он не учел, что от секретарши я знаю, что он уезжает в отпуск, но просто в отпуск — это не звучит — школа лжи даже в таких мелочах!).

— Но как же быть с проспектом, — завтра начинается подписка и т.д.

— Я говорил с П.Н.[Демичевым] о нашей с вами беседе по телефону, он сказал, что я правильно посоветовал вам не включать в проспект эти произведения.

— Но вы же сказали, что невключение их означало бы, что мы от них отказываемся. Как же вообще быть теперь?

— Посоветуюсь с товарищами в отделе.

— Но если вы не можете мне ничего посоветовать, то что же они мне посоветуют?

— Ну, не знаю. Тут в понедельник приезжает П.Н., товарищи ему доложат.

— Так я уж сам ему позвоню.

— И того лучше.

Желаю ему приятного отдыха, на том и кончили.

Еду сегодня в город, думаю для формы ввязать в дело Секретариат, но концы уже видны.

2.IX. П<ахра>

Встал, как всегда последнее время, — в 5. Затопил котел, сходил до завтрака в лес (с корзинкой побольше), принес меньше половины корзинки, ни одного боровика.

Летопись «НМ» при моем редакторстве подходит явно к концу. Даже смерть Эренбурга — одно к одному¹⁷⁶. — Был вчера с приезда в Москву — сразу у Воронкова. Так и так с журналом. Условились, что я напишу в Секретариат, а он от себя направит выше. Написал в редакции и послал тотчас.

Ставлю Секретариат в известность о нынешнем критическом положении журнала. Сегодня, 1 сентября, открывается подписка на газеты и журналы, но редакция лишена возможности опубликовать проспект на 1968 год.

С одной стороны, она не может указать в проспекте произведения, уже объявленные в прошлом (Бек, Драбкина, Симонов, не говоря уже о «Рак<овом> корпусе» Солженицына, в основном одобренном редакцией и нуждающемся лишь в некоторой дополнительной работе). С другой — умолчание об этих произведениях в нынешнем проспекте означало бы, что они запрещены, тогда как (и Секретариату об этом известно) они никем не запрещены.

Т<аким> обр<азом>, редакция, по не зависящим от нее причинам не выполнившая своих обязательств перед читателем, не может даже подтвердить их в перспективе нового журнального года, что ставит журнал в крайне фальшивое положение и будет способствовать распространению вредных для советской литературы догадок и слухов.

В настоящее время в типографии «Известий» обречены «под нож» 100 тыс. экземпляров нашего проспекта, отпечатанного отдельно по форме органов распространения; проспект снят из 8 и 9 №№ журнала; сводный проспект изд<ательст>ва по трем журналам («НМ», «Ин<остранная> лит<ература>», «Дружба [народов]») задерживается и должен будет выйти с пробелом на месте «НМ».

Но дело не только в этом, а и в самом существовании вопроса о судьбе названных рукописей, находящихся «в замороженном состоянии» (Бека и Драбкиной свыше двух лет, Симонова более года после одобрения их редакцией).

Готовя юбилейный (11-й) номер журнала, редакция могла бы, например, предоставить его страницы отличной работе, посвященной ленинской теме, — «Зимнему перевалу», но вынуждена будет в ущерб делу обходиться менее значительными материалами.

Все это в целом обязывает редколлегию, и меня в первую очередь, со всей решимостью ставить вопрос перед Секретариатом о невозможности продолжать работу в таких

условиях и просить о принятии неотложных мер к нормализации положения¹⁷⁷. —

После такой бумаги, — сказал и в редакции, — уже может последовать только одно — с просьбой об освобождении. Этому помешать могут только два обстоятельства: 1) разрешение к печати «[Ракового] корпуса» и 2) результаты подписки (если они покажут, что журнал по-прежнему пользуется доверием).

Вчера заказал Полевому что-нибудь об Эренбурге. Будет и от редакции¹⁷⁸, — нужно самому вставить о том, что можно по-разному относиться... но нельзя отрицать... но кто еще из его сверстников позволил себе роскошь исповеди, в которой он — пусть и то-то и то-то, но порой даже беспощаден к себе и т.д. Свой мартиролог...

Полевой сказал, что имеет что рассказать мне, — по-видимому, о безуспешных попытках протолкнуть Главу доп<олнительную>¹⁷⁹.

Не буду больше ходить в грибы поблизости — гнусно ходить по лесу, накрытому частой сеткой тропок так, что если есть где кв. метр невытоптаный, то такого, кот<орый> не просматривался бы, нет. Поваленные ногами мухоморы и валуи, обрезки корешков от взятых грибов, бумажки.

3.IX. П<ахра>

Об Эренбурге. Сразу стало очевидно, что это одна из тех смертей, которые всегда заставляют представить значение ушедшего в масштабах куда более обширных, чем они представлялись при его жизни. Пытаюсь в этой записи найти слова, которые были бы употребительны не только в этой тетради, и это сбивает. Вчера говорили о нем с Дементьевым, сидя у него за столиком под елочками, и говорили горячо, перебивая друг друга, приводя соображения, немислимые в широком употреблении. О том, напр., что смерть Федина или Тихонова не может вызвать больших, чем при их жизни, представлений об их значении. Для них это не черта, ибо они давноуже за чертой, и там все ясно. И о том, что его последняя книга, «при всем при том», документ долговечный. Я, кажется, не только говорил, но писал Эренбургу в свое время, что эта его вещь переживет его романы¹⁸⁰. И о значении этой вещи, с такими муками проталкивавшейся в журнале (многое было в ней и для нас не ко двору!), и для самого «НМ», каким

он выступил в его лучшие годы¹⁸¹. — Нужно попытаться набросать нечто, что могло бы так или иначе быть сказано, — это долг «Нового мира». Нехорошо отделаться казенной «рямкой»* да еще тем, что накропает Б.Полевой, человек все же не новомирский. — Пусть это будет очень коротко, в главных и бесспорных тезисах.

5.IX.67. П<ахра>

Проводили Эренбурга. В гробу он был неузнаваем настолько, что, если бы не знать, кто это, в голову бы не пришло, что это Эренбург. Другой тип лица, другая носатость и ни следа складки его губ — немного брезгливой — стянутый без всякого выражения рот мертвеца. Говорят, что так же неузнаваем был Гроссман в гробу.

Как и следовало ожидать — на всей процедуре была печать мелочной заботы провести ее побыстрее, потише, поскромнее. От «верхов» были Мелентьев и Черноуцан. Мелентьев с озабоченным и замкнутым видом давал, прохаживаясь, указания. Был страх — очередь для прощанья в эти два часа (с 11 до часу) тянулась из улицы Воровского, загибалась по Кудринской в Герцена — к подъезду ЦДЛ. Теснота, духота. У гроба почувствовал себя так плохо, как только редко бывает (предобморочное). Устоял¹⁸². Не был уверен, что здороваюсь со вдовой, поклонившись ей, — на кладбище поздоровался как следует, поцеловал руку. Была мысль дать ей мой опус, мол, вряд ли это будет напечатано, хотя и написано «в пределах», чтобы быть напечатанным, но это можно будет сделать после.

— Не хочешь ли выступить? — спросил Полевой — пред<седатель> комиссии [по похоронам]. — Могу устроить.

Но я, слава богу, отказался. Мелентьев не имел в виду дать мне там слово, и пусть все будет, как задумано организаторами. Литература была представлена Вл.Лидиным, «другом покойного». Обычный бойкий треп Полевого. Выступление президента об<щест>ва «Франция—СССР», которое не могло понравиться Мелентьеву и, наверное, укрепило их в сознании незряшности всех их мероприятий. Француз, между прочим, привел фразу Монтескье, которую будто бы любил вспоминать Эренбург: «Если я обязан умереть за родину, то не обязан лгать за нее» (во имя ее?)¹⁸³. И слова Эренбурга: «Я русский писатель, но покамест на земле есть хоть один антисемит, я — еврей». Сказал, что «мы его считали почетным послом СССР во Франции». И еще привел его слова о том, что «смерть должна вписываться в жизнь».

* Рямка — рамка (смоленский говор).

Мы поторопились приехать на кладбище (я, Виноградов и «примкнувший» к нам Закс). Милицейский кордон: — Пропуск? — Оказывается, нужно было запастись пропуском, о чем опять же не было оповещено. Пришлось назвать себя и пройти «волевым порывом». Был я задержан и в воротах Союза, только какая-то женщина сказала милиционеру: «Это же Твардовский».

На кладбище: «юго-запад» Новодевочки, свежий мрамор и гранит, генералы, академики, могила Казакевича — прямоугольный гранитный столб, внизу крупными, но какими-то тусклыми буквами «Эммануил Казакевич» — прошло уже 5 лет после этой смерти, оставившей в душе, м.б., самую острую боль из всех близких мне покойников¹⁸⁴. — Не хочется мне там лежать, не хочется быть в обозрении тех, кто не за тем пришел¹⁸⁵. —

Тихонов, открывая митинг на кладбище, — мы, не сговариваясь, отметили, — не позволил себе, старая беспартийная ж<...>, нарушить синтаксис «Сообщения», где естественно союз «и» был заменен запятой («...выдающегося писателя (не «и», а запятая), общественного деятеля...»).

Лакшин оторвался от Дементьева у ворот, где была давка (мы потом видели потоптанные клумбы, помятые трубчатые перильца), его помяли, напугался порядочно.

Он, верно сказал, что эти похороны не были проникнуты печалью, сожалением о безвременности, туда шли потому, что это было все с ограничениями, шли, чтобы показать, что мы, мол, несмотря на ограничения, отдаем должное этому покойнику.

Мы не стали дожидаться спуска гроба в могилу — пошли на выход. На душе было странным образом легко. Вспомнилось, как 30 лет назад, узнав о смерти Горького, ехал из Кр<асного> Бора, где мы жили с маленькой Валею на даче¹⁸⁶, стоял на площадке пригородного поезда, был дождь и солнце сквозь дождь, сверкающая листва деревьев и, хорошо помню, м.б., даже записал тогда, что думалось: ведь это же все, этот мир остается, и нужно в нем жить, и нужно искать слова для его выражения. Правда, тогда я еще не раздумывал о том, где мне быть похороненным. Впрочем, и теперь еще не хочется думать с определенностью. —

В первый раз прошел подземным ходом из старого здания Союза в ЦДЛ. Воронков!¹⁸⁷ Все по образу и подобию — чтобы не быть застигнутым при переходе через двор какой-нибудь непредвиденностью. —

Встал — не было еще 5 [часов] (вчера все же чуть-чуть помянули И.Г. и лег в 9). Туман, туман, сквозь него желтею-

щие листочки березы. Пойду все же в грибы — единственная отрада, после того как перестал купаться.

Полевой с главой дошел лишь до Черноуцана, и тот отсоветовал соваться дальше (до времени, мол, а когда оно, такое время, будет?)¹⁸⁸.

6.IX.67. П<ахра>

Памятный вчерашний день. Впервые за много лет напал на настоящие грибы, гл<авным> обр<азом>, подберезовики, гнездами, иной раз до десятка. Были и белые, среди них два красавца — один лет 40, другой под 60, но чистые, без единой отметки червя. —

[...] Собрался было поехать в город, но, по существу, незачем. Подожду звонка Воронкова — вряд ли дождусь, но черт с ним, со всем. —

7.IX.67. П<ахра>

Туман, как и вчера, но холоднее, совсем осенней «знойности» утро. Спал в первый, кажется, раз за все лето с закрытой форточкой, опасаясь за зубы.

Решаю писать о Маршаке совсем свободно, без пересказов и характеристик всех его жанров по отдельности, но это уже сделано В.Смирновой¹⁸⁹. Кажется, вычерчивается его писательская особенность. Он мог бы безвозвратно захрянуть на этапе своего «вундеркинства», если бы не открывшаяся вдруг (после литературного небытия в течение многих лет) вакансия детского писателя, возможность практического применения его стихотворных данных, развитого вкуса, знания образцов. А то бы он остался стихолубом, м.б., стал бы критиком, которого затюкали бы обвинениями в формализме и антиноваторстве.

Он сам себя сделал тем, чем стал, предельно развил скромные природные задатки, сосредоточенно отдавшись труду, превратившему стихолубие в стихознание необычайное (и даже стихочувствие). То, что говорит Македонов о Мандельштаме: «Книга» для него такая же реальность, как и адмиралтейство, — стих для него такая же реальность, как трамвай, — действенная и движущаяся¹⁹⁰.

Натура он не поэтическая, рассудочная, рациональная, но если незаурядный ум сосредоточить на стихе, то, оказывается, можно многого добиться. Осмысление того, что он дела-

ет, идет все время бок о бок с его работой над переводами, детскими стихами и т.д. и иногда идет впереди. У большинства поэтов — наоборот.

Отвращение к банальности, к поэтической позе, к «самовыражению».

Особый характер таланта «переводческий». Ему всегда нужно нечто, начатое не им, существующее как некий поэтический [образ]. То, что он делает «сам» на голом месте, всегда слабее (за исключ^{ением}, м.б., некоторых блестящих сатиры и поздней лирики, хотя она тоже от «переводов»).

Что было бы, если бы он шел по пути лирического выяснения своих отношений с революцией, эпохой и т.п. Он не стал и не мог этим заниматься, так же как у него не было и лирического «подпора» в отношении темы любви, природы. В революции он ухватился за выполнение скромнейшего ее задания — новая книжка для детей. И здесь оказались богатейшие возможности.

Он не обязан был для детей быть наглядно «революционным» поэтом, не обязан пользоваться общепринятой поэтической фразеологией и не мог щеголять «сложностью» своего поэтического «видения». Читатель обязывал к демократичности стиля. —

Задолго до того, как критика сказала о нем что-нибудь (правда, опять — Горький)¹⁹¹, он уже был знаменитым автором. В семье ребенок вовлекает в свой круг чтения всех домочадцев.

Он встречается со своим читателем на самом раннем этапе его, читателя, духовного бытия, рассказывает ему сказки, забавные истории и т.д. Затем, как бы обращаясь уже к юноше, дает ему лирику любви и дружбы (Бёрнс).

В годы войны — сатиру, лозунг, плакат и т.д.

В зрелом — преобразует сказку в нечто большее, чем круг чтения ребенка (12 м^{есяцев})¹⁹².

На склоне лет говорит с читателем (уже немолодым) на языке философической лирики и теоретических суждений об искусстве, языке.

Можно ли сказать, что Маршак был обуреваем гражданственной темой, находился в «борении», поисках думы о народной судьбе, о революции — в чем-то не соглашался с нею, возражал, пытался ей подсказать желаемые виды? Пожалуй что нет.

У него не было, как у Исаковского или певцов гражд^{анской} войны, «своей темы», не было и своей «проблемы».

Что-то здесь нужно додумать, хотя для себя уже как бы ясно.

№ 8 только, м.б., 12.IX пойдет в машину. 9-й следом, но все это — через пень-колоду¹⁹³.

С<офье> Х<анановне> нужно оформить отпуск. Все равно буду до конца заниматься журналом, но буду более свободен, защищен хоть в малой степени от предпраздничных привлечений. —

В заметке об Эренбурге опустил, конечно, говоря о «переполучении», намек на пример того немислимого прижизненного переполучения, которое роковым образом отозвалось на всей материальной и духовной жизни общества¹⁹⁴.

8.IX.67. П<ахра>

Съездил в город, раскрыл светловскую «подборку» (Славин¹⁹⁵, Алигер), занимался составлением новомировского приветствия читателям (для № 11)¹⁹⁶, написал вдове Эренбурга насчет VII части¹⁹⁷, отписал Макашину о возможном моем участии в бунинском томе «Литнаследства»¹⁹⁸ (говорят, попало опять Самсонову — «Наука» — за «Тёркина на Колыме» в публикации Ю.Буртина)¹⁹⁹.

Секретарша Симонова Татьяна Владимировна принесла его письмо из Находки, сопроводительное к письму мне как гл. редактору по вопросу о публикации «Ста сугок», с приложением списка «исправлений». Письмо на эту же тему П.Н.Демичеву он уже направил — копию секретарша показала.

Дал все это, писанное красными чернилами, на машинку, сопроводил своим письмом Демичеву и присовокупил в нем к Симонову Бека и Драбкину, приложив и копию моего письма в Секретариат²⁰⁰. Это еще не последнее письмо, но все идет к тому. С Лакшиным и Хитровым так и говорили — чему быть, тому быть. Больше всех жаль Хитрова, который добровольно пришел защищать нашу блокированную, обреченную крепостцу. Кондратович, который завтра уезжает со своим радикулитом в дом отдыха «Известий» (Пахра), напомнил мне при вчерашней встрече у него на квартире, как Толкунов увещевал Хитрова не идти в «НМ»: «Куда ты идешь? Пусть Тв<ардовско>го не снимут, но ему будут созданы такие условия, что он сам уйдет»²⁰¹.

В первый раз видел Кондратовича таким приунывшим и подавленным от сознания, что журналу приходит конец. «Пусть бы меня так-сяк гоняли, но почему моя жена должна терпеть — не берут на работу: жена зама [главного редактора] «НМ»...

Лакшину позвонили из «Совписа»: должны будем вернуть вам рукопись сб<орни>ка статей. — Интересно, как

вы будете мотивировать отклонение рукописи, находящейся у вас два года и уже принятой к печати, после того как были выполнены ваши требования? — Постараемся сделать это убедительно. —

Б.Закс. — Я решил, что проститься с Эренбургом, не пристроившись к «НМ», я не смогу. И в эту ночь, накануне похорон, увидел сон, будто вы, А.Т., говорите мне: «Надо вам, Б<орис> Г<ерманович>, прекратить ваши посещения редакции "НМ", к которому вы уже давно не имеете никакого отношения». — Рассказал мне на похоронах, я смеюсь, смеется и он, но как-то зажмуриваясь и закрываясь, и вроде бы слезы у него в глазах. —

Утро чудное осеннее, холодок, роса уже не роса, а почти что изморось. Солнечно по-осеннему, тихо. Как седина бывает преждевременной, так и желтизна листы на берегах — еще не сплошная, но уже очень заметная.

Грибы уходят под покров густеющего листопада.

М.б., последний день такой сходить еще в грибки, завтра суббота — будет много людей, а листва всей грибной расцветки — от боровика бурого, золотистого до подосиновика рубинового — все гуще. В очках не хочется, а так на боровики набредаю, что под ногами, а чуть подальше не вижу.

Маршак, Маршак. Но еще хотелось бы к «Р<одине> и Ч<ужбине>» прибавить найденные в тетрадах записи первых послевоенных лет — Бабка со внуком, кроме «Шофера», и Игнатъев? М.б., Болгария?²⁰²

Вторую Дополнительную придется оставить покамест. —

11.IX.67. П<ахра>

Сочинения С.Я.Маршака, казалось бы, менее всего нуждаются в предисловиях, сопроводительных статьях и комментариях. В самом деле: с этим литературным именем в широчайших читательских кругах в первую очередь связывается представление об авторе множества книжек для малышей и школьников, детском писателе Маршаке. Вспомогательным средством и даже как бы параллельным стихотворному тексту изложением содержания служат красочные рисунки в этих книжках, и читатель их легко обходится без углубленных истолкований идейного содержания и особенностей формы этих произведений, даже оставаясь с ними один на один, не то что в присутствии старших. Посещение маршаковского цирка или зоосада, бывал или не бывал он до этого

во «всамделишных» этих местах захватывающего интереса, дает ему яркую и отчетливую их картину в наиболее запоминающихся деталях, а если вызывает необходимость дополнительных разъяснений, то вряд ли большую, чем посещение натурального цирка или зоосада. И всех неожиданных заключений и вопросов, вызываемых этими книжками у их читателя, все равно не предусмотреть никакими предисловиями или комментариями.

И когда [у него] в руках уже не отдельные разноформатные, отпечатанные на толстой бумаге книжки в 4—8—12 страниц, а объемистый том Маршака, где и «Цирк», и «Детки в клетке», и «Почта», и «Пожар», и «Багаж», и многие, многие другие стихи-сказки, стихи-подписи к картинкам, стихи-считалки, загадки, азбука, календари, — он не воспринимает отсутствие в этом томе «обобщающей» вступительной статьи как существенный недостаток и не ставит вопроса о восполнении его при новом издании.

Точно так же —

пьесы

переводы

сатира

мемуары

лирика

лит<ературно>-крит<ические> статьи

О Маршаке написано много, но поэзия его никогда не была предметом столкновения противоположных мнений, споров, «борьбы». Все это — статьи, рецензии и т.п. — различается лишь степенью похвал, возрастающих от года к году.

У Маршака нет «переходов», «поисков», «поворотов» — все это проделано «про себя», «в рабочем порядке» — на люди он выходит с тем, что отстоялось, — не с вопросами, не с жалобами на судьбу и т.п., а с утверждением того, что ему ясно и дорого.

Тогда, м.б., он заурядное благополучие лит<ературной> судьбы? М.б., для нас, его современников, имеет особое значение личное обаяние Маршака — собеседника, редактора, изустного критика, в чем он был и остается несравненен?

Тут следует разобраться.

Опять доброе осеннее утро — свежесть, ядреность или сухая мозгловатость. [...]

15.IX. П<ахра>

Пять утра, встал в 4, уже затопил котел, выпустил Куню, выпил кофейку из кастрюльки.

Этими днями чуть-было-чуть не — но, бог милостив, грибы отвлекли, — третьего дня утренняя корзина была, пожалуй, лучшей за все разы этого сезона. Вчера в сухом, тихо, но все заметней шелушащемся лесу обежал не менее 10—12 км — грибы были редки и как бы только случайно уцелевшие, совсем не то, что в «волну».

С журналом все висит по-прежнему. Хитров говорит: не позвонить ли мне хоть секретарю Демичева — дошла ли, мол, бумага. Не хочется, потому что не верится ни во что доброе. Уж если бумага моя стоит чего-нибудь для них, то могли бы хоть как-то отозваться.

Было московское партсобрание — не пошел, т.к. другой парторганизацией²⁰³, а слушать доклад Воронкова об итогах IV съезда писателей добровольно — нет уж. Рассказывают, что Вор<онков> касался Солженицына и врал в духе некоей полуофициальной версии («отдел»), что будто бы Солженицын солгал, что у него забрали архив, — его, мол, перехватили в аэропорту в таможене при попытке увезти за границу через посредство мифического «итальянца». —

Был у меня в редакции Бажан, потом и Сурков. Бажан²⁰⁴ хорош, даже высказывал решимость «пойти на самый верх», поставить вопрос, что «так же нельзя» (в смысле судьбы КОМЭС, наших связей, Солженицына и т.д.). Я сказал: как нам идти, если даже мы, так активно понимающие, что «так же нельзя», не можем сговориться даже насчет вопроса вопросов — Солженицына. Я сказал это, правда, без Суркова, что он ненавидит Воронкова или Михалкова, но вместе и Солженицына — классового врага. Да если бы мы и сговорились, трудно представить, чтобы мы были поняты. Там преоборимая стена предубеждения, если не более того.

Сурков всего и сказал, что нужно подождать до конца юбилейного года.

Письмо Солженицына (из Рязани?), что он будет у меня во вторник (меня как раз не было, а его искать — нет концов) и хочет посоветоваться. Именно во вторник, «12 сентября исполняется три месяца со дня, когда мы были в секретариате, и я дальше ждать не считаю возможным, я к ним собираюсь обратиться». Но он уже обратился²⁰⁵. Вчера расстроенный Хитров доложил о гневном звонке Михалкова, который получил «подлое и вызывающее письмо Солженицына» и «как один из секретарей Союза писателей СССР требовал отчета о том, действительно ли принят у нас "Раковый корпус", есть ли договор и т.д.»²⁰⁶

Словом, не на меня нарвался.

От Воронкова вчера узнаю, что завтра, т.е. сегодня, приватное (не секретариатное) собеседование наличествующих секретарей по «делу Солженицына» — в 11 ч. (еду).

Солж<еницын> пишет мне, что имеет «со всех сторон письма, что:

- 1) из библиотек тайно изымается "Денисович"
- 2) на семинарах (?) обо мне врут еще по-новому».

На собеседовании, м.б., не миновать скандала, т.к. Михалков не одинок.

Думаю, послушав других, повторить свое, что, мол, не навязываю никому своего мнения о том, что речь идет о большом, о великом писателе, с которым мы поступаем преступно, но что это может кончиться трагически и конец этот дорого нам обойдется — дороже «Живаго» и Синявского с Даниэлем, да, собственно, мы уже несем потери. И по-прежнему выход не в том, чтобы обсуждать «поступок», а в том, чтобы обойтись меньшей кровью, именно: печатать отрывок в «Литгазете» со сноской «полностью — в "НМ"²⁰⁷».

Был вчера у вдовы Эренбурга Любови Михайловны. Рассказывала о последних часах, читала запись медсестры: о том, что на могиле то кто-то ставит портреты и букеты, то кто-то убирает их. Дала мне рукопись (20 глав), с опаской предупредив насчет «самиздата». — Заверил, что все будет в порядке, если никому еще она не дает рукопись.

Главы Эренбурга прочел вчера же.

Хороша вступительная, «венгерская» и еще кое-что, но то, что интересно, — решительно нельзя (вновь Сталин, а еще и Хрущев), а то, что можно (международное, этапы Движения за мир), не очень интересно. Но в целом все — как завещание с ясным и мужественным сознанием близкой черты, а вместе с тем, увы, и хвасть (зачем пересказывать греческий эпизод, уже рассказанный Полевым)²⁰⁸ — и подсчеты, и счета с критиками. М<ежду> пр<очим>, хотя, м.б., до этого еще не дошло, — ни звука о Солженицыне, не говоря уже о «Т<ёркине> на т<ом> св<ете>», а «народный поэт Слуцкий» есть²⁰⁹.

В ответ на мое письмо о «сонном видении» нашего замерзания под скирдой Сок<олов>-Мик<итов> прислал телеграмму (видимо, стесняется своего слепецкого почерка): «ждем Карачарове провожать бабье лето»²¹⁰. — Вряд ли соберусь.

Пришла телеграмма от Князева (Братск) с приглашением в удобное для меня время приехать в Братск²¹¹. Когда

будет праздник (торжество открытия ГЭС) неизвестно. — Это бы и нужно, и очень бы хорошо отвлечься от однообразия журнальных и дачных забот, но Маршак лежит — и от него не уйти.

Сверка четвертого тома. Хорошо бы «ввести» туда две-три послевоенные записки (рассказ шофера Коли и старушки), но время упущено, кабы что-нибудь «братское», то и задержать не грех²¹².

[...]

16.IX. 5 ч.

«Минутами Генри со страхом ощущал, что получается так, словно он живет для этих записей, вместо того, чтобы посвятить себя в них богам, главным корреспондентам, которым адресовались его ежедневные донесения».

(Ван Вик Брукс. — «Писатель и америк<анская> жизнь»²¹³.)

Вчерашнее трехчасовое приватно-секретариатное собеседование по делу Солженицына (его второе письмо, адресованное «всем членам Секретариата»).

Здесь было, по крайней мере, осознание даже противниками Солж<еницы>на того, что «дело» позорно затянулось, выказывая слабость Секр<етариа>та, его непростительную нерешительность (Чаковский, Грибачев, Сурков), ввиду которой уже можно понять и Солж<еницына>, ожидающего 3 с половиной м<еся>ца ответа на свое письмо делегатам съезда. Осознание очевидной беды. Но меры, предложения были глупейшие — вроде предложения опубликовать частично или полностью «Пир [победителей]», который, кстати, по преимуществу и называли из всех его вещей, игнорируя заявления С<олженицына> насчет этой пьесы и пр.

[Вклейка]

Сейчас дело не в том, что обсуждать поступок.

1. «*П<ир> победителей*» — о нем в письме съезду. —
2. Основной вопрос — ненормальное положение с цензурой.
3. «Болезненное состояние».
4. Оглашены лишь *два* письма.

* Далее записан вариант фрагмента «Сын за отца не отвечает».

А Сми<рнов>? П [нрзб.], др.?²¹⁴

Коммюнике — проект.

И дело даже не в том, что все это может кончиться трагически.

Издержки — наши.

Мои «тезики» на заседании секретарей в связи со 2-м письмом Солженицына. — 15.IX.67.

Вот, мол, он, подлинный С<олженицы>н, вот что он предлагает читателю.

Но нет сил описывать все подробно.

Не хочется искать слов для характеристики предельной провокаторской подлости Чаковского, перед которой уже и Гриб<ачев> с Кожевниковым выглядят почти что порядочными людьми²¹⁵.

Хорош и Воронков. «Есть и письменные отзывы» — и оглашает лишь два из них: Шолохова и сидящего по левую руку от него седого гнусаваца Михалкова.

Письмо Шолохова: «С<олженицын> — это или опасный для общества психически больной, злобный графоман, или, если он здоров, злобный антисоветчик, прямой враг». Только что не употреблены прямые слова о необходимости изолировать С<олженицына>, но смысл этот, не какой иной²¹⁶.

Михалков, явно зная уже об этом письме лидера, поспешил оказаться среди первых подписавшихся под приговором С<олженицы>ну.

Все же в конце концов вернулись к моему старому проекту, который я по памяти изложил в своем выступлении, которым доволен, т.к. удержался от реплик «с места», был спокоен и тверд, повторяя свое и свое²¹⁷.

Решили созвать Секр<етариат> 22.IX с вызовом С<олженицы>на, поставив перед ним вопрос о «Пире» и о его готовности «доработок» в «Раковом корпусе». М.б., и сорвется — не успеют прочесть.

На понедельник вызвал С<олженицы>на, будем с Лакшиным «работать над ним».

Демократизм формы Маршака, выработанный в общении с самым демократическим читателем.

«Вундеркиндский» период Маршака — о нем вскользь — по-видимому, некие основные пристрастия эстетические сложились уже там.

Переводческий «гений» М<аршака>. — Без знания им иностранных языков, особенно и гл<авным> обр<азом>

английского, он не стал бы сколько-нибудь значительным поэтом.

Р.Бёрнс — главная любовь всей жизни Маршака.
Гёте и Байрон о Бёрнсе.

Утро зябкое, не располагающее искать в холодной росе (инее) грибы. Желтые прядки берез все гуще. Лес шелушится помаленьку. Но еще не было того дня и часа, когда вдруг подует ветер, лес зашумит, и это уже будет не его живой шум, а шум вдруг «пошедшей» листвы. Мне памятливы эти часы леса — минуты бесповоротной осени. — «Лист пошел».

Задолго до того, как о нем заговорила критика, он уже был знаменитым. (Дети вовлекают в свой круг чтения всех старших.)

Он сам был первым своим критиком и пропагандистом (дет<ской> лит<ерату>ры).

17.IX. П<ахра>

Встал в шестом — достижение в смысле перестройки суток — для этого вчера после поездки в город с Олей по ее больничным делам (гланды — она таки решила их удалять, и все молча, хотя, видно, боится, даже с лица изменилась) и после обеда подремал. Утро опять сухое, легко-мозглое — как перед ясным днем. —

Это верно, что 22.IX (если оно состоится) будет решение вопроса вопросов. Собственно, уже завтрашняя беседа покажет все виды. Но нельзя жить только переживаниями в связи с этим вопросом вопросов. Нужно приниматься за Маршака — это важно хотя бы в смысле навыков моей послежурнальной жизни — что-то нужно будет делать, и вольготного времени там предвидеть нельзя, иначе — старость и прочее.

Зря-таки дал полусогласие Озерову насчет приема в редакции группы переводчиков сов<етской> лит<ерату>ры. Правильно отказывался: не могу ответить на неизбежные вопросы. Перекантовать!²¹⁸

Пусть почешутся, хотя трудно предположить, чтобы они почесались при каких бы то ни было обстоятельствах.

Вчера пришла мысль: а вдруг все эти запреты и неответы насчет проспекта и проч. — просто подготовка к закрытию журнала? Нет, это было бы осмысленной волей, а ее там нет.

Кинулся было в грибы — в ближ<ний> лес за оврагом, но дело не в выходном, а просто нет, мертво и уже листопад пошумливает, лес уже не тихий, а полный то слабеющего, то нарастающего шума. Сколько листку, чтобы упасть на землю, почиркать о другие листья, столкнуться с висящими еще, перевернуться, зацепиться — и все это со звуком — хотя бы еле слышным шорошком. —

У Маршака, как бывает у стариков, что с годами улучшается зрение (уточнить), так у него все ясна голова, все свободней становилось от пустяков для главного, все уточнялась цена доброму и разумному.

Из сонетов Шекспира привести: «Я смерть зову. Мне видеть невтерпеж...»²¹⁹

Застилая постель, опять подумал, что и я, конечно, могу спать под австралийскими, например, простыней и одеялом, но я не смог, как иные, чувствовать их только как простыню и одеяло, не томясь бесплодным ощущением и памятью, что они австралийские.

18.IX. П<ахра>

Первое «железное» утро — сникли, обвисли, еще не успев потемнеть, широколистые кабачки и гарбузы. Едва угрело — закапало с листвы берез, толевая крыша — как после дождя. День отправления Оли в больницу и день встречи с Солженицыным, от которой будет зависеть не только его ближайшая судьба, но и журнала, и моя. Все похоже на то, что зазимую я уже в новом качестве — вольного литератора. Но, м.б., если, то пожалуй, и т.д.

С каждым годом усиливается и сладость жизни, вроде сегодняшнего утра, когда бегал искать Евг<ения> Ант<оно-ви>ча (с липовых аллей Дега я струится лист, хоть и ветра нет, грустная свежесть и грустная бодрость поры).

Чуткая свежесть и грустная бодрость поры. —

И сладость жизни, и — в особые наплывы — тягость и безрадостность ее заключительных лет. Нечего, нечего силиться продолжать тот ее период, который уже позади (журнал и прочее). Дай бог оборудовать гнездо, претерпеть всю эту волюнку с газом и переоборудованием и втянуться в тихую стариковскую рабочую пору. —

Маршак — весь городской (дача, папа — шляпа и т.п.), и городской не бедный, а интеллигентный, обеспеченный. «Лакировщик».

19.IX.67

Солженицын позвонил, едва мы ввалились в квартиру, и я, вызвав Лакшина через С<офью> Х<анановну>, поехал в редакцию. Поначалу беседа носила угрожающий характер. Бесподобный парень: назначен Секретариат, результаты которого, если говорить серьезно, жизнь или смерть («To be or not to be»?) не только для него, но и для журнала, и, следовательно, и более того, а он:

— А мне не придется там зря торчать до моего вопроса?

Шуткой и не шуткой отмечаю несоразмерность этой озабоченности с характером и содержанием предстоящего «действия» — пожимает плечами:

— Не хочется время терять.

Мои внушения я начал с того, что «Пир победителей» заслоняет все остальное в суждениях о Солженицыне — все как будто не знают, что эта вещь не предлагалась автором, говорят о ней как об опубликованной или намеченной к опубликованию за границей, но перехваченной в «таможне».

— Я оборву при первом же упоминании этой вещи, потребую не касаться ее при обсуждении, поскольку это краденая вещь... (и т.п.)

Разъясняю при поддержке Лакшина, что если он, С<олженицын>, будет вести себя агрессивно, заносчиво, неуступчиво и т.д., то дело может пойти под откос. Кажется, он наконец все же понял, что мы не «сгущаем», говоря о возможных последствиях 22 сентября для журнала и всех нас. Но его очень трудно вывести из его «плана», из его сосредоточенности на себе исключительно (живет уже где-то в потомстве, как сказал потом Лакшин).

— Если вы будете взвизгивать, репликировать и т.п., то это — подарок Чаковскому и др., они этого-то и хотели бы, и страшно затруднит положение людей, которые хотят добра или хотя бы понимают, что кончать дело недобром нельзя.

— Нет, я буду спокоен, выдержки у меня хватит, — вспыхнуть я могу лишь сознательно, по плану, — смеется, — если это будет нужно.

— Ну, давай бог.

Условились (он хорош тем, что не терпит рассусоливания, повторений, торопит к выводам), условились, что он:

1) Ответит «мягко, но твердо» «Пир [победителей]» либо взяв слово для дополнительного к письму заявления,

либо при первом упоминании вещи, дождавшись, однако, окончания слова оратора;

2) Скажет при этом, что в отношении «Круга», вещи, над которой он еще работает, он рад выслушать любые и всякие суждения и поблагодарит за них;

3) Выкажет готовность посчитаться и со всеми замечаниями по «[Раковому] корпусу» и поблагодарит за них; м.б., заявит о готовности через печать предупредить заморских издателей, буде те вознамерятся издать не тот текст, что будет в «НМ»;

4) Коснется распространяемых клевет и фактов дискриминации, если понадобится, сошлется на письма читателей.

Но, ох-ох, все это он принял в другой, чем мы, степени уяснения и усвоения.

— В принципиальном не уступлю ничего, будут хамить — встану и покину залу. — Объясняем, что чаша ответственности за него и за все не меньше его собственной (этого он не хотел понять, но все же, кажется, понял); что я, если создастся нестерпимая обстановка, сам заявлю протест вплоть до ухода — так и так дело к финалу; что нельзя видеть в нас, породивших его на свет, сопроводивших «апологетическими» статьями в «НМ» и до сих пор неустанно ведущих борьбу за него, — нельзя в нас видеть людей, которые как бы в стороне, нельзя говорить, что он будет, мол, «не в претензии» к «НМ», если ж<урна>л «вынужден будет» от него, С<олженицы>на, отказаться (это бы и означало бесповоротный конец ж<урна>лу и проч.).

— Учтите, — говорит, — что с вами я говорю не так, как там буду говорить. Там буду, как в тот раз, 3 м<есяц>a назад...

— Прошу вас вести себя так, только так, как в тот раз.

Но к такому согласию, весьма зыбкому, пришли уж после того, как я пригрозил позвонить Воронкову об отмене 22.IX, т.к., мол, не считаю возможным и пр.

К обсуждению 22.IX:

1) Солженицын не есть нечто отдельное от нашей литературы, это ее существенное, очень значительное по своим последствиям явление периода после 20-го съезда.

Бакланов об «Ив<ане> Ден<исовиче>»: «Так дальше писать, как мы писали до этого, нельзя»²²⁰.

Сурков (тогда): «Через три месяца никто не вспомнит об этом "Ив<ане> Ден<исовиче>"».

Но пусть объективный исследователь нашей лит<ера>ту>ры скажет, могли бы мы иметь, например, такие вещи, как

«На Иртыше» и «[Соленая] Падь», как «Прощай, Гюльсары», до или без Солж^{<еницы>}на?²²¹ «Ив^{<ан>} Ден^{<исович>}» породил, естественно, и моду на лагерную тему — огромный поток беллетристики и мемуаристики, — в «НМ» плотинкой ему был тот же «Ив^{<ан>} Ден^{<исович>}» его художественный уровень.

2) Существенное содержание первого письма С^{<олженицына>} — вопросы о ненормальности взаимоотношений лит^{<ерату>}ры, журналов Союза с органами запретительства. Я имею право говорить об этом (все мои самые известные вещи, премированные, были в свое время запрещены, не говоря уже о «Т^{<ёркине>} на т^{<ом>} св^{<ете>}», который дважды). Не думаете ли вы, что делу развития нашей литературы более способствуют вещи, не встречающие со стороны «органов Главлита» никаких претензий?

3) Когда против писателя, бесспорно талантливого, мобилизуются внелитературные средства укрощения (сверхцензуры), когда под него «подбирают ключи» — знай, что правда на его стороне, и смело стой за него.

[...] В городе дал Оле одну из итальянских тетрадошек, настоятельно советовал завести дневник для скрашивания больничного времени. Не хотела брать, но взяла, как бы с уговором — услуга за услугу. — Папа, смотри же... [...]

С Олей простился хорошо. Сегодня ей будут делать операцию. Дай бог, чтобы все хорошо.

Слушал две передачи по «Письмам» Светланы [Сталиной]. Содержание малое, детское, но в этом же и какой-то невероятный, немислимый ужас этого кремлевского детства и взаимоотношений с отцом, по-видимому, привязанным к ней, но и заметно игравшим доброго отца для истории, игравшим в такие годы, когда у него руки были уже в крови до плеч. — Еще ни слова не только о стране, о деревне, но даже о 37 г., который не мог так начисто пройти мимо слуха и сознания такой развитой девочки. О самоубийстве матери узнала из английской газеты спустя время — могла и о другом узнать оттуда. — М.б., что-нибудь более взрослое будет еще впереди. Письма явно написаны еще здесь, и, может быть, свое решение она приняла гл^{<авным>} обр^{<азом>} из-за потребности опубликования этих писем. С^{<ац>} сказал, что он и Мих. А.[Лифшиц] знали кое-что из этих писем через Ирину Анатольевну²²². —

Хваченная заморозком трава шуршала под ногами (собаки, сбегавшей со стежки).

Подмороженная трава в огороде под косой мягче, чем от летней росы.

Звонил вчера Любви Мих. [Эренбург] — все покамест, три главы («Венгрия», «ХХ съезд», «Евр<ейские> дела»). Конечно, покамест ни в какие ворота, нечего и пытаться — понимает, не возражает. Предложил вместо себя в председатели комиссии по наследию Симонова²²³.

— Нет, я плохо к нему отношусь. —

21.IX. П<ахра>

Вчера в конце дня позвонил Воронков — приехать на Секрет<ариат> к 11 ч., «чтобы без него сперва», а в 1 ч. уже «с ним». Добра от этого ждать нечего, — м.б., уже есть «установка», во всяком случае это вроде партгруппы, где предстоящий вопрос проводится предварительно.

Чему быть — тому быть. Не забыть документ о реабилитации С<олженицы>на²²⁴.

День вчерашний до крайней усталости и опять ранней постели и раннего вставания — не было еще пяти — на хоз. работах. Чистил зимнюю помойку, где за лето все слежалось и перегорело, но было так переполнено, что еще зиму некуда лить. Вывез 4 тачки добра на компостную яму, с удовлетворением ввалил все туда, присыпал торфом, притрусил травой, подкошенной за день до того. Помойку переоборудовал. — Сегодня Маша едет к Оле, а мне здесь предстоит сходная со вчерашней очистительная работа — вынести книги и все, что есть, из «библиотеки» на веранду (придут делать отопление), и уж оттуда обратно на полки — с отбором, с выбраковкой изнурительной мурсы, накапливающейся из месяца в месяц.

Идея котельной снаружи дома — новая забота, но не миновать. — А Маршак ждет.

22.IX.67. Пахра

Так или иначе — это решающий день для Солженицына, для меня и ж<урна>ла и, в конце концов, для всей лит<ерату>ры, хотя трудно уже, казалось бы, добавить что-нибудь к ее ущемленности, унижению и падению.

Решающий, но можно одно угадать, безусловно, что он, этот день, постарается ничего не решить, присыпать язву детским порошком — словом, не ввязаться в это дело принципиально. Это если нет установки, а будь таковая уже получена — явится соответственное решение.

При всех обстоятельствах подаю на этом же (?) Секретариате заявление об отпуске, из которого скорее всего не вернусь, — разве что произойдут особые перемены — да вряд ли.

Вчерашняя передача «выдержек» из писем Светланы — как будто простое продолжение семейной хроники, но все в ней вдруг (судьба Василия) приобрело иное, ужасное значение. Это почти что судьба «Степки Балбеса» из «Господ Головлевых»²²⁵. Так же и судьба головлевских девушек, ушедших в актрисы, что по понятиям Иудушки то же, что бегство Светланы на взгляд сталинистов. И там, и тут — Немезида. Отец народов и отец собственных детей. — Отдельные штрихи — мещанский мир семьи Ждановых — вот оно, то самое. —

23.IX. П<ахра> — 5 ч. утра

Как в воду глядел — насчет решающего дня, не желающего решать. Слава богу, нет необходимости восстанавливать весь этот шестичасовой «собор» — была стенограмма.

Коротко: были, конечно, и мерзкие (Кор<нейчук>, Кож<евников>, Р<юриков>), и пустопорожние (Бровка, Керб<абаев>), и хитроумные (Сурков), и даже умные выступления, были и просто отличные (Салынский, отчасти Новиченко, — умный и хитрый, но было что слушать)²²⁶.

Блистателен был Солженицын в своей заключительной речи, исполненный достоинства и неотразимой логики, — хорошо он и отвечал на вопросы и хорошо сделал вступит<ельное> заявление о «Пире победителей»²²⁷.

Ужасен в своем бесстыдстве и потакании самым подлым антисолженицынским настроениям был Федин.

Ему-то и принадлежит обрадовавшая вурдалацкую часть постановка вопроса таким образом, что С<олженицы>н должен, прежде чем получить ответ от Секретариата на оба свои письма, прежде чем быть защищенным Союзом от всяческих форм дискриминации, прежде чем будет решен вопрос о «[Раковом] корпусе», об издании сборника и т.п., — прежде всего этого выступить в печати против зарубежной пропаганды, использовавшей его в антисоветских целях, а там Секретариат посмотрит. «Он должен сделать первый шаг». Казалось бы, он уже сделал этот шаг, даже два. Нет, не получилось бы так, что Секретариат должен сперва удовлетворить его, С<олженицы>на, претензии, а уж потом услышать его слова против буржуазной пропаганды, — нет сил излагать эту циничную, иезуитскую плутню, за которую ухватились вурдалаки, обрадовавшись, что есть хоть такой повод для дальнейшего воздержания от ответа Солженицыну по существу его письма (писем).

Мое поведение на «соборе». Я почти инстинктивно занимал не самую активную позицию, распространенно вы-

сказавшись только с попыткой вернуть Секр<етария>т к старому проекту «коммюнике». Это было безуспешно — фединское предложение отодвинуло все, поскольку в нем, этом предложении, выявлялась возможность не решать, а «посмотреть». Однако под конец — будет ли это в стенограмме? — я подчеркивал, что С<олженицы>н не сможет «громить» зарубежную пропаганду, оставаясь дома «власовцем», «неназываемым» и т.п.²²⁸

Сейчас подумал, что, пожалуй, это из тех редких случаев, когда стенографистки не просто записывают слова и предложения, но захвачены, напряженно и заинтересованно слушают то, что записывают (особенно когда говорил Солженицын)²²⁹.

Он был трогателен в своей, т<ак> ск<азать>, энергической педантичности. Он все записывал (разными шариковками — синей, зеленой) на листах в разложенной на столе папочке, вынутой из портфеля, оставленного у ног, — он сидел рядом со мной; вдруг перебирал эти листы, что-то в них подчеркивал, вписывал в оставленных пробелах; он и говорил как будто наполовину по писаному, но, по видимому, это были лишь «ударные» формулировки или цитаты, а так речь была живой, изустной, крепко построенной и подпружиненной сдержанным пафосом, за которым была сила (ее не могли не почувствовать все без исключения — слушали его так, как, может быть, давно уже никого не слушали в этом кабинете, а только после того, как он кончил (закл<ючение>), как бы стряхивали с себя это ошеломление и принимались без всякой связи со слышанным только что долдонить свое, за что уже так счастливо ухватились («громи Запад»).

Особо памятные моменты его речи.

1) Когда он опрокинул концепцию «символики» его повести (это, мол, не рак медицинский, а политический), сказав, что для «символики» не было необходимости быть столь подробным в «клиническом» отношении;

2) Когда он сказал, что главное в его первом письме не «цензура», как подсказал было ему Корнейчук, — нет, не цензура, а литература, великая русская литература, завоевавшая ведущее место в мире, оказавшая влияние на всю мировую и т.д. и которая должна бы и ныне лидировать, являть образец высокой формы и свободы идейного содержания, немыслимого в буржуазном мире, — в этом роде, но лучше, изящнее, — а она сейчас не являет собой такого образца. (Вот

тут-то, как сказал подвозивший меня до редакции Салынский, тут-то и посерели лицом герои соц. труда (Федин): как же так, а мы — что?)

3) Когда он говорил, уже совсем поднимаясь над «конкретикой» предмета обсуждения и, т<ак> ск<азать>, восходя к самым высоким материям, что литература, ее роль не исчерпывается утверждением тех или иных социально-общественных форм, не принадлежит исключительно данной общественной формации, а несет на себе и ныне обязательства в решении «извечных» вопросов человеческого бытия, — в этом роде, но четче и лучше. — Мне кажется, что я всегда именно так понимал, но не помню, формулировал ли это где-нибудь²³⁰. —

Федин, то подсаживавшийся ко мне (в перерыве) как бы для «совета», то наклонявшийся к уху, когда я сидел, отодвинувшись к нему при выступлении С<олженицы>на, чтобы не сидеть за спиной или задницей последнего, — Федин пытался найти во мне опору для своей «оскорбленности» Солженицыным, говорил, повторял про «рычаг» («Запад»), который Солженицын, мол, не хочет выпустить из рук, — он, мол, тогда «сразу ничто». Я отзывался не просто сдержанно, но решительно, даже резко в другом духе, вплоть до того, что сказал ему, повторяя что-то из «[Ракового] корпуса»:

— Помирать-то будем, Конст<антин> Ал<ександрови>ч. — Дескать, не лукавь, не лицедействуй, старый бздюль, незачем.

То, что мне показалось трогательным и немножко смешным (энергическая педантичность), Федин отметил как наторенность «тяжебщика», искушенность в некоем коварном крючкотворстве:

— Смотрите, как он все записывает (сам он, кроме фамилий выступавших, вычерчивал на своих листах разные орнаменты, т.е. не следил с должным уважением за сутью дела — она ему была ясна наперед).

— Что ж, — говорю, — он вынужден быть точным, ничего не упускать, все взвешивать.

Да о чем толковать, когда ясно, что с таким ожесточением, видя в Солженицыне человека, который держит «рычаг» («Запад»), он тем более стоит на этом, что более всего на свете хотел бы сам иметь этот «рычаг», чтобы о нем шла речь в том смысле, что «Запад» может перехватить первенство в издании его сочинений и т.д. — Он ненавидит Солженицына, плохо уже скрывая это. «Круг» [«В круге первом»] он не прочел, «[Раковый] корпус», кажется, на ½, а «Пир [победителей]» — полностью.

«Мне можно уйти?» — спросил он (Солженицын), видя, что и после его слова образуется что-то вроде сказки про белого бычка («Вы должны сделать первый шаг» — «Нет, вы должны дать мне "тропинку"»), и как бы давая возможность «сбору» принять окончательное решение без него, тотчас подхватил свой портфель и удалился, — мне его задерживать было неловко, — так он и ушел. (Между прочим, на предложение Озерова «ознакомиться» в иностр<анной> комиссии с тем, что «пишут о нем», он сказал, что сегодня он уезжает домой и что у него «нет времени» изучать материалы ино<странной> комиссии.)

После его ухода дело не подвинулось ни на пядь. Бормотал что-то косноязычный мерзавец Кожевников — что-то о том, что, мол, если С<олженицын> «не выступит против западной пропаганды» — тогда С<екретаря>т составит на основе стенограммы «коммюнике», в котором усилит осуждение С<олженицы>на, а если выступит как следует, то можно будет, наоборот, смягчить критическую часть и поддержать его. — У меня сорвалось предложение (еще при С<олженицы>не) опубликовать письмо Солженицына, чтобы читатель знал, о чем речь, чтобы не было, как в случае с Вознесенским, — ответ на неизвестный читателю «вопрос»²³¹. По уходе С<олженицы>на я сказал — но это уже было в разноголосице реплик, замечаний и т.п., — что С<олженицын> «не сможет» переступить тот порог, который мы ставим перед ним, т.е. не сможет «громить Запад», не получив от нас никакого ответа на свои вопросы.

Так и разошлись, однако осталось вновь сформированное «бюро Секретариата» (в кот<орое>, м<ежду> пр<о>чим>, Сурков пытался ввести меня и Симонова, но Кожевников отвел мою кандидатуру, подлейшим образом подпустив «иронию»: «Мы знаем, что А.Т. редко посещает Секр<етаря>ат, он бережет свое драгоценное время для более важных задач, Симонов же — человек деловой»; я, конечно, самоотвелся), и, может быть, уже без меня и др., ушедших со мной не членов бюро, оно там что-нибудь решало.

Как будто ничем все кончилось. Но, как правильно понял Лакшин по моей суммарной информации в редакции, в «кофейной» его имени, куда заехали на краткий сеанс, — победа произошла, произошло нечто, что застенографировано, услышано 30 участниками (выступили 22 чел.). Произошло, обнаружилось моральное превосходство «противника», не уступившего ни пяди, заставившего слушать себя и даже подвигнувшего иных на всяческие посулы, если он «выступит»; на похвалы его «мужеству» и «благородству» в части заявления о «Пире победителей». — Нечто произошло явно

в пользу Солженицына. — Были ведь голоса даже о том, что нужно заключить с ним договор на «[Раковый] корпус», издать книжку рассказов (Симонов) с предисловием-биографией. Тут на пользу даже иезуитские замечания о том, что это «в компетенции редакции».

Что-то нужно додумать, связать с положением журнала и написать в Секретариат «из отпуска». —

А покамест пишу Солженицыну²³². —

Утро теплое, влажное, погода вроде сменилась, ночью, кажется, прокрапал дождик, возможно, еще будут грибы. Опасность — погода может помешать возведению пристройки-«котельной» (решили газ держать все же за стеной дома, — понуждает к этому в первую очередь дымоход, но и просто как-то приятнее, что эта «горелка» будет не внутренней перегородкой моего нижнего «кабинета», а снаружи). — Заняться маленько елочками.

24.IX.67. П<ахра>

С ночи моросит, теплынь, что очень кстати в связи с ремонтом и достройкой отопления — вода слита и топится лишь камин. (Вчера в основном руководящем журнале — органе теории, за 65 г., уже устаревшем, — он устаревает быстрее всех журналов²³³.) —

В чем была и есть сила Солженицына — в его идейности и убежденности. Он верит в то, что говорит, слушаясь своей совести и разума. Он был готов к этой встрече с Корнейчуком и т.п. не потому, что специально готовился, а потому, что готов всем своим разумением и чувствованием, он не боялся «ошибиться». Корнейчуки и т.п. говорили не то, что чувствовали и знали, — велений совести, как, пожалуй, самой совести, там не было. Они говорили готовые слова, какие говорят в случаях, подобных этому, — слова, которые «соответствовали» по форме, обязательны в силу понятий, сложившихся где-то вне их, но отнюдь не в силу личной обязательности. Они могут говорить и другие, совсем противоположные слова, если те внешние понятия изменятся. Так, Кожевников оправдался на всякий случай в том, что когда-то превозносил Солженицына, — тогда так полагалось²³⁴. И случись завтра быть новым понятиям извне — они, такие люди, готовы их проводить, хотя бы даже им это было не по душе, совсем не по душе, как это было в пору «развенчания культа». Они говорят те слова, которые гарантируют им личную безопасность, благополучие и преуспевание и в то же время восходящие к «решениям», «документам», «указаниям» (по-

следним), освобождая их лично от необходимости самим думать, принимать решения для себя, т.е. они способны на любую гадость и подлость, привычно относя их к высшей, независимой от них необходимости, которая все берет на себя. И когда они видят, что кто-то позволяет себе роскошь возражать этой высшей необходимости, это их раздражает: ты хочешь быть умнее, благороднее нас, а мы — дерьмо, пусть так, но погоди — сам никуда не денешься. И они старательно разыгрывают «оскорбленность», возмущение, радуются, когда находится поистине повод проявления этих эмоций, как этот злосчастный «Пир», — пусть он отведен автором и все объяснено и т.п., можно делать вид, что ничего этого не знаешь, а перед тобой последнее произведение автора, которое он, скорее всего, пытался передать за границу или распространить здесь.

У Солженицына еще та сила, что он, решившись на свое письмо съезду, решился на все самое бесповоротное — это сказано и в письме. Это вроде того, как были на фронте люди, говорившие: не боюсь — потому что не надеюсь, не собираюсь остаться в живых на этой войне, а ты надеешься, хочешь — потому и боишься, сиюминутно. Конечно, и здесь можно предположить затаенную, глубоко и далеко отодвинутую надежду, но все же это принцип поведения. Солженицын явно все взвесил, все наличествующие обстоятельства. Посадят? Пусть. Это будет лишь подтверждением, что он таки сила, — нет, это еще больше подтвердит его правоту и заставит содрогнуться сердца тысяч его читателей — он уже не один на свете. — Он учел, что пущенные по рукам его вещи уже «ушли», их не собрать, не уничтожить никакой силой. Поистине ему нечего терять. Любая санкция против него имела бы обратную силу, увенчивала бы его подвиг в русской литературе венцом мученическим (ах, как вурдалаки не любят, как они боятся этого слова «мученик», стремясь сообщить ему ироническое значение). Учел он, между прочим, и свою бедность — м.б., горчайшую из потерь своей жизни, но теперь, по крайней мере, развязывающую ему руки²³⁵. И он прав, говоря в своем письме, что его смерть может послужить лишь наибольшей силе воздействия его писаний. — Это не шутки. Так же, как не шутки его повесть о раке, т.е. не беллетристика и не «политика» — за них не стоило бы платить ценной такого личного опыта. Не шутки его «концепция» и возможность исцеления от рака. — И все, что будут вынуждены предпринимать против него, будет лишь в его пользу — и дальнейшая позорная молчанка, и любое движение по линии «укрощения» его. Это так хорошо, так дорого и, безусловно, так серьезно и значительно.

О Маршаке все время думается, и думается без напряжения, но есть опасность, что в итоге вырисовывается поэт не такой, каким он и его прижизненное и посмертное окружение хотели бы его видеть. Я не могу не подчеркнуть, что талант его по преимуществу переводческий; что знал он больше, чем мог сам (правда, знать — это также почти что мочь); что его сосредоточенность — она же и ограниченность и т. п.

1. Маршак, не нуждающийся в предисловиях.
2. Маршак «детский» и «взрослый».
3. Маршак-переводчик.
4. «Этапы» Маршака. Бёрнс Маршака.
5. Сонеты Шекспира — поздняя лирика Маршака, рожденная опытом его переводов.
6. Маршак — собеседник, наставник, критик.
7. Маршак — контрольный образец, напоминание, упрек современным стихотворцам.

Светает, дождь прекратился, иду убирать клумбу под окном кухни, пересаживать «[золотые] шары», спасти хорошую земельку от завала глиной из «котлована». — На 10 [часов] заказана машина — ехать к Оле. —

28.IX.67. П<ахра>

Два дня не присаживался за стол. Утречком третьего дня начал сам расколупывать асфальтовый отлив в углу между окном и ванной и иллюминатором уборной, снимать до глины «гравийно-песчаную отсыпку», копать глину и сразу вывозить за калитку в намеченные колдобины. Подошел Евг<ений> Антонович, подбежал Миша. В результате к приезду (вчера) Маши с Олей (из б<ольни>цы) был готов «котлован» с загруженными и залитыми раствором канавками под фундамент, а над ним сложенный кое-как, но вполне надежный от дождя навес. Вечером не без огорчения узнал из газет, что начало октября будет сухим и ясным.

Третьего дня позвонил Хитров: приехала Нат<алья> Алекс<еев>на, — она получила мое письмо в Рязани и не знает, вызывать ли Александра Исаича из его «Монрепо» — договор. Сказал оформить договор (покамест по 300×25, но, конечно, в случае напечатания — 400)²³⁶.

Вчера мои занятия с Мишей [Беляковым] (желоб, навес) прервал Верейский, подошедший к воротам: звонит

Лакшин, не дозвонился по моему тел<ефону>, т.к. я все время на улице. — Едва-едва смог дозвониться в редакцию. Цензура предъявляет требования — «совершенно неприемлемые» — по Гамзатову и в отношении моей заметки об Эренбурге²³⁷. Вот оно! Заказал машину на 10. Подобно навесу над моей ямой под будущую «котельную», по журналу у меня навес — отпуск, кот<орый>, вероятно, уже оформлен с 1.Х. Под этим навесом и буду «продолжать борьбу», т.е. буду писать безнадежные письма, буду звонить без необходимости немедленно решать вопрос об уходе, который, конечно же, предрешен.

«... "Литературное наследство" должно публиковать связанные с большой литературой... показывать процесс развития литературы, а не уровень общественного самосознания (для этого существуют издания другого рода).

И в этом смысле мне кажется неуместной и публикация подражаний "Василию Тёркину". Любое популярное и понравившееся произведение вызывает поток подражаний. Так было и с "Катюшей", и с "Синим платочком", и со многими другими. Все это предмет фольклора, а не тома... Насколько значительнее и интереснее представленные в томе письма читателей к писателям, говорящие о восприятии народом художественных произведений, помогавших ему воевать».

«Вопросы [литературы]», № 9, статья А.Бочарова.

За все годы существования «Тёркина» не было в печати такого пренебрежительного отзыва о нем. М.б., здесь отчасти уже сыграло роль указание насчет «Т<ёркина> на Колыме», входящего в эту буртинскую подборку, но вообще автор чувствует дуновение высокой политики²³⁸.

Евг<ений> Антоныч — давно замечено — склонен, как некоторые «простые» люди, к украшению речи рифмованными оборотами. Заговорили о переносе котла, — он полтонны, — говорю.

— А будь он хоть тонну. Только дайте Антону, — перенес он свою удаль и смекалку на отца явно по соображениям «формы». —

30.IX.67. П<ахра>

Цензура требовала снять у Гамзатова все относительно Шамиля²³⁹, — собственно, центральное, единственно серьезное — автобиографическое изъяснение в этой застойной премногословной штуке, — и также одно из лучших мест — про старика Абуталиба, причем оно было уже в «Известиях».

О моей заметке: апология Эренбурга, завышенная оценка его последней вещи — «подумать», т.е. исправить.

Не только я, не только Лакшин, но и Хитров, и даже тишайший Дорощ в один голос: хватит, отказываемся.

Звоню Воронкову, который два дня назад обещал мне «все выяснить» насчет проспекта, т.е. главного вопроса журнальной жизни в конце года. — «А вы не знаете, что он в отпуске и уже уехал в Болгарию?» Чудно! По образу Шауры, но тот все же позвонил перед отъездом «на длительный срок». Фокус, памятный мне с 54 г., когда Фурцева назначила мне прием на тот день, когда уже была где-нибудь в Ореанде или Сочи. — Замещающим оказался Баруздин, «член политбюро Секретариата»²⁴⁰. Мне было противно изъясняться с ним в плане «ультиматума», как будто говорю с П.Н. [Демичевым] или выше, но что еще было делать? Сказал, что мы отказываемся выполнять это требование по № 9, номер будет лежать, октябрьский вообще может не выйти и т.д. — «Я передам Альберту Андреевичу [Беляеву]» (того уже заочно величают по отчеству).

Мой телефонный «ультиматум» (я употребил в разговоре это слово в том смысле, что пусть, мол, это будет названо ультиматумом, как это у нас умеют (я имел в виду оперирование этим словом в отношении Солженицына), — разговор этот слышали свои и, кажется, бедный Абрамов, прибывший на обсуждение его романа²⁴¹.

Кое-как отвлеклись от своего, начали обсуждать, и все было даже хорошо, но все было под знаком «е.б.ж.».

Ворвавшийся Демент (по пути в свой институт) отозвал меня, чтобы сказать со слов Софьи Григ. [Карагановой] и др. о том, что Кондратович плох, лечит свой радикулит коньяком, пьет даже по ночам, плачет по телефону, — нужно, мол, нам завтра поехать к нему. Я воздержался приезжать для этого в Москву, позвонил Кондратовичу — вроде все ничего, во всяком случае мне ли не знать, что тут дружеские посещения не помога.

Абрамова накоротке, но все же sprysнули в кофейной на Петровке, — будто бы все как делу быть.

Рассказы Троепольского о пленуме РСФСР (Закруткин о «народности» Шолохова²⁴²,мышь во время речи Соболева). Утром был невесел, в постели еще — приступ тоски, но скоро прошло. День так себе, читал верстки и 2-й том Маршака, вывез 2½ тачки глины — ровнял дно котлована, вырыл ямку под дубок (думал о трех)²⁴³. В 12 собирался позвонить в ред<акцию>.

Встречно позвонил Хитров: цензура сказала, что подписывает весь номер, только, мол, сами потом расхлебывайте. Подействовало, что ли? И хотя ближайшая нерешенность

разрешилась, но радости не последовало — это предпраздничное «черт с ними, пусть пока», а главные нерешенности остаются. И уже трудно настраиваться на иной лад, строить планы, уповать на перемены: журналу жить не дадут. Нужно привыкать к тому, что журнальный период моей жизни уже позади, — это уже «дожитие», не иначе. И хотя грустно, очень грустно — почти как выход на пенсию, — но и чувство сваливающейся с тебя ноши, которая уже давно неспособна.

Маршак, т. 2.

Лирика самое существенное (он в старости, научившись лирике в переводах, стал даже природу чувствовать, старательно подмечать в ней, что ему доступно).

Газетная сатира, увы, как и газетные стихи «о войне и мире» и его «Повести (!) в стихах», а также «мемуары в стихах» (Стасов, Горький, Шаляпин)²⁴⁴, очень плохо при всей отделанности, безжизненно, — как бы он это все критиковал, если б это были чьи-то стихи!). Об этом ему говорено было в свое время.

«Память детства» туда-сюда, ближе к «лирике». «12 месяцев» — блеск, но опять же «по мотивам» и ужасные изъяны в языке — по незнанию слов народного обихода («придѣлать топорище к топору», «спрыгнула с ветки» (падчерица). А писать придется, надо, — только бы не врать. —

В тот же день. — Начал Маршака, затоптался на первой же страничке, пришли вдруг Симоновы, проболтал с ним час с лишком, теперь придет Евг<ений> Антоныч — буду ему помогать на кладке или пойду в лес за дубками — утром по мокрети сходил в лес, проверил, где они и пожелтела ли листва: готовы для пересадки. —

2.X.67. П<ахра>

Вчера и сегодня начал помаленьку Маршака. Начали вчера с Евгением Антоновичем (куда как лучше бы зваться ему Егеном, а не Евгением!) кладку котельной. Сделали водосборное углубление, хитроумно выложив его кирпичом, настелили и растолкли щебенку на полу — теперь только заливай раствором. В щебенку пошло много «добра» из кучи у ворот — цементная штукатурка с кухонной стенки, закрывавшей котел, намеченный к выносу, черепица-брак и т.п. В раствор уйдет песок со щебнем, снятый из-под старого отлива — все это приятно, — что оно идет в дело, как оконная коробка от б<ывшего> гаража, которую не знал куда девать,

а вещь. — Такими утехами заполнена большая часть дня, особенно когда мастера приходят. Оборудую кабинет, планирую то, сё, пересаживаю елочки — все это занимает, но не до самозабвения; все время за всем этим — агония журнала, приближение к «выходу на пенсию».

А выход этот по логике лет совпадает с «цензовой» старостью, которая одергивает все: планы, хорошее самочувствие. Но томления возраста и особая острота переживаний его и бесплодные мысли о смерти — все это в значительной степени от хорошей жизни, от того, что, будь так или иначе — не грозит нужда, заброшенность и т.п.

Что-то наклеивалось о том, что, выразив удачно, найдя слова безнадежному делу старости, вдруг испытываешь удовлетворение и радость, как будто и речь вовсе не о тебе лично. А так оно и есть.

Вчера или третьего дня услышал вдруг звук, такой памятный, милый и грустный с самого детства — переливчато трубный курлык журавлей — и вскоре рассмотрел их в этом подмосковном небе, накрывающем аэродромы, высоковольтные линии, правительственные и иные дачи, сады и огороды столичного пригорода. Треугольник их будто бы еще не строился, разворачиваясь то тем, то другим концом, м.б., распутанный самолетом или выстрелом с земли — так и скатился за горизонт разорванным строем... — Еду в город получать отпускные²⁴⁵, подчищать почту, но, в сущности, остаюсь при журнале — как может быть иначе! М.б., позвоню Шауре. —

3.Х.67. П<ахра>

Шауре звонил, милая Антонина Васильевна, с поликарповских времен симпатизирующая мне, попросив меня подождать у телефона, с некоторым смущением сообщила потом, что она «шепнула» Вас<илию> Фил<имоновичу>, но у него было «заседание» и он, «наверное, сам позвонит вам». Ждал до б без малого — нету. Нету и сегодня. Решив и объявив членам, что выпью чашу до дна, чтоб уж ни в чем не упрекать себя после, позвоню и завтра, и, м.б., еще раз — третий, а там уж — бог с вами, тт. руководители.

Звонил и Баруздину, чтобы вроде как поблагодарить его за участие в судьбе № 9 и спросить насчет обещанной мне Воронковым солженицынской стенограммы — нужна, мол, для работы над рукописью. Оказывается, все экземпляры, кроме одного, ушли «наверх», а с этим можно лишь знакомиться (членам Секретариата!) в секретной комнате Союза писателей.

Был опохмелившийся с утра Гамзатов, был трезвый и благостный Шинкуба, восторженно рассказывавший о своем месяце отдыха и работы в Соснах, где он был потрясен прелестями подмосковной природы, и открывший опять нам с М<ашей> возможность отдохнуть там же, где в прошлом году (вряд ли сможем из-за газа, собаки и журнальных моих забот в отпуске). Было больше бутылки коньяку на двоих, неприятные минуты среди ночи, но потом доспал до 7 ч. и все прошло. Закончил набросок вступления к Маршаку — 5 стр.

5.Х.67. П<ахра>

Но, м.б., он не так прост и незамысловат в своей ясности и общедоступности.

И то, что я пытаюсь сказать об этом художнике, при всей этой видимой ясности и незамысловатости заставляющем думать о себе куда настойчивее, чем иные сложные-пересложные мастера стиха, — это, во всяком случае, не является попыткой критико-биографического очерка. —

Нечего греха таить, с понятиями детская литература, детский писатель, несмотря на привычно подчеркиваемое нами их давно утвердившееся равноправие («что было новым словом сов<етской> литературы»), с понятиями просто литературы и просто писателя, мы все же склонны связывать представления о чем-то почтенном и полезном, специальном, прикладном и вряд ли обладающим ценностью художественного первородства. Мы чаще всего при этом имеем в виду среднюю стихотворную и беллетристическую продукцию, составляющую «вал» Детиздата. Такие же примерно, как — перевод, переводчик или «текст песни», «поэт-песенник».

С утра начало что-то складываться в голове о детском Маршаке — только бы удержаться от легко набегающих лишних слов. Нравственное условие, какое ставит дет<ская> литература. — Правдивость и цельность. Дети не любят обманываться, как взрослые. Не терпят того специально для них тона, к которому прибегают взрослые. Дети, кроме самых маленьких, не любят детской литературы^{24b}. — Ч<уковский> о названии изд<ательст>ва «Детиздат». Демократизм формы, к которому М<аршак> был подготовлен классиками и к которому обязывал дет<ский> читатель. «Запад» в детском Маршаке и переход к «переводам», а оттуда к Бёрнсу — главной любви Маршака (я мало чего могу прибавить и ничего не изменяю в моей давнишней статье).

Чудный день — не уходил бы со двора. Вчера вечером принес один, сегодня другой дубок из леса, посадил. Поливал сад на зиму — первый опыт. Две машины песка (не было ни гроша). Делали с Егеном «стяжку» в котловане — заливали раствором начисто, штукатурили обнаженный фундамент дома.

Желтые листочки березы — на влажный цемент, — м.б., хорошо, что не написал все, что надумалось, сегодня же, — уже вижу, что было бы лишнее то, другое.

Тетрадь — таких у меня не было и нет — кончается, — нумерую ее и попробую вынести на белые листы «содержание».

Завтра Москва — деньги за отпуск и за Исаковско-го²⁴⁷, — опять стариковская сметка: будет 1000 — положу на книжку.

12.X.67. П<ахра>

Статья идет усиленным темпом, и, кажется, найден более продуктивный план, чем в случаях с Буниным и Исаковским: не очерк жизни и твор<чест>ва, не изложение и описание, не последовательный разбор всего по хронологии или жанрам, а размышление о Маршаке, отчасти близкое к наброскам портрета, разумеется, возможного, т.е. порядочно идеализированного, но все же в пределах его действительных заслуг и значения. Иду за мыслью. Много еще набегает лишних слов и фраз, но уже чувствуется некое развитие, правда, уже написано 13 моих страниц (на обороте отставных деп<утатских> бланков, а еще ни одной цитаты. Цитат будет мало — впереди моя бёрнсовская статья (войдет с малыми добавлениями), но перед тем необходимо все же показать и образцы детского Маршака (только по ходу мысли). Статья будет из трех уже обрисовывающихся частей: Маршак — детский, М<аршак> — бёрнсовский, М<аршак> — лирический и всяческий.

По утрам гуляю в новых прочнейших хакиевых [штанах] (тонкобрезентовых), с заклёпками по углам швов. Накупил вообще трою, но одни совсем домашние, другие — лыжные — те и те со штрипками.

Слушали восьмичасовую (веч<ернюю> передачу Би-Би-Си, м<ежду> пр<очим> комментарий к какому-то документу в «ЛГ» об ответственности писателей, передающих за границу свои произведения — вполне разумный и если враждебный, так разве что с точки зрения Мелентьевых. Эта акция

(в «ЛГ») по отношению к писателям, говорится в коммента<рии>, как бы отвечает на письмо «знаменитого писателя Александра Солженицына». Упоминается и д<...> «поэт Вознесенский» с его письмом (куда конь с копытом, туда и рак с клешней)²⁴⁸.

В основном закончена «котельная», отвлекавшая меня от статьи и пр. Но как это приятно что-то сооружать, лепить, исхитряться в поисках материала и отдельных конструктивных решениях. Сегодня лишь после обеда присоединился к Мише и Ев<гению> Ант<оновичу>. Крыша сделана основательно — покамест рубероидная, но наготове и белое железо — будет как над крыльцом, и удобно сметать снег, имеющий тенденцию именно здесь шухать с большой крыши, м.б., подтаивая от трубы. Зачем это? Не знаю, но если уж вести записи, то не записывать того, что живейшим образом занимает, — странно было бы, точно бы я стеснялся этих своих увлечений в такой же мере, как иных.

В этой тетради, сшитой мне не то еще покойным (сколько уже у меня покойных!) Тарасенковым²⁴⁹, не то в типографии «Известий», нашлась копия моего письма Хрущеву на счет «Ивана Денисовича» Солженицына, кот<орый> теперь мимоходом именуется «знаменитым писателем». Приятно было его прочесть, в нем нет слов, которых бы стыдиться спустя столько времени (не вдруг вспомнил, какого оно года, определяю по выходным свед<ениям> издания «Одного дня» в «Совписе» — 62, но м<еся>ца не помню без тетрадки, не то июнь, не то июль)²⁵⁰.

На всякий случай занозу.

Дорогой Никита Сергеевич!

Я не счел бы возможным посягать на Ваше время по частному литературному делу, если бы не этот поистине исключительный случай.

Речь идет о поразительно талантливой повести А.Солженицына «Один день Ивана Денисовича». Имя этого автора до сих пор никому не было известно, но завтра может стать одним из замечательных имен нашей литературы.

Это не только мое глубокое убеждение. К единодушной высокой оценке этой редкой литературной находки моими соредакторами по «Новому миру», в том числе К.А.Фединым, присоединяются и голоса других видных писателей и критиков, имевших возможность ознакомиться с нею в рукописи.

Но в силу необычности жизненного материала, освещаемого в повести, я испытываю настоятельную потребность в Вашем совете и одобрении.

Одним словом, дорогой Никита Сергеевич, если Вы найдете возможным уделить внимание этой рукописи, я буду

счастлив, как если бы речь шла о моем собственном произведении.

И хочу надеяться, что, обращаясь с этой просьбой, я не злоупотребляю Вашим дорогим для меня добрым отношением.
(А.Твардовский)

Здесь неправда только о Федине, который и тогда уже лукаво увернулся от разделения с редакцией ответственности за это дело и назван здесь вполне сознательно на основании его словесного (только!), вырванного мною одобрения решения редакции со словами: «Смотрите, смотрите, ребята», — как бы, мол, не того.

Прошло пять лет с небольшим. С этого письма началось все то, что происходило и происходит в нарастающей последовательности со мной, Солженицыным, «Новым Миром» и всей литературой.

15.X.67. П<ахра>

12.X вечером позвонил Симонов: виделся с П.Н.[Демичевым]. Тот «не возражает» против объявления «100 суток» в проспекте. Однако на слова Симонова: «Тогда я скажу Шауре от вашего имени» сказал: «Я ему сам позвоню». — Я позвонил тотчас Кондратовичу, изготовились лепить проспект так-сяк.

13.X. Не поехал на панихиду по И.С.Исакову²⁵¹, — Марьямов с Заксом отвезли венки. При Гамзатове и еще ком-то звоню Шауре. Многозначный вздох бедной Антонины Васильевны. «Ах, А.Т., мне уж и неловко». — Нет, А.В., это мне неловко перед вами, и сейчас неловко — но я прошу вас передать В<асилию> Ф<илимоновичу>, что я звонить больше не буду. — Вздох. — «Я передам».

Отвлечся тем-другим, С<офья> Х<анановна> вышла в буфет, звонок, снимаю трубку, какой-то неуверенный голосишко: «Это редакция?» — Да. — «НМ»? — Да. — «Мне А.Т.» — Я слушаю. — «Это Шауро». — Ах, боже мой, — говорю, — значит, медведь в Брянском лесу протянул-таки ноги²⁵². — Это при людях — Кондратовиче, еще ком-то. В<асилий> Ф<илимонович> шутки не принимает, объясняется темно и многозначительно: вот, мол, был у меня Конст<антин> Мих<айлович>, говорили о его вещи и обо всем в целом вашем вопросе, нужно, конечно, нам встретиться, поговорить... Я отвечаю что-то в том смысле, что «поговорить», собственно, это само собой, но как с проспектом. — Вот об этом и нужно поговорить, посоветоваться. — Но он должен уехать сегодня в Киев. — Давайте назначим на среду, когда для вас удобнее. Ну, хорошо, давайте на 3 ч. в среду. Все.

Вечером Симонов рассказал, как он был у В.Ф., навязавшись против желания того «на 10 минут».

И, чудны дела твои, господи, В.Ф. говорит ему: да, мол, П.Н.[Демичев] так сказал, но я лично (он — лично!) считаю, что это было бы необдуманнным решением, надо посоветоваться, взвесить и т.д. Словом, все до среды, по крайней мере, да и среда не сулит ничего, кроме задушевной беседы в протяг времени. — Я дал команду жить без проспекта.

Почему он позвонил не через Ант<онину> Вас<ильевну>, а сам по мужскому телефону — ясно: чтобы не показать той, что он тотчас встрепенулся, а передо мной сделать вид, что он как бы ничего и не знает о моих последних словах, а звонит так, сам по себе, да еще со знаком уважения — сам, а не через секретаря. Но я помню, как, прежде чем позвонить мне через секретаря, он через помощника узнавал — на месте ли я. Плутни, мелочные извития хитрости, «дипломатии» — будьте вы прокляты.

Вчерашний день начал с отличного дубка, принес и посадил, переместив березку, а там и пошло — елки с места на место в линию с теми, что сами выросли у забора. Работалось хорошо, хотя накануне с Расулом и Сацем посидели в «Арагви». Погодка сломилась было, но опять выровнялась в золотую. Работалось и думалось хорошо, но уж так хорошо, что и опасно: когда уж очень становится хорошо — знай, что будет плохо.

Заказал машину ехать во Внуково — за кленами и поговорить с Валею о Маше: она по-видимому, больна, жалуется изредка на боли в области живота. Но при ее скрытности больше молчит, но мрачна.

17.X. П<ахра>

Из Внуково привез пять кленов, один америк<анский>, несколько прутиков — отростков сирени, два прутика белой акации с участка Исаковского, росточек-однолеток маньч<журского> ореха — для смеха. Вчерашний день ушел на их посадку; выкорчевал дурную ель над сиреневым садиком. Возвращался из города в дождь к 11 ч., дождь был и ночью, но сейчас ветер уже подсушивает почти совсем голый лес: с утра не затевать ничего на участке, не надевать рабочих штанов — день и без того все короче. Завтра — Шауро.

Вчера в городе:

1) Операция «Федин», проведенная Конд<ратовичем> и Хитровым в связи с нашей вклейкой в «праздничном» (10 №)²⁵³. — «А Федин подписал?» И оказалось — нет. Они — к нему, нагрянули нахрапом, застали в кухне-прихожей, где он присматривался к раскатке теста и был явно в неудовольствии от их появления. Потом успокоился, просмотрел список давших автографы, убедился, что Солж<еницы>на там нет, совсем повеселел, одобрил, подписал; расспрашивал обо мне — все хорошо, пишет о Маршаке и т.д. — «Ну, а как его любимчик?» — ? — «Ну, этот "мессия"» (т.е. Солж<еницы>н). И говорил о нем с очевидной злобой, плохо скрытой завистью, как отметили оба. —

2) Операция «Исаковский», собственно, была полупроведена мной еще третьего дня во Внукове, где я сказал Антонине — Нине Ивановне, что не дозвонился и очень прошу Мишу никуда не давать эти стихи.

Вчера забежал к нему перед вечером Гамзата Цада-сы²⁵⁴, впопыхах, но с решимостью объяснял ему, что это выступление против Вознесенского, сейчас особенно, крайне было бы нехорошо для него, Исаковского, поставило бы его в ряд с Алексеем Марковым, Фирсовым²⁵⁵ и т.п., во всяком случае — появление этих стихов сейчас в «Правде» или где-нибудь я бы принял как личное несчастье, — в этом роде. Сперва он был взволнован до крайности, я знаю его тугодумство и его обычное «этого я не знаю», но, кажется, до него дошло наконец. Условились, чтобы он предупредил появление этих стихов, ненароком, в той же «Правде», где они, однако, были уже отклонены Зимяниным (сообразил-таки!). Как бы шутя попросил меня вернуть ему экземпляр стихов, я передал с готовностью и серьезно, оставив себе лишь сопроводит<ельное> к ним письмо. Ант<онина> — Нина все время вертелась, хотя приличнее было бы оставить нас вдвоем, и наконец не вытерпела: «А все же я не понимаю, почему нельзя дать по морде этому щенку». Я односложно ответил, что «щенок» только спасибо скажет. — Эта д<...> толкает, оказывается, может толкнуть его на любую глупость.

Высидел в президиуме²⁵⁶ положенную тоску, без удовольствия выпил две или три рюмки коньяку на скучных «поминках», предложив тост за Расула, и убежал «к телефону» — машина была заказана. Маршак и Мандельштам (макет)²⁵⁷.

19.Х. П<ахра>

Встреча с Шаурой была бы всего лишь пустопорожней, как и предполагалось, если бы она ограничилась вопросом, с которым я пришел — о проспекте ж<урнал>а на 68 г. «Дайте имена, но не указывайте названия произведений». — Одни имена, говорю, это все равно что ничего. Разъясняю, как это плохо со всех точек зрения. Он обещает поговорить с Кириленко²⁵⁸, Суловым, «но рекомендация, наверно, будет такая же».

Но он затеял речь о Солженицыне, и мне все это пустотробию так надоело, что у меня «соскочил крючок», когда он сказал: «Вот его ЦК выдвинул, поднял и т.д., а чем он ответил? "Пиром победителей"». — Я вскипел и рубанул прямо в глаза: «Как вам не стыдно, В<асилий> Ф<илимонович>, вы же лжете и сами знаете, что лжете, — ведь вы же знаете, что "Пир" этот написан более 20 лет назад, в аду концлагеря», и поехал и пошел. — Он с огромным самообладанием сказал, что на оскорбление он не будет отвечать оскорблением, но что я буду жалеть об этих своих словах. Тут и беседа быстро закончилась, было совершенно ясно все, что и без того было ясно, но еще и то, что он «доложит» с добавлением и что мне сюда ходить больше незачем. Так и сказал я ребятам, ожидавшим меня в редакции. «Посидели» в столовке, усидели не так много вчетвером, но провал в памяти — как ехал, как приехал — неприятен. Утром быстро прошло, опохмелялся тачкой. Был у Дементя — о Мандельштаме. — Вчера была статья Г.Бакланова о Тёркине²⁵⁹, очень тронувшая меня, — так, пожалуй, еще о нем [Тёркине] не писали.

Впервые в этом году отметил, как вдруг прочертились на вечеряющем небе голые прутья берез — совсем голые, только на иных сохранилось то полкроны, то край, то самая макушка.

22.Х. П<ахра>

Там, сям дымок садового костра
Встает над поселковыми задами.
Листва и на земле еще пестра,
Еще не обесцвечена дождями.

Еще земля с дерниною сухой
На холодке не пахнет духом тленья
И, наизнанку вывернув коренья,
Ложится под лопатой на покой.

Еще не время непогоды сонной,
За сапогом не волочитесь грязь.

И предается, молодо бодрясь,
Своим утехам возраст пенсионный²⁶⁰.

Это уже как бы задним числом. Третьего дня был первый белый утренник, а сегодня ночью шел дождь, еще мокрые доски балкона, но, правда, опять проясняется. Все дивятся осени и расхваливают ее подарочные деньки с обычной грустной признательностью к ней. —

То, что теперь где-то там на Венере находится частица земной материи в виде хитроумной штуки из металла и иных превращений, делает нашу планету вдруг совсем маленькой в этом невообразимом сонме светил, маленькой и целиком более родной — уже земля родная — это вся Земля, планета. —

Зряшная, если не считать переписки части Маршака да еще мытья в ванне, поездка и ночевка в городе. Две выпивки, а посередине пустопорожний пленум, на котором я посидел минут 20 от силы на одной из верхотур Дворца. Однако увидел Шауру за столом президиума и увидел, что он меня увидел, появившегося с опозданием уже в то время, как Федин с манерной медлительностью тянул кота за яйца²⁶¹.

С отдаленной верхотуры
Модернового Дворца
Я товарища Шауры,
Попечителя культуры,
Рассмотрел черты лица.

26.Х. П<ахра>

Насколько ужасны и не подходят возрасту ранние пробуждения, когда ты «не в порядке», настолько они хороши и соразмерны зрелому рабочему возрасту, когда все нормально. Мысль, подготовленная исподволь в напряжении и неразберихе, вдруг выступает с непреерекаемой (покамест!) убедительностью.

На сегодняшней «активной» прогулке с Кунькой томление и недовольство наползающей «монографичностью» статьи, нараставшее в эти дни работы, сменилось убедительным планом строить ее расчлененно, именно как заметки, не тратясь на «связки», не пускаясь в скороговорку пересказов и охвата всего. Это, между прочим, в духе лучших статей Маршака, как «Об одном стихотворении», «О поэтическом переводе». Иначе — в этом безнадежном стремлении к ис-

черпывающему описательному «охвату» всего Маршака — не избежать статейной тоски, «литературоведческого» пустоутробия и не миновать незавершенности, неполноты. Уже написанное, будучи освобождено от «связок» и «переходов», имеет кое-что, но еще нет «детского Маршака» в такой хотя бы отчетливости, как написанный 16 лет назад Маршак — бёрнсовский.

Вчера в городе — поганец Возн<есенский> со своим «Заревом» в «ЛГ» — ему должно что-то достаться от Маршака²⁶². — Лирическое притворство вокруг пойманного вдруг словечка, не говоря уже об «ответе» ЦРУ в форме саморекламы, который вполне устраивает «человеков-невидимок» (выражение Гончара на пленуме, правда, не попавшее в отчет), руководящих литературой, и которое как бы подсказка Солженицыну — что ему делать. Но тот знает, что ему делать.

Интереснейший пересказ Кондратовичем рукописи двух авторов-мемуаристов — о бензопроводе под водой Ладожского озера, проложенном в 42 г., весной, когда, лишившись «Дороги жизни», фронт и город должны были изнемочь без горючего. Мне трудно привыкать быть равнодушным к таким находкам журнала, вернее, подаркам, какие он способен вызывать на себя²⁶³. С цензурой нескончаемая пря через Эмилию [Проскурнину].

27.X.67. П<ахра>

Вчерашний день в городе — деньги в См<олен>ск²⁶⁴, письма — о Мандельштаме²⁶⁵, Баграмяну, рекомендовавшему рукопись, о которой с таким восхищением рассказывал Кондратович, оказывается, еще 15 июля. Я завыл от огорчения, но бранить К<ондратови>ча не мог — он чистосердечно сказал, что рукопись с ее заурядно-журналистским названием «Артерия жизни» пролежала все это время у него. А письмо-то Баграмяна на мое имя и что я такой невежа в его глазах. Не знаю, исправил ли я дело своим вчерашним письмом, несмотря на всю изысканность и почтительность тона. —

Звонила Юдина Мария Вениаминовна²⁶⁶ (к стыду моему, только со слов С<офьи> Х<анановны> узнал, кто она такая), просила о встрече для переговоров о ее мемуарах, где, м<ежду> пр<очем>, о Маршаке, Пастернаке и др. поэтах. Уклонился от встречи до ознакомления с рукописью.

Кондратович сообщил: задержана статья Ю.Смолича²⁶⁷ (праздничная, идейно 100-процентная), выправленная по замечаниям Галанова (собственно, это единств<енный> наш руководитель из числа «человеков-невидимок») и самой цен-

зуры. К<ондратови>ч звонил Галанову, тот ему: сходите к самому Назарову. К<ондратови>ч опять звонит Назарову. Тот: мне незачем с вами встречаться. Статья написана с антипартийных позиций. К<ондратови>ч опять к Г<алано>ву.

Тот: ах, ах, не вмешается ли А.Т. — Я звоню Беляеву, излагаю все со слов К<ондратови>ча о Смоличе: старейший укр<аинский> писатель, член партии с 18 г., три инфаркта, — если мы сообщим ему обо всем, то наверняка будем виновниками его смерти. Альберт Андреевич вяло, со вздохом (надоели!) обещает позвонить Назарову. Ждем до конца дня — ни звука. С<офья> Х<анановна> проговаривается, что в холодильнике давным-давно стоит бутылка коньяку, присланная с Хитровым от Расула. Выпили ее под яблочко четвером + Софья Ханановна. Вызвал машину, заехали в кофейную (я, Сац, Хит<ров>), добавили. Проснулся в том самом настроении, которое противопоказано возрасту, читал, досыпал, сейчас ничего, но пора, пора!

Вчера пришла воодушевляющая мысль развить и округлить отрывок второй дополнительной «А помнишь ночью предосенней» в смысле юбилейном.

И возраст наш и возраст власти.

Когда позвонила Роза Як. [Головина] вслед за письмом Сутырина, на кот<орое> так или иначе нужно было ответить, уже, между прочим, «обстоятельствами» указал и на то, что, мол, еще не закончено то, с чем мог бы выступить на предпраздничном общемосковском²⁶⁸.

Пусть и не напечатают (ни одна из газет, даже «ЛГ», не просит у меня ничего Октябрьского), но меня бы это очень поддерживало самого. В связи с этим хотел говорить с Крюковым, что «Маршак» может у меня затянуться, что в кр<айнем> случае пусть 5-й том идет со старой статьей, но Крюков был на вечере, «посвященном» (это было в 2 или 3 ч. дня), сегодня и у нас вечер часов в 6. Обещал быть, хотя и с опозданием²⁶⁹.

19.XII.67. П<ахра>

Значительную часть этого времени «тянул проволоку», потом болел, выздоравливал, разбирался с почтой, вступал в жизнь ж<урна>ла, как обычно. Сейчас хорошо, как после болезни, да так оно и есть. Ни «утренних ужасов», ни той тоски, — выправился, хотя, как всегда в таких случаях, уже казалось — не поднимусь. И предательская сладость отчаяния — «пропади всё пропадом» — и полное отвращение к жизни,

и безволие, и стыд праздности. Все вспоминал, что вся жизнь с юности — борьба с этим периодическим (бывало, с войны) довольно регулярным наваждением. М.б., полжизни ушло в болото. И в то же время не могу сказать, что это всегда было одной бедой. Не согрешишь — не покаешься. От расслабленности, тоски, отчаяния — через выдержку неизбежно тяжелейших дней и часов — к освобождению, душевному подъему, радости (работа, сон, еда — все хорошо). Через минутные страхи и стыд — к обретению спокойствия, уверенности, легкости. Было — что не скажешь — было. Но годы не те, подходит старость, все обходится куда дороже. Будет!

Евг<ений> Ант<онови>ч: — Надо кончать, А.Т. Не идет она вам, и вид теряете...

Сразу же по возвращении к норме забрезжило что-то насчет Солженицына.

Звонки Воронкова Кондратовичу, новые интонации работников Отдела в отношении этого имени. Речь идет о книге и «Корпусе».

Пождал, пождал — звоню сам Воронкову.

— Да вот я вызвал его, жена ответила, что он в отъезде.

— Я вызову его, если нужно.

— Да. Я так думаю, что все уж там (на Западе) утихло, незачем опять это ворошить (т.е. требовать его «ответов» буржуазным писакам), надо решать его писательскую судьбу, — говорит так, как будто это его личная инициатива, жалуются, что «никто ничего не хочет решать», и т.п.

Вчера был Солженицын. Мы думали, он приедет обрадованный каким-то, хоть малым, движением воды, а нет. Квасец! — Зачем они меня вызывают? Книжку издать? А разве без меня нельзя издать? — Окоротил его маленько, едва сдерживая себя. Полное пренебрежение судьбой журнала, людей, которые из-за него терпят, мягко выражаясь, недоверие (Лакшин, не говоря уж обо мне)²⁷⁰. Квасец! Вы обратили внимание в 10 № на «мемуары» Бартова?²⁷¹ — Нет, я не читал, — увидел, что там у вас все что-то юбилейное... Он уже не читает ничего, кроме того, что ему по плану. Бог ему судья, но я уже жалею, что надписал ему Лирику этих лет «С неизменной любовью», не добавив: «к его таланту». Его самого я уже просто не люблю.

Закончил Маршака — худо ли, хорошо — гора с плеч. Он и отсюда понуждает ко лжи, заставляет говорить о себе то, что ему хотелось. Как вдруг я узнал, что и «Детки в клетке» перевод с английского, о чем он никогда не проговорился. Многим я ему обязан (впрочем, кто кому и чем!), но он с пер-

вых встреч еще подсознательно был мне в тягость: всегда настороже, всегда свой интерес, подгребание под себя. Никакой поэтической забывчивости либо беспечности. Вряд ли даже он отдавал себе отчет, что он и самого себя всю жизнь обманывает, не желая взглянуть правде в глаза. Натура не поэтическая по самой своей природе, бешеная сосредоточенность, ненасытное тщеславие и действительно беспредельная любовь к поэзии (с ограничениями) и глубокое знание, острое зрение и слух, нюх до всего, что касается «мастерства» (в пределах).

Еду сегодня для встречи с Воронковым, и Сартаковым, и моим подшефным²⁷².

27.XII.67. П<ахра>

Встреча 19.XII была в составе: Воронков, Сартаков, Солженицын и я.

Нет, они не отказались от секретариатского (фединского) требования отмежеваться от «Запада». Но это было уже не требование, а почти что мольба: напишите один абзац, что вы отвергаете это сочувствие и поддержку. Воронков даже вроде бы соглашался, что можно таким заявлением считать речь С<олженицына> на Секретариате, где он говорил о «родной земле» и т.п. Но бухгалтер Сартаков все время возвращал беседу к «трем копейкам», без которых баланс не сходится. Пробовал и я нажимать на С<олженицына>. Я отчетливо представил себе, что для внутреннего употребления написать можно без единого стыдного слова, примерно:

Я очень сожалею, что мое письмо, помимо моей воли и намерений, послужило поводом для разнузданной (!) антисоветской кампании. Я не нуждаюсь в сочувствии и поддержке моих доброхотов из бурж<уазной> печати и радио.

Вместе с тем я не могу отказаться ни от одного из пунктов моего письма по существу и настаиваю, и т.д.

Но С<олженицын> сказал, что это опять переворачивает все с ног на голову, что он не может сделать этот «первый шаг», его должен сделать Секретариат.

Я несколько раз в ходе беседы сказал как о решенном: сегодня сдаем в набор первые 8 глав «[Ракового] корпуса». Воронков выразил готовность «провести» решение Секр<етария>та в духе «на усмотрение редакции», но Сартаков тормозил зюзякоющим голосом червя-древоточца.

Все же под конец мы согласились о ближайших «мероприятиях»:

1) Я сдаю в набор первые 7—8 глав.

2) Воронков звонит в «ЛГ» о том, чтобы она дала отрывок со сноской.

3) Солженицын забирает в Гослите лежавшую там два года рукопись сб<орни>ка рассказов (когда-то я говорил о нем с Косолаповым) и передает ее «Сов. писателю».

4) Я пишу предисловие к сб-ку, с тем чтобы ввести биографическую справку для опровержения «измышлений», и «ЛГ» печатает его со сноской: предисловие к подготовленному к печати сб-ку С<олженицына>.

На другой день мы с М.Хитровым пошли к Грачеву, зажгли его «задачей», которая, «вы сами понимаете, имеет не только литературное значение». Набор был сделан в одни сутки, [экземпляры] розданы и разосланы членам редколлегии.

22.ХІІ, в пятницу, звонит Воронков, хочет поговорить «с глазу на глаз». Еду к нему назавтра. Он встревожен, говорит, что позвонил ему Романов (главцензор) и еще один был звонок из КГБ: соответствует ли действительности слух о том, что есть решение Секрет<ария>та об опубликовании «Р<акового> к<орпуса>»? «Я, конечно, сказал, что никакого решения нет, но ведь мы не можем запретить редакции готовить рукопись к печати»²⁷³.

Мольба: надо повлиять на С<олженицына>, чтобы он написал хоть один абзац для Секр<етария>та, для той его части, которая решительно против каких-либо движений до того, как он выскажет «свое отношение». Неужели же Секр<етария>ту склонять перед ним голову после того, как Конст. Александрович [Федин] четко и т.д. Поймите, А.Т., я вас очень люблю и больше всего не хочу, чтобы ваше имя опять пошло в оборот в этой связи. Мне нужен этот пункт в самой минимальной форме. По пальцам: у меня есть документ, представленный вами, — решение Воен<ной> коллегии²⁷⁴, и — «измышления» прочь; есть заявление С<олженицына> о «Пире [победителей]» — прочь; нужен еще этот пункт, и тогда я отвечу кому угодно на любой вопрос.

Из всего я окончательно заключил, что дело передано на решение Секретариата, но известная, пожалуй, наиболее значительная часть Секр<етария>та настроена враждебно и не преминет показать это, получив такую волю. А там волю предоставляют, когда вопрос трудный и сами не знают, как с ним быть. Решайте, мол, а мы посмотрим: промахнетесь — будет взбучка, пройдет удачно — скажем, что мы это и имели в виду.

Вечером позвонил Кондратовичу, чтобы он наутро сходил на почту, послал телеграмму «Необходим ваш приезд». В понедельник был ответ: будет во вторник в 3 ч. Прождал его

вчера до 5. Уехал, с тем чтобы ехать сегодня к 12. — Добивал Маршака и зачищал пятый том. — Елочки.

После морозов, достигавших 28—29 градусов, — оттепель, вчера возвращался из города сквозь мокрую метель. —

[...] Живем в молчании, и все в ушах эти несправедливые, глупые, но почему-то обидные слова Маши: «Ты все преувеличиваешь, ты трус, боишься пойти в ЦК и поставить вопрос». Боже мой, никого и ничего я не боюсь, но идти мне некуда и говорить не с кем, и я уже изведаль, как тебя не хотят принять, уклоняясь под разными предложениями, или примут (Шауро), чтобы отметить у себя «беседу» — пустопорожнюю, безрезультатную. —

Принял решение и отчасти уже объявил об этом (Хитрову, Дементьеву), что если не удастся склонить С<олженицына> к разумному тактическому шагу — ухожу, нечего больше. Дело не просто в «Р<аковом> к<орпусе>», но в том, что за ним целая цепь... — Неужели и на этот раз найду какой-нибудь повод, чтобы остаться и прозябать? Нет. Все.

5 ч. 30.XII. П<ахра>

Вчера спустили воду из «системы» и почему-то прежде, чем «врезать» новый котел, «вырезали» старый и вынесли его. Под конец дня мастер Вас<илий> Вас<ильевич> угорел от сварочных газов, работу прекратили, и мы остались с одним камином на всю эту двухэтажную «халабуду». Весь день топил, спать лег под тремя одеялами — ничего. Встал в пятом, топлу. Содвижение всяких предновогодних обстоятельств с Машей и, возможно, этими ребятами может оставить нас с камином на праздники, — благо, что вода спущена и мороз пошел на убыль — сегодня — 10 градусов. Признаться, до беды далеко, и есть даже некоторая «романтика» очага, который уже не для красоты в равномерно обогреваемом от котла доме, а единственный источник тепла. Сколько раз я при бессоннице вызывал воображением лесные избушки, полевые сарайчики, баньки, занесенные снегом скирды или стога, где вдвоем с кем-то (чаще всего с Ив. Серг. [Соколовым-Микитовым]) угревался и дремал с особой отрадой живого тела, обретающего «микrokлимат».

Чем-то больна, не ест третий день Куны. — Глаза больной собаки — в них виноватость доставляемым беспокойством, и мольба, и ни нотки свойственного больному раздражения, нетерпеливости. Что-то сожрала по глупости и не

может освободиться. Похудела, спина зубчатая, талия — можно, кажется, рукой обхватить. [...]

Солженицын отозвался было на нашу телеграмму, что приедет во вторник к 3 ч., но не приехал, а на другой день телеграмма от него: трудно выехать из-за предновогодних затруднений (что это означает — не совсем ясно), нельзя ли отложить до 2—3 января? Потом появился «случайно» в редакции муж его родственницы, через которую он связывается и с нами. Все полно какой-то психовой и неприятной «конспиративности». Муж этот — я с ним говорил по телефону — чего-то крутил и неловко врал, что не имеет связи с С<олженицыным>, однако видно было, что имеет и что он послан выведать причину вызова. Надоело все это до крайности²⁷⁵.

А тем часом — в связи со сдачей в набор части рукописи — звон, тревога, окольные запросы (звонит Грачев: ему звонили из Отдела), вызовы (вызывал Беляев Кондратовича: «Что у вас там? Опять вы сами себе создаете трудности»). Но сам дрожит — не было бы неприятностей). Воронков моментально отмежевался: никаких «решений» Секр<етариа>та о сдаче в набор «Корпуса» не было, это дело редакции. — Это он мне говорит, что он так отвечал на «запросы» из разных верхов. При встрече у Подгорного на мои слова о том, что я постараюсь и надеюсь повлиять на С<олженицына> в смысле письма его в Секр<етариа>т, Воронков уже довольно безучастно пожал плечами: — Ну что ж, давай бог... А прежде еще сказал мне фразу: «Теперь мне придется отвечать» — тут и упрек, и подчеркнутая горечь «козла отпущения», и еще что-то хитрое на все случаи.

С получением ордена²⁷⁶ и сдачей Крюкову т. V [собрания сочинений А.Т.] закончились, по кр<айней> мере, мои мучительные опасения конца года.

1968

1.1.68. Пахра

Встретили Новый год с младшими молодыми под знаком печального конца Куни. Третьего дня, видя, что дело все хуже — не ест, не пьет, только перебирается с места на место и глядит, глядит своими большими золотисто-карими глазами с горьким недоумением и виноватостью — вызвал машину, поехал за врачом, который в свое время обрезал ей уши. Нашли его с трудом на окраине в сторону Щёлкова, за дер<евней> Колошино, в одном из новых сравнительно домов. Шофер Володя — фамилии не знаю, возил меня раз или два — милый паренек, безропотно поехал из одной дали в другую — обратно на Пахру. Доктор, точнее, ветеринарный врач, полковник в отставке, симпатичнейший еврей-говорун, когда-то служивший в армии Буденного. Куня пыталась еще подняться навстречу Оле с ее Володей, глаза заблестели. Она стала было приседать, как обычно от радостной встречи приседала и мочилась, но только вновь опустилась на пол. Бедная Оля гладила ее большую добрую морду.

Понадобились глюкоза, уротропин, еще что-то. Бросился на машине за Верейским (шоферу перед тем вынес перекус и оставил в его печурочке трешницу «на после дежурства»), а с ним на медпункт профилактория — там у него связи (Валя, Валентина Петровна Ерофеева, медсестра). Дома все что требовалось, даже шприц. Подняли мы Куню на стол, с которого свисали ее беспомощные длинные ноги, и по тому, как она совершенно безразлична была к тому, что с ней делали, можно было понять, что она уже не жилица, но так не думалось. Оля настояла на том, чтобы забрали ее в город и там организовать с помощью врача уколы и пр. — Вынесли ее с Володей на том же одеяльце в машину, условились с шофером, что довезет только до Котельников, а врача Володя доставит домой уже на такси. — Я пошел погулять, завернул к Антокольскому, занес ему книги, к Бакланову, чтобы увидеть там Бредихина¹ и сказать ему о нашем сидении в неотопливаемой даче, Дементьеву — просто так; потом он меня проводил еще, вернулся я домой около 10 ч. вечера. Маша, вся в слезах, встретила меня сообщением, что Куня сконча-

лась (как-то не скажешь иначе) еще на Ленинском проспекте. Врач отвез ее на вскрытие (сам вскрыл в пустой лечебнице): отравление какими-то химикатами — ясно, что от газощиков — нализалась какой-то дряни. Помочь можно было только в первые два часа. Прожила она эти четверо суток с полным поражением всех внутренностей. Оля говорит вчера, что она, Куня, ждала ее по своему собачьему расчету времени до субботы и, дождавшись, перестала — перестала тянуть, сдалась. М.б., и так. — Кажется, возьмем внуковскую сироту — он все не идет у меня из головы со своим собачьим одиночеством на пустой даче². Валя с Сашей не понимают, что это никакой не сторож, а узник, пребывающий день и ночь в неотступном собачьем ожидании, тоске и страхе, не говоря уже о холоде и голоде. —

О Солженицыне думал-думал и додумался, что не буду его склонять к написанию письма, которое имелось в виду³. И не буду уходить из журнала, буду тянуть до конца, т.е. до снятия. — Нахожусь в добром здравии.

6.I.68. Суббота. П<ахра>

В среду позвонил Воронков: нет ли каких новостей по Солженицыну. — «Нету». — «Надо бы повидаться». — Условились на завтра. Приезжаю, звоню: К.В.[Воронков] будет вам звонить в 2 ч. — (Накануне или в тот же день у меня была Нат. Алексеевна [Решетовская] с письмом от Ал<ександра> Исаевича?)⁴ Звонит Федин, который, оказывается, все это время (после солженицынского Секретариата) провел в Карачарове, м<ежду> пр<очим>, Ив. Сергеевича [Соколова-Микитова] еще не собрался навестить на новоселье — от меня узнал адрес⁵. «Вот мы здесь сидим втроем — я, Марков, Воронков, хорошо бы быть четвертым при обсуждении известного вам вопроса». — «Всегда готов».

Это было пятое или шестое (если считать широкие и узкие) заседание Секр<етариа>та по Солженицыну.

Застал я их в чулане, где втайне от народа, как я обычно это говорю, подается икорка черная и красная, а также отбивные из ресторана Клуба, за кот<орые> платить не нужно. Доставляются они тем подземным ходом, назначение коего я не вдруг постиг, впервые воспользовавшись этой коммуникацией на похоронах Эренбурга. — Шла речь о том, кому быть председателем тургеневского ком<ите>та⁶. Оказывается, на поверку, члены бюро Секр<етариа>та, романисты, облеченные высшими знаками гос<ударственного> признания, не годятся (Чак<овский>, Кож<евников>, Барузд<ин>).

Предложил Сок<олова>-Мик<итова> — даже обрадовались. По главному вопросу совещались в кабинете Воронкова. От лица троих Федин начал мне «докладывать» — путано, затрудненно, с видимым смущением и фальшивой убежденностью, подогревая себя и двоих своих соратников.

— Ясно, что он (Солж<еницын>) хочет поставить Союз писателей на колени, пользуясь своим «рычагом».

Нет сил опять пересказывать всю его жалкую «аргументацию», за которой — мелкая и завистливая душа этого «комиссара собственной безопасности» (при отсутствии какой бы то ни было опасности).

Основное на этот раз было в том, что выявилось вполне: все в Федине, — остальное очевиднейшим образом присоединилось бы к его положительному (печатать!) решению, оставляя, м.б., при себе свое лукавое неодобрение («Мы говорим, но что сделаешь со стариком») про запас, я не преминул этим воспользоваться и на этом сосредоточиться в беседе, обратив всю ответственность, т.е. весь предстоящий позор и невыгоду отрицательного решения (не печатать, молчать), на него лично. Ни К.В.[Воронков], ни Г.М.[Марков] не прерывали меня: они были явно рады, что дело так локализуется. Если Федин скажет «да», с ним согласится бюро, а если бюро, то и весь Секр<етария>т. «Федин — это Горький сегодня». «Верха» тоже будут рады, что не им решать («не те времена, когда руководители П<артии> и Пр<авительства> вмешивались в столь специфические и деликатные дела»), как, впрочем, еще более рады будут отрицательному решению («вы — сами»). Я имел основание быть немного довольным собой, своей ясной и недвусмысленной позицией, несмотря на объективно печальный результат (впрочем, никакого еще результата нет) переговоров председателя и членов бюро со мной. (Ой, ой, какой я беспокойный гвоздь у них в сапоге, ибо где-то в глубинах их душ они понимают, что я прав.)

— Употребите ваше влияние на Солж<еницы>на. Ведь вы так хорошо формулировали его заявление Секр<етария>ту: «Сожалею, что мое письмо послужило поводом клеветнической антисоветской кампании», и т.д.

— Да, мне казалось тот раз, что С<олженицын> может, не теряя достоинства, не употребляя стыдных слов, написать нечто такое. Но я упустил из виду, что если такую «отповедь» можно адресовать врагам, то как быть с друзьями, ком<мунистической> печатью, по-своему отозвавшейся на письмо С<олженицына>?

Молчание, смущение.

— Мое положение лучше, яснее вашего: я попытался сделать то, что считаю единственно правильным, — сдал в набор первые 8 глав «[Ракового] корпуса». «НМ» пытался предупредить выход романа за рубежом (Н.Ильина⁷ сама читала в одной фран<цузской> газете: «Выходит в свет "Павийон корсе"»).

— Я осуждали и осуждаю «по поступок» С<олженицына>, но говорил и повторяю, что дело уже не в поступке, не в том, хорош или плох С<олженицын>, а в самом деле, в последствиях того решения, которое вы, К.А., берете на себя. Если мы напечатаем «[Раковый] корпус» и сделаем все попутное (книга рассказов, мое предисловие к ней, опубликование в «Литературной газете» отрывка из романа, а затем и моего предисловия, в кот<ором> будет дезавуирована брехня о солженицынской биографии) — это будет хорошо во всех смыслах, это разрядит ужасную нынешнюю атмосферу, даст жизнь и свет лит<ерату>ре (за «Корпусом» в затылок стоят Симонов, Бек, Драбкина и др.). Это не вопрос судьбы С<олженицына>, моей или даже «Нового Мира», но вопрос вопросов судьбы сов<етской> лит<ерату>ры. Если случится то, что предлагает Федин, — мы низвергаемся во тьму.

— Я осуждал и осуждаю поступок, но под содержанием письма С<олженицына> подписываюсь обеими руками. Я в этой комнате под стенограмму говорил о цензуре резче, чем С<олженицын>, и о его собств<енной> судьбе больше, и не только здесь, но, как вы все помните, в кабинете П.Н. [Демичева], где тоже, надо полагать, запись была. И т.д. и т.п.

Сегодня с утра охвачен решительным намерением писать большое письмо Федину, видя в этом большой смысл, чем в письме непосредственно наверх, — оно все равно там будет, но это будет обращение писателя к писателю на нашем писательском языке (любимая моя фраза!).

Это единственно, что должен и могу сделать, не теряя времени и безотносительно к результату такой акции. Пусть все главное выйдет из мира «узких» разговоров, устной трепотни в кругу друзей и сочувствующих — станет *документом*. —

За работу!

Вчера подбил остатнее по Маршаку и Исаковскому в Гослите⁸.

В нынешнем «ловуировании» Фебина сочетаются странным образом две взаимоисключающие тенденции.

Одна — стремление всяческим «извитием словес» показать, что он исходит из личных убеждений, что он переживает обиды и оскорбления, причиненные Солженицыным «коллективу», как свои личные, что честь и совесть велят ему быть твердым (Мокеевич [Марков] и Воронков — те больше налегают на то, что «нужно считаться с обстоятельствами, мнениями, сложившимися понятиями»). Другая — «А что я могу сделать?», как он ответил мне на мое: «Помирать-то будем, К.А.», сказанное ему на ухо во время главного заседания, когда он всячески пытался меня завербовать на свою сторону⁹.

Не забыть в новой корректуре «Маршака» ввести слова о том, что признаком конгениального перевода является впечатление, что иного перевода быть не может, иной немислим. И здесь назвать, помимо языка, что-нибудь из Блейка, Китса, Стивенсона («Вересковый мед»)¹⁰.

13.1.68. П<ахра>

Все эти дни — Федин. Уже второй раз переписан на машинке (дал Кондр<атовичу> и Дем<ентье>ву). Но еще будут вкрапления, уточнения и заострения. Все более — с чувством абсолютной необходимости этого моего слова и удачи выбора адреса. Это мой прямой долг — никто так не обязан постоять до конца. Солженицын — он уже давно не сам по себе (именно!), хотя и сам по себе он стоит немало. Но С<олженицын> сейчас это действ<итель>но «вопрос вопросов». Это и «НМ» (за вычетом С<олженицына> там не так много бы осталось!), и моя «вина» за него, и сам я, и — более всего этого — порог: переступит или не переступит через него лит<ерату>ра — показатель исторический. — Выполнить этот долг сейчас важнее чего бы то ни было «своего», да это и есть свое, мое больше, чем чье-нибудь, м.б., больше мое, чем солженицынское. —

Вчерашний звонок полковника Колесня из Гослита: «Поймите меня правильно» (имена С<олженицын> и Х<рущев> в т. 5¹¹: — Позвонил Косолапову — хороший и неглупый, но в тисках.

[Вклейка]

Многоуважаемый т. Твардовский!

Вам будет странно и трудно вспомнить, от кого это поздравление, но я часто вспоминаю Вас, когда вспоминаю годы войны, это было 28 лет назад во время войны с бело-

финнами. Мы шли, танкисты, в наступление. Подойдя к заминированному лесному завалу, в это время Вы подъехали к нам, я был комиссаром 161-го отд<ельного> танкового батальона 40-й мототанковой бригады, проверив, кто Вы такой, передал с Вами политдонесение и позже Вы написали о «Казбеке», когда под Киркой Муола, в моем танке мех<аник>-водитель старшина Дегтяренко был убит, а заряжающий Лебедев попросил у меня закурить «Казбек», я ему отказал во избежании опасности курить в танке, Вы об этом писали, правда! т. Лебедеву не суждено было жить, в другом бою он повис на танке, сраженный пулей врага. Вот кратко я напомнил Вам, кто я такой, а эту 2-ю войну, после прорыва блокады Ленинграда прошел с боями до Берлина. Сейчас в отставке. Вот пока и все.

Желаю Вам долгих лет жизни, успеха в Вашей огромной работе на благо нашего народа, нашей Великой Родины¹².

С Ком<мунистическим> приветом

М.И.Ламнусов.

Штемпель: 1.1.68

Адрес: Л<енингра>д, М. 199, Кузнецовская ул., 44, кв. 71

Письмо залежалось в почте, обнаружил 1.11. «28 лет назад!»

До сих пор, до этого солженицынского рубежа, Вы были в глазах наиболее прогрессивной и требовательной части Вашей паствы, в некотором смысле, простите меня, чем-то вроде «многоуважаемого шкафа». На Ваш счет не относились ни «деятельность», ни бездеятельность Союза писателей. «Он не вникает» — так считалось, и в этом не было даже упрека или осуждения. Но сегодня, когда в силу кулуарной гласности уже становится известной Ваша позиция на последнем широком Секр<етария>те, уже отчетливо слышится то самое гудение голосов, которого ничем не заглушить, никак не унять. (Заходят, напр., люди в редакцию, спрашивают, уточняют данные «сарафанной почты».)

Покамест это лишь смутные, недостоверные отголоски, одними подтверждаемые, другими отвергаемые. Благодарите небо, как должен был бы благодарить М.А.Ш<олохов>, что его ужасное (позорное) письмо [о Солженицыне], кот<орым> он приравнивает себя к Семичастному, спрятано в сейфе у Воронкова. Никакие заслуги в прошлом не дают права на гадости в настоящем. Ш<олохов>, подвергая сомнению психическое здоровье [Солженицына] («злбный сумасшедший»), решительно позволяет предположить, что сам он нуждается в лечении¹³. Памятник ставить будем за первую половину жизни, но из-за второй он будет стоять криво.

О Солженицыне так нельзя («рычаг» и т.п.). С<олженицын> заплатил за каждую свою страницу и строку как никто из нас, судящих и рядящих сейчас, что с ним делать. Война, тюрьма, смертельная болезнь — высшие испытания человеческого духа. А ныне еще четвертое — организованное гонение, внелитературные средства борьбы против него (невольное признание его неуязвимости в литературном плане). И он переносит его с завидным достоинством.

Все это не нужно понимать так, что я не вижу в С<олженицыне> никаких изъянов.

Но он сегодня уже не сам по себе, хотя и сам по себе он стоит немало, — он в историческом перекрестии.

Две черточки, делящие одна другую пополам — верт<икально> и горизонт<ально>. Это две борющиеся (глухо, подспудно, но неукротимо) тенденции сегодняшнего общественного сознания — *туда* или *сюда*. С<олженицын> — *сюда*. Вы — помимо, м.б., своей воли — *туда*.

2.11.68. П<ахра>

Когда надолго отрываешься от записей, то уж кажется безнадежным и скучным восстанавливать связь, и откладываешь еще день за днем — всегда есть чем заняться более неотложным, чем эти показания перед неведомым судом — записи «на потом». И вместе — привычка — томишься этим перерывом связи, которой чаще всего свидетельство неблагополучия, дурного настроения, нерабочего состояния. И уж нужно бывает хотя бы формально отписаться, оставить хоть малую отметку времени, которое несется или тянется, подходит и утрачивает свои приметы.

Письмо Федину было отправлено — вот уже и не помню числа — так все набегают одно на другое: числа 15.I(?). До сих пор — ни звука, даже уведомления о получении (это при его-то подчеркиваемой самим им обязательности!).

Читать давал наличным членам редколлегии, Архангельской, Карагановой (с разрешением прочесть и Караганову); иногородним членам посылать пока воздержался. Еще дал Лифшицу. И всё, если не считать своих домашних — Машу и дочерей. — Ни звука¹⁴. Прокрадывались только слушки, что Федин был у Л.И.[Брежнева], — я было связал это с письмом моим, не ожидая ничего доброго от такой возможности, но потом, прослушав бибисейскую передачу Стивена Спендера (Б.Рассел, И.Стравинский, Иегуди Менухин и др. — самый маленький Пристли с женой), — произвела очень большое впечатление сама по себе¹⁵ — решил, что именно

этот грохот по поводу нового процесса мог быть предметом встречи. Был еще слухок, что Федин кому-то рассказывал об этой аудиенции и будто бы в плане моего письма (цензура, «Раковый корпус»), но уже от себя, — впрочем, все это по особым «каналам» С.Г.[Карагановой]. И будто бы Л.И. отнесся весьма понимающе («да, да, мол, всем этим мы будем заниматься, необходимо, — я вот читаю сейчас дневники Симонова», — все это будто бы)¹⁶.

На этот срок пришлась смерть Е.Ф.Усиевич, провожать ее пришлось мне — открыть митинг в Малом зале [ЦДЛ] и проводить до крематория. (Потом пришлось уступить М.А.Лифшицу — соглашаться председательствовать в комиссии по наследию¹⁷, — вряд ли забуду, как он, заполучив меня для дела, тут же прочел мне лекцию о том, что я «болен и убиваю себя», в таком мерзком духе, как о чем-то давно решенном без меня, в каком-то своем круту.) —

Правда, с похорон — впрочем, еще и до похорон отчасти — чуть было опять не увяз по-серьезному, но быстро справился сам, хотя Л<идия> Дм<итриев>на [Морозова] приезжала-таки, но это было уже без нужды.

Потом была смерть бедняги Овечкина (27.I.68), наши с Лакшиным хлопоты по организации минимума благоприличия, отвратительный опыт соприкосновения с «аппаратом» (Сартаков) по этой, казалось бы, уж такой части, где нечего «бдительничать», — ан нет, как раз — самое время.

Мои попытки через Хитрова и от себя предложить мою заметку об Овечкине «Известиям» (через Хитрова), «Правде» (звонил Зимянину), даже «Литгазете» (звонил Кривицкому)¹⁸.

Живет у нас внучка Ариша — странноватое, диковатое, но милое существо, безболезненно подчеркивающее наш с Машей стариковский этап (мыслей о возрасте и прочем слишком много — они как-то не отпускают).

Прилично отметили день 28.I, хоть и омраченный известием об Овечкине. Оля со своим Вольдемаром в Риге — замужняя Оля (27 лет).

3.II.68. П<ахра>

С утра не садился за стол — спихивал снег с крыльца, куда поверх того, что было на его едва отлогой крыше, съехал весь снег с крутого ската крыши дома — по ширине кры-

ши. После обеда немного читал Каждана (книжка наивная по форме, с детгизовскими приемами беллетризации научно-популярного повествования, но из нее вдруг узнаешь, кто такой Иисус Навин, Иосиф Флавий и т.п. имена, которые знал на слух и зрительно в тексте прочитанных книг, но толком не знал¹⁹; «верблюды» — «канат» и т.п., и немного дремал, а потом зачищал проходы от сброшенного снега. 1° тепла, снег мягкий, легкий, хорошо берется на лопату и хорошо лепится на отвале. — День отдыха, хорошее настроение, м.б., гл<авным> об<разом> потому, что вчера не стал больше откладывать военкомат, к которому, и будучи полковником запаса, еще сохранил в душе юношескую трусость и отвращение, — заехал, дождался очереди, сдал гнусные <фото>карточки, указал 2 добавочных ордена Ленина и «припомнил», что присягу принимал в 41-м... —

Ив. Сер. [Соколов-Микитов] прислал письмо с выдиркой из «Звезды» очерка «На своей земле» («Карачаевские записи»), где в конце описано наше с ним путешествие на Петровские озера в Калининской обл., памятное и мне. Назван я там «московским гостем моим, имя которого вам всем известно»²⁰.

Письмо, как обычно теперь, грустное — тяжело «без поводыря» (секретаря). Каракульки более разборчивы — навыв.

В письме, между прочим, жаль, что именно м<ежду> пр<очим>:

«Недели полторы-две назад был у меня Федин. Выпили две-три рюмочки (самые малые). Он приехал с какого-то заседания в Союзе. Привез нераспечатанный пакет с Вашим большим письмом, я оказался первым слушателем этого Вашего письма. Как пошло дальше, не знаю.

Не забывайте меня».

Очень интересно — не менее, м.б., чем письмо В.Каверина Федину, оставленное В<ениамином> А<лександровичем> для меня (копия машинописная). Хотя письмо Каверина — замечательный документ, тем более что он не знал о моем письме (я позвонил ему и предложил прочесть, если захочет, зайдя в редакцию, и поблагодарил его).

Но то, что Федин, по-видимому, в тот же день, как получил мое письмо, кинулся с ним к Ив. Сер., которого до того и не навещал еще на московском новоселье... М.б., заеду к Ив. Сер. порасспросить.

«Доклад» Марьямова о похоронах Овечкина²¹; сообщение Колосова о бумагах покойного²², разговор с Сартаковым — 250 р. единовременное [пособие] семье, даже не 300!

4. II. 68. П<ахра>

Из письма В. Каверина к Фегину:

«Мы знакомы сорок восемь лет, Костя. В молодости мы были друзьями. Мы вправе судить друг друга. Это — больше, чем право, это — долг.

Твои бывшие друзья не раз задумывались над тем, какие причины могли руководить твоим поведением в тех, навсегда запомнившихся событиях нашей литературной жизни, которые одних выковали, а других превратили в послушных чиновников, далеких от подлинного искусства.

Кто не помнит, например, бессмысленной и трагической, принесшей много вреда нашей стране истории — с романом Пастернака. Твое участие в этой истории зашло так далеко, что ты был вынужден сделать вид, что не знаешь о смерти поэта, который был твоим другом и в течение 23 лет жил рядом с тобою. Может быть, из твоего окна не было видно, как его провожала тысячная толпа, как его на вытянутых руках пронесли мимо твоего дома?»

О затоптании «Лит<ературной> Москвы»:

«Не буду удивлен, если теперь, после того, как по твоему настоянию запрещен уже набранный в “Новом мире” роман Солженицына “Раковый корпус”, первое же твое появление перед широкой аудиторией писателей будет встречено свистом и топаньем ног. Конечно, твоя позиция в литературе должна была, в известной мере, подготовить этот поразительный факт. Придется шагнуть далеко назад, чтобы найти тот первоначальный сдвиг, с которого начались душевная деформация, необратимые изменения...

Но что толкнуло тебя теперь на этот шаг, в результате которого снова тяжело пострадает наша литература? Неужели ты не понимаешь, что самый факт опубликования “Ракового корпуса” разрядил бы неслыханное напряжение в литературе, подорвал бы незаслуженное недоверие к ней, открыл бы дорогу другим книгам, которые обогатили бы нашу литературу. [Бек, Симонов “каждый серьезный писатель”]...»

Неужели ты не видишь, что громадный исторический опыт требует своего воплощения и что ты присоединяешься к тем, кто ради своего благополучия пытается остановить этот неизбежный процесс?

* В квадратных скобках — попутный комментарий А.Т.

Но вернемся к роману Солженицына. Нет сейчас ни одной редакции, ни одного литературного дома, где не говорили бы, что Марков и Воронков были за опубликование романа и что набор рассыпан только потому, что ты решительно высказался против [не от меня ли это, хотя я не говорил, что Марков и Воронков были за, этого и не было на самом деле, — была лишь их готовность присоединиться к тому или иному мнению Федина, освобождающему их в любом случае от ответственности].

Возможно, что в руководстве Союза писателей найдутся люди, которые думают, что они накажут писателя, отдав его зарубежной литературе? Они накажут его мировой славой, которой наши противники воспользуются для политических целей.

Или они надеются, что Солженицын «исправится» и станет писать по-другому? Это смешно по отношению к художнику, который представляет собой редкий пример поглощающего призвания, пример, который действительно напоминает нам, что мы работаем в литературе Чехова и Толстого. Но твой шаг означает еще и другое. Ты берешь на себя ответственность, не сознавая, по-видимому, всей ее огромности и значения. Писатель, накидывающий петлю на шею другого писателя, — фигура, которая останется в истории литературы независимо от того, что написал первый, и в полной зависимости от того, что написал второй. Ты становишься, может быть, сам этого не подозревая, центром недоброжелательности, возмущения, недовольства в литературном кругу. Измениться это может только в одном случае — если ты найдешь в себе силу и мужество, чтобы отказаться от своего решения.

Ты понимаешь, без сомнения, как трудно было мне написать тебе это письмо. Но промолчать я не имею права.

В.Каверин»

Собственно, это все письмо «с небольшими сокращениями»²³.

8.II.68. П<ахра>

Третьего дня (понедельник, 5.II) заехал до редакции к Ив. Сергеевичу [Соколову-Микитову]. Обрадовался старик до слез, перецеловался со мной, точно с первого раза еще не узнал как следует. И, целуясь, шепнул мне баском своим, что он «уже сходил», но и без того уже было ясно, что он уже сходил в свой «ларечек». Послали за коньяком, но принесена была бутылка хереса — к его огорчению, но не к моему, — нужно было являться на люди и вообще не хочется сослупать с доброй тропы.

Расспрашивал, как и что было с чтением моего письма. Была, оказывается, с ним и мадам, Ольга Викторовна²⁴. — Много со старика не возьмешь, но все же сказал, что Федин, вскрывая пакет и начиная чтение, видимо, предполагал — что́ это за письмо, иначе зачем такая акция — громкое чтение? — Но не предполагал его содержания в полной мере, а потом уж не мог прервать чтение, читал до конца, сделал лишь небольшой перерыв, чтобы подкрепиться рюмочкой.

— Что же мадам?

— Да так — хрюкала.

— В смысле, что, мол, яйца кур учат?

— Вроде того.

Собственно, это почти все, что Ив. Серг. мог сообщить.

Добавила Лидия Ивановна²⁵:

— Федин прочел, помолчал и сказал: «Ну что ж, письмо достойное».

Ив. Сер. добавил, что на вопрос его Федину — видел ли он Солженицына и понравился ли он ему, тот ответил после некоторого раздумья, что не понравился.

А.С.Берзер, как обычно краснея и робея, предложила прочесть Записки вдовы Мандельштама Надежды Яковлевны (просьба или пожелание автора, не рассчитывающего, мол, ни в малой мере на опубликование). Взглянув на папку — наша большая, для рукописей свыше 500 стр., — я сказал, что буду читать с полгода. Нет, возразила, прочтете дней за пять.

Прочел дня за три, следом читает М.И. Это действительно серьезная и полная огня работа — вовсе не просто хроника страданий О.М.<андельштама> вместе с автором записок. И вовсе не женское изложение, рассчитанное только на жалость. В ряду с тем, что мы знаем о мрачных годах известной практики, это не может не выглядеть «вегетарианской» (выражение Ахматовой) историей ареста О.М. в 34-м году за стихи о Сталине («усища-голенища») и высылки его на три года²⁶. Голод, холод, несвобода и т.п., но этого не сравнить с «художествами» 37-го и последующих годов. Второй арест и смерть О.М. в пересыльной тюрьме опять-таки в ряду других фактов — с заключением в лагерь жены и устройством детей в детдом — не могут сами по себе поразить наше воображение. Но вся эта несложная история рассказана на таком густом фоне исторического слома понятий «абстрактного гуманизма», нравственного онемения и глухоты общества, его подавленности не только страхом, но

и «авторитетом идей» («так надо для революции, для великой цели») и с такими неотразимо правдивыми наблюдениями над деформацией общественной психологии, условиями и т.д., что история эта приобретает неизмеримо более широкое звучание, чем сами по себе трагические обстоятельства биографии поэта.

И написано все это с огромным подпором всего обдуманного, передуманного, пережитого, пережитого — «одним дыхом». Это не повествование, нанизывающее эпизод за эпизодом в хронологической последовательности, которое могло бы быть построено и иначе, полнее или экономнее. Это — как ночной разговор — признание друга, полное силы, несмотря на отступления, забегающие вперед, отвлечения, казалось бы, самыми общими мыслями, рассуждениями «на эту тему», где, однако, ничто не кажется лишним, мало важным, все нужно, все важно и необходимо, и за всем этим — ни корысти, ни тщеславия, ни стремления покрасоваться, ни «беллетристики», как, напр., у Гинзбург-Аксеновой, с которой это даже сравнивать нельзя, хотя там личный тюремный опыт и т.п.²⁷

Еще до конца рукописи явилось ощущение, что это, в сущности, куда больше, чем сам Мандельштам со всей его поэзией и судьбой. Вернее, здесь и бедная судьба этого крайне ограниченного, хотя и подлинно талантливого поэта, — с крайне суженным диапазоном его лирики, бедного кузнечика, робкого (умершего, в сущности, от страха еще задолго до самого конца) и продерзостного — приобретает (судьба эта) большое, неотъемлемое от судеб общества значение. Конец, где все уже сосредоточено на нем самом (различные «версии» его конца и т.п.), уже беднее других страниц. М.б., соберусь написать автору. Анне С<амойлов>не [Берзер] сказал, что «это больше самого Мандельштама», и она решительно согласилась, сказала, что она точно так же думает. Сказал ей, что я не считаю вовсе безнадежным делом опубликование этой вещи в перспективе, если суждено нам дожидаться «подвижки льдов» (Солженицын и все с ним связанное и накопившееся).

Статья М.Лифшица в «Вопросах философии».

Очень здорово и диво, как ему позволили тон и всю его словесность. Только в таком захолустье, как «В<опросы> ф<илософии>», могло это случиться — у нас бы ни за что. Дымшица он не убил (да и не в этом там суть), но пришил его булавкой к картону — будет жужжать еще долго, но не полетит. — Позвонил М.А.[Лифшицу], сказал об этом, но и о

том, что местоимение «я» могло бы быть не столь, он ([нрзб.!] согласился²⁸. —

9.II.68. П<ахра>

Набросал письмо вдове Мандельштама²⁹, отписал Косте и Дусе насчет его 60-летия (возможности моего приезда)³⁰.

Встал опять в пятом часу и уже наакался кофе и накурлся — что-то складываются нездоровые навыки.

Еду перегружать из стола и шкафа свое добро в перевезенные вчера новый шкаф и стол (580 + 30 р. перевозка-погрузка-разгрузка).

Даже такая вроде бы приятная канитель не очень радует. Маша вдруг заметила третьего дня по поводу переполненного моего городского шкафчика, как много меня уже издано. Еще бы, ведь я уже старый писатель, сказал я. А самому все еще не хочется привыкать к тому, что я таки — да, старый, хотя и довольно уже знаменитый писатель.

Есть некая эфемерная услуга упорядоченности хозяйства в том, что здесь у меня будет городской стол с ящиками и шкафчик с откидной дверцей, а там монументальный, поместительный шкаф и такой же стол, правда, низковатый — придется подложить.

Но как подумаешь о незащищенности этой упорядоченности не только от злой и бездумной воли, способной вдруг перекопать, разбросать и растоптать всю эту упорядоченность, не только от войны, которая враз может все это испепелить и похоронить, но и просто от безжалостного времени, которое выбросило же этот «кабинет» из какой-то неведомой мне квартиры, вдвинуло в кладбищенскую тесноту комиссионного магазина, а потом доставило ко мне на квартиру.

Невольно подумалось сейчас, что не зря, например, Ив. Серг. [Соколов-Микитов] возит с собой — страшно подумать об этих хлопотах и трудностях, почему-то особенно пугающих меня, — какой-то допотопный, кисловский еще хлам³¹. Спрашиваю, показывая на громоздкий комод с зеркалом в углу его средней комнаты (так теперь уж мебель и не ставят, закрывая угол, — добрых ½ метра пропадает «площади»), зачем он привозил это. —

— А это — приданое моей матери. — Т.е. комод, который старше самого Ив. Серг-ча.

Вон оно что! —

11. II. 68. П<ахра>

Что с тобой делается изо дня в день, неуклонно, под воздействием происходящего и не происходящего, невозможно с точностью определить в самом этом процессе. Одно ясно, что все еще продолжается освобождение от иллюзий и всяческой «мифологии». Грубо: все делится на «аппарат» и «неаппарат». Первое довольно ясно прочерчивается, как говорят, второе много расплывчатее, зыбче.

Интересен язык некрологов, форма политики в искусстве и литературе, все более приобретающая употребление. Она, эта форма, исходит как бы из традиционного «о покойниках говорят только хорошее». Однако, помнится, некролог Эренбурга начинается с характеристики его ошибок³².

Некролог Овечкина прячет «Районные будни» среди других, совсем иного значения очерков³³.

Не говоря уже о табели о рангах. Усиевич одно, Овечкин другое, Пырьев третье. Пырьев, оказывается, создатель новой кинематографии («Куб<анские> казаки» и др. его вещи, давным-давно служащие синонимом подло-лакировочной стряпни, называются, как будто он умер еще до смерти Сталина)³⁴. Что же это такое, спросил Дементьев Караганова, не ты ли сочинял. Нет, говорит, это коллективное творчество, — т.е. ясно, что именно он, по должности, «набросал», а его, м.б., лишь подправили. А ведь Караганов числится в «прогрессивных».

Редакционные огорчения: Дорош (позавчерашний день деревни вперемешку с размышлениями доброго еврея о судьбах православной церкви и верующих христианах)³⁵.

Панова В. Историческая драма «Тредьяковский и Волынский» — ума не приложить, как и ответить опять отказом, — говорят, что она серьезно больна³⁶.

В. Некрасов — «Дедушка и внучек». Написал ему письмо, наверно, резковато и обидно получилось, но что за легкомыслие и пижонство заявлять, что его взгляды совпадают со взглядами американского «парня» (почему это русское слово стало прорывным, м.б., с песни «Если бы парни всей земли», что звучит, как перевод, не по-русски), который «ненавидит войну» и умоляет не расспрашивать его о Вьетнаме, ибо он — «не Пентагон, не госдепартамент» и т.д.³⁷

Казалось, что старый мой замысел насчет дома на полях так и останется замыслом, но сегодня вдруг опять возник во многих деталях и вдруг ясно совпал с понятием

«скачка» в маодздуновском, хрущевском и собственно сталинском смысле. Но смогу ли я, влача «бремя журнала», как-то засесть за напряженную серьезную работу, хоть и купил стол и шкаф?³⁸ —

13.II.68. П<ахра>

Еще находясь под большим впечатлением только что прочитанной книги «Советская военная политика» Гартгофа³⁹ (170-я книга на эту тему, изданная в Америке), прочел письмо генерала в отставке Григоренко в редакцию ж<урна>ла «Вопросы истории КПСС» по поводу помещенной там рецензии на книгу Некрича, — того самого Григоренко, которого забирали в милицию из толпы возле здания, где судили Ал.Гинзбурга и др., и, по всему, того самого, что приходил ко мне в редакцию раз и другой, о чем я, кажется, записывал (б<ывший> генерал, работающий грузчиком в магазине, побывавший уже в тюрьме и в психиатрической больнице в результате его противохрущевского выступления на райпартконференции (при Хрущеве).

Второй раз он заходил ко мне накануне XXIII съезда, полагая, что я делегат, или зная, что я еще имею право присутствовать там, и предлагая мне распространить среди делегатов его обращение к ним, от чего я, конечно, отказался, после чего он прислал мне письмо, обличающее меня в трусости, непоследовательности и т.п. Тогда мне показалось, что он таки больной человек, хоть и повихнувшийся на правдоискательстве и не отступающий уже ни перед чем⁴⁰.

Сейчас, читая его письмо, глубоко взволновавшее меня, я не вижу признаков болезненного расстройства — изложение здоровое, связное и полное глубокой боли, хотя с *литературной стороны* небезупречное, — да бог с ней, с *лит. стороны*⁴¹. —

14.II. 6 ч. утра

Вчера уже сам слышал по «Г<олосу> Ам<ерики>» не только информацию о непоявлении в № 12 «НМ» романа Солженицына «Р<аковый> к<орпус>», «обещанного ранее и с нетерпением ожидавшегося читателями», но и «декабрьское письмо Солженицына Секретариату СП» (ответное на запрос К.Воронкова относительно «принятых им (Солженицыным) решений» после критики на Секретариате. (Оно есть в моем «досье» С<олженицына> и Воронкова тоже.)

Письмо С<олженицына> приводится полностью, Воронкова — цитируется, хотя, помнится, оно и вообще-то небольшое.

В письме С<олженицына> особо острый момент о выступлении в Лен<ингра>де Зимянина. Вспоминаю, как, по рассказам, Зимянин был до крайности обеспокоен, не оставила ли Т.Литвинова, написавшая ему по этому поводу и вызванная им, копии своего письма (не попадет ли оно за границу)⁴².

Как теперь все это может обернуться?

Но, прежде всего, как эти документы попали за границу? Предположить, что это «утекло» из сейфов Воронкова, — просто невозможно. Опять «легкомыслие» Солженицына? Это — худо, это подшибает сбоку пафос моего письма К.Федину.

Или же опять сделан будет всеми вид, что никто ничего не слышал?

Еду сегодня в город, м.б., что-нибудь прояснится.

Характер подачи письма С<олженицына> показывает, что этому «матерьяльцу» придается значение немалое: объявляют, что «будет передано наперед», все отодвигают и ставят в конце «Обзора международных событий» («События и размышления»).

В «Последних известиях», правда, сходный материал о процессе Яноша Шпотаньского (?) в Варшаве⁴³.

Джонсон⁴⁴ «делает все возможное для приличного и честного человека» в смысле готовности к переговорам и, между прочим, отправляет во Вьетнам еще 10 500 военнослужащих.

Франция (!) продает «континентальному Китаю полмиллиона тонн пшеницы». Вторая огромная коммунистическая страна обращается за хлебом к капиталистической, м<ежду> пр<очим>, кажется, покупавшей хлеб у царской России⁴⁵.

Среди таких событий находит место информация о Солженицыне.

«Соккрытие исторической правды — преступление перед народом». ([Григоренко П.Г.] «Письмо в редакцию ж<урна>ла "Вопросы истории КПСС"».)

По поводу статьи в № 9, 1967 «В идейном плену у фальсификаторов истории» — о книге А.М.Некрича «1941 год. 22 июня».

Авторы: Г.А.Деборин (профессор) и Б.С.Тельпуховский (генерал), которые давали оценку книге Некрича в феврале 1966 года на обсуждении, организованном отделом истории

ВОВ «Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС», «диаметрально противоположную всему содержанию нынешней их статьи»⁴⁶.

I. «Общий анализ статьи».

«Ни одного опровержения приведенных в книге фактов... ни одной цифры... ни одного... опровержения выводов, имеющих в книге».

Рецензия в «НМ» доктора истор<ических> наук Г.Федорова «Мера ответственности».

«Автор этой статьи, оставаясь вполне объективным... дает положительную оценку ее (книги) политической значимости, научному уровню и литературным качествам»⁴⁷.

«Во всех тех случаях, когда рецензенты (в "Вопросах истории КПСС")... пытаются изложить свое понимание вопроса, мы легко устанавливаем, что это "свое" не что иное, как переписанное своими словами из рецензируемой книги».

Передержки:

В «Вопросах»:

«На заключительных страницах книжки А.М.Некрич бросает чудовищное обвинение советским воинам, объявляя, что "фашистские армии не встретили серьезного сопротивления на границе..."».

У автора, если цитировать всю фразу до точки:

«Фашистские армии не встретили серьезного сопротивления на границе, хотя советские воины сражались героически до последнего патрона, до последнего вдоха».

И следующая фраза:

«Здесь, на границе, уже в первые часы боев родился тот героизм, который позволил Красной армии выдержать тяжелые удары и превратности войны и закончить свой освободительный поход в поверженном Берлине».

II. «Коротко об авторах»,

«...которые хорошо известны в военно-научном мире... уменьем всегда "соответствовать"».

«Им невдомек, что войска можно поставить в такое положение, когда никакой героизм не спасет».

Концовка их статьи:

«...А.М.Некрич, оказавшись в идейном плену у буржуазных фальсификаторов истории, изменил научным принципам марксистской историографии, а следовательно, исторической правде. [...] его книжка оказалась находкой для идеологов империализма и принята ими на вооружение...»

III. «Что же произошло в первые дни войны?»

«Кто об этом забыл или этого не знает, тот никогда не поймет величия подвига нашего народа, сумевшего перешагнуть через страшный моральный надлом...»

«Первыми успехами гитлеровцы обязаны не только, а может быть, не столько внезапности своего нападения, сколько крушению в нашей армии и в нашем народе иллюзии о будто бы высокой обороноспособности нашей страны. Но об этом мы получили возможность говорить лишь много лет спустя».

IV. «Были ли совершены серьезные ошибки при подготовке страны к войне?»

Объяснения Сталина: 1) наша неотмобилизованность, вероломность фашистов; 2) «заинтересованные в войне агрессивные нации... и должны быть более подготовлены к войне, чем нации миролюбивые... Это, если хотите, историческая закономерность...»

«На приеме в Кремле в честь командующих войсками Красной армии 24 мая 1945 г. он вынужден был, хоть и в присущей ему демагогически-лицемерной форме, все же признаться:

"У нашего правительства было немало ошибок, были у нас моменты отчаянного положения в 1941—1942 гг., когда наша армия отступала. Иной народ мог бы сказать правительству: вы не оправдали наших ожиданий, уходите прочь... Но русский народ не пошел на это... Спасибо ему, русскому народу, за это доверие!"»

«Забудем на минуту, что в это время, когда в Кремле по предложению Сталина пили за здоровье *русского народа*, по его же приказу *лучших сынов этого народа*, телами своими затормозивших сокрушительный бег фашистской военной машины в 1941—1942 гг., десятками и сотнями тысяч гнали в сталинские лагеря...»

«Гениальное сталинское учение об активной обороне» («заманивание» противника по примеру древних парфян и Кутузова вглубь страны для разгрома).

V. «Общая характеристика обороноспособности к началу войны».

Рой [Медведев] обещал подарить мне потом этот экземпляр письма Григоренко, но покамест забрал его у меня. Рассказал, что редакция «Вопросов [истории КПСС]» получила около 200 писем в защиту Некрича, против их рецен-

зии, в том числе академиков Струмилина, Дружинина, Нечкиной, Конрада. Редакции предложено дать «обзор писем»⁴⁸.

15.II.68. П<ахра>

Только что позвонил Хитров, что меня разыскивает (!) Воронков. Не иначе, что в связи со вчерашними и предыдущими отзвуками дела С<олженицына> по «Голосу [Америки]» и Би-Би-Си. — Хитров по моему предложению позвонил ему и спросил, не нужно ли мне приехать. Нет, он хотел поговорить по телефону. (Почему бы не попытаться дозвониться.) Игриво спросил у Хитрова: ну, что, мол, у вас слышно, печатаете «Раковый корпус»? — Нет покамест. — Ага, а то радио мировое надрывается, — в таком тоне.

Вчерашнее бибисейское радио с явной натяжкой приплетает к судьбе Солженицына судьбишки Евтушенко и Вознесенского, — не понять, что там в отношении первого и к чему говорить о втором, если он уже покаяться и отмежевался от ЦРУ⁴⁹.

В этой передаче цитируется мое предисловие к «Ив<ану> Денисовичу»:

«Эта суровая повесть — еще один пример того, что нет таких участков или явлений действительности, которые были бы в наше время исключены из сферы советского художника и недоступны правдивому описанию»⁵⁰.

Интересно, спрашивает автор всего этого сообщения, повторил бы Твардовский сегодня эти свои слова?

Только и делаю, что повторяю, углубляю и заостряю, да кто меня слышит!

Того же дня.

В предвидении того, что завтра не отвертеться от вечера в Мин<истерстве> обороны (аппарат), стал вспоминать «В тот день, когда окончилась война». Сбился, достал книжку и обнаружил, что, как и полагается, сбиваешься не на лучших местах, хотя эти стихи, написанные 20 лет назад, показались мне и теперь вполне достойными. На прогулке и за столом сделал следующие исправления:

Длинный период «и с теми, и с теми» естественно сокращается за счет невнятной строфы (такой она была и 20 лет назад):

Что, умирая, даже не могли
Рассчитывать на святость их покоя
Последнего, под холмиком земли,
Насыпанном не чуждою рукою.

Имеются в виду те, что похоронены на оккупированных землях, не своими, но это не прочитывается. Здесь могла быть речь о тех, что погибли за проволокой лагерей военнопленных, но какой уж там холмик, там не холмики, а рвы. Холмик — это забота, дань внимания своих к своему. И далее — тогда уж говорить бы и о жертвах концлагерей, но сейчас о *тех* концлагерях уже не скажешь, не имея в виду и этих, т.е. наших, но в то время, когда писалось стихотворение, такой расширительный смысл не был еще доступен поэтическому сознанию автора. —

Строфа, что над этой, уже не могла остаться в прежнем виде хотя бы из-за конца последней строки ее — «и с теми». Да и «под Москвой», «в ее предместьях» — повторение без нужды. И «зимою 41-го» — лишнее.

Перелепил ее и оставляю в таком виде:

И с теми, что под самую Москвой,
В декабрьской мгле морозной и метельной,
Остались на своей передовой,
И с теми, что до них еще — под Ельней.

Здесь не вполне сильна (но терпима) лишь вторая строка. А Ельня очень хорошо усиливает «за далью даль» ретроспективного времени войны.

В строфе «Что ж, мы — трава?..» и т.д. забеспокоила последняя строчка, вернее, слово *стало*. И потом — неподсудно, а через строфу: Суда живых не меньше мертвых суд. Останавливаюсь на такой:

Что ж, мы трава? Что ж, и они трава?
Нет, обоюдной связи мы причастны.
Не мертвых власть, а власть того родства
Что даже смерти не вполне подвластно.

И чтобы выше избежать словечка «счастье», перекроил строфу:

Смогли б ли мы, оставив их вдали,
Прожить одни беспмятно, безбольно,
Глазами их не видеть их земли
И слухом их не слышать мир окольный?

И наконец, заменить еще одно «счастье»:

За наше *дело* на земле суровой.

Случай с этим стихотворением кладет, м.б., серьезное начало подготовке исподволь нового собр<ания> соч<инений> с основательным (чего не было в нынешнем) просмотр-

ром всего и внесением поправок, не противоречащих данности старых вещей. Раньше я осуждал за это Бунина (он так делал это не всегда хорошо), теперь вижу, что это доброе стариковское дело, которое, конечно, ничего не решает в большом смысле, но зато освобождает совесть от бремени дурных строк, которые иначе будут за тобой числиться и после смерти. Их все равно останется довольно, но пусть хоть не торчат те, что давно на виду или за невниманием к ним притаились и возобновляются с каждым новым изданием.

Обдумать о «сталинистских» стихах, их нужно включить без изъятия (кроме особо очевидных случаев вынужденных концовок и т.п.)⁵¹.

Новое собр<ание> [сочинений] построить по принципу первого издания; стихи вместе с поэмами, которым они сопутствуют или предваряют их, т.е.:

1. Сельская хроника и Страна Муравия.
2. Василий Тёркин и Фронт<овая> хр<оника>.
3. Дом у дороги и послевоенные стихи.
4. За далью даль и Т<ёркин> на т<ом> св<ете> + «Приложение» об этих вещах.
5. Проза.
6. Критика.

17.II.68. П<ахра>

Вчерашняя поездка в город. — Получение «автоматики» [газовой] на «заводе» Сем. Еф. Кутника⁵²: обычная или неизбежная мука «сований».

Редакция. Югославский посол Добрывое Видач, которого тем более было приятно принять, что он проявил эту инициативу вместо того, чтобы приглашать меня в посольство. Вручил мне два экземпляра «В.Тёркина» в переводе Пуньши Перовича (его друга), хотя книгу эту переводчик мне уже прислал непосредственно. Седоголовый, юношески легкий, подтянутый, без тени надутости или важничанья, умный, знающий, о чем говорить и о чем спрашивать и сколько времени уделить визиту. Надписал военгизовского «Тёркина» для П.Перовича и для него самого — «Кн<игу> лирики».

Перед послом. Заменяющая С<офью> Х<анановну> Нат. Львовна [Майкапар] сказала, что звонил подполковник Сокол (насчет вечера, на кот<орый> он меня приглашал) и оставил телефон⁵³, но я звонить ему не стал — и без того как-то совсем расхотелось туда идти. В ЦДЛ 20.II, пожалуй, пойду для отбытия.

Позвонил Воронкову — «Вы мне звонили?» — «Да я так, хотел вам сообщить, что в день получения вашего письма насчет волокиты с книгой Лакшина мы тут как раз приняли уже решение ("обязать издать"), был как раз и К.А.[Федин]), очень возмутился». — «Как вы (т.е. я, "НМ") живете?» — «Живем, хлеб жуем, в неопределенности ожиданий пребываем. А вы как?» — «Да мы с Г.М.[Марковым] только что вернулись из поездки. А тут вот "Голос Ам<ерики>" заставил проглотить лягушку», — лицемерно вздохнул он, сам ликует по случаю безопасности вхождения в систему зарубежной информации. — Посетовали по поводу «утечки» документов за границу, условились встретиться («я бы очень хотел» — не знает ли он о моем письме К.А.) в понедельник или вторник. —

Слава богу, что хоть с Лакшиным вроде бы дело наладится, хотя все еще впереди⁵⁴. Решительно присоветовал Лакшину вновь составить книгу в полноте первоначальной, т.е. с классиками и Солженицыным: по первым изд<аниям> теперь не сможет препятствовать («раз уж я вынужден был обратиться в Секретариат»); по второму много будет зависеть от судьбы моего пятого тома, задерживается (все еще?) Косолаповым как раз из-за Солженицына⁵⁵.

Вчера же пришел бледный, бедный, донельзя расстроенный Дорош: в этот день ему назначил Сартаков час приема по такому же вопросу (издательскому); Д<орош> прождал его в приемной порядочно, потом тот вышел, дожевывая, из чулана, где втайне от народа поедается бесплатная икра и лососина, «положенная» рук<оводящему> составу, и, не извинившись даже, заявил, что он уезжает в Гослит.

Присоветовал расстроенному Дорошу написать этому скопцу язвительное интеллигентное письмо.

Был наш эмиссар по наследию Овечкина⁵⁶, вернувшийся из Ташкента. Привез папку неопубликованного — кажется, интересно, во всяком случае можно будет сделать обширную публикацию, подключив к ней кое-что из воспоминаний об Овечкине (вчерашнее письмо Троепольского — набросок, который он мог бы развить — пишу ему), м.б., из его писем в редакцию⁵⁷. — Не забыть выписать «НМ» для семьи Овечкина на 68 г.

21.II.68

Вчерашний день изготовления «индивидуализированных» приветствий ж<урна>ла авторам — фронтовикам и военным.

У Воронкова. Говорю с ним и все не могу отвлечься от того факта, что он теперь живет в квартире, «бывшей товарища Шелепина», ходит в тот же нужник и т.п. Как же по струнке нужно держаться, лишнего не сказать, а где надо не промолчать, быть все время настороже. Эта квартира — ценз, уровень, в соответствующих кругах это главный, наиболее понятный знак веса, положения, принадлежности. «Воронков? Это который живет в квартире, бывшей тов. Шелепина?»

А между тем, говоря со мной, он может позволить себе и юмор, вольность шутки в известных пределах («10 дней как приехали из Румынии, тов. Шауро не может нас принять, не то что Демичев»).

— Известно вам, К.В., мое письмо К.А.[Федину]?

— Да, он говорил, что такое письмо есть, обещал показать, зачитав нам ваши слова о том, что вы не возражали бы. Но не показывал.

Зашел Марков из противоположного «фадеевского» кабинета, скучно, тихо, болото.

— У вас тут не секреты?

— Нет, наоборот.

— Да, обещал показать, но все то ли забывает, — я ему напомнил однажды, — то ли пишет ответ, чтобы показать и то, и то вместе.

— В письме я, между прочим, пишу, что, по-моему, ни Воронков, ни Марков не перечили бы ему, Федину, если бы он принял другое решение, т.е. в духе моего первоначального «коммюнике».

Воронков:

— Да, он принял твердое решение по этому вопросу. — Ушел! Не сказано ни да, ни нет по существу, но опять-таки это подтверждает мое.

Звонил по вертушке Вал. Ив. Афанасьеву — Свердловский райисполком — насчет кв<артиры> Кондратовича, — вроде благожелательно обещал «внимательно посмотреть»⁵⁸.

В редакции, Б.Можаев. Весьма говорливый и несколько развязный, кокетничающий тем, что живет авансами под пьесы и сценарии, — пусть себе не идут. Но коснулись деревенских дел, его статьи в привезенной мною из Союза «завтрашней» «ЛГ» — о сселении деревень. 700 тысяч с чем-то деревень свести к 120, кажется, тысяч поселков с этажными домами. Это мне прямо в точку — рассказ нужно писать без-

отлагательно, как только оборудую по плану «рабочее место» (древний предлог!)⁵⁹. — Игрушечная заплата в «парке культуры» Ив.Прокоповича⁶⁰ (?) мне сперва показалась детским сооружением. Но таких детей у Ив.Пр<окоповича> нет — это он сам. Взрослые, изготавливающие будто бы только для детей какие-нибудь штучки (дудки, змеи, планеры и т.п.) или сооружения (мельницы, скворечницы и т.п.), чаще всего или даже всегда не меньше, а то и больше детей увлечены этим.

Бытие журнала в неопределенности «молчанки», уже становящейся привычной. Приспущенность вожжей, безответственность, непродуманность, неряшливость до безграмотности (горьковские материалы, из кот<орых> пришлось выбросить статью Горького 25—23 гг. Чудовищная сноска — неизвестно чья — к фразе Горького о «достоевщине» как предтече духовного максимализма — «большевизма»: «Так утверждают буржуазные...»⁶¹.

Штопаю, затыкаю дыры, держу в голове и рассовываю бездну мелочей журнального хозяйства и неизменно возвращаюсь к мысли: а не прибежище ли это мое от подступающей собственной непродуктивности?

Письмо Кости: «Вот мы с тобой и настоящие старики». — Решено непременно поехать к нему на 60-летие. Еще не говорил Маше.

30.III.68. Пахра

У берегов безвестной речки Гжати
Родился он в простой крестьянской хате
При княжеской фамилии своей,
Когда уж духу не было князей.

Фамилия — ни в честь она, ни в почесть,
И при любой — обычная судьба.
Подрос в семье колхозный хлеботочец,
А там и время на свои хлеба.

Снабженный скудной снедью —
деревенской,
Что вместе с материнскою слезой,
Вспорхнул птенец, поднялся над Смоленской
Родной и в меру ласковой землей.

А дальше уж вовсе мелкотравье пересказа биографии героя:

В ремесленной шинелке за поясан —
— горе не беда,
— часом с квасом —
— как когда.

Поначалу показалось, что «отковырнул» нечто в «княжеской фамилии» (о том, что она княжеская, он знать не знал), но теперь вижу, что, пожалуй, это больше для прозы. — Нашел набросок 62 г., предшествующий «Космонавту». Там хороши две строчки о втором празднике (Титов), что

был еще торжественней и шире,
И только первым быть уже не мог⁶².

А в общем-таки давно ничего не пробовал. Пашня не на той глубине.

За последний месяц, помимо переживаний, связанных с очередным задутьем, было еще:

1. Раздумья в связи с «событиями»⁶³.

2. Статья Н.Бердяева о фанатизме⁶⁴.

3. Письмо Якубовича Ген. прокурору СССР по поводу пережитого им процесса «Союзного бюро меньшевиков». (Оказывается, уже и в 31 г. были «методы» и «приемы», которые, казалось, начались позднее, — нет, позднее они только получили дальнейшее развитие⁶⁵.)

Слава богу, не пропущу опять весну — вполне здоров, и не только не тянет, но, как всегда, когда здоров, странно и жутко думать.

Обычное, неотступное «обостренное чувство смерти», вернее, старости, вдруг — и вовсе не вдруг! — вступающей прямо на порог. «Две ступеньки», как говорил Ив<ан> Сергеевич, до 60. А там что уж.

Вечер памяти Горького. Встреча с Фединым (жалок). Гагарин, о котором хочу написать, пренебрегая запозданием, — пусть.

Дай бог. — Оля — одуванчик.

31.III.68. П<ахра>

Ах, этот день торжественный в апреле
Семь лет назад, — как он вступал в сердца.
Казалось, мир невольно стал добрее
Встречая с неба своего гонца.

Какой гремел он музыкой вселенской,
Тот праздник всех народов и племен,

Когда безвестный сын земли смоленской
Землей — планетой был усыновлен.

Он повидал ее, с той небывалой,
Бездонной высоты следя за ней.
В тот день она как будто меньше стала,
Но стала людям, может быть, родней.

Ах, этот день. Невольно да и вольно
Стучалась мысль, что за его чертой
На маленькой Земле зачем же войны?
Зачем же смерть? Зачем же спор пустой...

Оркестры стихли, приумолкли речи,
До срока свернут флагов стройный фронт,
И этот гром неповторимой встречи,
Как гром грозы, ушел за горизонт.

И новый подвиг совершился в мире,
И новый праздник грянул на порог.
Он был еще торжественней и шире,
И только первым быть уже не мог.

Тот, первый, гостем обходил державы,
В огнях сиял и утопал в венках.
Что может смерть с такой поделать славой?
Да только утвердить ее в веках.

Да только наделить нетленной силой,
Что подвигам грядущим не избыть.
Но где ты сам, наш товарищ милый,
В стене Кремлевской или, может быть,

В той глубине, в ничейности Вселенной,
Куда ты первым поднялся с земли?

Земной апрель шумит водою пенной,
Усталые курлычат журавли.

Ни полсловечка, ни рукопожатья,
Ни той улыбки с ласковым кивком.

Цветет ветла в кустах над речкой Гжатью,
Где он мальчишкой лазал босиком⁶⁶.

Вечером.

Две речи — Гомулки и Брежнева на партконференциях обеих столиц. Но у того, при всем том, что он вертится и не справляется, сводя все к тому, что евреи и студенты нехороши, у того хоть поначалу намерение говорить начистоту, на-

зывать вещи своими именами («Об этом больше молчать нельзя...»).

А тут «Итоги»: столько-то участвовало в партконференциях (7 с чем-то миллионов членов партии), столько-то вступило (до 25%). «Это и есть демократия...»⁶⁷

Весна воды на полном ходу. Третий день вычерпываю воду то из канализационного колодца (частично), то из котельной (полностью), где бог меня надоумил при закладке устроить водосбор — ямку, где свободно действуешь ведром.

Вчерашний затеянный Баклановым неприятный мне разговор о том, что я должен себя беречь. Ах, люди, без вас я так-таки и не знал бы о своей беде. Хороший парень, и все же что-то оборвалось в добрых наших отношениях. Жалею, что я все же что-то «объяснял» ему — съешь!

О Бунине.

Среда дворянского оскудения, к которой так часто обращался Бунин... была мне знакома с детских лет. В ней я вырос на поколение позже тех людей, среди которых вырос Бунин и которых он описывает.

И все же в этом писателе, так мне понятном и близком, я всегда ощущал какой-то роковой изъян.

При всем огромном таланте, при всем блеске его языка, когда я читаю Бунина, я ни на минуту не забываю, что сижу на стуле или лежу на диване и читаю прекрасную книгу искушенного лауреата. Когда же я обращаюсь к его непосредственным предшественникам в смысле литературной преемственности — Толстому, даже Тургеневу, то я уже не листаю прекрасную книгу, я просто живу среди близких мне людей, о которых она рассказывает. В самом деле, какой-то последней силы художника Бунин как будто лишен. Вот почему описательная сторона, блистательно выполненная, неповторимо искусная, все же преобладает у него над непосредственным художественным воплощением. В этом его глубокое отличие от любимого учителя — Толстого, перед которым он, человек непокорный и гордый, не страдавший излишней скромностью, преклонялся до конца и безраздельно.

...Лично мне кажется, что момент известного бессилия — как раз в точке наивысшего напряжения творчества... не случаен...

...Может быть... этим своим каким-то словно органическим недостатком последней силы... (он) символизирует ту социальную среду, тот слой и класс людей, из которого он вы-

шел (Д.М.Мейснер. *Миражи и действительность*. Изд-во АПН, 1960)⁶⁸.

Вчера и сегодня — утром:
[...]*

7.IV.68. П<ахра>

Вчера вновь положил на листы, опять была правка, но все еще есть слова или обороты, которые вполне хороши для редакторов («доблестный Серегин»), но трудно произносимы в своем кругу⁶⁹.

Рассказывают, что, принимая финскую делегацию, пред<седатель> Ленсовета, покойный (?) Смирнов⁷⁰, на вопрос о смертности в городе ответил:

— Смертности в нашем славном городе нет, — она ликвидирована. — И после небольшой паузы: — Почти полностью. Конечно, есть еще отдельные случаи. Не сразу. Но мы боремся...

Дальше он стал придумывать, что на дальнейший вопрос настырного гостя, — как же, мол, так, ведь существует великий и вечный закон, по которому люди стареют, а затем и умирают, отец города разъясняет, что старые и безнадежно больные вывозятся в загородные пансионаты, расположенные в живописной местности, где полное обеспечение и всякие блага отдыха, где все время проигрываются пластинки с доброй жизнеутверждающей музыкой (мы туда столько-то затейников бросили) и т.п.

— Ну, а если кто-нибудь все же задумает драпануть из живописной местности?

— Охрана. Причем не милиция, — дружинники из самих же обитателей (которые ходячие) и т.п.

— А у нас стопроцентная смертность.

[...]**

10.IV.68

Оставил вчера пакет со стих. о Гагарине в редакции на случай, если позвонит Куницын⁷¹. С утра сегодня, кажется, хорошо «укрепил» стихи, даже «Эмпирей» ввел в современный поэтический оборот. Звоню С<офье> Х<анановне>,

* В эти дни, а также 5 апреля, запись новых вариантов стихотворения «Памяти Гагарина».

** Далее запись нового варианта «Памяти Гагарина».

чтобы задержала пакет, — уже забрали. Попросил ее вернуть и сказать, что завтра привезу сам.

Записать:

1) «Всесоюзный список» (подписывавших письма на счет Синявского и др.)⁷².

2) «Солженицын запустил новую вещь» (Рой [Медведев]).

3) Солж<еницын> в редакции третьего дня («Я не придавал этому значения»)⁷³.

4) Студентка Галина Волина.

5) Вчерашний рассказ Бакланова о том, как Ю.Яковлев⁷⁴, будучи представлен Михалковым Л.И.[Брежневу] (на кремлевском банкете), был удостоен поцелуя в губы и 10-минутного задержания руки в руке Генерального.

6) Угроза митинга в защиту греческой интеллигенции («Я звоню от имени Георгия Мокеевича [Маркова]» — «Он мне сам позвонит»)⁷⁵.

7) Мое письмо Багрицкому от 33 г. и мой первый колхозный очерк 30 г. (найти)⁷⁶.

10.IV

[...]*

11.IV

[...] Какая дурь, по счастью, ненадолго, западает в голову — вроде этого «эмпирея», за смыслом которого сам заглянул в словарь**. «Пятую ногу» в начальных строфах опустил, — почти в любое четверостишие можно вставить пятую строчку, но это нужно делать только по необходимости и очевидной выгоде. — Вчера — Исаковские⁷⁷.

12.IV. П<ахра>

Радость за радостью.

1) Во вчерашней «Правде» — «Сообщение» и Постановление Пленума ЦК «Об актуальных проблемах международного положения и борьбе КПСС за сплоченность мирового коммунистического движения».

«Пленум отмечает, что современный этап исторического развития характеризуется резким обострением идеологической борьбы между капитализмом и социализмом...

* Здесь и 11 апреля запись нового варианта «Памяти Гагарина».

** Эмпирей (*гр.-греч.*) — самая высокая часть неба, наполненная светом и огнем — местопребывание богов.

В этих условиях непримиримая борьба с вражеской идеологией, решительное разоблачение происков империализма, коммунистическое воспитание членов КПСС и всех трудящихся, усиление всей идеологической деятельности партии приобретает особое значение, является одной из главных обязанностей всех партийных организаций. Наш долг состоит в том, чтобы вести наступательную борьбу против буржуазной идеологии, активно выступать против попыток протаскивания в отдельных произведениях литературы, искусства и других произведениях взглядов, чуждых социалистической идеологии советского общества. Партийные организации должны направить все имеющиеся средства идейного воспитания на укрепление коммунистической убежденности, чувства советского патриотизма и пролетарского интернационализма у каждого коммуниста и советского человека, идейной стойкости и умения противостоять любым формам буржуазного влияния»⁷⁸.

2) Приезжаю с последним вариантом «Гагарина» в ред<акцию>, где ждет гранка из «Правды» (просили поторопить меня). Никто не звонит. Звоню сам — Куницын уже уехал (по времени — 2 ч. — обедать) и уже не звонил в этот день. Над<ежда> Алексеевна вызвалась разыскать Кошечкина — он, кажется, у главного. Вдруг: Зимянин. Можно было предположить, что он хочет меня поблагодарить за стихи, но я, правда, этого не предположил, к тому же был раздражен безобразным набором длиннотрочных стихов на одну колонку — все строки загнуты, и текст выглядит, как бурная разбивка, понуждает читателя делать не те паузы и т.д.

— Стихи очень искренние, трогательные, не говорю уж о мастерстве, — что тут говорить, — я преклоняюсь (и т.д.). Но с политической стороны... Недостаточно чувства патриотизма, не сказано даже, что это партия послала его в космос, советская родина. Стихи, извините меня, беспартийные...

— Хорошо, снимите их...

— Что же вы сразу с позиции обиды. Я вам по-товарищески, а вы (и т.д.).

— Не с позиций обиды, а с позиций достоинства серьезного автора, которому говорят детские вещи. Если вы не усматриваете в этом стихотворении патриотического чувства, то, повторяю, не затрудняйтесь, снимите.

— Вот вы как...

— Да, я старше вас возрастом, а в литературном деле — опытом.

— С позиций обиды...

— Да никакой обиды. Вы меня вовсе не обидели, вы себя обидели (так!).

— Что же вы меня шпыняете такими словами.

— Какими «словами»? «Слов» я не говорил, а только говорил то, на что вы меня вызывали своими «словами». Снимите стихи, тем более что я над ними еще работал и внес значительные поправки... — Это он — мимо ушей. —

— Хорошо. — Т.е. снимаю.

М.б., прав Кондратович, что судьба стихов «в свете вчерашнего решения» была предрешена: Зимянин просто счел невысказанным на другой день после такого пленума напечатать Твардовского, у которого всегда что-нибудь... А Куницын, пославший в набор стихи, потом смылся, не считая нужным хотя бы извиниться, — не в моей, мол, власти...⁷⁹

3) Софья Ханановна подает телеграмму — русский текст латинкой:

«Ставим в известность, (что) из госбезопасности через Виктора Луи (?)⁸⁰ переслали на Запад еще один экз<емпляр> "Ракового корпуса", чтобы этим заблокировать появление его в "Новом мире". Поэтому мы печатаем это произведение сразу. Редакция журнала "Грани"».

Советуюсь с замами и Хитровым. Говорю, что в этом случае Солженицын должен немедленно послать запретительную телеграмму [«Граням»] и соответствующее письмо в редакцию «Литгазеты» — пусть оно так и не будет напечатано. Звоню Воронкову — нет, но есть Марков, прошу его.

— Мне нужно поговорить с вами по очень серьезному вопросу.

— Да, но я сейчас уезжаю...

— Повторяю: по очень серьезному. Речь идет о Солженицыне.

— А! Ну, тогда сделаю отсрочивающий звонок...

Показываю телеграмму, излагаю свои соображения, — ни звука по существу их с его стороны.

— Надо писать, докладывать.

— ?

— В ЦК.

— Кому?

— Ну, Демичеву. Если хотите, мы доложим — завтра же напишем.

— Нужно не завтра, а немедленно.

Набираю номер Демичева по вертушке. Его нет, у телефона Ген. Алексеевич Сазонтов (?), прошу его принять письмо для П.Н.[Демичева] не через экспедицию, а прямо — привезет Кондратович.

Еду в редакцию, пишу письмо на одной странице, привожу целиком телеграмму, и от себя:

Мне представляется, что Солженицын в данном случае — пусть это мистификация или провокация — должен то-то и то-то.

На даче, где за обедом еще не успел рассказать Маше все эти радости, звонит помощник этот, соединяет с П.Н.[Демичевым].

— Спасибо (?) за письмо. — Голос его обычный, нарочито тихий, телефон ужасный, но все же слышу:

— Это, конечно, мистификация.

— Вы думаете?

— Я проверял. (По-видимому, он хотел сказать, госбезопасность (не посылала).)

— Так что же — наплевать и забыть, по Чапаеву?

— Да, но нехорошо, что телеграмма пришла в адрес «Нового мира».

— А что же сделаешь, раз пришла, — не запретишь.

— Да. Гм...

— Но Солженицын, я думаю, должен поступить так.

— А это уж пусть он решает... — Все.

Я поблагодарил за быстрый ответ на письмо и хотя знал уже, что сегодня, т.е. вчера, он получил орден Ленина по случаю 50-летия, не поздравил почему-то.

А там еще радости с самим Солженицыным. Софья Х<анановна> звонит этой таинственной Виктории⁸¹, та говорит, что он не в Рязани, связаться нельзя, но она попытается что-то узнать. Узнаёт (каким образом?), что он болен. Начинается! Вы как хотите, а меня нет.

С.Х. знает, что у него есть в Рязани телефон, но нам он его не дает. Есть реальная опасность, что он не станет посылать телеграмму. Тогда — концы, мы больше ему не сможем помочь ничем.

Легкоморозное чудное утро, снега уже почти ни крошки, кроме остатков тех сугробов-отвалов, что из-под лопаты. Но вода в котельной не слабеет. Вчера выбрал на ночь, сегодня ямка опять была полна. — Был у Бакланова (у него Хейфиц⁸²), говорили обо всем с унынием. Хорошо, что я хоть не коснулся ни эпизода с [«Правдой»], ни телеграммы. —

14.IV. П<ахра>

[...]

Позавчера прочел Сацу предыдущий вариант, скорее, для того, чтобы рассказать о стычке с Зимяниным в результате его идейных претензий к этим стихам.

* Записан новый вариант «Памяти Гагарина».

— Хорошо, — сказал упавшим голосом Сац, но я еще при чтении вполне ощутил, как мучительно произносить некоторые «готовые» слова и обороты («дерзкий», «небывалый» и т.п.), которые так явно несостоятельны, когда они не у тебя. Странное дело, сколько такого, что обнаруживаешь с первого взгляда и решительно отвергаешь вовне, у других, из-под чужого пера, то у себя до поры представляется вполне правомерным и выразительным.

Покойный Маршак обладал редким чутьем на плохие строчки из-под чужого пера, но был лишен этой зоркости (или гасил ее по свойственной ему привычке и самообману) в отношении своих строк. Никогда не проявлял готовности сразу согласиться, обрадоваться.

У меня она, пожалуй, есть.

16.IV.68. П<ахра>

Стоит начать эту запись с новой страницы после вчерашней информации Лакшина о пленуме (со слов участника) и вокруг. —

«Этот вопрос у нас решен: Твардовского мы снимем», — сказал Кириленко (?) в беседе с одним из членов Пленума ЦК, спросившим: как же теперь быть с «НМ»?

Что это, по-видимому, наконец-то реальность, подтверждается косвенными показателями:

1) Исчезновение Комиссии горкома по обследованию парторганизации редакции (Девитияров, Абалкин и др.). Уже начавшая свою работу, беседовавшая с Архангельской, Кондратовичем, присутствовавшая на нашем партсобрании, назначившая беседу со мной на прошлую пятницу, не явившаяся и не заявившая о себе более никак.

2) Новый характер обхождения со мной со стороны Маркова Г.М., который оторвался от беседы с Лесючевским и «вышел» ко мне и принял в пустом кабинете Воронкова. И его слова: «Я думаю, вам не стоит ездить на это вигорелевское совещание в Венецию⁸³. Вы уж потом поедете — в Лозанну». И в связи с этим, не сразу мной расчуханное симоновское объяснение со мной: «Если ты не поедешь, я поеду, но, конечно, лучше — ты». — Зимянин о «Памяти Гагарина».

Позвонила С<офья> Х<анановна>, приехал Солж<еницын>, еду в Москву. —

17.IV. П<ахра>

Показал ему телеграмму и копию моего письма Демичеву⁸⁴.

— Ну, что ж, это уже поздно, — «Р<аковский> к<орпус>» вышел в «Таймсе» (в приложении, потом оказалось, что вышла только глава).

Терпеливо объясняю с помощью Лакшина и Кондратовича, что это необходимо.

Упирается, возвращается к своим претензиям, доказывает то, что не нужно нам доказывать, — вина Союза писателей и т.д. Показывает копию своего нового послания 40 писателям (членам Секр<етария>та?), пробегаю ее, не улавливая чего-либо нового, вообще как-то не воспринимая ее под давлением нынешней ситуации и нынешней, особой задачи. Нашел время, когда само слово «письмо» — жупел, а тут даже не письмо «наверх» в одном экземпляре — «апелляция к общественному мнению».

— Вы уже разослали это письмо.

— Да, начал. — Ясно, что разослал. Как и с обзором писем по «Ив<ану> Ден<исовичу>», как во всех случаях, не счел нужным ни посоветоваться, ни поставить в известность⁸⁵. Для него мы, т.е. «НМ» и я, — одно из звеньев враждебной ему системы, которое ему удалось прорвать и которому он не чувствует себя сколько-нибудь обязанным.

Наконец соглашается послать запретительную телеграмму. Пытаюсь ему подсказать: «Как мне стало известно»... Идет изнурительная торговля за каждое полуслово. Не желает написать, что рукопись неизвестными ему путями оказалась в «Гранях». В «Литгазету» вовсе не хочет писать. Объясняем, что телеграмма «Граням» без этого теряет смысл, что ради письма в «Литгазету», где наверняка его и не напечатают, — пусть! — ради этого письма и посылается телеграмма; что нет худа без добра, и это, м.б., счастливый случай, позволяющий ему, ничем не поступаясь, не употребляя стыдных слов, сказать, что он советский гражданин и писатель, которому не все равно, где и как быть напечатанным. — Удаляется в отдельную комнату составлять телеграмму, минут через 40 является с текстом из трех слов: запрещаю печатать мою повесть. — Почему вы не хотите написать: «Неизвестными мне путями оказавшуюся в вашей редакции»?

Жметя, вспыхивает, мнетя, проговаривается, что ведь и во все другие места, где есть эта рукопись, она попала неизвестными ему путями. Это будет расширительное значение.

— И отлично. Ведь вы не знаете, где она еще имеется и имеется ли, и про «Таймс» этот можете не знать, — вы знаете теперь только про «Грани».

И поймите, без этих «расширительного значения» слов ваше запрещение можно толковать как угодно, даже

как результат неприемлемости их ставок гонорара. Начиная все более резко ставить вопрос: не хотите нас слушать — как хотите, пишите что хотите или вовсе не пишите, но знайте, что это случай из ряда вон, что здесь не уйти от необходимости называть вещи своими именами.

— Надо подумать, нельзя же так вдруг...

— Очень жаль, что вы считаете, что здесь еще надо думать, как будто возможны иные, чем предложенное, решения. — Говорю прямо, что если он не даст недвусмысленного ответа на этом рубеже, мы уже не сможем ему ничем в дальнейшем помочь, — тогда уж берите все на себя. Крутеть-мортель — никакого толку. Даю понять, что его молчание в данном случае может ему обойтись дорого в нынешней обстановке, которой он в самозабвении своем просто не учитывает. Он повторяет, что ему ничего не страшно, он готов ко всему и т.д.

— Допустим, но неужели вам так-таки не приходит мысль, что речь идет не только о вас лично, но и о ваших друзьях, о журнале, которому вы подносите такую дулю. Ведь получается на радость демагогам, что «НМ» сошелся в оценке вещи с «Гранями», пытался напечатать ее и напечатал бы, если бы не бдительность Союза писателей и лично К.А.Федина.

Кое-как соглашается вставить «неизвестные пути».

Подсказываю: «и применю все необходимые меры к недопущению опубликования моей рукописи на страницах "Граней"».

Ни в какую. А когда дело доходит до письма в «Литгазету», решительно отказывается назвать «Грани» западногерманским, неозмигрантским ж<урнал>ом открыто антисоветского направления. — Нет, это я не могу. Я ведь не знаю, что это за журнал. Чтобы через 20 лет не было стыдно.

Вскипаю, почти кричу, почти не выбираю слов, зачем-то говорю, что, наконец, я и сам — писатель и т.д.

Тогда он встает, начинает успокаивать меня, гладит по плечу и просит дать ему подумать до завтра. Сегодня ребята позвонят, передадут его текст и — нет так нет — пусть сам выкарабкивается. —

В редакции — атмосфера подавленности. Зловещая тишина. Говорят, что и посетителей нет уже два дня, а обычно — отбоя нет. И вообще: отсутствие всякого присутствия. Ни звонков, ни вызовов, ни знака жизни от комиссии.

Оно, оно, и — пусть! Еще немного терпения и выдержки. —

18.IV.68. П<ахра>

Кондратович вчера позвонил, что С<олженицын> был, ничего решил не писать, мол, мистификация, надо, мол, разузнать, откуда пришла телеграмма (разузнали — оттуда) и т.д. Расстались, говорит К<ондратович>, не весьма дружелюбно. Оставил для меня письмишко (мне К<ондратович> прочел его по телеф<ону>, то же самое, что на словах), и пакет с «Обзором писем по "Ив<ану> Ден<исовичу>"». Беда, но что делать — не хочет он уронить себя в глазах «Запада», потерять интерес, питаемый к нему там.

Вчера же позвонили, что сегодня в 3 ч. совещание главных редакторов в отделе культуры (судя по подъезду № 5). Громкое чтение, по-видимому, по итогам пленума и задачам печати. Тоска; там я узнаю, что мне из того, что я уже знаю, положено знать, а что следует забыть. Но не могу не отметить, что вроде и рад, что переезд на новую квартиру со старой, хоть и постылой, но привычной, м.б., еще «откладывается». Но, м<ожет>, после сегодняшней информации что-нибудь прояснится.

Прочел часть автобио Исаковского — хорошо, но слишком правильный «слог» деревенского грамотея, множество паразитических, но импонирующих ему оборотов: «Вообще говоря», «таким образом» и т.п. — нужно — портрет матери; замужество сестры; врач с «пальцем».

19.IV.68. П<ахра>

«...чтобы ознакомить вас с сокращенным вариантом доклада т. Брежнева на Пленуме ЦК КПСС 9—10 апреля...»

Только что не сказано было, что этот вариант вполне, мол, доступен вашему, главных редакторов московских газет и журналов, пониманию и вполне достаточен для выполнения ваших задач.

Впрочем, я не вдруг понял, почему нет многих известных мне главных редакторов — Чаковского, Кожевникова, Грибачева... Оказалось, что они в эти самые часы слушали из уст самого т. Брежнева новый его доклад в полном варианте. Там же был и выступал при обсуждении того доклада Мих. Алексеев, заверивший Политбюро, что журнал «Москва» сосредоточит все свое внимание на главном герое — рабочем классе.

От «Нового Мира» на активе Московской парторганизации была, естественно, Ирина Павловна [Архангельская].

Я же на своем совещании встретился только с Софроновым в буфете да издали видел Кочетова с его узкой лысой головой (лысына, вернее — плешь с нитями черных волосенок на ней, не достигающих, впрочем, венчика таких же, но еще сплошных волосенок за макушкой), которую он все время поглаживал, грустный. И прений у нас никаких не было. Некто за столом президиума (зам. Степакова), объявив чтение, в конце сказал, что с записями мы должны обращаться бережно, имея, так сказать, в виду тех, кому и сокращенного варианта много.

Утром пришла мысль, что стоило бы при этом объявлении громкого чтения сокращенного варианта встать и выйти: меня, мол, сокращенный вариант не интересует. Это было бы так естественно и вполне согласно с понятиями о человеческом достоинстве идеологического работника. В сущности, это было оскорбление и унижение. Но тут же подумал, что эти люди не заслуживают проявления уязвленности их к тебе отношением. А кроме того — какая бы радость была по поводу этого «ЧП» в пятом подъезде (это, оказывается, агитпроп, а в отдел культуры еще будет особое наставление), какая возможность для «оформления дела». Нет-с, дудки-с, мы будем сидеть 2½ часа, будем записывать и бережно обращаться с записями.

Все же сказал сидевшему рядом С.Преображенскому по окончании чтения, что мы узнали, что из того, что мы знали до чтения, мы должны знать, а что забыть и не вспоминать. —

Солженицын принес еще одно письмо, предупредив через С<офью> Х<анановну>, что сперва я должен читать это, последнее, а потом уж то (которое мне прочел по телеф<ону> Кондратович). Письмо противноватое, но уже не в новость. Хотя, может быть, и оно, как и другие его «козеки»*, — проявление «свободы» в бердяевском смысле: не заставляйте меня делать, чего я не хочу делать, не угрожайте «общественной» необходимостью⁸⁶. —

Поеду в город — больше по своим делам: помыться, купить кое-что, позвонить из редакции Исаковскому, м.б., зайти к нему поговорить о его записках; в Гослит и Лифшицу на счет усиевических дел⁸⁷. —

Вчера с ночи — утренник осенней жесткости.

Воду в бочках схватило ледком, березовик едва капал — сосулька. И сегодня холодно.

Осенней жесткости ледок,
Забит сосулькою лоток
Подсеченной березы, —

* Козеки (смоленский говор) — капризы.

в стихе не скажешь, хоть и рифма легкая наготове, об этом старинном признаке весеннего заморозка, — как мало у же людей, знающих, что такое березовик, подсечка.

21.IV. П<ахра>. Пасха

Опять утренник осенней сухости.

День вчера был солнечный, но «знойкий» — холодный: вспотеешь за лопатой, а присесть покурить в одной рубашке не располагает — накинуть что-нибудь на плечи. Пересаживая кустики бульденежа, воткнутые как-то без меня Машей «не в линию», — подготовил добрую яму, «зарядил» ее и поместил все 4 кустика (пусть один, а то — прутики) в виде купы на полянке за большой елью. Отсаживал от ругозы намеченные еще летом отростки. Вечером ходил к Дементьеву, по пути — Ю.Семенов с Полянкиным⁸⁸ (тем, киевским) у машины. Предлагали поехать с ними ко всеношной в Вороново. Соблазн был, и я уже согласился, но вдруг вспомнил, что оба евреи, и показалось, что есть тут некая неловкость. Сказал, что хочу поехать, но чтобы не задерживались из-за меня. А может быть — просто подсказала усталость и нежелание потом «разговляться». Рад, что отдал ему должок, — теперь уж у меня только один, хотя и наиболее конфузный должок натурой Каплеру, но две столичницы заготовлены в кульке.

Приехала Оля с Вольдемаром, приедет, кажется, Валя за Иринкой, которая, по правде, изнурила бабушку до крайности, — странный, труднейший ребенок, хоть и очень милый и жалконький иногда, маскирующий застенчивость и боязнь быть смешным упрямством, капризами, натянутым смехом и прочими «козеками».

На глазах со всей очевидностью отменяются явочным порядком XX и XXII съезды — со всем их существеннейшим содержанием и духом. Отменяются без таких слов, конечно, что отменяются, мол, по причине их ошибочности, но так последовательно, как будто там где-то наверху есть уже и документ об отмене, только секретный, — все секретно, все безгласно. Все секретно, все безгласно, даже то, что ясным ясно. Делается это какой-то частью (немалой!) с упоением, а все опять, по возрождающейся инерции, одобряют, аплодируют — нет, даже не по инерции, а по глубокой усталости и безразличию: все встают, встану и я, чтобы не быть взятым на заметку. — Серия исключений с грубейшим попранием демократии. Первичная — 26 чел<овек>, из них 24 против исключения, но райком исключает и рекомендует администрации уволить с работы («Энциклопедия» — Воробьев(?)).

И невдомек, что комсомол при этом теряет не одного, а тех 24, кот<орые> были против исключения. Есть уже апелляция и к прошлому (учитель Айхенвальд, печатался в «НМ»⁸⁹, кажется, писал мне, один из образцовых преподавателей московских школ). «А вас в 51 г. высылали? — Да, но по навету, потом это было отмечено. — А в 46 (?) стоял ваш вопрос там-то? — Стоял, но потом было установлено, что я прав. — Гм... Все-таки это у вас цепочка». Айхенвальд этот — беспартийный, его исключили из профсоюза — эта из мертвых мертвейшая, номинальнейшая из номинальных организация, и та — к услугам. — Во всем этом, помимо общих факторов, действует и личный, эмоциональный (целование [нрзб.] в Праге во время отстранения Новотного⁹⁰).

Худо, хуже, кажется, и быть не может, но нет, еще не самое худо — еще за исключением не следует автоматически арест. И все не то, как бы ни старались «деятели, неуклюже напяливающие на себя мантию деятеля, уже сделавшего свое дело» («трагедия» и «фарс»), «воображающие, что верят в себя, и требующие от мира, чтобы и тот воображал это»; «стремящиеся обмануть себя насчет своего собственного содержания».

Конечно, нужно уходить из журнала, уходить из круга, где ты на виду, но оставляя в стороне все другие, м.б., и более важные соображения, нельзя бросить ребят, нельзя такой ценой обрести свою свободу. Ведь это я их завел в такие фиорды. Нужно дотерпеть до снятия — и совесть будет спокойна.

При всем это странное дело — внутреннего отчаяния нет, желание жить есть, и есть надежды на работу и вкус к этим преобразованиям природы на участке. И сон такой, что без надобности лесные избушки, стога сена или скирды соломы в поле под снегом, хотя по привычке еще привлекаю их, засыпая. Но сплю не более 4—5 ч. подряд, редко досыпаю или задремываю днем.

Много нечитанных версток. Можно читать, а можно и не читать — все равно ничего нельзя или «проходит» само собой.

Выше цит<ируемые> строки — по верстке статьи Фризмана «Ирония истории» — наверняка не пройдет, хотя вся на Марксе—Энгельсе. Но слишком уж очевиден объект «иронии» — отнести ее к одному Китаю невозможно⁹¹. —

23.IV. П<ахра>

Бусинки ночного малого дождика на проклюнувшихся березовых почках. Первое утро за эти дни, что удержался — не ввязался в преобразовательные дела на участке. Два года назад, с напряжением сил и строительной догадки, возводил «павильон» для угля, время от времени достраивая, совершенствуя его, — он и служил отличным укрытием уголька от зимних вьюг и заносов. Третьего дня с зятем, вызвавшимся помочь, с великим усердием и отрадой разбирали эту халабуду, относили часть хлама прямо на дровосеку, сортировали и выкладывали «годящее», удачно устроили обе воротницы б<ывшего> гаража, служившие фасадной стенкой «павильона», подвесив их — в длину — на штакетник, чтобы заслониться от слишком близкого жилья соседа с его пингпонговым столом, в длину же выложили годящие доски, а потом я вмонтировал «в липки» и коробку собачьего ящика, подгрел к месту уголь, прибрал все (еще не все) — опрятно, культурно. Часть дня вчера наламывал спину и руки, подчищая сучкорезом елки слева от моего балкона, — на всю высоту сушья не мог дотянуться, но все же приопрятил этот уголок. Вчера перекадывал поленницу дров, чтобы освободить навесец сторожки под «тент с<ельско>х<озяйственных> орудий». — И все с охотой, увлечением, таким, что закурить забывал по часу.

А в области идейно-политической и вообще интеллектуальной — мрак, апатия и безнадежность. Дозвонился по тел<ефону> Верейского до редакции, Лакшин сообщил, что молчаливо задержанный № 4 уже попадет на машину только 15 мая, если даже и будет наконец разрешение⁹². Все, что бы ни делалось в ущерб журналу, давно отмеченному как главный «протаскиватель», молчаливо одобряется, само собой разумеется как необходимое в свете решений и указаний. Жаловаться не для чего и некому — по крайней мере свобода от самоупреков. (Но это состояние не способствует продуктивности на приусадебном участке, только в буквальном смысле этих слов.) Уж делали бы свое черное дело окончательного «оформления» журнала скорее. Воображать, что и в нынешних условиях мы сможем еще оставаться «НМ», в голову не приходит не только мне — это уже все понимают в редакции. —

Режиссер Любимов снят. Собственно, об этом можно было легко догадаться по той картине, кот<орую> передавал Кондратович, придя с прогона (ген<еральной> реп<етиции>) «Федора Кузькина» в его театре⁹³. (Директор: «Я вам

запрещаю, п<отому> ч<то> в зале есть посторонние». Боже мой, высший интерес и награда для театра — интерес к нему «посторонних» — это стало бедой, опасностью!) Еще два м<еся>ца назад такое было невозможно, теперь все со всеми возможно, не исключая, конечно же, и «НМ».

Шолохов в Дании (или Норвегии) о С<олженицыне> и обо мне⁹⁴.

25.IV. П<ахра>

У Конёнкова (23.IV)⁹⁵.

Чудо-юдо. Смесь внешней живописности вдохновенного старца со стариковским тщеславием и неумной болтливостью. Накануне просмотрел присланную им книжицу, смонтированную кем-то из его автобиографии: детство, юность — и статей, в разное время подписанных им; пришлось ее воспринять еще и в изустном изложении.

Пресерьезно говорит о неотложной задаче человечества решить вопрос о жизни вечной, об отмене смерти (с прекращением дальнейшей рождаемости, но возвращением жизни, воскрешением всех умерших до сих пор). Разрабатывает этот вопрос, по его словам, президент Академии наук БССР Купревич, чей скульпт<урный> портрет он сработал⁹⁶.

Возлагает большие надежды на 3-ю мировую войну, после которой, по Библии, — ссылается на нее поминутно — наступит окончательное благоденствие рода человеческого.

Сочетание кичливой веры в бога, Христа с бездумным, дремучим сталинизмом.

— Сталин — сын божий. А что кровь — так это он выполнял волю божью. А его выбросили из Мавзолея.

Статеек своих он не только не писал, но и не читал: «Мало ли что я подписываю». Цитировал «Тёркина», показывал обвязанный «объект» — «белого Тёркина», но когда дошло до бога и Сталина и я кое в чем возразил, обозвал меня дураком и заявил, что не будет делать «Тёркина». — Воля ваша, С<ергей> Т<имофеевич>. Выпил он около бутылки портвейна, а мы с Гришей Анисимовым — бут<ылку> коньяка⁹⁷.

Ной, Авраам, даже Адам для него лица исторические. Себя открыто считает доверенным лицом бога: «Что я говорю, тебе никто не скажет — мне бог одному поведал...»

После выпил я еще с Лакшиным и Хитровым и приехал хорошенький — утром позывало обратиться к четвертинке, откупоренной уже для промывки авторучки, — воздержался, и то слава богу.

Корчевал вчера березки с Евг<ением> Ант<оновичем>, жег свежий, со взбухшими почками хворост — в огне лопались почки.

Занимаюсь с душой только зем<ляными> работами и т.п. Вроде бы у меня уже и нет ж<урна>ла. Все запустил, ничего ни думать, ни предполагать уже не приходится. Привыкаю. Завтра Секретариат по вопросу о зарубежных лит<ературных> связях. М.б., скажу там, что какие же, к черту, связи, если, не говоря о другом, взять хоть такой «узел связи», как «НМ», и что с ним делается. Вообще говоря, их не касается — что там с журналом, ни разу не осведомились: почему, мол, он так запаздывает, делают свои «политической важности» закрытые дела, куда-то ездят, где-то совещаются о чем-то, а где литература? Д<ементьев> говорит: «Ничего, в Китае тоже нет литературы, а живут». —

27.IV. П<ахра>

Свежо, и ветер, прочнейшие ели в своем вечнозеленом одеянии страшно раскачиваются, березы и осины, еще голые, — менее заметно. Самая тоскливая весенняя погода, когда хочется сидеть или дремать взаперти или хотя бы в затишке где-нибудь. Встал в 5, но не пошел на земляные или надворные работы, написал письмишки, одно — Г.Т.Сиводедову по поводу разысканных им в Ленинской [библиотеке] уточнений моих ранних «публикаций»⁹⁸. —

То, на что я трачу массу труда, сил и к чему то и дело и с наибольшей охотой обращаюсь в мечтаниях и предположениях, не только не имеет существенной ценности, но и замечено бывает не всегда даже Машей, разве что с отрицательной оценкой моих преобразований природы на участке («грибницу разрушаю пересадками елочек в линию» и т.п.). Но и сейчас, записав кое-что о вчерашнем дне и еще кое-что с листков разновременных, пойду выкладывать доски вдоль забора, продолжая «защитную линию» от соседа и очищая место под березками, где они зимовали в штабельке, прикрытом толем. —

Г.М.Марков в сообщении о Пленуме и его пожеланиях и указаниях Союзу заявил как о чем-то установленном, что наша цензура, мол, больше не вмешивается в вопросы о пригодности для печати тех или иных произведений. Отсюда, естественно, возрастает ответственность редакторов и редакций — хватит, мол, полагаться на то, что там где-то поправят, не проглядят. Написал ему записку, хотя сидел рядом,

выразив удивление и недоумение: когда это произошло. Вот, мол, с 4-й кн<игой> «НМ» дело обстоит так и так. Он наклонился ко мне и сказал:

— По-видимому — в виде исключения... — И больше его ничего не интересовало, как будто речь шла не об органе Союза, а о каком-нибудь чехословацком или румынском журнале, который почему-то запаздывает с выходом на 2 с лишним м<еся>ца. —

Федин, Михалков, Грибачев, Кочетов, Сурков — нет, не хочу и в такую погоду описывать их хари и их натужно-фальшивые речи или реплики. Сурков, тот даже в кулуарах между двумя пустыми анекдотами умеет, так чтоб слышно было, ввернуть вдруг, что капризы Румынии, хотя он и не великодержавный шовинист, вызывают в нем чувство оскорбленности своего нац<ионального> достоинства — в этом роде что-то.

Вчерашнее сообщение по бибисейскому радио о развенчании культа Георгиу-Дежа очень примечательно. Это мероприятие явно «полемическое»: вы реставрируете культовый режим, а мы начинаем с самого начала его ворошить⁹⁹. —

Сидел там около трех часов, ушел, не дождавшись конца доклада Озерова о связях и контактах с зарубежными коллегами¹⁰⁰. В редакции подписывали первомайские квитки-приветствия, штук 250, смеялись, что много, но, может быть, в последний раз раздаем автографы. Потом прибыла комиссия и «беседовала» (Девитияров, другого не запомнил) со мной, И.П. [Архангельской], — с замами и Хитровым.

1. Как вы реагировали на цензуру?

2. Как вы даете отпор Западу, который считает вас либеральным журналом? — Уф!

27.V.68. П<ахра>

Накануне отъезда в Италию.

Еще до праздников споткнулся, а там и пошел было на полную катушку, но, слава богу, как-то вдруг выбрался из ямы.

Сильнейшее впечатление последнего времени — новая рукопись Роя [Медведева] — вступление к книге о неосталинизме. По отдельности, по частностям как будто все знал, но здесь все поставлено в довольно стройный логический ряд и неотвратимо овладевает умом: да, так, не иначе, понятно, наконец, а раз понятно, то уже и легче, хотя поня-

тое ничего доброго не сулит не только на ближайшее время, но и вообще.

Еще изложение В.Я.Лакшиным некоей работы (эпоха писем, манифестов и т.п.) академика Сахарова — о запасах атомно-водородных игрушек, превышающих количество, потребное для обращения в небытие всего сущего, о несостоятельности противоракетных средств, о том, что правительства (мн<ожественное> ч<исло>) не отдают себе отчета в том, насколько все серьезно и зловеще; об угрозе голода на зем<ном> шаре¹⁰¹. —

Ужасное собрание московской парторганизации «об итогах» (Ильин, Мдивани и пр.)¹⁰². Сбежал после перерыва. —

Болезнь Марьямова (многосторонний инфаркт и еще многое другое). Написал ему в больницу.

С<офья> Х<анановна>: — Просили еще написать Яшину. Потом рассказ Симонова, навещавшего его, Яшина, распоротого от прямой кишки до желудка включительно. Потом Левитанский с плохими стихами и опять же просьбой написать Яшину, рассеявший мои опасения, что мое письмо человеку, с кот<орым> я никогда не был близок, будет означать для него, что дела его — хана.

— Нет, он все знает, но жадно впитывает все знаки внимания, оценки и т.п. С утра спрашивает, нет ли писем, не звонили кто, не придет ли. Вчера написал и послал Левитанскому для передачи письмо, поневоле натяженное, не вполне искреннее, но изо всех возможностей ободряющее, льстящее¹⁰³. После рассказа Симонова заснуть не мог, отогнать эту ужасную картину.

— Выезд в Рим назначен на 27.V. Уже все оформлено. — Инспирированное мною посещение делегацией Петра Нилыча [Демичева], — он все тот же. Еду без охоты, не без страха стыда и муки, даже 240 долл<аров> не утеха.

27.V.68. П<ахра>

В ожидании машины.

Встал — еще не было пяти, но вместо тетради взялся за лопату, чтобы довести площадь вспаханной части до $\frac{2}{3}$ огорода за сторожкой.

А записать следовало.

1. Об осине, с которой борюсь 3-й год.
2. О жимолости, посаженной поздно, уже с цветочками — к концу дня она с верхушек обвядает, нежные нынеш-

ние погончики склоняются, как побитые морозом; утром смотрю — бодро. Сегодня подрезал маленько.

3. Историю с «Большевиками»¹⁰⁴.

4. О рукописи Роя [Медведева] пошире.

5. О работе акад<емика> Сахарова со слов Лакшина.

6. О переживаниях ж<урна>ла.

7. О видах на работу (свою, «приусадебную»).

8. О Солженицыне.

9.

Рим, 29.V.68. Второй день

Приехали третьего дня поздно вечером в некотором расстройстве чувств: оставление в Цюрихе Суркова с Брейтбурдом, пропажа моего чемодана. Встретивший нас Илья Вяч. Петров по пути с аэродрома сообщил, что к нашему приезду (он оговорился, что это шутка) «Джорно» опубликовала в двух номерах протокол Секретариата Союза писателей по Солженицыну¹⁰⁵.

Утро 28.V. Посещение посла Никиты Семеновича Рыжова¹⁰⁶; его неожиданная, по памяти прошлогоднего посещения, приветливость, явная обеспокоенность делами КОМЭСа и, в частности, особая — публикацией в «Джорно». Сегодня он будет встречаться с хозяевами газеты — руководством газово-нефтяной компанией, ему, Рыжову, очень бы нужно было, чтобы «протокол» оказался фальшивкой. Вчера мы прослушали в чтении Г.С.[Брейтбурда] и Влад<имира> Евг<еньевича> всю публикацию. Это — запись Солженицына, известная в Москве не одному мне, довольно точно воспроизведенная и с указанием, что это отчет, «составленный самим Солженицыным». Беда — и как с ней? Вот они, «старушки», которым он давал на переписку на машинке свою запись, и я еще тогда сказал ему, что это дело обязательно обернется обычным образом, т.е. «выходом в свет» записи¹⁰⁷.

Сейчас поедем с Симоновым к Рыжову. Одному мне ехать — не полоса, перечислить это дело целиком на одного Симонова — нехорошо. Вчера, прощаясь на ночь с Сурковым и др., сказал — к видимому неудовольствию Суркова, — что поедем мы только вдвоем, он, посол, просил вообще, чтобы «кто-нибудь» приехал к нему с этой информацией.

В 10 ч. сегодня будем все у Д.Пайетта, вечером же он приглашает нас на ужин. Все это хорошо.

Вчера, когда я уже возвращался из «Станды», где покупал с помощью Влад. Евг. рубашки и проч., даже термос, т.е. все обзаведение, в моем новом номере стоял мой чемодан — обрадовался: столько хлопот и затрат на обзаведение сразу отпало, да и так, вообще.

Вигореллева информация (запись в блокнот — его решимость на всяческие уступки обстоятельствам, готовность порвать, в конце концов, и с Леманом¹⁰⁸, и с французами и остаться в одном итальянском качестве общества, открытого для всех добрых людей. Все это говорит о том, что КОМЭС нужен не только и, м.б., не столько литературе, сколько политике. М.б., и мы своим приездом обязаны той же политике).

30. V.68, Roma, hotel «Plaza», 428

Вчера побывали у посла, сообщили, что публикация в «Джорно» не фальшивка. Он был опять же благодушен, очень доволен тем, что «устроил» нам встречу с Пайеттой, к которому мы спешили, т.е. сказал ему накануне (тот был у него), что мы хотели бы с ним встретиться. Все хорошо, обещал позвонить болгарскому послу насчет участия болг<арских> писателей в нынешнем КОМЭСе.

Я помнил хорошо скромнейший кабинетик Пайетты с дверью, выходящей на лестничную площадку — напротив двери лифта, — представляющую собой, т<ак> с<казать>, приемную: секретарша, машинка, папки, бумаги, два-три стула. Почему-то мне казалось, что теперь мы его увидим в более respectable обстановке. Нет, все было как прежде, и встретил он нас на этой самой площадке с очевидной радостью. По его, конечно, инициативе произошло троекратное лобызание. Очень постарел, венчик волос от висков к затылку совсем седенький, лицо пожухлое, но все равно красив, мил, очарователен. У него очень приятный рокоток в голосе, очень хороший смех, открывающий широкий и какой-то очень симпатичный ряд зубов. Сидит свободно, то боком, то прямо, часто придерживая рукой крупную лысую голову. Рассказал о выборах с большим оживлением, одобрил полностью наши намерения поддержать возрождающийся КОМЭС. Вдруг позвонил и сказал нам, что т. Лонго¹⁰⁹ будет рад принять нас (об этом мы и не заикались) и что он позвонит, когда освободится. Подарил нам по огромной папке с изданием русского рев<олюционного> плаката¹¹⁰, еще по одной литографии на наш выбор худ<ожника> (кот<орый> реставрировал, помнится, какие-то знаменитые двери).

У Лонго тоже скромный, но все же чуть лучше кабинет и натуральная приемная, стол нестандартный — с каким-то срезом одного угла и как бы огибающий сидящего за ним. Лонго тоже красив, но по-другому — лицо более тонкое, энергическое и отчасти ироническое, на темени еще есть, хоть и сильно прореженные, волосы ежичком — седые, вер-

нее, серые. Был очень хорош с нами, охотно подхватил пайеттское (латынь) выражение о том, что нашей делегации придется «ходить по яйцам» («Я, правда, в куроводстве мало понимаю...»). Опять все было максимально хорошо. Я даже сказал на ходу Суркову (с ним часто — беда), что хорошо бы видеть П. Нилычу [Демичеву], как нас встречают, как и что говорят. Он правильно сказал, что все это ничего для П.Н. не означает, разве только вызвало бы еще большую настороженность к нам и нашим задачам.

Поездка в Абабелин, магазин посольства, покупки, кажется, глупые. В 8 ч. «Унита». Там все просто, демократично, опять же красивый Ф [нрзб.] в штанах без ремешка и потому спускающихся с заметного животика. Потом ужин в каком-то симпатичнейшем подвальчике (оборудованные руины какого-то старинного здания, кажется, говорили — театра). Две дамы не яркие, одна — «Ринашита», работала с Тольятти, полна благоговения. Коридоры и комнаты «Униты» напоминают наш смол<енский> Дом печати, потолки низкие, в комнатах по многу столов. В «Уните» всего 40 чел<овек> работников. Пайетта сам отвез нас в гостиницу. Опять, как несколько лет назад, подумалось, как невозможно представить, чтобы П.Н. отвозил нас этак из «Арагви», где посидел бы с нами, болтая за ужином о том, о сем. Да он и водить машину, наверное, не умеет. —

Сегодня первое заседание или нечто в этом роде.

31.V.68. Рим

Вчерашнее заседание КОМЭСа в одном из закоулков нижнего этажа гостиницы «Plaza» (это при неукротимом стремлении Вигорелли ко всяческой внешней респектабельности!). Но людей горсточка, большое помещение только подчеркнуло бы убожество нынешнего представительства европейской лит<ерату>ры. Президента нет, он кланяется и желает успехов через Вигорелли — тщеславный старец сообразил, что здесь ему красоваться решительно нет возможности. Из вице [вице-президентов] — один я. Сообщение Вигорелли делал на французском, на итальянский оно не переводилось — не было итальянцев, кроме самого В<игорелли>, а на русский Брейтбурд перевел нам после, за столиком в гостиной.

Сегодня, проснувшись в 4, перед тем как заснуть еще до 6-ти, вспоминал этот состав и гадал, кто там был приехавшим из желания возобновления КОМЭСа, из интереса к нему, — увы, если не считать нас, трудно найти таких.

Бернал Уолл, судя по тому, что рассказывал о нем пьянствующий с ним Томашевский, по кр<айней> мере в пья-

ном виде грозит выступить за ликвидацию этого, т<ак> ск<азать>, бардака, где дело подменяется игрой в деятельность, застольным пустословием и т.п.

Большинство наверняка, как люди малоизвестные и безденежные — из-за возможности побывать в Италии за счет КОМЭСа (нам и то уже выдано по 50 тыс. [лир]), а кроме того — гостиница и питание на эти дни).

Ганс Магнус Энценсбергер — с женой в коротких штанишках и 11-летней дочкой — обе с «русалочьими» распущенными волосами, — семейная поездка в Рим по случаю.

Венгры — м.б., отчасти потому, что мы здесь.

Поляк Тукровский — в первую минуту встречи с нами спросил, кто и где здесь выплачивает командировочные.

Из Чехословакии ожидали Гольдштюкера, но его нет, а есть одиозный Мнячек — «израилец». Старушка О'Брайен из Ирландии — не иначе, что проветриться по весенней поре.

Югослав Младенович, македонец, ... [пропуск в записи] о прибытии которого было сказано: «и то хлеб»¹¹¹.

Французов нет (во Франции бушуют события, которые вполне оправдывают это отсутствие, хотя оно не из-за событий, а по другим причинам).

Нет румын, если не считать какого-то итальянского румына, приспособленного нашим Вигорелли для этого представительства, нет болгар, не говоря уже о Лакснесе, Лундквисте¹¹², Лемане, отсутствующих принципиально, как и французы.

Вчера существенным и интересным были встречи в ЦК с их Шаурами, Мелентьевыми и т.п. Но какая разница. Интеллигентные, думающие и свободно излагающие свои мысли люди, свободно и по отношению к своему «6 этажу» («там их тоже меняют»). Ждали Пайетту, шутка, мол, давайте говорить, а то придет Пайетта и всех заговорит, — это [при] явном уважении к нему, но он позвонил, сообщил о французских делах (ропуск Де Голлем Нац<ионального> собрания) и извинился, что не сможет быть.

Я выступал, кажется, не очень удачно в том смысле, что сосредоточился на Солженицыне, имея в виду больше моих соотечественников, чем итальянских друзей, но глупостей не говорил. Симонов удачно и уместно высказал некоторые претензии друзьям-итальянцам. Сурков, хорошо сказавший вступительное слово, под конец сел на «пономаревского конька»: «Погодите, придете к власти, испытаете на себе всю полноту ответственности правящей партии, тогда увидим...» Я ему сказал на выходе, что, в сущности, такая постановка недалеко от той, что высказала в овечкинской записи старуха, угрожая немцам: погодите, придет наша Красная

армия, за Берлин вас загонит и всех до единого в колхозы, в колхозы¹¹³...

1. VI.68

Все идет лучше, чем мы предполагали. Собственно, атака на нас, если еще можно назвать это атакой, была лишь со стороны Б.Уолла, процитировавшего письма Лемана (Не водиться с сов<етскими> писателями, покамест они не выразят к/м [коммюнике]). Было удачное выступление Симонова, в котором его барственно-ленивая манера была как нельзя кстати. Оно, по кр<айней> мере, освобождает меня от необходимости касаться опять этих имен, мне достаточно будет присоединиться к его словам¹¹⁴.

Вигорелли изо всех сил потрафляет.

К выступлению

Л.Толстой об обществе трезвенности (не пить лучше всего порознь, по своим местам — зачем для этого собираться? — А если уж собираться, то нужно пить).

Мы с вами имеем полную возможность порознь молчать, порознь рычать и даже написать своим противникам оскорбления, как это делает, напр., господин Леман, в эпистолярной форме. Для всего этого собираться не нужно. А раз уж мы собрались, то нужно говорить, как нам дальше жить, говорить ли, слушать других не с тем, чтобы выискивать препятствия для нашего общения, а с тем, чтобы их устранять.

Мы приехали сюда в таком составе не потому, что испытываем на родине недостаток заседаний, но чтобы подчеркнуть искренность и серьезность нашей готовности продолжить наши диалоги.

Каждого художника от времени до времени не может не посетить такое настроение: а не пойти ли вам всем к черту со всеми вашими затеями представительства, диалогами, контактами и всяческим толчением воды в ступе, не оставить ли вам меня в покое наедине с моими заветными замыслами. Но это только иллюзия. Художник более, чем другие люди (а им это свойственно тоже), нуждается и в уединении, и в общении. Собственно, его жизнь состоит в том, что он уединяется, чтобы общаться с миром, и так или иначе апеллирует к нему, даже если не выходит из своего кабинета подобно Прусту¹¹⁵.

А в нынешнем веке — и подавно. Более того, он уже не может ограничиться той формой общения, какую предоставляет его писание само по себе. — (Томас Манн в годы фашизма и войны — лекции, радиоречи, письма.)

Нынешний век столько делает для разобщения и отчужденности (Вьетнам — Париж — страны Вост<очной> Евр<опы>, Ближний Восток, мрачные симптомы Китая), что нужны усилия для того, чтобы не утратить наших связей, не впасть в духовный изоляционизм, который губителен для искусства. И одним из действенных усилий в этом направлении являются наши встречи.

Их несовершенство? Неполнота? Камерность? Несовершенен и наш Дж.Вигорелли. Это все зависит от нас самих. Однако нельзя сказать, чтобы эта деятельность проходила так уж бесследно: Сартр, Энсценсбергер, Н.Саррот на стр<аницах> «НМ»¹¹⁶ — результат общений, контактов, рекомендаций, вытекающих из деятельности КОМЭСа, — это частности. А вы не можете не знать, что такое появление в нашей печати для любого зарубежного писателя — тиражи, читатель, какого он еще не имеет у себя на родине. М.б., мы плохие писатели, но уж насчет нашего читателя — здесь мы не уступим никому.

Мы, как, наверно, и большинство из вас, не считаем, что мнения правят миром, но, как говорил мыслитель, о котором, простите меня, иные из вас знают только то, что у него была большая густая борода, идеи, овладев душами людей, становятся материальной силой.

Из «мнений» складывается такая сила современности, которая называется мировым общественным мнением.

Не дело КОМЭСа устраивать революции, но сделать все возможное для оформления этого общ<ественно>го мнения — прямая задача.

За то, что мы не смогли, с нас не спросится, спросится только за то, что могли и не сделали.

Я не касаюсь частных и персональных, которые длительный период были «камнем преткновения» нашей деятельности. Об этом хорошо сказал Симонов. Прошу его слова считать и моими словами.

Благодарю вас.

2. VI.68

Выступал, не вынимая из кармана предыдущей странички и не перечитав ее ни разу, — поэтому кое-что упустил, кажется, кое-что добавил. Прошло очень хорошо. Брейтбурд вовремя подсунул мне листок (когда я похвалил Вигорелли) с крупными буквами: «Унгаретти»¹¹⁷ — я забыл о нем, да и не помнил никогда. В<игорелли> вместо обычного «грация» сказал что-то о готовности принять все замечания и был очевидным образом счастлив. Еще два-три выступления, и В<игорелли>

релли> зачитал текст коммюнике, над которым комиссия работала еще и утром, до начала общего заседания. Там никаких фамилий из склонявшихся больше года в печати и на радио. Когда единогласно проголосовали, В<игорелли> выкрикнул: «Грация, viva КОМЭС!» Так, слава богу, все пришло к благополучному завершению. В<игорелли> о большем и не мечтал, имея в виду даже «запасной выход». А те, чьи фамилии не были упомянуты, что наша секция считает большим достижением, о чем будет докладывать дома, те, между прочим, продолжают строиться на поверку, выходить на работы и т.п., а Солженицын, написавший свое письмо в редакцию «Л<итературной> газ<еты>», так, наверное, и не дожидается его появления¹¹⁸. А как оно здесь было нужно нам! Предвидится возвращение к вопросу о нем, — «решайте сами», т.е. решайте так, как мы хотим. А может, опять — молчанка. Посол (сегодня нужно ему позвонить) пошлет свою телеграмму, мы будем докладывать об успехе нашей экспедиции, а нам скажут: ну вот, а вы боялись чего-то, вам же было говорено... И опять наши претензии вянут.

Н. Бор. [Томашевский] сообщил, что готовится к выходу в свет и «Круг первый». «Р<аковый> к<орпус>» (ч. I) видел мельком у него (на русском). Купить.

Ночью с перерывами — дождь, встал рано (вчера пил всего понемногу, но и не так мало), побрился, принял душ, пошел прогуляться. Неожиданно и странно донеслась солдатская браво-маршевая песня, прошла рота автоматчиков в камуфляжных костюмах с закатанными по локти рукавами (и у офицера), в коричневых беретах, потом [нрзб.] батальона карабинеров в фрачных мундирах — опера.

3—5. VI.68. Рим—Неаполь—Венеция

Неаполь — этот безумный, безумный и т.д. город. — 27-й этаж отеля «Амбассадор». — Пачини¹¹⁹ и его Ида. — Обед и ужин. — Моя «лекция» — 100 тысяч [лир]. — Неудовольствие Суркова и Абашидзе¹²⁰. — 4.VI — поездка на Капри, купанье, обед, возвращение. Томашевский и его джин. Дурное (во сне сидячем) возвращение в Рим, откуда ехали чудным утренним часом — молодое южное лето, маки и золотые хлеба. — Ночь в поезде Рим—Венеция. Пробуждение — болен. И теперь Бранко¹²¹. Осмотр Венеции на его катере. Зеленый мшистый пояс по фундаментам — Венеция. — Обед, попытка «творческого сна», кажется, задремал, но тотчас прохватился — худо.

7. VI.68. Roma, alberdo «Milano»

К вечеру в Венеции отказался от «возобновлений», и сразу стало светлей на душе. На ночь принял брейтбурдов-

ские таблетки, поспал свой срок, попил чайку, голова скоро прошла, а там, на катере вовсе «обдуло». Сюда приехал уже во вполне добром состоянии. Тут началась жара: покупки у Тома, переговоры с посольством, вечер с Ренато де Бенедетти¹²² (было хорошо), деньги на исходе. — «Вам Сурков оставил 50 тыс.» — ? Грешен, подумал и, что еще хуже, — высказал предположение, что Сурков, обозленный Неаполем (мне за пустяковую беседу минут в 30 вручили 100 тыс., а я с ними (С<урков> и Абаш<идзе>) не поделился, — иначе не попал бы в Венецию, отдал половину Брейтбурду и решил возвратить мне те 50 тыс., которые я дал ему, как и всем, раздав свои вице-президентские. Оказалось, что Симонов, знавший, что гонорара я не получил, и предлагавший мне вообще одолжить такую же сумму (200 долл.). В 12 ночи приехал Стрелков¹²³, привез деньги, и все уже было в порядке, сегодня в 7 ч. он заедет за нами. —

[...] Сильнейшие «туристские» впечатления: дорога поезда в Неаполь, сам город, чудовищно забитый машинами, высотный «Амбассадор», Капри, голубой грот, купанье, Венеция. —

8. VI.68. Пахра

Кажется, впервые ехал из заграничной поездки с таким приятным чувством довольства своей трезвостью безо всякого расхлебай-разгуляйства. Встретила Оля и замы¹²⁴. Подарки не оказались слишком удачными (кроме тех, что для Оли), оба пальтеца Маше не подошли. —

[...] Немного косил с утра, первый раз купался (не считая купанья на Капри). В доме и в саду — благодать до грусти. Прибираюсь — хочу разделить хозяйство: все редакционные, казенные и проч. держать внизу в моем маленьком «офисе», где будет и библиотека. Там уже есть стол новый и весьма современный — из Олина гарнитура, купленного без меня. — Здесь же будет спальня и «приусадебный участок». Так, кажется, будет лучше, хотя все это не главное.

В понедельник еду звонить П.Н. [Демичеву], проситься на прием, докладывать об Италии — и в редакцию, где опять и опять муки до отвращения и новых позывов к бегству. —

10. VI.68. П<ахра>

Третьего дня смотрели «Золотого тельца» по приглашению Гердта (Паниковский)¹²⁵. Талантливый до мелочей по исполнению и мертворожденный по существу фильм. Приравнение (в книге еще) денег капитализму и, т<ак> ск<азать>, победы над ним: деньги в СССР ничего не стоят и вот-вот совсем будут не нужны. Поверхностная и ложная

концепция, имевшая широкое хождение в те годы и подкрепленная послевоенными словами Сталина о близком переходе к прямому продуктообмену. Победа социализма над Бендером и др. как победа над капитализмом. А социализм не только не такой, каким он выглядит сейчас, когда деньги реабилитированы всерьез и надолго, но и вообще не такой, каким он должен быть. Гердт и, наверно, Швейцер (реж.) понимают это. Фильм не забывается только в силу своих кричащих несоответствий правде жизни. Еще один пример жестокой мести искусства таланту, вступающему на ложный путь добровольно или по принуждению. —

Еду в город, чтобы звонить П.Н.[Демичеву] и идти к нему с докладом о поездке. Заодно о положении в журнале. Хочу сказать прямо, что практика удушения журнала представляется мне антисоветской.

Форсирую вопрос об обсуждении ж<урна>ла на Секретариате. Всерьез. А затем — См<олен>ск.

12.VI.68. П<ахра>

В Союзе 10.VI. — Мокеич [Марков] и К.В.[Воронков]:

— Когда же вы нам расскажете об Италии? М.б., на этой неделе?

— Нет, прежде чем об Италии, я должен рассказать о «НМ». Мое письмо в Секретариат лежит здесь уже давно¹²⁶.

Мокеич: — Придется, А.Т., отложить до осени.

— Нет, товарищи. До осени это дело не будет терпеть. Закрывать журнал так закрывать, не откладывая до осени. В двух последних номерах (только в этих двух!) зарезаны четыре талантливых и широко известных писателя¹²⁷. Если так пойдет... Словом, я настаиваю на безотлагательном рассмотрении письма. Если Секретариату безразлична судьба этого журнала, членом редколлегии которого, между прочим, является первый секретарь, то мы будем знать, что нам делать. Не безразличны — тоже знаем и готовы продолжать работу.

Мокеич: — Я, к сожалению, должен сейчас уехать, здесь эти горьковские празднества и т.д.

— Ну что ж, если заниматься праздниками предпочтительнее, чем буднями...

— Вы уж здесь с К.В. договоритесь...

К.В.: — Я вам позвоню около двух, просигнализирую...

Набираю номер П.Н.[Демичева], путаю, как всегда, Ген<надия> Геннадиевича с Геннадием Алексеевичем¹²⁸ (оба

хорошие ребята, один особенно, но который, не знаю), П.Н. снимает трубку.

— Это Твардовский, мы прибыли, вы оказались правы, все благополучно, но имеется потребность и необходимость «доложиться».

— Очень хорошо, но я сейчас занят подготовкой доклада (?), я вас разыщу, как только справлюсь с этим муторным делом.

— Денька 3—4 пройдет?

— Да.

— Тогда я успею съездить в Смоленск.

— А, к брату?

— И к брату.

— Вашим братом там очень довольны¹²⁹.

— Очень приятно. Брат мой пошел по кузнечной части, вот им и довольны. А другой — по писчей части, вот им и недовольны.

— Ничего, я думаю, что придет время, когда и этим братом будут довольны. (Понимай так, что будут довольны, когда он, этот брат, осознает свои ошибки и заблуждения.)

В 2 ч. или около того, К.В.[Воронков]:

— Что если мы с Г.М.[Марковым] завтра в 11 ч. приедем к вам, чтобы обговорить все?

Я было понял, что они хотят приехать на дачу, — нет, в редакцию («у нас тут невозможно укрыться»). (!)

— Милости прошу.

11.VI. Приезжаю за минуту до них. Принарядившаяся С<офья> Х<анановна>. Чай (самый скромный). Их двое, нас четверо, Саца я накануне не очень ловко отвел от участия в этой встрече.

Даю слово Хитрову, он информирует об обстоятельствах истекающего полугодия (опаздываем на 2 м<еся>ца, получая ежеквартально премии за своевременную сдачу материала. Замены, заменять уже нечем, если не идти на явное снижение уровня. Последние два номера: Дорош, Эренбург, Некрасов, Искандер, Чуковский, В.Быков и т.д.¹³⁰

Кондратович дополняет, заостряя.

Я не выдерживаю и высказываюсь до Лакшина.

То, что сообщают Х<итров> и К<ондратович>, не новость, этим не ограничивается дело. Все это лежит на *старых пластах* (Солженицын, Бек, Симонов, Драбкина)¹³¹.

Мокеич: Солженицын — особая статья, не будем его связывать с нынешним положением.

— Он связан с нынешним положением самым неразрывным образом, но я согласен оставить его покамест в стороне.

Мы работаем под знаком политической дискриминации. Мы уже не редакторы, а лишь аппарат, готовящий рукописи, судьбу которых решают люди, которых нельзя было назначать на наши места по их некомпетентности и просто глупости.

Мы лишены возможности сказать автору, печатаем мы или не печатаем его.

Между прочим, член редколлегии К.Федин — не разделяет ли он с нами ответственности за журнал?

Дорош — чл<ен> редколлегии, заведует прозой. Он лишен возможности разговаривать с авторами: «Тебя же самого режут».

Мы опускаем бездну подробностей и деталей «невмешательства» цензуры, которое практически является издевательством (Быкова она готова подписать, но посылает в ЦК, где говорят: отложить). Мы много терпели и готовы были терпеть еще и еще, если бы хоть в перспективе был просвет, положение все хуже и нетерпимее.

От нас, похоже, хотят, чтобы забыли о рукописях, принятых и подготовленных нами к печати, по два года лежащих где-то, никем не запрещенных, но задерживаемых наглухо. Мы этого предать забвению не можем. Я ставлю вопрос прямо: или Секретариат добивается нормализации положения применительно к формуле «на усмотрение редакции», т.е. доверяет ей, или прямо заявляет, что доверять ей не может. Пусть тогда ее заменяет. Я не впервые и не сгоряча решаю вопрос о моем уходе за невозможностью работать в таких унижительных и оскорбительных условиях — мои товарищи всякий раз влияли на меня в смысле необходимости нести крест, в том числе и те, которые были безосновательно сняты. Мы все понимаем, что означал бы мой уход, — он означал бы конец журнала, каким его знают и уважают читатели, журнала, который хоть изредка напоминает о том, что на свете еще жива литература. Когда на его страницах появятся произведения таких романистов, как М.Алексеев¹³², можно будет считать, что ее, литературы, нету. М.б., она и не нужна, с чьей-нибудь точки зрения. У моих товарищей иссякла аргументация в пользу продолжения «терпения», они разделяют сейчас мое решение: или — или.

Хорошо дополняет меня Лакшин, более спокойно.

Мокеич: Мы, конечно, ничего не решаем, но я должен сказать, что не знал о всех этих трудностях в таком объеме. Я согласен с вами, А.Т., что или — или. Так и будем ставить вопрос. Сегодня же или завтра едем к К.Федину, советуемся, затем советуемся в Отделе [культуры ЦК]. Давайте действовать совместно. Вот вы будете у П.Н.

К.В.: Я тоже не знал в таком объеме, действительно, мы мало занимались журналом. Тут и вина редакции, надо нас втягивать в это дело.

Я: Давать вам рукописи на прочтение.

К.В.: Нет, но как-то советоваться. У меня всегда болит сердце за этот журнал..

Мокеич: (только потом я понял, что ради этого они и приехали!) Ну, а письмо ваше, А.Т., мы уж не будем ставить на обсуждение. Лучше так — в рабочем порядке. А то ведь опять начнется: тот не читал, тот не читал и т.д.

На том и закончили.

Как это все обернется? Очень возможно, что последует вздох облегчения и будет выбрано то «или», которое освобождает нас от дальнейших переживаний судьбы журнала.

Возможно, что нам «выбросят», разрешат В.Быкова, м.б., даже Бека. Есть слух, что «Дневники» Симонова разрешены для собр<ания> соч<инений> (тираж вдвое против «НМ» — 300 тыс.). Но Солженицына, по-видимому, по всему не дадут ни за что. А это — печать на журнале: «приведен к смирению». Этого ничем не восполнить. Нужно идти до конца. Как жалко и обидно, что Солженицын «для себя лишь хочет воли»¹³³ и ведет себя дурно («две старушки» — это только один из очевидных случаев). Но чем бы он ни был как личность, его писания не зачеркнуть, не стереть. А отказаться от него — сразу отказаться от очень многого — трудно преувеличить. —

Вчера же — звонок А.И.Пузикова насчет цитаты из Маршака о языке Солженицына.

— Не затрудняйтесь, А.И., я этого вычеркивать не буду. Пусть и первый том Маршака лежит, как мой пятый.

— Да в пятом-то вашем пусть она будет, эта цитата, — это другое дело (п<отому> ч<то> мой 5-й «проходит» не через него, а через Косолапова).

— Да ведь, А.Т., она, эта цитата, висит там.

— Я ее повесил, пусть висит.

— Ах, ах! Да вы бы вычеркнули ее и сказали, что это мы.

— А вы и попробуйте, посмотрим, что из этого выйдет.

— Подумайте о С<амуиле> Я<ковлевиче>.

— С.Я., уверен, одобрил бы меня.

— Ах, ах!

Жалею, что не привел простейший довод: почему имя члена Союза советских писателей нельзя называть? Это на дальнейшее, а оно, несомненно, еще последует¹³⁴.

С утра — дождь мелкий, «мговой». Косил, собственно, закончил нынче основной свой сенокос — под яблонями. Сегодня — посадить наконец картошку.

— Как вы отдыхаете?

— Играю в единоличное интенсивное хозяйство.

Пренеприятный инцидент с шофером Перфильевым (?), «А. Тополь», чьи рассказы из армейской жизни года два назад были у нас в редакции. Тогда видно было, что это талантливо, хотя слишком под «Поединок», и я, грешным делом, подумал, что это интеллигентный еврей, которому небо с овчинку показалось в армии. Потом выяснилось, что это шофер, возивший меня раз-другой, милый начитанный парень, сбежавший из таксомоторного парка на меньший заработок, но подальше от «коррупции» и всяческих мерзостей этого мира. Недоумеваю, раз и другой — молчит, едва отвечает на мои распросы. Вчера вдруг:

— Ведь вы меня считаете провокатором. Считаете, что у меня в машине подслушивающее устройство.

— Да вы с ума сошли. М.б., я пошутил. (Так, наверно, и было: пошутил, как мы шутим на своем уровне.)

Обругал его, но нужно было только пристыдить. —

15.VI.68. П<ахра>

Отпечатано 6 л. № 5 («тылы»). Хитров звонит Галанову, чтобы узнать о судьбе Быкова. Тот: а у меня весь № 5 на столе. — Так он же разрешен цензурой, отпечатано 1/3 объема — 6 л. — Пауза. — «Вы мне этого не говорили, я не слышал» (?). Это — третьего дня. Кондратович болен на ногах, на «громкое чтение» в ЦК не ходил.

Вчера отправляется к Галанову, жду его в редакции¹³⁵.

Звонит Сурков, а потом и заходит в редакцию насчет приема Паччини.

Когда ему (Суркову) говоришь что-нибудь существенное, — в данном случае о положении в журнале, — на лице у него сразу обрисовывается скука и безразличие, безучастие и вместе напряженное припоминание, поиски того, что можно тотчас рассказать кстати. «А вот у меня был случай в “Огоньке”...»

Вызываю Брейтбурда, отдав речь на машинку. Реставрировал ее утром, преодолевая отвращение, стыд и еще некую смутную тревогу: м.б., ей лучше бы всего не появляться в печати¹³⁶. Но ее запрашивает наш посол в США (для посла США в СССР) вместе с речью Симонова. «Ну, Симонова не

нужно, а твою одну». Но там у меня лишь ссылки на Симонова по важнейшему пункту о процессах и т.п.

Брейтбурд сообщает, что звонила Лариса Симонова, сказала, что с Солженицыным плохо, но как именно плохо — не сказала. Думай что хочешь. Еще рассказывают о публичном заявлении отв<етственного> лица (Кириченко из агитпропа?)¹³⁷.

— Окончательно установлено, что Солженицын власовец и т.д., и по этому поводу будет нечто в общей печати. (Ох, нет, не будет!)

Еще ранее, когда мы ехали в больницу к Марьямову (тот молодцом, не ноет, не жалуется, обложен английскими и русскими книжками, выглядит хорошо), Лакшин рассказал со слов человека, слышавшего своими ушами, как на совещании секретарей парторганизации научных учреждений Москвы выступал Вадимка [В.Кожевников].

— Все началось с того, как Хрущев представил нам Солженицына (на «исторической встрече» на Воробьевых).

Теперь С<олженицын> совершенно определился как антисоветский тип, враждебный социализму, партии и т.д.

И обращаясь к присутствовавшему там Абрамову (?) из КГБ:

— Мы удивляемся вашему долготерпению, гуманности, — ведь все ясно: враг... Этот человек, которого вылечили наши советские врачи от рака, теперь нагло заявляет, что он сам себя вылечил волевым усилием! — Лакшин со слов рассказчика(цы):

«Ну погоди, подлец, не пройдут тебе эти слова даром — умрешь от рака».

Невозможно представить, до какой мерзости может дойти человек, именующий себя писателем. Вчера в редакции (был еще и Закс) всерьез заспорили: кто гаже — Кожевников или Чаковский?

Однако что же с Солженицыным?

Тем часом Бр<ейтбурд> прочел мою речь, кое-что поправил, говорит — хорошо. Я ставлю вопрос о том, что лучше ли ее опубликовать в «ЛГ», а не в «Иностранке»? — Еще бы! — Так я позвоню Маркову — Воронкову. — Прекрасно: мы сразу узнаем, случилось ли что с С<олженицыным>. Ведь если случилось, то ни о какой речи на КОМЭСе не будет речи, — все определится. Звоню Воронкову, он советуется с Г.Мокеичем (идет прием венгров), отзванивает: да, лучше в «ЛГ». Брейтбурд просиял: двойная радость, за-

брал статью и поехал в Союз [писателей]. Условились, что он возьмет на себя улаживание вопроса с Рюриковым. —

Возвращается Кондратович от Беляева — Галанова. б л<истов> под нож? — Беляев: поднож. — Убытки, запоздание с выходом уже не на два, а на три м<еся>ца?

— Вы же сами виноваты, печатаете этикие («аналогия» в статьях о Гитлере и в «Иронии истории»). — Нет уж, извините, не мы... — Разбит, измучен и уж нет других слов: конец.

Статьи эти, в т.ч. «Лавров — Маркс», отпечатаны, читаю «Гитлера» по листам из машины¹³⁸. В понедельник в 12 ч. собираем редколлегию, принимаем решение. Было бы чудом, если бы и на этот раз рассосалось, — нет уж, не к тому делу идет.

Милый Еф. Як. [Дорош]: — А все-таки бог меня любит, я счастлив, что он сподобил меня оказаться в «НМ» в «его минуты роковые». Что сейчас жизнь в литературе помимо «НМ»! Пустота, а тут — история русской литературы. —

Статья в «Изв<естиях>» о «передвижнике» Генделе — напоминание о необходимости писать, наконец, мой рассказ¹³⁹.

Передача Би-би-си — о будто бы ноте СССР правительству Чехословакии в связи с законом об отмене цензуры.

Падение одного из главных гонителей «НМ» мерзавца С.П.Павлова и «двойная бухгалтерия» его «перехода на другую работу»¹⁴⁰.

Все у меня сейчас так хорошо в верхней комнате и есть нижняя (будущая биб<лиоте>ка), где во второй половине дня не жарко, мой «офис», где еще один стол и лежачок. Сладость игр в единоличное хоз<яйст>во. Все хорошо — купанье, чтение, надежды на работу — пусть себе без двух 60! Но как схватит, как схватит за сердце: что же это такое делается и чего от тебя требует время, припирая к стене!

18.VI. П<ахра>

Записываю по памяти вчерашнее письмо в ЦК КПСС, копия — Секретариату Союза писателей, которое я набрасывал сперва как письмо в Секретариат — «византийцам», как их назвал Лакшин после их милостивого посещения редакции. Дорабатывалось и в конце концов переадресовывалось

письмо «всей деревней», включая и С<офью> Х<анановну>, которая, переписывая на машинке, всякий раз делала дельные замечания, — мы, воспламененные самым существенным, то и дело упустили кое-что из мелочей условности.

В ходе работы изменялось и содержание: цензура сказала Хитрову, что Быкова, разрешенного к печати Отделом, она не подпишет, пока ей не будет дано указание. Ранее, м<жду> пр<очим>, она говорила, что охотно подписала бы, но задержали в Отделе. Теперь это была и ее перестраховка, и месть Отделу за задержание статей, разрешенных ею и уже отпечатанных в тираже (18 тонн бумаги, около 10 тыс. убытка) и, вообще, тут уже черт ногу сломал бы. — Тут же были звонки, посетители, болтовня членов [редколлегии], «подбрасывавших» мне под перо ту или иную мысль, полуфразу, — я кипел, но дело довел до конца.

Письмо на одной страничке. Перечислены изъятия (6 л<истов> публицистики) сверх Быкова, которого до поры мы не могли не числить в изъятиях.

Далее абзац о том, что замена изъятых вещей, помимо большого убытка материального (это не аргумент!), повлечет за собой опоздание номера уже не на два м<еся>ца, а на три-четыре, что было бы почти равнозначно прекращению издания.

И далее:

Но самое важное и серьезное даже не это, а то, что задержание этих материалов (публикация «П.Л.Лавров о Марксе и Интернационале»; «Ирония истории» (из политического словаря Маркса); «Преступник № 1 Адольф Гитлер и его хозяева») ничем не мотивировано, кроме *в высшей степени странных* соображений, высказанных т. А.Беляевым устно т. Кондратовичу относительно возможности превратного толкования этих публикаций читателем.

Эта акция не может не восприниматься нами как выражение крайней предвзятости и *политического недоверия*, тем более что она завершает собой целый ряд изъятий из последних номеров ж<урна>ла подготовленных к печати произведений видных авторов (Е.Дорош, Некрасов, Искандер, К.Чуковский и др.).

Редколлегия просит безотлагательно рассмотреть этот вопрос, имеющий решающее значение для дальнейшей жизни редакции¹⁴¹.

Повез письмо к византийцам. Ничего за неделю после их исторического посещения редакции они не сделали, только поговорили с Фединым, ничего толком им не сказавшим («будем думать коллективно, надо думать»).

Покамест я излагал сегодняшнюю ситуацию, на их лицах, соперничающих в сохранении невозмутимости и значительности, можно было распознать лишь настороженность и затаенную опаску: как бы он не ввязал нас в эту пренеприятную историю. Впрочем, завтра, т.е. сегодня, они отбывают на теплоходе «Гоголь» в Горький на недельку...

Г.М.[Марков]: — Придется вам, А.Т., пойти наверх (знакомый мудрый совет — выпугивайся как знаешь, а мы поглядим, что получится).

— К кому?

— Ну, к П.Н.[Демичеву].

— Он сказал, что сам позвонит.

— Ну, к Суслову.

— Я не буду ему звонить — он трижды уклонился от встречи со мной в прошлом году, это было при вас (Воронков: да, да, при мне).

— Тогда уж к Кириленко.

— Почему к нему? Что он Гекубе, что ему Гекуба?..

— Как же — первый после генерального...

— Нет, мне это уж совсем как-то не с руки (я даже имени-отчества его не знаю и понятия не имею, что за человек, — сейчас только вспоминаю, что именно Кириленко, рассказывали, после апрельского пленума сказал, что «вопрос о "НМ" решен, Тв<ардовско>го мы, конечно, освободим»).

Г.М. (с решимостью ставить вопрос напрямую).

— А верно, А.Т., что вы будете приняты генеральным?

— ?

— Так говорят.

— Я не просил о приеме и не получал приглашения.

— А-а! (Разочарование, облегчение и явное понижение интереса ко всей этой ситуации.) М.б., из-за этого-то слуха они и пожаловали самолично в редакцию.

Самое ужасное и непреодолимое — отсутствие у них желания поступить так-то и так-то даже при условии, если это вполне и исключительно от них зависит. Они привыкли, обучены, натренированы выжидать, догадываться — как Шауро полагает, ибо знают, что Шауро тоже весь в напряжении выжидания, улавливания высшего «мнения».

И ни о какой литературе нет речи, лит<ерату>ра давно уже безразличный фон их деятельности — заседаний, обедов, «договоров» с братскими литературами на манер того, как это делают Брежнев с Косыгиным по линии государственной.

Зачем я все это записываю? Только в добавление к «летописи». Это уже вроде интереса коллекционирования: что больше, то слаще добавлять к собранному. —

— Иван Цветков о выступлении на съезде болгарских писателей чехословацкого гостя Пуймана, сына Марии Пуймановой¹⁴².

— У нас с вами есть договор о взаимной информации, вот я вас и хочу информировать о том, что происходит у нас. В политической жизни нашей маленькой страны происходит попытка, которая при успехе может приобрести значение, выходящее за пределы чехословацкой проблемы. Мы поддерживаем всячески нашу партию, т.е. она борется за соединение социализма со свободой. Для себя мы видим в этом возможность жить в литературе без того, чтобы нами «заведовали» люди, в литературе ничего не понимающие.

Были аплодисменты, похлопал и Цветков. Назавтра вызов в ЦК: ты чему аплодировал? Буржуазной демократии захотел? — Текст приветствия ЦК КПБ, составленный Цветковым от имени съезда, читал уже не он, а другой писатель, который не аплодировал буржуазной демократии.

— А текст тот же, ваш?

— Мой.

19.VI.68. П<ахра>

Встал сперва очень рано, выпил кофе, покурил, несколько перемогаясь после «вчерашнего», т.е. обеда с Лео-не Пачини и его Идой. Досыпал, но потом все прошло, косил за калиткой, мечтая о том, как после освобождения от «НМ» стану учиться водить машину, практиковаться на пиш<ущей> машинке и вообще жить в другом плане, писать, наконец!

Жара с утра, на хуторе моем — благодать еще молодого, но уже полного лета. Ходили купаться с Орестом [Верейским] (он зашел за мной) и Дементом — зашли за ним.

Рассказывал Демент о том, что Сурков, запоздавший к обеду в «Узбекистане», обронил, что на Ст<арой> площади, где он был на каком-то сборе, долбали не то спектакль «Большевики», не то рецензию в «Труде» — вернее, и то, и другое¹⁴³. Прелюбопытно развитие этого эпизода из жизни искусства. Не оправдает ли этот эпизод преувеличенные представления о роли искусства в политической жизни, свойственные всем нашим руководителям, т.е. не станет ли он той точкой, где перекрестятся противоположные взгляды и настроения, — ведь спектакль и по рецензии, и, как говорят видевшие его, на материале истории (покушение на Ленина, обсуждение вопроса и решение о терроре), обращен к истории позднейшей — к 37-му г. и нынешнему отношению к нему (нео- и антисталинизм).

Несомненно, что известная, может быть, наибольшая часть руководства всеми силами души желает провала че-

хословацкой попытки «соединить социализм со свободой». Уже наготове и отчасти уже пущены в ход соответствующие слова.

Другая же часть, м.б., и не в силу симпатий к такому соединению, не может не желать ему успеха, видя в нем ущерб и удар по первой части. —

Живу день в том особом настроении, какое бывает в ожидании «звонка оттуда». Только на этот раз ясно, что Солженицына нам не дадут, хотя речь непосредственно сейчас не о нем, а о № 5. А без Солженицына оставаться в журнале, особенно если это уже перестанет быть вопросом и будет публичное его «оглашение», нельзя: тогда нужно будет признать ошибкой то, что является заслугой журнала, которую не вполне понимают и оценивают даже его друзья, восхищающиеся Залыгиным, Айтматовым, теперь Абрамовым, — все они из солженицынской стеганки — так можно было бы выражаться, будь у него такое заглавие.

И тут уж одно за другое цепляется. Не записал выше из рассказа Цветкова: П.Н. [Демичев] всячески поносил С<олженицына> в Болгарии, а на вопрос обо мне: мы, мол, не знаем еще, советский он или антисоветский.

21.VI.68¹⁴⁴

Встал (2-й раз) в 6 ч. Купался с Баклановым и Орестом [Верейским], читали стихи Ц.Солодаря¹⁴⁵ в «Известиях» о неполадках в заготовке грибов в «березовых борах».

Старость, по-видимому, обладает свойством внезапности даже для таких, как я, которые думали о ней с отроческих лет и всячески отвергали ее. Читая Г.Данилевского¹⁴⁶ (едва ли не главное мое читательское увлечение в детстве), я воображал себя 24—26-летним, изредка 28—32 г., но потом возвращался к более свежим годам, — это было легко, т.к. еще далеко впереди было время, когда явилось первое ощущение того, что что-то уже и позади:

Мне девятнадцать, двадцать было лет,
Мне двадцать первый...

Еду в город, чтобы на всякий случай (т.е. на случай звонка) быть на месте и наготове. Бакланов говорит о слухе, что Солженицыну готовится нечто вроде «общественного суда». Если это случится, то больше не о чем говорить: перед этим судом будет и «НМ».

В общей сложности в «НМ» я около 15 лет. Это немало, и это теперь уже — значительная, такая часть моей жизни

в литературе, без которой мне уже трудно было бы представить себя. Бог вещь, как бы пошла она, не свяжись я с журналом. —

Теплые до духоты ночи, сухоросица. Покосил за калиткой и втоптал в компост. На участке такая редкая трава, что без росы не скосить даже моей обновленной косой. Вода в озере хороша, именно летняя, какую делают в корыте или ванночке для купанья детей. Чуть бы свежее!

Неприятны хитроумные домогательства гостей незваных — глупо звать (была бы уж круглая дата — куда ни шло) и невозможно уклониться.

Рассказывают, что, давая объяснения по поводу своей речи, Карякин сказал о Солженицыне, что считает его исключительно талантливым¹⁴⁷. Его прервали:

— Партия не считает его талантливым.

С Баклановым как-то третьего дня зашел разговор все о нем же. Бакланов настолько умен, что разгадал известные изъяны личности С<олженицына>, будучи, как я уже отмечал, безусловным его апологетом как художника в отличие от ненавидящих его открыто или скрытно завистников и пр.

Не может человек жить, не видя себя в перспективе дальнейших своих лет, в каком бы возрасте он ни был, только эта перспектива все короче, обозримее. Теперь я вижу себя «бодрым еще» 60-летним стариком, но, видит бог, не могу себя считать вполне искренне таковым.

23.VI.68. П<ахра>

А.Д.Сахаров

Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе.

«Только полнота ведет к ясности» (Шиллер).

Введение

Взгляды автора сформировались в среде научной и научно-технической интеллигенции, которая проявляет очень большую озабоченность в принципиальных и конкретных вопросах внешней и внутренней политики.

...еще не стал в достаточной степени реальностью научный подход к руководству внешней политикой, экономической, наукой, культурой, образованием и военным делом.

[Его необходимость] диктуется огромными *опасностями* и *возможностями*, заложенными в научно-технической революции и в ряде общественно-социальных тенденций современности.

Мы предлагаем следующее определение понятия научного подхода:

1) Всестороннее и бесстрашное изучение фактов в их взаимосвязи, изучение различных взглядов и теории.

2) Бесстрашное в выводах, непредвзятое, открытое обсуждение, находящееся под контролем гласности, общественного мнения. Свобода от давления авторитетов и предрассудков.

3) Внутренняя последовательность системы теоретических представлений и полное соответствие всем существенным факторам. Пересмотр, в случае необходимости, тех или иных положений при появлении новых фактов.

4) Выработка и точная, известная народу формулировка иерархии главных и промежуточных целей.

5) Выработка под контролем гласности, выборов и других демократических институтов стратегии и тактики, с использованием научного прогноза ближайших и отдаленных последствий, не только местных, но и «глобальных».

[Научный подход]... *несовместим* со служением *антинародным* интересам монополистической буржуазной олигархии*, он *несовместим* и с *казарменным коммунизмом* различных антиленинских образцов... со всеми формами анархизма.

Научно-демократический подход к экономике, политике, культуре полностью совместим с марксизмом-ленинизмом, с социалистической демократией, с теми социалистическими и коммунистическими отношениями, которые устанавливаются в нашей стране в процессе эволюционной ликвидации экономического «базиса» и антидемократической «надстройки» сталинского лжесоциализма.

Научно-демократический подход *частично* совместим с буржуазно-демократическим строем, при обязательном условии эволюции в социалистическом направлении (не только социальные реформы, мирное сосуществование и др., но и определенное изменение структуры собственности).

В [этой] статье автор поставил себе целью с максимальной доступной ему убедительностью и полной откровенностью изложить три тезиса, которые разделяются очень многими людьми во всем мире...

* О крахе технократических иллюзий современной американской интеллигенции см. статью И.Кона в № 1 «НМ», 1968. — *Примеч. А.Т.*

1) Разобщенность человечества угрожает ему гибелью. Разобщенной цивилизации грозит:

а) всеобщая термоядерная война;

б) катастрофический голод для большей части человечества;

в) потеря интеллектуальной свободы в тисках бюрократизированного догматизма;

г) распространение массовых мифов, бросающих целые народы и континенты во власть жестоких и коварных демагогов;

д) гибель и вырождение от непредвидимых результатов быстрых и неконтролируемых изменений условий существования на планете — от нарушения «геогигиены»;

е) гибель и вырождение от неконтролируемого в мировом масштабе безответственного использования достижений научно-технической и социальной кибернетики, массовой психологии, научно-технического контроля над жизненными процессами рождаемости, смертности и наследственности и, в особенности, над психическими процессами, с потерей основных человеческих ценностей, с потерей смысла жизни.

Перед лицом подобных опасностей любое действие, увеличивающее разобщенность человечества, любая проповедь невозможности сосуществования науки, экономических систем, различных идеологий — безумие, преступление. Сосуществование идеологий не означает их слияния. Они существуют в мире, при этом более адекватная научным и историческим закономерностям идеология неизбежно оказывается более существенным элементом общественного сознания «на следующем витке» спирали общественного развития.

[Отрицание сосуществования идеологий] — это, с моей точки зрения, не больше чем демагогия, предназначенная для псевдубедительного прикрытия бюрократического подведения интеллектуальной свободы, для обоснования *идеологической цензуры*.

[Сосуществование возможно лишь на основе взаимности; с экстремистами, расистами и т.п. оно невозможно.]*

Человечество находится на краю пропасти. Отойти от этого края — это значит в первую очередь преодолеть разобщенность, а также осуществить научно-демократические преобразования системы руководства.

Первый шаг — углубление мирного сосуществования до уровня всестороннего мирового сотрудничества. Однако

* Так у А.Т.

уже это невозможно, если не взят принципиальный долгосрочный курс на сближение двух экономических систем. Мы утверждаем, что такое сближение является в будущем реальным в свете (в силу?) происходящего в обеих системах развития производительных сил, при непереносимом условии демократических преобразований в обеих системах...

2. Второй тезис статьи — необходимость научно-демократического подхода во внутренней и внешней политике.

В последнее время в нашей стране возникла своеобразная концепция изоляционизма, обращенная на внутреннюю политику.

Ее приверженцы демагогически используют неудачи внешнеполитического авантюризма, а на деле стремятся оправдать проявления внутривластной неосталинистской реакции. [«Нам все равно, что думают о нас западные компартии, — дескать, своих дел по горло».]

На самом деле наша политика очень существенно влияет на соотношение сил прогресса и реакции во всем мире, и лишь узкие кастовые интересы приводят к тому, что эти возможности так плохо используются.

Научно-демократический подход неотделим от принципов интеллектуальной свободы, которые мы ввиду их важности выделяем в третий тезис.

3. Человеческому обществу необходима интеллектуальная свобода — свобода получения и распространения информации, свобода непредвзятого и бесстрашного обсуждения, свобода от давления авторитета и предрассудков.

Такая тройная свобода мысли — единственная гарантия от тяжчайших ошибок бюрократического, догматического и волюнтаристского характера... от заражения народа массовыми мифами, которые в руках коварных лицемеров-демагогов легко превращаются в кровавую диктатуру... гарантия осуществимости научно-демократического подхода к политике, культуре и экономике.

Но свобода мысли в современном обществе находится под тройной угрозой:

со стороны рассчитанного опиума «массовой культуры»;

со стороны трусливой и эгоистической мещанской идеологии;

со стороны окостенелого догматизма бюрократической олигархии и ее излюбленного оружия — идеологической цензуры.

Поэтому свобода мысли нуждается в защите всех мыслящих и честных людей. Мировые опасности войны, голода, «культы», бюрократизма — это опасности для всего человечества.

Осознание рабочим классом и интеллигенцией общности их интересов — примечательное явление современности...

В последнее время нам приходилось читать и выслушивать настойчивые требования к интеллигенции подчинить свои стремления воле рабочего класса и его партии [абсурдность этого требования].

Однако на самом деле в таких призывах подразумевается подчинение не классу и не партии (это просто маскировка), а центральному партийному аппарату, его чиновникам... —

Необходимость и возможность углубления мирного существования и курса на *социалистическую конвергенцию*, необходимость интеллектуальной свободы, необходимость научно-демократического подхода к политике, экономике и культуре — три неразрывно связанные темы этой статьи.

[2 части: «Опасности» и «основы надежды»]

Взгляды автора не являются вполне «ортодоксальными». Вместе с тем взгляды автора являются *социалистическими*, и он резко протестовал бы против любого использования его работы в антикоммунистических целях... [«вбить клин»]

Реальная опасность таких попыток существует как со стороны империалистической пропаганды, так и со стороны неосталинистских сил. Но это попытки с негодными средствами. Понятие прогресса для меня неотделимо от социализма и нравственных идеалов коммунизма, от объединения человечества на этой основе, от демократии и развития мировой науки¹⁴⁸.

Именно поэтому я считал своим долгом написать эту статью.

[Вклейка]

1. «Научный подход»

«Три тезиса»:

1) «А, б, в, г, д, е

(что грозит человечеству).

2) «Необходимость научно-демократического подхода при осуществлении внутренней и внешней политики.

3) «Необходимость интеллектуальной свободы».

(Часть первая)
Опасности

«А» (угроза термоядерной войны).

«Б» Угроза всеобщего голода в более бедной половине зем<ного> шара.

«В» Изменения лика земли, «среды питания», «проблемы геогигиены».

«Г» «Развитие расизма, национализма и милитаризма, и в особенности возникновение демагогических, полицейско-диктаторских режимов.

«Д» «Угроза интеллектуальной свободе», «смыслу человеческой жизни».

(«Процессы», цензура, реставрация ст<алинизма>.)

1. Основа надежды

«А») «Два лыжника»

«морально-этический характер преимуществ соц<иалистического> пути».

неизбежность сближения двух систем.

Конвергенция

Область «футурологии»

«Лучший вариант»:

Опасности

А. Три технических аспекта термоядерного оружия сделали т<ермо>яд<ерную> войну угрозой самому существованию цивилизации:

огромная разрушительная сила,

относительная дешевизна р<акетно>-яд<ерного> оружия,

относительная дешевизна его и практические невозможности эффективной защиты от массированного р<акетно>-т<ермо>яд<ерного> нападения.

Л.Сциллард об «оружии Страшного суда»¹⁴⁹.

Б. Возрастающая угроза всеобщего голода в «более бедной» половине Зем<ного> шара.

В. Изменения облика Земли, «среды питания», проблемы гигиены.

Г. Развитие нацизма, национализма, милитаризма; в опасности — демагогических полицейско-диктаторских режимов.

Д. Угроза интеллектуальной свободе, высшим человеческим ценностям, «смыслу человеческой жизни («процессы», цензура, реставрация сталинизма).

Основы надежды. — «Лучший вариант». Конвергенция.

24. VI.68. П<ахра>

Из-за жары, м.б., не законспектировал Сахарова целиком, хотя «Введение» в общих словах излагает все.

Соль вещи не в самой по себе конвергенции, а ближайшим образом в «интеллектуальной свободе», в возможности «бесстрашной, непредвзятой и всесторонней информации, обсуждения, дискуссии».

Демент, как это бывает с ним, когда речь заходит слишком уж далеко, в силу навыков, приобретенных в его «школе», умолкает, поджимает губы, уходит в тот единственный аргумент, что «это не пройдет».

— Хоть бы уж Трапезникова сняли. — Он считал бы это большим результатом, как будто на место Трапезникова нельзя посадить Лобазникова, Иконникова или т.п.!

— Почему-то он (Сахаров) не касается таких вопросов, лежащих на поверхности, как наша «техника» выборов.

Как будто в этом главная наша нужда. Да бог с ними, с выборами, дайте свободу слова, печати — без этого не двинуться с места. В отмене цензуры я вижу первейший и неотложнейший акт в современной ситуации.

Вчера с Баклановым (дал ему рукопись до утра) в одно слово сказали (я начал, он с готовностью человека, думавшего о том же, подхватил), что согласны были бы лишиться дачи (это и у него большая сласть — сад и пр.), только бы отменили цензуру.

Политическая и этическая ценность статьи в том, что она появляется сегодня (этот вариант датирован июнем 68-го г.), когда только что прошла волна мероприятий в отношении всяческих эпистолярных, когда над Солженицыным, «НМ» и над нами вообще висит мутная туча зловещих намерений (а он говорит о «мероприятиях», о судьбе Солженицына недвусмысленно и прямо, как мы могли только думать и чуть заикаться в своем кругу об этом — как о позоре наших дней!). И какая безусловная личная бескорыстность — ему-то ничего не нужно, но он не забыл сказать и о «пятипроцентной элите», к которой принадлежит сам (имея на это, м<ежду> пр<очим>, положительно полное право!). М.б., напишу ему, поскольку Рой [Медведев] говорит, что он, Сахаров, действительно ждет всесторонних по содержанию и даже форме замечаний. —

Отмена цензуры потому и немислима и невозможна, что это был бы смертельный удар по неосталинизму, не нужно было бы и «символического исключения Сталина из КПСС» — об этом, будто бы замолчанном предположении или предложении я узнаю в первый раз — из этой статьи.

Еду в город с привычным уже настроением безнадежности: сессия, они там, еще два-три дня нечего ждать¹⁵⁰. А «византийцы» если и вспомнят по возвращении из волжской прогулки об этом «НМ», то лишь с тем, чтобы как-нибудь не завязаться в этом деле. —

Странно: обдумываю все это и не забываю, что нужно еще полить огурцы, которые спасаю от жары, укрывая хитроумной городской из дощечек.

Один из муторных моментов журнальной жизни — рецензия на Лифшица, написанная одним из его апологетов Э.Ильенковым. Я не представлял себе, до какой степени недоброе эхо получили лифшицовские антимодернистские выступления (Верейский: «до какой подлости можно дойти»; Бакланов: «я ему позвонил сразу и сказал ему все и сказал, что здороваться с ним не буду» и др.).

Перекручивается все так, что, мол, Лиф<шиц> приравнивает модернизм к фашизму и уже получил кусок — членкорство и страницы «Коммуниста».

Нащупывается возможность помочь Лифшицу рецензией Ильенкова, внося в нее разъяснение, что Лиф<шиц> вовсе не гонитель всякого модернизма, что он антимодернист не такой, как Астахов, Сучков или Ив.Ив.Анисимов. Все это подсказывает Демент по свойственной его природе изворотливости умягчительной. Впрочем, предисловие к «Кризису безобразия» как будто дает такую возможность¹⁵¹.

Но, как я говорил уже в редакции, возражая нашим лифшицианцам (Сац, Виноградов), какая это все муренция перед лицом нынешней картины нашего положения. До того ли!

27.VI.68

«Его реабилитировали, а он опять за свое» — таков в точности смысл изложения в статье «ЛГ» биографии Солженицына: «был осужден по обвинению в антисоветской деятельности и отбывал наказание в лагерях. В 1957 г. реабилитирован». «Авторы текста» прямо-таки душу вкладывали в эти строки, чтобы слова «осужден» и «отбывал» сохраняли в себе всю свою назидательную силу, а слово «реабилитирован» означало бы «помилован».

И такими мерзостями прошита-пронизана вся статья, сотканная, само собой, из лжи беззастенчивой и вместе настоороженно-трусливой, из доносительских подтасовок, подлых умолчаний и т.п., и т.д.¹⁵²

Третьего дня, когда мне Лакшин вычитал по телефону наиболее яркие перлы этой подлейшей и глупейшей, в сущности, поделки (говорят, трудились над ней Воронков с Озеровым, приложил руку, конечно, и Чаковский), начали складываться в голове «пункты» возражений, уточнений и решительного отмежевания от «Секретариата», все время выступающего в «тексте» — словно бы это «От Секретариата Союза СП». Но по прочтении — беглом, в городском нужнике, как-то отпала охота. Я, собственно, все это уже слышал и все свое по этому поводу сказал устно и письменно, и неоднократно.

Постепенно в редакции, после того как уже сказал, что это наш невеселый конец, которого мы ждали давно, стал разуверяться в этом и согласился с Лакшиным, к месту припомнившим глумовское словечко «годить». Будем годить.

Нашу унылую беседу, настроение полной заброшенности и неизвестности и безнадежности относительно № 5-го нарушил звонок Воронкова Кондратовичу: заменяйте материалы — я, мол, говорил и с тем и с другим в обоих отделах — ни в какую. — Просительски просил: заменяйте. Конд<ратович> сказал, что это не в его компетенции, что Тв<ардовский> в редакции, доложу ему.

Я не стал ждать, позвонил сам и сказал, что без оформленного распоряжения о замене задержанных материалов распорядиться не могу, п<отому> ч<то> не согласен с мотивировкой задержания решительно и, взяв на себя это преступное дело, м<ежду> пр<очим>, подписался в том, что действительно ж<урна>л «попытался протащить» такие чудовищные вещи, за которые нужно не только материалы снимать, но и самих редакторов. Дело не в 18 тоннах бумаги. Согласиться — сознаться в такой преступной попытке. Не почитаете ли? Я бы подослал. Да хорошо бы, — без воодушевления, но все же согласился он, надеясь, м.б., что это как-нибудь потом, но мы тут как тут, — был уже 6-й час, — собрали чистые (без пометок) верстки, я вызвонил машину — отправил.

Сегодня еду на ред<акционное> партсобрание, которое хотел было отменить за невозможностью, как мне

казалось в том еще настроении, обойти статью «ЛГ». Но потом сообразил, что отлично можно обойти, ограничившись «обсуждением вышедших номеров». Годить так годить!

Рецензия «Сов. России» на поэму А.Софронова — нонсенс¹⁵³. — Отзвук сахаровской статьи в той же газете: «Битва идей и ее "миротворцы"» в словах Б.Рассела насчет «урагана» и необходимости уступок друг другу во избежание общей гибели: нет, нельзя уступать ни пяди. Но как быть все же в случае «урагана», автор Х.Сабинов, канд<идат> философских наук, не говорит¹⁵⁴. —

И у П.Н.[Демичева] (если он вдруг не уедет, как говорят, так и не вызвав нас) буду «годить», т.е. сам не начну речи о статье «ЛГ», но, м.б., подведу к ней, коснувшись того чувства, что друзья говорили с нами как с больными, деликатно избегая малейшего намека на наши болезни. —

Встал рано, до 5, окапывал и удобрял сирень возле цветника, купался, готовил еще одну грядку под огурцы. — Настроение бодрое, без дыма из трубы, правда.

30.VI.68. П<ахра>

Который день мажется, как у нас говорили, на дождь и вороны кричат, и все вроде такое, но дождь не разыгрывается. Лентяй Орест [Верейский] говорит, что когда хорошо польешь грядки и пр. (уж он-то польет!), то тут и дождь зарядит. Поливаю, но явно не в полную меру, земля — как печка, т.е. как окаменевшая, пережженная глина. Сейчас (6.30) опять заволокло все небо, пошумливают осины, как перед дождем, но еще ни капли.

Третьего дня Машу увезла Л.Д.[Морозова] в больницу, сегодня едем с Олей туда. [...]

Пропустил ту передачу бибисейскую, где, говорят, был комментарий к статье «ЛГ». Характеризуется этот опус как очевидный факт усиления сталинизма. Осуждение всемирно известного современ<енного> писателя только с политической стороны просто глупо и безнадежно даже в целях его дискриминации, т.е. обратный желаемому результат. —

Дементьев подтверждает мое впечатление некоей глухоты, безмолвия по поводу статьи. 3 дня он в городе в литературной толчее — и ни звука о статье и о С<олженицыне>. Тут, конечно, прежде всего инстинкт осторожности: вдруг начнут выявлять тех, кто читал «самиздатовского» С<олженицына> и т.п. Но есть, конечно, и что-то вроде презрительного бойкота в отношении этого документа, притворяющегося лишь ред<акционной> статьей «ЛГ» и изо всех сил дающего понять, что это только притворство, прием. Однако не решились, жулики, назвать это сочинение решением Секретариата — не то что еще чем-нибудь! Реагировать — не реагировать? Просто лень и противно: для внутреннего употребления без нужды — никто не сомневается в моем отношении к этому делу, а «внешнее» исключено. Пусть себе так. А спросят — скажу, что здесь для меня ничего нового, кроме новых ухищрений дискриминации или компрометации.

Так. Но что же с № 5? Завтра еду просто, но если до конца дня ничего не будет оттуда, пишу еще одно письмо, еще короче, но... еще не «прошу меня освободить».

Мы и прежде, и до развенчания культа, и еще до войны видели почти все то, что видим теперь на каждом шагу, но жили в привычном представлении, что все это где-то кто-то понимает, видит лучше нас, только руки не доходят. Но теперь этого представления нет и звания. Оттого и страшно порой. —

На днях увидел утром в открытую дверцу своего «н<аблюдательного> п<ункта>», что зацвел Иван-чай, маскирующий меня от внешнего мира.

Как зацветет Иван-чай —
С этого самого цвета,
Юное лето, прощай,
Здравствуй, полдневное лето.
(сонное, спелое, полное)

Где-то уже позади
Майские вишен (садов) метели
И не в новинку дожди,
Что по листве (молодой) шелестели.
Дождь шепелявит.
Лето на полпути.

Темная зелень сирени, обмершей после цветенья,
Только бы эта печаль,
Эти бы только прощанья.

Здравствуй любая пора,
Здравствуй, любая погода¹⁵⁵.
(непогода)

Липа — сотовым медом, — точно укрыта
В листве — полные жаркие
Соты. Соты медовые скрыты.

Луначарский — у Дементя.

1. VII.68. П<ахра>

Навестили [Марию Илларионовну], слава богу, все хорошо, воспаление ликвидировалось, температуры нет. Бюрократизм и распущенность в заведении (кремлевка, хоть и Кунцевская!). Рвется домой.

Встреча в парадном с Дм. Петр. Горюновым, послом в Кении, и его женой, красивой и выше его ростом. Африка — не сладко (одиночество, запертость — один среди всей Африки, «табу» на воду — в смысле купанья). — Ну хоть есть досуг писать что-нибудь? — Досуг есть, да настроения нет. «НМ» — лучший ж<урна>л. — Суждение основательное, т.к. времени для чтения достаточно.

Дважды вчера сваливался 2—3-минутный ливневый дождь. Он подправил чуть-чуть мои поливки, но комья (комлыжки) на огороде к утру уже опять побелели — такая сушь в них, что испарила это легкое окропление. Огурцы первой и второй гряды — веселые. Те уже разверстывают листок, а на этих еще только два лепестка и зубчики не обозначились, но они уже явно подросли — на земельку не опираются. — Обкладывал хвоей приствольные круги трех яблонь, подрезал лапник с елок вдоль внешнего забора. — Вчера наконец нашли второй «колодезь» в трех-четырех метрах от первого, на глубине в метр — плита, еще нужно рыть и рыть.

На вечернем купанье Демент впервые за все время сказал, что мне действительно нужно освобождаться «от всего этого», хоть и жалко и ж<урна>ла, и ребят, и положенных там годов (в общей сложности 14 лет).

2. VII.68

Копал, откапывал плиту «колодца», нашел, прошел дождь хорошо для огурцов, но вообще мал.

Съездил вчера в город, в сущности, зря: ни звука, «византийцы» на каком-то совещании в Мин<истерстве> культуры. Был Брейтбурд, очень, видимо, подавленный моим изъяснением насчет дальнейшей судьбы журнала и вытекающей отсюда невозможности для меня играть в игры КОМЭСа. Был я сам удручен, настроен сквернейшим образом, когда злит и раздражает стороннее отношение к твоим делам: «авось все еще обойдется».

Видимо, и бедный Хитров, спрашивая: «не звонили?», т.е. я не звонил ли, понял мое настроение.

— Кому?

— Да верно — некому.

По дороге и дома раздумался было в том смысле, что Солженицын, как он ни дорог, не вся литература, нельзя ставить все в зависимость от него — многовато чести, тем более что он это принимает как само собой разумеющееся и ведет себя, ни на столечко не считаясь с журналом или с кем-нибудь и с чем-нибудь. Именно так, что «он для себя лишь хочет воли». Так-то оно все так, но продолжать жить журналу, как бы примирившись с тем, что объявлено в «ЛГ», по-прежнему, как ничего не было, не выходит. Приходит ко мне Ирина Павловна [Архангельская]: «Что мне отвечать комиссии, если спросят о статье в "ЛГ"?»

— Говорите, что это дело редколлегии.

— А если спросят, как я лично, секретарь парторганизации, отношусь, оцениваю?

— Это уж личное ваше дело: какое у вас есть личное отношение, так и говорите.

— Да у меня-то оно есть, но комиссия РК возлагает именно на меня ответственность и т.д.

Еще не хватало этой комиссии РК, которой задача углубить и детализировать выводы комиссии МГК¹⁵⁶.

Вчера заказал С<офье> Х<анановне> сделать копии моей переписки с Солженицыным — той, которая шла через редакцию, — все это имея в виду «книгу»: 10 лет ж<урна>ла «НМ», идея которой весьма понравилась Дементу. Она показала и письма, адресованные лично ей. Неприятно было, что он за моей спиной контактовался с С.Х. в тонах такой деловой интимности, которая, в сущности, оскорбительна: «Покажите А.Т. этот пакет, когда он будет в добром здоровье» и т.п. Так поступают пройдохи в контакт с подручными «лица», которое не уважают, а лишь считаются с его полезностью. Памятное его письмо, в котором он намекал, что не желает оставлять у нас рукопись, чтобы она не

попала *туда же*, не обнаружено. Может быть, оно в моем досье Солженицына? — Звонок Лакшина, явно обеспокоенный: просит увидеться *до*.

3, 4, 5, 6, суббота. VII.68. П<ахра>

3.VII. В редакции ждали меня замы и члены, о чем-то сговорившиеся, с явным намерением подвинуть меня на некие акции. Лакшин с Виноградовым рассказали историю с Любимовым, который уже ходил в снятых, но после письма Л.И.[Брежневу] ему позвонил помощник, всячески успокоил, а райком, рекомендовавший «укрепить» руководство театра, перетолковал будто бы свое решение в том смысле, что Любимов и должен укреплять по своему соображению.

Не люблю, когда меня подталкивают на некий край, исходя, в сущности, из того представления, что мне «стоит снять трубку телефона». Все это раздражает, п.ч. при всем при этом трубку снимать не советчикам, а мне, точно бы я сам не мог додуматься до этого. Я уже знал от Воронкова, что Демичев уехал, так-таки и не позвонив мне, не уведомив (хотя бы!), что принять не может.

Еду в Союз [писателей], захожу к Воронкову, там и Г.М.[Марков]. Не помню, чтобы меня встречали так холодно и неприветливо, особенно Г.М.

Начал с фразы, что, мол, знаю, что лицезреть меня им не доставляет удовольствия, но что приходится, ничего не поделаешь. Несколько минут пустоутробия (с моей стороны) насчет непорядочности Демичева — византийки не то согласны, не то бог их знает — молчат, гмыкают.

«Надо, А.Т., к генеральному», — в который уж раз повторяет Г.М., возможно, будучи уверен, что на такой шаг я не отважусь. — Дайте мне номер, — говорю и сажусь к вертушке. — «Кабинет тов. Брежнева. — Это Твардовский, могу я говорить с Л.И.? — Он на съезде. — Простите, с кем я говорю? — Помощник назвался, но я тотчас забыл фамилию. — Вы сможете передать Л.И., что я прошу о приеме? — Да, будет передано». Это все при византийцах. Они решительно меняются, оживлены, благожелательны. Г.М. признается, что он сам надеялся увидеть П.Н.[Демичева] на съезде¹⁵⁷ и т.п. Сожалеет, что я не был на банкете в память Горького, там, мол, было непринужденное общение. Я говорю, что о серьезных вещах предпочитаю говорить в серьезной обстановке, а не подрюмку. Рассказываю, как был там поцелован Ю.Яковлев, представленный самому Сергеем Владимировичем [Михалковым]. — Сейчас только пришла мысль: случайно ли отсутствие на учит<ельском> съезде Демичева? Ведь это его

епархия, ему бы и выступить там. Вряд ли случайно, и коли так, то и нечего удивляться, что он не захотел со мной встретиться.

Назавтра, т.е. 4.VII, еду прямо в Союз на воронковскую вертушку. Звоню опять: «Кабинет», но голос другой. Называюсь. «Я не с вами вчера говорил? — Нет, это (опять не разобрал фамилию) такой-то. — Но я просил передать Леониду Ильичу... — Все передано, А.Т. (имя-отчество). — Я буду ждать. — Хорошо, найдем. На всякий случай — домашний ваш?»

Объясняю, что лучше звонить на ред<акцию> моему секретарю (так и сказал), она разыщет меня. — Настроение лучше. Воронков еще добрее, делится со мной, что Г.М. «только не хотел говорить», что П.Н. его уже много раз тоже водил за нос и что Г.М. (!) сказал, что телефон этот вычеркивает — звонить туда нечего.

«Мы оба возмущались вчера, когда вы ушли: как же так можно, с Т<вардовским>». Еду в редакцию, вполне уверен, что сегодня ничего не случится, без охоты и нужды организую выход с Сацем, М. Фед. [Яковлевым], Лакшиным. Обошли два-три места — все неудачно, зашли в Эрмитаж, прескверно закусили, выпив на троих поллитра, вернулись в редакцию, где нас ждали встревоженные Кондратович и Хитров, уже выходившие на поиски в ближайшие знач<ные> места, — с чего это они? И вдруг звонок: помощник Брежнева Бычков. Я даже не вдруг понял, что он меня соединяет и без большой уверенности спросил, слыша новый голос: — Леонид Ильич? — Да, да, Александр Трифонович (культура!). — Простите великодушно, Л.И., и т.д. Все очень неожиданно, тон — мало сказать приветливый, но даже какой-то «свойский», точно мы вчера только расстались после непринужденной дружеской болтовни. — Вот провожу Насера¹⁵⁸ и встретимся, я давно хотел и т.п. Я успел даже ввернуть, как похвастался перед византийцами, насчет П.Н.[Демичева], подчеркивая такую обязательность его, Л.И., в то время как тот 2 недели продержал меня у телефона. — Бывает, запарился, — примирительно сказал он. — Попробовал я вырвать что-нибудь по части № 5, но он просто сказал, что понятия не имеет об этом деле. Закончили на том, что по отъезду Насера я должен «проявить инициативу», т.е. позвонить, напомнить, — право же, это куда лучше, чем отрезающее инициативу обещание П.Н. «разыскать» меня. Пригласил меня послушать его выступление («там и вашему брату — писателям — отведено место»), видимо, придавая определенное значение этому месту. Я даже сказал, что мне забыли прислать билет, он сказал, что «это мы сейчас», но потом я забыл начисто об этом его пред-

ложении, вспомнил только после и решил уже, что не поеду. — Ликование замов, членов и всех присных не поддается описанию. «Уже одно это, что он позвонил»...

Вчера опять ездил без большой нужды, но после поглупому «праздничного» дня 5.VII ничего не хотелось, а к тому же Ольга должна была попасть в город. — Отклонил гослитовское предложение «советоваться» в понедельник, сославшись (сознательно!) на возможную встречу в понедельник с Л.И., который «звонил мне». — Но ниоткуда ни звука о № 5.

Слух о Солженицыне — от его «человека»: между прочим, соображение о личной неприязни к нему со стороны П.Н.[Демичева]. Очень похоже, П.Н. стало дословно известно то, что С<олженицын> говорил о беседе с ним в какой-то компании, где отзыв его, возможно, язвительный, во всяком случае насмешливый, был «зафиксирован» средствами соврем<енной> записи. —

«Торговцы воздухом».

Жара и жара. Ремонт канализационного колодца: не халтура ли, поскольку он, не дождавшись меня, уже привалил землей всю оснастку. — Впрочем, хрен с ним, по кр<айней> мере он открыт и оборудован люком с крышкой. —

8. VII. П<ахра>

Вчера навестили Валу. Были у Исаковского. Жара и ветрено (глупая пересадка дикарки [яблони] из-за уборной на место погибшей, — забыл название сорта, черт знает что с памятью, — спросил у Оли: славянка; глупая борьба за нее).

Хроника. Позвонил Лакшин: не приедете? Зачем? Да я просто так. — А у вас ничего? — Ничего. — Звоните Беляеву: как, мол, с № 5, с нашим письмом. Три недели!¹⁵⁹

Звонит Кондратович сразу после разговора с Беляевым.

— Вам было сказано, что делать. А на письмо будет ответ через два-три дня. — Спросил, когда будет встреча (не называя имен). Кондр<атович>, м.б., зря стал объяснять, что в среду или четверг.

Зная о предстоящей встрече, нагло напоминает, что было сказано. Значит, сказано было, конечно же, не им; а те, кем было сказано, может быть, ставят уже не на Л.И.[Брежнева], а на иные силы, во всяком случае что-то там готовится, кукуварится. Вот — коли хочешь!

В благодушии и томлении этих дней обдумывается «речь» — все к одному: доверие или недоверие. И если доверие — то «на усмотрение». А нет — отпустите душу на покаяние. — Не обольщаюсь отнюдь: о «Р<аковом> корпусе» —

вряд ли. Конечно, С<олженицын> — не вся лит<ерату>ра, но что говорить!

9. VII.68. Пахра

«Девятого-десятого» — сказано было мне не то в смысле окончания визита Насера, не то как примерный день аудиенции, и: «проявите инициативу».

Завтра думаю проявлять ее: поеду за Машей через Москву, чтобы позвонить: «Л<еонид> И<льич> просил меня (сказал мне) позвонить ему...»

Все, что хочу и должен сказать, не должно быть расплывчато и пространно, — ближайшим путем к «доверию и недоверию», а оттуда к вопросу, который, собственно, и определяет состояние нынешнего недоверия — к Солженицыну.

Примерно:

1. Я очень признателен вам за то, что вы нашли возможным принять меня, не говоря уж о том, что я был глубоко тронут непосредственностью вашего отклика на мой почти безнадежный призыв. Безотносительно к тому, каков будет результат этой встречи, я сохраню добрую память о ней. Даже если бы она по каким-либо причинам не состоялась...

2. Дело в том, что я решил просить вас о приеме перед тем, как сделать очень серьезный шаг, серьезный не только с точки зрения моей только литературной судьбы, и мне не хотелось бы остаться с угрызениями совести, что не все до последней возможности сделал во избежание этого шага.

3. Около 15 лет я возглавляю журнал «НМ». Назначен я был еще при Сталине, в 1950 г. Первый раз был снят при Хрущеве в 54-м г. и вновь назначен в 58-м.

Не мне говорить о том, что этот журнал означает в литературном процессе за все эти годы, сколько и каких новых писателей вступило с его страниц в большую литературу, каков вообще резонанс его деятельности в различных слоях нашего общества и даже за рубежом — обо всем этом в случае нужды можно представить подробную справку. Одно скажу, что так называемая линия журнала, его идейно-эстетические позиции в общем плане были линией партии в вопросах литературы, и мне особенно приятно, что все в практике журнала и в его декларациях находит подтверждение в тех положениях, которые высказаны вами на учительском съезде. О большем, чем там сказано, мы бы и не мечтали¹⁶⁰.

И еще: я не просто люблю журнал, но и считаю эту работу самой достойной формой общественной деятельности и к др. формам отношусь весьма скептически. Материального интереса для меня в пребывании на этом посту не только нет, но мне оно даже в убыток — но это вообще не вопрос в данном случае.

И однако расстаться с журналом для меня будет нелегко, это почти как уход на пенсию, хотя я нахожусь еще в самой рабочей поре и вообще не собираюсь умереть пенсионером.

4. А дело подошло к такому краю, что или произойдет некий перелом в отношении журнала [и] будет снята осада его со стороны идеологических инстанций, или же, хочешь не хочешь — нужно уходить. Опять же не буду вдаваться в истерию, в подробности и детали той степени воздействия на журнал, при которых оставаться в нем далее невозможно, скажу только, что на сегодняшний день в портфеле редакции имеется по разделу прозы до 10 крупных вещей, подготовленных к печати, никем не запрещенных, но *задерживаемых* сроком до двух-трех лет. Это по крайней мере объем прозаического материала на 1½—2 журнальных года, и это авторы, в большинстве широко известные читателю, и произведения, в большинстве уже объявленные в проспектах ж<урна>ла. Увенчанием этой серии никак не мотивированных задержаний является задержание № 5, о чем как о катастрофе для ж<урна>ла я писал в ЦК отчаянное письмо, и вот уже свыше трех недель не имею на него ответа¹⁶¹. —

5. Доверие или недоверие ко мне, к нынешнему составу редколлегии. Гл. редактор назначается ЦК, и по его представлению утверждается Союзом писателей редколлегия. Если мы не годимся — снимайте, если годимся, заслуживаем доверия — дайте возможность работать, не поступаясь достоинством литераторов и коммунистов, готовых головой отвечать перед партией за все, что составляет содержание журнала. Я не прошу читать названные произведения или те, что еще имеют быть в портфеле, я напоминаю единственно правильную формулу: «на усмотрение редакции».

Не прошу об отмене цензуры — только пусть она делает свое дело, а не служит пересыльным пунктом по пути от редакции в Отдел, где решаются судьбы рукописи, вернее, не решаются, а лишь задерживаются.

6. «Санкции» применительно по отношению к редакции: запрещение подписки на ж<урна>л в армейских ча-

стях, снятие — помимо воли гл. редактора, членов редколлегии; комиссии разного рода вплоть до нынешней РК, идущей вслед за комиссией МГК (11 к 7!); система упоминаний и неупоминаний в печати; нападки со стороны руководящих лиц (Павлов и др.)¹⁶², и т.д. и т.п.

7. Есть основания предполагать, что вся эта система «санкций» против журнала, вся атмосфера политического недоверия к редакции, точнее было бы сказать — политической дискриминации, обязана своим происхождением тому, что с «НМ» связывается ближайшим образом имя Солженицына — как в смысле большой заслуги журнала, так и в смысле его тяжкой провинности. Было бы странным и фальшивым, если бы я пытался здесь уйти от ответственности, не касаясь этого имени, подобно тому, как это делает «ЛГ», говоря о С<олженицыне>, точно он с неба упал с неизвестными читателю зловредными своими произведениями и нехорошим поведением.

8. (до завтра)

Вчерашняя «борьба» за яблоньку (она уж вся обвянула, когда я спохватился, что послеполуденное солнце бьет по ней нещадно и жара варит заживо). Нагородил «мачты и рей», натянул паруса из остатков моего знаменитого брезента, стал окроплять из шланга из-под пальца, управляя размельченным в пыль брандспойтом. На ночь обвел ее «лункой», полил и опять же окропил уже в сумерки, видя, что она будто бы повеселела. А утром — первое дело глянул — живет, листва, как уши — торчком, почти что торчком, а то ведь свисали просто и скручивались уже. — Настроение сразу изменилось, не стыдно уже за эту фантастическую, сумасбродную затею пересадки деревца в июльскую жару — и хотя бы вечером, на ночь глядя, а то днем, часов около 11, да откуда — из тени за нужником, где ее заслонила черемуха и большая дикарка перед дверью и иван-чай гигантский, из сухой, как печка, глины, с однобоким «комом», из которого торчали сухонькие, хоть и живые, корни, оборванные лопатой, — жуть.

Много ли нужно дураку для хорошего настроения — нужно, чтоб его дурость удалась.

10. VII. 68. П<ахра>

8. Я много раз высказывался в печати и всячески о Солженицыне, начиная с моего предисловия к первой публикации его сочинения «Ивана Денисовича», с которого, соб-

ственно, и начинается С<олженицын> в нашей литературе и который до сих пор является той вещью, что сделала его имя всемирно знаменитым¹⁶³.

С<олженицын> — знаменательная фигура в мире нашей литературной общественности. Суждения и настроения читающих кругов (не только литературных!) делятся на два непримиримых «лагеря»: решительно за и решительно *против*. Это разделение восходит к существующему в нашем обществе разделению по вопросу о «культе личности». С<олженицын> в *перекрестии* этих противоположных взглядов и настроений, и «Новому Миру» приходится нести бремя резко противоположного отношения к себе, и нападки на него со стороны печати, идеологических инстанций и некоторой (малой) части читателей, в сущности, имеют в виду С<олженицына>, хотя бы имя это и не называлось. Правда, нападки такого рода начались еще задолго до появления на страницах «НМ» имени С<олженицына> (статьи против лакировщиков колхозной действительности, «Тёркин на том свете», «Райбудни»). «НМ» начинается не с С<олженицына>, а с Районных будней» (52 г.)¹⁶⁴. Значение и влияние С<олженицына> на современ<енный> лит<ературный>. процесс огромно и неоспоримо (Зальгин, Айтматов, Быков, Белов¹⁶⁵, мемуаристика). Читательский интерес к нему *несравненен*. Запретительные «мероприятия» в отношении его новых вещей, уже довольно широко известных в списках «самиздата», лишь разжигают этот интерес, как и особый интерес к нему «Запада» (он неоднороден, там больше наших друзей, чем врагов).

9. Я считал бы совершенно нормальным наличие противоположных мнений и оценок таланта и идейной сущности С<олженицына>, и хотя принадлежу, естественно, к тем, кто считает этот талант исключительным и значение его в нашей литературе огромным и плодотворным, не настаиваю на том, чтобы и все так думали, писали, высказывались. Речь идет лишь о запрещении С<олженицына> как такового, вплоть до упоминания его имени (мой 5-й том, 1-й том Маршака и мн. др. примеры)¹⁶⁶.

Я глубочайшим образом убежден (не один я!), что вся практика запрещений, замалчиваний и непосредственно адм<инистративных> вмешательств («изъятие», «копии») причиняет нам прямые политические невыгоды, подрывает престиж, порождает представления о режиме, с которым несовместимо свободное духовное развитие общества и т.д.

Я решительно ставлю вопрос о необходимости опубликования у нас «Р<акового> к<орпуса>» (в первую оче-

редь отрывка в газете с указанием, что полностью в «НМ»). Еще не окончательно поздно, еще это сулит нам выигрыш во всех смыслах.

В противном случае нам предстоит понести урон более значительный, чем в деле с Пастернаком и его «Живаго».

Сознавать это во всей очевидности и как бы молчаливо соглашаться с этим, продолжая подписывать ж<урна>л, «породивший» С<олженицына>, было бы для меня отказом от своих убеждений коммуниста и литератора, чьи убеждения *не есть его частное дело*.

Обманывать ЦК или обманывать читателей «НМ» и моих собственных, предстать перед ними в ином качестве, чем это есть на самом деле, я не могу.

Если голос мой, к которому, простите нескромность, присоединяются голоса всего лучшего, талантливого, что есть в нашей литературе сегодня, — если этот голос не доходит до слуха ЦК, не представляется ему заслуживающим внимания, прошу разрешения покинуть, как это ни печально, ж<урна>л, и я постараюсь быть полезным партии, обратившись к «приусадебному участку»¹⁶⁷. —

Встал в пятом часу. Холодно и ненастно, сеется сквозь мелкое ситечко — доски балкона мокры. Погода хороша, как нельзя лучше для моих посадок и пересадок, но уже не так хороша для огурцов и совсем дрянь для земляники, крупной в этом году не только с ухоженных грядок, но и самосевом, вдоль дорожек, меж цветов — всюду. Оля грустна и, чувствуется, едва преодолевает пассивность. Маша задерживается в б<ольни>це еще «денька на два».

Живу в напряженном ожидании предстоящей «исторической» встречи и вместе [с тем] «пью радость бытия» в пределах участка, увлечен трудоемкими затеями «преобразования природы» (вчерашняя рябинка, позавчерашняя дикарка-яблонька, всяческие предположения того же рода).

Чувство жалости к деревцу, цветку, растению, обделенному влагой или светом, изнемогающему от скудости почвы, словом, страдающему, сладостное чувство при оказании ему помощи — все это совсем не исчерпывается и не объясняется только корыстными видами на результаты, оно у каждого доброго труженика земли — не только у чудачествующего и «играющего в единоличное хуторское хозяйство» дачника. —

Поеду в город «проявлять инициативу», преодолевая чувство неловкости перед «кабинетом», перед Воронковым, который будет слушать мой разговор. —

12. VII.68. П<ахра>

Два дня подряд звоню, «проявляя инициативу». Все новые «кабинеты», — третьего дня — Дебилов: «Его еще нет». Это были как раз проводы Насера. Вчера — новый голос: «Приемная». Объясняюсь. — «Минуту». В трубке новый голос, который принимаю за Л.И. [Брежнев], хотя голос звучит совсем не так приветливо. — Это Л.И.? Здравствуйте, Л.И... — С некоторым раздражением: — Да нет, это Бычков (тот, что соединял с Л.И.). Его сегодня не будет. — Пожалуйста... и т.д. — Да, да.

Сегодня уж вроде и неудобно звонить, и если сегодня не будет звонка оттуда, то уж до понедельника. А № 5 тем временем лежит, и все у нас стоит. Странно, но не очень терзаюсь, разве что неудобно перед «коллективом». А так это уже повторение пережитого неоднократно. «Хуже нет, как ждать да догонять». —

Конечно, «фон», как говорит Лакшин, — «фон исторической встречи» неблагоприятный (ЧССР и т.п.)¹⁶⁸. Но не подсказывает ли именно этот фон решения, которое подкрепили бы положения речи на учит<ельском> съезде? Увы, «положения» и «решения» часто бывают совершенно противоположные, так же как и решения с положением вещей.

Яшин умер вчера. Смерть, когда никто не скажет: кто бы мог подумать¹⁶⁹. [...]

Козырев Сем. Павл., зам. [министра иностранных дел], искавший по вертушке Фебина, наткнулся на меня. Выказал интерес к «Р<аковому> к<орпусу>», я дал (не знаю, забрал ли его человек рукопись, но, похоже, что он, Козырев, больше надеялся, что рукопись получить невозможно («М.б., я подожду?»)).

Сплю, как камушек на дне,
И не вижу снов во сне.

Это было, кажется, так недавно, что и сейчас мне стыдно за свои глупые слова и поступки и т.п., точно бы это было вчера. А между тем прошло около 40 лет.

Получил от Македонова «Заболоцкого»¹⁷⁰. Прочел вступление.

«Поэзия — это сознание своей правоты» (О.Мандельштам).

«Поэтическое правосудие» (это где-то у Энгельса). —

Мимоходом сообщает: что «за несколько дней до смерти Заболоцкий завершил работу над "Полным собранием стихотворений и поэм" и сопроводил рукопись завещательным распоряжением¹⁷¹». —

Еду в 10 ч. только потому, что заглох телефон и нет даже Верейского, чтобы в случае чего уведомить меня.

Утро — только что без белой травы от заморозка — холодное, «знойное», как говорят почему-то о холоде.

13. VII. П<ахра>. 7 ч.

Маша дома. Всю ночь был дождь не дождь, но ненастье, однако потеплело и небо проглядывает меж светлеющих туч или уже облаков. Вчера — еще один день ожидания звонка. Предположения: не махнул ли он куда-нибудь в Беловежскую пушу на совет праведных против нечестивых. «Ничего, ничего, молчание»¹⁷².

Бедный Некрасов заходил (накануне был внизу, у Анны Самойловны [Берзер] — постеснялся, говорила она, подняться в «главную редакцию» из-за своего состояния; вчера уже не постеснялся — был совсем пьян с утрачка, в том известном нам «недоборе», когда дай еще и еще). Он как-то долго не старел, не было ни сединки, ни морщинки — все был одинаковый: сухощавый, с тщательно подбритыми усиками, так что выбрита кромка над губой и от ноздрей. Вдруг — седые пряди в черных невымытых волосах, — серый, жухлый, — плащишко, рубашка — лучше не говорить; впрочем, насчет костюма он всегда был беззаботен, всегда без галстука, все мальчиком в апашиках.

— Постарел ты, брат, вроде.

— Спиваюсь. — И засмеялся жалостно, склоняя на стол голову. Вперемежку с предложениями и просьбами «выставить», «сбежать» начал безудержно хвалить, превозносить «НМ», меня («не Насер — Герой Сов<етского> Союза, а ты»). Все это было при сыне Овечкина, Валентине, среди моих хлопот, звонков и непрерывного внутреннего ожидания (впрочем, не столь уж напряженного). Получил 10 р., вернулся ко мне, уже отпив из поллитровки, стал соблазнять, конечно, безнадежно — никто из мужчин не стал, выпила Нат. Пав. [Бианки] под мои сухарики от чая. Заснул в кресле у Лакшина. Отвезти его взялся Корнилов В.¹⁷³ Все более утверждаюсь

в решимости и необходимости ставить вопрос «на попа» — Никак не иначе.

— Противник менее всего подготовлен к такому акту, как появление в «ЛГ», где была эта статья, — комментарий к письму в редакцию С<олженицына>¹⁷⁴, отрывка из его романа с указанием, что «полностью он будет напечатан в "НМ"».

— Не будет ли это уступкой своей позиции?

— Ой, нет. Это будет выражением нашей силы, великолепной неозабоченности тем, что скажет бибисейская «княгиня Марья Алексевна». Покамест роман запрещен — это лучший аргумент в пользу того, что там содержится нечто такое, чего власти боятся. Как только он оказывается объявлен, печатается — сразу другое.

Мир не знает, какие утеснения терпела чехословацкая лит<ерату>ра от режима Новотного, — думаю, что они не могут назвать ни одного общеевропейской или мировой значимости произведения, которое было бы там запрещено, а теперь вот оно — появилось на удивление всем. А у нас оно (и не одно!) есть. Есть писатель, чье имя сейчас самое значительное (для мировой читающей интеллигенции) в советской литературе. Нет, только не Федин, но и не Шолохов, и не Евтушенки-Вознесенские. Это выбило бы те подпорки, на которых держится вся пропаганда насчет нашей несвободы и т.п.

Можно и должно, приступая к беседе, сказать, что мое ожидание этой встречи — ожидание «всей Москвы», если не более того. Я, мол, уже с ужасом ждал, что вдруг Би-би-си сообщит «от нашего московского корреспондента», что Б<режнев> на днях примет Т<вардовского> (как известно из достоверных источников, — да какие там источники, с кем ни заговори — все знают. Ко мне уже началось своеобразное паломничество («вот вы будете — вы скажите там»). Но с меня достаточно того, с чем я сам по себе прихожу к ген. секретарю.

— Крупнейший и самый популярный лит<ературно>-худ<ожественный> ж<урнал> страны, единственный, за которым особо следят за рубежом, в сущности, прекращен выходом (№ 5 под замком, № 9 сдается в набор, но типография не может набирать в запас безгранично). Эта задержка сама по себе сенсация, в самом невыгодном для нас политическом смысле.

Вкупе («запасник» «НМ») это составляет такое количество запрещенных вещей, какого не было за всю историю русской (не только советской) литературы.

На пока, только на пока. Терять нечего.

Сознание нашей правоты — наша сила, пусть даже нам и не удастся сейчас, сегодня доказать эту правоту властям, она очевидна для всей передовой части читающих кругов нашего общ<ест>ва.

Начинаю складывать по порядку мою «документальную повесть» «10 лет "НМ"».

14.VII. П<ахра>

Действительно — Брежнев в Варшаве. Как-то устал я готовиться к беседе и как-то трудно представить все эти наши дела в не меньшей серьезности, чем те, из-за которых он в Варшаве¹⁷⁵.

Утро сырое. Вчера Маша с Олей провели тотальный сбор земляники в неверных промежутках между каплями дождика. Я только отсадил две части от куста белого шиповника — одну так-сяк, а другую совсем грубо — вряд ли вытянет, хотя погода самая такая.

Маша до двух часов ночи сидела над плитой — варила ягоды.

С утра пошел в лес, посмотреть — нет ли грибов, видел только лжеопенки. Насмотрел чудный наплыв на березке за «академ<ическим>» * оврагом, пришлось ее свалить (сходил за ножовкой) — все равно не жилица. Заодно вырезал палку из поваленного и высохшего уже дубка (еще там остался кол дубовый).

Гнусный сон ночью, после которого вставал, выходил на балкон.

Начал сегодня потихоньку оживлять набросок 2-й доп<олнительной>¹⁷⁶.

15.VII

Для порядка еду в город, хотя и нелепо надеяться, что первым делом по приезде из Варшавы он вспомнит обо мне. — Устал готовиться.

А.Ф.Алексеев, якут, которому я в свое время разрешил ознакомиться с моим архивом в редакции, прислал автореферат диссертации на соискание...

«Литературно-критические взгляды А.Т.Твардовского» (Томск).

«...Твардовский в известной мере проявляет односторонность в оценке творчества А.Солженицына, которая вы-

* Подразумевается дачный поселок Академии общественных наук.

разилась в замалчивании его недостатков в языке, нарочитой тенденциозности автора».

Хорош мальчик! Не говоря уже, что чуть выше Солженицын поставлен в одном ряду со Ставским (на «с») и т.п.¹⁷⁷

Заметил это Лакшин сразу.

16. VII

Съездил, проторчал до 5 ч., правда, тем часом Маша домашние дела делала, С<офья> Х<анановна> переписывала письма С<олженицына> для моей папки. Пренеприятно оперирование «встречей» (Бек — Мелентьев, а тот: «будет она или не будет») как [о] чем-то общеупотребительном¹⁷⁸.

Сегодня не еду — телефон работает, а чтобы ехать звонить — нет еще в печати о возвращении из Варшавы. «Фон» все густеет. Идти, — наперед запретив себе самое слово «цензура»...

А тем временем — еще день, день нашего «саботажа» указаний ЦК¹⁷⁹. Добро еще, что письмецо было написано и мы ждем указаний. Но все равно — есть люди, которые неусьшно озабочены нашей погибелью, озабочены по призванию и по необходимости.

Паустовскому все же сегодня выдан некролог в «Правде» с портретцем, в «Изв<естиях>» — без. Писатель он безусловно плохой, но все же хоть человек старой веры литературной, благоговевший перед ней — литературой, что не только недоступно людям, привыкшим заведовать ею, но и предосудительно, как пережиток язычества после введения православия. Ему не простили выступления на Дудинцеве (о «Дроздовых») и подписей [в защиту] Яшина — «Рычагов» и «Вологодской свадьбы». —

Мало что там, в «Журналисте», была рассказана история фальшивки (кстати, тот редактор снят), мало ли, что там еще (Павлов, например), а это, т.е. «очернительство», за ним оставалось¹⁸⁰.

Оба покойника подряд завещали хоронить себя вне Москвы. Яшин — на родине, Паустовский — в Тарусе, которую он приспособил себе под некое «Монрепо», хотя по биографии ему бы юг, Одессу.

Ф.Абрамов. Отказ Косолапова печатать вещь в «Роман-газете» («поскольку мнения в критике разошлись»). Боже, разделать бы эту «Роман-газету», да где, на каких столбцах или страницах, — давно уже «НМ» отказывал себе (и все чаще) в роскоши высказываться по потребности¹⁸¹. А дальше

что — невозможно в точности предвидеть, но добра не жду. Тешусь спокойствием совести и услаждаю тело и душу дачными благами. Купались после перерыва на холодные дни — вода холодная, но хорошо. Все так хорошо в природе и даже дома, что уже страшно — не перед добром!

Арк. Белинков, фамилию которого я давно слышу, но даже когда узнал, какую штуку удрал он, произносил ее неправильно. Читаю его «Олешу» в «Байкале»¹⁸². Пожалуй, там есть в скобках и так просто издевательские места. Дементьев об этой «плеяде».

17.VII

Странное дело: еду вновь «проявлять инициативу», что само по себе неприятно, требует подавления в себе крайней неохоты, и не в самом лучшем случае не сулит добра, имея в виду «фон», ситуацию. Еду также проститься с покойником¹⁸³ — в чем опять же нет ничего, кроме «осознанной необходимости». Затем редакция, тщетно скрываемое ожидание на лицах, тоска и предчувствие недобра. А настроение спокойное — даже можно сказать, хорошее. Попробовал с утра оправить дерн, набросанный при чистке канавы (неприятно было проходить вчера мимо этого человека в безрукавке, немолодого, почти интеллигентного, вспомнилось, что, рассказывали, здесь нанимались копать огороды и т.п. учителя), на мою «планировку» лужка за калиткой. Плоховато. Потом решил собрать, снять всю эту дернину и сложить на вылежку (дерновая земля). Сразу стало веселей. Уже будь что будь, а завтра с утра начну приводить все в порядок. Одобрено и Машей, как и моя работа над составлением «Синей книги» (по цвету обложки ж<урна>ла). Задачи пен<сионного> возраста: переписка Дневников на маш<инку>, собрать мои ред<акционные> письма¹⁸⁴.

18.VII

Встал до 4, было еще темно, но уж досыпать не стал, собрался перевозить дернину из-за калитки, дождь прошел, завершающий ночную свою работу. Вывез в грудок под лиственницей (Маша: «Самые грибные места завалил») 10 тачек мокрой дернины. Пошел купаться, на другой берег не заплывал, помылился, помылся, окунулся. После завтрака, как обычно, тянет в дрему — собственно, я уж 6 ч. на ногах.

Паустовский в гробу был очень хорош, благообразен, спокоен, поистине с чистой совестью отошел. Впервые в жиз-

ни облик покойника как-то даже примирял со смертью — можно и умереть достойно, если жил достойно. Правда, ничем он, собственно, не заслужил в своем творчестве такой «гражданственно-этической» репутации, — это больше в силу его «подписей» и в память речи на Дудинцеве¹⁸⁵.

На панихиде не был, но рассказали: Мих. Алексеев, Шкловский — всякой твари по паре. Давно уже замечено, что те самые заведующие литературой, что при жизни тебе любую гадость учинят, не забудут потом охотно фотографироваться у гроба в последнем почетном карауле, охотно, с полным пониманием своей выгоды, — вот они мы!¹⁸⁶

Кандидату в президенты в США нет смысла говорить о своих любимых писателях — это никому не интересно. У нас другое дело. Не говоря уж о Солженицыне, но и Паустовского упомянуть — так или иначе приобрести или потерять энное количество голосов. Этого не знают заведующие литературой, да им и ни к чему: и так изберут.

Слышал вчера радио об отъезде Вальдека Роше¹⁸⁷: провожал Суслов и еще кто-то из безымянных. А генсека, по всему, встречает и провожает генсек же. Знак дурной. Говорят, что и Пайетта приехал, но о нем ничего официально.

Это уж так все натянулось, что как ни безнадежна сама по себе встреча по имеющим быть результатам, но без нее уж ничего и не придумаешь, чем кончится нынешнее положение.

Через Эмилию [Проскурнину], озабоченно справляющуюся, как мы («НМ») и что, стало известно, что уже где-то появилось в зарубежной печати о закрытии журнала.

Третьего дня вызвали Кондратовича Беляев с Кириченко (агитпроп). Были слова, какие и предполагались: саботаж, противопоставление себя не себе и т.п. В момент, когда партии так трудно, вы вместо того, чтобы помочь, и т.д. Но были и уговаривания: сделайте, поможем выходом и не будем к след<ующим> №№ придираяться (?!). Словом, согласись, подпишись, что они были правы, и будешь виноват по статье первой.

Теперь уж можно начать беседу как-нибудь так, что, мол, я могу представить, как выгляжу со своей настоятельностью в такой момент (нынешний). Но, во-первых, речь идет о моей лит<ературно>-парт<ийной> судьбе, а во-вторых, я позволяю себе думать, что и то, с чем я прихожу к вам в настоящий момент, каким-то образом входит в контекст этого момента.

Сегодня не еду, жду-не-жду, но здесь, а завтра так или иначе — ехать, т.к. пятница — мой день в ред<акции>, к тому

же 60-летие Закса. — Как бы хорошо было ехать на это торжество, пренебречь которым принципиально нельзя, ехать с результатами хоть какими бы то ни было. —

19. VII. П<ахра>

Слушал вчера и «2000 слов»¹⁸⁸. По совести говоря, я подписал бы это, относительно нашего положения. А написал бы? И написал бы, только написал бы лучше — там есть все же в тоне и наклонении что-то неуловимо неприятное, но по существу — что же возразить? Даже насчет того, что партия не заслуживает благодарности.

Сколько людей слушает у нас все это — одни с величайшим сочувствием и симпатией, другие — с напряженной опаской и ненавистью: вон чего захотели!

Сегодня уже почти совсем ясно, что Л.И.[Брежневу] не до нас¹⁸⁹. И дело дрянь, уже нет возврата к «норме» — ж<урна>л не выходит, в этом, конечно, обвинят нас, назовут и саботажем, и противопоставлением, и невыполнением. И теперь уже не сошлешься на отсутствие ответа на мое письмо ЦК: ответ был (из уст того, на кого, в сущности, мы жаловались, — Беляева вкупе с его покровителями). С незыблемостью по образу и подобию 5-го этажа 3-й будет стоять на своем, тем более что ему — в отличие от пятого — может попасть в случае (немыслимом!) нашей победы.

В таком духе придется сегодня совещаться.

5. VIII.68. Пахра

Всего было за эти более чем две недели. Бог миловал, закрут мой уложился на этот раз в минимальные сроки. [...]

Вышел (сиг<нальный>) № 5, «уникальный» — 200 вм<есто> обычных 280 страниц.

Симонов: — Это объем, какой был до того, как мне тов. Сталин добавил 6 листов. Ты возвратился к объему времен Щербины¹⁹⁰.

Были за эти дни во всем своем напряжении и Варшава, и дер<евня> Чиерна, и Братислава. Последние дни дежурил у транзистора¹⁹¹.

Никогда в моей жизни «международные события» не подходили так близко к ней, не касались ее так непосредственно.

Третьего дня (и ранее) переживался настоящий праздник: становилось ясно, что что-то большое, необратимое по су-

шеству произошло в пользу «соединения социализма со свободой».

Никогда бы не поверил, что буду так радоваться конфузу, очевидному политическому и моральному конфузу своей страны в глазах всего мира — чужого и дружественного мира в первую очередь.

Впрочем, конечно же, это никакой не конфуз страны, а лишь ее руководства, на нынешние вопросы попытавшегося дать вчерашние ответы, как пишет мне одна учительница-математичка из Саратова (по поводу статьи в «ЛГ»)¹⁹².

Вчера пережил было глухое разочарование, услышав конец братиславского «коммюнике» — из пустопорожних, много раз слышанных слов — потом от зятя Саши, слышавшего все целиком.

С помощью Дементя и Анат<олия> Макс<имовича>¹⁹³ преодолел отчасти: нет, нечто все же произошло, чего уже не утопить в болоте словес.

Был у меня в эти дни какой-то еще особый перелом внутри — хватит максималистских планов и затей и в отношении ж<урна>ла, и вообще. Выполнять долг — и все. Никаких «излишеств». Не нужно ни много яблонь, ни много книг, ничего не нужно непосильного, — жизни остается немного, дай бог, чтоб хватило на «Пана» и еще кое-что или вообще на то, что еще под силу¹⁹⁴. —

Сегодня еду на «Трехстороннее совещание» — Михайлов, Косолапов и я¹⁹⁵. Пусть покамест хоть это — как-никак: «движение воды», а впереди еще «мрие» и моя «историческая». Спасибо, что она пребывала хоть в возможности: Дем<ентьев> говорит, что, м.б., эта возможность спасла ж<урна>л в нынешний его невысказанный кризис. М.б., она еще поможет мне и сегодня.

[...] Утро мокрое, но теплое. Еще могут протянуться летние грибы, — которые, казалось, кончились уже, — и сомкнуться с осенними. Лес нынче особенно неприятен затоптанностью, загаженностью бумажками, банками, склянками не только в «академической» зоне, но и дальше. Мечтаю о выезде по грибы, но для этого нужны не только грибы, но и хоть малая, хоть такая, как в Братиславе, нормализация положения, снятие напряженности.

6. VIII.68. П<ахра>

У Михайлова — все, как и предполагалось, кроме того, что Косолапова не было («Он, по-видимому, хочет с вами говорить на более широкие темы» — это Яковенко В.П.¹⁹⁶).

На общие темы разговора не получилось — он касался то одного, то пятого и десятого, свертываясь непременно к опасливому: «этого мы с вами не решаем» или: «да, сложно все, очень сложно».

Наконец, я обратил его к «личному вопросу» — о 5-м томе. Как-то он очень недолго сопротивлялся.

— А правда, не запустить ли так, как есть.

— Разумеется. Я никогда и не сомневался, поэтому и не беспокоил.

— Ладно, я позвоню сегодня Косолапову. — Однако добавил: — Или завтра. — Видимо, все же смекнул, что лучше еще «посоветоваться».

Могу, пожалуй, считать, что тон и план «встречи» нес на себе отсвет «событий». Отсвет этот (сужу, конечно, по ред<акционным> ребятам) наличествует в Москве, хотя, м.б., не всеми осознается еще как отсвет действительно событий исторических.

Брейтбурд — о мао-маркузистах.

Мои заботы и хлопоты в связи с Лозанной¹⁹⁷.

Если верно, что для судеб человечества и мира весьма не безразличны судьбы ком<мунистического> движения, то нельзя не видеть, что в этом движении наметилось нечто необратимо новое, на чем споткнулась инерция догматизма, сталинизма и проч.

Сахаров гремит — опубликован в «Нью-Йорк таймсе» (3 полосы, значит — целиком), передается по радио¹⁹⁸.

Отголоски Братиславы — Брежнев с букетом красных гвоздик на балконе ратуши, конфуз Ульбрихта.

Письмо Мондадори по поводу статьи в «ЛГ»¹⁹⁹.

7.VIII.68. П<ахра>

У Косолапова (он, я, Крюков²⁰⁰, Яковенко).

— Какие новостешки, В<алерий> А<лексеевич>?

— Новостешки плохие.

— Он звонил вам?

— Звонил. «Не оставим ли на ответственность А.Т.?»

— А вы?

— А я говорю: А.Т. отвечает за «НМ», а здесь наша ответственность.

— А он?

— Ну что ж, говорит, подумаем до завтра. Сегодня опять позвонил. Но это все на словах. А вы, говорю, дайте мне письменное указание... А так — что ж: он позвонил — забыл, а я потом отвечай.

— Но вы же понимаете, что ставите его в положение невозможности: он не даст письменного. Разве не достаточно было бы этого его «совета»? Мы, например (т.е. «НМ»), только и мечтаем, только и просим, чтобы нам сказали «на усмотрение редакции»...

Заглядывает секретарша: Леонов. Косолапов говорит, чтобы его увели куда-то по соседству (где будет какой-то просмотр иллюстраций), а он, К<осолапов>, «через несколько минут будет», т.е. кончит со мной и к нему.

— Вот, пожалуйста, положение: два живых классика в одно время.

— Я уступаю старшему, мне даже приятно быть младшим...

Темп беседы ускоряется, и тут чуть было не произошел один подвох.

— Вы хотя бы сняли указание на «Правду».

— Только-то? — с готовностью отзываюсь я, — пожалуйста. Ведь я сделал эту ссылку из понятных соображений...

Оказывается, «Правду» нельзя называть: она никогда не хвалила Солженицына. («Попробовала бы она *тогда* не напечатать эту статью Маршака!»²⁰¹)

И вдруг я соображаю, что т<аким> о<бразом> решен лишь вопрос о т<оме> Маршака.

— А о вашем пятом — особый разговор.

— Ах вот как. Ну тогда я беру обратно свои слова. Ни одной запятой. А если вы нарушите мои права, я найду на вас управу (это без всякой уверенности в том).

Вскочил, что-то еще сказал, что, мол, жалею его, сунул ему руку, забыв попрощаться с безмолвными Крюковым и Як<овен>ко, бросился к двери (не нужно было так) и только услышал позади: ...до сведения Центрального комитета.

Приехал вчера больным-больной, подрубленный под корень. «А мне — отвечать». Уже не стыдятся даже говорить такие слова.

Как всегда в таких случаях, жаль, что то-то не так сказал, в том-то не удержался от проявления эмоций и т.д.

Ты помнишь, ночью предосенней...*

* Далее — набросок фрагмента поэмы «По праву памяти» — «Перед отлетом».

9.VIII.68. П<ахра>

Вчера ездил напоминаться. — Бычков: «Сегодня его нет, завтра не будет, на той неделе, при первой возможности...»²⁰²

Больше я не должен звонить. М.б., он не в том настроении, чтобы принимать меня, хотя не позвони я совсем — нехорошо: вроде бы я уже не считаю его первоисточником власти, авторитетом.

Рассказ Иннокентия Ник-ча [Шустера] о том, как при проведении операции по выселению балкарского народа шофер, простецкий деревенский парень, гармонист, сказавший как-то, что нехорошо все же, слишком жестоко выселять всех — одних бы мужчин, а женщин, детей, стариков оставить, на другой день был расстрелян перед строем как предатель родины...²⁰³

Георгий Сиводедов, — брюхо, на шее — опльвом под подбородком и с боков — хомут жира, стриженная ежиком голова мала от этого, вошел и, точно вчера виделись, понес, понес про свои болезни, близкий выход на пенсию и т.д., и все с самодовольством мужика, кот<орый> и брюхом втайне гордится. Учился, выучился, учил других — вот и жизнь прошла (преп<одаватель> зап<адной> истории), а попросту интеллигентным человеком не стал.

Но неужели мне может быть не чуждо некое торжество превосходства над этим Егором, который некогда третировал меня, называя «паном», что в те комсомольские времена было очень оскорбительно и больно, и который учился уже в Москве в МГУ, когда я еще болтался горьким недоучкой, изгнанным из комсомола неудачником? Да нет же, но противно. Спроси его насчет Чехословакии, наверняка скажет, как сторож Сергей Иваныч: «Упустили. Штычком бы, штычком поправлять».

Бакланов. «Авторы текста» статьи в «ЛГ» Рюриков, Озеров, Сартаков²⁰⁴. С первыми двумя я должен ехать в Швейцарию на КОМЭС. Нет, с такими нельзя ехать вместе. Любой предлог — но нельзя.

«У вас теперь будет паспорт общегражданский — ведь вы не депутат».

11.VIII.68. П<ахра>

Вчера Ан. Макс. [Гольдберг] сказал, что после Братиславы в некоторых соц<иалистических> странах — он назвал ГДР и Польшу — возможно усиление всяческих прижимов.

У нас усиливать куда уж, но что продолжается все так, как будто и не было мальчика, — это ясно.

И то: нам невозможно вдруг заговорить по-иному. Недаром П<олит>б<юро> одобряет само себя, — пленум собрать — нужно было говорить что-то другое, не то что на последнем, перед Варшавой. Приходится продолжать — и продолжаем. Доколе? — Бог весть.

Вчера была Валя, говорит, что в постановлении о 100-лети В.И. [Ленина] своеобразно перефразировано его же крылатое выражение: лучший способ отметить юбилей — сосредоточиться на нерешенных задачах²⁰⁵. Теперь нет — лучший способ отметить 100-летие — сосредоточиться на величии свершений. (Еще не читал, но и Дем<ентьев> говорит, что именно так там сказано.)

Среди листов верстки, вернувшейся из цензуры, — странички рец<ензии> Борнычевой²⁰⁶ на книжки по статистике: отчеркнуты все ленинские цитаты («подумайте, посмотрите», т.е. догадайтесь).

Хитров рассказывает со слов Эмилии [Проскурниной], что была у них там своя «летучка», Романов зачитывал что-то из иностранной прессы насчет № 5 («“НМ” продолжает героическую борьбу с цензурой»). Эмилии попало за то, что она проглядела... выпускные сведения, из которых видно, что номер находился в производстве 4 м<еся>ца²⁰⁷.

Новация: теперь лит<ературно>-худ<ожественными> журналами будет заниматься один Отдел культуры, агитпроп не будет. Есть основания предполагать, что значение выхода номера в таком виде «дошло», и, м.б., кому-то попало (тому же Кириченко), и после чего они уж сами решили не ввязываться в эти дела, где того и гляди — неприятность. Радости это нам не сулит, но все же пусть уж хоть один, а не два. Этим, думаю, не кончится.

Третьего дня на «завтраке» у Михайлова (с чего бы ему вздумалось угощать меня среди бела дня?) я еще раз сформулировал положение: если «НМ» в снятых из № 5 материалах действительно «попытался», то уж не материалы нужно снимать, а редакторов и ставить вопрос об их партийности. Но раз так, то и лица, усмотревшие в этих материалах «попытку», должны отвечать. Да где там! За задержание не наказывают, каким бы диким оно ни было. —

Вдобавок ко всему в какой-то части тиража этого злосчастного номера оказалась вшитой половина публикаций о П.Л.Лаврове впритык с Майским, без заглавия (стр. 160—161). Обнаружено было до 4 тыс. экз. таких, но, кажется, по великой милости божьей, не ушло много в рассыл²⁰⁸.

Сын К.Симонова получил экземпляр с перевернутым вниз головой портретом Маркса.

Все это, конечно же, из-за нарушения нормального хода производства изъятием частилистов, из-за тесноты в типографии, из-за бардака.

Не объявить ли Юлии Исаковне²⁰⁹ благодарность за обнаружение этого брака в номере?

Завтра начнется «та неделя», когда, м.б., будет доложено Л.И.[Брежневу] о моем напоминании. Скорее всего ему не до меня, он не располагает сейчас уверенностью и самодовольством, от которых быть ему добрым, способным обласкавать, ободрить, осчастливить просителя. Ну и бог бы с ним. Но, во-первых, после такой огласки (правда, временно заслоненной «событиями») нельзя быть непринятым. А, во-вторых, может быть, ему как раз будет с руки показать, что все как было. Во всяком случае жду встречи уже как необходимости, не обольщаюсь ни на йоту.

Деньки августовские, ясные, даже жаркие, но с немного резковатыми свежестью утречками. Наслажденчество: малость малую за столом посидишь, а там выйдешь — пройти по дорожкам, покопаться на дровосеке, подкинуть что-нибудь в компостную копилку — все в радость. Вчера дважды задремывал с Избрантом Идесом и Брандтом («Записки о русском посольстве в Китай 1692—95 гг.»)²¹⁰. Это — чтение, не имеющее отношения к круговерти размышлений и настроений нынешних, просто погружаешься в эту историю, где еще и география детская (Иркутск называется Якутском) и всякие рассказы о туземцах, и описания езды по суше и хода по воде, и что где едят и т.д. И все это сладостно, хотя уже исключены мечтания (исключены ли полностью) о том, как ты совершал бы это путешествие, — это уже не моего возраста дело.

Отходят, отошли уже мечтания о том, что напишешь что-то неизвестное — какие-то романы, пьесы, остается один «Пан». Но и с этим уже не так свободно и беспечно, как в былые годы, когда ненаписанные, отдаленные замыслы казались способными совершиться сами по себе потом. Теперь этого «потом» все меньше, откладывать все меньше возможности. —

Ну «Пан», а потом? Потом все же кругосветное путешествие? А потом? — Дневник.

[...]*

* Далее записан новый вариант фрагмента главы «Перед отлетом».

12. VIII

Вчера и сегодня со старого «крока»:

На дне моей жизни,
на самом донышке
Захочется мне
посидеть на солнышке,
На теплом пёнушке.

И чтобы листва
красовалась палая
В закатных лучах
уходящего вечера.
Что верно, то верно:
морока немалая —
Свой век свековать.
Да об этом уж нечего.

Я думу свою
без помехи подслушаю,
Черту обозначу
заслуженной палочкой:
Нет, все-таки нет,
по счастливому случаю
Я здесь побывал
и отметился галочкой²¹¹.

13. VIII

По утрам предстоящая беседа складывается у меня очень естественно и ступенька за ступенькой — логично, основательно и доказательно.

После самих вступительных слов о том, что как ни далеко оказалось бы все то, о чем я говорю, от большой политики, но в то же время все это неминуемо входит в нее, составляет часть ее (это все очень осторожно, отдаленно). — Прежде чем принять решение, изменяющее мою жизненную и литературную судьбу, я хотел встретиться с вами.

И после этого сразу к № 5, как последнему образцу длинной цепи «мероприятий» в отношении журнала.

Тут мимоходом назвать С.Павлова как одного из самых настойчивых гонителей ж<урна>ла. Особенно, мол, взъярился он после того, как я публично изобличил его во лжи в отношении Солженицына²¹².

И тут — о Солженицыне — узлом имени «НМ».

Можно к нему по-разному относиться, но необходимо учитывать огромную невыгоду для нас кампании против

него. И т.д. И под конец: доверие или недоверие. Без слова «цензура».

Но потом в течение дня все это разрастается, осложняется, очень многое нужно сказать, вернее, караул кричать, а ему это все внове, и, более того, он заряжен тем устоявшимся предубеждением, которое висит над «НМ» и напускается идеологическими верхами. И невозможно просить: прочтите то, прочтите это — читать он непривычен, да и не нужно ему читать, ему бы достаточно сообразить общее положение.

Но сегодня мне как-то особо явственно приходит соображение, что встреча не состоится. Так что нечего и перегонять из пустого в порожнее.

Вчера Кондратович, звонивший Беляеву по поводу статьи Лакшина о Булгакове²¹³, услышал от него: — Что же это вы такой номер выпустили? — Как?! Это говорите вы, когда при вас Кириченко кричал на меня? — Тот отступил, — деваться некуда, ведь он же сам и есть виновник этого «ЧП», но показательна «школа»: сваливай с больной головы на здоровую, обвиняй других в том, в чем сам в первую очередь и даже единственно виноват, авось так и закрепится. А что он врет без свидетелей?²¹⁴

М.б., я напишу Брежневу, что, не надеясь уже на встречу, ставлю его в известность... Но это не сейчас.

С разных клочков вчера:

(В «Зап<исную> кн<ижку>»)

К обидам горьким собственной персоны
Не призывать участие добрых душ.
Жить как живешь своей страдой бессонной.
Взялся за гуж, не говори — не дуж.
С тропы своей ни в чем не сосупая,
Не отступая, быть самим собой.
Так со своей управиться судьбой,
Чтоб в ней себя нашли судьба любая
И чью-то душу отпустила боль.

Огромный, грузный, многоместный
И тесный — через всю страну
Тянул в пустыне поднебесной
Свою тяжелую струну.

С натугой ровной делал дело —
Тянул — ни кренов, ни толчков.
И небо нижнее синело
Кой-где в разрывах облаков.

По стрелкам выверенным правил —
Видна земля иль не видна.
И как канат на переправе
Брунжала басом та струна²¹⁵.

Пустяк:

Что всюду пользуется славой
Твой громкий смех и кашель бравый.
Что на боку и на спине
Ты спишь, как камушек на дне.
Труня привычно над опекой,
Что учреждает лекарь-пекарь...

Какие к черту перебои —
Так только разве с перепоя.
Пей, обжирайся и кури,
Но вслух всего не говори.

Не уверяй, мы так поверим,
Что ты еще отнюдь не мерин...
(бедная старуха).

И на почтенном рубеже
Подумай все же о душе.
(если уж не о теле.)

Не обременяй своим здоровьем, как иные своими недугами.

14.VIII. П<ахра>

Слышано вчера с чьих-то слов от С.Г.Карагановой, что Л.И.[Брежнев] *со внуками* отдыхает где-то на лоне. Сегодня в 12 Кондр<атович> с Лакшиным должны быть у Беляева по поводу статьи [Лакшина] о Булгакове. Вчера Кондратович вдруг сказал с большой убежденностью: с одной стороны, такой разгром (№ 5 и т.п.), а с другой — мы стоим, м.б., прочнее, чем когда-либо, — нас нельзя сейчас разгромить, как желалось бы.

Кондратович о Кириченко («Печатайте, что хотите, вы же сами отвечаете перед партией и правительством» — раздражение и злобный сарказм — следствие, по-видимому, нахлобучки, полученной за № 5)²¹⁶.

Жду звонка от Кондратовича или Лакшина.

Начал с утра лепить «М<аркс>—Э<нгельс>, Л<енин>» (знать бы вам)²¹⁷.

16. VIII. П<ахра>

Чешка-журналистка, гостья Верейских²¹⁸, которую они, как часто делали, пытались еще загодя переадресовать гостеприимству М.И. «Мы к вам придем или как?» Отговаривался, что жду звонка и, м.б., уеду. — Но ты приедешь? Тогда, м.б., ты удержишь и машину, чтобы она отвезла чешку, и т.п...

Зашел. Она уже все рассказала, и Верейские уже зазывали: — А вы расскажите про сбор пожертвований золота. Ах, это как при Минине и Пожарском и т.п.²¹⁹

Она рассказывала с искренним воодушевлением и о пережитых страной днях страха, и о решимости, идущей снизу, стоять насмерть, и о Дубчеке («Он не вождь, не вождь, но он просто замечательный, обаятельный и твердый»), и о том, что можно было видеть в телевизоре (поцелуи Брежнева: в Чьерне только Свободу, а в Братиславе уже и Дубчека²²⁰ — «как будто 30 лет не видались», и всех по порядку).

Было очень интересно и местами трогательно, так что я едва удерживал слезы. Но в то же время не хотелось быть в роли того шофера такси, который вез ее и, узнав по разговору, что она чешка, всячески выражал свое одобрение чехословакам («Молодцы! А наши — что же? — они шерстью обросли»). И Людмила Марковна [Верейская] всем видом своим, скорбно поджатыми губами выражала глубокое понимание и только «заказывала». Плохо была скрыта обида, что я уклонился от приема их с гостьей-рассказчицей у себя.

Гостья же — и ее трудно судить за это — в воодушевлении своем забывала, что я член КПСС и гражданин СССР и что я не могу демонстрировать радость по поводу конфуза наших лидеров. Старался задавать объективные вопросы, кивать, гмыкать и, как только она чуть-чуть приустила, распрощался, поблагодарил, поспешил домой к 17.45.

Дважды слышал (и вчера сверил слышанное с Кондратовичем) о письме Подгорному Хоххута, Бёлля, Артура Миллера, Нимейера (строителя г. Бразилиа, лауреата Лен<инской> премии мира), Фельтринелли, издателя, и еще кого-то с просьбой снять запрет с Солженицына²²¹.

Впервые узнал из этой передачи, что в Европе цензура сохранилась только у нас да у Франко²²² и греческих полковников²²³.

Письмо это, как и прочие, не возымело, конечно, никаких результатов. Хотя — бог весть.

На все, что нам против шерсти, у нас готовы названия, исключаяющие необходимость задуматься, разобраться, что-нибудь понять: ревизионизм, происки империализма, обострение идеологической борьбы.

Был очень подавлен — хотя это не явилось неожиданностью — «Письмом», записанным почти дословно Анной Васильевной на райпартактиве, на которое велено не ссылаться²²⁴. —

Кондратович и Лакшин в Отделе [культуры ЦК]. Что-то другое, чем обычно: комплименты ж^урналу, статье Лакшина, которая, казалось бы, должна была неминуемо погибнуть из-за имени автора и объекта. И вместе опять попытки переложить вину за ЧП в № 5 на нас. «А мы выполняли приказ, мы на редколлегии записали, что не согласны с запрещением этих материалов — хотите протокол посмотреть?» — Мимо.

Ласкались, даже (и особенно) подошедший к разговору Мелентьев, даже несколько сдерживавший агрессивность [...] Беяева.

Последний, ликуя, в предвкушении желанного результата сообщил, что Мондадори выпускает «Пир [победителей] С^олженицына».

«Народ его растерзает». Тот же Мелентьев остановил его: «Ну зачем же так уж...» Но нет сомнения, что и он видит в появлении (да еще за границей) этой вещи возможность закрыть «дело Солженицына». И нет сомнения, что «Пир» попал туда из «тиража», выпущенного на Старой площади, а м.б., и не сам по себе попал, а по некоей воле.

Распорядился уведомить Солженицына, где бы он ни был, что ему нужно приехать (он должен сделать все возможное, чтобы помешать выходу этой злосчастной вещи). Раздразнился опять идиотской его конспирацией, когда Анна Самойловна [Берзер] знает, где его искать, а я не знаю. Да еще, приехав, скажет: зачем вы меня отрывали от работы?

В проспекте, в общем перечислении мы поставили имя Солженицына, но строго предупреждены Отделом [культуры ЦК]: — «Смотрите, худо будет». Это бы черт с ними, но такое предупреждение наверняка обернется запрещением в цензуре. Но мы оставляем.

Одно вчера было хорошо, что я, не зная, как избежать инструктивного совещания у А.С.Белякова (зам. Пономарева), позвонил ему, чтобы отпроситься и увернуться. — Отложено. — Оч^{ень} хор^{ошо}, а то я хотел, поскольку, по-

видимому, не поеду в Лозанну... Условились встретиться один на один, и я рад, что заронил уже ему в память о своем намерении не ехать и он что-то понял. —

17. VIII. П<ахра>

Заказывая в четверг Солженицына, не ждал его раньше понедельника-вторника, а он вот он — вчера, т.е. в пятницу, нагрянул сюда об эту пору — около часу. Расцеловались, чего уже как-то давно не делали. Я в темной прихожей и не рассмотрел Нат. Алексеевну [Решетовскую], которая поздоровалась со мной первой. Она очень заметно подвинулась к старости, подувая как-то и потемнела. («Работать, быть среди людей, имея такого мужа», — сказала она, когда он куда-то метнулся, а я спросил ее о жизни. Действительно: слухи, «разъяснения» в партийной системе, «Литгазета», иностранное радио и всевозможный фольклор.)

Когда я сообщил о возможном появлении «Пира [победителей]» в издании Мондадори, он быстро, точно готовился и к этому, быка за рога:

— Где это сказано? Откуда они знают? — Я-то, мол, знаю, откуда они знают, но на что они сошлутся. Не могу же я так, по одному этому слуху, м.б., даже провокационному, что-нибудь предпринимать, лишний раз называть эту вещь своей, напоминать о ней.

— Хорошо. Телефон у меня спит, но я сейчас пойду к Верейскому, позвоню в редакцию, чтобы ребята позвонили сейчас же Беляеву или Мелентьеву — что они скажут.

Он завертелся нетерпеливо, как всегда спеша куда-то.

— Нет, зачем же. Мы поедем. Лучше до понедельника. И мы с вами сразу же — телеграмму.

— Хорошо. В понедельник или вторник я и сам буду иметь кое-какие возможности (я имел в виду Белякова А.С.), но сегодня мы уже через 15—20 минут будем знать что-то.

— Нет, нет, мы поедем. А где Нат<алья> Алекс<еевна>?

Маша говорит, что она приняла что-то от головы и прилегла в Олиной комнате.

— Я ее сейчас подниму, ей лучше будет дома, на травке. — Настояния Маши остаться пообедать. — Вот уж все готово, Саша, удержи, — ничего нельзя было поделаться.

— Нет, вы вызовете меня, когда будете что-то знать определенное, тогда сразу вызывайте и сами заготовляйте текст телеграммы. А не вызовете, значит, ничего и нет, значит, так только — на испуг берут...

Поднял жену, едва я вышел, смотрю — они уже у калитки, а следом Маша идет, уговаривает, искренне огорчен-

ная и даже обиженная. Я проводил их до машины, кот<орая> стояла не у калитки, а у ворот наших, и Маша, подойдя к воротам изнутри, все еще звала их: — Я вам здесь открою.

Нет и нет, я, правда, не был особенно настойчив, зная его и не желая приходить в раздражение. Я уже видел, как он, мгновенно схватив то немногое, что я мог ему рассказать касавшееся его, больше уже ничего не хотел знать и слушать. Показал было я ему пятый номер с бракованным экземпляром и отпечатанными листами, изъятыми из него, — он только глазом скользнул, ему это было совершенно неинтересно.

Более, чем в какие другие разы, он показался мне большим, что и Маша отметила, нервучим до крайней степени, одержимым, счастливым этой одержимостью и безразличным ко всему на свете; даже Чехословакия его не занимала, хотя, по-видимому, он все знал: радио слушает, знает о письме Хоххута и др. Подгорному письмо Лидии Чуковской знает²²⁵. Не знал, конечно, только письма Мондадори, прочел его с жадностью и, м<ежду> пр<очим>, сказал:

— Нет, это порядочный человек, он этого не станет делать, — ведь он же знает из моего «Письма», что я отрекся от этой вещи и все объяснил.

— Не прочесть ли мне «Пир»?

— Прочтите, м<ежду> пр<очим>, и там не все так уж, как они излагают.

М<ежду> пр<очим>, оказывается, пьеса эта в стихах, перевод будет безрифменный — это ерунда полная.

— Руку даю на отсечение, что это у меня был единственный экземпляр. Если бы они его уничтожили, то и конец всей истории. Но он был размножен, и за границу попал экземпляр из этого «тиража». —

Вчера и сегодня читал (кончил рано утром в постели) Жореса [Медведева]²²⁶. Впечатление огромное, хоть как будто и не на ту тему, что обозначена в заглавии. —

Там — о Солженицыне, о Нат. Алексеевне. Это бы выписать в мое «досье С<олженицына>», которое сегодня дополнял кой-чем из его писем и др. материалов. —

18. VIII. Воскресенье

Последние три дня купался по утрам — вода посвежее июльской, но очень хорошо. Сегодня ночь была пожестче, спал под двумя одеялами, — еще не знаю, пойду ли на озеро.

Вчера были Валя с Сашей. Валя умна на редкость. Очень хвалила Быкова (правда, неясно, что там за «каска» в конце — наши или немецкие)²²⁷. В связи с этим сказала с опаской, что как ни хорош «Рак<овый> корпус», но «Ив<ан> Денисо-

вич» сильнее. Отмежевалась от ее институтских читателей, кот<орые> кроме Солженицына уже ничего не хотят — Залыгина, Абрамова, теперь Быкова. Номер, говорит, нарахват — людям импонирует, что они понимают, почему он такой тонкий²²⁸. —

В «Правде» опять Ю.Жуков («Подстрекатели»)²²⁹ в новом сальто. По радио ничего веселого. Чаушеску, по-видимому, жулик²³⁰. [...]

Маркс, Энгельс, Ленин, знать бы вам,
Когда еще вы были в силе,
Каким ученым головам
Мы вас потом препоручили.

Вам вечный выделен почет
Всем вместе и поодиночке,
А все наследство на учет
И под контроль до малой строчки.

Ни шагу нам ступить без вас,
А между тем, — по обстановке, —
За вами нужен глаз да глаз,
Чтоб вам не сделать шаг неловкий.

Порой у вас кой-что вразброс,
И вырывается из рамок,
И происходит перекосяк
В вопросах выверенных самых.

Не догляди — и хватъ-похватъ:
Превратно поняли в глубинке.
Нередко, попросту сказать,
Вам не хватает дисциплинки.

Что есть добро, что недобро,
Самим как будто неизвестно,
И что уместно на бюро,
Зачем же этак повсеместно.

Вы ради красного словца
Порой приводите в смущенье,
Что, м<ожет> б<ыть>, не до конца
Вы своему верны ученью²³¹. —

Вяло. Подтянуть размер. —

29.VIII.68. Пахра

Страшная десятидневка.

Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,

Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом. —

Записывать — все без меня записано²³².

Встал в 4, в 5 слушал радио — в первый раз попробовал этот час. Слушал до 6, курил, плакал, прихлебывая чай. Потом еще задремал до 8. Сейчас 9.30. Еду в Москву мыться и, собрав все силы, оформлять отпуск. —

2.IX.68. П<ахра>

В прошлый четверг — разговор с Воронковым насчет отпуска. — «Но до вашего отъезда я хотел бы увидеться с вами». — Всегда готов. — «Я хотел бы на нейтральной почве». — Пожалуйста.

В тот же день его звонок: завтра, 30.VIII, у П.Н.[Демичева] собираются руководители творческих союзов, не все, сказал, а лишь крупнейшие.

У П.Н. было человек 40. — Тоска, пришедшая на смену опасениям насчет «приведения к присяге». — Умильно-многозначительная, начальственная и в то же время ученическая (блокнотик) речь о том, как империалисты, потеряв надежду победить в открытом бою, сосредоточились на усилении идеологических средств воздействия на социализм; о том, что чехословацкие социологи (одно имя «и мн. другие») стали ревизовать марксизм, а в литературе стали превозноситься Кафка и Солженицын...²³³

В сев<еро>-вост<очном> Иране погибло свыше 8000 чел<овек>, но сообщение об этом идет третьим или четвертым после Чехословакии, и это естественно: там бедствие, трагедия, не зависящие от воли людей (властей), «божья стихия», с которой «царям не совладать», а здесь то, что могло и должно было не быть.

Сегодня звоню Воронкову, который, м.б., приедет сюда. Скорее всего будет (по поручению) готовить меня, склонять к «выражению отношения».

Отвратительный Сурков (по пути от ЦК до «НМ», где на прощанье я ему вонзил насчет того, почему ему не пишется (мемуары, которыми он грозился лет 20—30)²³⁴.

Флюс безбольный, но неприличный.

Вчерашняя попытка отдать Каплеру «должок» и сокрушение его (2 поллитровки) у Дементьева. Чур меня!

5.IX.68. П<ахра>

«Пахра, 5.IX.68.

Дорогой Константин Васильевич!

Телеграмму правительству Греции, разумеется, готов подписать, хотя совершенно очевидно, что в нынешней си-

туации она менее всего может оказать желаемое воздействие на мировое общественное мнение, тем самым облегчить судьбу Янниса Рицоса²³⁵.

Письмо же писателям Чехословакии подписать решительно не могу, т.к. его содержание представляется мне весьма невыгодным для чести и совести советского писателя.

Очень сожалею.

Ваш А.Твардовский».

Отправляю с ожидающим посыльным — шофером от К.В.<оронкова>.

Худо ли хорошо, так или иначе, по канату рубанул, который очень долго был натянут, аж «брунжал». Перерубил ли — неизвестно, во всяком случае, если сочтут, что перерубил, так тому и быть.

Жаль, что, оговорившись насчет телеграммы (правда, эта оговорка отчасти подводит ко второму пункту, т.е. письму), не сделал этого в отношении письма, имея в виду его очевидную бесполезность, если не хуже. Да мало ли какие набегают сейчас формулировки вдогонку или про запас, для объяснений, кои могут воспоследовать. —

Насчет «чести и совести». Я дорожу моим прошлым и будущим (у меня, мол, миллионы верящих мне читателей).

— А у других нет этих миллионов?

— М.б., есть, но они, эти другие, по-видимому, не так дорожат доверием этих миллионов или давно уже потеряли его.

Насчет «содержания»; оно рассчитано на понимание и одобрение Отдела [ЦК], а не чехословаков, — это нам наплевать, что оно не затронет их сердец.

Запоздалость и ненужность письма: иное бы дело послать его *до* и *вместо* танков, я бы его подписал обеими руками.

И вчера еще Воронков сказал, что тема его беседы со мной другая и что он, м.б., завтра-послезавтра подъедет ко мне.

Сомневаюсь. —

Читаю, как всегда, много, но голова стала совсем дырявая: вчера Лакшин спросил насчет рукописи Жореса [Медведева], а я не вдруг и вспомнил, хотя не то, что книга печатная. И как всегда, что ни возьмешь, находишь нечто близкое тому, что занимает голову в это время.

Так, мемуары Штакеншнейдер, где есть о польском восстании 63-го г. и отношении к нему передовых людей, вообще интеллигенции, подпали прямо под «события»²³⁶.

«Село Степанчиково», вообще, и без «событий» входит в круг привычных размышлений и представлений («не мужика дайте, а селянина») ²³⁷. Сейчас читаю какого-то Эша «Выбор оружия» (белый, воевавший вместе с туземцами против японцев, воюет в составе их партизанских отрядов в джунглях, сталкивается с догматизмом и прямолинейностью одного из вождей, стоящего на строго классовый точке зрения, не допускающего возможности полного слияния с «классом» проклассового элемента — сам, м<жду> пр<очим>, из «бывших»). Даже удивительно, как проскочила книжица: вопросы цели и средств, меры и правомерности насилия, личности и «класса» — в оригинале бы ни за что не прошло бы ²³⁸.

Помирать собирайся, а жито сей — это уже было у меня вкручено в стихи, но поговорка в цельности, как она есть, лучше и может быть начальной строкой в этом же ритме. —

Через силу, преодолевая расслабленность от этого флюса, что и сегодня еще не прошел (удалось лишь хорошо поспать после завтрака, а ночь была плохая), написал «врез» к мемуарам Крылова. Лакшин говорит — хорошо, но нужно подписывать — слишком, мол, явствен «почерк». Согласился было, но сегодня позвонил Хитрову, что либо пусть кто из них превратит этот опус в дистиллированно-редакционный, либо поставить вслед за окончанием в виде послесловия, причем я бы и развил маленько — так будет удобнее в отношении автора маршала. Допускаю, что ему будет даже не неприятно, но для «генеральской массы» это — «не по чину берешь». А я не Михалков. Послесловие же, выполняя назначение ред<акционного> «экслибриса», все же — *после* словие, т.е. не рекомендательная записка. — Можно хорошо кое-что добавить: портреты, «перемены на КП»; когда редактор становится читателем; предвосхищение таких же книг о Севастополе и Сталинграде ²³⁹.

*В «Зап<исную> кн<ижку>»
(прошлогоднее)*

Там-сям дымок садового костра
Встает над поселковыми задами.
Листва и на земле еще пестра,
Еще не обесцвечена дождями.

Еще земля с дерниною сухой
Не отдает весенним духом тленья,
Как наизнанку вывернув коренья
Ложится под лопатой на покой.

Еще не время непогоды сонной,
За сапогом не волочитя грязь.

И предается, у земли бодрясь,
Своим утехам возраст пенсионный.

По крайности, спасибо и на том,
Что от хлопот любимых нет отвычки.
Живи бодрясь, и тем же чередом,
Не торопясь, укладывай вещички²⁴⁰.

С 1 сентября я в отпуску — Воронков сказал, что все сделано.

И тетрадь на исходе.

Написать бы за отпуск мой стародавний замысел, как избу перевозили тракторами, не разбирая ее, целиком²⁴¹. —

По овечкинской записи:

Старуха готовила немцам закуски
И кланялась низко, мол, кушайте, гости.
А вслух говорила негромко по-русски
Другие слова, задыхаясь от злости.
Она предрекала им сроки расплаты
За все их вины и за все свои слезы.
— Ужо, погодите, побьем вас, проклятых,
Дойдем до Берлина и всех вас — в колхозы.

У Овечкина — в прозе — лучше²⁴².

7.IX. П<ахра>

Вчера забирал надписанные книжки из редакции²⁴³ — три большие связки, — пока связывал, вел с Лакшиным и Хитровым неприятный разговор о том, что в понедельник райкомиссия, что она, говорят, хочет доступа ко всем протоколам редколлегии (хрен из них поймешь и выведешь) и что, мол, нужно ей воспрепятствовать, — тошнехонько: у кого искать защиты от этой дурацкой второй комиссии? А они смотрят, как увязываю, и мне неприятно, точно делаю что-то нехорошее. «А не дурная ли это примета, А.Т.?..» Отшучиваюсь (да и всерьез), что *потом* будет неловко *съезжать* со своим барахлишком. И С<офья> Х<анановна> вдруг цитирует: «Что-то я начал болеть о порядке»...²⁴⁴ Выбрался с неприятнейшим чувством — все что-то понимают, догадываются.

Странная (да странная ли?) телеграмма Берггольц: «Всегда, всегда, всегда с вами». «Преступник» идет в № 8, и Беляев находит, что там много ценного, но, конечно, нужно было поправить то, се (поправлено уже — пустяки), и для порядка говорит, что вторую часть он будет читать²⁴⁵.

Радио слушать невозможно — заглушка, но в 6 ч. ничего. — Вряд ли все рассосется, как думают верха. Рассказ Х<итрова> об Орлове²⁴⁶.

8.IX. Воскресенье

Проснулся от дождя близ 6 ч. Не вдруг и понял, что это дождь. Дождь вскоре и перестал, но было, как говорила мать, притемно, и в этой утренней притеми как-то совсем по-осеннему выглядели березы, еще более зеленые, чем желтые, но уже сильно прокропленные желтизной и много обронившие листвы. — Прохладно, хотя посветлело и даже солнце пытается светить по-вчерашнему. Вчера же был, м.б., предельно прекрасный денек из всех последних — нежаркий, но ясный и ласковый — из тех дней, что хочется целиком вдохнуть, вобрать в себя, и что примиряют со всем на свете — даже со старостью и смертью, даже с непоправимостью прожитого. —

По совету соратников готовлю две доп<олнительные> главы для сдачи в набор. Сегодня прошелся по «Пяти словам» — нечего говорить, насколько они серьезней маленькой главки «На сеновале», которой тоже занимался этими днями. Пусть хоть оттиск будет и пусть почитают рук<оводящие> товарищи²⁴⁷.

О Чехословакии думается неотрывно — больше, чем о своих делах, хотя они на редкость связаны с «событиями» и внутренним образом, и внешним. — Даже эти главы странным образом, говоря о чем-то очень своем, как-то смыкаются со всем, что сейчас заполняет сознание, по кр<айней> м<ере> для меня, да и Демент сказал что-то такое вчера (читал ему главку). —

Из чтения:

В дни флюса прочел «Прощай, оружие» и «Иметь и не иметь»²⁴⁸ — в последней есть сильные страницы явно под Толстого. Перечитывать не буду, знаю наперед. Занятно, что такая жох-бабенка, как Н.И.Ильина, и та говорит, что после Солж<еницы>на Хемингуэй показался ей жидковат.

Находка для ж<урна>ла «Род Пушкина в русской истории» акад<емика> Веселовского, автора «Опричнины»²⁴⁹. Чудесные коренные русские слова в основе русских фамилий. Оказывается, загоска* (зегзица), а не татарин Загоска

* Кукушка.

в основе известной фамилии; или чичера — непогодь, дождь со снегом — Чичерин²⁵⁰.

Фамилия Пушкин молодая — со времени понятия об огнестрельном оружии на Руси — XIV—XV вв. — чудесный глагол умздить*. *Прозвище — Очунная рожа.*

9.IX.68. П<ахра>

Как не вдруг и с каким трудом и торможением изживают себя формы политической жизни, обреченные на слом.

Но наступает момент, когда они уже только по инерции существуют и по инерции обязывают. Пока еще справляют службу по памяти и по книгам, раскрываемым (не глядя) на известных страницах, заляпанных воском и с обтерханymi уголками, но уже проповедей не только не произносят, но и не читают «по тексту». И прихожанам уже наскучило подмечать за ними все их слабости — недостаток благолепия и натурального воодушевления, — они выходят из церкви и, надев шапки, говорят и помышляют о своем, житейском, будничном, частном. —

Предстоит день мучительной «встречи» с комиссией райкома, которая будет выяснять: регулярно ли выходили «боевые листки» в части при взятии (успешном?) того или иного города. А уж при рассмотрении случаев неуспеха — как не отнести его за счет невыхода «боевых листов».

Захлаживает. Трава (отава) из-под косы уже пахнет самой осенью.

Как переменчив запах сена...

10.IX. П<ахра>

Вычитывал с машинки главы. Вернул в «Пять слов» место «Я помню, речь зашла в дороге...». И по мелочам кое-что, кажется — удачно.

«На сеновале» заключил четырьмя строфами:

Навстречу доброй нашей доле
Рвались мы в путь, мой друг, мой брат.
Давно ли было все? Давно ли?
Недавно: жизнь тому назад...**

* Умздить — наградить, одарить.

** Далее записан фрагмент главы «Перед отлетом» поэмы «По праву памяти».

Покамест заносил сюда, кое-что выровнял²⁵¹.

Звонила С<офья> Х<анановна> — «звонили от Солженицына» — буду ли я — хочет меня видеть. — Пусть приезжает, дайте машину. — Уже заготовил фразу, чтобы он не спешил, не дергался. Намеревался даже прочесть ему главы (лучше бы при Лакшине, но там сегодня комиссия, ради которой я ездил вчера, а сегодня уж не поехал). Опять звонок: «Звонили, что сегодня он занят, а завтра не буду ли я в городе?» — Не могу сказать наверняка. —

На днях подписал договор на однотомник во «Всемирной биб<лиоте>ке» (21 тыс. строк)²⁵². Это верно, что «Теркин» сейчас, четверть века (!) спустя, оценивается гораздо выше, чем тогда, когда он шел, встречаемый восторженно читателями, но далеко не всеми критиками и вообще литераторами. Но сосредоточиваться на этом не следует — это признак старости и сложения оружия. Нельзя ожидать, что еще и еще что-то нарастет на старый капитал. Пусть это будет уделом соболевых (хотя там и капиталу — кот наплакал).

Третьего дня был «дамский мастер», как его назвал Лакшин, обмерял мой офис, отмечал на эскизе Верейского размеры — дельный и хороший парень: Мышцев Вяч. Мих. — Порядок — хорошо, но бесконечное откладывание предстоящих задач в видах наведения полного порядка — тоже самообман. —

11.IX. П<ахра>

Вчера пил чай с творогом после 15 тачек, вывернутых из компостной ямы, — Симонов: пойдём погуляем, меня ждет машина.

Я давно заметил, что в помещении он избегает говорить «на темы». Пошли. Он рассказал, как его искали и нашли, привезли с побережья в обком, связали по ВЧ с ЦК (Мелентьевым) и как он сперва отложил дело до прочтения глазами «документа», а потом решил, что откладывать, тянуть ни к чему, и послал телеграмму Воронкову с отказом: не имею, мол, морального права учить ч<ехо>сл<овацких> писателей, т.к. сам еще не до конца понимаю, что к чему. Говорит, что, кажется, и Леонов не подписал. Сегодня письмо должно быть в «ЛГ», скорее всего оно будет без подписей, хотя, по слухам, подписались уже 35 членов Секретариата²⁵³.

Сегодня включил наудачу и без помех прослушал выпуск (соглашение в Москве по хоз<яйственным> делам

и пр.), завершённый сенсацией: письмо 88 писателей Москвы чехословацким писателям от 23 августа. Составлено неплохо, хотя несколько покаянно («Простите нас, простите Россию»). Имена свои по понятным причинам («неусыпная бдительность КГБ») покамест не называют, — м.б., вообще подделка. Но толкование числа 88 на языке морской сигнализации могут указывать и на Гр.Поженяна, заметка о котором была изъята из отпечат<анных> листов тома «Лит<ературной> энц<иклопедии>»²⁵⁴.

ЧП! «Неподписантов» — меня и др. — могут заподозрить в том, что они «подписанты» другого письма. —

13.IX.68. П<ахра>

Концовка малой главы, уже с машинки, вдруг обнажилась как концовка-зашнуровка в обязательном порядке («сокрушаться не резон» и т.п.).

Остановился на строфе:

Навстречу доброй светлой доле
Рвались мы в путь не наугад, —
Она, в согласье с нашей волей,
Звала отведать хлеба-соли,
Сулила в яви щедрый клад.
Давно ли?
Жизнь тому назад.

«Клад» только что пришел здесь. Он уместен после «хлеба-соли».

А из этих строф:

Но этот краткий срок едва ли
Уйдет из памяти как сон:
Мы в этом мире побывали
В его не бархатный сезон. (Здесь теперь можно)

Нелегкий опыт — горький лекарь
И поздний возраст твой и мой
Не обошли нас правдой века
И революции самой.

И у последнего привала,
Какая вновь ни грянь гроза,
Мы ей сумеем, как бывало,
Взглянуть бестрепетно в глаза²⁵⁵. —

м.б., получится что-нибудь для «Зап<исной> кн<ижки>».

Вчера был Солженицын в редакции. На этот раз он не спешил, не дергался, был очень хорош и явно хотел выгово-

риться, получить хоть какую поддержку. Рассказывал, браня себя и сокрушаясь, что по нежданности не изготовился для достойного отпора, о посещении его в «охотничьем домике» Виктором Луем [Луи], с кем-то другим, которого и не спросил, что он за человек. Претензия темной, мягко выражаясь, личности этого Луя была в том, что, мол, «великий писатель и гуманист» раздавил его, Лую, поверг его в беду упоминанием его имени в письме или телеграмме по поводу сообщения «Граней»²⁵⁶. Кое-как он его выставил, решительно отклонив просьбу проходимца разрешить ему оформить «встречу» в интервью и сфотографироваться с ним (это ему нужно для возобновления кредита у западных своих хозяев), но до сих пор не уверен, что он не был сфотографирован и записан (второй посетитель был с каким-то узелком, который он устроил на столе или на скамье рядом с собой (дело было на улице, где С<олженицын> возился возле машины, что по крайней мере дало ему возможность не здороваться с гостями за руку). Успокоил его, как мог, что все это ерунда. — Но труднее было успокоить, когда он заговорил о том, что стал бояться быть одному в отдаленье, — боится, что его зарежут как бы грабители или заберут втихомолку, что не вдруг и узнает кто-нибудь.

— Не заберут, — это невозможно, это исключено.

— Нет, после Чехословакии все возможно, все можно.

Одного этого я боюсь.

Во время беседы передали пакет из Гослита, сказав, что звонили, чтобы я вскрыл его сразу, а то, мол, Косолапов уходит в отпуск.

«Тов. Твардовскому А.Т.

Уважаемый Александр Трифонович!

По причинам, Вам известным, издательство до сих пор задерживает печать первого тома собрания сочинений С.Я.Маршака. Наша неоднократная к Вам просьба — опустить во вступительной статье цитату из рецензии Самуила Яковлевича на повесть А.Солженицына "Один день Ивана Денисовича" Вами отклонена. В связи с этим издательство вынуждено от публикации Вашей вступительной статьи к собранию сочинений С.Я.Маршака воздержаться.

С уважением

Директор издательства В.Косолапов»²⁵⁷.

Показал Солженицыну. Он говорит, что это очевидное следствие моего «неподписантства» (я ему не мог не сказать об этом, т.к. по этому признаку люди разговаривают или не разговаривают или даже не здороваются). Кондрато-

вич потом обратил внимание на дату письма: 31.VIII — оно лежало и долежало, впрочем, м.б., долежало до отпуски Ко-солапова.

Солженицын показал мне «Круг первый» в итальянском издании. Я не спросил его, почему том маловат для объема этого романа, — не первая ли часть, — просто не подумал.

Он сказал, что поселится покамест у Корнея Чук <овского> в Переделкине. Я ему высказал все невыгоды этого, правда, не предложив ему поселиться у меня — из опасения только перегрузки Маши хлопотами и ее болезненной чувствительности к присутствию постороннего человека в доме и преувеличенной щепетильности в смысле ухода за ним.

Напомнил ему, что уже не первый раз он, пренебрегши добрым советом, потом должен был каяться и сожалеть, но, конечно, он и на этот раз не послушался²⁵⁸.

Расстались нежно и растроганно, расцеловались.

Первое письмо читателя с просьбой разъяснить ему тягостные сомнения в связи с «событиями».

Мне дорог каждый вдох и выдох мой,
Как перед смертью иль перед тюрьмой²⁵⁹.

Два дня выгребал компостную яму — 60 тачек. Когда что-нибудь такое делаешь, на душе лучше. А деньки стоят [один] лучше другого. Покамест соберусь в См<олен>ск, может, и кончатся.

Вторник — мастер. Комиссия по ж<урна>лу.

14.IX. П<ахра>

Встал до 4-х, пил кофе, курил, послушать ничего не удалось — отвратительный жестяной гром заглушки (оказывается, она здесь недалеко — на траверсе с военгородком «36 км»).

Стал читать Лихоносова и до конца не мог оторваться²⁶⁰. Какой молодец! С любовью, с нежностью и болью пишет ту низовую, окраинную жизнь, жизнь «с коровы», с базара, с огорода, с пенсий, жизнь, которую не принято ни фотографировать, ни «отражать» в очерках, жизнь без «роли парторганизации», без всего такого — саму по себе, со всеми отчаянными хлопотами, напряжением, муками, безысходностью — послевоенная жизнь миллионов. — Нет, этого уже не заставишь «соображать», дозировать «свет-

лое» и «темное», приплетать «рук<оводящую> роль» там, где ее попросту нет.

Кажется, всю ночь был дождь и поутру тоже — вот что значит — начал поливку яблонь и др. деревьев вчера.

Дождь — каково там войскам, выведенным из городов, м.б., лишь в малой части расположенным под крышей жилья — в мокрети чужих лесов, в палаточной и земляночной тесноте и нечистоте. А дальше в осень — еще хуже будет. Да было бы во имя чего!

Вчера перед обзором печати привели англ<ийскую> поговорку: «Новостей нет — все хорошо». Так-то!

А бабье лето длится — день ко дню
Безветренны, теплы, почти [что] жарки.
По-новому их как-то я ценю —
Ничем не заслужённые подарки...

.....

Мне дорог каждый вдох и выдох мой,
Как перед смертью иль перед тюрьмой.

9.X.68. Пахра

День отъезда в Сухуми — впервые, пожалуй, на отдых просто, без намерений «рвануть» — сил нет. Беру только новую тетрадь для дневника (этой — год).

Все, что было за это время, как-то потонуло и не просится на страницу после последнего приезда чехословацких лидеров в Москву и их вынужденной готовности подписать соглашение о размещении. —

Из прочитанного: Штеменко «Генштаб в дни войны». Книга написана, как я говорю, не только до XX съезда, но местами как будто даже до войны²⁶¹.

У Мерецкова — более сдержанная, но тоже апология и та же бесстыдная манера, говоря об Уборевиче или [о] ком другом, даже превознося их достоинства, умалчивать об их конце²⁶².

В последнем № «Знамени» — роман Чаковского «Блокада» — там уж по всему (не читал, перелистывал) «художественное» оформление той воровской, исподволь легализующейся тенденции — этот не упустит того, что близко лежит²⁶³.

В послесловии к Запискам Н.И.Крылова пытался (по поводу телеграммы — просьбы к защитникам Одессы) отмежеваться от этой апологетической тенденции, и не спокоен:

вдруг какая-то часть читателей, подобно С<офье> Х<анановне>, само упоминание имени примет за подключение к тенденции, хотя, кажется, все там обсказано настолько недвусмысленно, что почти наверняка цензура вонзится и пойдет советовать²⁶⁴.

Внесено было некоторое смятение в душу выдвижением в академики. По рассказу Македонова, произошло это неожиданно и случайно (Гусев), и недаром, как он говорит, после «забежали»²⁶⁵. Конечно, даже до списка не допустят. И, по правде, случись невозможное, это было бы и несомненно потерей для моего имени, поставленного в ряд с Корнейчуком, Фединым, Шолоховым²⁶⁶.

Характеристика ИРЛИ — на высшем уровне, так можно писать разве что после смерти поэта²⁶⁷.

Яблони присмотрены, кроме тех, окопанных, но не присыпанных, — сделаю сегодня, хоть еще и грипп не вышел из меня. Еду как в сон.

12.X.68. Санаторий МВО «Сухуми», корпус 8, 2 отдел., «люкс» № 7

Вчера прибыли сюда — не представляя, что это будет так рано, посылая бесстыдную телеграмму с указанием даже вагона, т.е. с очевидным «повисанием» над милым и добрым Шинкубой. Он таки встретил, а в воротах встретил нач<альника> отделения (Борис Маркович), а там сестра (Антонина Афанасьевна). Все хорошо. Санаторий — городок, густо зазелененный, у самого моря. Народу — тьма, но генеральский наш корпус — бывший жилой дом для офицеров расположенного здесь полка, тихое и не похожее на санаторные помещения место. Три комнаты, если считать и застекленную веранду, пристроенную при переоборудовании. Слово «люкс» здесь, как и в «Барвихе», означает как бы марку автомобиля («Чайка», «Шевроле». «Я вам принесу в "Люкс"»...).

Присели с Шинкубой на этой веранде и — никуда не денешься — заговорили о «событиях». Больше я, но он без обиняков показал, что не приемлет решительно «акции»²⁶⁸ и, что называется, переживает с особой остротой сына маленького и в чем-то ущемленного народа — сына, поэта и президента этой игрушечной «державы».

В день отъезда виделся с Солженицыным. Он был лучше, спокойнее, хотя грустен. У Корнея [Чуковского] он, по-

видимому, не зажился, т.к. приехал уже из Рязани. Работает, как всегда. Вдруг сам предложил познакомиться с тем, что уже отбелено. Условились на послепраздничное время. Может быть, говорю, сами захотите почитать. — Нет, — усмехнулся, — это голоса не хватит, т.е. написано уже много. Заметно, что сам доволен написанным. Да и как может быть иначе. Л.Н.Т<олстой> говорил, что жить можно, только если работать, а работать — если работа уже сделана наполовину и хороша. —

Спросил его, к слову, насчет вчерашнего очерка Калинина в «Известиях» о поездке в Вешенскую, которого сам не мог дочитать до конца — такое невыносимое раболепие и превознесение даже того, что еще и читателю неизвестно²⁶⁹. Нет, говорит, я таких писаний не читаю. И смеюсь, но с каким-то естественным превосходством работяги над лодырем:

— Ну, что он, право, пишет сто лет и никак не может написать это все свое — неизвестно что — роман ли, черт ли что. — Здесь у него опять сорвалось что-то из того, что мне и в первый раз не понравилось, — насчет «плагиата». Я ему уже говорил: в плагиат не верю, Шолохов — талант, смолоду настоящий, но, судя по проявленному беспокойству по поводу «крюковского сундука с рукописями» (рост<овский> «Молот» — «Сов. Россия»)²⁷⁰, он, возможно, позычил кое-что и в свое время не нашел формы объяснить на этот счет и отдать должное хоть памяти того, у кого позычил, и это его, м.б., мучит, а человек, похоже, скрытный, не исповедующийся.

После ухода Солженицына Кондратович рассказал со слов нашей Эмилии [Проскурниной] (ценз<орша>) о том, что Шолохов был у Косолапова, привез новые две главы (всего-то!). Одна из них касается довоенных еще лагерных дел, и Ш. будто бы спросил: «Не очень, мол, напоминает Солженицына?». — Посмеялись, принимая это за некоторое признание зависимости — что естественно: этого материала он в натуре не знает, только со слов разных людей, не избежать какого-то отголоска столь сильного образца. Но потом, в дороге уже, сообразил, что это было сказано в том смысле, что это, мол, вам не Солженицын, хотя материя та же. Скорее всего так. Говорят, эта глава должна появиться в «Правде» (как все, что выходит из-под его пера). Посмотрим.

Начал читать Стерна «Сент<иментальное> путешествие»²⁷¹. Во-первых, сколько таких случаев, когда считаешь, что ты это читал, т.е. проходил, знаешь, а на самом деле читаешь совершенно наново. Во-вторых, еще одно преимущество «зрелости» перед юностью: настоящее чтение — чтение-постижение. В юности читатель похож на того зрителя в театре или в кино, который, принимая все за чистую монету на сцене, выкрикивает проклятия злодеям, подсказывает, предостерегает героя и т.п. Зрелый читатель понимает, что игра есть игра, и оценивает ее как игру, но он при этом отнюдь не обездолен, даже чисто эмоционально.

Приехал с остатками гриппа, но сегодня уже, наверное, не выдержу, поеду в море. Вода — 20. Испытываю недостаток утречком кофейку, согретого быстренько на плите, и отсутствие (?) палки. Гадаю, где бы вырезать, впрочем, уже не с прежней мечтательностью.

13.X. «Сухуми»

Как начался вчера почти что с утра дождь, так, все густея и усиливаясь, шел и всю ночь (просыпаюсь еще по пахрински среди ночи, курю и т.п.). Гнало в сон, как, должно быть, в дожди, что бывают в тропических джунглях. Конца не предвиделось — море представлялось его ближайшей и безграничной водной базой — будет, казалось, идти и идти. Но с утра посветлело, сейчас (10 ч.) денек ломается.

Просмотрел пометки Дементя — почти все существенны, можно и нужно поправить, но уж большие перемещения в тексте делать не буду — это уже все равно, что писать заново²⁷².

Присмотрелся к положению о стихах, читаемых теми, кто, как правило, стихов не читает. Да, я уже не думаю так, что это главный признак. Это автоматически перешло из давнишних моих «открытий». Но я сам уже не всегда могу рассчитывать на внимание не читающих стихов (лирика да в каком-то смысле и «Тёркин на том свете»).

Из-за не полного еще освобождения от гриппа не купался. Сегодня начну.

О Бунине. *Старость и чужбина*, причем первая на воду у второй. —

Память. Ехал сюда с неприятным чувством: единственный выправленный и смонтированный экземпляр «Глав» не мог найти. Он оказался среди бумаг в портфеле. Вчера на

прогулке не мог вспомнить название дерева, о котором знал, что оно осушило болотистые земли Колхиды, и знал и называл это дерево, подъезжая к Сухуми. Второй раз в этом году стал вспоминать фамилию (зачем он мне дался) одного жука из аппарата Союза писателей, зная даже имя-отчество.

Вспомнить-то вспомнил в течение нескольких минут (эвкалипт и Евгенов). Но!

15.X. «Сухуми»

Вчера с 3 до 5 утра, сегодня поправил:

Считай, что ты свое уже отгопал
И позади остался твой предел.
Но при тебе и разум твой, и опыт,
И некий срок тебе для сдачи дел

Отпущен до погрузки и отправки.
Ты можешь на листках ушедших лет
Внести еще какие-то поправки,
Чертой ревнивой обводя свой след;

Добро свое укладывая в папку,
Невольню прихорашивать итог.
И вдруг подумать: нет, спасибо в шапку,
От этой сласти береги нас бог.

Нет, лучше рухнуть нам на полдороге
Коль не по силам новый был маршрут.
Без нас отлично подведут итоги
И даже меньше нашего наврут²⁷³.

15.X

«Советская Россия» от 13.X, статья С.Баргина — «Преступления не забываются»:

«...За последние годы появилось немало так называемой лагерной литературы. К сожалению, некоторые авторы пытаются представить дело так, будто все находившиеся в лагерях являются жертвами произвола в годы культа личности. Иные писатели без вдумчивого и тщательного разбора берут под защиту, как говорится, всех и вся, искажая тем самым действительность и нанося большой вред воспитанию подрастающего поколения.

Никто не отрицает, что в свое время были допущены ошибки, часть людей была подвергнута репрессиям без достаточных на то оснований. Но, как известно, эти ошибки были исправлены. Те, кто несправедливо был осужден, реабилитированы. Им оказана необходимая материальная по-

мощь, созданы условия для плодотворной работы и общественной деятельности.

Но также хорошо известно, что среди осужденных были и те, которые заслуженно понесли наказание. Это уголовные и политические преступники, дезертиры, спекулянты, изменники Родины».

Такого еще не было изложено печатными буквами, хотя в духе этой концепции, противостоящей XX и XXII съездам, давно уже потихоньку, воровски выкарабкивалось на свет то, что имеет свое название и широкий круг поборников.

17.X

«Немало». — Где? Каких? «Один день» и вещь Дьякова, направленная, судя по ред<акционному> предисловию «Октября», именно против «Одного дня»²⁷⁴.

«Нанося большой вред» — вот где он, вред, а там была только польза воспитанию подраст<ающего> поколения.

«Ошибки» — пустячное дело.

«Без достаточных» — то есть основания были и в этих случаях, но недостаточные.

И «были исправлены» «даже эти ошибки» — о чем же говорить.

«Но также хорошо известно». Кому?

«Те, которые заслуженно понесли». К примеру?

Уголовные (не о них речь!) и «политические» *в*купе с «дезертирами, спекулянтами» (одна цена!). «Изменники родины» (военнопленные) — почему не застрелился? — и, пожалуй, имеются в виду народы-изменники (калмыки, крым<ские> татары, кабардинцы).

Ах, как мило объясняет наш сосед А.А.[Маринов], либеральнейший в собственных глазах генерал-издатель (зам. нач. Воениздата)²⁷⁵: — Дурак.

— Нет, А.А., не дурак, а родом так. Кабы «дурак», так уж сегодня было бы «из посл<едней> почты» в «Правде», вернее — ничего не было бы, п<отому> ч<то> «глупость» не увидела бы света.

Третьего дня вечером были Шинкубы — он и Тамара Константиновна. Показал ему вырезку из этой статейки. Он ее прочел раз, другой, изменился лицом. Потом он рассказывал о Шолохове — смотрю, держит что-то в руке — валидольная трубочка.

Шолохов со свитой в полтора-два десятка человек совершал турне по Грузии, встречаемый с каким-то сверторжественным почетом. На Риге в сталинском доме был банкет, куда

пригласили и Шинкубу с супругой. Шолохов дважды провозглашал тост в память Сталина («мы находимся в доме, где Он»... и т.д.) в выражениях, которые были возможны только при жизни Сталина: гениальный, мудрый, спаситель отечества и т.п.

Тоже «дурак»? Оно-то верно, что и дурак дураком, но преподлым образом соображающий, что к чему.

Шинкуба, помимо всего, был глубоко задет, что в Абхазии Шолохов «сможет пробыть только полтора часа, осмотреть обезьяний питомник».

— Здесь же есть еще и люди, можно было бы хоть бегло поинтересоваться ими.

Шолохов подарил ему финский нож (должно быть, закупил их в Финляндии партию — на все подобные случаи). Принимая подарок, Шинкуба будто бы намекнул ему что-то насчет обезьян и своего древнего народа.

Шинкуба опять вспомнил о черных бериевских временах в Абхазии, об эшелонах порожняка на зап<асных> путях ж<елезной> д<ороги>.

Из московских «кроков»:

А бабье лето длится день ко дню —
Безветренны, теплы, почти что жарки.
По-новому их как-то я ценю —
Ничем не заслуженные подарки.

Мне дорог каждый вдох и выдох мой,
Как перед смертью иль перед тюрьмой.

Здесь сегодня:

В чем хочешь человечество вини
И самого себя, слуга народа,
Но ни при чем природа и погода:
Полны добра перед итогом года,
Как яблоки антоновские, дни.

Безветренны, теплы, почти что жарки,
Один другого краше дни-подарки
Звенят чуть слышно золотом листвы
В самой Москве, в окрестностях Москвы
И где-нибудь, наверно, в пражском парке.

Перед какой неизвестною зимой,
Каких еще тревог и потрясений,
Так свеж и ясен этот мир осенний,
Так сладок каждый вдох и выдох мой²⁷⁶.

Шинкуба рассказывал со слов женщины-врача, доктора мед<ицинских> наук (жена одного из маршалов), находившейся в составе группы врачей у одра Сталина в последние дни и часы, что она была удивлена, какой это маленький старый человечек в постели, узкогрудый, с высохшими кривыми ножками и большим вислым животом. —

Вспомнил, как рассказывали, что командир саперного батальона заболел и чуть ли не рехнулся от работ по ликвидации многометровой статуи на канале Москва—Волга: взрывчатка не брала. (По дороге от Ив. Серг. [Соколова-Микитова, из Карачарова].)

19.Х. Сухуми

Вчера смотрел меня глав<ный> терапевт санатория Исхок Муртозыч (фам<илии> не знаю), красивый, интеллигентный по культуре речи и даже интеллигентно заикающийся чуть-чуть. Прежде чем сделать заключение после очень тщательного, отнюдь не формального осмотра, присел за стол, помолчал и, по-видимому, собрался не столько с мыслями, сколько со словами, в каких подать мне свои выводы.

Не было, как мне кажется, ни стремления напугать, ни обойтись поверхностно-утешительными формулами.

— Вы услышите от меня слова, которые вы, наверное, уже слышали, — никаких открытий я не делаю. — Но картина была серьезна и легла она на не покидающее меня последние годы, особенно месяцы, ощущение возраста. Более всего он подчеркнул легочное: эмфизема, склеротические явления. Вкупе с сердцем это создает недостаточность и все вытекающие последствия. Он не отнес это за счет курения целиком, но, конечно, и т.д. Осмотрел ноги, вернее, сказал, что левая хуже, но, в целом, «эндоартериит» (?) облитерирующий нашел в начальной лишь стадии. Сказал еще о «малом круге» — этого я не совсем понял, но, кажется, о желудочно-кишечных делах. Предложил колоться (зуфиллин и еще что-то) ежедневно с 1 ч. до 2 ч. у Марьи Ивановны, вчера уже сделавшей мне эту инъекцию в присутствии обоих врачей, — врачу при этом положено быть — и еще принять какие-то уколы. Словом...

День вчера уже ломался, с вечера пошел дождь и развернулся в грозу, шел всю ночь и сейчас (5 ч.) загустел, усилился, шумит мощным то нарастающим, то чуть стихающим шумом, слышен и гром. Мне-то ничего, а М.И. будет переживать это дело как потерю. Уже неделю здесь, а было лишь два добрых дня — наилучший позавчерашний, но и вчера

еще хорошо было купаться, хоть и была волна и выход из моря был чуть затруднен. —

Как всегда, что ни читаешь, находишь, что наиболее занимает тебя в данное время.

«В каких только странах на свете не производил опустошений крестоносный меч сбитого с толку странствующего рыцаря... Сражаясь под знаменами религии, освобождавшей его от подчинения законам справедливости и человеколюбия, он не проявлял ни той, ни другого, безжалостно попирал их ногами, не внемля крикам несчастных и не зная сострадания к их бедствиям».

«Страшный предрассудок, что может существовать религия без милосердия».

(Стерн «Шенди».)

Рассказ Шинкубы, как он ехал в Москву с письмом о берианских бесчинствах в Абхазии и как в вагон вошел офицер-кабардинец, грудь в орденах, и стал кричать и рыдать: за что он воевал, если, приехав домой, не застал матери и др. родных, увезенных куда-то в порядке «мероприятия», продиктованного «верховным письмом». И как он, Шинкуба, боялся, что это провокатор и что ему нужно подобраться к письму. —

Из московских кроков

Полночь в мое городское окно
Входит с ночными дарами.
Позднее небо полным-полно
Скученных звезд мирами.

Мне еще в детстве, бывало, в ночном
Где-нибудь в дедовском поле
Скопища эти холодным огнем
Точно бы в темя кололи.

Сладкой бессонницей юность мою
Звездное небо томило.
Где бы я ни был, казалось, стою
В центре вселенского мира.

В зрелости так не тревожат меня
Космоса дальние светлы,
Как муравьиная злая возня
Маленькой нашей планеты²⁷⁷.

Здесь (сегодня) написаны две вторые строфы — еще не совсем. —

Вчера не пришлось купаться. Вечером, гуляя, нашел тот закоулок, каким первый раз ходил вырезать палку, а потом дважды и трижды не мог напасть на него, все забирал левее. Нашел, и было так приятно, как будто вспомнил наконец то, что мучительно вспоминал, как это бывает теперь со мной: имя, дату, название книги — вспомнил, никого не спрашивая и не заглядывая никуда. —

Вчера что-то набрасывалось:

Там уйма войск, хоть нет войны,
И впредь до заварушки
Молчат стволы, зачехлены,
Недвижны все игрушки.

Хоть нет войны, но есть мокреть
И непогодь собачья.
И столько войск укрыть, согреть
И накормить — задача.

Хоть нет боев, но служба есть,
И без войны не сладко
С поста продрогшему залезть
В промокшую палатку²⁷⁸.

Вчера в библиотеке. — Вы и есть Твардовский? — Говорят. — А тут вас приходили смотреть.

Взял 9—10-й тома Т.Манна, читанные ранее²⁷⁹. В речи на юбилее напал на чудесное место, которое, кажется, выписывал уже в тетрадку:

«Прижизненная слава — вещь очень сомнительная... Никто из нас не знает, как и в каком ранге предстанет он перед потомством, перед временем. Но если бы мне было позволено мечтать о посмертной славе для моего творчества, мне бы хотелось, чтобы о нем сказали: оно было обращено к жизни, хотя и знало смерть; — да, оно соприкасается со смертью, оно хорошо знает смерть, но любит жизнь. Есть два вида любви к жизни: одна ничего не знает о смерти; это незатейливая, грубоватая любовь; и другая, та, которая хорошо ее знает; только эта любовь, как мне кажется, обладает настоящей духовной ценностью. И это та любовь к жизни, которую ведают художники, поэты и писатели».

У Достоевского (взял I том «Карамазовых», чтобы перечить про инквизитора, но начал со встречи у Зосимы и влип) есть нарушения элементарных законов повествования, когда вдруг дается черта внутренней жизни персонажа, которого

мы впервые видим и постигаем глазами основного, с кем мы уже наравне.

«Она, может быть, слишком наивна!» — промелькнуло надеждой в сердце Катерины Ивановны (свидание с Грушенькой). — И это не один случай.

День веселеет, звонил Шинкуба насчет поездки в Пицунду. Вчера заходил Искандерс сотрудником «Сов <етской> Абхазии», забыл его фамилию, бравшим у меня в 66-м г. интервью. Фазиль вечером должен был улететь в Москву, жаль: с ним можно было бы нырнуть куда-нибудь в гущу народа.

20.X. «Сухуми»

Брал с собой тетрадку в Пицунду, но записать ничего, конечно, не записал, некогда было за угощением и общением с абхазской администрацией интуристских корпусов на опушке этой дивной рощи. Зато читал под воздействием «Изабеллы» — Баграту одному — главы и всем вместе — остальное, т.е. «Зап<исную> кн<ижку>». «Сыном-отцом» Баграт был, кажется, вполне искренне тронут²⁸⁰.

По дороге оттуда или еще там стали проситься в стихи — большие или малые — о том, «как в горы сын пришел с войны, грудь в орденах и ранах, и не застал родную мать, что увезли в изгнание», и о том, как шофер-парнишка из работавших «на задании» сказал, что пусть бы уж одних мужчин, а женщин и детишек со стариками не нужно бы, и был назавтра расстрелян перед строем как изменник Родины. Первое — по рассказу Баграта, второе — Шустера Ин. Ник.²⁸¹ И это должно бы сложиться вместе, как некая баллада на тему о «верховном гневе». «Две были». Это могло бы потом составить некий антисталинистский цикл, уже отдельный от «Далей». И чисто головным образом предполагается к этому циклу еще нечто о Ленине в его антисталинистской сущности. Перечитать Драбкину²⁸². Где-то нужно изъясниться в том смысле, что от сталинистской темы, не высказав ее до конца, нам никуда не деться всем —

Чья зрелость, юность или детство

При нем прошли.

Наш долг предупредить потомков.

Вспомнил еще из рассказа Шинкубы со слов врачихи, что на голове у Сталина были только от самого лба волосенки кромкой, а там голый череп — землистого цвета плешь.

Новая Пицунда не так дурна, как можно было предположить. Первое замечательное впечатление — никаких следов недавней стройки, какие и в городах остаются обычно долго еще после заселения домов, — ни ям, ни битого кирпича, ни досок от опалубок, покореженных плит, панелей и т.п. Газонозная травка обтекает дорожки — бетонные и плиточные, ни щепочки, ни камешка, как будто эти щегольски-модерновые и правда красивые четырнадцатизэтажки стоят здесь давным-давно. И внутри все хорошо, кроме очень уж старательно модернизированной мебели — низкие столики, креслица и т.д. По фасаду — широченная набережная с крупногалечным пляжем, чудесное море байкальской чистоты, а сзади, хотя, строго говоря, нет «задов», — этот древний, мрачноватый в своей древности сосновый бор, который старше этих зданий по крайней мере на 10 тыс. лет, т.е. 10 тыс. лет назад такая сосна уже повсеместно на земле кончила свой век. — Бедный Шинкуба в тостах всячески старается «примирить» эту модерновую многоэтажность с идеей «древней абхазской земли».

22.X. Сухуми

«Договор» в газетах. «Расходы по содержанию войск СССР принимает на себя». И то хлеб. Как-то успокоилась душа: все же это не оккупация в подлинном смысле — оккупация за свой счет. — Насколько лучше было бы Договору предшествовать введению войск, и этого, раз уж сочли необходимым, можно было добиться путем переговоров. Сейчас это никак не победа: помимо материальных затрат, все многообразные моральные убытки остаются таковыми. «Не-профессионально»²⁸³. —

Как недалеко еще живая память войны. Седых и лысых — большинство, и большинство из них — б<ывшие> фронтовики. Медсестры Мария Ивановна и Анна Ивановна. Первая вступила в войну на Западном. — В медсанбате? — Нет, я была в полку.

— А я на «дороге жизни» полторы зимы.

Чтобы сказать им приятное, удивился, что они успели побывать на войне — так еще молоды.

Марья Ивановна:

— Что вы, я вся седая уже. Анна Ивановна красится.

— А вам что мешает?

— Дочка не позволяет.

Отвоевались, на войне вышли замуж (у М<арии> И<вановны> муж политраблотник, на пенсии). Скорее всего

они были не первыми женами своих мужей, обе еще и сейчас милovidны, особенно М<ария> И<вановна>.

Иногда замысел может долго-долго вызреть, доходить в голове, но иногда бесконечное откладывание переложения его на бумагу ведет к его увяданию. Вряд ли смогу написать *рассказ* в полном смысле жанра на какой уже давности замысел «Дома на буксире» (заглавие плохое). Вчера подумал, что нужно разыскать в тетрадках запись этого дела и с нее начать в необязательности жанра, присовокупить к этой давней записи все, что помню и что додумал, как бы нечто для «Дн<евника> писателя». Это еще возможно, а «чисто художественное» — нет²⁸⁴. —

Абхазцы, рассказывает Шинкуба, не смирились с покорением Кавказа, и в 64-м г., кажется, начали восстание в Гудаутах, где порубили полковника со 150 казаками, прибывшего наводить порядок. Пошли на Сухуми и заняли город. Были жестоко подавлены, и с тех пор до 1905 г. были, как он выразился по-русски, «виновными», т.е. как бы вне закона: абхаза можно было застрелить безнаказанно²⁸⁵. В Первую мировую при сформировании «дикой дивизии» в ней был абхазский полк, по словам Шинкубы, показавший себя в боях на редкость.

«Реабилитация» после 1905 г. была не следствием «свобод», а неучастия Абхазии в волнениях, захвативших другие народы Кавказа.

Пошли вчера на «Щит и меч». Не части, а «фильм первый», «фильм второй». Такой дряни давно не видел. Первым сеансом был так раздражен, что уж должен был пойти на второй, загубить вечер, чтобы убедиться или разубедиться. Ничего не страшно, никого не жалко. Длинно, пустоутробно. Авторы, ввиду секретности действий героя, скрывают и от зрителя, чем он, собственно, занимается²⁸⁶.

24.X. Четверг, Сухуми

Захолодало, задождило — юг не мил. Последним удовольствием было утреннее купание в Пицунде. Здесь — это уже процедура, которую отбываешь, — вчера уже купался только утром, после этого не мог согреться в нетопленном «люксе», поехали с Машей на рынок искать что-нибудь теплое — свитер, ватник, ничего не нашли, только день разбился. Приуныл, относя это за счет «комнатного холода». Вечером вышел погулять — за воротами город шумный и вонючий, прошел вдоль шоссе в сторону того дома отдыха в Ботаниче-

ском саду, не дошел, вернулся. Пошел за билетами в кино, выпил стакан портвейна в санаторном киоске; после ужина и в кино не пошел — предпочел «Карамазовых» — как раз «Великого инквизитора». Маша вернулась, говорит — дрянь венгерская про артистов цирка. С таким настроением и за-лег.

А утром стало наконец совсем ясно, что настроение не только и не столько от холода, сколько от Главы. Пицундское чтение, подогретое «Изабеллой», было тем последним чтением, когда уже делаешь это «мобилизуясь», преодолевая какое-то торможение внутри, и теперь уже ясно, что в этом виде больше никому не стану читать. И — хорошо.

«Глава» в голове отчетливо распадается по кр<айней> мере на две плохо смыкающиеся части — «кулацкую» и обще-антикультурную. Всегда что-то беспокоило в этой «стыковке» — нельзя. Глава явно округляется, так сказать, в теме «семейной» и должна завершиться именно этим мотивом, что не ответчик он за сына и за дочь. М.б., еще попробовать сделать семейную фотографию — Он (отец), мать, сыновья и дочь. И все их судьбы. Что-то здесь может быть.

А из вступительных и завершающих строф, развив их, сложить как бы вступление²⁸⁷.

Читал Уоррена в № 7 «Вся королевская рать». Поначалу очень понравилось энергией изложения и большой выразительностью отвержения «мира сего». Вторую часть читал в верстке. Там ужасная мамочка. Не первый ли случай в лит<ерату>ре, когда так о матери — сын?²⁸⁸ —

Найти в Евангелии цитату, соответствующую смыслу «Покинь отца и мать покинь», и, м.б., поставить эпиграфом к «Сыну-отцу»²⁸⁹.

М<жду> пр<очим>, замечал это и раньше, например, в наших изданиях Бунина, а теперь увидел в «Бр<атях> Карамазовых» — какая дикость заменять у классиков их написание слов Бог и соотв<етствующих> местоимений с прописной — строчной. В одном месте даже смысл обрывается из-за этого, когда вместо «к Нему» — «к нему». Это не что иное, как попрание, стремление попать чисто внешние привилегии свергнутой религии, принизить ее во славу другой религии. Точь-в-точь как при замещении Эхнатонам знаков величия Амона знаками величия Атона (?) и вслед за тем — обратные меропрятия²⁹⁰.

25.X. Сухуми

Отделил в большой главе «частное» от «общего», и ясно по крайней мере то, что обратно не вернусь, даже рад, что не напечатал «Главу» в таком виде, — жалею даже, что в таком виде она есть у Македонова. Теперь все это не будет называться главами «Далей» — впрочем, это еще не окончательно. Так ли сляк, это некий шаг, и на том спасибо Сухуми. Кстати, сегодня затопили — батареи хоть чуть-чуть да тепленькие — уже жизнь.

Вчера пришел наконец пакет с версткой послесловия²⁹¹, когда я уже позвонил от Акобы Нури Реджабовича — чудесного абхазца, пред<седателя> Ком<итета> Нар<одного> контроля — позвонил, что пусть, мол, сверят хорошенько с оригиналом и все. Поехал вновь звонить, никак не мог долго, кое-как дозвонился уже в седьмом часу (там у них было собрание), прочел С<офье> Х<анановне> мои поправки — слава тебе, господи.

Вечером были у художницы Бубновой Варвары Дмитриевны, о кот<орой> только знал со слов Т.Аршбы («Сов. Абхазия»), что она прожила лет 30 в Японии. Живопись, во всяком случае, незаурядная, а сама — девчонка с седой челкой (лет ей 70 — не меньше), чем-то напоминающая киноактрису Мазину²⁹².

Море сегодня было на редкость чистое, но похолоднее, м.б., потому, что выглянуло солнышко. Машин протезик зубной нашелся — деталь скелета моей жены (ее выражение). Надписал Акобе Тёркина детгизовского, а второй раз поехал, надписал — по принадлежности — «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>».

27.X. Сухуми

Нанизываются без особого напряжения старые строфы попеременно с новыми на некую нить вступления-заявки к тому, что пойдет потом, т.е. «Сын за отца [не отвечает]», «Сеновал» и что бог даст. — К ленинской теме вспоминается чей-то рассказ о грибах в горкинском парке.

Вчерашняя церемония захоронения праха поэта (имени его не расслышал и не запомнил) на площадке Пантеона на горе над городом, перевезенного сюда с гор, вопреки («согласилась») воле матери покойного. Условный, безобразно укороченный, лакированный под пошлый «орех» гроб (как полуванна сидячая в некоторых новых домах и гостиничных номерах). И бетонная квадратная могила в метр, не более, глу-

биной. Высшие власти в щегольских остроносых ботинках, предельно укороченных плащах и шляпах (увы, модники: Западноситуже широконосые ботинки и не носит шляп). Тарба, делающий у гроба распорядительские жесты²⁹³. Приглашение к столу, отклоненное мною по подсказке Шинкубы.

Милый Шинкуба. Я воздержался до конца от выражения моих взглядов на подобные мероприятия без особой нужды. И потом, когда мы уже сидели в представительском «поплавке» за «чашкой кофе», вдруг оказалось, что он тех же взглядов, что это ограбление сельского кладбища и что на это ловко намекнул выступавший у гроба высокий старик в черкеске и при кинжале, как бы от имени матери покойного заявивший что-то вроде того, что раз он здесь вам нужнее, мать уступает.

Хорошо с ним поговорили. Он впервые, пожалуй, сделал мне такие лестные признания, которые, даже отмыслив их тостовую гиперболистику, показывают и подтверждают, что меня не спутывают ни с кем и отдают должное «НМ» в полном объеме.

Прочел т. 9-й Достоевского, части I—III «Братьев Карамазовых». В который раз делаю заключения, что с годами нужно читать все меньше счетов книг и гл<авным> образом перечитывать. Или прочитывать те великие книги, которые «прошел» понаслышке, но их, собственно, не читал.

Т. Манн. «Достоевский — но в меру»:

«Болезнь!.. Да ведь дело прежде всего в том, кто болен, кто безумен, кто поражен эпилепсией или разбит параличом — средний дурак, у которого болезнь лишена духовного и культурного аспекта, или человек масштаба Ницше, Достоевского...

...Жизнь — не разборчивая невеста, и ей глубоко чуждо какое-либо нравственное различие между болезнью и здоровьем. Она овладевает плодом болезни, поглощает его, переваривает, и, едва она усвоит этот плод, как раз он-то и становится здоровьем. Целая орда, целое поколение восприимчивых и несокрушимо здоровых юнцов набрасывается на создание больного гения... восхищается им, восхваляет его, уносит с собой, делает достоянием культуры, которая жива не единым домашним хлебом здоровья...»²⁹⁴

4 ч. 29.X.68. Сухуми

Совершенно ясно, что несобранность и растянутасть «большой главы» происходит, между прочим, оттого, что в ней «мысль семейная», наиболее для меня личная и наиболее запретная «в свете» неосталинистских подчеркиваний спаси-

тельной «классовости», осложнена у меня другими аспектами «культовой темы». Оставим как есть порядочную рассудочность изложения по разрядам: собственно кулацкой судьбы «сына» и мнимо кулацкой. Но «кулацкая», т<ак> ск<азать>, локальная тема не должна быть основанием общих выводов, какие приторочены к ней. И в нынешней попытке включить во «вступление» кое-что из прежнего завершения очевидна принужденность. Так, «вздых особый» — особая статья, м.б., отдельный мотив, насильно подмонтированный здесь в видах превращения вступления и по объему в некую главку — не нужно. Здесь вся «связь» в том только, что впереди сказано о Ленине, — в другом плане и смысле²⁹⁵.

Словом, покамест что «движение» главы обозначается ее распадением на части и куски, пригнанные формально, по слабости: еще и еще о том-то и о том-то, а не в силу необходимого развития мысли. И то — хлеб. —

Вчерашний звонок (два) Лакшина по поводу послесловия. Он прав: место насчет телеграммы — просьбы Сталина действительно может вызвать двоякие противоположные претензии. Меня оно, это место, недаром тревожило²⁹⁶. С облегчением согласился на изъятие этого места — потом подробнее об этом. —

*Того же дня**:

1.XI.68. Сухуми

Стало ясно, что все со строк о боли и до конца — другая тема, вступление должно быть менее конкретным и менее логичным. А там должна развиться, м.б., главная тема цикла — Ленин—Сталин, где будет сказано и о годовщине, кот<орая> стремится представить Ленина в парадном чине, привлечь его для утверждения всего, что ему явно было бы не по душе и очевидно противоречит его учению. И о том, что ныне

Клянутся Лениным иные,
Имея Сталина в виду.

Основная мысль — Ленин должен быть избавлен от тени Сталина, быть с Лениным означает полностью покончить с противоестественным сближением этих фигур.

До сих пор писалось все в пределах мыслимой, хотя бы минимальной возможности опубликования. Теперь — свобода от этой надежды, тлетворной для поэзии в нынешних условиях. — Посмотрим, насколько хватит меня.

* Далее записан вариант гл. 3 поэмы «По праву памяти» — «О памяти».

Записать:

Достоевский

Статьи Блока.

«Письмо» в «ЛГ» (еще не видел)²⁹⁷.

Осталось два раза искупаться утречком — не столько из потребности, хотя из нее, сколько из тщеславия. —

Предстоит ненужный и обязывающий обед с Тарбой и его соруководителями абх<азской> лит<ерату>ры (58 членов!).

1. XI

Напрасно думают, что память
Не дорожит сама собой,

Что ряской времени затянет
Любую боль,
Любую боль.

Что не свернет с пути планета,
Годам и дням ведя отсчет,
И что не взыщется с поэта,
Когда за призраком запрета
Смолчит про то, что душу жжет...

Нет, все былые недомолвки
Домолвить нынче долг велит.
Пытливой дочке-комсомолке
Поди сошлись на свой главлит.

Втолкуй, зачем и чья опека
К статье особой отнесла
Неназываемого века
Зловещей памяти дела.

Уже тот век не безответен,
Он так ли, сяк ли распечат,
Он приоткрыт отцам и детям
И настежь будет для внучат.

Кто говорит, что вредно людям
Страницы горькие прочесть?
Не их ли доблести убудет,
Не их ли вдруг поблекнет честь?

Или о прошлом вслух поведав,
Мы тем порадуем врага,
Что за свои платить победы
Случалось нам втридорога.

Но прахом прах — его злословье,
Иль все, чем в мире мы сильны,
Со всей возвращенной нами новью,
И потом политой и кровью,
Уже не стоит той цены?

Равно важны в цепи все звенья,
Все живы дни в грядущем дне.
И что велят предать забвенью,
То людям памятной вдвойне.

Не голос памяти правдивой —
Таит забывчивость беду:
Кто прячет прошлое ревниво,
Тот вряд ли с будущим в ладу.

Мне поздно думать об отсрочке,
Свою откладывая речь.
Года велят без проволоочки
Немую боль в слова облечь.
Гора бы с плеч! —

3.XI.68. «Сухуми». День отъезда

Вчера утро было выходное в смысле стола — после тарбинской встречи, но хорошо тем, что удержался от сильного позыва прогуляться, правда, не то чтобы усилием воли, а просто отвлечением — читал Блока-критика, впервые здесь открытого мною. — Вечером встреча Симонова в аэропорту и угощение у Шинкубы.

Сегодня и бог велел не браться за дело — мысленно я уже там, дома. Последний раз искупались — свежевато, но хорошо.

Итоги месяца — почти никакие, но важно очень, что «Глава» обломалась по краям.

16.XII.68

Этими днями, готовя материал о Д.Диденко по просьбе ребят из школы, где Герой учился когда-то, и автокомментарий к «Я убит подо Ржевом» по настоянию «Костра»²⁹⁸, листал тетрадки и попал, между прочим, на запись, восстанавливающую, как вчерашний день, в памяти прискорбные обстоятельства дня, которому уже четверть века. Это было, когда я жил со стариками на Запольной, а поезд наш стоял в Колодне. Ездили, помню, с Тим<офеем> Вас<ильевичем> к гостям нашего фронта из Узбекистана (?), привезшим много вина, легкого при питье, но коварного в последствиях²⁹⁹.

«Третьего дня в результате глупейшей и пошлейшей попойки в беспамятстве разбил лицо, нос, лоб — так что невозможно показаться на люди. Кажется, что это недвусмысленный подсказ: кончай. Все дурное, пошлое, вредное, нечистое, что бывало со мной, все, что мешает мне быть достойно, — от пьянства, распущенности, если не алкоголизма. Кончать нужно бесповоротно, без громких зарок, тихо и серьезно. Может быть, еще не поздно мне очиститься и возродиться. Если даже поздно, пить для меня слишком дорого стоит в смысле душевных расплат. Рубец, что у меня останется на лбу (и на носу — для пущей памятности!), будет мне ежедневно напоминать о моем решении. Если я сковырнусь вновь, это уже будет безнадежно».

Вон, оказывается, когда я уже знал цену этому делу, понимал масштабы беды.

Но, боже мой, с этой бедой, то порывая с ней ненадолго, то вновь смыкаясь с ней, я прожил еще 25 лет. И написал огромное количество строк и страниц и перечитал штабеля чужих рукописей — и не просто перечитал! — и целые полки печатных книг и т.д.

Можно подумать, что если бы я не пил, то сделал бы еще больше и лучше во много раз, но я знаю, что это не так, и тут уже ничего не попишешь. Сложился такой ужасный ритм приливов и отливов, когда вслед за беспамятством, бездельем и пустоутробием «вождения медведя» и вслед за мучительным «переходным периодом» наступал всегда большой душевный подъем, упоение трезвостью, ясностью, возродившейся силой. Только с годами «переход» становился все труднее и труднее.

Ни одной строки я не написал во хмелю, читать (печатные книги) случалось (иногда и рукописи, но не править!).

Лидия Дм. [Морозова], без которой на этот, последний раз не обошлось (т.е. обошлось уже, но я уже больше для Маши согласился), понуждавшая меня лечь в больницу и указывавшая на множество болезней, сказала, когда я сказал, что все это ерунда, только нельзя мне пить ни капли:

— Ну уж от этого вы уже вряд ли освободитесь... —

Думаю, что настал-таки срок, когда дело уже не в моей решимости освободиться, а в страхе перед теми утренними муками, когда одинаково ужасны и жизнь, и смерть. —

Странное удовлетворение испытываю, переписав эту 25-летней давности запись в нынешнюю тетрадку.

Ясность. —

11 декабря послал Солженицыну телеграмму от себя:

«Примите, дорогой друг, мои сердечные поздравления по случаю нынешней даты. Живите еще пятьдесят, не теряя прекрасной неутомимости вашего таланта. Все минется, только правда останется. Поклон мой Наталье Алексеевне. Обнимаю вас.

Всегда ваш Твардовский». —

Приезжаю в редакцию — нарастающий ворох телеграмм ему, среди них такие, как академика ПонTRYгина: «Поздравляю великого русского писателя». Это тот самый ПонTRYгин, который своей репликой Храпченке насчет моей кандидатуры, вслед за мной, спущенным под лед на Отделении, спустил туда же и Леонида Максимовича [Леонова]³⁰⁰. —

12 декабря С<офья> Х<анановна> показывает мне новый солженицынский документ, достойный занесения для сохранности в тетрадку.

«В редакцию “Литературной Газеты”.

Копии: журнал “Новый мир” — Рязанская писательская организация.

Я знаю, что Ваша газета не напечатает единой моей строки, не придав ей искажительного или порочного смысла. Но у меня нет другого выхода ответить моим многочисленным поздравителям иначе, как посредством Вас:

“Читателей и писателей, приславших поздравления и пожелания к моему 50-летию, я с волнением благодарю. Я обещаю им никогда не изменить истине. Моя единственная мечта — оказаться достойным надежд читающей России”.

Рязань. 12.12.68.

Солженицын».

— Лучше бы я этого не читал, — с сокрушением сказал Е.Дорош, возвращая мне этот документ, и справедливо заметил, что беда в том, что страшнее всего быть смешным.

Я послал было С.Х. вдогонку за Вероникой [Туркиной-Штейн], принесшей только что этот документ, и она еще застала ее там, «у Аси» [Берзер], но оказалось, что письмо она уже отнесла в «Литгазету». — Всегда так: сперва сделает что-нибудь глупое, а потом уведомит. Беда бедующая!³⁰¹

17. XII. П<ахра>

Поехал к Воронкову с двумя архиконкретными вопросами: Буртин и Солженицын.

Встретил — точно он давно ждал-поджидал меня:

— Тоня, чайку, и пусть нас никто не беспокоит.

Оба вопроса — я их поставил под конец беседы — разрешились мгновенно.

— Если квартира есть (для Буртина), то прописку я гарантирую.

И насчет Солженицына.

— Ведь покамест мы его из Союза не исключили, мы не можем не иметь в виду, что ему, как вы, К.В., выразились однажды, нужно кусать. Кусать ему уже нечего. Мы имеем формальное право выплатить ему до 50 проц<ентов> как за непошедшее по независящим... Но не устройте вы (Секретариат) нам скандал?

— Не устройм, если знать не будем.

— Так вы не знайте.

— Хорошо.

— Спасибо. —

— Вам, А.Т., необходимо напомнить генеральному о своей просьбе о приеме.

— Но ведь все это время я не считал возможным напоминаться, зная, что ему не до меня, и вряд ли и сейчас еще пора.

— Нет, пожалуй, уже пора, и ее пропускать нельзя. Это необходимо. Когда я говорил, что хотел бы с вами встретиться, я имел в виду сказать вам, что положение очень серьезное — вашей крови хотят некоторые там.

— Там — наверху?

— Да. Это для меня было ясно. И я придумал для выведения вас из-под удара некоторый маневр: взять вас сюда, к нам, назначить председателем какой-то комиссии и дать в печати, что в связи с переходом на эту работу удовлетворится ваша просьба об освобождении от обязанностей главного редактора «НМ».

Слушаю, молчу, хотя, кажется, сказал, что не могу вообразить себе, что за комиссию могли бы они мне предложить.

— Потом кризис как будто миновал, но стремление развязаться с вами не утасло отнюдь. (Шауро: «Он (то есть я) окружил себя разными...»)

— Константин Александрович [Федин] занял резкорешительную позицию. Когда я навестил его в больнице (или в Барвихе) и сказал, как же будет с Александром Триф<оновичем>, если его снимут, он приподнялся на кровати и заявил: «Это значит снимут и меня. Я — не Шолохов. Разве вы можете себе представить, что я останусь членом редколлегии при другом редакторе?»³⁰² И т.п.

— Он показывал вам с Марковым мое письмо? (О том, что оно передавалось по радио и опубликовано уже — по кр<айней> мере в некоей «Русской мысли», о чем мне пишет некий Сионский из Парижа, молчу.)

— Нет. Он все говорил, что покажет, когда у него будет готов и ответ. («Я так виноват перед А.Т., что не ответил ему до сих пор, но его письмо такое умное, что на него нужно ответить соотв<етствующим> образом».)

— Ничего там (в ЧССР) не кончается... Экономические вопросы так ли, сяк ли легче решить, вся острота сейчас в идеологических...

Мы послали чехословацким писателям приглашение на Тургеневские торжества. Они ответили телеграммой, что их ответ на приглашение придет тотчас после того, как мы принесем извинение за статью о Гольдштюкере³⁰³. Так же они ответили и Будапешту на приглашение принять участие в совещании руководителей Союзов писателей соц<иалистических> стран: приедем, когда Союз писателей СССР принесет извинения...

— Вам нужно, нужно, А.Т., быть принятым. Это снимет то напряжение, которое...

Что нужно, то нужно. Иначе, особенно учитывая мое «неподписанство», может сложиться представление, что я уже сам не захотел встречи. И это будет черной тучей висеть над журналом и надо мной самим.

Тяжело? Неохота? Еще бы нет. Но — надо. Пусть мне будет отказано, но я буду знать, что шел до конца. Иначе — изведет эта неопределенность положения, ожидание того-сего, неизвестно чего. —

Из прошлогдней строфы:

Отгремели по дымным оврагам
Торопливые воды весны.
И пошла она сбавленным шагом
В междуречье Пахры и Десны.

Где прямою дорогой, где кружной
Вдоль шоссе, по закрайкам полей.
И помятые, потные, дружно
Зеленя выпрямлялись за ней...³⁰⁴

Маркс, Энгельс, Ленин, знать бы вам,
В каком хранят вас чине,
Каким ученым головам
Мы вас препоручили.

Вам вкупе слава и почет.
И врозь, поодиночке,
А все наследство — на учет
И под контроль до строчки³⁰⁵.

18.XII.68

Вчера из предыдущей тетради:

Время, скорое на расправу
В меру дней своих скоростных,
Власть иную, иную славу
Упраздняет — и крест на них.

Время даже их след изгладит
Скоростным своим утюжком.
И оно же не в силах сладить
С чем — подумаешь! — со стишком.

Уж оно его так и этак
Норовит забвенью предать,
Сделать вид, что его, мол, нету,
Да и не было...

Глядь-поглядь —
За каким-то минучим сроком —
И у времени с языка
Вдруг срывается ненароком
Из того же стишка —
Строка³⁰⁶.

Вчера же — из летнего «крока»:

Как зацветет иван-чай, —
С этого самого цвета —
Раннее лето, прощай,
Здравствуй, полдневное лето.

Липа в ночной полумгле
Светит густой позолотой,
Дышит — как будто в дупле
Скрыты горячие соты.

От перестоя трава
Никнет в сухом опереньи.
Как жестяная, мертва
Темная зелень сирени.

Где-то уже позади
День на июньской заставе.
И не впервые дожди
В теплой листве шепелявят.

Не пропускай, отмечай
Снова и снова на свете
Легкую эту печаль,
Убыли-прибыли эти.

Все их приветствуй с утра
Или под вечер с устатку...

Здравствуй, любая пора,
И проходи по порядку³⁰⁷. —

Глубокоуважаемый Леонид Ильич!

Все это время, прошедшее со дня, когда Вы так внимательно отнеслись к моей просьбе о приеме, я не считал возможным напоминать о себе, понимая, что в напряжении политических событий Вам было не до литературных собеседований.

Теперь мне кажется, — возможно, я ошибаюсь, — что я могу вновь просить Вас принять меня, тем более что все то, с чем я хотел прийти к Вам, отнюдь не утратило своей ответственности, — скорее наоборот.

С глубоким уважением —
Ваш А.Твардовский³⁰⁸.

19.XII.68

Преодолевая без особого труда противительные эмоции, поехал вчера на вертушку, позвонил. Ответил один из помощников — фамилию хоть и переспросил, не запомнил, вроде бы Бритич, — но он был один из тех, с кем я говорил в период моих интенсивных напоминаний. На просьбу об одолжении с готовностью отозвался: — Пожалуйста. — Тогда позвоните, пожал<уйста>, на подъезд, я сейчас заеду. — Позвоню, позвоню.

Пропуск на подъезде был. На площадке пятого этажа офицер охраны уже назвал меня по фамилии. Передавая помощнику пакет, говорю:

— Вы ознакомьтесь (конверт был не заклеен).

— Зачем же, — возразил он, как бы отменяя саму возможность предположения, что в письме может быть что-нибудь — бог его знает что.

— Я просто хотел напомнить Л<еониду> И<льичу> о себе, — все это время считал неудобным и напоминать.

— Да, да, знаете, все это время он — ни дня, ни ночи. И отпуск — какой уж там отпуск.

Было их там двое, и оба, когда я вошел, — один стоя (мой), другой сидя, — управлялись с дюжиной разноцветных телефонов на столе по левую руку от письменного.

Совершив деяние, требовавшее все же некоторой собранности и напряжения, повеселел. Чуть-чуть беспокоило, что письмо от руки, а не на машинке, и это, как известно в интеллигентном обиходе, хорошо, но известно ли это Л.И. и его помощникам — не знаю.

В редакции меня ждали Маруся и Надя, уже побывавшие там накануне без звонка, без письма, что меня раздражало и огорчало: обычная манера родни — явочным порядком. Горестный рассказ об Анне [Трифоновне]. Принял решение устроить ее где-нибудь в Москве. [...] Дал Марусе денег за декабрь и январь, подарил собрание сочинений — повеселела. Напоил их чаем, удержался от излишних назиданий насчет «явочности».

Потом был Солженицын. Еще днем его встретила Софья Хванановна на улице.

— А.Т., не ругайте вы его за письмо в «ЛГ». Он такой жалкий, потерянный...

Я не ругал, но все же сказал (не сказал, что письмо его — или копия — уже было на столе у Воронкова, а значит, и на всех соответствующих столах).

В ответ он понес что-то неразборчивое, поспешное.

— Если бы со мной не поступали через ж...

Он еще не вынырнул из-под той волны приветствий, которая обрушилась на него, хоть и держал фасон на словах, что 12.XII он уже должен работать.

— 11.XII пришло (в Рязань) 350 телеграмм и с полсотни писем, всего подписей до 900. Все больше студенческие. Без слез читать нельзя.

Еще, кажется, на «НМ» пришло свыше сотни посланий. Воронков говорил мне, что и на Союз пришло мно-о-го. (Они, кажется, не собираются их передавать адресату — займусь потом.)

Перед Солженицыным обсудили вопрос о доплате ему до 50%. Решили делать это, во всяком случае, в январе — сейчас и денег нет ни копейки, и, м.б., к тому времени я буду принят, а тогда все станет яснее в ту или иную сторону. Так, примерно, я ему и сказал, только забыл сказать, чтобы он формально написал нам письмо. Но он еще будет в конце января. Обещал дать и почитать («Много могу дать»).

Сценарий я ему вернул: — Посадить вас нужно, говорю, нечего с вами больше делать. —

Посмеялись.

В лакшинской длинной комнате ждали меня за столом гости венгерские: переводчик «Далей» Михай Ваца и его жена, совсем прилично говорящая по-русски, Марика. —

Заказал С<офье> Х<анановне> не оставлять поста без подмены и в случае чего звонить мне через Верейского.

Стишки (весна, лето и «стишок») всем понравились, и они были вмонтированы в верстку цикла — он стал шире, разнообразнее ритмически и тематически.

20. XII. П<ахра>

Просыпался около четырех, пил чай на кухне, курил, поддавался знакомому муторному соблазну подготовки к аудиенции — как все получается доказательно, логично, неопровержимо и все всуе. Потом читал в постели афоризмы В. Ключевского³⁰⁹ и досыпал. — Утро ранне-весеннее, ноль градусов, лужицы, голизна берез вроде бы даже с краснеющими ветвями и елок, обмытых и освеженных. —

Из всех размышлений и предположений о ходе беседы и возможных результатах ее ясно с очевидностью, что главным узелком остается Солженицын. Если предположить, что мои доводы в пользу напечатания «Р<акового> к<орпуса>» даже теперь возымеют успех, то все, в сущности, разрешилось бы — и положение ж<урна>ла, и мой пятый том, и общая атмосфера, и не о чем больше толковать.

Но если для него это имя — жупел, что скорее всего можно предположить, то ничего, в сущности, из беседы не произойдет. Тогда, м.б., мне придется сказать: отпустите. — Но еще он может и просто меня не принять, как не принял самого Шолохова в связи с задержанием его «лагерной» (той самой) главы, которую он давал в «Правду». —

Будь что будет. —

21. XII

Оттуда — ни звука. Примета почти безусловная, что принимать меня не хотят. Если бы по-доброму, то сразу же или на другой день помощник позвонил бы, пусть с неопределенностью (не дай бог!) в том смысле, что, мол, на той неделе или уж вовсе в новом году, но отзвук какой-то должен был донестись.

Ну что ж, я во всяком случае больше не звонарь. Это уже и несолидно, и бесполезно было бы. Теперь лишь та сторона должна отозваться, а нет, так нет — столько в году и убытку. Я доволен, что со своей стороны еще раз постучался — и свободен. — А может, оно и к лучшему, если полагать, что слухи не бывают совсем, начисто безосновательны.

Бухгалтерия Гослита на запрос С<офьи> Х<анановны>, переведены ли мне деньги по договору на однотомник

Всемирной биб<лиоте>ки, ответила, что она не получила еще одобрения рукописи. О каком одобрении может быть речь, если весь однотомник — от строки до строки — составлен (содержание) по собр<анию> соч<инений>, 4 тома которого только что вышли в том же Гослите?

Это все «санкции». —

Ни звука из «Сов. писателя», где лежит расклейка объявленных в плане «Далей» и критики.

Наталья Павловна [Бианки] доложила:

В этом году вся наша розница (около 20 тыс. экземпляров) шла под нож: из-за опозданий свыше двух недель Союзпечать не брала ее, хотя киоски готовы были брать и продавать «НМ» с любым запозданием. Казалось бы — не печатать розницу, не загружать машины, так и то было бы разумнее. Нет, вам дан тираж 140 тыс. — печатайте 140. Но к этому вдобавок оказывается, мы за каждую книжку платим 20 тыс. + 2 тысячи обычного штрафа за опоздание. Т<аким> обр<азом> прибыль (до 200 тыс.), которую мы приносили из года в год, нынче ушла на оплату этого безумия. В перспективе мы уже не сможем вносить «долевое участие» за квартиры и вообще.

Трудно представить, чтобы это восходило к чьей-нибудь указующей воле. Ведь если вспомнить слова Петра Нилыча [Демичева] о том, какие бывают «формы критики», то это тоже «критика». А Демент с уверенностью говорит: указание. Словом, всеми способами: игом цензуры, запрещением подписки в армейские адреса, «политикой» Союзпечати — на удушение.

26. XII. 68. П<ахра>

Наталья Павловна, оказывается, для пущей впечатляемости, как это обычно делают, назвала сумму в старом исчислении. Не 20, а 2 тысячи, но урон от нереализации розницы. Слава богу, что мы хоть не печатаем ее, зная, что Союзпечать не берет. —

Пристойно и мило справили 60-летие Ефима Як. Дороша. —

Какие немисливо разные вещи приходится пропускать через себя в один день, как вчера: логуновская история крестьянского восстания в Сибири, трагедия в десять раз, как он говорит, — да так оно и есть — крупнее антоновщины³¹⁰, и воспоминания Димы Толстого (сына А.Н. Толстого) о безоблачном детстве отцовского дома, где бонна, кухарка, горничная, детская, гостиная так и называются; наглухо закрытый от внешнего советского мира буржуазный мир в единствен-

ном числе, с претензиями, как и полагается буржуазному, на аристократизм. Слово «колхоз» звучит в этом мире единожды: маменька-поэтесса, повязавшись каким-то шарфом, взошла в трамвай (?), и ее окрикнули: «Куда прешь без очереди? Колхоз!» Единственный катаклизм — разрыв «графа» с женой, матерью автора, — с жиру.

Н.Воронов со своим «железнодорожным» детством и отрочеством как раз, пожалуй, ровесник этого сорокапятилетнего Дм<итрия> Алексеича, композитора, являющего собой копию отца (физическую) и пишущего с куда большей профессиональностью, чем тот писатель. Но я предпочитаю того³¹¹. —

Как-то понадобилось, в связи с просьбой ребят одной школы, где когда-то учился Герой Сов<етского> Союза Диденко, заглянуть в финскую тетрадь, вчитался в эти перебеленные по свежей памяти записи той военной зимы, решил опубликовать в «Дн<евнике> писателя». Отдал на машинку С<офье> Х<анановне>, написал и «объяснительную записку» к этой публикации. Немного тревожно: мне-то они дороги, эти записи, потому что за ними поворотный в моей жизни период (зарождение замысла «Тёркина» и вообще), но вдруг другим эти записи покажутся бледными, жидкими³¹². —

Еду в город, гл<авным> обр<азом> ради встречи с психиатром по поводу Анны.

Журнал живет странной жизнью: день прошел — и слава богу. № 11, похоже, не вылезет даже в виде сигнального в этом году.

И несмотря ни на что — 108 т. подписчиков (урон — 3—5 тыс. против прошлого года), может быть, не вопреки, а благодаря санкциям, применяемым к ж<урна>лу. —

27.XII

Подарок вчерашнего дня: «Новый Мир» не только не потерял, но еще приобрел 6 тысяч подписчиков против прошлого года (113—119 тыс.)³¹³. И это при нашем нынешнем беспримерном запоздании с выходом (провинция еще и № 10 не получила), в условиях, когда печать ведет систематическую и широко разветвленную (от «Огонька» до «Сов. России») кампанию по дискредитации журнала, и не только печать!

Конечно, это большая радость, но не стоит думать, что это лишь в силу особых совершенств журнала, вопреки нападкам на него. Тут уж трудно сказать — *вопреки* или *благодаря*. Лишение известной части наших читателей возможности покупать журнал в киосках сделало их подписчиками.

Это, надо полагать, ближайшая причина. Но нельзя не иметь в виду и обстоятельство более общего порядка: падение авторитета печати в глазах известной части общества, когда ее усилия приводят к обратному результату: хвалит (будь это фильм, роман и т.п.) — неинтересно, бранит — стоит поинтересоваться. —

Но так или иначе, при нынешней ситуации не позорно было бы понести и некоторый урон в подписке (мы затаенно мечтали хоть бы не спуститься ниже 100 тысяч!). —

С<офья> Х<анановна> заметила, что отклики на 50-летие Солженицына, хлынувшие было столь бурным потоком, вдруг «как ножом отрезало». А ей привычно, что отклики на то или иное вызвавшее их событие иссякают постепенно, иные приходят с большим запозданием, когда уже и не ждут их. —

Уже не только ясно, что встреча с Л.И.[Брежневым] не состоится, но я уже какой-то частью сознания и не хочу ее: она не могла бы привести к сколько-нибудь существенному результату. Надеяться на изменение отношения к Солженицыну — все равно что предполагать такую перемену в отношении Смрковского³¹⁴, который уже явно намечен к устранению. Впрочем, будь что будет, — я свое сделал. —

Ездил вчера к Мирре Моисеевне Гутпер (по рекомендации И.Френкеля³¹⁵) в Центральный психоприемник, чтобы предварить встречу ее с Анной кое-какими сведениями о последней, которых сама она, пожалуй, не сможет представить. Потом звонил в См<олен>ск Марусе. Анна еще в больнице. Впереди хлопоты трудные и затяжные, м.б., придется поехать за ней в Смоленск. [...]

28.XII.68. П<ахра>

Борман, Андерс, Ловелл прилетели, приводнились — полный порядок, хотя при вхождении в «плотные слои» пылали, как свеча, теряя от жары радиосвязь³¹⁶.

Когда они были еще в полете, страшно было думать, что *многие* у нас безусловно втайне желали их гибели: не мы, так пусть и не они.

Боже мой, мы забываем, что давно объявляли себя представителями человечества, мирового прогресса, во главе которого нам, только нам велела история быть, во главе всего. И мы не умеем порадоваться такому торжеству человеческого разума, воли, величию подвига. Сделай это мы, мы бы утверждали, что только нам это было дано, никому более.

Жалкие детские приемы радио и печати — обойтись минимумом приличия, поставить это сообщение в ряду и после других «важнейших новостей» — о достижениях года или даже об отъезде тов. Катушева куда-то³¹⁷.

И я хотел бы, чтобы этот поистине всемирно-исторический подвиг был совершен моими соотечественниками (и они не хуже американцев могли слетать — не о том речь). Но случись это, подвиг был бы отнесен на счет партии и правительства, хотя и называли бы номинально народ, рабочий класс, научно-техническую мысль. И это послужило бы только утверждению нашей косности, самохвальства и зазнайства.

Вспомнил о своем цикле в № 1. Не стали и он сразу более вчерашним. И вспомнил две строфы, не вошедшие в свое время в «Космонавта», которые даже собирался включить в этот цикл, но забыл, как часто уже забываю то или сё.

Оркестры смолкли, завершились речи,
Парадных флагов свернут стройный фронт
И этот гром неповторимой встречи,
Как гром грозы, ушел за горизонт.

И новый подвиг совершился в мире,
И новый праздник грянул на порог.
Он был еще торжественней и шире,
Он только первым быть уже не мог³¹⁸.

Когда это писалось, имелся в виду Титов Герман. Сейчас в этих довольно посредственных строчках — ни Титова, ни сегодняшних американцев, но вместе и Титов и все последующие торжества, вплоть до нынешнего — настолько, что колеблюсь: вставить или не вставить эти строфы в цикл, т.к. они могут показаться написанными сегодня для смягчения сегодняшнего нашего отставания.

Михалков в «Правде» в архискверных стихах о сыне «дяди Степы» (эпопея!) грозитя, что Егор «прилунится на Луне».

Еду в город, приготовил кое-что на машинку и прочел порядочно, как-то упустив из виду, что суббота день нерабочий. — Написал в два-три приема до полусотни поздравлений — это от себя, а от редакции лишь «автографировал» шт<ук> 200.

29. XII. П<ахра>

Вчера, по уговору, должны были поехать с Лакшиным к Ив. Сергеевичу [Соколову-Микитову], но узнали, что боль-

на его Л<идия> И<вановна> (что-то вроде прединсульта). Звоню: м.б., не ко времени? — Да нет, ведь у меня свой уголок. — Видно, так уж он истосковался в своем одиночестве слепца. Потом он рассказывал, как он «гуляет» в комнате: засеку время на часок и хожу, хожу как зверь в клетке или как человек в камере-одиночке. Час пройдет — значит, пять километров.

Рассказал о посещении его епископом Пименом (Саратовским и еще каким-то), передавшим ему привет от какого-то земляка из-за границы, куда он часто выезжает, оставил ему «Православный церковный календарь», где помещены фотопортретики генералов церкви во главе со святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием (на страницу). Старики в большинстве видные, благообразные, иные, м<ежду> пр<очим>, с черными еще, не тронутыми сединой брами, как этот Пимен. Раздевшись, рассказывает Ив. Серг., остался в берете — оказывается, под берет он заправляет волосы, как делают все попы, чтобы не вызвать особого к себе внимания на людях.

Еще Ив. Серг. навестил друга детства, учившийся когда-то в одной из смоленских гимназий (Ив. Серг. учился в реальном), проживший 50 лет в Америке, горный инженер, работает на оловянном руднике. Дом — 12 комнат, две машины, семья — он и жена, детей нет. Любопытно, что, встретившись через более чем полвека, они говорили на «ты», как будто встретились, приехав с летних каникул. Готовая новеллушка. —

Рассказал, что осенью во дворце, что построен возле его дачки в Карачарове, жили семьи чехословацких руководителей — жена и дети Дубчека и др.

— Кормили их хорошо, — сообщил, по-видимому, со слов «князя» Бор. Петровича [Розанова], — 10 руб. на душу в день. Я так полагаю, что они были заложниками.

Зашла речь о Дм. Алексеевиче Толстом (я рассказывал о его мемуарах):

— Я его знаю с тех пор, как он еще был в утробе матери (в Берлине, где Ив. Серг. встречался с Алексеем Толстым, бывал с ним у Горького на Курфюрстендамм (?), где тот занимал с пол-этажа большого дома).

О Горьком:

— Окал он нарочно. Отлично мог говорить, не окая, и говорил, забывшись.

Елочка моя не произвела особого впечатления, как, впрочем, и елочка у Сацев. Больше не буду Санта-Клаусом.

31.XII.68. Пахра

Какие подводить для себя итоги года, когда он почти весь, а уж с 21 августа — так и безусловно под знаком *отчуждения* в смысле утраты даже слабого душевного контакта с тем, что было за пределами твоей воли, — она могла лишь безгласным образом выразиться в моем «неподписанстве».

Настоящую, до слез, радость пережил, м.б., за многие годы, когда слушал «Братиславу», где подводились итоги переговоров в Чиерне³¹⁹. Но тем горше и страшнее было после букетов гвоздик, объятий и пр. воспринять реальность вторжения, этот наш ужасный шаг, повлекший последствия, в сущности, непоправимые на долгие годы. — Еще вчера Сурков, забежавший в редакцию с целью вовлечь меня с «НМ» в парад-алле журналов в качестве иллюстративной фигуры — в ряду с Кочетовым, Кожевниковым, Мих. Алексеевым — к его, Суркова, обзору литературного года; еще вчера он с его натужно разыгрываемой проникновенностью говорил, что только теперь он вполне понимает («из-за этого мы с тобой чуть не поссорились» — помнит!) мудрость и необходимость *этого шага*. — Не сделай мы его сейчас, мы через год-полтора потеряли бы все соц<иалистические> страны, они стали бы нашими противниками и мы оказались бы на рубежах 40-го года. И мы были бы в изоляции.

— Неужели ты думаешь, что союзники, над которыми нужно стоять с дубиной, — это союзники? А что касается изоляции, то мы ее имеем в небывалом еще объеме. —

Тут он, как обычно, вильнул куда-то вбок, заговорил, что настоящие союзники — это те, что с тобой на баррикадах...³²⁰ Я сознательно не стал «залезать». От «парада» отказался.

Как всегда, в истекшем году много читал в разном состоянии духа, но не так печатные книги волновали, кроме, м.б., откровенно сталинской книги «Денщика Шельменко»³²¹, как некоторые рукописные работы. Среди них на первом месте статья акад <емика> Сахарова³²². И совсем на днях исторический очерк К.Я.Лагунова (Тюмень) о сибирском (Ишимском) крестьянском восстании 1921 г.³²³ Это поистине пугачевщина эпохи революции, «бунт бессмысленный и беспощадный» в объеме в десять раз больше обозначенной в нашей историографии антоновщины, хотя тех же корней, той же природы. Не далее как вчера наполовину прочитанная, наполовину просмотренная работа Маркелова (Волгоград) о строительстве Волгоградского химкомбината. Пожалуй, комментарием к ней да и к лагуновской может быть статья

О.Лациса «Опыт полувека» (верстка № 1)³²⁴. Ни одна из этих рукописей, не говоря уже о Сахарове, увидевшем свет за рубежом, наверно, света не увидит. Но мы, журнал, не имеем права уклоняться от них. Будем помогать авторам (с Лагуновым уже говорил) *доводить* эти работы — они дождутся своего часа.

Раз в этом году ни гу-гу насчет встречи на высшем уровне, нечего ожидать гу-гу и в новом. Скорее всего рад, что так, ибо ничего от нее (встречи) доброго не могло быть. А честь предложена.

Поздравления к Н<овому> году приносят такие слова, обращенные ко мне и ж<урналу>, что немудрено и зазнаться.

В отличие от дней рождения, юбилеев, старящих нас порознь, Новый год старит всех разом. Завтра мне уже положено считаться пятидесятидевятителетним, и с первого января 70-го года — шестидесятилетним, хотя до дня рождения еще будет полгода. Т<аким> обр<азом>, у меня уже одна ступенька до настоящей, официальной, пенсионерской старости. И с военного учета, кажется, буду снят.

Хоть бы мне в этом году начать своего «Пана Твардовского». Если придется покинуть «НМ», то, конечно, начал бы и, м.б., много написал бы, а нет, то хоть бы начать, написать «Смерть деда», которая, кажется, уж так готова в голове, что только бы записать (этой «готовности», понятно, не следует доверять)³²⁵.

Но ближайшей задачей этого нового года будет «Дом на буксире», который уже добрый десяток лет стоит в голове вроде бы совсем готовый, и теперь (в Сухуми) показалось, что с ним можно справиться наконец не путем «рассказа» в строго жанровом смысле, а путем развесистого комментария к записи, которая где-то, кажется, есть у меня — опять же для «Дн<евника> писателя». Но прежде — что еще получится из записей «С Карельского перешейка». С<офья> Х<анановна> говорит, что будет страниц 100 и что ей страшно переписывать, «как вам было страшно записывать». Разыскать «Макса Рабиновича», «рассказ» «Счастливая шапка», написанный когда-то для Маршака по этому очерку, — не замена³²⁶.

Хорошо бы, конечно, мне за этот год научиться наконец водить машину и писать на машинке, о чем я мечтаю уже лет двадцать, но все откладываю из лени и отвращения к «технике», а может быть, еще и из инстинктивной опаски увлечься, потратиться на освоение этих навыков, которые

ничего мне не прибавят в главном, а скорее даже украдут. И все же надо, нельзя же так и прожить жизнь до конца, даже этого не умея.

С утра было 19 мороза. А сутки назад — весенняя густоветренная погода, капель. С ночи вчера на снегу — счесанные с берез мертвые веточки, усохшие и подопревшие.

Когда я в норме и форме, сознаю, что делаю все, что возможно, выполняю долг и т.д., является сладостное ощущение жизни, всякой погоды и непогоды, дня и сна, завтрака и обеда, милейших стариковских хлопот по двору (метелку связать, компост засыпать, хлам сжечь на нем).

Лыжи день за днем откладываются.

1969

1.1. Пахра

Встретили Новый год с младшими молодыми — Олей и Володей. Выпито было не больше, даже меньше 100 г. Больше не захотелось, тем более не захотелось поутру, хотя все было на столе.

Прслушав руководящее приветствие, прочитанное диктором, который изо всех сил старался «давать» под Левитана, но местами снижал, пошел спать.

«С Новым годом, с новым счастьем» — пошлое, мещанское и не совсем грамотное (что такое новое счастье? Новая награда, выигрыш, повышение по службе) — удивительно пришлась ко двору официозной патетики: «с новым счастьем» — нужно понимать так, что старого было достаточно, но оно уже старое, а теперь будет еще новое.

Давно не ел так поздно — спал неважно, вставал в 4 ч., курил, чай пил и т.д., читал Чивера «Уопшотов»¹. Потом уже встал совсем в девятом часу. Самое новогоднее дело — подмести дорожки, так как ночью выпал снежок.

Новый год, и снежок выпал новенький,
И с дороги в целик по снежку
Уж почти что забытые дровеньки
К полевому свернули стожку.
Там зайчишка, встряхнувшись, запрыгает —
Ну и дуй себе в ельник густой.
Хлопотливый хозяйственный пригород
Не ретив до забавы пустой. —
Дым над крышами — запахи странные...
То деревня Москву деревянную —
на дрова².

5.1.69. П<ахра>

В день перед отъездом в Венгрию (2.1) Лакшин говорил, что от некоторых лиц (не одного, а разных) слышит слова о том, что, мол, ваши, «Нового мира», дела не так плохи.

С<офья> Х<анановна> с чьих-то слов рассказывала об ответах П.Н. [Демичева] на вопросы (в Лен<ингра>де):

когда будет реабилитирован Сталин; что делается в отношении Солженицына; что предпринимается в отношении «Нового Мира»?³

Ответы все в таком духе, что, мол, односложно ответить нельзя, все не так просто. Следите, мол, по печати. Относительно «НМ» сказал, что там членом редколлегии первый секретарь Союза писателей.

Еще слышали, что он сказал о премиях, которые получают авторы, выявленные «Новым Миром». Дескать, пусть выявит побольше, а там мы с ними управимся по-своему, — это я уже, пожалуй, от себя.

Еще — совершенная мелочь, не говорящая о чем-то: приветствует меня служебной новогодней открыткой, но со строчками от себя, Ю.Жуков и подписывается: «Ваш давний почитатель».

Во-первых, он меня никогда не приветствовал, по крайней мере от себя. И потом, это человек, который зря так не обронит ни единого словечка⁴.

С четверга на пятницу ночевал в городе. Ольга в гриппу — простудилась на автобусной остановке, когда они уезжали от нас, — мини-юбочка и чулки с ячейками, как в сети для крупной рыбы, на ногах не валенки, как она сказала мне, а какие-то сапожки.

Вчера были у Вали. [...] Мой портрет у Вали, подаренный ей каким-то майором, выжженный на буковой дощечке (с рисунком Верейского, но, пожалуй, лучше) и снабженный машинописной наклейкой со словами о величии ее отца. Взял показать Верейскому.

Вчера (и сегодня, наверно) — 25 мороза, а день простоял морозный, тихий и солнечный. Вечером пошел позвонить на квартиру, не дозвонился, заморозил пальцы, зашел к Бакланову. В иную бы пору — волшебная картина в кухонном окне: хозяин за столом с кем-то, бутылки, закуски. Это у него был Кузьменко из Отдела (под Беляевым), о котором я слышал от своих, что хороший, хотя и безвластный парень⁵.

Действительно, болтовня шла почти что на новомирском уровне, парень все понимает и, должно быть, не сладко ему. Выпил я две стопочки, вернее рюмочки — без охоты, но из той самой неловкости, чтобы не подумали, что я остерегаюсь при работнике Отдела или что я в периоде «зарока». Они вышли пройтись со мной, забежал еще раз в «будку», дозвонился — Ольге лучше. —

Из-за хорошего дня вчера стало все на год вперед выстраиваться по-хорошему: как я вычитаю и опубликую записи «С Карельского перешейка», как потом приготовлю «Дом на буксире» (не то, не то заглавие); как потом напишу о «Да-

лях» по дневнику; как соберусь написать нечто серьезное на ленинскую тему (но уже в этой теме мне не отвлекусь от лагуновского очерка о сибирском крестьянском восстании (есть ли что об этом у Драбкиной?⁶ Можно ее перечесть целиком); как летом буду учиться водить машину и строить гараж с верандой-«мастерской» для Ольги (вместо развалюхи, которая пойдет в дело при этом) и даже баней, предварительно взяв на штык с зачисткой землю на этом месте (у ворот, где навоз), пересажаю яблоню и т.д.

Дневник Кафки из «Вопросов [литературы]»⁷ — весь из отчаяния и вплотную подступающего безумия. Иногда, говорит, мне не хочется даже вести записи этого состояния, а между тем ведет, м.б., полагая, что хоть они останутся. У нас бывает по-другому, когда уже не до записей — таково особое действие алкоголя или похмельной депрессии — ни до чего! —

Вечером расставлял поэзию наверху на верхней полке, откуда Маркса—Ленина перенес вниз — в «офис».

Напал в тетради 39 г. на стихи вокруг «На старом дворе»⁸. Молодец, что оставлял за бортом публикуемого весьма много. Пожалуй, кое-что можно оттуда взять в предвидении третьего издания соб<рания> сочинений (второе так и остается без 5-го тома) в шести томах (стихи — два тома). Это уже с прицелом на возможность по случаю шестидесятилетия. На этот раз, между прочим, намерен, по Т.Манну, «быть мужественным» — согласиться на вечер (если предложат не в ЦДЛ), ибо дальше уже нечего иметь в виду — 70—75, 80—85-летия? М<ежду> пр<очим>, начинаю не бояться и этих рубежей с точки зрения личной. Иное дело — что будет в мире сем. —

6.1.69. П<ахра>

Вчерашние посещения: Бакланов с Кузьменкой, Симонов с Ларисой, Гердт с Т.А.⁹ Хорошие все люди, но замечаю, что мне уже и такие гостевания не очень. Пустоутробие. Хоть и не прожить без слухов, сплетен и т.п.

Дополняется подробностями и разными штришками история с шолоховскими «главами»¹⁰. Сперва давал «Дон», — до прочтения — ликование, винопийство, потом — беда: нельзя печатать — «лагерная тема», хоть и в шолоховской подаче. Зимянин, по-видимому, сбегавший «наверх» и получивший там либо санкцию, либо раздраженное «сами решайте», поручил своему отделу объясниться с автором. Автор все выслушал, послал всех к известной матери и кинулся к телефону. Оказалось, что его не могут принять. «Ноги моей здесь больше не будет».

Если вдуматься, так эта история на пользу, как крайнее проявление того, что Шолохова еще не касалось, что ставит его самого в положение, к какому он непривычен. (Меня Сталин принимал, Хрущев сам ко мне приезжал, а тут — «не могу принять».)

Симоновы рассказывали о комичной ситуации в Ленинграде: в театр пришел Солженицын, сговорившись, по-видимому, с руководством (Товстоногов). И туда же нагрянул вдруг находившийся в Л<енингра>де Демичев. Оба узнали о присутствии друг друга на этом спектакле, о возможном столкновении носом к носу, и оба нервничали и боялись. Волнения администрации (Солж<еницын>: «Куда вы меня ведете?»).

Один человек из Риги, кажется, прислал письмо и приложил фотографию открытки Бунина Н.Д.Телешову, являющейся дополнением к той открытке, которая была вся о «Теркине».

«На дняхъ писалъ тебе съ какимъ редкимъ (подчеркнуто Буниным) удовольствіемъ прочелъ книгу Твардовского "Василій Тёркин"; забылъ прибавить, что недавно восхищенъ былъ еще одним — рассказом К.Паустовского "Корчма на Бранинке"».

Оказывается, он был верен старому правописанию, — это даже трогательно и как-то соответствует его отзыву с того света, дооктябрьского, на нынешние факты литературы. — Отвечая автору письма, я спрашиваю, откуда он взял эту фотокопию, а вижу, что просто вырезал из книги Телешова (?). Пенсионер, бывший адъютант Тухачевского и, естественно, побывавший там, откуда не все возвратились; просил книжку — послана¹¹. —

Полез в тетрадь 39 года за записью о перевозке избы в лето сселения хуторов («Дом на буксире») — оказалось, запись очень скупая, но не оставляю мысли употребить ее в дело. Вышелушил, слепил из строф тогдашних (коктебельских) целое стихотворение — длинное и скучноватое, но в нем отголоски материнских рассказов о первом лете на хуторе пустоши Столпово¹².

Напал на первую запись (до финской войны и даже до освободительного похода) идеи «Тёркина». Сделать примечание к записям «С Карельского»¹³.

27.1.69. П<ахра>

Не записывал не потому, чтобы что-нибудь такое, а просто такой смутный период, частые поездки в город. И — мо-

розы день за днем, ночь за ночью стеклянные, изнурительные, хоть и сидишь в тепле, но как-то жмут, угнетают. Последние дни — грипп, с которым поехал в пятницу на «банкет» в честь Иштвана Шимона¹⁴ (крайне дурной в смысле помещения и халтуры арагвийской кухни), принял ванну, подремал в той городской температуре, она ниже, чем здесь, хотя на дворе там всегда выше. В тесноте «кабинета» сразу стало нечем дышать, запотел, запылал, — открыли с Сацем окно за спиной — морозная ледяная струя, от кот<орой> защищался портьерой. Ночевал в городе по плану, утром ни малейшей тяги к поправке, хотя голова дурна (почти ничего не ел — все дрянное, под конец от раздражения и тоски забросил две-три рюмки лишних), но она, как оказалось, была еще дурна и от гриппа.

Здесь не выходил, полеживал, похаживал, как с похмелья (но куда легче общечеловеческая болезнь — слабость, сонливость, но все же — жизнь!).

Сегодня еду («Новая эра» «НМ») — машина заказана, еду еще больной, но нужна: поговорить с Воронковым, покончить с членскими взносами, поискать подарки для завтрашних именинниц (Маша и Оля). Буду ночевать в городе, чтобы не возвращаться с этой бабой, кот<орая> мучительно переносит даже одну поездку на дачу¹⁵.

— Пусть вами занимается Союз писателей. — Это Беляев Кондратовичу и Лакшину.

— А что же будет делать цензура?

— Будет заниматься своими прямыми обязанностями — охранением военной и гос<ударственной> тайны.

Это в связи с пост<ановлением> ЦК о повышении бдительности журналистов, *редакторов* и т.п., которого еще никто из нас не читал, но которому уже посвящена передовая «Сов. России» — фантастически-идиотическая: апеллирует к читательским массам, толкуя, что журналисты и другие в борьбе за ее «умы» должны быть и т.п. и что все, чем они будут кормить эти «умы», будет протертое, обезжиренное и «целенаправленное»¹⁶. —

Будто бы то самое, о чем только мечтать: без цензуры, под вашу ответственность, но нечего говорить, что новый прижим, новая инстанция — Союз писателей, который будет бегать к тому же Беляеву.

В эти дни, м<ежду> пр<очим>, подумалось, что реально я бы еще мог «сосредоточиться» на чем-то серьезном, большом («Пан», конечно), если бы перекантовал на это дело время, которое трачу на журнал.

Но журнал слишком глубоко уже меня забрал, разлука с ним будет потруднее, чем в первый раз — в 54 году. И все же, еще я найду силы остаться при себе.

Сегодня ночью вспышка мечтаний о «Пане»¹⁷. Завожу отдельную тетрадь для записей к нему (узловых).

1. Смерть деда.

2. Дед Орех (Орефий).

3. Рядчики (рячкики).

4. Вознов Михайло Матвеевич¹⁸.

5. Ленинский год — комсомол¹⁹.

6. Как я был селькором («Парень с голубыми глазами»)²⁰.

7. Карта хугора пустоши Столпова²¹.

Я ее уже пытался начертить по памяти в одной из тетрадей. На днях прочел предисловие к «Острову сокровищ» Стивенсона (а саму вещь не смог — то только начал), понял, что мне действительно нужна карта нашего «участка»²². —

29.I.69. П<ахра>

Морозы сломились. Сегодня — 14 с утра. И хороший, более мягкий и мохнатый снежок, хотя еще сухой, легкий, хорошо идет под метлу на дорожках.

По-трезвому (1 рюмка коньяку, один фужер цимлянского) провели день рождения Маши и Оли. — Подарочные хлопоты, огорчения бедного зятя, пуф насеровский. Я все еще не совсем свободен от гриппа, но уже бог с ним — не начинать же болеть сначала. —

Был у Воронкова. Прочел у него постановление Секретариата ЦК «О повышении ответственности»...

Единственно существенное там — упоминание Главлита, на который мы, редакторы, не должны всецело относить ответственность за публикуемые материалы, поскольку «в условиях социалистической демократии» органы эти обязаны «главным образом» заботиться об охране гос<ударственной> и военной тайны.

Это «главным образом» (а отнюдь не исключительно, не единственно) вольно или невольно, но совершенно недвусмысленно указывает на то, что самим руководителям печатных органов («особенно литературно-художественных»), при любом повышении их ответственности, полного доверия нет и быть не может. Они лишь должны некую долю забот Главлита взять на себя, а он, занимаясь «главным образом» гос<ударственной> и военной тайной, всегда, однако, может вторгнуться в область идейно-политическую и собственно художественную.

Союз писателей, определенный нам, журналам, в дядьки, это лишь дополнительная форма зажима.

Воронков довольно бодро заявил, что он выяснил «в компетентных кругах» (думаю, не выше того же Беляева, дай бог, если от самого Мелентьева!), что заключение Союза всякий раз будет окончательным.

Но как это будет протекать фактически, практически. Завтра — четверг — в 3 часа Секретариат по «Постановлению о повышении».

Попытаюсь там, м.б., предложить обусловить обращения Главлита в Союз не с расплывчатыми «сомнениями», а с:

1. Письменными заключениями относительно вещей, в целом вызывающих «сомнения».

2. Точным указанием мест (абзацев, строк, страниц) в случае частных замечаний.

А в общем — все это не м.б. хуже того, что есть. —

30.I.69. П<ахра>

Третьего дня (нет, в понедельник) в «Правде» статейка «Слезьте с треножника, Джилас» (от корр<еспондента> Орехова, Нью-Йорк, но можно было слепить ее и дома — просто по сообщениям газет о выступлениях М.Джиласа в Америке).

Там названа его книга «Новый класс», которую читал М.Н.[Хитров] в закрытом издании для рукостава (теперь, кажется, и этих изданий нет).

Оказывается, в ней речь как раз о том, до чего мы без Джиласа давно дошли «своим умом», — о гениальном трансформировании Сталиным лозунга «каждому по труду» в «каждому по должности», без объявления, между прочим, этого уточнения гласно²³.

Сейчас, в этот год кризиса, когда конец всем иллюзиям, особенно ясно, как этот «социалистический» принцип вяжет по рукам и ногам всех — и худых, и хороших, — деваться некуда. (Признания К<узьменко> — Бакланову: «Надо бы бежать (из «аппарата»), но у меня больна мать — она в Кремлевке, двое детей — они устроены на время зимних и летних каникул в соотв<етствующих> учреждениях», и т.д.)

Холуйские вопросы ко мне шоферов:

— А вы не прикреплены? Как же так: там продукты очень хорошие, таких в магазинах нет. Вот я привозил (имярек — члену редколлегии «Известий»). — И, лакейская душа, он уже с сочувственным сожалением смотрит на меня: недотянул, — вместо того, чтобы возмутиться этой мерзостью —

закрытым питанием, отличным по качеству и количеству от общенародного. —

Ничего ни от кого нельзя требовать — все люди, все человеки, у всех жена, дети. Вякнешь не то, что требуется, — пошел вниз, и не просто отстранен от закрытого стола, но и в презрении, и в затруднительности — как прожить.

Могучим фактором еще является здесь и то, что рукостав — это люди, ничего не умеющие, ни на что не пригодные, кроме руководства — сверху донизу, у них ни специальности, ни образования, ни навыков работы, ни привычки читать, не то что писать. Кто из всех, что на самом верху, мог бы, например, занять кафедру — ничего иного — истории КПСС? Разве что один Суслов, да и то нельзя здесь даже предположить, что это будут лекции ярче, глубже, интереснее обычных, посещение которых, не будь оно обязательным, было бы нулевым. —

Вчера по радио Канады и «Голосу» — о премии Солженицыну, как лучшему иностранному автору (Франция, некий союз журналистов).

Тошно и силу же нет думать о том, как все по-нарошному глупо, как все во вред себе.

Кажется, минул год моему письму Федину²⁴. Еще разве черкнуть ему? Нет. Сегодня буду сидеть среди этой вурдалачьей стаи.

Однако, так ли сяк, а «Постановление» неспроста — оно некая и уступка «в условиях соц<и>алистической» демократии». И Союз, то есть Секретариат, из этой ситуации сухим не выйдет. То мы, «НМ» — где-то поодаль карабкались сами по себе, никому дела не было — что там с этим журналом, а тут — хочешь не хочешь — надо решать, даже читать и, с неизбежностью, конфликтовать (Главлит или мы). Впрочем, мы — никакие не мы, а, как говорится, мыслете*.

Встал в пятом, выпил кофе, выкурил уже полдюжины сигарет — не то спать, не то что, чихаю, сморкаюсь — так он и волочится за мной, грипп.

На градуснике — 20. Маша вчера вылеживала свой грипп. —

* Старинное название буквы М.

1. II. 69. П<ахра>

Вчера утром — 35 [градусов], сегодня, слава богу, лишь 18. По дороге из Москвы третьего дня удалил собственноручно дурной шатучий и болезненный зуб, длинный, как гвоздь. Под это дело распили с Дементом пол-литра. Думал, будет куда как лучше без него, и правда, лучше, но старость как бы еще ближе придвинулась — удалять-то почти ничего не осталось. Настроение — бог с ним.

Не было сил вчера записывать Секретариат, неохота и сегодня.

Собственно, это был обычный обряд обсуждения «документа» под председательством Сартакова, который сидел не во главе стола — это место было пустым, а сбоку, как бы по левую руку от председателя — скромность украшает. В это обрядовое говорение втиснулся было я со своим № 12 и предложениями насчет взаимоотношений Секретариата с Главлитом, полагая, что все «в курсе». Но оказалось, что никто, кроме Сартакова, Воронкова и Озерова, не в курсе, и я только подбросил сухого хворосту в еле тлеющий огонь обсуждения: все начали доказывать с горячностью друг другу, что Секретариат не может и не должен *читать* — иначе ему некогда будет *работать* — и не должен брать на себя ответственность, которая есть привилегия самих журналов, их редакций²⁵.

Под самый конец, когда уже выступил сам Соболев²⁶, сияющий звездой Героя Соц<иалистического> Труда, с первых слов заявивший: «Буду повторяться», я попросил вторично слова и грохнул напрямую (почти что напрямую!), что сегодня 30 января, а № 12 лежит, журнальный год уже исковеркан и т.д., а тут говорят об ответственности, о повышении ее. Но как, мол, осуществлять эту ответственность — научите, помогите.

Мы отвечали и готовы отвечать сегодня и за эту повесть Воронова, прерванную в конце года на середине, отвечали и готовы отвечать сегодня (повторяя эти слова при каждом названии) за:

роман Бека;

книгу Драбкиной (в целом);

Дороша, чей «Дневник» задержан без всяких объяснений;

«Раковый корпус» Солженицына;

«Дневники» Симонова (он сидит напротив на другом конце стола — я вышел на фединское место) — за весь наш

«запасник»²⁷. Не было случая, чтобы «НМ» просил Секретариат прочесть что-нибудь. Отвечали и готовы отвечать.

Если Секретариат желает скорочания журнала, то он на верном пути, отстраняясь от его судеб даже тогда, когда это поручение Отдела...

Тут выясняется, что присутствующие не знают о поручении.

— Вам звонили? — спрашивают Воронкова.

— Никто мне не звонил, — пожимает тот плечами и не говорит, что звонили Маркову, а Марков, уезжая, поручил все это дело ему, Воронкову, и что уточнял с Отделом вопрос о прерогативах Секретариата в этом деле («ваше слово — окончательное»).

Нет, невозможно записывать всю эту муть. Поддержали меня сперва робко, но потом все решительнее Симонов, Салынский и даже Грибачев: надо же решать вопрос²⁸.

Сартаков в заключительном (по гнусности своей этот скопец-бухгалтер, пожалуй, займет первое за Чаковским место) напомнил, что мы обсуждаем не проект решения, а решение, которое нужно выполнять, и прежде всего должны обсудить, как его лучше выполнять, а частный вопрос о № 12 «НМ» не нужно припутывать сюда: сперва закончим обсуждение документа, а потом обратимся к вопросу о «НМ».

И начал еще раз доказывать, что Секретариат не должен читать, подменять редакции журналов и т.д.

Я не выдержал:

— Кто же здесь говорил или просил о том, чтобы вам *читать*, — это мог быть только я, но я не говорил и не просил — кому же вы возражаете?

Тут он разыграл натуральную обиженность, поправное достоинство:

— Здесь все говорили, сколько желали и что желали, а я один лишен этой возможности...

Симонов, поддержавший мою реплику, трижды повторил: «Прошу извинения», прежде чем оратор вернулся к своей «прерванной мысли».

Нет, не могу. Покончили на том, что дали читать дополнительно добровольно предложившим себя Симонову и Салынскому, а также Грибачеву, который не хотел, но уступил, обещал прочесть после них (его мнение на весах Отдела весомее всего Сек<ретариа>та, — канд<идат> в чл<ены> ЦК! Причем особых качеств — не то что я в бытность мою кандидатом).

От гнусавца Чаковского узнал, что новым из постановления вытекает лишь то, что Главлит не может, будто бы, от-

казать в разрешении, но он может и должен одновременно «сигнализировать». Он же, Ч<аковс>кий, пояснил своей шепеляво-улыбчатой речью, что ответственность это не та, А<лександр> Тр<ифонович>, которую вы понимаете, а та, которая, т.е. не по убеждению, а по указанию, — не могу воспроизвести во всей мерзостности ликующую интонацию этого циничнейшего разъяснения...

— Будь вы поэт поменьше... (т.е. давно бы уже — секир башка).

Если отвлечься от всякой мути, пустоутробия и беспардонности, то ведь дело сводится к тому, что давно забыто и не подлежит воскрешению, — святое в существе и назначении литературы как средства познания. *Все без нее* познано, ясно, не подлежит обсуждению. Лит<ерату>ра должна, «*обязана по велению сердца*» (это подлинные слова не то из самого «Документа», не то из передовой «Сов. России») возвеличивать, поднимать, воспевать преимущества и т.д.

Мой корреспондент из Киева Сергей Корнеевич Лозко, именующий меня Фридрихом, а себя Карлом, чьи огромные послания и «работы», обращенные «ко всему прогрессивному человечеству», я жгу уже года три подряд, не отозвавшись ни единой строчкой на все эти его бреды, по мнению Маши, не просто сумасшедший, а глас народа...

Говорят, письмо мое Федину опубликовано в «Летр Франсез». —

4.И.69. П<ахра>

Опять над ленинской страницей,
Несущей миру свет дневной,
Не мог в смущеньи отстраниться
От мысли каверзной одной.

Опять представилось в натуре,
Что самому бы Ильичу,
При нашей нынешней цензуре —
Молчу!²⁹

Третий день температура возле нуля. За ночь напорошивает снежку, что только-только метлой распахнуть.

Настроение — странным образом — спокойное: будь что будет с журналом. Правда, слух (от В.В.Жданова), что

в «Коммунисте» готовится статья о критике в «НМ» — против Лакшина, в сочетании с тем, что говорила Валя о его последней статье...³⁰

Сильнейшее впечатление — симоновские заметки к биографии маршала Жукова³¹. Симонов дал благопристойный отзыв на Воронова, наверно, и Салынский. Остается Грибачев.

12.II.69. П<ахра>

После Секретариата в прошедший четверг (6.II), мучительно-отвратительного сверх даже моих предположений, где коллеги мои (кроме Симонова, написавшего свой отзыв вполне благопристойно) более всего были озабочены тем, чтобы высказать как можно больше критических замечаний впрок — мы, мол, предупреждали — и где с трудом я добился хоть того, чтобы Воронков позвонил Главлиту или Отделу, что «группа секретарей (не Секретариат!) по поручению Секретариата ознакомилась с повестью Н.Воронова, рассмотрела и нашла столько-то бочек всяческой идейной скверны, но все же не видит оснований к задержанию таковой и оставляет вопрос о напечатании в № 12 «НМ» на усмотрение редакции (это я буквально выколотил из них, а то и звонить не хотели — звони, мол, сам!)». Неизвестно, в этих ли именно выражениях, коллективно сформулированных и записанных Воронковым, говорил он с Главлитом, но говорил, — последний не отрицает, только не отказал себе в удовольствии еще поволынить («что ж вы думаете, мы теперь автоматически подпишем?»). Еще не значит.

[Вклейка]

17 февраля 69 г.³²

Саша!

Сегодня понедельник и только сегодня будут выполняться твои поручения, т.к. до этого были выходные. (Была я у тебя в пятницу.) Сегодня С<офья> Х<анановна> пошлет деньги в Смоленск и т.д.³³

Посмотри на всякий случай сноску в «Карельском» и обдумай. Кроме того, С.Х. просит привезти тетрадь-дневник для сверки. Я этого делать без твоего разрешения не буду, а вообще лучше сделать или списочек погрешностей (для сверки), или дождаться новой верстки, которую бы ты смог просмотреть³⁴.

Оля звонит и, кажется, много ходит, что очень плохо. В остальном все обычно. В воскресенье приехала сюда на

ночь, чтобы с утра заняться делами. Привез меня Гердт З.Е. Они ехали в Москву.

Верейкин [Верейский] еще раз лежал с гриппом. Сейчас поднялся.

Мороз стал полегче, но ветер есть.

В субботу долго откапывалась, т.к. угол (у черного хода) и крыльцо замело метелью, да и снег шел с утра.

Вот и все старушечьи новости.

Сейчас жду Г.И.³⁵ и поеду к вам, а потом на дачу.

Если что надо, — звони Верейским (они разрешили), в кооператив-338 и С.Х. Они мне передадут. Володе — само собой.

Целую. М.

17.II.69

Пятый день здесь (после 6 дней домашнего лежания в чайнии «саморассоса» ноги, поврежденной вечером 7.II на даче у Дементя при не совсем ясных обстоятельствах, что, впрочем, неважно, т.к. ясно, что такого рода повреждения возможны при любых, самых невинных обстоятельствах).

Пятый день — с того вечера, как сползал на костылях, разных по длине, с крыльца поликлиники в Сивцевом Вражке к санитарной машине — познаю, какое великое преимущество две ноги перед одной, да еще левой, — преимущество свободы, какого не ценишь, покамест оно с тобой.

Не гулять по 5—6 км утречком или по 2—3 вечером, а хоть бы за газетами сходить самому в вестибюль, хоть бы по комнате — до нужника, не задумываясь, что сперва нужно прошкандыбить между «ног» двух кроватей и дверь в тамбур, а там к выключателю, а там открыть-закрыть дверь туалетной, а там исхитриться на одной левой, почему-то слабой или только так кажется, опустить странно отяжелевший афедрон на стульчак и не промахнуться, а потом также на одной ноге заправлять рубашку в трусы и пижамные штаны, умыть руки и т.п., и т.д. Загоревал было поначалу, но потом ничего. По счастью, попал к той же самой Валентине Михайловне Горбуновой, что зашивала в ватные онучи мне ноги три (?) года назад. Здесь же Оля, устраивать ее я и приехал в город, и тут как раз Лидия Дм. [Морозова]³⁶.

Палата на двоих, но сосед мой только спит здесь, остальное время проводит «на веранде». Федор Степанович С<ычев> — типичное «звено» на уровне «той» столовой. До войны уже был в аппарате Верх<овного> Совета (секретарь комиссии по иностранным делам — пред<седатель> Жданов), в войну — инструктор политотдела ар-

мии, в конце — зам. нач. политотдела армии, после войны — зав. (зам.?) наградным отделом. Всех знал, всем докладывал, два-три раза самому И.В.[Сталину], о котором того преобладающего мнения, что ему «подсовывали», а у него руки не доходили. Охотно критикует Н.С.[Хрущева], с которым тоже «ездил» и по стране, и за границу, напр. в ОАР, на Асуанскую стройку. В 60 лет вышел на пенсию («лучше самому уйти»), хотя здоров и собирается жить долго, тут, собственно, и жизнь начинается («200 монет, та столовая и прочее»), т.е. и эта больница, где он с пальцем (большим) руки (кривой?), поврежденным при лыжной аварии.

Фигура знаменательная и законченная в своем роде, чиновник, достигший высших степеней аппарата, которого миновала даже та относительная самостоятельность мысли и действия, какая есть не только у секретаря обкома, но и райкома. Как бы высоко ни стоял этот чиновник, он никогда не стоит перед необходимостью самому думать, предлагать, решать — за всем этим он идет в соотв<етствующий> кабинет. — Это особый отпечаток, этот человек с неприязнью встретит любое нарушение заведенного порядка, согласно которому наверху (не на самом, на своем непосредственном) — спросить, вниз — спустить. —

Врачи: Владимир Иванович Лучков, вправивший мне косточку на место; Вал. Мих. Горбунова, Вениамин Александрович Евсеев. —

Это я как будто давно уже знал, но, только увидев вблизи Федора Ст<епанови>ча, вижу: вот он, представитель той силы, которая, в сущности, во многом, почти во всем определяет сейчас наше развитие.

Дурная противоположность ему — больной из соседней палаты Д. Альберт Георгиевич — сын Д. из адм<инистративного> отдела ЦК, «философ», как назвал его Фед<ор> Степ<анович> и он сам представился, зайдя ко мне попросить сигарету, т.е. преподаватель ист<мат>а и диамата, истории философии, марксизма-ленинизма. Как говорят: принято говорить «поэт», имея в виду Острового или Фирсова³⁷.

18. II

Своей повадкой разочарованного и разуверившегося во всем человека он живо напомнил того учителя-пьяницу, который в переделкинской забегаловке громогласно заявлял по поводу своего преподавания обществоведения: «Я лгал, больше лгать не могу».

Трудно представить, что где-то в Киеве этот Д. преподавал «философию». С. успел мне сообщить, что это пьяница, что попал он сюда с развороченной в драке челюстью, прихваченной до предстоящей операции какими-то скрепками (это страшно было видеть — какие-то железки из-под марли у подбородка), что пьет он и здесь ежедневно под предлогом промывания спиртом полости рта. Д. же мне сообщил, что С. — алкоголик, спился «на наградных выпивках» (?). Доктор м<ежду> пр<очим> сказал, что С. «был выпивши», когда сломал палец и загрязнил его, — потому так долго идет заживление. — Бог с ними со всеми. —

Прочел том П.Мериме из серии «Всемирной». Страшно подумать, какие темные углы незнания несешь в себе через всю жизнь. О реформации, Лютере и др. помнил со времен Белого Холма, но спроси меня — человека с высшим образованием, редактора толстого лит<ературно>-худ<ожественного> и общ<ественно>-полит<ического> журнала, — кто кого резал в Варфоломеевскую ночь и когда дело было — не ответил бы до этих недавних дней, когда попалась под руку новая история Виппера и теперь — неизвестная мне ранее «Хроника царствования Карла IX»³⁸.

Т.Манн говорит, что художник шагает через бездны незнания, связывая какие-то существенные концы знания. Однако если одни «бездны» кругом, то попадаешь в положение Н.С.[Хрущева], кот<орый>, по выражению Черчилля, «хотел перепрыгнуть пропасть в два приема».

С., вернувшись с «веранды»:

— Посидели, поговорили. Тут один работник ЦК, один секретарь обкома. Никитушку повспоминали... Потеха!

— Жаль, — говорю, — что вы при нем этак не беседовали и не потешались.

— Ну-у! — отмахивается и убегает, делая вид, что не слышит моих слов о том, что, мол, неизвестно, что еще будете вы вспоминать о других. Вообще — убегает, убегает от малейшего наклонения разговора в серьезную сторону. Окончил ИКП по экономическому факультету (у Варги)³⁹, международник, секретарь комиссии Верх<овного> Совета по иностр<анным> делам и т.д. Но боже мой, живет представлениями обо всем на уровне информации «Правды».

19.II.69

Приезжали вчера Кондратович с Лакшиным. «Напрасно думают, что память...», как и предполагалось, сняты. После

настойчивых просьб Кондратовича объяснить причину снятия было сказано, что эти стихи можно понять так, что у нас нет свободы печати, свободы творчества и т.д. Конечно, более всего непроглотимым было для них слово «главлит»⁴⁰. Ну, что ж: снять весь цикл, обедневший на 50%, — никому ничего не докажешь. Обратиться в Союз — т.т. Сартаковы и Чаковские на более высоком уровне объяснят идейную злобедность этих стихов. Пусть хоть 50% увидит свет, хотя и неприятно выглядеть как бы приноровившимся к требованиям, тем более что из этого же № 1 удалены и стихи Н.Матвеевой «Размышления у трона»⁴¹, т.е. сам-то, мол, печатаешься. Но — пусть. Однако пошлю это стихотворение в Секретариат, пусть это будет в порядке закрытого «самиздата» — прочтут, да, пожалуй, и копии снимут.

Сейчас пожалел, что так и не собрался отозваться в духе едко-вопрошающего недоумения по поводу письма «металлургов» о повести Воронова, которая, «как стало известно» им, готовится к опубликованию в «НМ», «будет искажать» и причинит вред, особенно «в деле коммунистического воспитания молодежи». Можно было бы «вонзить» насчет того, что этак, мол, дело идет к тому, что можно будет сигнализировать, что «нам стало известно», что такой-то писатель задумал то-то и то-то и оно будет *вредить*, а по сему следует предотвратить осуществление этого злонамеренного замысла. И добавить в конце, что «в деле коммунистического воспитания молодежи» такие письма-фальшивки — отличный образец обратного назначения. — Хотя толку от этого столько же было бы, как и от пересылки стихотворения в этот адрес, которое все же пошлю⁴². —

Поговорили, попустоутробили насчет того-сего, между прочим Эмилия [Проскурнина] изложила Кондратовичу «закрытый» абзац того самого постановления, которое зачитывалось нам, секретарям Союза, без оногo, а именно: работники печати не имеют права ссылаться на цензуру при задержании или запрещении ею каких-либо вещей — ответственность в административном порядке⁴³ (что-то в этом смысле — со словом «административный»). — Сидел-сидел я с ними, то водружая ногу на стол, то опуская на пол — что-то она стала ныть.

Проводив их, лег, уложил ногу и задремал, — разбудила сестра с градусником.

— Будет спать-то, — что ночью делать будете? — Скверно было на душе и нужно было заспать эту мусть, — слава богу, и удалось без всякого зелья.

А потом сел за столик (поставили мне милые мои доктора, обещают и телефон, и невселение ко мне соседа по убу-

тии Федора Степ<анови>ча), начал читать письма М.Цветаевой⁴⁴ и — боже ты мой! — вся муть стала уходить и душа наполняться живительным светом. Если ребята не скажут, что это может повредить публикации писем, поставлю такой вопрос — буду счастлив написать к ним послесловие. Уже читая, не мог удержаться от некоторых выписок в красный блокнот. —

Нога, м<ежду> пр<очим>, явственно лучше, собственно, могу стоять, не особо упираясь на нее, но стоять на двоих, пожалуй, и ходить деликатным образом — ведь я ходил при этом переломе, а эти дни мучусь с костылями только по приказу врачей и потому, что она после «массажа» была болезненнее. —

Заходит ко мне Олечка. Мне было непонятно, зачем она приводит с собой девочку кавказского типа красоты — из ее палаты — 18 лет, какие-то желудочные дела, чья-то внучка. Вчера Оля зашла одна и рассказала, что та вдруг открылась ей в силу какого-то тяготения к старшей («Ты знаешь, кто мой дедушка?»)⁴⁵.

А он еще и вот какой, Федор Степанович. Зашла речь о хорошей погоде, пользе раннего вставания и различных способов пользования дачными благами, и он со снисходительной и вместе мечтательной улыбкой сообщил четко и конкретно о своем дачном опыте — за период с 46 по 66 г. (по-видимому, год ухода на пенсию). Дача в числе других этого ранга была построена в 46 г. в Снегирях на пустоши, где сосны были срублены во время войны на накаты блиндажей. Он собственноручно выкорчевал 378 пеньков, разбил огород («свои овощи и картошка»), сад яблоневого и кустарникового, земляничник, цветы и т.п.

Нет сомнения, что он внук своего деда и бабки [...], рязанский мужик, здоровяк, делал все это с увлечением, вкусом и не без соображения прямых материальных выгод (овощи, картошка). И одновременно в любой день и час мог прочесть лекцию-филиппику против погибельной привязанности тетки Дарьи⁴⁶ к приусадебному участку, корове и т.п. и мог оформить и «доложить» любой проект утешения тетки Дарьи.

— Мне говорили: зачем ты все это, зачем столько сил покладаешь — ведь с уходом с поста достанется все черту лысому. Пусть, говорил я, достанется...

— Хорошо, Ф.С., это очень правильно, но почему бы вам и теперь, на покое, не обрести этаким уголок — дачку, садик и т.п.?

И вдруг — готовая фраза, исполненная пустопорожности и лицемерия:

— Нет, знаете, я против частной собственности.
Нет, он не против нее, но он привык иметь ее за казенный счет. —

[Вклейка]

Записать:

1) О градуснике.

2) О бедности моей родной природы, где редкостью были «благородные» деревья — липа, дуб.

Как я первый раз услышал запах жасмина (учителница Мария Ив. Сальмен).

Не было сирени, ясеня, вяза, хотя вяз, кажется, был в ковалевских зарослях (можно было жевать лыко, как липу).

Наша «липовая аллея».

Есть ли еще у меня в запасе силы для «главной» книги? — Найдутся, если что-то прояснится с «НМ».

Вся эта жизнь, весь этот «хутор пустоши Столпово» точно ушел под воду при сооружении большой плотины, перекрывшей реку жизни, — его начисто нет, его и ее, этой жизни, составляющей такую значительную часть моего духовного существа. И нечего ее там искать — хоть водохранилище спусти — там уж ничего не узнаешь. Есть только то, что отпечатлелось в памяти и живет в ней всеми цветами, звуками и запахами и уйдет безгласно из мира, если я не*

В репертуаре русский танец, созданный на основе местного фольклора. Хореографическая группа Смоленского областного ансамбля профтехучилища репетирует новый танец «Восемь *девушек*, один я» («Восемь девок, один я, куда девки, туда я») («Правда» от 17. II)⁴⁷.

«О нашей земле, о ее реках и горах, лесах и *суше*»... Т.Тэсс⁴⁸ («Известия», 16. II).

«...Ибо во всяком поклонении, как бы оно ни было грубо, есть что-то трогательное» (П.Мериме. «Арсена Гийо»).

1) если оно бескорыстно в смысле земных благ;

2) если оно вполне искренне.

Иначе оно должно вызывать сожаление, отвращение и презрение.

Исаковский — с какого №?⁴⁹

* Не дописано.

Няни: Евдокия Алексеевна Кучерова
Нина Васильевна
Настя (помоложе).

20. II

Отек не убывает, хотя уже больше хожу с одним костылем и боль малая — после лежания или сидения за столом.

Вчера смотрела и слушала меня терапевтическая врачиха Ольга Михайловна (это все заботы Лидии Дм<итриев>ны [Морозовой], которая уже сговорилась здесь с врачами, чтобы провести со мной полную [диспансеризацию]), — все дело в том, чтобы карточка была заполнена. Тошно, но сопротивление — себе дороже.

Могучая курящая старуха 63 лет — это Ольга Михайловна. Прямо сказал ей, что никаких сердечных неприятностей у меня нет и не бывает, помимо послезапойных. [...]

Дочитываю «Самостоятельных людей» (начал еще во Внукове), помню, заинтересовал этой книгой Егора Павловича, с тех пор не раз виделся с Лакснессом, даже рассказывал ему о большом интересе к нему сов<етских> читателей, приводя пример со сторожем моей дачи⁵⁰. Обратился к этой книге после «Исландского колокола», прочитанного, когда лежал с ногой на даче, полагая, что это «связки».

Удивительно, как много в лакснессовской поэзии «хутора» (хутор — мир главный и единственно человеческий, что за его пределами — все чуждое, враждебное и ненастоящее), близкого моей «главной книге» — моей мечте едва ли не лет с 15-ти — описать этот мир Загорья. Кстати, Загорьем мы именовались не совсем законно, но отцу не хотелось числиться за чисто мужицким Столповом. А Загорье — это были Гриневич, почти помещик, около 100 д<есятин>, Березовские — тоже многоземельные, дом под железной крышей, Худолеевы («Мартыненко»). Собственно, эта спесь очень сродни спеси лакснессовского Бьяртура, тяготение — из кожи вон — к «самостоятельности». И неукротимая сила мечтаний, хмель мечтательности, под властью которого были большие и малые. Сколько я израсходовал душевных сил на построения внешнего мира по своему вкусу, который ждал где-то меня, был всегда впереди, лежал в запасе, вознаграждал за всю боль, серость, муку натурального хуторского бытия.

«Самое удивительное в мечтах — это то, что они сбываются». Верно, верно, но верно и то, что сбываются лишь по форме, не принося по существу утоления ребяческой жажды славы, любви, тщеславной тяги к другим горизонтам.

«И в один прекрасный день ты оказываешься во власти этой действительности, которую ты когда-то создал, и тоскуешь по тем дням, когда этой действительности не было, не было почти ничего, кроме праздных домыслов вокруг сучка на потолке».

Уж мне ли не знать отраву, исходящую от этих сучков, — сколько я их мог бы вспомнить.

В «Исландском колоколе» меня просто-таки ударило то место, где говорится о том, как Арни Арпеус, фанатик-собираатель исландских древних рукописей, всю жизнь, состояние и любовь к «златокудрой деве Исландии» пожертвовавший любимому делу, вдруг охладевает к своим сокровищам. Это жутко, как если бы вдруг охладеть к своей глав<ной> книге. Это — конец, непоправимость. —

Фед<ор> Степ<анович>:

По утрам он покупает один экземпляр «Правды», разрывает страницы и дает часть мне, а с другой частью (последней полосы, где спорт и программы) убегает, потом приходит меняться, полагая, что я прочитываю свои полосы от доски до доски. Вечером вдруг ищет третью полосу, а я, м.б., пустил ее на завертывание окурков и т.п.

— Фед. Степ., возьмите «Известия», мне дочь принесла, там та же информация

— Нет, я хотел «Правду», я привык уже в «Правде» читать информацию.

И вдруг я постигаю, что этот, казалось бы, ушедший в прошлое тип «Сычева»⁵¹, который не мог пользоваться «Правдой», хотя бы старой, для туалетных надобностей и требовал у своего «Захара» «Известия» или «Забайкальскую правду». Это его опознавательный знак партийности, он искренне (не то слово, — простодушно!) уверен, что в «Правде» — истина в последней инстанции, а «Известия» — это так, для беспартийных.

Полон всяческого баснословия в пользу «отца народов». Ему известно (так было написано в «Правде»), что Яков [Сталин] пал на поле боя, а немцы его подгримировали и сфотографировали мертвого; что Василий, наказанный отцом за всякие проделки, до сих пор жив, служит на Дальнем Востоке; что Аллилуева хотела застрелить Его, но он отбил пистолет рукой и пуля попала в неё самое («она перепилась»).

И зорок, внимателен до всего касаемого.

— А вы не видели в отрывном календаре на 1969 г. за 21 декабря — целая страничка, — одна только строчка про «культ личности», а так все в целости: и Пражская конференция, и «подготовка и проведение» — все⁵².

Интересно: ведь доклад к 100-летию будет делать — ведь там надо будет показать, кто после Ленина боролся со всеми врагами партии. Верит (но опять же с опаской) в полную реабилитацию *Его*.

Беседа с ним невозможна: с одной стороны — он «лично знаком» с Черчиллем, с другой — показывает биографию Черчилля⁵³ и говорит, что автор вместе с ним был в Лондоне («он там поднял все материалы»), но мемуаров Черчилля Ф<едор> Ст<епанович> явно не читал, хотя и говорит, что да, читал, «но не все, конечно, а что нужно — посмотрел».

С няней может тянуть длительное пустоутробие на счет своих внуков и т.п.

В газетах от времени до времени въедается ходовое словечко, и от него уже никуда, везде оно торчит, выскакивает надо и не надо, — чаще не надо, — сейчас этот отвратительный «поиск» — он уже переместился в «рубрики».

Сейчас Вал<ентина> Мих<айловна> смотрела ногу — отек не уменьшается, просит полежать, т.е. не садиться за стол дня два-три.

21. II

Написал было сопроводительное к стихам «Напрасно думают...» письмецо к Воронкову, но потом остыл: зачем? Что они, бедные, могут, если бы и хотели, а они ведь и не хотят ничего знать даже, не только что говорить. Даремна траца!* А к вечеру еще и утешился: м.б., это к лучшему, что этот кусочек некоего целого не появится в печати. Решил попробовать прикинуть здесь к «главе» по памяти, без текста.

Как сейчас, нет, не сейчас только, пожалуй, еще в Сухуми стало ясно то, чего не мог сформулировать Македонов (или не хотел меня огорчать), что «глава» — при всей ее почти безупречной отделанности каждой в отдельности строфы — в целом напряжена, рассудочна, построена, как «трактат» на тему «Сын за отца не отвечает», по пунктам:

- 1) Настоящий кулацкий сын, порывающий с «отцом» и все равно остающийся «отродьем».
- 2) Сын не кулацкий, а лишь обозванный так — «большее несчастье».
- 3) Тема «оставь отца и мать свою».

* Напрасная трата! (укр.)

4) «Отец за сына головой», но не ответчик Он за сына и за дочь.

5) Ленин нас судить не встанет.

6) Китайский образец.

Длинно и — при всей ясности каждой отдельной строфы — сложно, неотчетливо, отягчено попутными мотивами, не имеет самозавершенности.

Ясно, что надо высвободиться одной теме — без социальных уточнений обзорного порядка («кулак», «середняк»).

Фед<ор> Степ<анович> ненароком наводит на главнейшую, м.б., тему года: не таит ли в себе юбилейная шумиха тенденцию приторочить *его* [Сталина] к Ленину? — Тогда — нет. И мысль о том, что подобные торжества вообще не считаются с мыслимым реально отношением к ним «виновника». Ему ли это было бы по душе. Ведь стольким душам, несущим его в себе как самое заветное и своё (я с ним читаю любую книгу и *знаю*, как бы он ее оценил, где он улыбнулся бы, где возмущился бы и т.д.), стыдно перед ним за все это — за стандартные статуи, роли, излишества наименований и т.д. и т.п. и пр...

И тогда становится ясно, что тему «культы» нельзя выделять как отдельную — это, действ<итель>но не ко времени — это существенная часть ленинской темы. —

Вчерашний разговор с Олей в ожидании Маши, задержавшейся из-за машины (послали туда, а она здесь, в городе ночевала). М.б., я чуть-чуть ободрил ее в ее мучительном неверии в свои силы. [...]

23. II

Начал переписывать главу по памяти и сокращать — явно лучше без многих строф.

Третьего дня сделали мне «сапожок», так как я начал ступать больной ногой. И опять повис на костылях, строго предупрежденный — два дня не ступать этим «сапожком». Вчера уже позывало ступить, он уже затвердел, а сегодня уже можно. Каменный сапог — вот что это — и гремит, и неловок очень, но нога — ничего.

Третьего же дня покинул меня Ф<едор> Ст<епанович> — переселился на третий этаж (я в первом). Вечером зашел — отобрал недочитанного мной «Черчилля» (компиляция, но интересно, много полезных сведений; взятый сначала автором тон на «обличение» и снижение Ч<ерчилля> во второй половине уступает более объективному).

А вчера забежал: булавочка здесь моя (она казенная, но он ею пристегивал одеяло к чехлу). Сообщил, чтобы я не по-

думал, что он ушел «на понижение», что палата такая же, с ванной, и сосед — работник аппарата ЦК.

— Тоже на пенсии, но работает — у него не 200, а 130 — маловато, семья. А мне как работать: дорабатывать можно лишь до 300 с пенсией. А у меня 200 + 80 дотация в столовой — вот и 280, я без налога и чл<енские> взносы только с 200. А если работать — столовой лишаешься и т.д.

Заговорили о пенсиях и пенсионерах. Москва — вот где на покое остаются все по достижении пенсии — секретари обкомов, послы, работники Севера и т.п. Огромный слой привилегированных стариков, живущих почти такой же жизнью, как на должностях Ф.Ст., — средняя ступенька.

[Вклейка]*

«Дорости до самого себя и перерости — вот ход поэта».

«Сплетник-резонёр» — об Алданове Цв<етаева>, письмо Н.П.Гронскому, 27 г.⁵⁴

«Вам многое хочется, кое-что нужно и ничего еще не необходимо сказать».

«Белые стихи, за редчайшими исключениями, кажутся мне черновиками, тем, что еще требует написания, — одним лишь намерением — не более».

«Чтобы вещь *продлилась*, надо, чтобы она стала песней...»

«Почему я рифмую! Слово мы рифмуем — "почему"! Спросите народ, почему он рифмует; ребенка — почему рифмует он; и обоих — что такое "рифмовать"!»

«Я пишу, чтобы добраться до сути, выявить суть; вот основное, что могу сказать о своем ремесле.

Поймите, дорогой г-н Вильдрак⁵⁵, я защищаю не свой перевод "Молодца" — не самоё себя, а свое *дело*; *правое дело*».

В.Ходасевичу⁵⁶:

«Нет, надо писать стихи...

Чем меньше пишешь, тем меньше хочется...

Между тобой и столом — встает невозможность (как в любви)».

28. II

Не без принуждения всякий раз берешься записывать: вместо того, чтобы дело, какое ни есть, — история, летопись, верченья вокруг дела. А чувствуешь, что нельзя не тянуть,

* Выписки из писем М.Цветаевой.

нельзя вдруг бросать, отвыкнуть от того, к чему привыкал, м.б., и понуждал себя всю жизнь, по кр<айней> мере последних лет 30, нет, больше — 40. А под конец, м.б., это будет единственное прибежище бедного духа, когда уж он ни на что не будет способен.

Такая далекая финская тетрадь вдруг оказалась вполне готовой для печати — это уже начинается распродажа из сундучка⁵⁷. В сундучке еще много чего: «НМ», Солженицын, «Дали» и «Т<ёркин> на т<ом> св<ете>».

Что дельного за эти дни?

1) «Реставрация» Главы по памяти — уже близко к концу. Кажется, что-то найдено в переходах и переливах темы (от «сына кулака» к «сыну врага народа»).

2) Наполовину повторное чтение (и уже правка) Исаковского («Страницы»).

Как много моментов, смыкающихся с моим детством и отрочеством «при всем при том»⁵⁸.

1) Учительница Горанская. Смутно помню ее: что-то делала в огороде, может, сажала картошку на бывших клумбах Бартоломея, когда мы с ее мужем Горанским сидели на балконе в жаркий весенний день, договариваясь о подготовке (и Кости?) во вторую ступень. Позанимались, кажется, дня два. Этот же Горанский показал мне тощенькую, на тонкой оберточной бумаге книжечку «Под животом косилки», — это произведение я до недавнего телеф<онного> разговора с Мишей приписывал ему, оказывается, это — Страдного Сергея⁵⁹, любовница которого, уборщица в доме обкома, а потом соседка наша на Краснознаменной (муж — коновал), рассказывала, как поэт, раздев ее донага, обмазывал медом и целовал — жуть! — В книжечке были и стихи Исаковского, имя которого я впервые от Горанского и услышал.

— Это мой ученик. — Учеником его Исаковский не был, это явное присвоение «самородка», *найденного женой*.

Если бы я не знал, что Исаковский не читал моего очерка о Смоленске, [написанного] сразу после войны, мог подумать, что он у меня стянул:

1) «смоленские часы»;

2) мотив «одинокчества» ввиду того, что «все писатели, какие были, умерли»⁶⁰;

3) о том, что простые люди считают в песне главным слова, а не мелодию, — по цитате из Толстого, приведенной мною в статье об Исаковском (это-то он читал, а Толстого, конечно, нет)⁶¹;

4) мучения деревенского мальчика из-за невозможности в городе пописать — это я ему рассказывал, во всяком слу-

чае это все, как было и со мной. Вообще, будто я читал какой-то вариант своего детства.

Любовь к бумаге, ко всему «писчебумажному», хрестоматия Вахтерова⁶² и многое другое.

«Не твоя печаль чужих детей качать» — Пушкин вкладывает эту архирусскую поговорку в уста своего Ибрагима. У него явно было чувство народных ассонансов («Отдай, барин, шубу, чтоб не было шуму»).

И чудесный, как откровение, ответ М.Цветаевой Вильдраку на его вопрос «Почему вы рифмуете?» — Для него это пережиток искусственности: «Разве я рифмую *почему*? Спросите у народа, спросите у ребенка». —

Как еще поздно встает солнце: 8 ч., а оно только-только выбирается меж верхушек лесных сосен и голых берез большого парка — медное, но не красной меди, а желтой, т.е. как золото (одинаково «готовое — пошлое» уподобление).

[Вклейка]*

Письма Цветаевой — чистое золото в поэтическом и этическом, в неразрывности этих смыслов. Я, что называется, «вскрикивал», читая некоторые (Штейгеру⁶³, Вильдраку, Ходасевичу, «Детям», дочери — да боже мой — почти все — за вычетом, м.б., только одного слишком молитвословного Пастернаку, Северянину⁶⁴ — по одиозности адресата и еще кое-чего).

Если бы в №, где были бы они, не было еще ничего особо примечательного (но, конечно, не «стыдного») и тогда стоило бы выпускать №...

Если же оказалось бы невозможным их опубликовать по внешним причинам, — как хотите, друзья, — это уже не то, что потерять мне из цикла одно стихотворение, как бы оно ни было мне дорого, — как хотите, оставаться на месте в чайнии некоей компенсации чем-то другим — выше моих сил.

А.Т.

19.II. 3.15. Кунц<евская> б<ольни>ца**

Я — старый поэт — старше Цветаевой, когда она умерла (впервые, м.б., называю себя так, чтобы уже не прибедняться), много переживший, но не обойденный и прижизненным признанием, и т.п., и поэт, идущий своим «содержательным» путем и до гроба верный этому пути, нахожу в ее «символах

* набросок послесловия к публикации писем М.Цветаевой в «Новом мире».

** Текст со слов «как хотите, друзья...» зачеркнут А.Т.

веры» столько дорогого для меня (и как бы нового, но в чем-то смыкающегося с моими высшими «символами»), вплоть до откровений — вроде гениального ответа на вопрос, почему мы рифмуем («спросите народа, спросите ребенка»).

Ей-богу, стоило повредить ногу и очутиться в этой ненавистой мне юдоли 4-го Управления, чтобы прочесть здесь эти страницы (если осмыслить возможность их прочтения без членовредительства).

Читал Ж.Сименона, автора 166 романов. Его сыщик Мегрэ (?) — мура, но «Президент» — под Толстого — «Ив<ана> Ильича». Прочел пристально, м.б., в силу моих «возрастных» тяготений к теме старости и смерти⁶⁵.

«Негр<итянский> квартал» — хороша география, повседневность, жена, но слюнявый герой раздражает — никуда не денешься, это уже наше желание «положительного», готовность в...*

Домогаются из «Сов<етского> воина» — приветствия к 50-летию журнала, даже «набросали», чтобы я только подписал. С<офья> Х<анановна> говорит, что сказала им о невозможности этого.

Вчера слепил на случай, если уж невозможно (да и не стоило бы) отмолчаться**.

[...] Конечно же, покажется претенциозным и даже нахальным назвать журнал тёркинским, но, по совести, если кто помнит, что был на свете такой журнал, так единственно из-за печатавшегося там «Тёркина». Кстати, и там было довольно ущемлений: не были напечатаны главы «Смерть и воин» и, кажется, «Про солдата-сироту»⁶⁶.

Помню, генерал Калабутин Анатолий (отчество не помню) рассказывал какую-то фантастическую историю, как он с кем-то из своих людей читал «Тёркина» в «Красноармейце», сидя под немецким танком, наехавшим на их блиндаж. Потом послевоенная встреча с ним, пьяненьким, и доставка его на дом, где жена в слезах.

В дни, когда еще у Гжатска
И у Вязьмы фронт вздыхал,
В оборонный быт солдатский —
Свой к своим — входил журнал.

Со страниц его потертых,
Обошедших сотни рук,

* Фраза не дописана.

** Первоначальный вариант поздравления «Советскому воину».

Щурил глаз Василий Тёркин,
На войне надежный друг.

В ту суровую годину
Был такой незаменим.
И до самого Берлина
Шли в боях ребята с ним.

Говорят, что мало-мальски
В деле воинском смекал...

...Нынче возраст генеральский
Отмечает наш журнал. [...] (Входит тёркинский журнал.)

Пусть с годами в генералы
Метят *толстые* журналы, —
Ты по всем статьям твоим
Оставайся, как бывало,
Тонким, бравым рядовым (молодым)⁶⁷.

29. II

С утра жалел, но не очень, что передал «Сов<етскому> воину» плохонькие стишки, — не очень потому, что, скорее всего, они им не сподобают. В благородной прозе мог бы сказать просто, что лично я признателен ж<урна>лу за «Тёркина». Но бог с ним со всем этим.

Продолжал откапывать Главу в наиболее дробленной ее части — после строк о благословлявших войну. Велик был соблазн отложить все до машинописной копии, но в процессе откапывания нашел кое-что, чего там не было. Остается еще один труднейший порожек: переход к «Отец за сына — головой».

В «Коммунисте» № 3 статья В.Голикова и др. «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС» — один из нынешних документов в пользу тенденции «на круги своя». В числе авторов С.Шаумян, автор статьи о культуре личности в БСЭ, помнится, очень антикультурной⁶⁸.

Главное мое наблюдение: авторы не стесняются прибегать к цитатам, которые решительно противопоказаны их задаче.

Из Маркса — место, как-то выписанное мною полностью, они приводят, опуская нечто в середине фразы: «Человека, стремящегося приспособить науку к такой точке зрения, которая продиктована чуждыми науке, внешними для нее интересами, — такого человека я называю низким» (М<аркс>—Э<нгельс>, т. 26, ч. II, стр. 125).

Убей бог, но опущены слова не по недостатку места, а потому, что они не с руки авторам и очевидным образом относили бы их к людям низким.

Проверим!

И из Ленина: «...необходимо брать не отдельные фразы, а всю совокупность относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, без единого исключения» (ПСС, т. 30, стр. 350—351).

Но дальше авторы воинствуют против «коллекционирования сомнительных фактов об ошибках и издержках, выпячивания и смакования недостатков и просчетов» и называют это дело «недостойным» (имеются в виду факты беззакония и т.п.).

Авторы против «попыток пересмотреть и искусственно заострить проблемы, давно решенные партией, получившие исчерпывающее освещение в официальных документах... Точка зрения партии по этому вопросу («культ») с исчерпывающей ясностью изложена в известном постановлении ЦК КПСС от 30 июня 1956 г. «О преодолении культа личности и его последствий».

Ложь набегает на ложь — никакого там «исчерпывания» нет, но и в том виде документ этот уже противопоказан авторам.

Неужели потомки будут думать, что мы, читая такие статьи, принимали их, не видели их фальши и лжи?

3.III.69

Так-сяк шел, шел и дошел до черты, до рубежа, с которого можно только прыгнуть и перенестись по воздуху через моря, через леса и горы и неизвестно где приземлиться.

И грубо сдвинув имена,
Мы за одно их возглашали
И заносили на скрижали,
Как будто суть была одна.

М.б., эти строки потом окажутся жалкими, но сейчас без них я не могу. Вместо «прыжка» без почти напряжения явился как бы вздох и отключение от прямой речи:

Напрасно думают, что память.

М.б., все же до этих, готовых и уже просившихся сюда строк, нужно что-то.

Но Ленина здесь не нужно. Пришло почти решение отозваться на необходимость, выдвигаемую грохотом официального словословия, и написать нечто с продерзностным заглавием «Мой Ленин», который для меня опять-таки

этот — не окончательный. Конец, м.б., насчет «автора этих строк», где должно быть сказано, что личной злой памяти у меня нет, что с той, да и до той поры, как он сказал, что сын не ответчик за отца, я был преисполнен веры в него и обожествления, не допускающего ни йоты сомнения или, тем паче, скепсиса. А уж после того как он и раз, и два, и три отметил меня, ввел в первый ряд, то и говорить нечего. Я был сталинистом, хотя и не дубовым, и очень болезненно поначалу воспринимал противокультурные мероприятия... И с тем большим правом я могу видеть в нем, в имени самом — символ всего ужасного, что совершается в нашей истории и отбрасывает страну к идеям и тенденциям великодержавности, догматизма, китайщины, к духовному обнищанию по линии не только литературы и искусства. Но бог знает, как это получится и получится ли вообще.

Уже не уверен, дам ли на переписку С<офье> Х<анановне> ту машинопись с нынешними поправками и добавками, а уж насчет опубликования — никаких иллюзий.

Буду пробиваться к ленинской главе, цепляясь для начала за строфы, обойденные в этой главе.

Когда пишешь вполне независимо от возможности опубликования, по всей твоей вольной воле — это, конечно, не легче, а во много раз труднее и страшнее.

Сегодняшняя «последняя почта» в «Правде», кажется, подводит черту под нашим «НМ» — все очень дружно и четко⁷⁰. Продлить наше существование мы могли бы лишь «развернутым признанием своих ошибок» и частичным саморазгромом. Кажется, все.

М.б., потому, что что-то делал здесь, — настроение спокойное и твердое. Уж лучше ясность конца ж<урна>ла, чем полусуществование последних лет и месяцев. —

Должно быть, завтра выпишут. Остается наполнить зачем-то большую банку мочой после соотв<етствующей> таблетки. —

7.III.69

День выезда из больницы, хотя и в «сапожке». Точно на каникулы, только нет тех обольщений, хотя мой офис на даче отсюда кажется милым весьма. Конечно, потому, что есть что делать с ходу.

Оля, раздача праздничных. —

Ночью вставал по нужде и чтобы записать набегавшие вдруг слова и строчки к главе.

Утром внес кое-что.

Еще не нашел места строчкам:

Смотри, какой ты сердобольный, —
Я слышу вдруг издалека:
Опять с кулацкой колокольни,
Опять на мельницу врага.

И только думаю: доколе
Мне слышать эхо давних лет —
Ни мельниц тех, ни колоколен
Давным давно на свете нет.

Арменак Иванович Хримгян (?) главврач.

Когда по-доброму с больницей
Простишься в ясный — день.

Есть странный (пункт) в моей натуре
Влечет меня —
Музейный сумрак бывших тюрем —
Где ночь — дня.

8.III.69. Пахра

В «Литгазете» от 5.III.69 г. под общим заглавием «Правде вопреки». «По поводу повести Н.Воронова "Юность в Железнодорольске", опубликованной в №№ 11 и 12 за 1968 г.» напечатаны письмо группы бывших строителей Магнитостроя — товарищей — Петелина Г.Н., Майкова Е.И., Джапаридзе Е.А., Горелика С.С., Петренко С.А., Заслава М.А. и статья М.Синельникова.

Авторы письма, сопоставляя содержание повести Н.Воронова с историей строительства Магнитогорского комбината, «глубоко возмущены этой повестью и решительно осуждают ее как произведение, искажающее жизненную правду и во всех смыслах порочное и вредное».

С этим можно соглашаться или не соглашаться по существу, но право читателей высказывать любое свое суждение о том или ином факте литературы не подлежит никакому сомнению.

Но в данном случае соглашаться с авторами письма или оспаривать их в той или [иной] мере мешает одно весьма существенное обстоятельство.

Дело в том, что группа бывших строителей Магнитогорска высказала такую именно резко отрицательную оценку повести Н.Воронова еще до того, как она могла назвать себя группой читателей этой повести, и высказала не на словах, не частным образом, а в официальном документе — письме в ЦК ВЛКСМ, пересланном редакции «Нового мира» Союзом писа-

телей СССР, куда оно было, по-видимому, направлено по принадлежности.

Вот оно, это письмо, целиком от строчки до строчки.
(текст)

Не оставляет никаких сомнений, что письмо было написано до ознакомления подписавших его товарищей с повестью Н.Воронова, да они этого и не скрывают и прямо говорят, т.к. письмо содержит как раз просьбу «не допустить опубликования произведения, которое в искаженном свете будет освещать» и т.д.

Что повесть именно так, в искаженном свете, будет освещать... — это авторам письма лишь «стало известно» то ли с чьих-то слов, то ли каким-то иным непостижимым образом, т.к., если бы они, допустим, были знакомы с ней по рукописи, было бы странным не сослаться на это в письме в ВЛКСМ — это бы придало, по крайней мере, основательность их столь безапелляционной оценке повести и постановке вопроса о недопущении ее к печати.

Не будем уж говорить о том, что и в таком случае было бы естественным и более скромным высказать свое беспокойство по поводу прочитанной рукописи непосредственно редакции журнала, в котором она, как было известно авторам письма, намечалась к печати.

Но они ее тогда не читали!

Это явствует, помимо прочего, из того, что письмо датировано 30 декабря 1968 г., а сигнальный № 11 ж<урна>ла появился лишь 10.I.69 г., а тираж появляется в свете, хотя бы частично, лишь по прошествии не менее трех дней после сигнального.

И совсем уж загадочным выглядит то, что в этом, первом письме товарищей повесть называется «Юность Железнодорожка», т.е. хоть и с малой неточностью против заглавия, с каким повесть вышла лишь на страницах журнала, но не «Ветер...» (?), как была первоначально озаглавлена и как было указано в «Литгазете», где публиковался отрывок из этого произведения Н.Воронова.

Кстати сказать, на тот раз «Литгазета» сопровождала отрывок из этой вещи недвусмысленно положительной оценкой ее в целом, никак теперь, публикуя второе письмо ветеранов Магнитогорска, этого не оговорив⁷¹.

О чем же идет речь, принимая во внимание все вышеизложенное, а именно, что первое письмо ветеранов осуждало повесть до прочтения ее, а второе будто бы по прочтении в вышедших №№ «НМ». Невольно встает вопрос: была ли необходимость читать ее теперь, если авторам письма было и без того с точностью известно, что и как она «будет освещать»? Или лучше сказать: можно ли полагаться на то, что

они прочли-таки это произведение хоть теперь, поскольку в существе дела, в решительном осуждении повести письма одинаковы, только первое короче, второе подлиннее.

Думается, что ничего не меняет отсутствие во втором письме подписи В.Ф.Мировой, «б<ывшего> секретаря комитетов ВЛКСМ ЦЭС и ст<роительства> доменного цеха», и наличие здесь двух новых подписей — Майкова Е.И., «бывшего бетонщика на Магнитострое, генерал-лейтенанта», и Петренко С.А., «бывшей монтажницы ЦЭС Магнитостроя, инженер-подполковника в отставке».

В конце второго письма авторы зачем-то сообщают, что начали его писать по прочтении № 11 «НМ», «надеясь все же — может быть, окончание романа (?) как-то восполнит картину». Но они опять-таки, мягко выражаясь, неточны. Началом, так сказать, работы над этим письмом, естественно, следует считать его первый — приведенный здесь — вариант, который не содержит в себе ни тени доброй надежды на какое-либо возможное «восполнение картины».

Какой же в конце концов приходится сделать вывод? Может быть, такой, что не следует вспоминать о первом письме и обратиться к опубликованному ныне по выходе в свет 11-й и 12-й книжки «Нового мира».

Но поскольку первый документ известен и ЦК ВЛКСМ, и Союзу, и редакции «НМ», отмыслить его невозможно, как невозможно предположить, что «Литгазета», публикуя нынешнее письмо ветеранов великой стройки и сопроводительную статью М.Синельникова, имеет в виду предоставить на своих страницах место и иной оценке повести Воронова, какой, естественно, держится в первую очередь редакция «НМ», опубликовавшая это произведение, не лишенное многих слабостей, но в основном и главным подкупающее своей правдивостью, знанием материала, что наз<ывается>, из первых рук и одухотворенное глубокой любовью к людям труда, вынесшим на своих плечах суровые испытания минувших лет.

Нет, это приговор, вынесенный до того, как заслушаны прения сторон и показания свидетелей, втихомолку организованная акция, направленная к уничтожению журнала «НМ», которому уже не впервые, в силу сложившихся предвзятостей, адресуются любые обвинения по любому поводу, а то и без всякого повода⁷².

Это, разумеется, не относится к уважаемым авторам обоих писем — они не писали ни первого, ни второго, а люди, склонившие их поставить свои подписи под заранее заготовленными текстами, вряд ли способны смущаться тем, насколько пристойно при этом будет выглядеть привлекаемые

к непристойному делу авторитетные и заслуженные товарищи»⁷³.

Этой безнадежной казуистикой занимался весь день от завтрака до обеда — с 6 ч. прибирал на столе, подчищал почту и возился с покоробившимся бюваром. —

Мелочные мысли о неправоте Исаковского, «уточняющего» степень моего участия в его решении написать автобиографические страницы.

Ужасные, гнетущие своей непостижимостью ответные мероприятия на китайские безобразия («Вы дикари, а мы тоже»).

10.III.69. Пахра

Понадобились три утра для перенесения правки на машинописный текст, чтобы отчетливо увидеть, что глава раздваивается и что от «кулацкой» темы, даже шире — от темы сыновней вины выйти на «стратегический простор» нельзя.

Складывается так, что это две вещи. «Кулацкая» должна и может быть развита. Нужен не один «иной» сын, готовый ответить за отца, хоть и греющегося гордыней, но и другой «иной», чей отец — «какой там враг советской власти — воевал за эту власть» и хоть «в список угодил», но и в пути и на месте ссылки томится сообществом настоящих кулаков и «слово его все едино — он славит своего господина» и, м.б., гибнет.

(Греза, как всегда, обгоняет реальный и трудный ход мысли — вот уж кажется, что нужно писать трех сыновей, начиная с сына настоящего кулака, который (сын) отцовской воле предпочел тот мир, куда манили книжки и т.д., — и их судьбу.)

С утра сегодня трудно было отвлечься от бесплодной работы по мобилизации доводов против гонителей Воронова. Если дойдет до дела, то думается, что могу показать, как настоящему можно и нужно критиковать эту вещь, не обходя, не игнорируя ее бесспорной ценности и не прибегая к фальсификациям «писем ветеранов».

Вчерашний рассказ Дементя о том, как Лен Карпинский неопровержимо вскрыл в статье Разумного ревизию ли-

нии партии (партия и Сталин — не равнозначны) и троцкизм («огосударствление литературы»)⁷⁴.

[...]*

13. III

Вчерашнее утро ушло на переделку письма по поводу писем ветеранов. Складно, только конец еще не выработался — чтобы и прениями не похваляться, и напомнить о них, и заявить «Правде», что «очернительных» вещей «НМ» все же не печатал и отвергает это вздорное обвинение. —

Сегодняшнее — до завтрака — на отделку «вступления» — строчки и строфы обновляются, забирают поглубже в тему, не складывается ли в целом?

«Кулацкая» часть тоже перерабатывается в голове — и письмах без последствий, которым страницы «Правды» и «Известий» не отводились. — Где уж там — когда «поток приветствий» — был нескончаем — так и так.

Отец, что, *может*, рад был сойти за кулака. А *может* — ехал *туда* — один среди *других* в теплушке и к их краюшке тянуться детям запрещал. И писал оттуда на бересте — посыланья — дойти бы только до Кремля. А — *может* — пошел — и где-то на Магнитке сменив фамилию — фундамент — возводил.

Но сын — он числился в сынах [кулака].

В «Правде» вчера главы Шолохова. Не потянуло читать после того, как Кондратович вычитал оттуда довоенные суждения людей той поры о Сталине, взявшемся за ум в отношении Ежова (а то «спал» — с 37 г.) и уже намечающем Берия к разгадке. До такой лжи еще никто не доходил⁷⁵. — Би-би-си или еще кто уже передает об антисталинистском духе этих мест, — мера понимания, что к чему. — Мысль (еще в б<ольни>це), что, *может* быть, хоть эта версия тихо ушла, не будучи отвергнутой — м.б., Горький умер действительно не своей смертью. Во всяком случае смерть его была как нельзя более кстати — при нем, пожалуй, нельзя было развернуть в таком масштабе разгром и истребление научной и художественной интеллигенции. Хоть и были слова «если враг не сдастся...».

* Далее — фрагмент из главы «Сын за отца не отвечает».

В этой связи вспоминаю, как Екат. Павл. Пешкова⁷⁶ показывала мне странички (машинописные) о посещении Сталиным Горького в предсмертные сроки. Все как-то приобретает значение: и то, что он спросил по телефону — нет ли возражений против того, что он приедет с Молотовым и Ворошиловым, и привез их, и то, как для создания атмосферы бодрости сразу спросил, есть ли в доме вино и, когда вино достали (шампанское?), налил, предложил бодрый тост, как бы в уверенности, что он может и саму смерть отогнать.

Возраст. То, что было совсем недавно — год, два, три назад — легкомысленные и болезненные влечения и иллюзии молодости, то, что было даже до повреждения ноги, представляется давно прошедшим, невыносимым для меня сегодня. Уже 2—3 раза выставлялась ради людей на стол «капля» — ни малейшего обольщения — одно ложное чувство неловкости: не подумали бы, что я «заказал».

14. III. Пахра

Утро ушло на доработку послания в отделы писем без ответа⁷⁷. Был несколько расстроен небрежностью и вместе робостью правки, с какой приезжал Кондратович. Отправил сегодня новый вариант со значительными изменениями, но вслед ему уже возникают возможные поправки и уточнения, а как подумаешь, что все это только так, что пиши не пиши — одна цена, если только не признаешь себя виновным, а признаешь, значит, и сам признал вину, — ведь все идет по плану.

И какой же нужно обладать чиновничьей хитростью, чтобы не показать мне письмо ветеранов до или во время обсуждения вопроса на Секретариате! Товарищи члены выступали, имея в виду этот документ, но не называя его и, тем более, не оглашая: тогда бы им было все же неловко поддерживать критику повести со стороны группы столь почтенных читателей, но и отклонить их критику было бы для них невозможно: они знали, что это — перст. — Нет, дай бог, чтобы все это, наконец, кончилось освобождением — концы так концы.

Миша Беляков, пообещав соорудить мне обутку на мою гипсованную ногу, конечно, подвел, явился на 4-й день ни с чем, но, будучи примерно пристыжен, принес из дому новые галоши № 13 — как раз! Могу ходить и по улице, только не хочется хромать на виду.

Еще когда был в б<ольни>це, С<офья> Х<анановна> прочла мне по телефону письмо Б.Полевого с дружескими пожеланиями восстановления «поврежденной конечности» и сообщением о приглашении Л.Свободой его, Бориса П., Симонова и меня в гости. С.Х. отказалась читать по тел<ефону> конец письма, — почему — не знаю:

«О себе я сообщил в Иностранную комиссию Союза писателей. Пока что согласия не дал. С одной стороны, не хочется обижать старика отказом. А с другой стороны, откровенно, неохота ехать и встречаться со своими чехословацкими коллегами, которые когда-то объяснялись в любви, а сейчас плюют в нашу сторону».

Вот как? Нехорошо с их стороны.

Удивительная (бессознательная?) способность интимно, дружески изъясняться на языке «государственных актов». Пустопорожний человек, как это было замечено еще Маршаком, которого он побуждал в Шотландии действовать «наступательно», обостряя нац<иональную> рознь земляков Бёрнса с Англией.

Вот и Маршак пришелся к слову. Хорошо помню, как он рассказывал со слов медсестры, ухаживавшей за Лениным, как тот спросил кого-то (истопника, что ли?), отчего, мол, так трещит вновь постеленный паркет, и когда последний в простоте ответил, что, мол, что ж с него возьмешь — советский, смеялся и переспрашивал: значит — советский? Не то что царский?.. А в записи, представленной теперь в ред<акцию> «НМ» Эликом⁷⁸, совсем не то: почему же трещит — ведь советский не должен трещать. —

15.III. Воскресенье

Вчерашнее утро опять ушло в Послание филистимлянам. Вычерки, вставки, подклейки — уже сласть доработки, наращивания дополнительных оттенков и т.п. И не зря. Выявилась и оформилась в целый абзац роль Секретариата, обладавшего письмом ветеранов и не сообщившего мне о нем ни до, ни во время обсуждения вопроса о № 12. Они не могли его мне показать, потому что не могли не видеть его нелепости («нам стало известно»), и не могли открыто присоединиться к нему, но не могли и поступать, говорить, не имея в виду его, письма, перстоуказующей силы. Словом, гадость.

Послание теперь должно прозвучать как последнее: «пусть сделает выводы Секретариат».

Показал Дементьеву — он одобрил и помог избавиться от нескольких жалких слов, оборотов и целого абзаца (почему, мол, не послали прямо в редакцию).

Можно, конечно, еще и еще доводить, но уж хватит. Завтра — на машинку и в дело.

М.б. все же (посоветоваться с Дементом):

1) Письма равнозначны, и нет оснований ко второму относиться иначе, чем к первому.

2) Это тот случай, когда форма выступает на первый план и определяет собой содержание. (?)

3) Не могло же оно (письмо первое) идти до Союза из ЦК комсомола более м<еся>ца.

Утром нарвался на «Свободу» — 6.30. «Эскалация сов<етско>-кит<айской> напряженности». Странно в это время доказывать свои права (журнала). А в то же время...

С разных листочков:

По картинкам в хрестоматии
Эту школу я узнал.

— заботы матери:

Сумка, книжки и пенал. —

Об этом стишке давних смоленских лет напомнил, прочитав по памяти, земляк (лобковский), зашедший в ред<акцию> за автографами.

В случае главной утопии
В Азии этой, в Европе ли
Нам-то она не гроза:
Пожили, водочки попили,
Будет уже — за глаза.

Жаль вроде песни той — деточек,
Мальчиков наших да девочек.
Всея неоглядной красы —
Ранних весенних веточек
В капельках первой росы⁷⁹.

Хоть на боку, хоть на спине
Ты спишь, как камушек на дне.
И слышишь сердца перебой —
Так только — разве с перепоя...

Пей, обижайся и кури, —
Но хоть поменьше говори.
Не уверяй, мы так поверим,
Что ты еще отнюдь не мерин.

И на почетном рубеже
Попробуй вспомнить о душе⁸⁰.

Добили старость и чужбина
Его живучий русский дар...

Не ради родины самой.

(О Бунине.)

Маркс, Энгельс, Ленин, знать бы вам
В бессмертном вашем чине,
Каким ученым головам
Мы вас препоручили.

Вам вкуче слава и почет
И всем по одиночке.
А что писали — на учет
И под контроль до строчки.

Ни шагу нам ступить без вас,
А все же, страха ради,
За вами нужен глаз да глаз,
По обстановке глядя.

Что есть добро, что недобро —
Кому же не известно.
Но что уместно на бюро,
Зачем же — повсеместно.

И ради красоты словца
И в силу увлечения
Верны порой не до конца
Вы своему ученью.

Вас в русло Сталин направлял
И все вам толку мало.
Теперь хлопочет Мао...⁸¹

Вчера по прочтении в «Лит. России» сопр<оводитель-
ной> к Платонову статейки.

Дымшиц — опытный политик:
«Огонек» на каждый день,
А про черный день «Литкритик».
Он работает по НОТ

Выполняя гибкий график:
И Платонову потрафит,
И Сафронову лизнет. —

Слабо, и уж так омерзителен, что не стоит даже эпиграммы.

Не Лифшиц с Сацем, а он, Дымшиц, хлопочет о Платонове, которого такие Дымшицы и в гроб вогнали⁸². —

18.III

Вчера согласовал с Дементом последние добавления (насчет сокрытия Секретариатом от меня первого письма ветеранов и насчет «формы» и «содержания», поменявшихся местами), но вечером приехали Кондратович и Лакшин — совсем хотели исключить эти места — согласились на смягчении первого и снятии второго⁸³. Сегодня жду на подпись Беловик — и — с богом. — Трудно предположить, однако, чтобы в нынешней общей обстановке письмо возымело какой-либо результат. Скорее всего будет лежать про запас. Но пусть хоть лежит, пусть оно будет «в бумагах». —

Перебелил начерно Вступление к «главам», окончательно отделив его от «кулацкой» главы. Вчера прочел Дементу из этой тетради («хорошо, хорошо»), но сегодня еще нашлось кое-что, — пожалуй, совсем хорошо, но маловато сцепления с нынешним часом. —

Люди, которые нынче ведут страну, вступили в строй руководящих людей в пору «вынужденных перемещений» (адм<ирал> Кузнецов — рец<ензия> Симонова)⁸⁴, и для них без них уже все было решено и представлено как истина в последней инстанции, за которой сила — величайшая и неизменная — думать было не нужно (да и небезопасно). И так они и держатся этими навыками, апеллируя к прошлому — там было все ясно и хорошо. Но, как говорится, «сколько можно»... —

Интересно, что 30 лет назад уже пробивалась тема «отца», и уже иначе, чем ранее в стихах о брате и матери, а ближе к нынешнему мотиву отцовского «тщеславия». *Это из тетради 38-го г.* — явно «для себя» только.

Батя, батя, где ты, где ты?
Нынче носишься по свету?
Под какой ночуешь кровлей,
Жив, здоров ли?

От годов, трудов и злости,
Может, только стал горбате́й
Или вовсе паришь кости
На неведомом погосте,
Батя, батя?..

Иль мечтаешь, в самом деле,
Чтоб вернули двор тебе,
Да не тот, что был на деле,
А что грезился тебе:*

Сад по склону, дом глаголем,
Хоботастый сытый скот,
Клевера густые в поле,
В светлых сотах теплый мед...⁸⁵

Читаю Никитенко с первого тома, — читал давно — с середины и еще не мог восчувствовать так, как теперь. Боже мой, ведь наши нынешние Уваровы, Бенкендорфы и т.п. ничего не знают, не читали о своих предтечах, но как до мелочей воспроизводят приемы, методы⁸⁶.

Надпись маршала Н.И.Крылова на книге, вышедшей в Воениздате: «Александр Трифоновичу в знак особого уважения и искренней признательности моему любимому поэту, от автора. Н.Крылов. 17.3.69»⁸⁷.

Как жаль, что присоветовали ему такое заглавие. Эта строка относит содержание книги (оборона Одессы в 1941 г.) ко времени гражданской войны на Д<альнем> Востоке — «Волочаевским дням». — М.б., напишу ему об этом, посылая свою книгу.

Можно, м<ежду> пр<очим>, предположить, что надпись и сам по себе факт в эти дни долбежки «НМ» не случаен. А м.б., просто ему эта долбежка «до лампочки». —

19.III.69

Вчера подписал послание и отправил в Союз, «Правду» и «Литгазету»⁸⁸. Курьер привез все с заготовленными конвертами — только подписать и запечатать клеевой лентой, что я и сделал, даже не прочитав окончательного беловика. М.б., напрасно дополнил машинописный адрес от руки «т. К.В.Воронкову». Лучше бы, м.б., не показывать ему, что я мог бы, но не стал писать сопроводилку на его имя. Но это

* Строфа совсем «болваночная», но самая главная по мысли. —
Примеч. А.Т.

уже расчеты и предположения вроде никитенковских, что, впрочем, не так уж безосновательно. —

Где-то еще есть успокоительный червь: ничего не будет, будешь так же, на том же кислородном голодании, отдавать время и силы журналу и т.д.

Но — нет уж. Уже не хочу. Если бы при всем этом хоть реальность «личной ответственности», а так нет. Нельзя и не нужно по душе, хотя душа — рабыня привычки и хотела бы избежать внешних перемен бытия, необходимости что-то объяснять любопытствующим и сочувствующим. И еще: всякие открепления и прикрепления по парт<ийной> линии.

Живем, мысленно читая историю наших дней во всей их нынешней неразберихе и будущей ясности, где все встанет на место и всем воздастся по заслугам. И стараешься — так ли, сяк — потрафить тому будущему суду и не оставить у него сомнений насчет твоей принципиальности и т.п. И даже хочешь, чтобы тебя потом пожалели и оценили. На этом, м<ежду> пр<очим>, весь дневник Никитенки, человека честного, но весьма посредственного, не сумевшего «выжать из себя раба» и сделать из своей рабской, шевченковской юности знамя своей непримиримости на всю жизнь. Куда там — чиновник из чиновников, только совестливый, пытающийся оправдаться перед совестью и перед чем-то, что смутно предвидит в исторической перспективе малой «необходимостью»: без меня еще хуже было бы. — Так примерно я и сказал уже ребятам, что мы с нашим «НМ» уже цепляемся за то соображение, что без нас еще хуже будет.

Впрочем, это я уж слишком. Ибо даже одного того, чего мы *не делаем* в ж<урна>ле, довольно, чтобы выделяться и аккумулировать на себе внимание друзей и врагов. Но кое-что (ах, это «кое-что»!) и делаем.

21. III

Четыре дня до 25-го. Среди ночи и по утрам — мука с затекающей в гипсовом кувшине ногой. Дважды уже добирался до телефона (до Верейского).

Вчера говорил с Лакшиным насчет жанрового обозначения моих финских записей. С чьих-то слов он слышал, что в «ЛГ» сами говорят о «вынужденности» их выступления по Воронову, т.е. «Н<овому> Миру». Я и заметку о Драпкиной понял не иначе, как обычный прием уравнивания, компенсации («нет, мы не только критикуем») ⁸⁹.

Звонил Оле, подошел Вольдемар — она уже была в постели, — наверняка не очень здорова, — сообщил, что звонил Воронков и сказал, что завтра, т.е. сегодня, он приедет ко мне. Понятно — письмо, но как и что, не вдруг угадаешь.

Разъяснить ему, что прием фальсификации «писем» против «НМ» не новинка: то же самое — письмо яшинских земляков, письмо, организованное Кривицким, «Сельской жизнью» (?), еще что-то⁹⁰.

Быть спокойным, немногословным и твердым: или — или, но не просить самому об отставке, если не будет предложено от имени ЦК.

Если пойдет речь о редколлегии, то ставить Лакшина замом и вводить Демента в члены. Нет — ставьте другую редколлегию, начиная с редактора, но опять же — сам я не уйду.

М<жду> пр<очим>, сказать ему, что он делает большую ошибку, если не ведет дневника. (Пример Никитенко⁹¹.)

М.б., если к тому будет видно, предложу прочитать на Секретариате доп<олнительные> главы. Именно таковыми обрисовались они вчера, когда начал выводить на твердую дорогу главу «Сын за отца». Право же, выпускать сейчас «Дали» (в «Сов. писателе») без этих дополнений — просто печаль. —

Но ближайшим образом — вопрос о пятом томе, — это уж во всяком случае надо решать⁹².

Прочел у Никитенко (он помимо главного — суета сует своей служебной деятельности, то и дело отвлекается «резиньяциями»):

«Располагаться в жизни и на земле слишком широко и оседло, с различными заботами об упрочении своего положения и доли, право, нелепо и смешно» — и подумал, что я, так неотрывно с малых лет думающий о старости, о смерти, еще не думал об этой хотя бы своей даче, своих «преобразованиях природы», книжных полках, ящичках и папках в открытую связь так, как и записывать не хочется. —

22. III

Воронков приехал не вчера (почему-то он решил, что я на партсобрании делаю доклад — и почему-то не позвонил в редакцию), приехал сегодня около 11 ч. Облобызались (по его инициативе).

О письме моем, собственно, речи не было, кроме того, что он показал отметку, когда пришло в Союз первое письмо ветеранов (24 января) и когда мне переслана копия (6 февраля). Словом, оно было там, в Союзе, уже дней за 10 до заседания, по Воронову.

Приехал он по вопросу о редколлегии, которую наравне с др. журналами нужно пополнить, укрепить и т.д. в соот-

ветствии с решением о повышении ответственности. И очевидным образом вопрос этот — to be or not to be — мне и всей нынешней редколлегии, ибо Отдел не желает слышать ничего о Лакшине в качестве зама, а м.б., и члена даже; не желает и Дементя, который будто бы был предложен им, Воронковым, и Марковым. И названы были следующие кандидатуры, подбор которых или свидетельствует о младенческом ничего-незнании Отдела, или же о его решимости поставить меня перед необходимостью уходить:

Чивилихин (см. НМ № 7, 1965 г. — рец. Берзер)

Рекемчук

Л. Фоменко

Якименко

Дм. Еремин⁹³

Я уж не стал спрашивать — всех их мне предлагают или на выбор, но сказал, что все это курам смех. Не иначе, что это предложение Отдела, Секретариат не отважился бы предложить столь одиозные фигуры.

Я заявил, повторив это по кр<айней> мере трехкратно, что если я остаюсь гл. редактором, т.е. пользуюсь доверием ЦК, то не представляю себе, чтобы «кабинет» мне составляли помимо моей воли, т.к. это именно означает недоверие. И если представленный мною состав (в понедельник, т.к. 25.III Секретариат должен представить все Отделу) не принимается, я, к искреннему моему сожалению, должен буду отстраниться, предоставив кому угодно формирование редколлегии, начиная с гл. редактора. —

Я никого не отвожу из нынешнего состава, помимо «иногородних» — Айтматова, Гамзатова, Кулешова, каких — с этим согласен и Воронков — следует запросить, хотя ли они остаются за «НМ» или другим органом, где состоят одновременно (в двух не могут по постановлению о повышении)⁹⁴.

И предложу утвердить новых:

1) Симонова К.М. (сегодня или завтра спрошу его)

2) Ермакова (?) из «Знаний» (реком<ендовал> Лакшин)⁹⁵ или Карпинского Л., о кот<ором> сегодня много хорошего рассказал Демент со слов своей Ирины.

3) Дементьева А.Г. На титульном обозначении Лакшина не настаиваю, но в нынешнем его качестве и.о. считаю безусловно необходимым оставить⁹⁶.

Сказал насчет приглашения Свободы⁹⁷ («Нельзя не ехать, А.Г. — контакты...»)

И насчет [тома] 5-го собр<ания> соч<инений> («Я не знал»). Условились, что напишу ему письмо.

Закончил Никитенку — очень грустный конец книги и итог жизни: «Самое важное в человеческой жизни — это *умень что-нибудь сделать*. Это не ум, не доблесть, не гений, но это выше и ума, и доблести, и гения. Это то, чем люди бывают полезны и себе и другим...

Я ничего не умел и не умею сделать. Меня очень рано, еще в детстве, начала соблазнять мечта какой-то высокой будущности, славных и великих подвигов, и я таким образом начал тогда уже испаряться в обширных замыслах, в бесконечном пространстве и ничему не выучился, т.е. ничего дельного не выучился делать...»

Не шутка заключить такой записью почти полувековую летопись своей жизни, полной труда, честных стремлений, любви к делу и к людям.

Это, правильно заметил Дем<ентьев>, горький итог не изжитого в себе «раба», крепостного парня, ставшего академиком, профессором и т.п. и обожающего эти звания, не смеющего посягнуть на идолов власти, рабски признательного им... Шевченковская биография, но характер иной.

Независимо от всего этого полезно было перечитать, обнаруживая не только разительные и грустные «похожести» глупостей и мерзостей столетней давности на нынешние до мелочей. Грусть в том, что мы, нынешние «либералы», — мы тоже Никитенки по отношению к властям, никакие не Чернышевские или Добролюбовы, хотя и по др. причинам.

23.III. Пахра

В Секретариат Союза писателей СССР

Дорогие товарищи!

В связи с задачей пересмотра, обновления и укрепления редколлегий журналов, вытекающей из Постановления ЦК о повышении ответственности руководителей печатных органов Союза, имею высказать следующее.

Запросить членов редколлегии журнала тт. Айтматова, Гамзатова и Кулешова, являющихся одновременно членами редколлегий других печатных органов Союза писателей, о том, в составе какой одной редколлегии предпочитают они оставаться. Сделать это должен, мне кажется, Секретариат Союза писателей.

Подбор членов редколлегии и распределение их обязанностей или должностей находится всецело в компетенции главного редактора, назначаемого Секретариатом Союза писателей и утверждаемого ЦК КПСС.

На таких именно общепринятых условиях мною давалось согласие на вступление в эту должность в 1950 [году]

в первый раз (был освобожден в 1954 г.) и в 1959-м — во второй раз. Разумеется, могут быть те или иные рекомендации Секретариата Союза по составу редколлегии, но окончательное слово, естественно, остается за главным редактором.

Если бы Секретариат настаивал на введении или исключении из состава редколлегии той или иной кандидатуры вопреки соображениям главного редактора, это означало бы только одно: что последний уже не располагает доверием Секретариата и директивных органов и тем самым должен был бы уступить свое место другому товарищу, который в полной мере пользовался бы таким доверием. В данном случае я решительно против рекомендуемых Секретариатом в состав редколлегии «Нового мира» кандидатур Чивилихина, Рекемчука, Лидии Фоменко, Якименко и Д.Еремина, совершенно одиозных, с моей точки зрения.

Как главный редактор журнала я считал бы разумными и целесообразными следующие изменения в составе редколлегии журнала:

а) назначить вторым заместителем редактора т. В.Я.Лакшина, который уже в течение двух лет является исполняющим обязанности заместителя и получает соответствующую ставку. — В свете подчеркиваемой Постановлением ЦК задачи повышения личной ответственности редакторов представляется странным, чтобы член редколлегии, фактически исполняющий должность заместителя гл. редактора, не подписывал журнала именно в этом своем качестве. Кроме того, отсюда проистекают и производственные неудобства, как, например, то, что т. Лакшин не может подписывать к печати листы верстки в отсутствие меня или первого заместителя моего — т. Кондратовича и т.п.;

б) пополнить состав редколлегии новыми членами — заведующего отделом публицистики вместо тов. Марьямова, который по болезни не может занимать эту должность, но будет полезен, оставаясь членом редколлегии;

в) (со стр. 1-й);

г) ввести в состав редколлегии тт. А.Г.Дементьева и К.М.Симонова.

Таковы мои соображения и предложения по составу редколлегии и распределению должностных обязанностей членов ее.

В случае неприемлемости для Секретариата этих моих предложений я должен буду, к моему крайнему сожалению, заключить, что не располагаю уже как редактор полным доверием Секретариата Союза и Отдела ЦК КПСС, и должен сделать отсюда единственно возможный для меня вывод, хотя речь идет о журнале, которому посвящена столь значительная часть всей в целом моей литературной и общественной жизни. —

24.III

Завтра освобождение ноги.

Говорил и думал, что письмо по поводу «писем ветеранов» — мое последнее послание в «Отдел писем без ответа». Но — нет.

А нынешнее письмо по поводу «укрепления» редколлегии — это уж наверняка последнее, если только не совершится невероятное, т.е. этот акт прямого неповиновения будет оставлен без внимания или даже принят в силу очевидной необходимости (у Отдела одна необходимость — не сплеховать перед начальством). Перебеляю письмо к приезду ребят. —

27.III*. Пахра

Между предыдущей и нынешней записью — глупейший случай с повреждением ноги, больница и послебольничное пребывание в гипсе, снятие (25.III) гипса и уже две ночи хорошего сна, какого не было эти шесть недель (с ногой).

Начиная с больницы этот промежуток занесен в синюю тетрадку.

[Вклейка]

Дорогой мой Александр Трифонович, я солдат прошел всю Отечественную войну читаю ваше произведение люблю вас, как душу свою но никак не найду вашего полного сочинения. Я спорю с людьми и доказываю, что нет правдивей на свете вашего слова. Ответьте мне, где мне найти ваше полное сочинение и когда я прочитаю по порядку все и после этого я готов всегда подписаться хоть на убыль, хоть куда, я всегда готов. Я солдат с 1923 г. рождения прошел всю войну и готов жить лет до девяноста.

Александр Трифонович прошу ответьте мне на мое не удачное письмо прошу как воин и рассуждать с вами достоин: вы солдат и я солдат, а солдат солдату брат. И вот я как солдат прошу вас, не забудьте меня и подскажите где достать ваше полное произведение.

С приветом солдат Беликов Николай Федорович.

12.IV.69

Глава «Сын за отца»... идет, усилена весьма, близко вроде к завершению, но уже кажется, что после новых строф усиления внутри слабее звучат завершающие строфы («И не ответчик он за сына») ⁹⁸.

* С этого числа записи продолжены в основной тетради. — Примеч. А.Т.

Вчера — посещение редакции бр<атьями> Медведевыми, моя ошибка: впервые видя их вместе, и, кажется, Жореса вообще впервые, поздоровался с последним, приняв его за Роя. Чудесная пара близнецов.

Рою сказал о его письме в ред<акцию> «Коммуниста» все добрые слова, какие оно вызывает, м.б., не все, — забыл сказать, что в стилистике письма сталинская рефренизация очень уместна⁹⁹.

Говорил по тел<ефону> с Солженицыным, который, оказывается, в Москве. (С<офья> Х<анановна> случайно видела его на улице накануне.) Выразил готовность приехать «сейчас», но так и не приехал до 5, а тут уж и я собрался. Ждала Маша со внучкой (Валя где-то в Гурьеве читает цикл лекций)¹⁰⁰.

Письма о стихах в № 1¹⁰¹.

Письмо Маруси и звонок Нади — Ньюра опять в б<ольни>це. Написал Марусе¹⁰².

13.IV.69. П<ахра>. Пасха

Кажется, закончил. Итак: три новые главы (глава и две главки).

Конечно, самое естественное — иметь возможность присовокупить их к изданию «Далей» в «Сов<етском> п<исателе>». Но в обстановке нынешней враждебности ко мне, если не предписанной, так подсказанной сверху, об этом вряд ли можно мечтать. Но будь что будет, отдаю две нынешние главы в «НМ». Пусть хоть будут набраны, прочитаны редколлегией, подшиты к делу. Можно — и так это естественно — апеллировать к Секретариату, м.б., так и поступлю, хотя все это только времени протяг. —

Кто я? Что я? — Редактор «НМ»? Почти в такой степени, как Рыбаков «Театра» — не могут найти замену — продолжает подписывать.

Лежат мои три последние послания в столе у Воронкова (или у Мелентьева—Беляева). Ни звука¹⁰³.

Первая весна с ближайшим ощущением старости, ее очевидности. —

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было б выражено словом...¹⁰⁴

16.IV. П<ахра>

Вчера, вычитав (мелкой правки в «Сын за отца» порядочно) с машинки, еще раз испытал потребность прочесть,

пошел к Дементу, встретил почти у его калитки Г.Фиша, пригласил его с собой — послушать заодно.

Читал с возрастающим чувством ладности и цельности того, что так долго и так трудно высвобождалось от неотчетливости, натяжек и «стяжек» и определилось в теме. После «Сын за отца» Фиш потянулся целоваться и был, видимо, искренно тронут. Демент сидел с ненавистной мне миной себе на уме, и хотя хвалил сквозь зубы, но заговорил, уходя от серьезной оценки, о том, не отдельная ли это вещь от «Далей» и нельзя ли тут еще что-то добавить, вставить между «Сеновалом» и «Сыном» («показать»...). Бедняга был подавлен неоспоримой аргументацией «воспитателей», какая может быть привлечена ими для осуждения и запрещения вещи. Он все еще никак не свободен от присущей ему готовности как-то приноровиться к ним, поладить с ними на чем-то «полу-полу», даже обойти, обхитрить их, но не встать во весь рост против них. Кажется, он начал вставать так только после того, как они на нем самом проверили свое оружие.

А в сущности, вся его школа, начиная (или продолжая) с секретарства в Л<енингра>де после историч<еского> постановления¹⁰⁵, укоренила в нем этот рабий дух. Впрочем, м.б., я был просто огорчен его недостаточной впечатлительностью от прочитанного. Нет, но не затем же я читал, чтобы услышать, как это «непроходимо», мог же он отвлечься от этого и без него ясного вопроса и чуточку больше сказать по существу — даже пусть бы в сторону несовершенства.

Вечером, закрывая парадное, увидел на лавочке письмо в конверте с иностранным штампом — это было письмо, подброшенное Фишем (конверт отеля «Тритон» в Копенгагене). Он благодарит, пишет, что потрясен до слез и что это не от болезненного еще его состояния, тем самым дав понять, что отчасти именно и от этого. Но все же приятно. Вчера провожавший меня Дем<ентьев> не мог взять в толк, заполняя время, которое как раз годилось, чтобы сказать что-нибудь о моем сочинении, пустоутробием о делах Правления, даже о работе Нади, тогда как я хотел слышать что-нибудь о своей, и мне было до горечи странно, что он так вдруг от нее отключился. Но — бог с ним.

Покажу новомирцам, не ставя перед ними вопроса, — не предложат ли сами набрать, разослать членам редколлегии, словом, запустить — пусть без всякой надежды, но с уверенностью, что это не попытка протащить, а убеждение, что это — поэзия и что нельзя не пытаться ее двигать в свет.

В отличной статье Гефтера — место (по Марксу) об обществе воспитателей и воспитуемых — просто как откроче-

ние. Вижу во всей жуткой наглядности это общество и представителей одной и другой его части¹⁰⁶. —

Подобрал, уложил в папочки три моих последних письма в Секретариат и три эти главки, завершающие нечто в моем «самоизменении» (слово из той же статьи Гефтера).

Будь что будет. Все к концу, как угодно творцу.

Отстающие от весны строчки, набегавшие сами собой, но так и не сцепившиеся.

Снег сошел* с дорог,
Снег уходит из-под ног,
Только понизу таится
По лесам.
Продырявлен там и сям,
Прелью старых трав протравлен (дешевка),
По обратным солнцу скатам,
По карьерам, котлованам,
По пескам, по глинам рваным,
Там, куда не —
Ни лопата, ни бульдозер, ни метла, ни скребок,
Ни след резины —
В потемневшие низины.
Следа зимнего посовы
Заняты водой.

Вчера и третьего дня — дожди, съедающие снег даже и под защитой наших елушек. Сегодня проспал всю ночь, т.е. с 11 до 5, без просыпов — под дождь (фортка и дверь на балкон приоткрыты).

18.IV.69. П<ахра>

Вчера читал у Лакшина (Сац, Хитров) вновь перебеленные С<офьей> Х<анановной> главки. Говорят: запускать.

Сегодня угопил строфу:

А может, было все иначе:
Лихой судьбе наперекор
Он не поверил в тот незрячий
Поры горячей приговор.

След<ующая> начинается строфа:

А может, в скопе эшелона,
Что вез (шел) куда-то за Урал...

* Зачеркнуто А.Т.

Первый — Солженицын. Был восхищен моим ответом Секретариату по составу редколлегии. Говорит: если 90% ж<урна>ла будет состоять из чего угодно (переводная беллетристика и т.п.), но 10% будут «новомирские», и то стоит держаться¹⁰⁷. Прочел, говорит, 15 книжек «НМ» последних (Воронова не читал), вообще-то ни черта не читает.

Приглашает меня в «охотничий домик» 7—8.V, где прочтет главы из нового романа (1914 год).

Плимака пришлось отложить, чтобы не задерживать № 3¹⁰⁸.

Надя — жалкое, слезливое существо огромной жизненной (бабьей) цепкости. 100 руб., которые не хотела брать, пока не пригрозил. Просила-канючила № 2 («там ваше»), да с автографом — не дал: «Нужно подписываться на "НМ"».

Вечером.

Вот и Дубчек¹⁰⁹. Очередь за мной.

19.IV.69. П<ахра>

Едва ли не первый в эту весну легкий утренник (в большой бочке вода не замерзла, только в маленькой покрылась паутинкой). На концах трубочек (березовик) сосульки. Сочится вообще очень слабо. —

Действительно — падение Дубчека («последний акт чехословацкой трагедии») — некая черта, м.б., даже конец той «молчанки», которая так долго тянулась у нас, и конец «НМ». Как угадать?

20.IV

Вчера читал Симонову и Маше. Он вообще слышал впервые и был действительно впечатлен весьма, даже признался, что это чтение пробудило в нем бодрость, несколько упавшую в связи со всеми нынешними делами.

Но отметил тотчас строфу с «мутью и жутью» как неудачную, и наверно прав.

Но я-то, кроме того, при чтении отметил про себя утопленную было строфу перехода «А м.б., совсем иначе», без которой явно хуже. И сама собой оставалась концовка «суд», которой никак не был доволен и лишь известным самовнушением оставил, и она прочитывается с ходу даже не без эффекта, а между тем.

На все на это и кинулся с 4-х утра (встал еще ранее), и кое-что сделал, а больше не далось. Накурился, наглотался кофе собственной заварки, после завтрака раскис, задремал.

Потом пошастал по участку, поранил еще две березы, вернее 4, но березовик дали только 2, туда-сюда, обед, после обеда опять задремал здесь, в офисе, и теперь чувствую себя нездоровым. Не хочется об этом думать как о присущем возрасту уровне самочувствия, но что-то и ноги как-то с трудом распрямляются, как посидишь за столом, — правая, больная, а заодно с ней и левая.

Воротил на место строфу со «зловещей памятью» и вслед за ней ввел новую:

Какой неведомый донине
Особый съезд решил за нас,
Чтоб этой памяти в помине
Меж нами не было как раз.

«Как раз» не без натяжки, но, главное, жаль, что очень важное слово «съезд» не на рифме¹⁰. —

Симонов говорит, что нужно отделяться от «Далей», брать общий заголовок — хотя бы «О памяти» — по заключительной главке и набирать вместе с «Сеновалом». Так-то оно так, но неудобство есть, и невольно пожалеешь, что сунул ранее этот «Сеновал». И заглавие нужно поярче и содержательнее.

Хорошо поговорили с Симоновым. Он рассказал, что в 30-м году в Саратове, будучи городским, никак не связанным с деревней пареньком из интеллигентной семьи, понимал, что это несправедливо (раскулачивание и пр.). Потом о себе, о родне, об отчине.

Верное наблюдение, что не только у нас известная подавленность и тоска, но и у тех, коим, казалось бы, ликовать и т.п., не видать воодушевления, радости, уверенности. —

Но так ли, смя ли, главы совершились. Маша — при всей ее отчужденности от «кулацкой» темы, почувствовала, что теперь это все выросло в объеме содержания и «философии».

Еще до поездки в город на обсуждение Владимирова¹¹ 2 утречка, — авось справлюсь.

Нудьговое письмо некоего Щура (что-то знакомое) по стихам в № 1: «Не унывайте в связи с неприятностями пенсионного возраста».

21.IV.69. П<ахра>

Доделывал с 5 утра, кажется, доделал (концовка так себе), начал думать об общем заголовке, придумал: К живым

и павшим. Претенциозно, но это вдруг породило строфы, вступительные ко всему циклу (не решаюсь сегодня же счесть находкой), но все же — уже то хорошо, что написалось сразу, вдруг:

Смыкая возраста уроки,
Сама собой приходит мысль —
Ко всем, с кем было по дороге,
Живым и павшим отнестись.

Она приходит не впервые,
Чтоб слову был двойной контроль:
Где, может быть, смолчат живые,
Прервут ушедшие: — Позволь.

Перед лицом суровой были
Не вправе ты кривить душой, —
Не за побаски заплатили
Мы платой самую большой.

И вслед живыми подтвердится
Завета мыслимого суть.
Просчет невольный — да простится,
Расчет лукавый — проклят будь¹¹².

Вечером был Симонов. Грустен, наверно, не хочется писать для «Правды» о Д<альнем> Востоке — так мешает Чехословакия! Ведь что происходит с человеком, который, казалось бы, умеет и примениться. — Оставил машинописные выписки из Салтыкова-Щедрина. — Про «Карельский перешеек» сказал: «Однако ты и тогда уж был гуманистом...» Просил разрешения сделать копию с глав, я обещал дать экзем<пляр> в окончат<ельном> виде.

22.IV.69. П<ахра>

День рождения Ленина — ровно год до конца юбилейного года. —

Вчера С<офья> Х<анановна> через Верейского просила срочно позвонить. Звоню — разыскивает Воронков, намерен ехать на дачу, если не разыщет. Звоню ему — представление мое не получило поддержки (Дементьев, Лакшин, Ермаков). Что, говорит, мне передать на «высший уровень Отдела», от имени которого он говорит. — То же самое: если мне поручено составить редколлегию, так я именно так ее и составил. Не годится? — Пусть высший уровень делает выводы. А вы-то как думаете, К<онстантин> В<асильевич>? — Я — как и вы, но я 79-я спица...

Условились, что завтра, т.е. сегодня, я позвоню — он скажет о результатах своего доклада «уровню». По-видимому — да, вслед за Дубчекoм.

Главы отдаю на переписку.

К ЖИВЫМ И ПАВШИМ

Посвящение

1. Перед отлетом
2. Сын за отца
3. О памяти.

Пусть будет то, чего уж не может не быть.

Сегодня нужно бы навестить Ив. Сер-ча [Соколова-Микитова] и необходимо быть у Закса (новоселье). Впервые, может, в жизни готов бы откупиться, чтоб только не пить сегодня, но пренебречь его приглашением невозможно — обида.

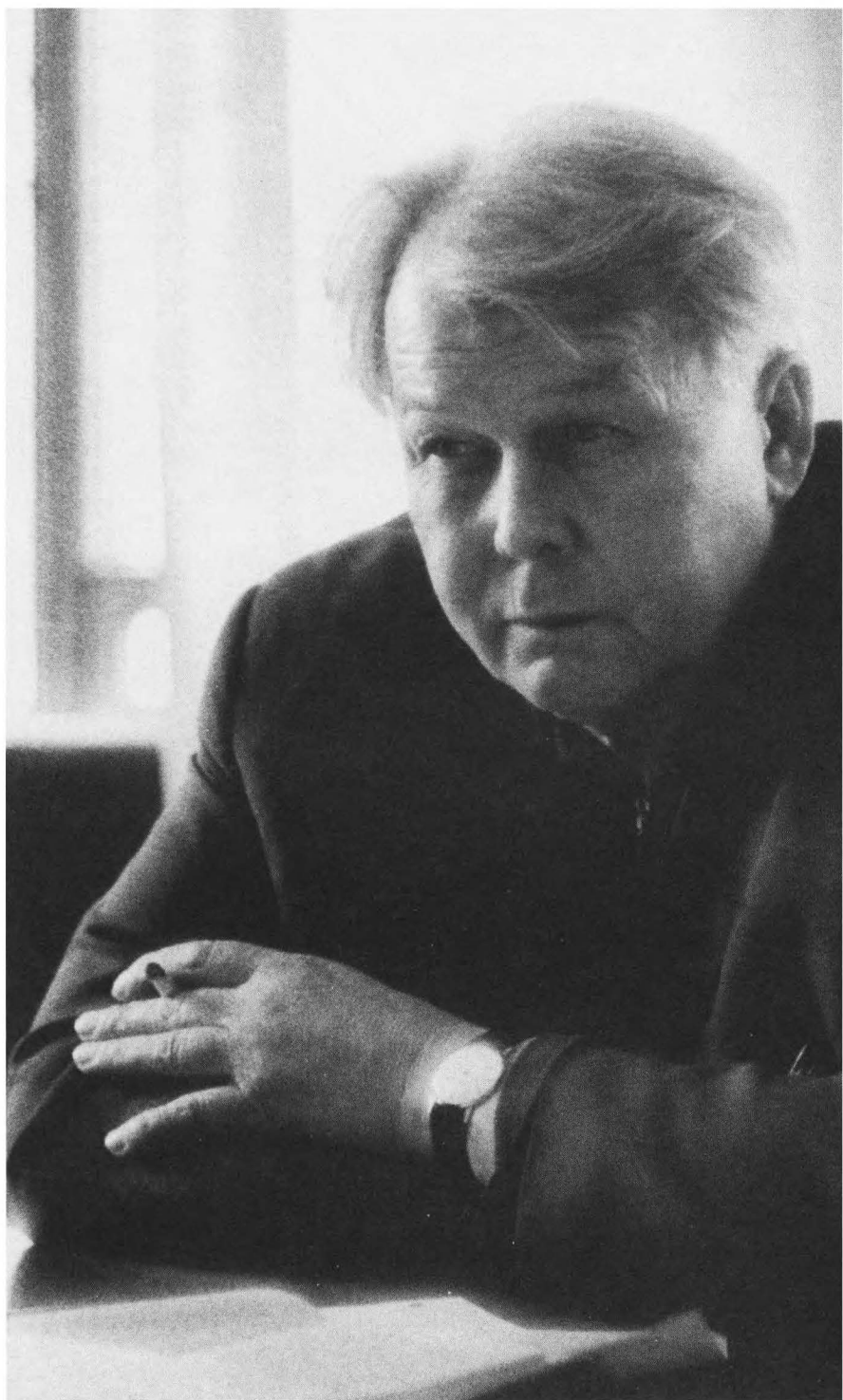
24.IV. П<ахра>. Около 4-х утра

Третьего дня позвонил Воронкову — ничего нового («мне еще не удалось связаться»), лишь повторил, что «высший уровень» (отдела) настроен решительно против моих предложений. Я повторил свое для передачи «уровню»: как нитяжко и унизительно мне продолжать работу в ж<урна>ле, я сам ее не покину и помогать «уровню» в решении этой задачи не буду. —

Воронков был, мало сказать, любезен. В этот день он прислал мне разрешение прописки для Буртина («Вы получили? Вот удалось добиться». — Большое спасибо). То, что он сказал «об уровне», просил считать «между нами». И вообще, чтобы я не думал, что он в какой-то мере причастен. Я заверил его, что к нему лично претензий не имею. Только сказал, роль мне его кажется незавидной. — Ох, сказал он, роль мучительная (или что-то в этом роде). Это — чтобы я его и пожалел еще. —

Были у Заков, читал там. Все в один голос сказали (повторили), что надо сдавать в набор. Выпито было не чрезмерно. Однако и пели: где Дем<ентьев>, там без этого не обойтись.

Вчера утром пришло заглавие вместо «К живым и павшим», кот<орое> не было одобрено. Сперва «В защиту памяти», а потом, в результате встречи у телефона с Симоновым — «По праву памяти» (он предложил было «Право памяти», но это не в ритме вещи и вообще не то). Нынешнее одобрено

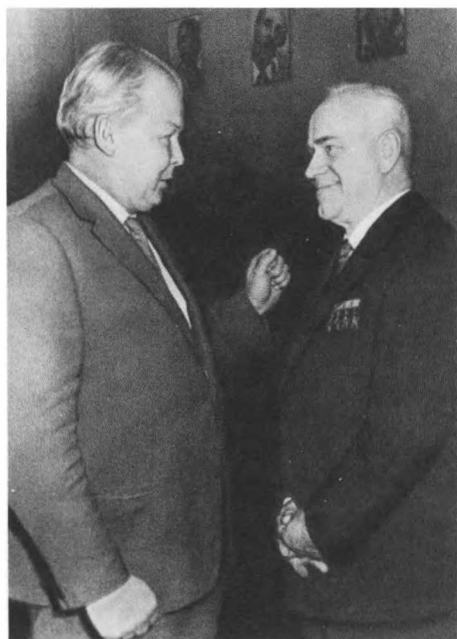
А.Т.Твардовский и К.А.Федин на праздновании сорокалетия журнала «Новый мир». 1965

В кабинете у С.Я.Маршакa. 1963

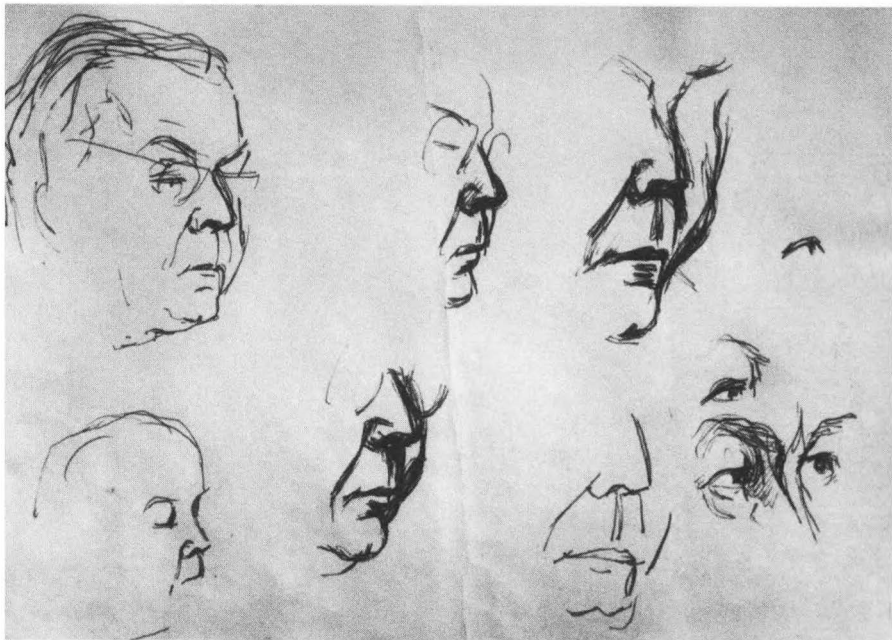
На приеме в Кремле. Слева направо: А.А.Вишневский, Твардовский, Ю.А.Гагарин, Д.Д.Шостакович. 1964

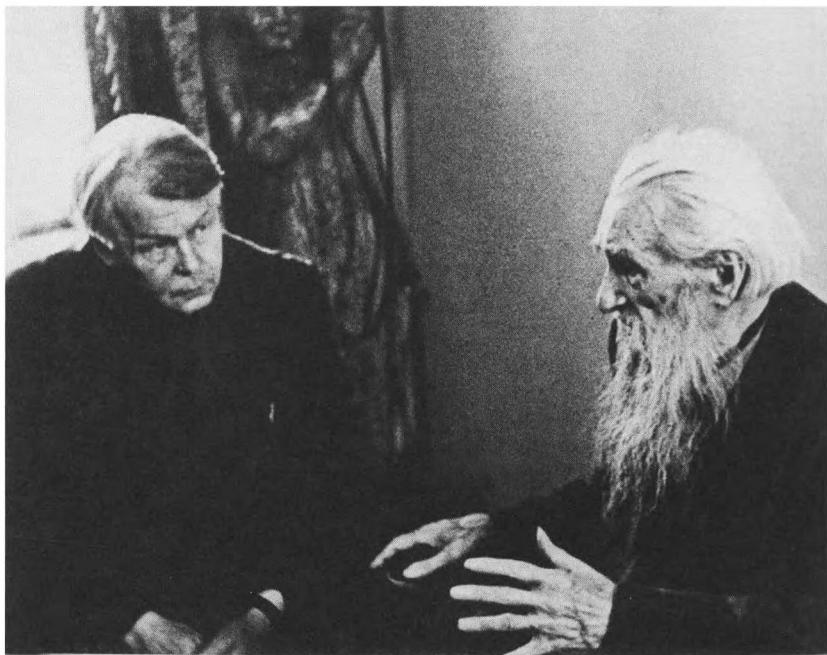
С Маршалом Советского Союза Г.К.Жуковым. 1964

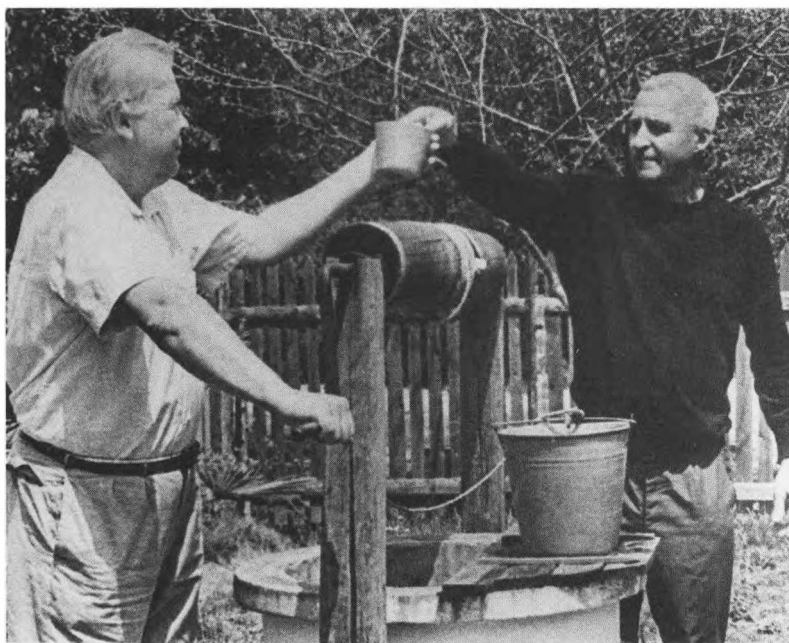
На Братской ГЭС.
За любимым занятием —
вырезанием палки.
Фото Иржи Плахетки

Наброски с натуры, сделанные на Пахре художником А.Базлаковым. 1970

В мастерской С.Т.Конёнкова. 1968

С Константином Симоновым в Гульрипши. 1969

На концерте Аркадия Райкина в Центральном доме литераторов. Слева направо: А.И.Райкин, Л.А.Кассиль, Е.З.Воробьев. 5 июня 1970

В кабинете главного редактора в день 55-летия Твардовского.
За разбором поздравительной почты. Слева — Б.Г.Закс.
21 июня 1965

В редакции «Нового мира». На 60-летию А.Г.Дементьева (слева).
Справа от Твардовского — Р.Гамзатов и В.Я.Лакшин. 1964

И.А.Сац и А.В.Македонов навещают Твардовского в кунцевской больнице. 1969

Редколлегия «Нового мира» в дни разгрома журнала. Фотография на память. Слева направо — сидят: Б.Г.Закс, А.Г.Дементьев, А.Т.Твардовский, А.И.Кондратович, А.И.Марьямов; стоят: М.Н.Хитров, В.Я.Лакшин, Е.Я.Дорош, И.И.Виноградов, И.А.Сац. 27 февраля 1970

в редакции, Хитров при мне вычитал всю рукопись и послал на вычитку в корректорскую и т.д.

Позвонил Кондратович и пригласил — не заеду ли? Поехали к нему с Сацем. Поправились умеренно.

Пожалуй, было бы хорошо ввести где-то строку «По праву памяти живой».

Вместо «О памяти» — «О божествах» с эпитафией из «Далей» — Великий Ленин не был богом и не любил творить богов. —

Симонов правильно посоветовал послать копию письма о редколлегии Федину, но тот, как сказала Ант<онина> Ивановна¹¹³, в б<ольни>це, и то ли уже сделали ему операцию, то ли должны были делать сегодня, т.е. вчера. —

Со вчерашнего дня стало думаться о «Пане Твардовском»¹¹⁴. Нет, это не будет беллетристикой — выдумывать себе жизнь вместо прожитой кажется нелепым и невозможным. Но это не будет и простодушной автобиографией, как у Исаковского. На том же почти материале будет другое.

Возраст: ничто уже не кажется легким, и собственная автобиография, мемуары не есть уютная гавань старости. —

Нужно исподволь перечитать «Былое и думы», «Моего современника»¹¹⁵. —

25.IV

Попытка оправдать заглавие «текстуально»:

...Расчет окольный — проклят будь.

И пусть завет простой и здравый
Горит, как знак сторожевой,
Чтоб стих без примеси лукавой
По одному явился праву —
По праву памяти живой.

И также врубить в рифму важнейшее слово «съезд».

...Зловещей памяти дела.
Какой, в порядок не внесенный,
Решил за нас
Особый съезд,
На этой памяти бессонной,
На ней как раз
Поставить крест. —

Додумываю, доделываю, хотя, можно сказать, как-то в целом плохо себя чувствую физически и не имею 1% надежды на «соизволение», разве что — на «попущение».

Еду в город. Будет у меня брательник Миша Плескачевский¹⁶, — может быть, дам ему прочесть или даже дам экземпляр рукописи, если сегодня, как говорил Хитров, будет уже набор. —

Надоело собирать березовик — слава богу, и березки снижают «удои».

27.IV. Воскресенье

В пятницу до редакции заехал к Сок<олову>-Мик<итов>у. Старик очень остариковел, поднялся с кресла поздороваться — широкая борода уже не кажется декоративной, — а сел на место с трудом; очень худ, костляв, все уже затруднено — согнуться, разогнуться. Комната затемнена — то ли день, то ли вечер. Это из-за глаз, но такой комнатный режим для человека, привычного к рассветам и закатам, к пред-рассветной рани в лесу, умеющего распознать любой час суток без часов по знакам, ведомым охотнику и т.д. Больше всего жаловался на бессонницу.

Сообщил, м<ежду> пр<очим>, со слов фединской Ольги Викторовны, что Федину сделали операцию, но она чем-то нехороша («корешки какие-то остались»).

И все же оставил во мне впечатление старика, и в таком крайнем состоянии (слепота, воспаление легких и, кажется, инсульт, в результате которого грохнулся на пол и пролежал час-другой при открытой форточке) достойного и мужественного¹⁷. Был рад-радешенек (предложил было по маленькой, — но я уклонился, и он не настаивал), не удерживал, когда я, посидев часок, поднялся.

В редакции: 1) Звонили С<офье> Х<анановне> из «Сов. писателя» — срочно просмотреть иллюстрации к «Далям» (потом не нашли того художника — отнесли на понедельник).

2) Звонил С.Х. Дементьев Валерий — предложение изд<ательства> «Сов. Россия» переиздать «Тёркина» с приложением «Карельского дневника». Или — сейчас подумал — «Ответ» с «Дневником»?¹⁸ Его [В.Дементьева] С.Х. не смогла уже разыскать.

3) Композитор Новиков (из нашего дома) с двумя — режиссером Омского театра оперетты (?) и неким сценаристом насчет создания музкомедии «Вас<илий> Тёркин». Дуйте себе!¹⁹

4) Миша Плескачевский — старенький и худющий, взял его под руку — рука из двух палочек, как, помнится, была

у Маршака в последние его м<еся>цы. Дал ему почитать главы. — Не думаешь ли под старость в Россию? — Вроде и не прочь бы, да кому нужен, кто ждет? Вдовец. Дочь кончает институт, сын 28 лет женился — развелся. Грустно. Из всей моей бесчисленной родни интеллигентный и умный человек, несмотря на долгую школу бакинского собкора «Труда». —

5) Хитров рассказал со слов одного писателя, близкого «Сов<етскому> воину», что редактору была баня от Епишева: зачем поместил мое приветствие. Епишев уже и против канонического «Тёркина». Рад был увидеть — в «Лит. России», что в «Нар<одной> б<ibliote>ке» вышел «Тёркин» — 100 тысяч — армия моя! Стенд тёркинский был удален с выставки «Сов<етского> в<оина>»¹²⁰.

Вчерашняя ночь была с 10 до 3 — проснулся в грозной тоске после принятия с Дементом и Хитровым граммов по 200 коньяку в «столовой» под гнусную треску с холодным пюре [...] встал в 8, ничего уже не добавлял, и слава богу. А сегодня и ночь была приличная после весенней оправки-обработки приствольных кругов «от ствола» (осенняя — к стволу).

С утра сегодня:

поправил и дописал на строфу «Посвящение» со строкой «По праву памяти живой»;

достал и, кажется, разогрел и выправил старый добавок к «Сеновалу» после «жизнь тому назад»;

строфу со «съездом» оставил покамест с неуверенной первой строкой: «в порядок не внесенный».

Замечание С.Г. [Карагановой] о заключительной строфе третьей главки — «китайский образец», что она газетна. М.б., но в газетах мы не говорим, что Мао — образчик нашенского «культа». Конечно, хорошо бы. Но покамест — пусть. По кр<айней> мере — ударно¹²¹. —

30.IV.69. 5 ч., уже больше часа, как встал, пил кофе и т.д.

Вчера написал десятка два неотложных первомайских приветствий, скучное и пустое дело, за исключением, м.б., таких адресатов, как Солженицын и Рой [Медведев], — последнего приветствую впервые и с тенденцией.

Как ни странно, с «Карельского перешейка» читается разными людьми и находит в них некий отзвук. Симонов, В.Дементьев (из вурдалаков, хотя сам по себе парень ничего), И.Т.Козлов¹²² — первомайская открытка, брат Костя — письмо и еще кто-то. А дело 30-летней давности. Итак, капитал традиция начинает давать проценты, впрочем, еще и раньше:

и «Ответ» написан по тетрадке-другой, и многие «Стихи из зап<исной> кн<ижки>» оттуда же. Словом, здравствуй, мемуарная старость — ей есть чем заняться.

Закончил вчера «приствольные круги», вылил двадцать коробок из поганого колодца, жег мусор на компостном «отстойнике».

Один из несомненных признаков старости — тяга ко сну и вместе невмещаемость лишних часов сна организмом. Сплю как будто немного, но, ложась вечером, уже как-то и не зачитываюсь — уйти ото всего в свои «сонные убежища» слаще всего. —

На участке работает вяло, без прежнего упоения и жадности. Выговаривал Маше, что она, забывая о возрасте и своих ногах, ввергается в свои земляные цветочно-огородные труды. —

Верейский — грустно: он не может не знать, чем был и продолжает быть обязан «Тёркину», но готовность «молченько» предать его — вот она. Записывать не хочется и не нужно, но не нужно с ним и делиться ничем, общаясь лишь в пределах условной дружбы, — настоящей-то никогда и не было. [...]

Устал ждать, весь вышел, уже хочу разрешения новомирского кризиса («Уже и де Голль освободился, а я все нет») ¹²³. Так приходится шутить, приравниваясь то к Дубчеку (как грустно его вступление в должность федерального председателя!), то теперь к де Голлю. Изнемогаю и зажмуриваюсь от перспективы, может быть, длительного еще такового полусуществования. Нет сил что-нибудь загадывать и вообще делать что-нибудь. Не дай бог!

У Никитенки, 3-й том кот<орого>, со своими прежними следами чтения, зачем-то перечитываю, находя некую «горькую усладу» в подобиях общественно-политических настроений и настроений возраста, — м<ежду> пр<очим>: «Человек исправляется от многих пороков по мере того, как теряет к ним вкус и способность». —

«Года, увенчанные хмелем, еще прекрасные года» (Баратынский)¹²⁴, но и они уже у меня позади, пожалуй. —

3. VI.69. П<ахра>

Весь м<еся>ц без малого — «весь в говнях». Посреди м<еся>ца — Воронков, которого я встречал на городской квартире, уже будучи «под газом»: «надо уходить». Предложил от имени Секретариата и Отдела подать заявление об уходе из «НМ» и посулил «должность с твердой ставкой в Союзе писателей». — Через дня три, все еще не выходя из «состояния», а, наоборот, все более входя в него, позвонил ему: дайте отпуск, а там видно будет: может быть, говорю, мне удастся еще с кем-то встретиться, дозвониться до кого-нибудь. А вообще, мол, силой мил не будешь — заявление я подам, только не напишу, что «по личному желанию» («пожалуйста!»). И покатился дальше до Лидии Дмитриевны и дважды через нее переступал. Сегодня первый день человек, и то еще не совсем. Когда-то я думал и похвалялся, что я первым буду знать, если что со мной (я имел в виду писанье), но я не первым узнал теперь, что другие уже давно знали. —

4. VI.69. П<ахра>

Ночью — дождь, утром дочитывал Хирна «Пришлый у ворот»¹²⁵. Мне опять плоховато — то ли от кофе и сигарет, то ли от влажной погоды.

В сущности, снимали меня года три-четыре, снимали по частям:

И тогда, когда шелбойза С<олженицы>на на Лен<инском> Ком<ите>те, откуда меня после этого вычеркнули;

И когда снимали плучековский спектакль;

И когда выводили из кандидатов, депутатов и т.д.;

И когда снимали Дем<ентьева> и Закса, а я лишь удержался не подать заявление, кот<орое> было уже написано.

И т.д., и т.д. — стоит перелистать тетради за эти годы¹²⁶.

Сил нет все переворачивать и выстраивать в ряд, но все как на ладони, хоть ребятам моим и кажется, что я еще должен что-то пытаться повернуть. Да, если бы — так все равно это уже не жизнь. — Итак, что-то кончилось уже, а что-то еще не началось¹²⁷. И — возраст! Это уже не 44, как в 54 г., а 59 — как в 69-м.

5. VI.69. П<ахра>. Утро

«Вперед, и к черту в пекло!» (Г.Мелвилл)¹²⁸

В Секретариат Правления Союза Писателей СССР

При сложившихся обстоятельствах, известных Секретариату, я, естественно, не считаю для себя возможным дальнейшее выполнение обязанностей главного редактора «Нового мира» и прошу освободить меня от занимаемой должности.

Однако чувство глубокого, при всех изъянах, удовлетворения работой в журнале, которому я посвятил свыше 15 лет своей жизни, и без ложной скромности осознаваемое значение его в развитии родной литературы, а также то, что самой достойной формой общественной деятельности писателя я всегда считал и считаю деятельность журнальную, не позволяют мне принять предложение о переходе «на должность с твердой ставкой в Союз писателей» («Дали»).

Надеюсь быть еще полезным родине и партии непосредственно моим пером.

7. VI.69. П<ахра>

Вчера утречком набросал второй вариант письма в Секретариат Союза:

Поскольку мне предложено от имени Секретариата подать в отставку, естественно, мне ничего не остается, кроме как подчиниться и просить об освобождении меня от занимаемой должности главного редактора «Нового мира».

Однако глубокое — при всех изъянах — чувство удовлетворения работой в журнале, которому я посвятил свыше 15 лет своей жизни, отчетливое понимание его роли в развитии советской литературы, а также то, что я всегда считал и считаю наиболее достойной формой общественной деятельности писателя деятельность журнальную, заставляет меня решительно отклонить предложение о вступлении в штатную должность при Союзе писателей.

Надеюсь быть еще полезным родине и партии непосредственно моим пером литератора. —

На несколько часов обрел даже успокоение: куда как лучше все обсказано со смирением и горделивым вызовом.

Однако, поработав за сторожкой, где между прочим удача с бочкой, отремонтированной накануне, доставила мне живейшее удовлетворение, лишь отчасти нарушенное жестким замечанием Маши, что «уж если ты это смог», то, мол, чему же тут удивиться — залепил цементом дно, подумаешь, — побежал на телефон, дозвонился до ребят, — слава богу, не

дозвонился до Воронкова, — пригласил их приехать, чтобы продолжить вчерашний разговор в редакции, принявший было уже слишком резкий тон (с моей стороны). Может быть, имела действие и капля шампанского, выпитая на печальном чувствовании Марьямова¹²⁹.

Здесь тоже сначала я было взвился, меня бросило в тряс, когда они продолжали настаивать, что я «не должен сам», но потом посветлело. Я увидел, что действительно Воронкову с Мелентьевым не важно, «в каких именно выражениях» я подаю об отставке, для них важно, что подаю-таки, остается доложить и оформить.

Кроме того, они сказали, что и без меня продолжали обсуждение вопроса и решили в случае подачи мною заявления тотчас подать все, единовременно и дружно об уходе своем.

Рассказали, со слов Карагановой, что члены Секретариата (Озеров, Салынский) слыхом не слыхали ничего, и кое-что еще.

Я согласился, что действительно следует потребовать соблюдения «минимальных норм», хотя бы заседания Секретариата, чтобы уж напоследки заставить их съесть эту дулю, то есть сказать, за что именно они снимают меня или требуют моего письма о «собственном желании».

Передали три письма, два из них — коллективные, доставленные в редакцию не по почте, а так, с настоятельными призывами ко мне «не уходить самому».

На том и решено. Во вторник летим с Машей в Сухуми, а там — пусть будет что будет. Сейчас в дни Совещания никто ничего от меня не ждет. Снимут заочно — пусть, будут ждать — пусть подождут.

Милая моя Ольгуша собирает нас с мамой в дорогу. [...]

Вышел «Тёркин» в «Н<ародной> Б<иблитеке>» со статейкой А.Туркова, весьма неглубокой, но сердечной. Бедняга, когда нужно о «художественности», он ищет ее в пейзажных описаниях — не далее.

10. VI. П<ахра>. День отъезда (отлета) в Сухуми.

Вчера позвонил Воронкову (291-69-50): завтра уезжаю, буду там-то, если понадобится, могу тотчас выехать. А лицам, от имени которых вы вели со мной беседу, передайте, что за место я не держусь, — более того, после преподнесенной мне дули я, если бы даже они передумали, не останусь сам, словом, как я уже говорил, повторяю: силой мил не будешь.

— Но я хочу, чтобы это было оформлено не келейно, а с соблюдением минимальных демократических норм, т.е. хотя

бы заседание Секретариата. А то уже пошли неприятные мне слухи.

— Слухи идут и по радио, и в зап<адной> печати уже было.

— Я не о том, я о внутренних слухах, будто бы Твардовский приезжал прощаться в редакцию, говорил, что критика (я не сказал «история», как мне передавал это Рой [Медведев], бывший у меня накануне) оказалась права и я, мол, только теперь осознал это... Словом, я хочу, чтобы все это совершилось не в ущерб моему достоинству. Когда меня дважды назначали, меня принимали секретари ЦК (1-й раз Маленков, второй — Фурцева), а когда снимали, то был расширенный Президиум [ЦК], было обсуждение моих грехов, было мое слово, была информация.

Хочу, мол, чтобы был на Секретариате Федин, чтобы было мне выложено все, что определяет столь крайнюю меру, то есть за что меня снимают.

— Хорошо, — тихим, смиренным голоском, — на сколько вы уезжаете?

— Недельки на две, там, мол, видно будет.

— Хорошо.

Доволен, что позвонил, вопреки пожеланиям и советам ребят не звонить. Уехать молчком было бы недостойным, а главное — я дал понять, что «негоция» не так просто пройдет. И когда на редколлегии, то есть при всех действующих членах, решавших и поименно голосовавших вопрос о «триптихе», я сообщил об этом своем звонке, все были довольны.

Звонил Кулешов из Барвихи — было условлено, что за ним пошлют машину, но я затруднился этим. О «триптихе» он что-то хотел сказать, в частности, верно усмотрел доверочность нынешней концовки первой главки «Перед отлетом» и подал мысль о концовке для всех трех глав, которая бы, как и вступление, была дана курсивом — из этого может что-нибудь получиться (чтобы не кончать «китайским образом»).

Прекрасные письма В.Каверина и Корнея Чуковского, коим хочу сейчас ответить¹³⁰.

Совещание все же, по-видимому, не будет вполне гладким: выступление австралийца даже в изложении звучит недвусмысленно.

Послал верстку «триптиха» Македонову, дал Рою: пусть будет хоть на сохранении в разных руках. Вчера же верстка пошла, была отвезена, когда я был в редакции, в цензуру. Се-

годня, м.б., узнаю что-нибудь, если удастся позвонить с аэропорта, то есть узнаю то, что знаю наперед. Но не посылать верстку под каким бы то ни было предлогом теперь уже было бы признанием, что мы только «хотели» или «попытались», но и сами спохватились, что дело не пройдет. —

С.Г.[Караганова], как-то странно положив руку на трубку моего телефона, передала мне привет Никиты [Хрущева], переданный ей его дочерью Юлией. Говорит, что все вспоминает меня. О Солженицыне (по прочтении «Круга») говорит, что это действительно гениальный писатель, чего он, мол, не предполагал, когда разрешал к печати «Ивана Денисовича» («Я просто поверил Твардовскому»).

О мемуарах Жукова говорил, что читать их не будет, так как знает по рассказам читавших. «Жуков мог бы себе позволить говорить, как все было на самом деле». И еще что-то, что вызвало реплику Нины Петровны:

— Ты же сумасшедший...

— Ну, я сумасшедший, тот, другой — сумасшедший, но Твардовский же не сумасшедший.

Я сказал, что ему невдомек, что, м.б., я-то и есть настоящий сумасшедший. — Посмеялись. — Затем говорил, что Жуков помрет и он, Хрущев, помрет, а что будет знать молодое поколение о том, что было и как было — только по архивным документам...

В поездку беру отдельную тетрадь, как брал в больницу. — На душе так себе, но ничего. —

14. VI.69. Гульрипша

Вчера перебрались сюда из «Абхазии» — в Пицунду уже решительно не едем. Кажется, все налаживается с хозяйкой. Море не в пример сухумскому — чистое, хоть и каменистоват берег, — того и гляди, что не только ломаная нога нехорошо скользнет, но и здоровая может.

Тихо, совсем малоллюдно. Есть и плитка подогреть кофе. Симонов снабдил транзистором, но еще не слушали. Единственное покамест неудобство — отвычка садиться орлом в нужнике (над дырой, вырезанной в виде сердца).

Читаю «Б<ылое> и Д<умы>» — начал еще в Пахре — не перечитывал лет 15—20¹³¹. По памяти представлялось все обширнее, но впечатление ценнейшее. Когда ум, мыслительное богатство, настоящая духовность, то пусть себе и немного краснословия и даже кокетства — все не важно, суть — сутью.

Совершенно очевидно и не мною, м.б., отмечено, что эта «штука», — мемуарно-публицистическая и какая-то как

бы импровизированная, надиктованная стенографистке со всей свободой изустной речи или дружеского задушевного письма и куда как привязанная к своему времени, — долговечнее, свежее романов Тургенева, пусть себе там искусство беспримерное и пусть далеко не все, знающие Тургенева, знают Герцена. А то, что его собр<ание> соч<инений> шло у нас по уценке, лишь прискорбное свидетельство нашего духовного регресса. «Филевская проза» расходится в миллионах экземпляров, — филевско-сартаковская — ее как бы нет, она не «действительна»¹³². —

Конечно, как и знал, никуда от самого себя не уехал, от неизбежного перехода из одного периода биографии в другой. Симонов начал было подсказывать «ходы»: «В связи с предложением мне подать в отставку не вижу необходимости это делать». Или написать Брежневу. Но все это мне было уже как-то не ко двору по безнадежности с точки зрения судьбы ж<урна>ла и по очевидности дополнительных унижений. Нет, говорю, это со стороны может быть и занятно: что получится, если так или еще вот этак, но быть действующим лицом в этих опытах — совсем другое. Он согласился, что, пожалуй, я прав. —

Очень хорошо все — и море, и некоторая все же удаленность от воронковского-шауровского сплетения полит-плутней, и возможность отдохнуть маленько Маше и пр., но, как всегда, жаль и того, что оставляешь ради этих радостей, — июньской свежести среднерусского лета, всего того, где тебя нет. Знаю, что и Маша, отсыпаясь и наслаждаясь отдыхом, неустанно думает о своих цветах и огурцах, об Оле. —

Как-то весной завязывались по пути в город строчки:

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было выражено словом.

всё без тебя немое —

И первый снег и запах сена, и грибов, и моря.

Добавь свое, и долг исполнен твой¹³³.

15. VI. Гульриша

Просмотрел «триптих», решительно вынес концовку-довесок первой главки в самый конец. Это не очень сильно, но, во-первых, «китайский образец» уже не последний гвоздь,

не концовка, во-вторых, все круглее, замкнутее становится («сеновал»). Сделал кое-что внутри, м<жду> пр<очим>, вернул строфу «рубеж графы», чтобы все было ясней, и повторяемая в след<ующей> строфе «графа» звучит лучше. Слепил строфу:

(В Кремле письмо его прочтет.)
Одно письмо — такая малость.
Но если целый их потоп...
Знать, почта с ними не справлялась, —
Тот адресат молчал, как гроб...¹³⁴

Переливать из пустого в порожнее — это обдумывать и переворачивать без конца в голове перспективы объяснений по поводу предложенной мне отставки.

Если бы по-доброму договориться: разрешите «триптих» к печати, тотчас подаю заявление о «собств<енном> желании».

Вчера вечером был прибор — попытался влезть в море, перевернутый и оглушенный волной, вылез, выполз, с трудом отдышавшись, оделся.

Не те годочки!

16. VI. Г<ульрипша>

Нет, конечно, довесок на том месте ни к чему, но и перенесенный в конец, он недостаточно силен для концовки. Сейчас не стоит мне мучиться этим — пусть полежит, тем более что никуда не убежит. — Сегодня буду звонить от Симонова в редакцию — какие там звуки хотя бы из цензуры.

Сладкое томление южного взморья — работать здесь — надо привычку и более стационарное обоснование в смысле жилья — хотя бы как у Симонова. (Он работает, т.е. диктует и правит, с его обычным упорством, но что-то не только не весел, как бывает, когда идет хорошо, но даже в какой-то подавленности. Вчера у него даже сорвалось признание, что написанное с утра к вечеру кажется «мутью». Это — хорошо, хоть позднее, но все же здоровое недовольство собой, большая взыскательность. Обещал — с опаской — дать почитать отбеленное.) —

Хозяйка — Пелагея Марковна Дегтярева — мощная грудью и животом баба, забежала сюда лет шестнадцати, в голод, из ст<аницы> Лабинской (иногородняя). С тех пор только и помнит, что там был голод, потом колхозы, а здесь — ничего такого. Живет участком («нарцисы»), держит наседок на привязи. — Русская баба в соседстве с мировым океаном¹³⁵.

Снова — слева и справа
Вдоль тропы накаленной —
Запах степи горькавый,
Запах моря соленый.

Вторые две строчки — два встречных запаха — вспомнились из какого-то коктебельского месяца. Здесь ни степи нет, ни полыни. Да и море что-то почти не пахнет, совсем не то, что, помнится, было в Хосте в первый наш с Машей курортный месяц в жизни. —

Дочитываю Герцена. —

17. VI. Гульрипша (оказывается, это от Гулия, родового имени, которое с незапамятных времен связано с этой долиной, житницей Абхазии)

Вчерашняя послеполуденная жара, как говорят, и для этих мест необычайна в июне. Мы уже приуныли — не по нас такой зной, когда комната вышла из тени и прогрелась как банька. Маша лежала на пляжном матрасике надувном на полу, я читал, устроившись на балясине верандушки. Ждали Шинкубу, которому я позвонил днем, не дозвонившись до Москвы (Симонов дождался и говорил с Хитровым — ничего нового). Пошли к морю в восьмом часу, и все еще было жарко. Узнав машину Шинкубы на аллее вдоль порядка, переднего к морю, пошли. Шинкубы (он и она) привезли бочоночек вина и сыру, черешен, хотя все это, кроме вина, у нас есть. Я сходил за Симоновым, а Гулия¹³⁶ с женой сами пришли — приглашать нас на завтра «к маме». Посидели, выпили стакана по два, по три и с отбоем в пионерлагере расстались, чтобы собраться сегодня.

У милого Шинкубы желание угостить да и самому выпить регламентируется опасением (деликатным, молчаливым) за меня в глазах Маши — не разохотился бы, хоть он и знает, что с легкого винца (вроде «Изабеллы») беды быть не может. —

Симонов потешил мое тщеславие рассказом о том, как в Абхазском Союзе писателей «воспаленный еврей» переводчик, кажется, Глезер какой-то, спрашивал его, давно ли он из Москвы и что там с Твардовским. — А что, мол, такое? Да говорят, что он поэму написал (назвал заглавие!). — Ну, написал, я, мол, знаю ее, хорошая поэма. — Да, но, говорят, он (т.е. я) под домашним арестом...

Все это, конечно, жажда легенды, ожидание чего-то, что может случиться, но это на пользу мне и ж<урна>лу. Лучше, если мой уход «по соб<ственному> желанию» будет

связан с конкретным литературным фактом. И ребята были правы, молодцы, что поименным голосованием решили двигать «триптих» в цензуру¹³⁷, — право, не отступать же, сунув уже одну ногу в воду — надо лезть. —

Встал свежий, находила гроза, искупался в шестом часу без трусов, погромыхивал (и сейчас) громок. На месте моих штанов было сухое пятно на камнях, потемневших кругом от дождя.

18. VI

Дозвонился вчера до редакции. Новостей нет, но 4 и 5 №№ на выходе почти одновременно. Говорил с Хитровым, он только что звонил Эмилии [Проскурниной], она чуть ли не в слезах говорила о впечатлении от «поэмы», но больше того, что «мы направили в ЦК», сказать, конечно, ничего не могла. Пусть, пусть.

Вчера же Симонов дал начало своего романа — опять Серпилин, теперь командарм. Неплохо, но первое же впечатление — растянута, многословие, излишество комментариев и положений и без того ясных или таких, каким лучше бы оставаться в недосказанности. И это при скудости языка, где ни одного слова своего — все готовые. — Авторская речь бедна, не подтянута, перенасыщена обиходными словечками и оборотами.

Второе. Собств<енные> имена вымышленные, а названия насел<енных> пунктов и т.п. подлинные, и это на уровне армии, а есть даже ком<андующий> фронтом с вымышленным именем — Батюк.

М.б., главное — беллетристические соблазны: расставновка влюбленных пар — одна молодая, другая пожилая. Натягивание любовной нуди на авторский возраст, несвобода его от собств<енного> возраста — нечто в духе «Сонета Петрарки» Н.Погодина. Это не то, что Мазепа и Мария, — дай Мазепе 40-летнюю любовницу, сразу все гаснет. Серпилин голубеет в своей положительности, распространенной и на «пистон», просится на пародию, а это никак не входило в расчеты автора.

Сокращать, вернее, переписывать от руки¹³⁸.

Вечером.

Вчера у Гулия в апацхе. Подкисшее вино, мамалыга, жестко проперченная фасоль и нечто вроде чахохбилей — довольно бедненько, но все душевно. Хороша старушка, вдова Дм.Гулии¹³⁹, выпивает, как и дочь Татьяна Дм., выпивают

все вплоть до пятилетнего Георгия Георгиевича, который вскоре, захмелев, отправился спать. За плетеными, как корзина, стенками апацхи шумел дождь — часа два. Утро было пасмурное, самочувствие неважное, гулял по той же тропе вдоль берега. — Младший Каладзе¹⁴⁰, лет 35, но уже толстяк плотоядного, крупногубого типа с мощным подбородком. Еще одна дача, которая, кроме летних двух-трех м<есяц>ев, пустует, хотя все, казалось бы, сделано для жизни и работы постоянной. — Ив.Тарба¹⁴¹ — жалкий, плешивеющий красавец блондинистого колера с малой долей рыжеватости. Ездит каждый день «на работу» в Союз писателей, скорее всего потому, что скучно здесь и работа не составляет радости или хотя бы привычки.

Поговорил с Симоновым, по возможности ободрил его — он быстро схватывает. Дал мне еще одну папку — здесь хорош очень Львов-Мехлис¹⁴², но письмо все то же — диктовка.

Опять жарко, хотя и не так, как третьего дня.

19.VI.69. Гульрипша

Вчера или третьего дня стал расчесывать пахринские две строчки:

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было б выражено словом.
Все то, где нету нашего следа,
Все предстает нетронутым и новым.

Короткий, добрый отгремел гром,
Прокрапал дождь, запахло пылью лета.
Пусть все это пето-перепето,
Ну мало что. Нам как бы невдомек.

Полно все в мире — только будь на страже —
Зимой иль летом, осенью ль, весной
До нас и не востребованной даже,
Заждавшейся поэта новизной¹⁴³.

Уже три дня, как отпуск мой формальный кончился, но я не беспокоюсь: если нужен, вызовут; если снимут заочно — я вольный казак; если нет — я еще редактор и своим временем располагаю по своему усмотрению.

Все хорошо: море, благословенная прохлада (до полудни) в комнате и на веранде, чудесная, холодная и мягкая вода из колодца в садике — с обыкновенным деревенским

валиком, ведерком-бадьей с прикрученным к одному уху камнем (для погружения), только вместо четырехугольного сруба — труба из бетонных колец с метр в диаметре. Соседство Симоновых, которые добры и внимательны.

Но и я, и Маша — оба стараемся еще и уверить друг друга, что нам очень хорошо, потому что и я не спокоен до дна, и она, знаю, все думает о нашей Оленьке. [...] Уже выяснилось, что она, Маша, поехала из-за меня, чтобы мне «переменить обстановку», несмотря на то, что «от самого себя никуда не уедешь». А я-то думал, что я еду из-за нее, чтобы хоть на малый срок дать ей свободу от кухни и проч. Она очень умеет ценить эту свободу и пользоваться ею. Сейчас ее запой — «чабриаки», художественные дровишки с пляжа — черти, балерины, змеи. Пусть.

У Герцена есть, что все же природа райских мест на земле лечит душу. —

21. VI. Гуль<рипша>

За неусыпной фиксацией про себя всевозможных показателей «обрушившегося» на меня возраста, особенно здесь, на новом месте, подзабыл как-то о приближении такой не круглой, но достаточно внушительной даты, как день моего пятидесятидевятiletия. (Одна ступенька до настоящей старости, вернее, полступеньки, т.к. с 1.1.70 приличествует уже считать 60¹⁴⁴.)

Третьего дня вдруг заявляются Симоновы с двумя бутылками вина (моего, т.е. шинкубинского, отданного им на сохранение в холодильнике) и с телеграммой мне, пришедшей по адресу Симонова: «Дорогой друг в день рождения обнимаю восхищаюсь. Исаевич». Не вдруг и сообразил, что это Солженицын с его детской конспирацией. Можно будет пошутить, что это он из опаски, что ему еще пришьют связь с Твардовским. Сегодня устраиваем для Симоновых, Шинкубы, Гулии и др. ужин у некоего сухумского ресторатора Мархеули, — благовидно ответить всем за их угощения, а так вообще — ни малейшего порыва.

Читаю с раздражением и местами [с] негодованием Жукова «Воспоминания и размышления».

Вчера что лепилось из какого-то полуторастрочного пахринского начала:

Когда обычный праздничный привет,
Знакомый чин иль добрый друг заочный
Скрепляют пожеланьем долгих лет —
Уже подходит, значит, срок урочный.

приезде меня не потащат сразу «на корыто» (в смысле — резать), поскольку легкий способ удаления меня из ж<урна>ла сорвался — «собств<енного> желания» не последовало. Все это — нервы и нервы, но коль скоро я не боюсь смещения с любой формулировкой, то можно относиться и к этому спокойнее: наше дело правое.

Так-то оно так, однако, но бог с ним со всем.

Мархеули — не имя ресторатора, а название деревушки, близ которой в зеленой горе над дорогой и речушкой врезано это роскошное заведение — еще одна «прекрасная пещера», — но это целый городок крытых и открытых площадок с бетонными дорожками и лесенками меж ними, с апацхами и отличным павильончиком с изображением изящной дамы над одним входом и мужественным представителем нашего пола на другой. Там, сям — «керны», должно быть, платановые — в метр и более в диаметре — вместо столов... В углу площадка, где располагалась наша компания — маленький пандус — спуск в узкую и холодную расщелину в горе, высоко вверху затененную горными зарослями, — винный погреб, где среди бочек — бочка Шинкубы, как он сам сказал, на сохранении. — Все было хорошо, хорош Симонов, ведший стол, хорош и мил Думбадзе¹⁴⁹, привезший кукан мелкой форели, отловленной им где-то к этому столу, Гульда Каладзе — молодой басовитый толстяк под папу и даже тенористый Тарба — все трое отлично пели на три голоса.

Чудесна была часть неба, выделенная краями горы с трех сторон нашей площадки — южного темного неба с одной крупной и двумя-тремя звездочками поменьше¹⁵⁰.

Запись Симонова со слов Г.К. Жукова:

— Были мы вместе с Рокоссовским в Барвихе. Странный он какой-то стал. «На юг, говорит, на юг хочется, к морю». Да какой тебе юг, если инфаркт, не показано тебе. — «Нет, говорит, хочу на юг, хочу в море, хочу заплыть далеко-далеко и еще дальше и там утонуть. Чтобы ни Колонного зала, ни речей, ни кремлевской стены. Так бы хорошо, говорит». —

Записал, но я, А.Т., и без того никогда не забуду этой поразительной истории. Как она не в лад с мемуарами Рокоссовского¹⁵¹. —

24. VI. Гуль<рипша>

Решился-таки перечитать «Войну и мир», и вот уже прочел страниц с 300 и точно бы после долгих скитаний по чужим неприятным углам воротился в родной и священный

дом правды, человечности, доброй мудрости — и прочь все пустое, суесловное, тупое и жестокосердное, что накатывается со всех сторон и порой головы не дает поднять.

Особенно, должно быть, разителен этот переход в мир живой и безусловный, мир мысли и чувства, где то и дело — не удержаться от слез восторга и сладкой боли, после дурной, казенной, фальшивой и претенциозной книги мемуаров Г.К.Жукова. (Речь, конечно, не в сравнении несравнимого.)

Книга эта может ввести в заблуждение простодушных или замшелых разумом тем, что сталинизм ее выступает в сочетании с жуковизмом, профессионально-ограниченным и весьма претенциозным духом этой полководческой автобиографии.

1. Свою жизнь и деятельность он подает не в рамках истории Отечественной войны, не в рамках даже истории армии, но в объеме истории революции, сопровождая «творческой помощью» лиц, названных в предисловии. Каждый этап своей жизни — обзором событий соответствующего отрезка мировой истории (по Крат<кому> курсу и другим подручным источникам). Добро бы, это он делал, уже будучи нач<альником> Генштаба, а то, и будучи «виц-унтером» в империалист<ическую> войну или комвзвода в гражданскую, уже обрамляет свой портрет таким образом.

2. Отводя «сложившееся представление» о том, что Сталину нельзя было возражать, что он никого не слушал, маршал приводит много примеров того, как он возражал Верховному, спорил с ним и неизменно был прав в решении больших вопросов войны.

3. Ужасно, что, называя по имени известных ему лично Тухачевского, Уборевича и др. и давая им самые высокие характеристики (смотрите, какой я справедливый), он глухим, безыменным абзацем отмечает, что среди жертв 37-го были и представители командных кадров армии — и все. О Павлове, Климовских и др. (БВО*)¹⁵², проявивших растерянность в первые часы и дни войны, м.б., и не большую, чем Верховное главнокомандование, он сообщает, что их «судили», умалчивая о приговоре.

4. «Тягун» и чинопочитатель до мозга костей, он не замечает, что Поскребышев ему говорит «ты» («Садись»), видя в этом лишь признак благорасположения и дружественной простоты.

5. Кровавая книга, не замечающая того, что она вся в крови (хотя в конце упоминает о 20 миллионах наших жертв

* Белорусский военный округ.

в этой войне), народ для него — «картошка», как говорит солдат в «Климе Самгине». Он воюет именно числом, постоянно требуя пополнений, не считая людских жизней, не удрученный нимало их гибелью и страданиями. Он, как и вообще Верховное командование, тушит пожар войны дровами ее — людьми: загрузить так, чтобы трудно было пробиться пламени. Как мне памятно по первым (и не первым) дням и неделям войны всеобщий панический пафос жертвенности («пасть за родину»), запретность и недопустимость мысли о сохранении жизни своих. Отсюда и требование самоубийства во избежание плена.

25. VI

Море второй день ходит ходуном, правда, сегодня уже стихая; вчера мутная полоса от берега расстилалась до горизонта, и все это грохотало, ворочало камень.

Умер Рыленков, о котором я знал от Исаковского перед отъездом сюда, что он плох, — вчера послал вдове телеграмму, употребив слова «русская поэзия», хотя, конечно, в поэзии этой заметной борозды он не прорезал.

40 лет назад, в 29-м году, ездил я к нему в деревню на Рословщине, туда же потом приехал и Македонов. Был Рыленков тогда предсельсовета, но ни эта должность, ни собственное хозяйство, бедняцкое скорее всего по нерадивости, не составляли для него и тогда уже ни малейшей увлеченности. Весь он, мужик с головы до пят, обликом и повадкой, небрежный в одежде, неприхотливый в еде, не честолюбивый в должности, — весь он был в стихах, из стихов состоял, гл<авным> обр<азом> поэзии 20 века — символистов и проч. Знал он, конечно, и поэзию 19 в., но более тяготел не к вершинным ее образцам — Фет, Полонский больше, чем Баратынский и Тютчев. И знал он столько стихов наизусть, что это всегда казалось не только феноменальным, но и отличающим его, незначительность его собственных возможностей в поэзии. Он стал поэтом, стихотворцем от любви к стихам и, кажется, всю жизнь не только не тяготился «готовыми словами» поэзии, но скорее жалел, что уже нельзя писать в точности так, как Фет и т.п. Стихи не были его мукой, он за них не платился ничем в жизни, наоборот, они доставили ему материальное благополучие и общественное положение. Его хвалили умеренно, но никогда не бранили, «ошибок у него не было». Еще в Смоленске, когда мы с ним вроде бы дружили, он уже говаривал, определяя свою роль в поэзии, что маленькие собаки не должны смущаться громким лаем

больших и должны лаять, как могут (по Чехову). Потом он был одним из авторов статьи «Кулацкий подголосок» вместе с Горбатенковым и Долгоненковым (первый из них погиб в войну, второй редактировал «Новый путь» при немцах, помню его стихи по радио: «Поэт Твардовский — певец жидовский¹⁵³»); потом я уехал в Москву, а потом война, и в 43-м г. мои родители оказались квартирой на одной площадке с ним. Был слаб, поддавался легко внешним влияниям, жил будто бы «у истоков», т.е. не в столице, но о чем знал, не писал, а писал без конца и без устали свои «росы-косы», «криницы-медуницы». Подобно тому, как Фет, человек практичный и скупой в жизни, отделял свою поэзию от мира материального, он, начитанный и развитой человек в политических вопросах, решительно отделял от них свои стихи.

Эти 40 лет с той поры, как я гостил у него и мы были авторами стихов в «Юном товарище» и «Раб<очем> пути», вмещают, собственно, все самое существенное в моей житейской и литературной биографии — коллективизацию с «ликвидацией», обе войны — малую и большую, не считая, конечно, «освободит<ельного> похода»¹⁵⁴, все мои сочинения и продвижения по лестнице известности и т.п.

Он был только на один год старше меня, но успел написать не только бездну стихов, но и порядочно прозы (плохой), и автобиографических вещей (получше), и каких-то эссе, и проч.

«Пана» откладывать дальше нельзя. Сейчас, наверно, съезжу в См<олен>ск — заняться могилой матери и кое-что расшевелить в памяти (как бы мать мне могла помочь!).

26. VI. Г<ульриша>

Мы бываем довольны собой, восхищаясь наблюденными нами в творениях великого художника, наблюденными им в бесконечном разнообразии сырой жизни «деталiami», мимо которых мы до него проходили, не отметив их. А тут мы обрадованы ничем нам не стоящим равенством с ним в силе зрения: «Ах, как это верно, я точно так это видел и знал, мы с ним одинаково это понимаем». Можно даже натаскать себя, развить способность уловления «деталей» и в самой жизни. Но одни они, отдельно от целостного сооружения, немного стоят. Большой мир может оставаться сам по себе, непонятым и нераскрытым. —

Не только написать «Войну и мир» — подвиг, но и при чтении обнять эту громаду во всем объеме — немалый творческий искуc, требующий известной подготовки, жизненного

опыта и многократного чтения. Сколько не бывших на памяти у меня троп, закоулков, неожиданных узлов и связок нахожу сейчас, а, казалось бы, все читано-перечитано, знато-перезнато.

28. VI

Вышли 4 и 5-й номера. 5-й, посланный мне из редак<ции> ранее 4-го, задержанного почему-то, то ли пропал на почте, то ли что.

В 4-м грустно было видеть, что опять-таки много хорошего (Цветаева, Гефтер, Исаковский)¹⁵⁵, грустно потому, что непонятно, зачем я должен покинуть этот журнал, откуда мне взять «собственное желание». Однако спокоен перед лицом неизбежных радостей в Москве (вылетаем послезавтра). Утешаюсь кутузовским девизом: «время и терпение». *Никакой* конец мне в этом деле не страшен, но, конечно, ожидание его потребует напряжения нервов.

Милое, нежное и полное трогательного юмора письмо Оленьки.

Вчерашний вечер в палаццо Григория Чаговича, директора таксомоторного парка в Сухуми: чудесное блюдо из мелкокрошеного сычуга («требух»), вареный козленок, белое «Изабелла» («самотек»). Еще одна бурка.

Вчерашний день — жара безысходная, домишко прокаленный. Трижды купался в море и обливался холодной водой из нашего колодца. Ночью погода переломилась, море опять размахалось, только что утихомирившись. Купался под редким крупным дождем, Маша тоже окунулась. Сейчас нет дождя, но небо заволоченное, слава богу, а то опять сегодня «мероприятие» — поездка куда-то на форель. —

30. VI.69. Гульрипша. Утро отлета

Из лучших впечатлений — поездка в Арасадзынь (Мелкий орех) в глубину зеленых гор (каштан, граб («дуб и граб»), лозы «Изабеллы»). Горная речка, неумолчно воркующая, [бежит], извиваясь, внизу под дорогой, повторяющей ее изгибы. Белые факелы пены на камнях, рассекающих быстрою неглубокую воду. Угощение — полудикое, преизобильное, но все то же: недоваренное холодное мясо (говядина, телятина, козленок, куры; горячее — мамалыга). Вино грузинское, терпкое, но несомненное, свое. Чача.

Суровая, тонкогубая, смуглая девочка, танцующая в паре со взрослым мужчиной. Девушки (2) с полотенцами у домохозяйки — позы бессознательно грациозные, вроде ангельских в живописи, строгость, опущенные глаза, на спасибо — шепотом: пожалуйста.

Эпизод с посохом и кинжалом (речь шла, что мне подносят посох, я молчу, что у меня уже есть (от Шинкубы), кто-то кому-то мигнул — посох передается Симонову, а мне подносят кинжал — бытовой, в потертых ножнах, сточенный, как хороший нож кухонный).

Встреча с руководством, политесная ситуация для Шинкубы (мы оттуда, а они только туда выбрались, — просто разъехаться — оставить их в смешном виде, пришлось «посидеть» в Очамчире под грохот прибоя).

Г.Д.Гулия рассказал к слову (не зная о моей вещи), что слова «Сын за отца не отвечает» не импровизация, они были заготовлены и под них искали тракториста (комбайнера), сына кулака.

Море в берег укрепленный —
Грохот — пальбы (мерный)
Встать пытаюсь на дыбы.

Не занесенная в тетрадь в Гульрипше запись — что-то складывалось о море, прибое и т.п.

3.VII.69. Пахра

С большой отрадой дышу пахринским летом, занимаюсь по хозяйству, кошу, обрезаю поврежденные морозами этой зимы яблони; из слив осталась одна, младшая, остальные зачахли, выбросив отростки, — ствол трупехлый, сламывается.

Третьего дня побывал в редакции — обычный мой день: подписыванье книжек, составление письмишек, треп обычный, даже «прием» — болгарин Найден Вылчев, мой переводчик. Просился какой-то француз-журналист, сказали, что я еще в отпуску.

Рассказывают:

Хитров об активе во Дворце съездов. Доклад, по-видимому, тот же, что был на Пленуме ЦК, в тексте так и осталось: «На этом Пленуме»¹⁵⁶. Докладчик извинился и перепрошел: «на этом собрании».

«Время показало, что наша акция в Чехословакии была единственно правильной и полностью себя оправдала» (по памяти).

О «поэме» — ни звука ни из цензуры, ни из суперцензуры. Ходит по Москве. Новая форма распространения — чтение наизусть¹⁵⁷.

Воронков на вопросы (записки) о том, верно ли, что Твардовского снимают, с возмущением говорит, что это вздорные и вредные слухи, ни о каком снятии не может быть речи.

(Понимай так, что иное дело, если Твардовский сам пожелает уйти, чтобы сосредоточиться на творч<еской> работе.)

Караганова, ездившая в Л<енингра>д для утряски [дел] с Жирмунским, дала ему прочесть при ней поэму, был будто бы очень взволнован и отступился от своих претензий в связи с публикацией Ахматовой.

Лакшин об ответе Федина на вопрос Тамары Владимировны, вдовы Всев<олода> Иванова, насчет меня. «Этого не может быть и не будет»¹⁵⁸.

Что делается с памятью: не мог вспомнить сорт яблони, единственной плодоносящей от прежних хозяев, которую утром радикально обрезал и хитроумно стягивал — подвизывал разлатые сучья, — пришлось спросить Ольгу, конечно же, славянка. Вспоминаю, что уже в прошлом году уже забывал ее, но сам вспомнил.

Старость с фронта и с тыла,
Не играя уже,
А всерьез подступила
Не на чьем рубеже,
На моем персональном...
В круговой обороне.

Завтра — общемосковское партсобрание: «Ваша явка строго обязательна», — предупреждает Арк. Васильев¹⁵⁹ «дорогого товарища». Что-нибудь надеюсь расслышать, учуять, приметить — «долго ль мне гулять на свете»¹⁶⁰ в качестве редактора.

Хорошее письмо Солженицына. Прочел 20 номеров «НМ» подряд, увидел, что это дело серьезное. «Единственный журнал, по которому будут потомки судить, что мы за люди и как и чем мы жили»¹⁶¹.

Переданная им прекрасная статья Г.Бёлля о «Круге» — «Мир несвободы»¹⁶².

Впервые в этом году купался в пресной воде, — на пруд ходил со мной Бакланов. Говорили, как обычно, о невеселых вещах. Он хочет писать против Мотяшова, облаявшего «Круглянский мост» [В.Быкова].

Между «Былым и думами» и «Войной и миром» в Гульрипши прочел роман Симонова и как-то уже забыл о нем¹⁶³.

5. VII. П<ахра>

До собрания зашли с Кондратовичем к Воронкову — на вертушку, — Романова не оказалось. Воронков на вопрос, как и что на свете, повторил из армянского радио («Есть ли жизнь на Марсе? — Тоже нету»). На вопрос о том, не поступить ли по традиции и представить поэму на рассмотрение Секретариата, многодумно помолчав, перечислил наличествующих секретарей (Кожевников, Сартаков, Воронков, Баруздин).

— А Федин?

— В Барвихе.

— Леонов?

— Тот вообще не бывает. Салынский болен.

Провел нас подземным ходом в клуб, но там быстро отделился и вышел занять место в президиуме уже из закулисья.

Добрую половину Гришина я благополучно проспал, так как встал в 4 (косил за калиткой, сломал косовье (косье), отремонтировал, загонял новый пупонок), и проснулся уже к концу, по толчку Хитрова, который уже поопасался, что я озвучу свой мирный сон. Доклад и докладчик (чтец) мертвенные до тоски. Хитров установил, что это тот же текст, что читал Брежнев на гор<одском> активе, только с некоторыми сокращениями и абзацем о задачах литературы, которая должна...¹⁶⁴

Поспать удалось потому, что в Президиум я не был объявлен, а едва кончил Гришин, как мы в «перебежку по одному» устремились к выходу, оставляя за спиной призывы Арк. Васильева не расходиться и первые запевы Суркова.

Зашли вновь на вертушку. Романов:

— Не будем подписывать¹⁶⁵.

— Почему, по каким мотивам?

— Вы сами отлично знаете. — И хихикает.

Пошли с Сацем к нему (я, Лакшин, Кондратович). Хорошо посидели, поговорили. Кондратович напомнил мои слова, сказанные уже давно, о том, что мы уже не вольны изменить как-нибудь тон и характер журнала, он уже сам идет так, а не иначе, аккумулируя симпатии и понятия, настроения и надежды множества добрых людей, усилия нашего актива.

Как бы еще раз условились, что бояться нам уже нечего, поскольку мы не боимся того, чего уже не избежать — снятия, разгона, — и должны *тянуть*.

Кондратович (еще в редакции) о докладе зав. отделом строительства ЦК. Лакшин (по пути к Сацу) об инструктаже в райкоме участников собрания во Дворце съездов (со слов Ермакова).

6. VII. П<ахра>. Утро

Вчера Бакланов принес статью Бёлля, переданную ему от меня Дементьевым. Читал ему «По праву памяти» после рассказа о Романове и Воронкове. Он горячо начал убеждать меня, в чем нужды, собственно, не было, что дело так оставлять нельзя, нужно заставить Секретариат, Федина обсудить вещь. Это будет и тошно, и скорее всего бесполезно, но нужно. Действительно, молча проглотить это значило бы, что «попытался», но не вышло, и с этим жить.

То ли потому, что обсуждение судьбы вещи предшествовало чтению, то ли потому, что он слушал один (и я знаю, как это важно, один или не один воспринимает слушатель вещь), то ли еще почему, но реагировал он умеренно: «очень хорошо». И не заговорил о ней самой по существу, правда, сказал, что вещь гордая, и продолжал развивать доводы о необходимости постоять за себя, не жалея тех, кому все это будет неприятно.

Вечером пошел на телефон в контору, заказал машину на сегодня, с тем чтобы ехать к Федину (вдруг он еще не в Барвихе), а потом к Вале — передать ей Бёлля и зайти к Исаковскому.

Сегодня решил зайти в Переделкине и к Чуковскому. Тому и тому прочесть или оставить верстку. Может быть, даже просить их черкнуть что-либо в Секретариат, если вещь им придется по душе.

В самом деле, оставить дело так — это только облегчить жизнь Воронкову с Фединами, а на себе нести знак «попытки» и ответственности за то, что вещь может вдруг вынырнуть и за границей, — это наверняка так и будет. —

Вспомнил то, что рассказывал Гулиа об «организации» выступления на слете сына кулака, речь которого должна была вызвать историческую реплику. Подумал, отнюдь не зачеркивая того, что сделано: можно было решить эту тему и другим образом, сюжетным. Реплика сложилась в голове Отца, ее нужно высказать по поводу, но не в речи, не в виде документа, а именно так, между прочим, без особых обязательств. А сюжет в том, как в ходе слета ищут среди делегатов сына кулака, такого нет или нет этого указания в документации, — кто же сошел с ума посылать на этот слет сына

кулака, хотя бы он и был ударник-разударник. Его и ищут по прямому проводу через обкомы, крайкомы и т.д. Тревога, никто не хочет, области и края не хотят быть родиной сына кулака, так как неизвестно, для чего он понадобился, скорее всего для громогласного разоблачения пролезшего «тихой сапой» к штурвалу комбайна или трактора. Находят, везут на машине райуполномоченного НКВД, сажают в самолет, бредут, наряжают, готовят ему речь и т.д. И что с ним потом.

М.б., я и это напишу. Нужно бы знать, что с ним потом.

7. VII

Шофер Толя, кажется, один раз только возивший меня (долго искал дачу на «лиственничной аллее», кот<орой> здесь нет), спрашивает осторожно с извинениями:

— Мы тут заспорили насчет «Василия Тёркина на том свете»: те говорят, что вещь запрещенная, а те — нет. Я говорю: сам видел афишу. Как?

Объясняю, что снят с постановки только спектакль, а книжка есть, только ее нет в продаже. В «Известиях» он не читал — не работал еще в из<дательст>ве.

К тому, что спектакль был-таки запрещен, относятся, как к тому, что в поселке, где он живет, сейчас нет мяса или чего-то еще, то есть как к делу неувидительному. —

С Фединым столкнулся носом к носу, открыв его калитку, он провожал М.Прилежаеву, соседку по даче, пожилую даму, располневшую лицом, но сохранившую какое-то голодное выражение. Оно, это выражение, от какой-то неутоленности бабьего литераторского тщеславия, несмотря на детиздатовские тиражи ленинского года и на то, что все, казалось бы, оформлено: квартира в Лаврушинском, дача в Переделкине. Квартиру выменяла, кажется, у Вали Герасимовой, сошедшей на нет, когда-то эффектной лит<ературной> дамы¹⁶⁶. Тьфу, зачем это я?

Потянулся целоваться — пожалуйста. Звал в дом, предложил что-нибудь «организовать» в смысле выпивки. Я уклонился. Поговорили на скамеечке под липками. Он понял, похоже, так, что я приехал допытываться насчет моего должностного вопроса. И сообщил довольно сбивчиво и с запинкой, что у него была долгая беседа с Демичевым «о разных делах», а среди этих дел встал вопрос о «НМ» — что с ним делать? Демичев, а затем примкнувший к беседе Шауро говорили, что надо освежить редколлегию.

«Я сказал, что снятие Твардовского будет нам невыгодно, мы этим поможем нашим врагам на Западе», т.е. он не сказал, что это вообще невыгодно и нельзя, а лишь в смысле

тактическом. В тот же день он рассказал об этой беседе Воронкову и удалился восвояси. Воронков, по-видимому, с Шаурой сговорились насчет формы удаления меня из ж<урна>ла, и с тем приезжал ко мне.

Я повторил Федину свою формулу: за должность не держусь, силой мил не будешь, согласен подать в отставку, но прежде хочу соблюдения минимальных демократических норм — заседания, обсуждения. Но, говорю, пусть это будет как будет, я приехал не затем, а за одним: известная вам вещь запрещена цензурой без объяснения причин («вы сами знаете»), и я хочу, чтобы она, по примеру «Далей», была обсуждена на Секретариате.

С легкостью согласился. Завтра, то есть сегодня, он едет в Барвиху и с той же машиной Союза писателей отправит письмо Воронкову (копию мне), в кот<орой> он предложит Секретариату обсудить вещь и со своей стороны укажет, что он не видит причин, препятствующих ее появлению в печати. —

К Чуковскому заезжать не стал, поехал во Внуково. Валя говорит, что читала с Сашей вечером и утром переданную ей накануне верстку, заметила, что прежняя строчка «Тот вряд ли с будущим в ладу» лучше нынешней «Тот и с грядущим не в ладу». Я тотчас исправил. Попросила прочесть «О памяти». Прочел. Попросил у нее верстку, чтобы дать Исаковскому, она вполне разумно сказала, что, мол, дать — дай, но не возлагай на него непосильного — он вне этого круга мыслей.

У Исаковского застал Н.С.Новикова с женой — старого, неглупого смоленского журналиста, ныне зав. отделом писем «Правды», кажется, члена редколлегии¹⁶⁷. Кондовый, умный газетный чиновник из такого партмонастыря, и однако:

— Что бы там ни говорили, как бы его ни бранили, а «НМ» лучший журнал. Напомнил, что в 37-м г. был исключен из партии и был 3 м<еся>ца без работы. Рассказал о Демичеве, как тот на вопрос одного из правдивистов-ортодоксов, как долго ЦК будет терпеть «НМ» во главе с Твардовским, разъяснял (это было уже давно), что мы ведем с ним работу, что это вопрос сложный и т.д.

Уезжая вчера, забыл, что накануне, провожая Валю, встретился у машины с Гилельсом¹⁶⁸, который сказал, что хотел бы зайти ко мне. А он заходил, его полуузнали и, видя в руках какой-то пакет, предложили «оставить рукопись»,

а я, мол, буду часа через два. Перекусив после цимлянского у Михваса и стакана пива в мотеле на Минском шоссе (дама из театра Сатиры, не узнал ее, напомнила о светлых днях постановки «Тёркина [на том свете]», приглашала на «Фигаро»), пошел к нему [Гилельсу]. Очень милый, думающий и страдающий и много видевший человек. Выпили коньяку с кофею, говорил о моем «подвижничестве» и «героизме», о том, что отовсюду слышит обо мне такие отзывы. Начитан, говорили о Т.Манне, о том, о сем, выяснилось, что он член партии (хотя я не переспросил).

Не «оброк», а «калым» (о гастролях за границей). Дал мне «Грани» с оборванной обложкой — переписка Б.Пастернака с Ренатой Швейцер, — не очень интересно и даже странновато в целом, но кое-что хорошо — нужно будет выписать о поэзии (условность и жизненность).

8. VII. П<ахра>

Еду в город, где, м.б., меня ждет звонок Воронкова (он уже успел «посоветоваться» в Отделе) насчет обсуждения поэмы либо копия фединского письма (случайно ли, что копию, он сказал, пошлет почтой, а не с тем же шофером, что и оригинал?).

Все это, знаю, не может обернуться добрым ко мне и журналу образом. Что-нибудь да удумают, извернутся, по крайней мере оттянут елико возможно. Но только бы сказано было, что обсуждение будет, как уже является необходимость изготовления десятка двух экземпляров, а это уже — «тираж»!

Словом, мы знаем, что ничего доброго нам не сулит эта постановка, но хоть времени протяг, а тем часом выйдет еще номер, другой, третий.

Вчера позвонил Хитрову, чтобы 6-й не задерживать, уведомив цензуру, что моя вещь переносится на 7-й. В седьмом ее тоже не будет, но все же — хоть не молча проглотить это романовское «вы сами знаете».

Вчера вечером, после самого жаркого в это лето дня, ходил в лес искать елку на место усохшей напротив рязановского нужника. Нашел, вынул, вернулся за тачкой, привез, задыхаясь и обливаясь потом, на изволокe из засранного «академиками» оврага.

Должна ухватиться за землю — посадил в промоченную землю и полил на ночь и утром. Живу покамест в дачно-курортном стиле, купаюсь, питаюсь, встаю рано, придремываю золотым предобеденным сном, как кн<язь> Бол-

конский, и ночью не знаю бессонницы. Это какая-то общая пассивность духа — тянет в сон. —

Вернул в верстку две строфы в скобках («Смотри, какой ты сердобольный...»).

Перечитал письма Ленину брайнинской публикации — придется написать предисловьице для итальянского издания¹⁶⁹.

В письмах Пастернака Ренате Швейцер в «Гранях» наряду с мотивами какой-то выдуманной заочной влюбленности с сантиментами есть страница, кот<орую> следует выписать (об условности и естественности поэтической речи — о второй через первую).

10. VII.69. П<ахра>

8-го был в редакции, информировал членов о встрече с Фединым.

Рецензия «полковника запаса Н.Афанасьева» в «Коммунисте вооруженных сил» от 12.VI на «С карельского перешейка». Грубая, епишевская брань с явным охватом проблемы руководства журналом. В общей печати вряд ли еще возможна была бы такая «выдача» мне. «Кому это нужно?» — заголовок-вопрос, заключающий в себе недвусмысленный ответ на уровне смоленских заголовков «Чей голос?» и тому подобное, более чем 30-летней давности. Доколе, господи, доколе?¹⁷⁰

Сдал верстку на выправку — будет хоть несколько экземпляров «тиража».

Марьямов показал письмишко из Риги, где называют «Сын за отца...» — значит, и тот вариант ходит, хоть он и не был в наборе.

«Посидели» у Саца, в результате чего (отчасти) день вчерашний, сам по себе невероятно жаркий, прошел в придремываниях, вялом чтении и пустяковой косьбе. Позвонил в ред<акцию> — ничего ни от Воронкова, ни от Федина.

Вечером зашел Бакланов. При нем Володя привез письмо Федина, в котором ни звука о его оценке вещи. Похоже, что, говоря слова «не вижу препятствий», он имел в виду обсуждение, а не оценку вещи. И так, и так гадко. Ясно, что никакого обсуждения не будет. Противно и уныло. —

12. VII. П<ахра>

Жары продолжают — 25—30°. Надо бы написать предисловьице для итальянского издания «Писем к Ленину»

(по «НМ»), но лень ищет причин для оттяжки. Хорошо бы начать с того, что «ленинский год», как всякое казенно-юбилейное «мероприятие», отталкивает и от Ленина. Но стоит, мол, заглянуть в подлинные документы тех лет...

Начать можно с письма красноармейца Бориса Федорова.

Письма Ленину и «Поток приветствий» Сталину.

Жара, погромыхивает в мутном небе, но так как много сходных громов — то самолет, то стрельба на полигоне, — нет уверенности.

Выписка из письма Пастернака.

Запись по конспекту книг Дейчера¹⁷¹.

13.VII. Воскресенье. День рыбака

Б.Пастернак. Из письма к Ренате Швейцер от 26.VIII.59 («Грани» № 58).

«...Я получил кое-что из современной немецкой лирики — Куно Ребер, Пауль Целан и Андерс. Из моего личного поведения не делай, пожалуйста, вывода, будто я враг модернизма. Все это поистине прекрасно, полно ярко выраженной остроты впечатлений и *непостижимо правдиво*. Я и сам был такой, как они. Но кроме зрелости, которую дает старость, есть еще зрелость, которую достигаем не мы, но жизнь, предметы, понятия и задачи времени.

После всего виденного, пережитого и перенесенного за последние десятилетия я не имею права оставаться верным удобству моих ранних приемов выражения. Я должен готовить себя к чему-то более трудному, более необычному. Я должен, даже если этот долг опасен, *стать постижимо правдивым*.

Стили, прошлое, эпохи расцвета искусств, вершины культуры в том виде, в каком им пассивно поклоняются и наслаждаются академически образованные люди, никакие не святыни, они — ничего для меня. Я почти могу сказать (лишь слегка преувеличивая): хоть Шекспир и представляет собой неоспоримый четырехсотлетний авторитет, он и в самом деле остается великолепным — живым и гениальным.

Или: хоть Бах и был профессиональным музыкантом, его творения — подлинные провалы в бессмертие.

..Я мог бы сказать почти следующее: искусство (такова его природа) всегда пишет условностями, которые, однако,

не самоцели, но, напротив, препятствия, которые надо проламывать, касаясь их, преодолевать, не отбрасывая с пути. Это своего рода цирковые канаты, по которым надо ступать, будто они не канаты, будто путь по ним ничем не отличается от пути по полу или по ровной земле. (Опять же крайне преувеличивая и не в смысле виртуозности (избави Бог), но в существе дела.) Мы живем и творим и, в конце концов, хотели бы придти к выводу: размер и рифма, поэзия — это способ оставаться *естественным в искусственной* форме, расширить объем естественности, открыть те уголки и слои *естества*, о которых лишенная опыта посредственность и грубость не мечтает и не догадывается. Подумай, например, о преувеличенной непринужденности Гёте, когда он укладывает поток своих мыслей в стихотворную форму. Порой кажется, что мы здесь имеем дело с *освобождением* речи, становящейся снова необузданно перевозданной!

Дело, значит, всегда в содержании.

Искусство пребывает и удерживается на высоте не само по себе, не в силу законов художественной формы, но благодаря нарушениям и исключениям.

Под романтизмом я понимаю не бывшее уже однажды течение, не существовавшую школу, не фазу развития искусства, но романтизм как принцип: производное, непременное, первоначальное, литературу о литературе, восхищение искусством со стороны художника (в противоположность чему творческий гений художника пренебрежет искусством, поклоняясь лишь жизни через искусство)...

Даже в искусстве слова содержание — это не сюжет или предмет описания, но степень напряженности, переход за пределы искусства, вхождение самой жизни в искусство.

Я не знаю, к каким выразительным средствам прибегает настоящее и будущее, но дело будет идти всегда о познании жизни и об открытиях, и вершины здесь будут достигаться редко, ибо в этом труднейшее, и эти вершины будут вносить смысл во всю местность, и лишь благодаря вершинам местность становится горной местностью». —

Письма писались по-немецки, перевод — загадка: нужно *такое* знание русского языка и предмета. Но *какое* же *нужно* знание нем<ецкого> языка, чтобы писать о таких сложных и извилистых ходах и в чудесной растрепанности (как бы!) изустной речи!

Прочел конспект (без начала и конца) книг И.Дейчера «Разоруженный пророк» и «Пророк в изгнании», бог весть для чего написанных. Речь идет, в сущности, о том, как вор у вора дубинку украл — Сталин у Троцкого «программу» последнего; о «трагических ошибках» Троцкого, исходившего из положений «классического марксизма» и поверженного Сталиным, который воевал не по правилам. Но последовательность подгребания Сталиным под себя сперва этих, а потом — этих и вся эта механика обретения безграничной власти (и безграничного одиночества) любопытны, хотя и не открытия для меня.

Но что мне до этой «борьбы титанов» — этого грузина и этого еврея, полем состязания которых была русская жизнь, деревня, крестьянство — о которых они знали по книгам, суммарным понятиям, и обоим, в сущности, было ни холодно, ни жарко от живой судьбы мужика, человека, людей, родины (где она у них!). —

Проснулся рано и тяжело (после малого вчерашнего у Бакланова), едва заставил себя сделать эти записи. —

В глухом полевом захолустье —
Сирени обглоданный кустик.

14. VII. П<ахра>

Вчера и сегодня утром высадил, выдавил вон строфу из вступления («просчет-расчет») ¹⁷², и вещь в целом перестала казаться такой уж скучной. Убрал и еще одну лишнюю строфу в «Перед отлетом». И обрел силу, чтобы хоть начать предисловьице к «Письмам В.И.Ленину».

Экземпляр — последний сверочный — с нанесенными сегодня поправками даю, как обещал, Гилельсу, поделившись со мной Пастернаком.

С ночи небо было заволоченное, серое и мало-помалу пошел дождик, но сейчас уже (12 ч.) притих и опять виднеет. Не купался утром. —

16. VII

Вчера был в редакции. Солженицын — веселый и сердечный более обычного. Подарил «Круг»* на русском (в Югославии). Изящное фототипированное с рукописи издание, — оставил Оле на гор<одской> кв<артире>. Солженицын

* «В круге первом».

о «НМ»: «Ваше положение решительно упрочивается. Вам, А.Т., уже нельзя решать вопрос о своем пребывании в редакции с точки зрения своей усталости и тому подобное. Вы уже в этом смысле не принадлежите себе». Обещал дать прочесть то, на что приглашал меня в мае, осенью, может быть, в сентябре. Говорит, что это самое серьезное из написанного им до сих пор. Мы говорили (между собой), что, может быть, он здесь и ошибается, сорвется, все равно он — это уже он.

Как всё не вдруг: предисловьице после третьего присеста только начато, распрямляется, видится впереди, но не написано¹⁷³. Ничего я не умею сразу набело. Сегодня помешал Симонов, зашел с гульрипшинскими фото, но и без того я уже был не писец — обленился в неопределенности своего положения.

Симонов говорит, что стоит послать поэму всем 42 секретарям, сославшись в сопроводилочках на письмо Фебина Воронкову. Вряд ли меня хватит на это. Во всяком случае — это на последнее.

Завтра утром едем с Лакшиным и, кажется, Сацем в Карачарово. Не хочется и не хотелось, но уж позвонил Бор. Петровичу [Розанову]. С этим еду сегодня на ночь в город. —

«Ибо никто из нас не живет для себя. И никто не умирает для себя» (Библия. Новый завет. «Послание к римлянам», XIV, 7).

Это эпитафия Дж.Хирна к «Пришлому у ворот»¹⁷⁴, который по памяти я записал:

«Не ради одного себя ты родился и жил на свете».

27. VII.69. Кунцевская больница, травматоло<гия>

Еще одна десятидневка, вмещающая возвращение на Землю американских лунатиков¹⁷⁵, подломилась посередине беспомощностью и ужасом здешнего пробуждения, а затем и прохождения сквозь строй медицинской науки. Жутко, но слава богу, что я здесь и что принимал меня милейший и умнейший Влад. Ив. Лучков (Лучко?) и что никакой «церебрахии» даже проф. Попова (невропатолог) не обнаружила. Правда, затылок еще бо-бо весьма и отметинки есть на правом ухе и на самом лбу под моим «оселедцем», но слава, слава богу.

Этот случай, короткий по тошнотливости загула из самых малых, но ужасный по ночному моему низвержению с лестницы на даче, когда одна со мной, беспомощным и в крови, была Маша, утром вызвавшая «скорую», показал всю степень самоотверженной и безграничной преданности моих

близких. Даже первый сосед по палате (теперь я в другой и один — со столиком и телефоном), славный партпензионер, хоть и типа того же, что мой весенний сосед, заметил: «Как дочка появилась, вы сразу помолодели». Но будет, будет уж об этом — все!

Только-только вчера начал уж обдумывать новое начало ленинской статейки (как недолго он был адресатом масс! Но адресатом, каким не был ни Толстой, ни Горький (тем менее), ни Гагарин, ни Чаплин) и запросил уже свои листки и №№ «НМ», как вдруг — от Мирзо [Турсун-заде], от Расула [Гамзатова], от знакомых и незнакомых с раскрытыми в ужасе ртами — об «Огоньке».

Журнал уже было невозможно достать, его рвали из рук в руки, Расул вырвал свой для меня у кого-то, кто и не дочитал еще... Ну, подлинно: такого еще не бывало — по глупости, наглости, лжи и т.п. Едва ли не все, подписавшие этот антиновомирский, открыто фашиствующий манифест мужиковствующих, «паспортизованы» на страницах «НМ», вернее сказать, аттестованы отдельно посвященными каждому рецензиями или, по крайней мере, «попутными» характеристиками, начиная с Мих. Алексева (вкупе с В. Шишовым!) и кончая дремучим, облекшим свою закаленную в органах юность во всякие «ой, дидо, ладо, Ладога» Прокофьевым¹⁷⁶. Но суть не в том, даже не в том, что самих генералов им не удалось подвинуть на подписи — ни Шолохова, ни Леонова, ни Федина (нужды нет, что он член ред<коллегии> [«Нового мира»], была бы охота!). А в том, что это самый, пожалуй, высокий взлет, гребень волны реакции в лице литподонков, которые пользуются очевидным покровительством некоей части «имеющегося мнения». И что уж это — хоги не хоги — заставит как-то решать вопрос в ту или иную сторону. Впрочем, все может обернуться испытанным наведением порядка по признаку серединности: «Конечно, мол, "НМ" имеет серьезные ошибки, но нельзя же так уж»... Идиоты, не понимают, что добиваются как раз обратного желаемому результату: вздутие, «нездоровое», конечно, популярности «НМ». 2 или даже 3 миллиона экзем<пляров> «Огонька» пропагандируют статью толстого ж<урна>ла, так или иначе доступного лишь верхушечной интеллигенции. Сац (звонил ему с утра) прав, что сегодня все телетайпы мира принимают этот документ и что наш острожный, диванный Ал. Григ. [Дементьев] — популярнейшее имя сегодня для художественной интеллигенции мира. —

29. VII

Решение перепечатать Дементьева и «письмо 11» «на усмотрение читателей». Одобрение этого Сацем и Кондратовичем вчера, правда, несколько возбужденными четвертинкой, нынешнее беспокойство и приезд Лакшина (с Машей), перерешение развить «врез», оставляя обе статьи «в уме», но сказать, что спорить не с чем и что аттестованность большинства авторов «Новым Миром» — не в пользу их объективности («хотя мы не хотим сказать»...).

Вчерашнее чтение «Триптиха» Панкину¹⁷⁷ и Расулу. Пожалуй, больше не буду читать. Хотя там столько прекрасных строк, но некоторая неотцентрованность темы, кроме, пожалуй, «Памяти», и некоторая вчерашность мотива «сын за отца» — дают отяжеление, лишают внутреннего напряжения (местами), хотя во многом, почти во всем — вещь для меня остается дорогой и в каком-то смысле непревзойденной (моими привычными средствами «Далей», из которых и вышла вещь). —

Слухи о неодобрении и даже возмущении «письмом 11» в разных кругах, и малые надежды на выражение этих чувств.

Письмо К. Симонова — отличное, явно рассчитанное на коллективность подписания¹⁷⁸. Слух о письме ученых, которое будто бы наготове.

Мои вчерашние «я-ста-мы-ста» могут развиться, но сегодня что-то очень тревожно болит с затылка.

С утра — пекарня, комната фонарем-эркером на юг.

30. VII

Доктор Вениамин Александрович (прошлый раз здесь рассказывал о своей даче, о водосборе, ездит сюда электричкой) вдруг сказал, что читал в каком-то тонком журнальчике («Знание — сила»?) о том, что я когда-то считал чуть ли не открытием (относительно своей психики): что есть центры или отделы мозга, ведущие свою работу помимо и независимо нашей воли, что запечатлевают, приобретают некие знания, и деятельность их не программирована нами. Во мне, значит, еще кто-то или что-то. Это лучше того, как если бы ничего и никого, кроме меня, во мне не было, а так все же есть надежда, что кто-то или что-то сработает что-нибудь, до чего не дотянешься волевым усилием¹⁷⁹. —

1. VIII.69. Кунцево

Вчерашний приезд Лакшина — совместная доработка нашего «От редакции». Звонок Федину. Сразу же обусловил

неподписание («я ведь первый»), «без моего Секретариата». Но потом поехал к нему Кондратович — дал записку, что он не против опубликования нашего ответа «Огоньку»¹⁸⁰.

Маша и Валя — усталые, озабоченные до крайности, точно все еще боятся, что у меня это не пройдет так легко или что я надорвусь от переживаний этих дней.

31. VII

«Открытое письмо главному редактору журнала "Новый мир" тов. Твардовскому А.Т.» — «М.Захаров, токарь Подольского машиностроительного завода имени Серго Орджоникидзе, Герой Социалистического Труда»¹⁸¹.

1. VIII

«Лит. Россия»; «Справедливое беспокойство» — угоднический подголосок «11-ти» — ред<акционная> статья¹⁸². Расула [Гамзатова] понудил подать письмо с отречением, а там, м.б., и об уходе из редколлегии «Л<итературной> Р<оссии>».

Лев Николаевич Смирнов (судивший Синявского) («А.Т., а не окружили ли Вы себя окололитературными людьми, которые...»)¹⁸³.

2. VIII

Вчера, в пятницу, цензура под некоторым предлогом, формальным чисто, не подписала наше «От редакции». Значит, до понедельника. На худой бы конец, наше «От ред<акции>» — это уже не так мало для успокоения друзей и нанесения удара врагам в запрещ<енное> место. Что и как у Симонова, в подробности неизвестно, но он действует, — вчера должен был встретиться с С<ергеем> С<ергеевичем> С<мирновым>, подпись коего так важна для дезавуации С.Смирнова — горбатого¹⁸⁴.

Спал, как всегда, т.е. 3—4 ч., хорошо, а там кофе, курево и т.д. Сегодня [...] проснулся опять же около трех, но была еще бубочка ноксирона, доспал и встал с тяжелейшей головой (в затылке). М.б., это уже от высокого слишком изголовься, а может — вся суть в этой части. Горчичники были до красноты, но они хороши для лопаток и других костей, а здесь на самом соединении «ракеты-носителя с кабиной управления», пожалуй, что и нет. — Утром пошел за газетами и был разочарован: в «Сель<ской> жизни» ничего про «НМ». М.б., Кондратович пошутил, но я уже желал «еще и еще» — и вдруг

нет ничего. Вчера Д. Горюнов, просматривая «Открытое письмо»: «Гл. редактору...» Чего же вам еще: не «бывшему». —

Вчерашние думы о своевременности, по крайней мере о допустимости моей смерти уже сейчас, но это было в растеплении чувств к дочерям и после нашего «От редакции».

По случаю просьбы Гродненской молодежной библиотеки надписать мой «фотопортрет работы писателя В. Быкова» обратился к тому: что за портрет, нельзя ли отпечатать для меня два-три экземпляра? И получил милый ответ доброго и мужественного писателя (я писал ему и о подлой рецензии Мотяшова в «ЛГ»¹⁸⁵), искренний привет и лестные пожелания и — увы — несколько карточек снимка, сделанного им как-то в «НМ», куда он зашел с аппаратом. Боже мой, ничего нельзя придумать отвратительнее той мордаты физиономии с дурацкой и самодовольной улыбкой, открывающей черные провалы на месте золотых зубов. Странное дело, мог бы уж я, кажется, отнестись к этому безразлично — нет, все обдумываю, как бы ему отписать, что портрет неудачен и что в библиотеку я пошлю на выбор хоть два и три (напр., из собр<ания> соч<инений> второго), но чтобы он уничтожил это<т> кусок пленки. Редко какой случай в жизни могу вспомнить, чтобы я так был огорчен своим неблагоприятием — случаи были все же. А те случаи, где я получался красавчиком, вроде военного 1943 г. на суперобложке военгизовского издания, как-то вовсе не томили меня явной неполнотой реализма. Нет, все же мы — в той или иной форме — хотим быть для современников и потомков такими, какими больше себе нравимся, хотя наверняка не являемся таковыми. — Придется уделить и этому случаю время, но уж после больницы. А может, забудется, да так и останется — беда, по совести, не так уж велика.

Завтра Сац привезет Македонова¹⁸⁶.

3. VIII

Вечером вчера часов в 10, уже сестра готовила мне «ошейник», позвонила Маша: заходил Симонов. Письмо его подписано, кроме него, Исаковским, Сурковым, Чуковским, С.С.Смирновым (Sehr wichtig!*) и еще кем-то. В понедельник повезет сам в «Литгазету». Если не опубликуют, сказал, что выйдет из Секретариата. Даст бог, до этого дело не дойдет, но если дойдет, как должен буду я поступить?

Уже одного уклонения Секр<етариата> от обсуждения «поэмы» достаточно было бы для такого шага с моей сто-

* Очень важно! (нем.)

роны. А теперь важно — уклонится ли он от обсуждения нынешнего положения с журналом. Если уклонится, выхожу из Секр<етария>та. Они могут это оформить как причину смещения, удаления меня и из ж<урна>ла, но уж тогда, снявши голову, по волосам не плачут. Впрочем, если наше «От редакции» пройдет, настаивать на обсуждении атаки «Огонька» и др. не буду.

Вчера же Валя что-то таинственно сообщила о какой-то возможной или готовящейся приятной для меня акции, но больше не сказала из опасения, что акция не совершится. Не стал настаивать¹⁸⁷.

Спал опять скверно. Проснулся — думал утро, а всего 2 ч. [...], сделал (на слабом кипятке) кофе, читал Дем<ентьева> о славянофилах, совсем встал в 6 ч.

4. VIII. К<унце>во. Понедельник

Страстная неделя «НМ» — от воскресенья до воскресенья увенчалась, пожалуй, самым шедевровым созданием вурдалачьего творчества, статьей в «Сов. России» о выступлении «Нью-Йорк таймс»¹⁸⁸ по поводу «Письма в "Огоньке"». Приσοкуплена к «Делу» под № 5. Македонов, однако, заметил, что при всей похабельности этого «документа» в нем уже и некоторая неуверенность и неполнота торжества. Уже необходимо привлечение мировых антисоциалистических сил в оправдание «Письма». Уже, как это бывает и в большем объеме, последствия содеянного ставятся на место причин его. («Затянувшийся флирт «НМ» с буржуазной прессой».)

С Македоновым проговорили без пауз часа полтора, и ему уже нужно было ехать. М<ежду> пр<очим>, он сказал, что и я говорю моим дочерям, Маше и еще кое-кому, что противники наши достигают обратных желаемым результатов — таскают камни для памятника «НМ». Лучше бы, конечно, не для памятника, а для крепости, но теперь уж глупость зашла, пожалуй, столь далеко, что нужно будет «кончать» с «НМ». Но еще поглядим, как и что.

Печерский Николай Павлович, многолетний спецкор «Правды» (Иркутск, Кишинев, Воронеж), детский писатель, вернее — детиздатовский, т.е. плохонький. Очень славный, был хорош со мной в Иркутске, хоть и намучился я с ним в работе над совместной статьей об «укрощении Ангары». (Эпизод с «железобетонным телом плотины» — ред<акционная> поправка «Правды»¹⁸⁹.) Уже в годах, дети выпускники вузов. Все превзошел насчет обл<астных>

и республик<анских> «систем», не обольщен ни на йоту своим Ц<ентральным> о<рганом>, где Зимянина зовут «Марфуткой», говорит о всеобщей апатии и цинизме во всех «звеньях», рад бы уйти в свою детскую литературу, но она «не кормит». Глядит на меня добрым и обожающим взглядом, но с сожалением: зачем, мол, ты залез и сидишь в этой каше, жил бы да жил без «НМ» (явно не является его читателем и не понимает его значения). Когда я сказал, что мои со-редакторы тотчас уйдут, если уйду я, он мягко, чтобы не оскорбить и даже не огорчить меня, заметил с высоты своего «правдистского» опыта:

— А.Т., никуда они не уйдут, покамест их не погонят, и то не всех, а лишь тех, которые не сумеют приспособиться... — Мне урок — не хвастаться впредь решимостью «моих людей», хотя я ни на секунду не усомнился в их этой решимости. Печерский просто добрый человек из иного мира, воспитанный по образу и подобию.

Чудный его рассказ о биографии одного из виднейших критиков «Нового мира» с трибуны XXIII [съезда] — Бодюла¹⁹⁰. Будучи секретарем райкома, извлекал в виде сувениров поросят из колхозных свинарников, а жена спускала их на рынке. Дело приняло такой размах, что он был снят и примерно наказан «с запрещением занимать рук<оводящие> партдолжности». А жена — писаная, редкая красавица русского типа, в умеренных телесах и полной силе, посылает его в Академию обществ<енных> наук на два или три года. Чья уж тут была инициатива — бог весть. По отбытии срока обучения марксизму-ленинизму он возвращается и становится 2-м секретарем ЦК Молдавии. Боже мой, как это похоже на клеветнические измышления буржуазной печати!

Печерский говорит, что положение корреспондента «Правды» в области или республике решительно изменилось. Это уже не те времена, когда таковой был грозой, экстерриториальной персоной грата, когда, напр., секр<етарь> Одесского обкома Епишев (этот!)¹⁹¹ на бюро то и дело взглядывал в сторону корреспондента: «Так будет правильно, Ник<олай> Павл<ович>?» Теперь чуть что — секретарь обкома (не первый даже) снимает трубку телефона и просит убрать и заменить неприжившегося. —

Вчерашний костер мой, разведенный под дождем, хмельной и грустный Расул, одергивающий нудно, назойливо болтающего художника Коровякова¹⁹² (?): — Не нужно больше анекдотов, нужно помолчать у костра¹⁹³.

Милый Сац, оформивший на машинке письмо Расула¹⁹⁴ и подскочивший с ним вторично на такси — 1-й раз он привез Македонова на известинской машине, заказанной мною накануне. —

4. VIII

В редакцию газеты «Социалистическая индустрия»

Мне не вдруг [попался] номер «Соц. индустрии», где помещено «Открытое письмо» Героя Соц. Труда М.Захарова, — этим объясняется некоторое запоздание моего отклика.

Я буду рад ответить на все вопросы т. Захарова, но мне необходима некоторая помощь вашей редакции, а именно:

Не могла бы редакция прислать мне хотя бы фотокопию «Письма» т. Захарова, — многие годы имея дело с читательской почтой, я привык придавать значение подлинной каллиграфии, орфографии и стилистике такого рода документов.

2. Сообщить мне хоть самые общие «анкетные» сведения об авторе: имя, отчество, возраст, семейное положение; впервые ли выступает в печати?

3. Сообщить мне домашний адрес тов. Захарова, я хотел бы запросить его относительно некоторых неясностей его «Открытого письма».

Заранее признателен вам за удовлетворение моей просьбы, если она не составит особых трудностей для вас, и незамедлительно представляю редакции мой ответ на «Открытое письмо» т. Захарова.

В тот же день.

Приезжали Лакшин, Кондратович, Сац.

Наше «От редакции» разрешено цензурой.

По рассказам, Охотников¹⁹⁵ кинулся было к Мелентьеву, но тот сказал, что не желает иметь с этим делом ничего общего, и отослал «к тем, кто все это затеял», т.е. в агитпроп-отдел, а там сказали: подписывайте, все равно им (т.е. нам) плохо будет.

Привезли (от Ольги) копию письма, переданную Маше Баклановым и Трифионовым. Неизвестно, кем оно подписано, кроме этих двух, но попало уже (или пойдет) в ту же «ЛГ». Оно очень панегирическое, берет вопрос со стороны репутации глав<ного> ред<акто>ра, — в самых сильных выражениях.

Позвонила Валя и несколько упавшим голосом сообщила, что Гефтер (специально вызванный по этому делу Румян-

цевым) из этой беседы ничего веселого не заключил. Чего ждать от академ<ического> начальства, которое по команде «Отдела» сняло меня с голосования!¹⁹⁶ И там разные люди и настроения.

Однако сегодня на нашей «редколлегии» на второй проходной [больницы] мы согласились, что «атака (противника) захлебнулась», во всяком случае мы уже доживаем до нашего понедельника, т.е. выхода 7-й книжки, где будет наш короткий и гордый ответ.

Чудесное письмо, пересланное «Коммунистом»¹⁹⁷, характеризующее нас как меньшевиков, захвативших в свое время «Искру», и т.п. Заказал копию.

Мое письмо в «Соц. индустрию» одобрено всеми и направлено по адресу.

5. VIII

А боль затылочно-шейно-межлопаточная не проходит. Больно иногда (часто) просто плечи носить. Голова заметно свешивается и держится на шее, как у младенца, ненадежно подпираю рукой, сидя за столом, или устраиваю на спинку скамьи. Проклятая мода — низенькие кресла, столики. Мне принесли в палату качалку (знак дополнительного внимания), но и у ней спинка низенькая — голову не положить.

Подумал, отправив письмо «Соц. индустрии», что мог бы отлично написать ответ и если газета отказалась бы печатать, — это даже не вопрос, — то мог бы в «НМ» опубликовать. Впрочем, ни черта не мог бы. Если даже травлю прекратят в нынешнем ее виде, то запретят упоминать, — ничего не было. А там ведь можно было бы поместить — в порядке ответа на прямой вопрос — письмо в письме, т.е. дать целиком или хоть в изложении мою записку по поводу критики «Железнодорожника». Будь досуг, так бы и нужно сделать, но писать при заведомой невозможности напечатать...

Я не верю, что паршивец (не без способностей) Анат. Кузнецов увез еще какие-то потаенные свои рукописи, где уж «вся правда». Но обстоятельства и серьезного писателя ставят перед необходимостью писать «для себя», «впрок», в предположении лучших времен. Развиваясь в пределах только допустимого («проходимого»), он самоумерщвляется. Это жуткая реальность духовного рабства, перед которым то, о чем Г.Бёлль в «За рубежом», — божья благодать¹⁹⁸.

После обеда и «творческого сна».

Была Оля, привезла плащ, берет, сигареты, фрукты. [...]

Послал с нею письмишко Бакланову¹⁹⁹.

Звонил в «НМ». Буртин сказал, что в «Л<итературной> газете» вообще не будет. Трус на трусе и трусом погоняет²⁰⁰.

Звонил Рой [Медведев]. Ему в Р<айонном> к<омитете> показали «обвинительное заключение»: «Под видом критики культа личности» и т.д. и т.п. Его просьбу о допущении его друзей — старых большевиков (по-видимому, сверстников его расстрелянного отца) грубо отклонили.

«Передайте вашим друзьям, что мы их вызовем, когда будет разбираться их дело, а в четверг разбирается ваше». — Выказывает готовность «стоять насмерть». А что еще остается?

Вчера, идя с Расулом, повстречали на дорожке парка Молотова, с которым я перед тем как-то уже поздоровался на ходу без полной уверенности, что это он. Здесь — за руку, и я назвался. «Я знаю», — говорит. — Две-три обиходные фразы и, не цепляясь за встречу, проследовал — прямой, выше среднего роста, в сером костюме и шляпе и с лица старчески серый и масковидный. —

Расул объяснялся с «Литрусью»* — не хотят печатать и, по-видимому, не напечатают.

За такой подвиг, как написание одним человеком в течение 6—7 лет такого научно-компилятивного труда, который имел бы благотворное влияние на все умы — старые и молодые, должно бы награждать званием Героя. А тут речь идет о пребывании молодого [нрзб.], честного, талантливого коммуниста в рядах партии. Скорее всего — исключат²⁰¹.

6.VIII. 6.30

Кофе второй раз после 2 ч. [ночи], когда проснулся [...] и, выкурив не мене 5 сигарет под чай и кофе (на кипятке из термоса), принял еще ноксирончик и угомонился до 6. Помыть затылок не смог — больно наклоняться и вообще.

Вчера, когда сестра обрабатывала мне на ночь шею, позвонила Валя, очень встревоженная и серьезная — нужно поговорить, но не по телефону. Хотя у нее есть мамина черта — немножко паника, нельзя было не почувствовать, что речь

* «Литературная Россия».

о чем-то серьезном, очень взволновавшем ее (вызывали в дирекцию и т.п., и все это «в связи»).

«Понуждали тебя отмежеваться от меня?»

«Нет, наоборот, но я не могу по телефону, ты только выйди к воротам, я приеду хоть верхом на палочке».

Условились, что пошлю за ней машину и выйду к воротам. —

Начинаю догадываться, что отказ «Литгазеты» и наверняка любой другой газеты напечатать письмо Симонова (при таких именах: Исаковский, С.С.Смирнов, Чуковский и др.) связан с пересекающей сенсацией — перебежничеством Анат. Кузнецова и поднятым им шумом («Вернусь в СССР, когда будет отменена цензура»). Смешивать это имя даже с «НМ» представляется уж совсем невозможным, тогда уж это будет не единичный отщепенец. Где-то кем-то (а м.б., нигде и никем) сочтено за благо замолчать противомировский вой — как бы его вовсе не было (до поры). Не иначе, что так. Сегодня, говорят, в «Литгазете» Полевой отчитывается за своего нового члена, взятого для укрепления редколлегии.

7.VIII.69

Валя рассказала, как зам<еститель> директора института (в присутствии др. работников) сказал (отражение беседы Румянцева—Гефтера), что «историки не должны стоять в стороне» (от «дискуссии», начатой «Огоньком»). Предложил ей сделать сообщение о ходе и содержании «дискуссии», с чего и будет начато обсуждение таковой. Валя согласилась.

Не успел я ей помягче отсоветовать, как выяснилось, что обсуждение сейчас, летом проводить нецелесообразно и что оно состоится где-нибудь в конце сентября (вернее, не состоится).

Затем с жаром ее «маминой» натуры стала доказывать, что я должен «выступить», что только я, с моим авторитетом и т.д.:

1) Либо ответить «Нью-Йорк таймс», нанеся одновременно удар по своим дуракам²⁰².

2) Либо — письмо в Политбюро.

Ни то, ни другое мне не светит, но я лишь коротко выразил это и обещал посмотреть (достать) полный текст статьи «Нью-Йорк таймс».

Оказалось, статью эту наши уже ищут, но ее нет. — «Сов. Россия» выступила, по-видимому, на основе телеграммы своего корреспондента.

Во второй половине приезжали Лакшин, Кондратович, Сац (инцидент по поводу «ЗОНЫ»²⁰³, чуть было не выбивший меня из нормы, угас под воздействием громкого чтения письма читателя Гусарова (оно в паре с тем, что из «Коммуниста», — прелесть, никаких «От редакции» не было нужно, если бы мы могли это письмо напечатать)²⁰⁴.

Вечер — костер, опять спор с Л.Н.См<ирно>вым насчет «продуктивности» процесса Синявского при немногословной, но крепкой поддержке Расула. Не жалею об этом. См<ирнов> только на словах отбивался, но, человек умный, не мог не увидеть, что то, что ему самому ясно, ясно и многим, т.е. что процесс принес реальный и большой вред.

Надписал ему тетрадку «для соответствующих записей», имея в виду подвигнуть его на некий мемуарный труд — материала у него бездна, — жаль, что больно хитер и не захочет встречаться с самим собой наедине.

Отличное письмо Македонова о «триптихе». С годами такое «умягчение нрава», что он каждое дельное и меткое замечание сопровождает оговорками, что, м.б., он неправ и т.д.

Сегодняшняя статейка в «Сов. России» об «Октябре» («На переднем крае»), принадлежность которой непосредственно к «серии» заметил даже мой добрый Мих. Федорович [Яковлев], кот<орый> только что звонил²⁰⁵.

Вчера было договорено, что Лакшин поможет Дементьеву написать письмо, а Кондратович подготовит проект нашего редакционного письма.

Все собирался записать, что впервые, попав в б<ольни>цу, не спешу из нее на волю, — нет, все-таки дома куда бы лучше даже болеть. Жаль, что затылок все еще...

8. VIII

Вчера Расула «амнистировали» — выдали ботинки, находившиеся временно под замком.

Пошли с ним навестить Кербеля с его ягодицей, вследствие инъекций оказавшейся вместилищем инфекции (температура 3-й день, подготовка к операции). Потом зашли к Валентину Петровичу Гольцеву²⁰⁶, чья статья о Гумилеве была мне передана кем-то, когда автор был еще лежачим (а потом все стеснялся зайти). Палата на троих (двое тех, что, по рассказам Расула, хвалили «письмо» Захарова: «Здорово

он его») — не разговоришься, да и спешил я — был час приезда Маши с Олей.

Потом Расул принес от дочери Гольцева мне три розочки. Вечером, отвязавшись от большой компании, уже после костра, пошли втроем: я, Расул и этот Гольцев. И — о, господи, он рассказал со слов верного человека, который слышал все это из уст Толкунова — участника недавних двух (весьма-весьма знаменательных) совещаний «наверху». На одном выступал Петр Нилыч [Демичев], на др<угом> Байбаков — у Косыгина²⁰⁷. В обоих случаях сообщалось о жизни партии и страны то, что давным-давно предмет широчайших слухов, соображений, предположений и т.п., как открытия, до которых как бы никому и не додуматься. Так обычно это и бывает у нас. Записывать не стоит до проверки-подтверждения из других источников. Но я был взволнован почти так, как в прошлом году после радио о Братиславе, когда казалось, что дело пойдет по-доброму, что победит реализм. А в сущности, нынешние известия шире и значительнее для судеб страны, чем те, хотя и родственны им.

Который уже день я здесь?

10.VIII. 3 ч.

Кофе, обваренный из остатков в термосе, 3-я сигарета. — 2-й «интервал».

Вчера не собрался, закончив утром Шатрова (до приезда ребят 8.VIII) (считал, что это Шаров, и дивился, что хорошо, особенно «голоса» — письма солдат и пр.)²⁰⁸, записать, что рассказ Гольцева в его народно-хоз<зяйственной> части подтвердился (конечно, без «фактуры») коммюнике «В Совете Министров» («Изв<естия>», 8.VIII)²⁰⁹ и о письме Маруси²¹⁰, слава богу, спокойном до поры, о 20-летней годовщине (2.VIII) смерти отца (это сообщила Маруся) и другом. Во второй половине дня, позвонив Сацу насчет его и Македонова приезда, насчет машины, узнаю от него о новом фокусе «Социалистической индустрии»²¹¹, раскрываю эту газету, купленную еще утром с кучей других...

Конечно, первое, что приходит — больше ничего не писать туда, все ясно. Но найдется ли кто, кроме меня, кто заметил бы, что в факсимиле начала письма Захарова обращение «Уважаемые товарищи из "Социалистической индустриализации"», тогда как в опубликованном письме «Уважаемый Александр Трифонович» (т.е. что письмо было адресовано не мне, а редакции, а она, во всяком случае, переадресовала его мне, соответственно изменив и содержание. Т.е. 1-го письма Захаров мне не писал, из чего я вправе заклю-

читать (предположить), что и второе написано не им. Найдутся единицы, но редакция нагло рассчитывает на то, что 99,9% не заметят ничего, кроме того, что моя «дерзость» изобличена факсимилированной страницей подлинного письма.

Голова болит день ото дня не меньше, и сейчас снотворки никакой, а заснуть вряд ли смогу до утра. Вдобавок к письму история с костром, на который набрал какой-то чин из охраны (офицер) того же рода войск, младший чин коего ука- зывал мне на запретность «зоны» и на то, что я «изолирован» от семьи.

Мысль, наверняка дурная, от нервов, в случае напоми- нания о костре заявить об отъезде, а в случае отказа выписать меня объявить бойкот лекарствам, процедурам и еде.

11.VIII

«Ничего, ничего, терпение!..»²¹²

В редакцию газеты «Социалистическая индустрия»

Странное дело: не дождавшись моего ответа на «От- крытое письмо» гл. р<едакто>ру «НМ» Героя Соц. Труда М.Е.Захарова, напечатанное на страницах в № от 31.VII, ре- дакция «Соц. инд.» в № 9.VIII публикует «Ответ» на мое ма- ленькое письмецо от 4.VIII, отнюдь не предназначенное для печати. В нем я лишь сообщал, что «буду рад ответить на все вопросы "Открытого письма"», и обещал «незамедлительно представить редакции» свой ответ и только просил: «Не мо- гла бы редакция прислать мне хотя бы фотокопию» оригинала «Письма» т. Захарова, а также «сообщить мне хоть самые об- щие сведения об авторе и его домашнем адресе; мне нужно было для «Ответа» «запросить его относительно некоторых неясностей в его «Открытом письме». Это в точности так, и это легко проверить, ибо предварительно письмецо мое полностью напечатано в газете вместе с новым письмом т. За- харова, обширным комментарием редакции и факсимилиро- ванной страничкой первого «Открытого письма», уделив это- му материалу, снабженному общим заголовком «Ответ главному редактору "НМ" А.Твардовскому».

Почему редакция проявила такое нетерпение, не до- ждавшись моего ответа на все вопросы, непонятно.

Попробуем разобраться, поскольку дело приобретает оборот весьма серьезный.

1. Более всего редакция и т. Захаров подчеркивают «оскорбительный характер» моей просьбы насчет фотоко- пии «Письма» от 31.VII. Я не вижу здесь ничего оскорбитель-

ного. Дело в том, что за десятилетия моей литературной жизни мне приходилось отвечать по крайней мере на несколько тысяч читательских писем, и я привык придавать значение не только стилю, орфографии, но и самому почерку такого рода документов. В этом со мной согласится всякий многоопытный в этом деле литератор или редактор. Редакция же усмотрела в этом мое недоверие к подлинности «Открытого письма» и, воспроизведя начало рукописи его способом клише, дала мне и всем читателям понять, что «Письмо» т. Захарова было адресовано не мне, а самой газете, так как оно начинается обращением: «Уважаемые товарищи из газеты “Социалистическая индустрия”», а не словами «Уважаемый Александр Трифонович!» (как в напечатанном «Открытом письме»). И далее из рукописного текста явствует, что автор обращается именно к газете, а не ко мне, А.Т.Тв<ардовскому>, гл. р-ру «НМ». («Давно собирался *поднять* в печати один вопрос...», а не: «Давно собирался *написать* Вам...», т.е. мне, А.Т., как напечатано. Совершенно ясно, что письмо т. Захарова с его вопросами было переадресовано редакцией мне. Я не спешу обвинить редакцию даже и в этом случае в фальсификации. Пусть так, но в таких случаях, когда газета находит нужным доверить ответ на письмо своего читателя тому или иному специалисту извне, в советской печати принято предварительно обращаться к этому лицу с соответствующей просьбой.

Редакция «Соц. инд.» нашла это излишним. Пусть это остается на ее совести.

2.

Переезд в № 199

(б<ывшую> Мирзо).

Письмо в Секр<етария>т.

Последний лист № 7.

12.VIII. 2 ч. (без четверти, кофе, сигареты)

[...]*

Нет, я не могу продолжать. Я нахожусь в больнице, но не в психиатрическом, а в травматологическом отделении вследствие несчастного случая со мной у себя на даче — ушиба, [при] котором, по мнению врачей, пострадала лишь шея, а не голова, но не схожу ли я с ума?

* Далее — черновые наброски письма А.Т. в редакцию «Социалистической индустрии».

(«Ах, ты свернул себе шею в пьяном виде». — Допустим, допустим, что так, но с той поры прошло 20 дней, шея успешно заживает, голова ясна, но она именно в силу этой ясности отказывается понять, что происходит в печати со времени «Письма 11-ти» в «Огоньке» 11 литераторов, которым не нравится журнал «НМ», большинство из них резко критиковавший на своих страницах за их плохие писания.)

Нет сил быть подробным в изложении всей той лжи, заушательства, оскорблений и облыжных политических обвинений, кот<орые> обрушиваются на журнал и на меня уже столько времени и в таких формах перед лицом миллионов читателей — моих и журнала, редактируемого мной.

Кому я это пишу, у кого прошу защиты?

12. VIII. 7 ч. (после сновторки)*

[...] 1 ч. 30 м.

После второй вашей публикации, из которой явствует, что редакция «Социалистической индустрии» не стесняется в способах «подачи материала», чуждых этическим принципам советской печати, дальнейшую переписку с редакцией и Героем Социалистического Труда М.Е.Захаровым, предоставившим, к сожалению, свое имя и звание для неблагоприятных ее целей, не считаю возможной.

Редакция, опубликовавшая мое не предназначенное для печати письмо без моего на то согласия, вряд ли решится опубликовать данное письмо с любыми своими комментариями, хотя против этого я отнюдь не возражал бы.

В тот же день после загов и отдыха.

Решено отложить «творческую работу» над откликом на последний фокус «Социалистической» и «индустрии». Угроза снятия нашего «От редакции» заслоняет собой все. Звонил Романову — обещает «после обеда ознакомиться, посоветоваться». Звонил (при замахе) Воронкову насчет моего вчерашнего письма и присовокупил, что снятие «От редакции» «НМ» обойдется дорого, с неопределенностью угрожал какими-то последствиями. — Он: я только что вышел на работу после болезни, только что прочел все это. Позвоню вам.

Вызвал я его с заседания «по Туманяну», выразившись через Анто<ни>ну Ива<анов>ну: «Туманян умер, а я еще жив»...²¹³

* Далее — вариант письма в «Социалистическую индустрию».

Решено снятие «От редакции» считать концом в смысле коллективного ухода в отставку, — лучшего времени и не придумать, — шутили висельники. Хотя — верно. Но перед уходом дать прощальный вечер на Секретариате, высказаться всем и, если не последует восстановления в правах ответа (через опубликование его в «Литгазете»), заявить об уходе. Если Симонов будет готов уйти из Секретариата, то и мне выйти. Если нет — воздержаться, — вид на жительство. — Но тогда уж уходить вовсе из «гослитературы» на солженицынское положение. — Вот и легче.

Не дай бог еще такого безумия, как прошедшей ночью. Без шуток можно угодить в психиатрическое отделение. Врач леч<ащий> Мария Александровна предлагала «24 ч. сна».

Из набросков здешних

Нехорошо, коль речь твоя
(Блится) слишком часто
Местоименъем личным Я:
Все я, да я, да я — ста...

Но та же самая беда,
Как раз того же смысла
С местоименъем Мы, когда
Все мы, да мы, да мы — ста...

Когда по всем своим волнам,
Чтоб миру было ясно,
Мы самолично: — Слава нам! —
Вещаем громогласно.

Допустим даже, и не врем,
Что шиты мы не лыком,
Но зря о том себе в урон
Кричим истошным криком.

Не лыком шиты в простоте,
Но мир не спит с летами:
Не пальцем деланы и те,
Что на Луну слетали.

Дальше хуже:

Нам этот подвиг не в упрек:
В пространства мировые
Для всех гагаринский «Восток»
Пробил тропу впервые²¹⁴.

И было в уме, что насчет зависти к тому, что не ты, а кто-то другой (строку, страницу, песню). И этот холодок — залог, что ты еще не весь вышел. —

Отец умер 2 августа 49-го г. Двадцать лет. Он был тогда только 10 годами старше меня нынешнего. —

Третьего дня и сегодня, 13.VIII после ночи [...]

Когда выйдешь за порог,
Да в ночную завируху,
Заслонив рукою ухо,
И крупа, не то горох
Рубанет в лицо и в руку. —

Ах, как мне в ночи рябой,
Когда я да непогода,
Да тропа — за сбоем-сбой, —
Ах, как любо мне с тобой
Ненадежной той тропой
Пробираться, блядь-природа!²¹⁵

Это я уже воображал себя обосновавшимся (предложение Маши) внизу, в кабинете из-под гаража, занятом пока молодыми (их — в мою наверх — там и солярий, и бабка — все рядом) и выходящим своим черным ходом на прогулку перед сном, а м.б., и еще зачем. —

Вчера М.И.Ромм демонстрировал свои «устные рассказы» с магнитофона. Нечего говорить, это куда значительнее и благородней Андроникова, и видишь, насколько ему книги были в руки, когда он делал «Обыкновенный фашизм»²¹⁶. И очень мил. Я кончал телефон с Валею, извиняясь, говорю: дочка волнуется из-за всего этого. А он: — Да что дочка, я волнуюсь. — Это 1-й раз и к месту. — Кербель — non grata.

В тот же день.

То, что сказал сегодня на совещании редакторов в ЦК (где был от «НМ» Кондратович) зам. зав. Агитпропом некто Яковлев, для нас не победа, но для вурдалаков большой урон, почти поражение: обе стороны виноваты²¹⁷. По-видимому, это будет официальной партийной точкой зрения, за которую ухватится наш Секретариатишко. Но вопрос о нашей «От редакции» еще, как сказал и Яковлев, «решается». Есть слух, что решается он у Мих. Андр-ча [Суслова], может, уже

и решился. Но мы намерены в случае обрыва и этой нашей ниточки, как условились, идти до конца, требуя на Секретариате права на самостоятельный ответ.

Маша с Олей привезли копию письма Симонова (уже одного его) в Секретариат, точнее, Маркову, полного энергии и даже резкости в постановке о правах одних и бесправии других. Он же, передавая эту копию Маше вчера на даче, сказал, что основное письмо подписано еще и Граниным (Л<енингра>д), написавшим свое присоединение от руки и отнесшим в «ЛГ». Есть сведения еще и о письме группы журналистов. Читательские письма идут трубой²¹⁸.

Что нужно, чтобы жить с умом?

Найти себя в себе самом. —

Это я даже не уверен, что мои строчки (что мои целиком), но я их нашел в блокноте и сегодня набросал 3—4 строфы. — Внесу в тетрадь завтра. —

«Ничего, ничего, терпение!»

15. VIII

Первая здесь ночь без снотворки — под шум дождя. Просыпался, курил и пр., но засыпал. Окончательно встал в 5. Правда, в затылке — тяжелый ком, сейчас постепенно — от кофе настоящего — помягчело. — День вчера получился хлопотный и разнобойный по эмоциям.

1) Позвонил Воронков (потом и приехал), что «там» ему удалось договориться о нашем «От редакции»²¹⁹.

2) Обзваниваю в радости Лакшина, Валю, Симонова (через Расула). Расул что-то бормочет насчет того, что что-то будет в «Правде» или «Литгазете».

3) Посылаю машину за Машей с Олей, которой к врачу, они приезжают в обед втроем с Вовкой, я обедаю, грибы жареные — банка целая, они глядят, я спешу их проводить, чтобы «Мандельштам» для Мак<едоно>ва поспел к 3 ч. в редакцию²²⁰. Врывается и, правда, ретируется абсолютно ненужный Гольцев, у кот<орого> 60-летие и кот<орому> я уже пообещал «Тёркина» и уже не хотел бы давать.

4) Не поспал после ванны, прилег, проведив своих (забыл отдать письма «подписантам»)²²¹, телефон — Македонов, сам просил его позвонить.

5) Телефон — Кондратович: Кириченко (из отдела [пропаганды]) интересуется, как поставлено «От ред<акции>» в № и будут ли поправки. Ответ Кондратовича: поправки невозможны и технически, и принципиально. Звоню Воронко-

ву — нет, откладываем все на завтра, т.е. на сегодня. Вчера не сходил к зубному, сегодня надо бы непременно сходить — вырвать предпоследний из некоронованных. —

Вчера утром или позавчера:

Что нужно, чтобы жить с умом,
Свободой и отрадой
Найти себя в себе самом, —
Всего тебе и надо.

И труд свой избранный любя,
Что всех основ основа,
Сурово спрашивать с себя,
С других — не так сурово.

Любить сейчас, любить в запас
И делать так работу,
Чтоб жить сто лет, но каждый час
Готовым быть к отлету.

И не терзаться — ах да ох —
Опасливой мыслишкой,
Что все равно тебя врасплох
Итог накроет крышкой.

Или:

И не томиться — ах да ох —
Что, близкий или дальний,
Он все равно тебя врасплох
Застигнет, час летальный.

А еще бы сказать, что и хуже бывает:

Звонок в два ночи. Ордер.
Машина «Хлеб». Цементный пол.
Допрос, где бьют по морде.
И всё, старик. Ни крик, ни вздох.
Москва шумит снаружи.
Итог — иного хуже²²².

Катал я в рифму по сто строк
В один присест бывало,
А нынче — дело к ночи.
Короче. Покороче.

Б.М.Иофан с его «витберговской» судьбой, милый, интеллигентный, влюбленный в свое искусство, уверенный, что он еще творит²²³.

И опять — похвалы журналу, моему мужеству и т.д., и опять:

— А не отнимает у вас ж<урна>л то, что для поэзии, — ведь это всего главное. — Как будто и лестно — предпочтение поэта «прогрессивному редактору», но, боже мой, не понимает, что речь идет о самой возможности писать, быть на свете художнику. Запрещен Солженицын, но скольких он выпустил на волю.

16. VIII. 5.30

Ночью была одна таблетка (розовая в крапинку). Голова была с вечера плоха и всю ночь. Сейчас кофе (без сахара).

Проект благодарственной «трафаретки» читателям — авторам писем в защиту «НМ», присылаемых в копиях (оригиналов, посланных в «Огонек» и т.п.) или непосредственно нам. Право, иные невозможно оставить без всякого нашего отклика — столько в них доброго сочувствия, понимания всего и попросту затраченных на это дело энергии и времени. — Всегда считаю, что за каждым письмом не менее сотни подписей тех, что могли бы и даже собирались (но не собрались, как это часто бывает за нами, профессиональными людьми) написать сами. —

Вчера в 12 ч. еще не было ничего официального от цензуры в смысле того, что сказал накануне Воронков. Лишь Эмилия [Проскурнина] передала нашим пожелание своего начальства: «Хоть бы они два слова заменили или вычеркнули». Кондратович ответил, что технически это уже невозможно — отпечатаны листы, это не матрица, где слово можно вырубить и впаять другое. Сказал он это не без язвительности, правильно усмотрев в этом пожелании жалкую попытку оправдать задержание письма, уже разрешенного ранее (под воздействием голосов в поддержку «Письма 11»). —

Я позвонил Воронкову, и тот с необычной готовностью сейчас же позвонил «куда надо» и перезвонил мне, что «с металлом в голосе» было сказано брошюровать листы № без каких бы то ни было дальнейших претензий. Потом приезжали «мои люди», как я назвал их в окошко проходной, и мы не могли не заключить, что вопрос был решен отнюдь не на уровне Яковлева. — Считаем, что это наша победа, хотя это не будет признано в тех «обобщениях дискуссии», которые, возможно, будут в печати.

Люди-человеки

1) Судья Смирнов Л.Н., которому я сказал (при людях), что процесс Синявского не прибавил ему чести после того, как он был участником Нюрнбергского и послебериевских процессов. Сказал, решительно подчеркивая, что Синявский сам по себе мне противен. Но дело в том, мол, что процесс как дурная сенсация принес нам неизмеримо больше вреда, чем жалкие и паскудные писания «Абрама Терца».

Многозначительно и с печалью осудил в моем письме в «Соц. индустрию» запрос насчет «фотокопии».

Перечитал (или прочел впервые) статью Дементьева и сказал, что она скучна и растянута. Я возразил, что бандитам, зарезавшим человека, не может быть оправданием, что человек этот был, скажем, плохим собеседником, скучным.

— Кто же резал Дементьева? — Хорошо!

2) Гольцев Валентин Петрович, приславший мне с Расулом статью о Гумилеве, критикующую американское издание его сочинений (при отсутствии дурного или хорошего у нас). Статья была затеяна при Аджубее и не успела появиться. Считая его, со слов Расула, лежащим, зашел к нему вместе с Расулом. Он наговорил мне «кос-воз» всяческого сочувствия и сообщил, что написал Толкунову письмо, что «Известиям» следовало бы выступить по поводу «дискуссии» под заглавием «Нельзя ли без крайностей?» (То самое, то самое!) Потом от Кербеля, а вчера и от Хитрова получаю предупреждение, что этот человек «не того», друг Вучетича и автор статьи последнего против «НМ», кот<орую> я уже и подзабыл²²⁴. Но и без того встречи с ним, довольно навязчивым и развязным в суждениях, становились мне неприятны. Вчера я уже собирался в постель, он пришел мне сообщить «хорошие новости» о том, что тов. Яковлев и т.п. М.б., и зря, нерасчетливо я дал понять, что все уже знаю лучше его, но бог с ним. Хорошо, что он не напоминает мне о «Тёркине», которого я хотел сгоряча на первых порах знакомства подарить ему к 60-летию. М.б., тут имело значение то, что дочь его переслала мне три розочки и что, как говорили, она сторонница и поклонница «НМ». Вспоминаю, что несколько лет [назад], кажется, именно этот Гольцев предлагал мне по тел<ефону>, незнакомому лично, купить какие-то драгоценности его тещи (он строил дачу). Прости меня, боже, если ошибаюсь, но, кажется, нет. — Слишком много о нем.

3) Лев Еф. Кербель, простодушный и, м.б., не без хитрости, упорно говорит о «нравственном переломе», произо-

шедшем в нем под влиянием «дискуссии» и моих позиций. Перечитал (или прочел) «Страну Муравию» (I том 1-го собр. соч.). Вызывает симпатии, хоть и очень недалек.

17. VIII. Воскресенье

Мелкая снотворка, последняя таблетка уже ничего не дала в 4 ч. Кофеек, сигареты. —

Нет, это в самом деле, кажется, хорошо, по крайней мере какой-то выход каждодневному и ежечасному «вдоху», — повторяю эти дни про себя:

[...]*

Что надо, чтобы жить с умом,
Свободой и отрадой? —
Найти себя в себе самом, —
Не так уж много надо.

Но той находкой не кичась,
Отставку дать гордыне.
И на своем отрезке связь
Тянуть от главных линий.

И обретенный долг любя,
Что всех основ основа,
Сурово спрашивать с себя
С других — не так сурово.

И жизнь любя не напоказ,
А в полную охоту,
Жить до ста лет, но всякий час
Готовым быть к отлету.

И не таить в смущеньи вздох,
Что, близкий или дальний,
Он все равно тебя врасплох
Застигнет, час летальный.

Это тоже днями, попутно с чем-то, так:

И я, случилось, по сто строк
В один присест, бывало,
Не как попало — в рифму — пек,
И все казалось, мало.

Теперь не тот уже порыв,
Должно быть, дело к ночи.

* Далее — новые варианты стихов, начатых 15 августа.

Читатель-друг нетерпелив:

— Короче. Покороче.

Не возразишь ему — Беда!

Усвоил ту привычку.

— Куда спешишь-то? — Как куда?

Хотя б на электричку. —

Вот так. И вовсе не смешно:

С работы, дело к ночи.

И, может, к лучшему оно:

Короче. Покороче²²⁵.

Мы не можем и не должны рассчитывать на торжество, на объявление нашей правоты во всеуслышание «сверху» — довольно, что нас поравняют с противником, выступающим в роли «воспитателя» с особыми полномочиями. Нам довольно, что мы не совсем немые перед лицом читателей. Когда сверху не имеют ясной позиции, выбирают единственно возможную и удобную — серединную. И то еще не отнюдь беда: нас легализуют, дают жить в своем виде, хоть и без поощрения, которое очевидно — так ли сяк — принадлежит нашим оппонентам, умеющим выкрикивать «слова» в унисон со словами же.

Л.-Ч. (люди-человеки). Столяров Сергей Дм., его рассказ о Ю.Семенове на охоте. Б<ывший> посол в Венесуэле, профессор, д<октор> наук, гл. редактор «Нефт<яного> хоз<яйст>ва», земляк из Немыпорей, — Фома...

19.VIII.69. Вторник

В воскресенье были Валя и Саша.

Высказал при ней «без ложной скромности» соображение о том, что за полвека советской власти наша литература не имела журнала, равного по авторитету и влиятельности и за пределами литературного круга, по количеству друзей и противников — равного «Новому Миру» последних 10—15 лет. Ее, историка, не удивило и не ошарашило такое заключение. Я, конечно, сказал, что это не потому, что мы, «НМ», такие красивые и многоумные, а в силу обостренной потребности общественного сознания в таком журнале, отличающемся от других цельностью и самостоятельностью (в пределах, разумеется). Но она сказала: «Нет, отчасти и потому, что красивы и умны».

Естественно, что в условиях «единомыслия в России»²²⁶ такой орган не может не вызывать беспокойства и недобро-

желательства в верхах, — тут и ревность даже: какой еще может быть авторитет, кроме номенклатурного! Тут и личное возмущение и неприязнь руксостава, привыкшего к безоговорочному почитанию, послушанию, заглядыванию в рот и готовности догадаться еще до указаний, особенно гласных, о характере, наклонении этих указаний. И, конечно, «персональная» моя нетактичность, неумение промолчать где следует, неумение подать себя, неумное заедательство и т.п.

А все в целом оборачивается гонениями, поощрением погромных выходов против журнала, который куда более полезен Сов<етской> власти, чем другие, о чем даже «Грани» в свое время догадались. («Письмо москов<скому> другу».)

Можно ли строго судить поведение противников ж<урна>ла и объяснять их эмоции личными качествами врожденной бессовестности и т.п.? Только отчасти. Ведь дело в том, что всех этих людей, в большинстве уже переваливших за 50, седых и лысых, в разной степени смолоду что-то еще обещавших, всех их жестоко обманули провозглашением таких истин, что не боги горшки обжигают, что наша литература не может поместиться, как в XIX в., в одной комнате, что у нас массовое литературное *движение* и что превзойти классиков для нас естественное дело при нашем куда более передовом мировоззрении. Ведь Толстые, Бальзаки и т.д., они «не могли», «не видели», «несли груз» и т.д., а нам все дано само собой, от нас требуется только верность партии, любовь к родине, хотя бы только на словах, ибо многое, почти все у нас «на словах», на заклинаниях, на магии «слов».

И вдруг — «НМ» со своим Солженицыным и др., со своим *неуковырным* (все чаще под руку словечки моего детства, «белоруссизмы») редактором, низвержением литературных репутаций, уже, казалось бы, куда как прочных, ценных «сверху», привыкших к положению почетному и выгодному материально. «Ах, вы хотите быть умнее всех!» Тут даже при смугном сознании (у иных наверняка) своей собственно литературной несостоятельности — ведь годы идут, близятся итоги, уже столько примеров мгновенного посмертного забвения столько «ведущих», отмеченных всеми знаками гос<ударственного> признания — инстинкт самосохранения вместе с инстинктом самообмана, что и они могли бы писать то, что душа велит, но ведь партии нужно другое, а мы ее помощники (к тому же высокооплачиваемые).

Вечером на прогулке начал думать о доработке «триптиха». Да я эту штуку сильно засушил непосредственной «политикой», отказался в ней, почти отказался от красок и запахов детства и юности, «оленьих рожек» и «раковых шеек», от просто юности, которая все же была «при всем при том». На сеновале должно быть больше, сами просятся запахи лежалых яблок, холодок предосенней зари и «петушков» нужно довести — там невнятна щемящая музыка.

Кое-что, по Македонову, можно и нужно ввести из прежнего варианта.

И, м.б., главное — нужно раздвинуть ленинскую тему в личном плане, чтобы это в конце концов было именно то, что я хочу сказать, но все еще оставляю про себя, а какие уже могут быть отсрочки. — Этим всем и займусь в моей новой келье, о которой уже мечтаю с отрадой, или выехав куда-нибудь, может быть, в См<олен>ск, и запершись там.

Дай, господи, не перегреть мечтания настолько, чтобы они уже негодились в дело, т.е. остались мечтаниями.

Вчера:

Сумасшедший и чуть хитроватый, но милый и умный Фоменко с сыном-аспирантом «подлеца Метченко»²²⁷. Приехал на занятые деньги (упомянул об этом), чтобы спросить меня, что он должен сделать, где и как подставить голову под топор и т.п., чтобы только как-то не оказаться не-человеком перед, в связи с «кампанией» против «НМ».

«Пограничнику человеческой совести от пограничников Даманского» — арбуз, объявленный Кербелем по телефону целым, а доставленный половинкой — бог с ним.

Вчера еще три зуба вон, только к утру сегодня прекратилось кровотечение.

20.VIII.69

Вчера был сигнальный № 7 с нашим «От редакции». —

Предполагавшейся, по слухам, статьи в «Литгазете» нет, хотя она готовилась, редактировалась, согласовывалась. Возможно, решили дождаться нашего № 7, чтобы соответствующим образом взять и наш ответ «11-ти» в орбиту «Третьского» заключения «дискуссии». Но наше дело сделано. Если № 7 не будет задержан, то никакими «обобщающими» и уравнивающими «спорящие стороны» писаниями ничего не поделаться с нашим ответом «11-ти»²²⁸.

Кажется, есть смысл отписать теперь и «Соц. индустрии» без опасений новой гласности. Письма читателей в «НМ» и присланные нам копии писем, направленных ими в разные адреса по поводу «Огонька» и «Соц. индустрии», свидетельствуют о решительной нашей моральной победе. Письма эти, между прочим, недвусмысленное свидетельство такого уровня читательского сознания, с которым уже нельзя не считаться, хотя, конечно, это уровень сравнительно узкого круга. Но какой это крут! Там и рабочие по профессии, которым претит фальшивое «наш брат-рабочий» и т.п., и инженеры, и врачи, и студенты, и профессорско-преподавательский контингент, словом, интеллигенция.

Два-три-четыре письма — анонимные, но анонимно и *единственное* покамест, если не считать сомнительного (не пародия ли?) письма рабочего сцены ЛБД*. —

Кондратович, со слов А.Эйснера²²⁹, сообщил по телефону сведения о подписке на журналы по п/о Москва, В-296 (?):

Октябрь — 17.

Знамя — 26.

Н<овый> Мир — 276 (больше даже «Огонька», который, по-видимому, в эту среду попадает гл<авным> обр<а-зом> из розницы).

Письмо К.И.Чуковского (препохвальное) Вале о ее книге²³⁰. Стыдоба: я так и не прочел ее целиком до сих пор.

В редакцию «Социалистической индустрии»

Редакция «Соц. индустрии» вслед за «Открытым письмом гл. ред<акто>ру ж<урна>ла "Новый мир" А.Т.Твардовскому Героя Социалистического Труда М.Захарова» (№) опубликовала мое короткое, не предназначенное для печати письмо в редакцию, в котором я лишь, выражая готовность ответить на все вопросы т. Захарова, просил: не могла бы редакция прислать мне хотя бы фотокопию «Открытого письма» и некоторые сведения об авторе: его имя, отчество и др.

Сопроводив публикацию этого моего письма-запроса под широковещательным заголовком «Ответ гл. р<едакто>ру», и новым письмом т. Захарова, редакция «посчитала» мою просьбу оскорбительной и «нетактичной»; редакция, однако, поместила при этом фотокопию странички «Открытого письма». Из сопоставления этого захаровского оригинала с печатным текстом «Открытого письма» со всей очевидностью явствует, что т. Захаров мне этого письма не писал, а пи-

* Ленинградский Большой Драматический театр.

сал письмо, которое начиналось обращением «Уважаемые товарищи из "Социалистической индустрии"..."»

Редакция попросту переадресовала это письмо «Уважаемому Александру Трифоновичу»... О том, что содержалось в этом письме на имя редакции в целом, судить по его начальным строчкам, воспроизведенным на снимке, не представляется возможным, да, пожалуй, и нет уже нужды.

Эти и другие попутные обстоятельства, рисующие нравы редакции «Соц. индустрии», несовместимы как с этическими принципами советской печати и выставляющими т. Захарова [пропуск], предоставившего, к сожалению, свое имя и звание для неблаговидных целей редакции, естественно лишают меня всякого интереса к продолжению «переписки» по существу.

Оставляя за собой право осветить историю этой несостоявшейся переписки, но позволяющей между тем сделать некоторые принципиальные выводы в более полном объеме на страницах журнала «Новый мир», не имею ничего против опубликования данного моего письма на страницах «Социалистической индустрии». —

21.VIII.69. 6 ч.

Вчера приезжали Лакшин и Сац. Выписал на них пропуска, и в голову не пришло проставить час, а было половина четвертого. И хам, у ворот этих дожидющийся пенсии, сытый, золотозубый, крупный, с кот<орым> я только что говорил о дождях и грибах:

— Нельзя, с четырех.

Чувствую, что неоправимые слова уже наготове (все-таки сорвалось пояснительное в сторону стоящих у калитки Л<акшина> и С<аца>: «из хама не сделаешь пана»), бросаюсь к окну комендатуры, — дверь заперта, — в окне такой же сытый паразит чином повыше:

— С четырех. Приказ.

— Моя фамилия Твардовский, неужели не слышали? Ваши дети и внуки знают меня. (Это уже прием отчаяния.)

— И мы знаем. Почему ж. Но были б вы членом (он так и сказал — членом) Верховного Совета — другое дело. Министров тоже пропускаем. А так — у нас тут много лежит всяких... — Потом кивнул привратному: — Пропусти.

Этот образ «зоны», второй раз уже возникающий, должен бы только вызвать улыбку, но он сливается со всей «образной системой» и щемит сердце, и отравляет настроение, накладывает свою мрачную печать на всю эту «живописную местность», на все. И ему сродни тот печальный упрек («убейте меня, А.Т., но я скажу»), упрек знающего-перезнающего,

прошедшего 20-летнюю школу на службе в Ц<ентральном> о<ргане> Печерского, с каким он отозвался о нашей заметке «От редакции» (дал ему прочесть, чтобы не просто «не принять» его во время массажа).

— А.Т., вас спровоцировали, — ему с несомненностью железной кажется, что *это* нам не пройдет.

Выпаливаю ему слова о преимуществах редакции, не боящейся снятия, кары.

— Вы, А.Т., не боитесь, но все остальные боятся. — За десятилетия он в своем кругу не видел человека, примера одного, чтобы кто-нибудь не боялся, способен был бы «из принципа» поступить не так, как все, как положено, как умно. Меня способным на это он считает отчасти из вежливости, деликатности и расположения ко мне (он все же «член Союза»). Но главным образом по причине моей большей неуязвимости — популярность имени и т.п.

Писать в «Индустрию» отдумали (это у меня самого было готово) до оглашения моего вчерашнего «проекта» письма. В ту же минуту позвонил Хитров, сообщил для принятия к сведению при решении этого вопроса, что ему известно со слов «одного человека», что «[Социалистическая] инд<устрия>» готовит полосу откликов рабочих на «Письмо» Героя Захарова: не подбросить бы, мол, им хворосту в костер. Я не поверил и не верю, что это может быть (полоса «откликов»), но вопрос уже был решен.

Сац грустный, трезвый, очень подурневший лицом, почти безучастный ко всему, — хватает ему всякого, бедняге. Лакшин явно прихрамывает и сознался, что чувствует себя неважно (мы забываем, из какой бездны болезни он вылез на свет). Приехали, думая, что я уж очень здесь томлюсь, да и просто *так*. — Рассказ Л<акшина> о Рое (новация: исключен, но секретарю его парторганизации велено не говорить об этом). Рой с убежденностью о том, что «года не пройдет», как что-то переменится. — Дружеская информация Эмилии. «Щось буде?» —

Вчера еще два зуба вон, один трудный, всего с шату-чим первым — 6. — Протезист говорит, что можно только «съемность». Это не то, тем более что на это нужно не менее 3 недель. Сегодня буду «лечить» еще один, с подготовленной полостью, и останусь впредь до разрушения клыков, на которых держится казенный перед. Грустно, грустил и Л.Н.[Толстой] по поводу беззубости, но ему было тогда 35, а мне 60 — чего уж!

Уже был в постели — позвонила Валя, замотанная пред-отпускными хлопотами, усталая: прочла «Круг» в одни или двое суток. Впечатление сложное, видит (верно!), что все, что «за зоной», у него мертвеннее, слабее. — Сказала, что у нее № «Эспрессо» с моим портретом чуть ли не на полосу — и хорошим, хочет даже переснять.

«Люди-человеки», как в ресторане, как в самой жизни, появляются, исчезают, входят-уходят (или их вывозят, как нагружившихся без меры; вроде Бернеса, о близкой смерти которого знала вся б<ольни>ца и вся Москва, все, кроме него)²³¹. Выписывается из того же «инфекционного» корпуса Столяров, возбужденный, говорливый — на волю, ставить фильм о защите природы, а говорят, что у него «лимфа» и что это отпуск. Что-то не встречается Мясоедов Ал-ндр Ник.²³² (стихи о курортном флирте), говоривший с горделивой грустью:

— Да, выпить я любил, очень любил. Выпить и заку-сись. — У него, как у Н.Некрасова, дыра в боку, — временная, но не заживает.

Противное слово «поиск» (вместо поиски) в любой газете каждый день. —

Кербель неумолчен, скучает, а зайдешь — заговорит, мочи нет. Но все же это кое-что: признается в «блуде» — халтуре, что-то осознает. Ромм ждет операции в понедельник. Дал ему № 7 на ночь. В № 7 вовсе не радость, новые воспоминания В.Ходасевич²³³. Это без меня, когда был в отпуске.

22. VIII.69

Вчера был день печальной годовщины «Событий» — их иначе не зовут.

Год назад написалась строфа, к которой не нашлось продолжения:

Что делать нам с тобой, моя присяга,
Где взять слова, чтоб рассказать о том,
Как в сорок пятом нас встречала Прага
И как встречает в шестьдесят восьмом...²³⁴

Разве что добавить:

И целый год прошел. И за год —
— ни сердцем, ни умом.

Вчерашний доклад Гусака на общегосударственном партактиве, взывающий к благоразумию многими словами

и с неизбежной нехваткой слов насчет «августа», дающий недвусмысленно понять, что будут или уже развернулись «меры пресечения»²³⁵.

Вечером позвонила Валя: «слышал ли я радио?». Из многих слов ее понял, что было сообщение о действиях сил порядка. Остается ожидать газет и по ним догадываться, о чем догадаться нетрудно. —

Вечером же позвонил Лакшин, передавший в коротких словах просьбу М.Карима²³⁶ о возможном обращении ко мне РСФСР-овского Секр<етария>та насчет моего участия в каком-то совещании поэтов народов или народных поэтов России. Бьют — беги, дают — бери. Это возможная акция со стороны именно этого Секретариата не может не означать, что он, по кр<айней> мере, не целиком разделяет позиции «11-ти». Отказываться не буду — как можно! — Но нынешнее мое местонахождение позволяет мне дать условное согласие.

Вчерашний день, подсвеченный обещанием М<арии> А<лександровны>, лечащей, готовить меня к выписке на вторник, замутнен был и захламен Лидией Дмитриевной [Морозовой], бог с ней, — ее уже лучше меня понимают мои домашние с ее паникой, суетностью, хитростью и жадой сплетни. Оля была на редкость хороша, добра, понятлива, но чуть что, готова видеть свое положение (предстоящие роды, институт, сомнения в своих данных). Поддержал, как мог. [...]

Тюрьма, больница и казарма —
Режимы схожие.

Мысль о безотлагательности участия в судьбе Роя — ведь речь идет о самом главном, чем живем и дышим. Оставить сейчас его одного в нынешних испытаниях его воли и духа — это никак не меньше того равнодушия, с каким смотрят со стороны на то, как выгребает «НМ» один в волнах ненависти сбоку, неприязни и нелюбови сверху (но все же при поддержке снизу), чего у Роя нет, покамест книга его — рукопись.

23.VIII. Суббота. Во вторник, кажется, отбываю.

Что делается с памятью — и это не первый уж раз: собрался ответить Троепольскому, написал, дай посмотреть адрес, глядь — а там пометка на конверте «Отвечено 14.VIII».

И не помню, точно ли ответил, а м.б., только собрался, и посылать второе письмо неловко, — это уж было бы свидетельством о моей травме, противоречащим моим остроумам в письме. — Снотворка?

— Письма, давно знаю, чтобы не жалеть потом, нужно отправлять не тотчас, а на другой день.

Вчера был день типичной лечебной перегрузки — с процедуры на другую — и это при всяческих предупреждениях, что нужно отдыхать в промежутках, иначе плохо для сердца. Попал в барабан — все зубья его должны тебя чесануть.

Вчерашняя жалоба массажистки Раисы Андреевны на Кагановича (грубит, рычит, фыркает, требует, обижает, забывая, что он уже давно не тот лев, коего рык сотрясал окрестности).

И чудесный рассказ Марьи Александровны, который можно было озаглавить «Завещание Кржижановского»²³⁷. Как старик здесь умирал, как посыпались всякие внучатые племянники и прочая седьмая вода на киселе в чайнии части наследства и как он, устроив им «пресс-конференцию», что биб<лиоте>ку он завещает инст<иту>ту энергетики, квартиру (или часть ее) — домработнице своей многолетней, ей же и пенсию с книжки пожизненно, а всем им, молодым и здоровым, — советскую власть плюс электрификацию. — Были Кондратович и Хитров. Еще мы не знаем, что будет, когда № 7 выйдет в продажу и по подписке, м.б., его то и ждут.

24.VIII. Воскресенье

Томительность последних дней перед выпиской «на волю», о которой столько слышал и читал (в серьезном смысле тюрьмы или той же больницы, но в более серьезном смысле). Накопление тяжких впечатлений больничного мира, нарастающее с каждым днем. Тут наряду с образами псевдобольных, подобных Кагановичу, вздорных и отвратительных по своим претензиям (вроде маменьки Симонова, о которой М<ария> А<лександровна> рассказывала так, будто это осточертевшая ей ее молодящаяся свекровь), наряду с этим неотступные образы страдания, неизбежных приговоров, обмана, которому так легко поддаются приговоренные, и т.д. и т.п.

Вчерашняя встреча с М.И.Роммом — он все симпатичнее мне, не жалуется, не киснет, а между тем, как я слышал, «приводит дела в порядок», делает необходимые распоряжения, т.е. что-то на случай перед завтрашней операцией — ему, оказывается, 70 в этом году.

Молотовы. Мы — я, Кербель, Печерский — соступили с дорожки на траву при их приближении. «Зачем же — места хватит», — с готовностью заговорить, но и не навязываясь ни на секунду лишнюю, приостановились. Он без пиджака — опрятный, в рубашке и галстук, она сухонькая, синенькая старушка с выправкой бывшей красавицы, с легкостью походки — ей 72 + перенесенная операция («та»). Врачи о них: интеллигентные люди, знающие слова «спасибо», «пожалуйста» и т.п. Вспоминаю о том, что этот самый В<ячеслав> М<ихайлович>, за руку которого она идет, — образ любящей стариковской пары — до трогательности, — сидел в П<олит> б<юро> и подписывал все ужасные бумаги, когда она, Жемчужина, сидела «там». Сейчас приходят на память слова Черчилля из его воспоминаний (как он провожал ночью В.М. через заднюю калитку дома на Даунинг-стрит, 11): «Что если бы я родился на свет Молотовым? — Лучше бы мне вовсе не родиться на свет!»

Ужасный, хоть и возникающий из теренкурского трепа, рассказ Н.П.Печерского о том, что он был зам. нач. политотдела бригады по комсомолу, будучи в звании мл<адшего> лейт<енан>та мед. службы. Как все началось с его корреспонденции, критикующей деятельность военкомата, за которой последовала повестка ему, белобилетнику по зрению, явиться с вещичками. И как его, журналиста с высшим образованием, писателя, т.е., по-видимому, члена ССП, назначили в школу младших медработников и, несмотря на его протесты, отказы, жалобы в П<олит>У<правление> и даже поступившую в часть бумагу из ПУ об откомандировании его в распоряжение ПУ (Дедюхин!), закатали в эту школу и заставили окончить ее (халтурил, читал романы, едва научился клизму ставить) и послали на фронт, где он даже успел сделать две-три перевязки, а потом понадобился в политотделе, где начальником был безграмотный директор МТС; как он прослужил всю войну в этой должности, вел всю канцелярию (бригада «Катюш»), полную безграничного вранья (поди проверь, сколько немцев убито налетом!); как пьяница нач. политотдела грозился представить его к ордену Ленина, но, протрезвев, забывал, и как был при переаттестации запрос, почему у зам. политотдела за всю войну нет ни одной награды; и как он выпутывался из своего звания, с которого нужно было оставаться после войны: в кадрах («нам нужны мл<адшие> медработники»), и как от другого пьяницы начальника ПО (или того же самого) он уже в Корее получил орден О<течественной> В<ойны> в связи с номинальным двухнедельным пребыванием в должности нач<альни>ка

санслужбы вместо загулявшего и где-то пропадавшего этот срок настоящего нач<альни>ка, объявленного потом дезертиром и расстрелянного перед строем (ребята не смогли стрелять, офицер взял автомат и первой очередью распорол ему шинель на спине, а оттуда кровь брызгами, и только второй очередью повалил).

Если все это написать, то большего очернительства и клеветы на армию не придумать, и дело не только в возможности таких обвинений, а в том, что они были бы совершенно справедливы: он видел войну из щели одной из ее лживых канцелярий, где фабриковался условный героизм, и подлинного, м.б., так и не увидел и не почувствовал, и не верил в него — как будто вся война была дурной игрой только, ложью, какая бывает лишь, как говорят, на охоте и на войне.

25.VIII.69

Вот и дожили до понедельника. Завтра — домой, если не удумают вдруг чего-нибудь, — не должны бы. Что шея моя еще не та, что надо, т.е. какая была до лестницы, я ж не скрываю от врачей. Но это уже не причина, чтобы занимать палату в б<ольни>це, здесь уже нужно время. Думаю, что время, а не озокериты* и т.п. поправили ее настолько, как она есть. Но, видимо, ускорение здесь невозможно. А обстановка, воздух, каждодневное пополнение специфических впечатлений — все это уже поперек.

Сегодня оперируют М.И.Ромма, который мне все более по душе. Был у него вчера по собств<енной> инициативе. Говорили в масштабах исторических: капитал, рабочий класс, крестьянство и «прослойка» в XIX и нынешнем веке. «Перекус» истории вследствие научно-технической революции. Непредвиденная роль «прослойки» в соврем<енном> мире. «Неужели ничего не хотят понять и продолжают жить в мире условных представлений, апеллировать к вчерашнему дню, пренебрегая особенностями сегодняшнего?» Но апеллируют не к тому вчерашнему, что был при Ленине, а к условному, хватаясь за рычаги, которые ничего повернуть не могут. — Сравнение М<ихаилом> И<льичем> Смольного и Ленинграда в 20-м г. и нынешнем, когда (еще при Хруще) он ездил показывать «9 дней [одного года]» (я не видел этой картины!)²³⁸. Единодушие в оптимизме: все, что занимает и тревожит нас, занимает и тревожит огромные круги, гл<авным> образом, более молодых, чем мы, и уверенных, что они еще дождутся. А эти круги — по всем акваториям:

* Озокерит — минерал с нефтяным запахом, используется в медицинских целях.

научно-технической, художественной, самой аппаратной. Правда, во-первых, пока солнце взойдет... а во-вторых — без большого худа дожидаться нам добра — вряд ли. — «Ино еще побредем»²³⁹.

В итоге каждого здешнего дня встреч и разговоров имею основание жалеть о тех или иных лишних словах своих. Но уже не томлюсь этим: если уж что, так не убережешься, как ни берегись. — Судья Смирнов отбывает сегодня. Охотно рассказывает случаи из своей судебно-следственной практики по уголовной линии, даже о процессах Багирова и еще кой-кого, поскольку они были открытыми и освещались в местной печати. Чуть что — засупонивается, уходит в раковину казенных словес. И все же хорошо, что вчера я не спросил его (вот-вот уже был готов сказать попросту, при Печерском, когда курили на лавочке): «А ведь вы сталинист, Лев Николаевич!» Он и сталинист, когда нужно, и, наверно, антисталинист по обстоятельствам. Плоть от плоти батюшки Аппарата, в котором он не хочет быть на второстепенном месте. —

Изустные «губернские очерки» Печерского, страшные сами по себе, но особенно своей несовместимостью с тем, как он «отражал» эту жизнь в своей газете. Бедняга вряд ли воспарит уже, хотя весь начинен взрывчатым, по существу, материалом. Склонен уже к житейской мудрости, мечтает о том, чтобы развязаться с газетой, «со всем этим» и писать, полагая в простоте, что литература — убежище ото всего этого. К тому, оказывается, он-таки блен, и уже в этой б<ольни>це не впервые, и уже пережил однажды смертный приговор («рак правого легкого»), решительно отмененный потом, но пережитый хотя бы в течение двух-трех суток. А парень симпатичный странным сочетанием в натуре застенчивости и озорства, даже «продерззости». Начитан мало и больше в «детской лит<ерату>ре».

26. VIII.69. День отбытия, 5 ч. утра

Человеку естественно пребывать в больнице по необходимости, т.е. при большой боли или всепоглощающей в нем угрозе конца, или под защитой беспамятства. Так же и в заслуженной радости пробуждения — выздоровления, отстраняющей в силу здорового эгоизма внешние впечатления. Не то, когда человек находится здесь без большой боли, вне критической ситуации, а просто так или в целях «отдохнуть», «подремонтироваться» — есть и такие, даже немало, поскольку б<ольни>ца привилегированная, комфортабельная. Как они оберегаются от внешних впечатлений — чужих, т.е. со-

седних страданий, страхов, уродства в этом вместилище разнообразных немощей и бед — трудно понять.

Вчера сказал М<арии> А<лександровне>, лечащей, что уезжаю потому, что коэффициент полезности пребывания здесь идет уже на убыль, а мрачные впечатления все больше занимают психику. От них нельзя, почти невозможно уберечься, но и нагружаться ими без толку, без малейшей возможности практического вмешательства не имеет смысла.

Я не только не записываю, но стараюсь не видеть того-сего, поскорее прохожу мимо всех уродцев нашего коридора — в коляске и на ногах (коротких до странности ножек примерно 50-летней толстушки кретинического облика).

Но помнить «на воле» о том, что даже без войны жизнь оттуда-отсюда подпирается этими очагами человеческих мук, — помнить надо. Это уже чувство социально-общественное.

Вчера утром прибежал сияющий Печерский с рентгена:
— Ничего нету.

Вчера сделана операция Ромму, у него уже был, просочился по знакомству артист Смирнов («Ленин») ²⁴⁰. Он слаб, но операция, говорят, прошла благополучно. Ему не только 70 лет, но у него уже был инфаркт (тя-же-лей-ший), как нараспев сказал врач (хирург) перед операцией или тотчас после. Оставляю ему писульку. —

Один из 500 инструкторов [ЦК], сосед Печерского по палате:

— А где работает Твардовский?

— Нигде не работает.

— А как же он живет?

— Плохо живет.

— Гм...

Это непосредственно вслед за усиленным склонением моей фамилии в печати именно как редактора «Нового мира».

А я-то думал...

27.VIII. 4 ч. Дома

Этими веселыми зелеными чернилами записываю жуткий, в сущности, факт: Маша под «радикулитом» скрывала то, что она побывала в понедельник 18.VIII в аварии, которая лишь по непостижимости окончилась не самым ужасным. Машина Рязанова ²⁴¹, которую вела его жена Зоя Петровна, столкнулась с такси, перевернулась вверх колеса-

ми — обе они, т.е. Зоя Петровна и Маша, ехавшая с этой оказией, были без сознания вынуты из машины и тотчас доставлены в больницу, откуда их отпустили в тот же день (переломов не было обнаружено). И Маша сгоряча еще что-то пыталась делать по хозяйству, но потом пошло хуже, и Оля уложила ее, а Володя, уведомленный Верейским, вызвал Лидию Дм<итриев>ну, которая по пути к ним на дачу и заезжала ко мне, чтобы сообщить про «радикулит» — зачем? — не терпелось, а правды сказать было нельзя. И так от меня весь этот срок до моего приезда вчерашнего скрывали, что тут на самом деле. Недаром я догадывался, что мне чего-то не говорят, но все — и Валя, по тел<ефону>, и Оля, в четверг навестившая меня, не обмолвились ни словом о существовании дела. Впрочем, если бы я узнал правду и на этом основании рванулся бы из б<ольни>цы, меня бы и не отпустили по такой именно причине.

Думать о том, что могло быть, просто невозможно. [...]

Вчера, после обеда и сна, окликнутый из-за рязановского забора Зоей П<етровной> (я и имя-отчество ее не помнил), я с некоторым вежливым торможением принял ее желание зайти к М.И. (соседское любопытство!) — «Сейчас узнаю», ибо весь рассказ, всю эту историю числил не за Рязановым, а за Гердтами, — так мне показалось, что ехала Маша с Гердтихой Т.А., которая ехала навестить Гердта в больнице (такое детективное смещение, обусловленное вполне сходными обстоятельствами: машина, жена соседа, водящая машину, сосед в б<ольни>це (Гердт мне звонил, что из-за болезни вернулся с гастролей в Сибири) и т.д. Ничего не переспрашивалось (я имел в виду тех, а они, т.е. Маша и Оля, — этих), дело было в существовании дела, от переименования соседней ничего не меняется. — Услышав от Оли, что З.П. это [и] есть напарница Маши по аварии, поспешил пригласить и после, с наивозможнейшей любезностью проводив ее, так и сказал ей, что мыслил ее просто в качестве любопытствующей или отдающей дань вежливости соседки. —

Был Верейский. Ночевал я наверху, в перевернутой и перекрашенной б<ывшей> моей комнате. Нижняя моя комната еще без лежака и вообще нуждается в доработке, т.е. наилучшей расстановке вещей.

Золото-березовая, тихо шуршащая первыми потерями-листочками тишина и теплынь ранней осени. Никуда не хочется спешить, а ехать на юг надо спешить. Шея побаливает при некоторых поворотах или наклонениях головы. —

Выбрался оттуда, из-за зоны, где «оно» или «это» (как выразился Б.Бабочкин)²⁴² — главная реальность, к которой сводится вся остальная — долгая или короткая реальность законная, т.е. жизнь, и нужно втягиваться, входить в ритм этой реальности, которая оттуда представляется почти что мнимостью, во всяком случае — очень конечной, очень быстрой и обманной. Ну и давай бог! «Ино еще побредем». —

28.VIII. 5.30

Спал без зелья и без интервалов после вчерашнего дня малых хлопот на участке (обрезка антоновки, огонь, «косьба» вдоль цементной дорожки).

У Маши к вечеру 37.6. М.б., вследствие приезда следователя. Была невропатологичка, велела лежать и не рыпаться.

К обеду — Верейский с «ЛГ» и просьбой из редакции позвонить.

Статью «Литератора» просмотрел — слабиссимо. Не редакционная, т.е. не документ, но и безымянная — кому охота выставляться с такой стыдобой. Мелких гадостей достаточно и слово «справедливо» в отношении «Письма 11», но заведомое умолчание о «голосе общественности» — «Сов. России», «[Социалистической] индустрии» и др. «Справедливо», но и вынужденные признания, что «11» были «резки по тону» и что «Мол<одая> гв<ардия>» не без недостатков²⁴³.

Что касается «От редакции» — ему ½ статьи — обвинения по части «высокомерия», свойственного вообще «НМ», «приписывания себе авторитета известных писателей» (в т.ч. Федина и Бровки, хотя мы и не называли!). В общем — пшик²⁴⁴.

Молчание главных газет, в том числе «Кр<асной> звезды», тоже знаменательно.

Позвонил в «НМ», там ребята сочинили негодующий запрос «Уваж-му Ал. Борисовичу [Чаковскому]» насчет неправомерности отклика на № [7], еще не сброшюрованный. Без труда их уговорил не делать этого, не метать бисера.

Зашел [к] Дементу — милая Лидия Гавриловна страстно желала заметить неповоротливость моей шеи — отверг.

Сегодня с машиной, кот<орая> отвезет Кондр<атови>ча в известинскую Пахру, еду в город.

Бакланов.

Оля — усталая хозяйка, бледногубая, с животом.

29. VIII. После грибов (очень мало и народу нет).

Вчерашний заезд Кондратовича, его рассказ о крупном разговоре с Мелентьевым насчет правомерности выступления «Литгазеты» по 7-му №, кот<орый> еще и не сброшюрован. Уклоняясь от ответа на многократно повторенный этот вопрос, М<елентьев> начал грозиться («придется вашим ("НМ") заняться по-партийному». — Что же вы медлите?), ужасается Беловым в № 8 («Бухтины») ²⁴⁵. — Это вы к предстоящему съезду колхозников выступаете с критикой колхозной демократии.

И насчет «закупоренных бугылок» в стих<отворении> Антокольского, в которых ему погрезился некий тайный смысл (едва нашли эти «бутылки») ²⁴⁶. Под самый конец: «Не желаю с вами разговаривать» — и повесил трубку.

Продерзостный тон Кондратовича он, по-видимому, мог объяснить себе только наличием у нас неких гарантий «сверху». Зол, мстителен и подл безгранично, но чего-то не может. Цензуре даст указания «не спешить» вообще с нашими материалами — не задержать, так придержать по кр<айней> мере.

Был в редакции — новые и новые письма, наполовину копии писем, отправленных в «Огонек», «Соц<иалистическую> инд<устрию>» [и] др. Много (чего раньше не было) писем рабочих, дающих жизни Захарову. Решили дать на прочтение один экземпляр всей редакции, пусть хоть люди знают, что они делают и какой все имеет отклик.

Не меньше нашего терпели ущемлений и всяческих каверз Некрасовы и Щедрины, не имея отзвука своей работы в народе, ради которого терпели, — у нас иное дело ²⁴⁷. Это — не шутка.

— Потом его окулачили (т.е. причислили к кулакам) и вскорости раскулачили. — Первый раз слышу (Инн. Ник. [Шустер]).

В редакции — пьяненький, пожухлый, надоедливый дикарь Ухсай ²⁴⁸.

Добрая новость: Буртину наконец дали квартиру (Моссовет), трехкомнатную, теперь только райкомиссию пройти.

Звонок Н.А.Михайлова, показывающий, что меня не избегают, наоборот. Но о 5-м т. как-то и напоминать нелевоко.

Все думается после рассказа Бакланова о Калининграде, об атмосфере в б<ывшей> Вост<очной> Пруссии — офицеры, побывавшие в Чехословацкой операции, новоселы (переселенцы с востока на запад — историческая нелепость), думается о странностях послевоенного устройства — незаживающий нарыв.

Кто об этом думает, прикидывает — где добро, где недобро?

Предположения (неправдоподобные, немыслимые, как в прошлом году слухи об оккупации Чехословакии) или слухи насчет вразумления Китая радикальным способом — не приведи господь.

Шея болит.

30.VIII

Мне так хорошо здесь по дому и по двору
В затишье, в трудах предосеннего дня.
Что самая злобная, самая подлая
Печатная ложь не встревожит меня²⁴⁹.

Мне так хорошо здесь по дому и по двору (оборудование нового «кабинета» в связи с перебазированием молодых наверх (якобы из-за опасности для меня лестницы), садово-компостные стариковские милейшие заботы, грибы и т.п.), что сейчас, напр., едва 10 часов, а мне уже хочется творческого вздрема отхватить часок.

То ли дело дома
Творческого вздрема
Отхватить часок.

Вчера — письмо Караганова А.В. о том, что он не знал о готовящейся в «Литгазете» статье «О лит<ературных> спорах», а то бы не давал своей статьи к 50-летию кино, т.к. он решительно против попытки «Литгазеты» вывести из-под огня русопятых «М<олодую> гв<ардию>» и их защитников из «Огонька». Звоню в ред<акцию>, м.б., там С.Г. [Караганова], но она больна²⁵⁰. Хитров сообщает, что 8-й №, как и следовало ожидать, терпит цензурную качку и опоздает в машину 3.IX. Но Белов, м.б., уцелеет.

Вечером в 11 — Би-би-си в последних известиях сообщает о нашем «От редакции», цитируя то место, где говорится о готовности выслушать любую критику, но нежелании разговаривать и отвержении с порога политических обвинений...²⁵¹ —

31.VIII. 5 ч. Последний день лета

Были вчера Симоновы.

Рассказ Л<арисы> А<лексеевны> со слов Шинкубы о сверхположительном отзыве Шелепина о его «Чанте» на ужине, устроенном по случаю пребывания члена П<олит>-б<юро> на отдыхе, и вопросе последнего: «Почему Вы напе-

чатали свою вещь в «НМ»?» Разве, мол, нету у нас других журналов?²⁵²

Шинкуба, только что представленный Шелепину секретарем обкома как автор этой повести (Ш<елепи>н будто бы не знал, что это — Шинкуба, присутствующий на вечере), заметил, что, м.б., напечатай он вещь не в «НМ», она бы не была прочитана членом П<олит>б<юро>. Разве, мол, он успевает читать все ж<урна>лы? Нет, он читает регулярно лишь «НМ» и «Звезду» (?).

По поводу «письма 11-ти» Ш<елепин> сказал, м<ежду> пр<очим>, что статья Дементьева ему представляется правильной и он не понимает из-чего сыр-бор загорелся²⁵³. Из общих высказываний, лестных абхазцам, что-то насчет большей самостоятельности Абхазии.

Шинкуба на седьмом небе. —

На вечере 50-летия кино Симонов встречается с Демичевым, приветливым и участливым:

— Как живете? — С понижением голоса и, м.б., оглядкой: — Как с «Дневниками»?

— Да вот без двух месяцев 3 года, как решается вопрос²⁵⁴.

— Гм... Как же все-таки живете?

— Живу-пишу, не мог же я только ждать.

— Да, да, писать — это главное. Остальное все будет хорошо!

Сам собой разговор подошел к вопросу о том, что делать дальше. Морально-политическая победа «НМ» видна, хотя это отнюдь не признается директивной статьей «Литгазеты» (ухитрившейся, по словам Симонова, выйти за рамки «директивы» в пользу «11»)²⁵⁵.

Собственно, поставил этот вопрос я: до какой черты мы будем сидеть в обороне? Не поставить [ли] вопрос по-крупному перед ЦК письмом наших (11, или 12, или 10). Стали прикидывать — нету таких «подписантов», готовых, как мы с Симоновым, подписать и отвечать до конца.

Насчет Секретариата Союза согласились, что напоминать сейчас о нем — только вызвать гримасу неудовольствия: «Опять об этом?» Ее же не преjdeши: указание!

Решили думать, как быть, понимая, что передышка «Новому Миру» временная и окончательное его угробление — задача № 1 у его противников. Пока что Симонов взял папку писем читателей, о которых он знает только с моих слов. В разговоре при женах, вернее, при жене его, т.е. Л<арисе> А<лексеевне>, я не мог коснуться, м.б., решающей неспетости нашего с ним дуэта: оценки Солженицына. В нем — гвоздь. Умолчать о Солженицыне, о судьбе его двух

романов, говоря о притеснениях по отношению к «НМ», нам и другим лично — значит молчаливо согласиться с тем, что есть, с «позицией» Федина, Секретариата и «Литгазеты» по этому вопросу. А это было бы «применительно к подлости». Придется сказать об этом Симонову. Здесь он увяз, решительно осудив «Круг» (м.б., для того — субъективно, — чтобы хоть «Корпус» спасти). М.б. (не без этого!), предубеждение против «Круга» у него из-за того, что в романе есть писатель, в котором узнают его, Симонова. Это никак не лучшие страницы²⁵⁶.

2.IX (сентября) 69

В канун первого осеннего дня с вечера взялся было дождь, с крыши забурчало, и гулял я на сон грядущий в дождевике, радуясь, что дождик спорый, грибной по теплу и густоте моросистой. Но на заре увидел, что дорожки просохли — силой последних жарких дней, хотя и остыли за ночь. Вчера — серенький, почти бессолнечный денек.

Окопал сирень лицевую — не кругами, а под шнурок сплошной полосой, перевернул скудную дикую дернину, вывез пять тачек навозу, разбросал по влажному. Жил все в той же грустноватой, но приятной полулени, в заботах по дому и по двору. Вчера начал приводить в порядок полки нового кабинета. Первое утро записываюсь здесь перед окном на венгровский нужник, мечтая о том, как закрою его елками (доставлять их из лесу нелегко и на тачке неудобно. М.б., наряжу зятя за «самокатом» к Евг<ению> Ант<оновичу>.

Под настроение был гончаровский стариковский быт («Г<ончаров> в воспоминаниях современников»)²⁵⁷. По другой совсем причине, но очевидным образом отдаляюсь от улицы Воровского и всех подобных заведений²⁵⁸. Скольким лицам я уже попросту не смог бы ответить на рукопожатие, но и не хотел бы демонстрировать это — много чести.

Ты ли, ты ли это, Тёркин,
Лысоват и сед,
Твой ли рот затынут в сборы,
Как тесьмой кисет? —
Долго, долго
был ты молод.

5.IX.69. 7 ч.

С трудом держал голову, председательствуя на нашем партсобрании («Борьба с бурж<уазной> идеологией на страницах "Нового мира"» — А.Марьямов), то подпирая ее

руками, то откидывая назад, а положенные три часа нужно было высидеть, соблюдая смешную форму при неполном десятке членов партии и не имея замены в «президиуме», состоящем из меня и Анны Васильевны [Василевской] — секретаря, что, м<жду> пр<очим>, лишало возможности выйти п<...> после выпитого передсобранием стакана кофе. Церемония была обязательной — присутствовал инструктор Р<айонного> К<омитета> — некая Зинаида Андреевна. Беденькая, она пыталась что-то записывать из того, что говорили наши ученые-преученые мужчины (Виноградов, Буртин, Лакшин). Вряд ли она понимала хоть половину, вряд ли слыхала $\frac{1}{10}$ терминов и имен, называемых ими, но одно она хорошо понимала, заранее знала, что докладчик недостаточно отметил ошибки в работе журнала, что товарищи его поправили, но недостаточно, что нужно больше, решительнее и т.п. Это она сказала в закрытой части собрания, которая, кстати, безусловно могла быть и открытой. Вышее, на что она была способна (согласно указаниям!): «Ведь многие даже не слышали про ваш журнал, не читали его, но об ошибках его знают, не могут не знать из печати». Еще бы — 130 тыс. «НМ» и 2 млн одного «Огонька». Неправомерность этого отмечает и один из читателей²⁵⁹. Мы все говорили, понимая это и стесняясь друг друга, для нее, Зинаиды Андреевны, применялись, как обычно в таких случаях, к уровню ее понимания. Тоска и мука — говорить о том, что самим нам известно-преизвестно и не нужно, симулировать «активность» и т.п. Потом оказалось, что З<инаида> Андреевна оставила у нас сумку с рыбой — кто-то ее спрятал, м.б., С<офья> Х<анановна>, искали, не нашли.

Гнусавец (или просто дурак) Грибачев употребляет выражение «Из песни слова не выкинешь» в обратном смысле: да, мол, были на войне и репрессированные, и даже воевали неплохо, из песни слова не выкинешь. Тогда как это выражение было бы уместно только в том случае, если бы он хотел сказать, что, к сожалению, были у нас репрессированные безвинно. Он что хотел, то и сказал: репрессированные на должности положительного героя произведений о войне — вот что беда нынешней литературы (Симонов — без указания его имени).

Но это не единственная гадость его статейки в «Литгазете» на обороте статейки «Литератора». Есть там и «эмоции, несоразмеримые с политическим разумом» и мн. др.²⁶⁰

Что «НМ» перенаселен евреями и они определяют его «линию», не новость. Со слов одного из бывших редакторов

«НМ» Щербины, переданных Лакшину человеком, слышавшим это самолично, не новость и то, что Лакшин, Кондратович — явные евреи. Но не все, мол, знают, что и Твардовский еврей, правда, не чистый, по матери, польской еврейке. — Дементьев захохотал натужно (как-никак Щербина его нач<альник>, зам. директора инст<итута>, хоть он ему цену знает). Я оборвал его: «Что же ты смеешься? Это не смешно, мне по кр<айней> м<ере>». Примолк, как он умеет молчать, когда его лично не касается, и не поймешь, как он относится к твоим словам. Хитрость, школа житейской мудрости («Я ничего не говорю, не знаю, м.б., совсем иначе думаю, чем ты говоришь, но и тебе не возражаю»).

В лесу я уже не намечаю подобрать все добрые в дровяном смысле валежины — это не только следствие газификации дачи, но и *возрастное*. Дай бог справиться с задачей найти и, главное, доставить из леса пяток-десяток елок для посадки перед моим нынешним окном — чтобы заслонить венгровский нужник. А когда подумаешь, что и этого не нужно, не стоит трудов, то уж не нужно и книги расставлять и устраиваться получше и все уже неинтересно, как неинтересно Дементу, [...].

Шучу: «Тяжело иметь три кабинета, рассредоточивается творческая энергия». А оно и верно отчасти. В городе — мертвая квартира (для меня), мертвая, как склад, библиотека, шкаф с «полным собранием» — почти всеми моими книжками. Здесь «офис» и — теперь — эта комната, которая хороша мне своей неформенностью «кабинета» — косым потолком и т.п. Лучше, чем уступленная Оле с ее Володей моя верхняя комната. Изолированность отрадная, несколько смущает только незанавешенное окно, доступность с надворья, но — обвыкнется.

Хорошие слова Т.Манна: мне здесь хорошо, потому что не все совершенно без недостатков, а недостатки терпимые. Не могу черновики писать на совершенно чистой, форменной бумаге, лучше, когда на обороте собственных машинописных лишних страниц, на кое-чем.

«Триптих» мог бы доделывать, но чувствую уже без обмана, что «кулацкая» часть, особо важная для меня, уже не так важна для нынешнего читателя. И нельзя ставить в вину молодым, нынешним «сыновьям», что они не испытали от «всеобщего отца» ни гнета вины, ни горечи «отпущения». Читаю Бека. Сталин его — первая, пожалуй, попытка настоящего портрета его. Сталин о «тайне»²⁶¹.

7.IX. 69. П<ахра>

Грибное тщеславие Маши — опять заблудилась, прошла бог весть сколько.

Эти дни — под впечатлением беседы с Шатровым («Брестский мир») ²⁶², с Карпинским Леном Вячеславовичем ²⁶³, собрания, чтения Бека, посещения Симоновыми, наконец, Роем, который вчера пришел под обед ²⁶⁴.

Единственно отрадное — статья Лихачева о путях развития лит<ерату>ры... будущего ²⁶⁵.

Невесело, несмотря на «моральную победу».

Не мытьем, так катаньем,
Не шитьем, так латаньем —
Допекут!

Рой о процедуре на райкоме.

— Скажите, написали бы вы свою книгу, если бы отец ваш не был репрессирован и не погиб там?

(Никто из 3 членов бюро РК книги не читал — «не читал, но скажу».)

— Не знаю. Однако если бы моя книга была интересна только для детей репрессированных, то и тогда это немало — их около 20 миллионов...

— Зачем вы приводите обывательские сплетни об убийстве Троцкого?

— Я не сплетнями оперирую, а фактами, зафиксированными документально. Все приговоры «процессов» 30-х годов содержали в себе приговоры к смерти, казни Троцкого. Сталин поступал вопреки осуждению большевистской доктриной индивидуального террора, убивая своих противников даже за пределами родины в порядке индивидуальных акций.

За рубежом пребывали кровные враги советской власти, народа и Родины — Деникины, Врангели и др., — умерщвление их путем индивидуальных акций не было и не могло быть нашей задачей.

Кто-то из членов: — Однако я бы ничего не имел против, если бы кто-нибудь прикончил этого, что перебежал в Англию (Кузнецова).

Подводят к тому, как бы он, Рой, поступил, если бы, скажем, XXIV съезд вынес решение о реабилитации Сталина.

— Я бы вынужден был выйти из партии, в которую я вступил после XXII съезда.

Рой знает, что его не восстановят, если даже он признал свою «ошибку», но будет идти до конца, апеллировать во все инстанции, вплоть до партсъезда. Он тверд, но печать обреченности на всем его облике.

Сообщил об известном ему случае выхода из партии одного физика, который теперь не может нигде устроиться на работу.

Говорили, — я проводил его до Трифонова, — о, по моему, роковом отсутствии сейчас культа личности, вернее, об отсутствии лидирующей личности наверху. —

Читаю вновь Драбкину — нужно писать о письмах Ленину²⁶⁶. —

Обленился, к столу не тянет, только бы копался — где придумать дело нетрудно и выполнять отрадно, если забудешься²⁶⁷. —

9.IX.69

Прочел внимательно (2-й раз) Драбкину — не помню, чтобы я читал что-нибудь подобное в «Лениниане», — давно не перечитывал Крупскую, но по памяти, кажется, она несколько суховата, слишком обожжена солнцем, с которым бок о бок прожила главную часть жизни. Драбкина, м.б., в преимуществе, не будучи ни женой, ни дочерью, ни сестрой гения, но имевшая с ним даже житейское соприкосновение, кроме того, она очевидным образом талантливее как литератор.

Не один раз был растроган и в целом чувствовал Ленина — человека в человеческом (трагическом) смысле.

Менее всего он конспиратор, менее всего администратор, военачальник, торговец, но по необходимости был и тем, и др., и третьим, и чем угодно, и не был смешон и беспомощен ни в одной роли, как, м.б., был смешон (и симпатичен) на охоте.

Два рубежа, отмечающих неукротимость его воли и отчаянную решимость: при последнем голосовании «Бреста» и при отказе лечиться в случае полного запрещения диктовать «странички».

И впервые стало ясно, как на ладони, что не какие-нибудь «неточности» «второй части» имел в виду ИМЭЛ²⁶⁸, а именно «точности»: закрепление в живом рассказе всего того в Ленине, что нынче не ко двору, в первую очередь последней характеристики Сталина и ненависти к бюрократизму. Бюрократа он ненавидел больше, чем классового врага, ибо тот — перед фронтом, а этот в собственных рядах с партбилетом, во всеоружии фразы и традиции «канцелярской тайны». Он лишь в конечном счете тоже классовый враг, т.к. он порождение и наисовершеннейшее, наижутчайшее проникновение в наши тылы чуждого и губительного влияния.

И ничто не удивительно в мертвящем духе юбилейных словес, нагнетании их количества, в казенном стремлении (неписаном, стихийном) стушевать существенное качество ленинского образца.

Куда более они озабочены забвением, чем памятью, сведением всего самого заветного и драгоценного в Ленине и ленинизме к пустоутробию своего уровня и своих интересов.

Собственно, вот она, трагедия ленинизма: его провозглашают (на словах) вольные и невольные враги его. Настоящий, живой, он им ни к чему, он им решительно противопоказан, но что поделаешь — Ленин. Так пусть будет юбилейный, житийный, дистиллированный, согласованный, увязанный.

Если 21.XII.69 г.²⁶⁹ окажется тем, что предполагается (явочный юбилей Сталина), то нечего уже будет сомневаться по частностям, куда мы идем, вернее, ведем, вопреки ленинизму. —

10.IX.69

На городской квартире было машинописное (не 1-й экз.) письмо, пересланное как бы из Союза писателей, но без «сопроводительной», в конверте с елочкой и зачеркнутым «Новым годом», а не в «фирменном»:

«Секретарю Союза советских писателей!

Убедительно прошу Вас направить мое письмо и стихотворение поэту Твардовскому. Я обращаюсь к Вам потому, что не знаю местонахождения и адреса автора грязной поэмы.

С большим уважением к Вам учитель Борадзов.
25.08.69 г.

Хрущевскому трубодуру Твардовскому!

На днях мои соседи-туристы вернулись из Москвы. Они видели вас в больнице... Страшно перепуганный этим известием, я спешу послать свое письмо, чтобы оно еще застало вас в живых. В своей поэме "За далью — даль" вы жаждали услышать суд народа. "Я не боюсь суда такого и, может, жду его давно" ... Что ж, извольте, сударь!»

И далее 2½ страницы архиругательного текста. Последний абзац:

«По сравнению с Лениным и Сталиным, Троцкий и Хрущев — ничтожные мухи!!! По сравнению с Маяковским и Исаковским (прославившим один — Ленина, другой — Сталина) — А.Т. вы жалкий попугай!!! Хрущевы и твари-довские вымрут как мухи, а Ленин-Сталин будут жить вечно в истории человечества!!!

Слава вождям — позор узурпаторам!!!
Да здравствует ленинизм — долой хрущевизм!»

Стихотворение озаглавлено: «Жалоба перед могилой Сталина».

«Любимый Вождь, родной Отец,
Пришел я к Вам с душевной болью:
Наследник Ваш Хрущев — глупец
Фашистскую принес нам долю...»

и т.д. до заключительных строк:

«Да здравствует бессмертный Сталин!
Да сгинет подлый царь Хрущев!!!

Борадзов К. 1963 год».

Письмо непосредственно по стилю и тону примыкает к письмам моей «черной папки». На нем нет примет влияния нынешней «дискуссии». Есть соблазн уведомить автора, что я жив-здоров, и съязвить что-нибудь, но не стоит.

Вчера же — письмо (в ред<акционной> почте) некоего «инженера подполковника в отставке» в связи с «дискуссией», призывающего: «Опомнитесь!» С<офья> Х<анановна> подала мне его в общей почте, велел подключить к почте «по письму 11».

Вчера Олю не пустили в поликлинику («замужних не обслуживаем») и отобрали «вид», по которому она ходила все время до этого, когда уж дело дней — роды. Просыпался,пил кофе, курил, опять засыпал до 6 ч. Маша сейчас идет звонить Лидии Дмитриевне. — Это не «санкция», просто проявление бдительности, подобной той, что у нашего позорного шлагбаума.

13.IX.69. Суббота. Утро после кофе, Светония и досыпа, 7 ч.²⁷⁰

Третьего дня мучительно (почти до изнеможения) перенес и осуществил отцовский долг по восстановлению Оли в правах на поликлинику, хотя бы на время родов (звонил Чазову²⁷¹, его заму или помощнику Суранову, дважды ездил на вертушку; приоткрыв дверь большого кабинета, увидел гнусную [нрзб.] физиономию Мелентьева, совместно с Сартаковым и Марковым руководившего в ту минуту советской литературой — одного этого было бы довольно для упадка сил).

Разрешили до конца года, слава богу.

Уверен, что, как говорили Симоновы, можно было отнюдь не хуже в практическом смысле устроить ее в другом

месте, но морально она была заметно подавлена этим отлучением от «контингента» в такой именно момент.

Чазов Евг. Ив. оказался довольно любезным и, не читая еще письма, согласился. Конечно, это наверняка определялось тем, что звонил я по вертушке, т.е. прибегнув к средству, являющемуся привилегией Мелентьевых и др., коим т<а-ким> обр<азом> как бы обязан косвенно. —

Думаю, не заняться ли зубными делами в этот период испытаний — до того как стать трижды дедом.

В понедельник — звонить по Буртину²⁷², во вторник говорить с Козловским, у которого, оказывается, есть замечания по «объему и содержанию», мешавшие ему до сих пор дать одобрение в бухгалтерию по однотомнику во «Всемирной»²⁷³. Не иначе «Т<ёркин> на том св<ете>». Готовлюсь не воспламеняться: во-первых, деньги, во-вторых — единственный случай моего превосходства чином над поэтами-современниками. —

Письма читателей дал Гердту²⁷⁴, он при мне же стал читать вслух жене и какому-то Саше, ахая и вскрикивая. Это интересно тем, что наверняка люди даже новомирского поколения не представляют себе реальности этих писем как явления читательской активности по случаю гонений на журнал и меня. Да мы и сами полгода или год назад не представляли в такой очевидности этот мощный подпор за нами. Стоило, говорит Дементьев, за такую награду и претерпеть, не рухнуть под воздействием унижений, оскорблений, угроз и видимой безнадежности положения.

Вчера статья (редакционная «Правды») о партийности и народности, явно вызванная антиновомирской кампанией, но ни слова о ней не говорящая, кроме невнятного одобрения литгазетной статьи с ее «выводами», которые так-таки и неизвестно к кому относятся. Жалкая роль людей, вынужденных говорить недомолвками, умалчиваниями и обиняками, хотя, казалось бы, могли бы (и хотели бы!) «рубать». Подстать интервью Биляка, перепечатанное «Новым временем» из «Руде право»²⁷⁵; и хочется, и колется, и маменька не велит. — Но какая же должна быть ненависть и злоба против этого ужасного журнала, который, несмотря ни на что, держится — пусть только отпущенный ему срок (да вряд ли и срок точно назначен!).

14.IX.69

Еще в этой мертвой обители мелькнула присущая ей тень Суркова. Зашел к Антонине Ив<анов>не, когда мы там были с Машей. Обычное пустоутробие взаимного трепа. Он заметно размордел, но уже по-стариковски — жухло. Ясно,

что без этой пристани он не может, — позвонил о чем-то известном Ант. Ив-не и сказал в обычных ернически-униженных тонах: «Уж вы меня доставьте (машиной) по такому случаю...»

Выходили вместе, я не сразу понял, о чем он:

— Оскорбили меня, старика.

— ?

— Всех нас оскорбили: мы писали, подписывали, а газета не поместила.

Это о письме, организованном Симоновым. Сказано было так, что, мол, опять меня по моей мягкости вовлекли в невыгодное и даже предосудительное дело.

Я поспешил заверить его, что письмо сделало свое дело и не будучи напечатанным. И когда ввернул, что эти «подписанты» куда представительнее «11», он воспрянул и отпустил по поводу последних нечто уничижительное.

Накануне он вел телепередачу (штатный!) о Фадееве. Я слушал только Микояна и чуть-чуть враля Полевого. Было плохое впечатление: бывший деятель литературы, немало посплетничавший «там» о Фадееве, и бывший член П<олит>-б<юро>, некогда секретарь Ростовского обкома, при котором, по ходатайству тов. Землячки²⁷⁶ (особое внимание ее к Фадееву — «не видела в нем никаких недостатков» — м.б., объясняется кое-чем, о чем Фадеев не рассказывал), Фадеев получил «творческий отпуск» для работы над «Разгромом». Пожалуй, это была для него нечастая возможность подчеркнуть свои прошлые заслуги.

Потом дали запись конца какой-то речи Фадеева с характерными интонациями его концовок, и странное и неприятное впечатление натужного пафоса, напряженной «рыдательной задушевности», которое в натуре, в былое время как-то иначе воспринималось, сейчас было почти невыносимо, — да простит меня бедный «седой и мудрый», ибо я уже старше его годами. —

Татьяна Аркадьевна [Фиш] рассказывала с чьих-то слов, что на каком-то совещании редакторов (м.б., пропущенном Кондратовичем по отпуску) Степаков сказал, что огоньковская критика «НМ» была в хулиганском стиле. Вряд ли он сам так определил, скорее всего это восходит к Суслову, и этим, наверное, определяется невнятность статьи «Правды», неупоминание «НМ». Перебор! А — жаль должно быть.

Рец<ензия> Е.Осетрова («Литгазета») на поэму С.Смирнова «однофамильца» названа «Огорчительная неудача». Как они умеют быть вежливыми со своими!²⁷⁷

Вчера незадачливый день — ни за столом, ни по двору ничего (только лопатой маленько) и вечером милые, но пустоватые Гердты. Мне уже в тягость эти интеллигентные посиделки с пустоутробием анекдотцев и «критических» воздыханий. Я вообще не могу «проводить вечера», разве что, бывало, под выпивку, когда все по-другому. Но и это уже не зовет меня. —

Читаю Светония, дивясь тому, что дожил до 60 лет, не зная таких элементарных вещей истории, которых не знать нельзя, — не зная, но как бы и зная по отголоскам истории в литературе.

Вчера взял у Фишей Горнфельда «О русских писателях» (изд. 1912 г.) — прекрасное письмо и отличная наблюдательность (Тютчев «лирический и политический», С.Т.Аксаков — классик за здорово живешь, Куцевский (помнится, есть он у нас в каком-то сиб<ирском> издании) как представитель второстепенных писателей, по которым время проходит более отчетливо со своей «злойбой», чем иногда по гениям)²⁷⁸. —

Конец больничной тетрадки, но не конец боли в шее. Завтра попробую баню, лопата, по-видимому, помогает мало, даже, м.б., вредна — голову наклонять в напряжении нехорошо. Бесит модная мебель, на кот<орую> не опереться затылком. За столом все хочется подпереть голову — плохо держится.

17.IX. Пахра, новый кабинет — с окном напротив жуника соседа. —

Чего бы, казалось, желать еще лучшего: один на даче, в чудесный осенний день, чуть только облачный, с тихо падающими березовыми листочками (они все гуще скапливаются по впадинкам дорожек, без особого чувства вины или обязательств непосредственного касательства, — всего и неудобств, что отвлечения по надобностям частных преобразований природы на участке. Маша отпросилась по грибы — не утерпела, бог с ней, пусть хоть в лесу побродит, о чем так болезненно мечтала Цветаева под Парижем (Письма к А.Тесковой. Прага, 1969)²⁷⁹. Кстати, и лес по загаженности не уступает, пожалуй, тому, где гуляла Цв<етае>ва со своим Муром²⁸⁰. Я уже не могу, зарекся ходить вблизи — есть или нет грибы, а их таки нету.

Словом — куда бы как хорошо, а м<ежду> тем живу как-то условно, в ожидании чего-то, хоть уж давно не так прост, чтобы ожидать добра.

Вчера в редакции — слухи по поводу накануне вышедшего (сигнальным) № 8, что он задержан и тому подобное, по поводу поэмы «За далью — даль» (!).

Накануне — тяжелейшее по безнадежности объяснение с А.А.Козловским, «прогрессистом»-службистом, по поводу «состава» моего однотомика в серии «Всемирной [литературы]».

Мало того, что в силу «догадки» начальства насчет возможного недовольства начальства высшего понуждают снять «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>» (это уж дело решенное, и бесповоротно!), хотели бы еще, чтобы я целиком взял это на себя и даже, может быть, нашел бы целесообразным снять еще и «Дом у дороги», чтобы причина отсутствия «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>» не была ясна для каждого как причина истинная (а просто, мол, избранное — не собр<ание> соч<инений>). И это гадкое — «Я не в восторге» (от «Т<ёркина> на т<ом> св<ете>») в связи с моим замечанием, что не может же он убеждать меня, что сам считает недостойной эту вещь включения в данное издание. — Согласия я не дал, но несогласие окончательное было бы попросту поводом для оттяжки издания на неопределенный срок — это целиком в их руках, и я тут могу только пострадать (крупно — материально и отчасти морально, лишившись этого издания). Мои доводы, ссылки на 4-й том «Истории сов<етской> лит<ерату>ры»²⁸¹, напоминание о 60-летию (не думал я, что когда-нибудь прибегну и к такому аргументу) — все без последствий.

Типическое(чное?) явление нынешнего периода: этот Алексей Алексеевич [Козловский], конечно же, «прогрессист» и не «11» сочувствует, а, конечно, «Н<овому> Миру», но чуть что по службе — ни миллиметра не возьмет на себя. Это — всеобщее. При абсолютной уценке авторитета «верхов» — полное следование их мыслимым настроениям и возможным (по догадке!) суждениям, кои могут быть не в интересах обеспеченности служебного покоя.

Его же не преjdeши!

Еще из фольклора вокруг «НМ».

Тов. Мазуров сказал, что № 7 будет их — нынешней редакции — последней книжкой. Всех трудоустроим, но вместе им собираться уже не дадим. — Сигнальный № 8, однако, уже налицо. — М.б., на нем закончится наше царствие? Нет, тов. Мазуров, не выходит.

Статья Б.Панкина об Абрамове в «Комсомолке» — не мог дозвониться («болен»), придется поблагодарить письмом²⁸².

Мечь психа: «Карл Маркс»²⁸³ после того, как я не ответил на его предложение уплатить за сожженные рукописи, содержащие «систему», которая должна была спасти человечество или «по крайней мере» обеспечить ему Нобелевскую премию, — 500 р., разослал письмо на машинке — копии ЦК, «Литгазете», ООН и «Новому Миру», в котором преподло обличает меня, «окопавшегося в щели, называемой дачей» с женой, «безграмотной женщиной», не пригласившей его на обед и ночлег («ночевал у подмосковных рабочих», которые рассказали ему, что весь поселок — алкоголики и, конечно, я в том числе и т.п. «НМ» хвалит, оговариваясь, что главный редактор тут ни при чем — в редакции есть умные люди.) —

18.IX

С ночи — дождь, долго собиравшийся еще вчера после-полудни, сразу за неделю тихого листопада сработал — лужицы в листве; перестал, а листочки идут надломленные, ослабленные. Подсохнут — еще легче пойдут, хотя еще не меньше половины зеленых, идут и зеленые. —

...]

Читаю В.В.Розанова «Инквизитор»: лих, но уже с первой трети противноват.

Горнфельд — хорош, кстати, и Розанову знает цену (о Гоголе)²⁸⁴. Ю.Трифонов — об обстоятельствах возвращения М.Цветаевой (Эфрон).

Статья С.Великовского о Камю²⁸⁴ — очень учёниста и как будто про самое то, что неизменно и неотлучно, особенно на нынешнем перегоне возраста моего, но как-то — нет. «Постороннего» я читал, он не задел, даже отчасти раздражал надуманностью и натяжением.

Статья Лема о «Докторе Фаусте» — не знал, что это с польского — немного не по-нашему, но верно — к «мифу» фашизм не сведешь. Не говорит о мертвенности вещи, слишком уж «из головы»²⁸⁶. —

20.IX.69. Суббота

У Воронкова (вместе с Хитровым — по поводу отказа Буртину [в прописке] на райсовете) один на один:

— Ну, как же, А.Т., будет с редколлегией. Мне звонил помощник Кириленки — тот вернулся из отпуска и желает, чтобы ему доложили об исполнении «постановления о повышении ответственности»...

Я: — Ничего не могу сказать сверх тех предложений, которые высказал в своем письме.

— Они решительно не поддержаны...

Я, мол, не знаю, как отчитываться по «НМ». (Интересно, как по «Юности».) Меня могут снять (не то в шутку, не то всерьез).

— А может, оно и к лучшему? — шучу, но дальше развертывается разговор всерьез, говорю, конечно, я больше, он не возражает.

Говорю, что Секретариат вообще не держит никаких вожжей, — он сам по себе, «НМ» сам по себе.

Говорю, что «НМ» в отчете нужно выделить в особый вопрос в связи с миновавшей «дискуссией»²⁸⁷.

Что «Литгазета» и «Правда» больше всего старались только ничего не сказать, приглушить, стусевать, локализовать...

Он мне прочел замечания Федина по проекту статьи в «Литгазете», который говорил, что равновесие нарушается в пользу «Огонька», но и критикует «НМ».

Вернулся в редакцию, отослал документы по Буртину («бум-зде» — сказал Воронков, — хоть на это годится!), позвонил Сацу и вместе с Лакшиным и Хитровым поехал к нему — посидели, выпили «за старую редакцию "НМ"». — Обошлось без утренних последствий, но страх перед их возобновлением остался. Не дай бог в эту пору, когда все так содвинулось — Оля, журнал, шея. Лечусь по-прежнему лопатой, но уже больше принуждаю себя, чем увлекаюсь. Тоскливо, но ничего не поделаешь.

На той неделе Олю положат. [...] Все предстоящее ей переживается, как будто самому это предстоит.

Вчера позвонил Лакшину, напомнил о нашей идее сделать «Библиографический указатель» по «Новому Миру». В порядке, так сказать, подведения итогов, на прощанье. До конца года авось дотянем.

Читал брошюру о процессе Б.Савинкова, 24 г. Подумать только, что приговоренный в соответствии со статьями к четырежды расстрелу, он был помилован ВЦИКом (10 лет). Но кончил ли он самоубийством, сейчас уже трудно сказать²⁸⁸.

В.В.Розанова читаю без особого интереса.

Утречко без заморозка (вчера ледок на воде в железной тачке), день обещается добрый. —

Вчера пытался что-то:

Пушкин — имя молодое:

Лет пятьсот назад оно

Не лыком шиты в простоте,
Но (возразим едва ли)
Не пальцем деланы и те,
Что на Луну слетали²⁹⁰. —

Попробовал было пристроиться к этому со своим:

Не заслоняй святую боль
Невозмутимым видом,
Коль стих на славу не тобой
Сегодня миру выдан.

(Та боль) Она про некий день-залог
Того, что славы слаще,
Когда пронзает холодок
Находки настоящей²⁹¹.

Не то, во всяком случае — не сюда. —

22.IX

Дементьев вычитывал мне некоторые места из новой штуки Кочетова. Устами положительного отца разъясняется положительному сыну, что едва ли не первым условием нашей победы была ликвидация пятой колонны, то есть 37-й и 39-й годы. В чьих-то еще устах сетования о голубе, заменив <шем> серп и молот. Намеки, «личности», подсказки, науськивания.

И вместе с тем едва прикрытое («Я не тебя имею в виду, ты понимаешь меня») неприятие нынешнего руководства (или части его), которое, мол, «ни либералы, ни консерваторы».

Отчетливый призыв к смелым и решительным действиям по выполнению и искоренению «отдельных», то есть людей из интеллигенции, которые смеют чего-то там размышлять, мечтать о демократии и пр.²⁹²

Очень сходное все с тем, что говорил Щербина («наш КГБ — богадельня», «поставить 1 миллион к стенке — и все будет ясно и спокойно»).

Это уже никакая не литература, даже не плохая, — это общедоступная примитивно-беллетристическая форма пропаганды подлейших настроений и «идей» с ведома и одобрения.

Дементьев говорит, что уже в киосках не достать № 9 «Октября»; давал мне чистый (без подчеркиков Лакшина и др.). Лакшин, говорит Дементьев, считает, что если *это* не будет обрублено в печати, то через два (?) года нам быть на виселице. — М.б., и не так уж, но 21.XII скажет свое слово обо всем этом. Думается, что именно эта дата просвечивает во всем этом²⁹³. —

Читать я не стал (будь бы это литература, хотя бы и враждебная мне, как, скажем, враждебна была русской демократии и революции литература Достоевского, — а так зачем же?) — много чести. Но вечером вчера, когда не было света, оставил Машу запертой в темной даче и пошел, пошел сперва по направлению к магазину — замок, потом к буфету — темно, пошел, поспевая, хотя наперед рад был неудаче. Не стал и к Дементьеву заходить в темную дачу (хотел информироваться об окончании Кочетова под) и вовсе довольный вернулся к себе, жег свечу, читал Светония («Август»), был потом свет. Спал с антрактом по нужде, но в общем хорошо. Шея все еще — шея.

[...] Мое «хобби», оказывается, компостная яма — ничем так увлеченно не занимаюсь.

Перенес из больничной тетрадки с малыши улучшениями (хорошо — планида, но лучше бы в замок строфы).

Что нужно, чтобы жить с умом?

Понять свою планиду:

Найти себя в себе самом

И не терять из виду.

И труд свой пристально любя,

Он всех основ — основа,

Сурово спрашивать с себя,

С других — не так сурово.

Хоть про сейчас, хоть про запас,

Но делать так работу,

Чтоб жить да жить, но каждый час

Готовым быть к отлету.

И не терзаться — ах да ох —

Что, близкий или дальний,

Он все равно тебя врасплах

Застанет, час летальный.

Аминь. Спокойно ставь печать,

Той вопреки оглядке.

Уж если в ней одной печаль,

Так, значит, все в порядке.

Всему свой ряд и лад, и срок:

В один присест, бывало,

Катал я в рифму по сто строк,

И все казалось мало.

Был неогляден день с утра,
Невпроворот перу добра.
А нынче дело к ночи —
Болтливость — старости сестра, —
Короче.
Покороче.

Думаю, — но все не сажусь, — что «Почту Ленина» нужно писать, не обволакиваясь выписками, сносками, ссылками, отговорками, — тут я все равно погиб. А быть как дома (не забывая, что в гостях), писать «из головы», чтоб самому было интересно, и не связывать задачу с заказом итальянского издания (днями Брейтбург забегал напомнить, но почему-то не подождал меня минутку — я был в другой комнате) — м.б., еще это и для той надобности не запоздало.

Сегодня хорошо думалось об этой теме.

Конечно, при нужде люди пишут в любые верха, любой власти, но если бы глашатаи всенепременной гибели Советской власти на первых ее порах знали, какие письма получает Ленин от мужиков, красноармейцев, рабочих, интеллигентов, — они бы *воздержались тогда* уже от своих пророчеств. —

Неудержимо тянет к преобразованиям природы. Вчера Маша выдернула ботву побитых утренняя помидоров, и я ее с удовольствием затолкал в компостную скриню, из которой в прошлом году выкатил в зиму под эти самые помидоры 60 тачек «муравейника», как называл Триф <он> Гордеич перепревшую, перегоревшую всякую травяную и дерновую всячину, — итог, скажем прямо, невелик, но «движение все, цель ничто». —

24.IX.69

Вряд ли когда официально исповедуемое учение находилось в таком несоответствии со своей сущностью — нет, в таком грубом противоречии с желаниями и устремлениями официальных пастырей этого учения.

Догматизм — пустое словов применении к нынешней системе идеологического управления (неписаного). Он действует только там и тогда, когда это представляется целесообразным, т.е. он на страже милых сердцу пастырей неподвижностей.

Когда речь касается постановления о «Звезде» и «Ленинграде», которое полностью снято жизнью, — нишкни*:

* Нишкнуть — не молвить ни словечка, молчать.

«никто не отменил». Наоборот, когда надо сослаться на постановление 56 г. «О культуре личности», то его как бы нет²⁹⁴, оно ничего не значит даже в том своем ограниченном виде; в лучшем случае оно условный знак того, что «партия исчерпывающе решила этот вопрос и не будет к нему возвращаться», хотя возвращалась — и как! — на XXII съезде, дополнившем его вплоть до перенесения мощей из Мавзолея. Тут как раз действует светофор «мы — не догматики».

Вчера была в редакции Е.Я.Драбкина (я бы не узнал ее, и собственно не узнал, спустившись к ней в «публицистику», пока она не улыбнулась навстречу, — так она изменилась после болезни, — худенькая старушка «со следами бывшей красоты»).

Поднялись ко мне. Сказал ей почти все то, что собирался сказать по прочтении вторичном ее верстки (в надежде, что [...] Лерер не поймет или перезабудет все), т.е. люди, от которых зависит судьба ее книги, Ленина не любят, он им в самой своей сущности противопоставлен, как Христос «великому инквизитору»²⁹⁵.

Она и сейчас еще (ей, наверное, возле 70) красива и благообразна, неприятны только слишком ровные и «молодые» зубы казенного образца, и она, должно быть, знает об этом, старается не блистать ими — женщина.

Сказала вдруг, что судьба моя трагическая (напомнила, как мы с ней встречались в редакции по вступлении в должность — какой я был воодушевленный верой в перспективы добра и т.п.; это было, наверно, при «втором заходе» моем в 58-м г. и что нет сейчас человека, который пользовался бы таким уважением в стране.

Оговорилась, что она таких вещей вообще не говорит людям, что это *так*. Я был тронут, но отнюдь не расплылся, не возликовал и сказал что-то о том, что мне довольно, мол, уважения людей, уважаемых мною — очно или заочно, и свернул эту тему. В самом деле, это она-то говорит о трагичности моей судьбы, имея свою *такую!*²⁹⁶

Решили сделать еще один заведомо безнадежный шаг: написать Степакову — агитпроп, мягко, исподволь жалуясь на ИМЭЛ, где «отделом произведений В.И.Ленина» «заведует» тов. Голиков. — (Его письмо в «Юности» по поводу попытки опубликовать какие-то «Раздумья в Горках» и такое сопровод<ительное> письмо Драбкиной Полевого Б.²⁹⁷)

Вчера проводили, отвезли Олечку на ул. Веснина. Никогда ни с Машей, ни с Валею не было для меня так тоскливо по этому поводу.

14 октября 69 г. Пахра. 2 ч.

Завтра, т.е. сегодня, выписывается Олечка из роддома с младенцем мужеска пола.

Эту дату — ни в какой не упрек Олечке — со светлым чувством буду считать наступлением официальной старости. Валя с ее двумя была еще как бы не в счет, а это уже в счет заслуженной, выжданной со всеми оттяжками и торможениями, так сказать, зрелой старости.

Обозначилось это в разговоре с Мишей Беяковым, автором моего «кабинета», в котором (кабинете) он делал кое-какие доделки после передислокации молодых в мою верхнюю. Узнал, что Мише 39, он об этом сказал со вздохом по поводу миновавшей — не юности, а собственно — жизни, а я вспомнил с необычной отчетливостью, что мне 59, что я старше на 20 лет человека весьма уже немолодого. И — ничего. Пожалуй, в пору моего первого *gegstva* оно осознавалось с каким-то отрицательным знаком, как некая неправомерность («Ему, т.е. мне, сколько же? Да, он старше Блока», — говорил, помню, на каком-то вечере К. Чуковский, в кулуарах, где разнеслась эта новость. И как-то я не принимал это, вернее, принимал как некую условность). Сейчас — другое, безболезненно и бесповоротно.

Раскрыл эту тетрадь после многого дурного и хорошего, что залегло между последней и этой записью в тетради.

16. X. П<ахра>

Юбилей Суркова вроде нынешней баражировки космических кораблей, — надо, пусть не то, не поэзия, не до Луны, а все же профформы ради.

Целуясь, он сдавленным шепотом мне сказал, что ему неловко, страшно неловко передо мной...

— ?

— Указ этот...

— Указ со звездой?

— Да (в тоне свалившейся на голову его беды)²⁹⁸.

Я хорошо сказал, что «бьют — беги, а дают — бери» и убегай опять же, но не очень искренно поцеловал его при этом.

Указ был прочитан с самого начала, что необычно и знаменательно: задача была огорошить, оглоушить (?), обеспечить аплодисменты, подъем и т.д., но гулу было маловато, такти маловато, хотя, правда, я ушел, посидев в задних рядах президиума с полчаса.

Наглая и чего-то понимающая (мнимо) харя Шауры. Однако я ему вплеп белорусское присловье — поскольку

он белорус: «Пережили лето горячее, переживем и говно собачие».

Выписал стишки из сухумской тетради.

18.X.69

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было б выражено словом.
Но как в любви — наступит череда, —
Все предстает незаменимо новым.

Короткий, добрый отгремел громок,
Запахло пылью молодое лето.
Пускай все это пето-перепето,
А мало что! Нам как бы невдомек.

Все в этом мире, — только будь на страже, —
Полным полно своей, не привозной,
До нас и невостребованной даже
Заждавшейся поэта новизной²⁹⁹.

После обеда, после «творч<еского> сна» с 12 ч. дня, с устатку после елки, добытой с трудом (держал ее березовый корень, прохвативший поперек корневище) и малой надеждой; после ночного бдения и кофе в 2 ч. ночи; в серое, осеннее, сразу темнеющее послеобедье. — Средняя строфа слабовата. Не решусь ли остаться без нее? Но «пето-перепето» хор<ошо>, если не повторится у меня же. —

Осина, умерщвленная в два года, яму от нее вчера занял намеченный загодя куст орешника. Хоть один кустику будет. А на внуковском участке сводил орешник нещадно. Поработал славно, но не мог до конца отмыслить мысль, что все это уже не по возрасту.

19.X

От № до №. Вышел 9-й (сигнальный)³⁰⁰.

Вчера был Симонов с Л<арисой> А<лексеевной>. Едут в Америку — в туристическую поездку. Думбадзе прислал самшитовую палицу с запиской, написанной детским почерком с детскими ошибками, — трогательно.

В Америку уехали и Бакланов с... Мих. Алексеевым³⁰¹. Все можно понять, но трудно: быть на чужбине некий срок с человеком, малейшая, условная дорожная интимность с которым противопоказана решительно. Что говорить? Что слушать? И это после того, как Бакланов написал благородное письмо в мою защиту от своры псов, возглавляемых этим са-

мым. Бог судья, но это ужасно. Впрочем, ужасного так много, оно обступает кругом почти беспросветно.

Не могу себя заставить (а м.б., заставляю-таки) позвонить в Гослит Козловскому, взять обратно свою решимость, высказанную на словах, отстаивать до конца «Т<ёркина> на т <ом> с <вете>». А это — угроза отнесения однотомика «Всемирки» на неопределенные времена.

Никуда не денешься, не выпрыгнешь из оглобелъ «НМ», пока не выведут. Терпеть, тянуть до нового года, до «юбилея» — пусть будет все же труднее меня закрыть от читателя, от литературы.

Нужно писать «Почту Ленина», мысли возобновляются — стоит, хоть и трудненько³⁰².

25.X.69

Не записываешь день за днем, а там, глядишь, и не нужно, прошло — и нету. Пожалуй, такой отсев не мешает следить за главной нитью бытия, но и бытие состоит из таких минутих пустяков, как малые заботы по хозяйству; треволения с устройством машины в гараже; компостная куча; посадки-пересадки уже без увлечения и с неотвязной мыслью, что поздно мне этим заниматься — нет уже той площадки, что под ногами в 40 хотя бы лет, а и 40 немало.

И ощущения возраста, надвинувшегося всей тяжестью в эту осень, вернее беззубье, шея, странный двукратный сон каждую ночь (проснешься в 3—4, кофеек, перекур и т.д. и опять на бок — до рассвета, а то и до 8—9). —

Во вторник было партсобрание: «ввиду важности вопросов явка обязательна». Днем в 1 ч. будто для выявления бездельников. Мелкая муть «повышения», которое свелось к банке икры, проданной в Киншасе Р.Бершадским, а все остальное, повторенное много раз: «Синявский», «Кузнецов» и т.п., между прочим, «писатель, живущий в Рязани, книга которого красуется в витринах Стокгольма» и др.³⁰³

Сурков, «тепло встреченный» по случаю Героя, помянул, как мы с ним и Померанцевым ездили в Париже к Рафальскому и как я громил последнего³⁰⁴.

Ушел, несмотря на строжайшее предупреждение, вскоре после перерыва. Хорошее настроение в связи с березой, которую, казалось, не одолею, но вывернул, как зуб шатучий и надоевший, но неподатливый. Это настроение развеялось, хоть и не без приятности смотрю на то место, где было две, а осталась одна, не заступающая дорогу, — та была вся оббита бортами машин. —

Оля крепится, но как подумаю, какая бесповоротная на годы и годы упряжка на нее свалилась, да не свалилась, а подошла даже с опозданием по возрасту! [...] Но внук — еще и не назвали, измудрились, — С<офья> Х<анановна> со странной настойчивостью добивалась, как назвали — оборвал ее без нужды, — внук хорош, наверно буду его любить, как люблю Олю. Большое будет огорчение, если забалуют его. [...]

Как все вкось идет, да о том ли, об этом ли думать и печалиться.

Валя после больницы ослабленная, печальная, начал с ней по тел<ефону> шуткой («то ты меня в больницу спроваживала»...), но осекся. Хотел было прочесть абзац из В.Страды о ней — знает уже³⁰⁵. —

Позвонил Козловскому: «Уступаю насилию», только, мол, давайте одобрение в бух<галтерию>³⁰⁶.

«Три поэмы», статья Буртина для Детгиза³⁰⁷.

«Август Четырнадцатого» А.Солж<еницы>на³⁰⁸.

В тот же день:

Нет ничего, что раз и навсегда
На свете было б выражено словом.
Все, как в любви, для нас предстанет новым,
Когда настанет наша череда.

Не новость, что сменяет зиму лето,
Весна и осень в свой приходят срок.
Но пусть все это пето-перепето,
Да нам-то что? — над нами не зарок.

Все в этом мире — только быть на страже.
Полным-полно ничьей, не привозной,
До нас и не востребованной даже,
Заждавшейся поэта новизной.

Когда обычный праздничный привет
Знакомец твой иль добрый друг заочный
Скрепляет пожеланьем долгих лет, —
Отнюдь не веселит такая почта.

К тому же опыт всем одно твердит,
Что долгих лет — их не бывает просто.
И девятнадцать или девяносто —
Не все ль равно, когда их счет закрыт.

Но, боже мой, — и все-таки неправда,
Что жизнь с годами сходит вся на клин,
Что есть сегодня, да условно — завтра,
Да безусловно — вздох в конце один.

Нет, был бы он невыносимо страшен
Удел земной — не будь всегда при нас
Ни детства дней, ни молодости нашей,
Ни жизни всей — в последний этот час³⁰⁹.

27.X

Вчера — морозец, сушь, потом мелкая (манная) крупка,
а к вечеру снегопад, а под утро капель. —
Вчера и сегодня набрасывал «Забывать»...

Почту Ленина, кажется, обдумал предельно локально («Об одном письме»), но все не могу приступить. Вчера Трифонов, рассказ о последней повести Гроссмана («Солженицын хоть Л<енина> не трогает, а тут...»)³¹⁰. Вечером Дементьев — о статье Буртина к детгизовским трем поэмам. Уговорились, чтобы Д<ементьев> «провел беседу» с ним.

30.X. Перебираюсь в тетрадь 30.

30.X.69. Пахра

[...] Третьего дня, за полчаса до известия о смерти К.И. Чуковского, Лакшин у меня рассказывал о нем анекдот, весьма характерный. Больной, он попросил секретаршу почитать ему «Обломова» (спохватившись, что не читал или читал лет 75 назад) и вскоре остановил ее на какой-то странице:

— Нет, я всегда считал, что это не нужно читать (перечитывать).

Заискался и не нашел здесь на даче первого письма его ко мне, полученного в 1936 г. по поводу «Муравии» еще по смоленскому адресу и пересланному мне Машей во Вскоды, где мы с Исаковским были в то лето, последнее мое смоленское лето³¹¹.

В ответ на его июньское письмо по № 1 («НМ») я отписал ему, напоминая и связывая то письмо (1936 г.) с этим, и, кажется, хорошо поблагодарил его³¹².

Последний, кто еще знал, что почем.

Разыскивая письмо К.И. — не вписано ли в тетрадь, не вклеено ли, — нет, не догадался тогда, хоть знал ему цену, записывал пустяковые вещи, как и не было такого, — наткнулся на «Отзыв» Горького о «Муравии» (записанный в тетрадь с перенесением всех замечаний и пометок на рукописи)³¹³.

О «Муравии» пришлось вспомнить и в связи со статьей Ю. Буртина для «Трех поэм» в Детгизе. Что неприятное полу-

чилось, хотя он сделал мне необычайное признание, что ставит меня ни больше ни меньше, как выше всех русских поэтов. Самоотронный парень, судьба которого, хоть мы никогда о том не говорили, странно скрестилась с моей (история на ст<анции> Буй)³¹⁴. Утром сегодня забежал к Дементу, сговорил его все же «проявить добрую волю», попробовать поговорить с ним.

Похоже, что Буртин (как и сказал) даже счастливое получение 3-комнатной квартиры не так переживает, как мое неприятие (не в целом, но в существенном) его статьи³¹⁵.

Все же, не будь квартиры, я бы почувствовал себя еще более неловко. —

Того же числа.

Этими днями набрасывал:

Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвеньи утопить
Ту быль, и чтоб сомкнулись волны
Над былью. Просто — быль забыть.

Забыть родных и близких лица
И стольких судеб крестный путь, —
Все то, что сном давнишним будь,
Дурною, дикой небылицей.
Так и она давила б грудь.

Но это было явной былью
Для тех, чей был оборван век,
Что стали лагерною пылью,
Как некто некогда изрек.

Забыть — о, нет, не с теми вместе
Забыть, что не пришли с войны,
Одних, что даже этой чести
Горчайшей были лишены.

Забыть велят и просят лаской
Не помнить — память — под печать.
Чтоб нынче — даже той оглаской
Непосвященных не смущать...³¹⁶

Ужасная новизна старости — она во всем, пожалуй, больше всего и чувствительней — в беззубости — противно. Очки — одно, а тут другое — и противно думать об «агрегате», скорее всего съёмном, и трудно работать — это уже работа, постылая и жалкая — и даже затруднения в речи: не сартикулируется иное слово, и потому мысль обрывается. Мычу.

Письмо Фадеева Ермилову, восхваляющее книгу последнего о Достоевском и советующего, наставляющего, как его, Дост<оевско>го, получше упаковать, увязать, чтоб ничего не торчало, даже и не похоже было, что это Д<остоев>ский. А что такое есть Достоевский, в чем его величие — от себя ни слова. И бедный Демент думал рекомендовать это в «НМ», но, кажется, спохватился. Боже, как он, Фадеев, был непоправимо перекошен, только теперь это видно во всей ужасающей ясности. Он даже размовку между ними (т.е. Ф<адеевым> и Ерм<иловым>) пытался объяснить «слабостью партработы, которая, однако, налаживается»³¹⁷.

Из письма Маркса к Руге после закрытия «Рейнской газеты»:

«Я стал задыхаться в этой атмосфере. Противно быть под ярмом даже во имя свободы; противно действовать булавочными уколами, вместо того чтобы драться дубинами. Мне надоели лицемерие, глупость, грубый произвол, мне надоело приспособляться, изворачиваться, покоряться, считаться с каждой мелочной придиркой!»

(По рец<ензии> на книжку А.Ф.Бережного, которая не пойдет³¹⁸.)

«Чем государство основательнее в своих правилах, чем стройнее, светлее и тверже оно само в себе, тем менее может оно позыбнуться и сотрястися от дуновения каждого мнения... Более благоволит оно в свободе мыслей и в свободе писаний...»

А.Н.Радищев. «Путешествие [из Петербурга в Москву]».

(По статье некоего Ильи Наумовича Горелова, присланной мне так, «в знак признательности» из Оренбурга³¹⁹.)

1. XI. 69. П<ахра>

Забыть, забыть велят безмолвно,
Хотят в забвенье угопить
Ту быль, и чтоб сомкнулись волны
Над былью. Просто — быль забыть...*

Только под конец догадался, что это опять триптих, — не уйти от него. И не надо.

Третьего дня было худо по возвращении из города со всеми его неприятностями, неловкостями (Буртин и др.), что казалось, уже ничего не надо, умываться не надо, все худо,

* Далее новая запись фрагмента о памяти.

все неинтересно. Первейший признак — невозможность записать это состояние.

По опыту знаю, нужно дойти в этом до крайности крайней, а потом — стоп. Смирение, покорность судьбе, жить-то надо как-нибудь, и умываться надо, и зубы надо вставлять, и делать какое ни есть дело. Тогда отпускает. И находишь слой, ряд, при которых и все нипочем, и даже к смерти можно исподволь подготовиться, не теряя совсем аппетита к жизни.

К. Чуковский в гробу очень непохож, нос с горбинкой незнакомый — нос у него тяжелый, большой, но прямой был. Впрочем, я не вглядывался, неловко было — стоял у изголовья. —

Переписал на листок, чтоб прочесть стишок Дементу, много по мелочам исправил, — всегда так — лучшая правка в спешке, а не когда садишься основательно править. —

19.30. Только что был Дем<ентьев>, кот<орый> ночевал в городе, и сообщил, что «Триптих» напечатан за границей — в каком варианте и где — ничего не известно.

[...]

1.XI.69

[...]

И что забыть — не говорят.
И что забыть, чего не помнить,
Обиняками говорят**.

2.XI

Мое дело правое.

Я предложил своему журналу цикл стихов «По праву памяти» (с оговоренной перепечаткой стих <отворения> «На сеновале» из № 1, 69).

Цензура запретила этот цикл без каких-либо объяснений («сами знаете») и предложений к доработке³²⁰.

Я довел до сведения К.А.Федина (у него на даче) это обстоятельство (задержание «триптиха» цензурой) и просил его об обсуждении вопроса на Секретариате по образу обсуждения заключительных глав «Далей».

* Записан фрагмент поэмы «По праву памяти».

** Продолжение работы над фрагментом «Забыть, забыть велют безмолвно...».

Федин согласился и в письменном виде (уезжал в Барвиху) дал свое «добро».

К.В.Воронков сказал, что обсуждать, в сущности, некому — все разъехались.

Вскоре я должен был лечь в больницу, и в этот именно срок разразилась противонОВОМИРСКАЯ кампания, начатая «Огоньком», поддержанная др. изданиями.

С нормализацией (условной) положения в журнале («От редакции» в № 7) я продолжил работу над циклом и занят ею до сих пор, имея в виду снова предложить цикл журналу. —

3.XI.69. П<ахра>

Попытался Дем<ентьев> «помудрить» над «триптихом», но вышло, что он отметил наиболее резкие (и сильные в меру резкости) места: «нехватка классовых врагов», «клеи-менные» и т.п.

Насчет «Магадана» я даже и был бы согласен, но ведь нет же таких условий, никто, могущий, не ставит их, чтобы, пожертвовав чем-то одним, другим, уберечь вещь в целом. У нее нет читателей — они разбегаются при моем имени и заявленной теме («Сын за отца не отвечает»...).

Однако я согласился и, м.б., сделаю так — перенесу 2 строфы отступления, действительно не плотно пригнанного к месту («Куда какой ты сердобольный») в конец, а конец — это «Забыть, забыть...».

Шутник Демент: — Не нужно «велят», а говорят, м.б., друзья говорят, а «велит» — это власть, правительство — так в том же и суть. А «друзья» — ерунда, незачем огород городить³²¹.

Встал в 3 ч., писал октябрьские приветы, — какое ни дело — дело, лег в 6, встал около 9. Не очень свеж. Один, Маша уехала с Яковлевым³²², повезла молоко. Одному мне хорошо, — только в ушах «вороний грай».

4.XI

Вчера звонил Хитрову — узнать хоть что-нибудь, где, в каком виде? Ничего не знает, кроме того, что сегодня, т.е. вчера, она говорила по телефону уже в несравненно более спокойных тонах об этом ЧП³²³. — М.б., утица? — говорю я. — Может быть, даже и утица.

Собираюсь сегодня к Воронкову — условились на похоронах К.И.[Чуковского] — но уже не о Барвихе главный разговор, а об этом. Нужно обсуждение и либо полное осуждение, либо легализация вещи при всех ее данных. Тем более — работаю.

С Барвихой сложность: Маша, дача без присмотра, две кошки; виды на то, что Оля перебазировывает младенца на дачу. — Вставал в 2 ч. — «благушки» со сметаной — [...], заснул до 7.

Проблема окна в изголовье — все же не наверху.

5.XI.69. Пахра, 4—5 ч.

Вот оно, то самое, которое. Оно подбиралось потихоньку давно, было «запрограммировано» в мире чиновников, не ведающих или хорошо ведающих, что творят. Солженицын исключен из Союза писателей в *Рязани*.

Только что (это вчера) позвонила Нат. Алексеевна [Решетовская] насчет его «Августа 1914», сообщила, что приедет он в самом начале декабря. Входит Анна Самойловна [Берзер] и говорит, что принесла дурную весть: — Звонил А.И. [Солженицын] сегодня, т.е. вчера, 4.XI его исключили на собрании Рязанского отделения (демократия!), вызывали на пятое в [Союз писателей] РСФСР на утверждение, он отказался, кажется, мотивируя болезнью, но приедет тотчас после праздников³²⁴.

Разговор вчерашний с Машей (она: бросать чл<енский> билет СП или продолжать возить молоко для Оли на казенной машине, — чего-то не понимает, не связывает всех концов) и Дементьевым. Дем<ентьев> решительно: «Это катастрофа». И согласен со мной, что уже дальше тянуть с «НМ» невозможно, бессмысленно и даже отчасти неблагоприятно.

Перерешил: еду не завтра, а сегодня. К Воронкову, уклонившемуся от намеченной на похоронах К.И. встречи со мной, к Федину (или телеграмму или письмо), к Ив. Серг. [Сokolову-Микитову], м.б., бедный слепой старик-сирота скажет какое-то слово Федину, напишет ему, читавшему мое письмо в день получения и так запоздало «отвечающему» на него своим преступным попусением в этом деле³²⁵.

Все это исполнено почти роковой безнадежности, но чтобы не метаться из угла в угол, не толочь с Машей воду в ступе, чтобы обрести какое-то хоть по видимости действительное участие. —

Вчера не догадался позвонить немедленно Нат. Алексеевне — хоть письмо с ней направить А.И.

До сих пор я говорил и писал с некоторым даже вызовом: «Почему я не могу упоминать имя моего коллеги, члена Союза советских писателей?..» Теперь отпадает такая возможность.

Все это заслонило полностью в конце вчерашнего дня историю с «Фигаро-литерер» (всего-то!), которую осветила Э.А. [Проскурнина], украдкой наведиств редакцию (и меня). Я даже забыл при этой записи о самом факте «появления на страницах»³²⁶. А между тем все это идет «заподлицо» — и моя судьба, и Солженицына, и «НМ». Имя мое и название журнала, несмотря на принадлежащий им нешуточный авторитет, табуированы безоговорочно.

6. XI. П<ахра>. Утро

Воронков явно избегает меня, два дня подряд звоню, прошу милую Ант<онину> Ив<ановну> соединить меня с ним, а он то «на вертушке», то «спешно уехал» — не отзванивает. М<ежду> пр<очим> она сказала вчера, перечисляя, что «он должен быть на Секретариате РСФСР», — она, м.б., и не знает ничего, но я догадываюсь, что это именно тот Секретариат, который должен утвердить решение Рязанского отделения (похоже — заочно). Так важно, так срочно это предпраздничное мероприятие!

Еду и сегодня, гл<авным> образом, чтобы позвонить ему. Чует кошка, чье мясо съела. Он понимает, что встреча со мной на этот раз будет ему тягостна (хоть бы даже я не знал ничего и приехал бы насчет Барвихи). Оттянуть, отнести на послепраздничное время, а то и вовсе избежать этой встречи — его чиновничья задача.

В редакции вчера Хитров на вопрос: ну как тут у вас? — ответил мне с горечью и почти что грубо:

— Как? Ясно — как.

На этот раз нет ни у кого сомнений, что это конец, приход которого мы, болтая, бывало, отгадывали. Шутки почти что не было, и не было «этих слов», упоминания имени. В точности как на поминках.

Странно, что это поминальное настроение скрашивалось какими-то побочными соображениями предстоящего облегчения (вот и не надо писать о почте Ленина, — предисловие не-редактора «НМ» невозможно) и вообще предстоящей будто бы свободой от тягот «выполнения долга до конца» — уже конец³²⁷.

Был вечером у Дементьева, говорили о людях «НМ», об их «трудоустройстве». Лакшин — сладко не сладко — будет писать книгу в 30 п<ечатных> л<истов> об Островском; Хитров вернется к газетной работе — хоть тоже при отвычке и избалованности «либерализмом» — нелегко. Д<ементьев> говорит, что труднее всех придется Кондратовичу, — он, между прочим, загулял не на шутку — благодарю небо, что эти дни встречаю в ясности и без позывов к тому же самому, — для

него, мало и от случая к случаю писавшего все эти годы, «НМ» был главным делом жизни, его основным интересом и оправданием. Он — второе лицо в журнале по должности, завтра — никто, и мало что никто — а именно «кто», основной работник зловреднейшего журнала — со всеми последствиями этого обстоятельства, этой репутации.

Нужно бы написать Л.К.Чуковской — не подошел, боясь обознаться — нехорошо.

7.XI.69

Слушал шестичасовое радио («Би-би-си»?). Сообщалось о Солженицыне — было невнятно, по догадке, сообщалось о сообщенном ранее исключении С<олженицы>на из Рязанского отделения Союза писателей.

В связи с этим было аннулировано — кем-то — приглашение группы советских писателей в ФРГ (?). И сообщалось, что 4.XI представителем Союза писателей сообщение это (об исключении С<олженицына>) было опровергнуто. —

— В чем дело, К<онстантин> В<асильевич>*, что случилось, что он такое выкинул, — вы понимаете, о ком я говорю.

— Да ничего, собственно, нового не случилось, но и старого достаточно. Ведет он себя отвратительно, невозможное поведение. Даже когда его исключили, отказался ехать из-за предпраздничной, видите ли, перегрузки поездов в Москву на заседание Секретариата РСФСР.

— Но ведь это вина, проступок, допущенный уже после исключения его из Союза?

— Да, но... и т.д.

Поначалу он хотел интерпретировать сугубо официально: поведение, опубликование его записей с Секретариата Союза, даже письма Воронкова.

— Вы уверены, что это он сам отправлял, пакетовал и т.д.?

— Ну, а кто же, кто же тогда? Ведь я свое письмо ему написал (переписал после согласования с Марковым) от руки.

— Да, но есть ли у вас абсолютная уверенность, что это он, не кто иной, он?³²⁸

Замаялся. —

— А как объяснить такую спешку с этим делом: сегодня исключили, завтра на утверждение РСФСР?

— Ну уж так...

Но в ходе недолгой беседы он и хватался за голову («Что я буду говорить корреспондентам — они звонят весь день?..»).

* Воронков

Сейчас соображаю, что предпраздничное время было рассчитано — прокладка во времени: авось, если не забудется, то хоть острота минует, а там, м.б., что-нибудь...

Я сказал, что не собираюсь его агитировать, человек реального мышления, — каждый остается при своих, но, хороши или невозможен С<олженицын>, подумано ли было, в какую копейку обойдется нам эта акция?

— Да, да, конечно, шуму будет (это как о предстоящей ему лично неприятности), шуму будет много...

Я вклинил, что должен буду сделать свои выводы из этого, у меня есть возможность за праздники все хорошо обдумать и не сгоряча, а основательно сделать свое заявление. Дело касается непосредственно моей литературной и житейской судьбы.

Он решительно встревожился:

— А вы-то здесь при чем? Вас лично это не касается, вы крупнейший... и т.д.

— Нет, К.В., вы ошибаетесь. Я уже слышу визги и ликования по этому поводу: а кто, мол, выпестовал С<олженицына>, кто его напечатал и т.д. и т.п.

— Ничего подобного. Вам — ничего. Вы его действительно печатали, выдвигали талант, правильно: талант. Но он потом вон куда занесся.

— Но ведь я поплатился уже пятым томом и многим другим за упоминание его имени, а теперь эти беззакония будут узаконены — я уже не смогу возразить, что нельзя запрещать мне упоминать имя коллеги, члена Союза *советских* писателей...

— Знаете что, А.Т., мой вам добрый совет подумать о моем старом предложении: переходите в аппарат Союза писателей.

— В Союз, который выбросил за борт литературы крупнейшего писателя современности? Это для меня невозможно. Первую часть вашего предложения (уйти из «НМ») я вынужден принять в связи с этой акцией Союза, но вторую — простите. Я никогда не изменю своей оценки его таланта.

— Союз писателей СССР не исключал его, это — РСФСР.

— Так СССР может не утвердить это исключение?

— А он не обращался к нам с апелляцией.

Простились растроганные, целовался я не без делового соображения показать, что «ни синь пороха» алкоголя, даже остаточного, нет, не пахнет. — Проводил он меня за дверь своего вновь отделанного кабинета (панели — орех, стулья — красные, «дверь немножко не в тон»).

Не обошлось и без сочувственного замечания с моей стороны по поводу 19 (не 20, не 18, а именно точно 19) вызовов его в К<омитет> П<артийного> К<онтроля> в связи с «делом Кузнецова»³²⁹.

— Да, К.В., работенка у вас... Это не компенсируется даже бургербродами с лососиной.

Хотел обидеться, но засмеялся, увидел в этом, м.б., даже именно сочувствие в его судьбе тяжелой.

Когда я не застал Иннокентия [Шустера] на месте, отпущенного мною перекусить, и прохаживался (недолго) по двору, выбежала Ант<онина> Ив<ановна>, посланная, конечно, им, Воронковым, уговорила меня взять их машину, сбегала в кофточке до гаража, и машина их уже была подана, но тут прибежал Иннокентий. В кои-то веки такая предупредительность!

А в редакции меня ждали члены со встречной информацией Хитрова: Лакшин, Кондратович, Виноградов «решены и подписаны». Твардовского не трогать, редколлегию пополнить. Хватит! Уже то хорошо, что кончаю эти записи, летопись журнальных мытарств.

8.XI.69. П<ахра>

5 ч. утра, кофе, сигареты.

Еду, если машина «закажется», к Вале, pošлю телеграмму, что приезд 11.XI необходим: (будет ли он апеллировать в союзный Союз). Я поступаю независимо от этого.

Дем<ентьев> правильно рассудил, как, впрочем, и Хитров угадал, что если Романов прав относительно троих членов, то это в любом случае беспроигрышно: останусь я в ред<акции> — значит, смирился, не останусь — прямой желаемый результат³³⁰.

Но я не останусь, не могу остаться хотя бы уже просили, — не могу, если даже один С<олженицын> — причина.

И хватит об этом.

Чудовищные стихи Луконина в «ЛГ» о разбившейся вазе (семейной жизни) — пародийно-прутковские³³¹.

Там же Смеляков «осваивает» статью Дементьева. Стихи правильные, но по стиху очень от меня. Немножко неприятно, что даже Дем<ентьев> этого не заметил, хотя узрел идейное влияние своей статьи³³².

Давно решил, что раз «под меня», значит — есть подо что, но немного неприятно, что это уже не отмечается, хотя, м.б., это хорошо: у меня уже не просвечивает «характерность» стиха.

«Партия его не считает талантливым», — сказала, кажется, т. Шапошникова с полным убеждением, что вопрос исчерпан³³³.

И подумать только, что С<олженицын> известен читателю только по «Ив<ану> Ден<исовичу>» и др. опубликованным в «НМ» рассказам, — не по романам даже. Месть за то, что «разгласил», предал огласке долю ужасной правды, которую забыть, забыть велят и просят. («А что забыть, сказать нельзя»³³⁴.) —

Повестушка Н.Баранской в верстке — еще одна сторона жизни в образе соц<иального> благополучия и жути бытия по будильнику, по хронометражу. Не мог не пожалеть, что это уже будет (а будет, если пропустят, нешуточная вещь) после меня³³⁵. И долго еще мне «порывать пуповину». Но уже охватывает и «чувство молодости странной»³³⁶, и забытой свободы от версток, рукописей, от нахалов и несчастных, от нескончаемости «накладных расходов», от всего, что дергало, угнетало много лет, но и радовало ненапрасностью, очевидной результативностью.

Нужно быть готовым к преодолению многолетней отвычки от работы «на приусадебном участке», от ответственности только за себя, п<отому> ч<то> «отвечать за себя в лит<ерату>ре труднее всего». Это мои же слова. —

9.XI.69

Спроста иные затвердили,
Что будто нам про черный день
Не ко двору все эти были,
На нас кидające тень.

Но будь, что было, не забыто,
Не шито-крыто на миру,
Одна неправда нам в убыток,
И только правда ко двору...*

Зашел вчера вечером на огонь к Бакланову. Как-то не получилось объяснения насчет совместности поездки с лидером «11». Сбивчиво порывался рассказывать об Америке, хотя был, по-видимому, огорошен новостью и высказанным мною решением в связи с ней. Не новостью, то-то и странно: по-моему, она должна была еще в США заслонить от него впечатления поездки³³⁷. — Придет сегодня. Говорить — не говорить? —

* Далее — запись фрагмента о памяти (будущей поэмы).

10.XI.69. П<ахра>

В.Гроссман. — «Все течет»... (Принес Триф<онов>.) В весьма хлипкой и необязательной беллетристической рамке (возвращение к жизни на воле лагерника с 30-летним стажем) трактат (памфлет и, разумеется, «пасквиль»), пересматривающий историю революции и страны под углом тысячелетней неизменности (и даже усиления) форм «насилия» и «рабства», включая эпоху не только Сталина, но и В.И.[Ленина], образ которого в двойственности ипостаси «человек» и «политик». (Первый обаятельно-человечный, интеллигентный — достояние официального культа, второй — жестокость, властолюбие, пафос насилия.) Беззакония, 30-й и 37-й гг. — в плане «концепции насилия», огосударствления революции (казалось, средство, а получилось — цель). Глубочайший пессимизм. Вещь написана (датирована) 1955—1963 гг. — своеобразное завещание с присущими покойнику докторальностью и надменностью. Читать тяжело, п<отому> ч<то> многое в нагнетании «злодеяний революции», гл<авным> образом перечислительном, непроверяемо. Вывод, вопреки Гегелю: «Все бесчеловечное неразумно, недействительно и бессмысленно»³³⁸. — Жуть.

Отношение почитателей и апологетов С<олженицына> к акции: «Ах, ужасно» и через фразу — о другом, не менее интересном, житейском, пустячном. Тотально (Бакланов, Гердт, Ю.Семенов и др.).

Вчера на прогулке обогнал на своей черной («вьетнамской») «Волге» Ю.Семенов: «Ах» — и тотчас об общих обстоятельствах понаслышке от «кругов», в которых окунается.

Шелепин о статье Дем<ентьева>: «Ничего не вижу такого, статья правильная, но это, мол, не мое дело, лит<ературные> споры и т.п.»³³⁹

Свадьба у 7-частного («Пастернак — свинья...»)³⁴⁰, на кот<орой> был Ю.[Семенов] и общался с Шел<епиным>: танцы под музыку и з фильма «Живаго».

Праздники кончились, решено ехать сегодня же, а не завтра в город (м.б., с оказией) двигать тяжелейшее и отвратительнейшее дело с гаражом по свежим следам.

За одно благодарю небо, что не сорвался на праздниках (без никаких усилий). Просто не хочу и не вспоминаю почти, что, м.б., и знак возраста. Можно бы без труда преодолеть нежелание и «покатиться с крыши», но удерживает угроза неизбежных последствий (отчаяние и ужас которых слишком на памяти).

Демичев, по словам Ю., изрек: роман Кочетова — антипартийное произведение. Читаю последнего в уборной, но нерегулярно³⁴¹.

11.XI. 4 ч.

Все-таки, все-таки в Дементьеве от времени до времени пробуждается и становится в позицию член горкома (как говорят, единственно уцелевший в пору «ленинградского дела»). Отозвался вполне одобрительно о «Записи» С<олженицыным> рязанского собрания, собственной речи С<олженицына>, обдуманной, ясной и четкой и заключенной цитатой из его знаменитого «Письма» [IV съезду писателей] насчет того, что и смерть не страшна...³⁴²

И все-таки Дем<ентьев> начал ковыряться в ней (речи) и сожалеть, что тот опять не захотел «признать» и «дать отпор», несмотря на очевидную абсурдность этого давнишнего требования Секретариата СССР, — абсурдность, близорукий расчет, невозможность «отпора» при условии отсутствия нашего ответа на письмо. Словом по слову, был момент, когда он вздулся настолько, что я уже едва не встал и не ушел, чтобы уж не приходиться и сказать эти слова. Намекнул ему, что и при решении вопроса об опубликовании «Ив<ана> Д<енисовича>» он упирался в таком же духе, в силу той же вышколенной «настороженности». На прогулке изложил ему «трактат» В.Гроссмана вкратце. Увы, он не обронил слов: надо бы почитать, нет ли, мол, у тебя?

[...] Бедный, он и спохватывается, отступает порой, т.е. рассуждает по-человечески, как делу быть, но опять и опять ищет лазейку. [...]

Слухи (тотчас не подтверждающиеся!) о *вторичной* поездке Таурина в Рязань после вызова на Ст<арую> площадь, о возможности какого-то пересмотра³⁴³.

Кстати, выступление Таурина на Ряз<анском> собрании действительно самое приличное в данных условиях (и Дем<ентьев> хвалит), но ведь миссия-то в целом архинеприличная, м.б., и речь-то его хуже рязанских, лицемернее («никто не хочет поставить вас на колени», но «уступите, дайте отпор западной шумихе»), поскольку все уже решено в «соседней комнате», как пишет в своем письме С<олженицын>, и решение читается по машинописи.

Налаживается ужасная привычка вставать среди ночи, пить кофе, выкуривать несколько сигарет и опять досыпать.

Бакланов, Бакланов, как бы ни был велик соблазн поездки в США, тем более должен был сработать внутренний

запрет ехать (вдвоем!) с Мих. Алексеевым — по всем мотивам.

На сегодня С<олженицын> вызван по моей просьбе Натальей Алексеевной [Решетовской].

Сегодня же день (м.б., весьма знаменательный, как мы предполагаем) посещения редакции Овчаренкой Феликсом Евг. по вопросу о выполнении постановления «О повышении»...³⁴⁴

Из-за слухов позвонил Воронкову:

— К.В., вы не хотите мне что-то сообщить?

— Нет, а в каком бы смысле?

— М.б., в смысле «укрепления редколлегии».

Рассмеялся.

— Нет, ничего покамест, кроме сердечного привета, передать не могу. —

А Эмилия [Проскурнина] утром — Хитрову весело:

— Вы еще там, в редакции (в смысле редколлегии)?

— Да, а что, вы имеете что-нибудь новенького сообщить? Скоро нас попросят отсюда?

«Как еще им это удастся...»

Был уже порядочный снегопад, уже чистили дорожки, пошла в ход белая лопата, метлы. Вчера с утра оттепель, ночью большая капель, проснулся с досыпа — снег клочьями мокрый, потекло. Но вряд ли зима уйдет обратно — землянка была твердая. —

12.XI

Солженицын в обычной лихорадке хронометража. — Сказал по поводу упрека в распространении «Записи» (рязанской), что он не желает, чтобы его удушили втихомолку. — Горячо уговаривал меня не уходить до — по крайней мере — «укрепления» редколлегии³⁴⁵.

Лакшин (со слов Светланы) передает чьи-то слова из круга вурдалаков: «Главная задача выманить медведя (т.е. меня) из берлоги» («НМ»)³⁴⁶.

Овчаренко отзвонил: срочное задание, не смогу увидеться с А.Т. дня три, но имею в виду. Не «документ» ли составляет? В «ЛГ» (за вторник) не было сообщения об исключении [из редколлегии]. С<офья> Х<анановна> позвонила Оле, что в среду, т.е. *сегодня*, [сообщение] будет, но в *части тиража* — московской или иногородней, не понял.

Просыпался в 5, курил, читал «Тургенев в воспом<инаниях>»³⁴⁷, заснул до 9—10? После завтрака ближайшее желание — рухнуть опять в сон. Телефон опять не работает. Иду звонить.

13.XI

Морис Л. (Леви? Леги?) во вчерашнем комментарии к сообщению о С<олженицыне> говорит, что случай исключения из Союза писателей мировой известности был бы сенсацией в любой стране, но не в СССР. Скорее нужно удивляться, что он до сих пор не был исключен. И что акция эта выходит за литературные рамки и обретает политическое значение: наступление сталинизма; упоминается «НМ», поддерживающий атаки «мракобесов»³⁴⁸.

Но все осторожно («вряд ли хотят руководители, чтобы эта акция была воспринята в мире в своем недвусмысленном значении возрождения сталинизма»).

Собирать вещички?

Статья Лакшина о «Мудрецах» — цитата из Маркса о незримой всегдашней связи умов с телом народа³⁴⁹.

Еду в город. «ЛГ» у Верейского без сообщения — Моск<овская> обл<асть> — не Москва³⁵⁰.

А Л<енингра>д? Киев?

Все постыло — скорей бы развязка.

[Вклейка]
Хроника*

14.XI. П<ахра>. 5 ч.

Ждали, ждали беды, гадали, какая и когда она придет, а она пришла с неожиданной стороны: «Открытое письмо Секретариату Союза писателей РСФСР» с пометкой на машинописном экземпляре рукой А.С<олженицына> («НМ») ³⁵¹.

Потрясение первых минут и при восприятии этого факта, строчки разбегались при чтении. Бросились звонить, искать, гадать — нельзя ли упредить, — все тщетно. Дозвонился до его «Валерии» [Вероники Штейн]: нельзя ли задержать? — Нельзя. «А что — это неправда, А.Т.?»

* Сообщение об утверждении Секретариатом Правления Союза писателей РСФСР решения Рязанской писательской организации об исключении А.Солженицына из СП СССР («для Москвы») {Литературная газета. 1969. 12 ноября. С. 3}.

Позор — вдруг вспомнилось:

Не та беда, что без вреда
Для совести и чести,
А та нещадная, когда
Позор и горе вместе.

Отблагодарил! За все, за все отблагодарил нас, коварно, явочным порядком, не удостоил нас предупредить, не то что посоветоваться. Это — конец. Но не тот, какого мы ждали в горделивом сознании своей правоты и жертвенного назначения. Всё — прахом. Хоть и в эти минуты не унижусь сказать что-нибудь против его таланта.

Сопроводительная к «Открытому письму», которая, поскольку в одном экземпляре, должна не пойти дальше этой тетради.

«Дорогие

Владимир Яковлевич, Михаил Николаевич!

Очень прошу вас: преподнесите прилагаемое мое «Открытое письмо» Трифону как можно мягче и со всеми нужными предосторожностями, чтобы он не рассердился.

Объясните, что:

1) мое молчание только хуже и делает беззащитным, а это письмо, как ни парадоксально, — укрепляет;

2) вижу свою задачу в том, чтобы сменить *общий воздух*. Надеюсь достичь, даже если пострадаю.

Крепко жму руки!

Ваш Солженицын.

12.11.69».

Маша, прочитав «Открытое письмо»:

— А где ж листовка?³⁵²

Все же в ее оценке этого дела есть здоровая сторона: не торопиться, не упреждать, не высказывать.

Но остается один итог: подло, хоть ты и будь гений. Но «гений и злодейство — вещи несовместные». Спутать друзей и врагов — и за одну скобку. Лишить начисто нас возможности не то что защищать его, но даже лишить нас гордости, заставить «признать».

Вчера слушал по Би-би-си его «Запись» («в обратном переводе») из «Монда» — она уже, говорят, передавалась и на кануне. Должно быть, и «Открытое письмо» не замедлит появиться. Но «Запись» — еще полбеда, она составлена правдиво, с достоинством, без взвизгиваний, которые в «Открытом»³⁵³.

Невозможно предвидеть, что еще будет.

Вчера я метался: звонить — не звонить Воронкову, не помня, что «письмо» адресовано не ему, а [Секретариату Правления СП] РСФСР.

А зачем он подбросил нам его? Принесла, говорят, утром (13.XI) Нат. Алексеевна [Решетовская], а сама — в неизвестном направлении («на музыку»).

Похоже, что после моих слов Валерии [Веронике Штейн], известия о нем самом (было: «он вам позвонит») оборвались: «не сможет».

Еду в город, предупредив всех, что он должен явиться к 11 ч.

Не явится? А явится — что скажу? Ничем не помочь. Только оборвать все личные отношения, опять же на радость вурдалакам. —

Сегодня в 11 — запуск «Аполло-12»³⁵⁴. Какое это имеет отношение к тому, что меня наполняет тоской, тревогой, обидой, горечью?

Факт «Письма» ужасен, он не оправдывается вынужденностью его, но все же нельзя забывать, что он вынужден, этот крик смертельно израненного и обезумевшего от боли существа. Никогда не пожалею, что напечатал «Ив<ана> Д<енисовича>» и все остальное.

Вся разница в том, что он — *вне*, а мы *внутри*, и мы выгребаем к своему берегу, не можем не выгребать.

2.XII.69

Постепенно со всей отчетливостью выясняется, что удар был рассчитан и нанесен с необходимой «прозорливостью» его организаторов.

Покамест, допустим, Ир. Абашидзе справлял свой юбилей в компании с Фединым и др. и было ему невдомек, как невдомек и К.Симонову: последняя позиция литературы как таковой пала.

Он был единственным среди нас со своим *неповиновением*, и когда мы его уступили, уступили все.

Ему не простили, что впервые, придя *оттуда*, рассказал, что *там* есть, скольким из нас было невдомек, что это «концы».

Безумие его «Открытого письма» не в счет...

Вчера говорил при свечах с Симоновым впервые так: не думай, что можно отшутиться или отмолчаться «за письменным столом».

Последние документы:

- 1) Изложение заседания Рязанской писательской организации 4 ноября 1969 г. (с приложением документов переписки с Сафоновым)³⁵⁵.
- 2) Письмо от 6.XI.69.
- 3) «Открытое письмо» от 12.XI с запиской на имя В<ладимира> Я<ковлевича> и М<ихаила> Н<иколаевича>.
- 4) Письмо от 25.XI.69³⁵⁶.

Дорогой Александр Трифонович!

Посылаю Вам нарочно по следующему поводу: мне необходимо получить мнение секретарей по письму Солженицына в Секретариат СП РСФСР. Сурово осудили это письмо Федин, Леонов, Тихонов, Соболев, Бровка, Полевой и многие другие. Я записал по памяти Ваши слова, сказанные мне по телефону: Двух мнений быть не может. Это документ политический, несовместимый с политикой партии, государства, с Вашей (Твардовского) политикой. Как к писателю Вы мнение о Солженицыне не изменили, а как к гражданину изменили коренным образом.

Так ли?

Я об этом Вашем мнении доложил т<овари>щам. Это произвело сильное впечатление, и все мы гордились Вашими словами. Да иначе и быть не могло.

Теперь мне надо уже официально собрать мнения всех. Прошу Вас сделать это (м.б., поправите те слова, которые я записал).

Посылаю завтрашний номер «ЛГ», где опубликовано сообщение от СП РСФСР.

Бумагу эту порвите.

Ваш Воронков 25.XI.69*.

4.XII.69

Перечитал «Ивана Денисовича» и — ахнул. Это таки законченно антисоветская вещь с точки зрения времен, породивших ее и возвращающихся вспять (два лагеря, две системы, два мира, два вероисповедания — охрана и заключенные), причем все симпатии автора на стороне последних. —

6.XII.69. П<ахра>

Легко-морозное, в инее утречко. На левом повороте с просеки за дачей В.Жданова — огромный, как валун где-нибудь в Финляндии, снежный ком — чья-то третьегодняя забава, когда была оттепель, и издалека к нему след, как

* Переписано А.Т. и вклеен оригинал.

его катили, до мокрой листвы, и весь он рябой от листвы. Будет стоять до весны на этой дорожке. —

Ничего нельзя сделать, даже не следует рыпаться после «Открытого письма» его, загородившего все пути. Остаточные угрызения совести у многих, сочувствовавших ему, отпали: слава те, господи, свобода. Речь не о Федине, Шолохове, Леонове — тут и не без черной зависти, но о тех, что кинулись было отстаивать его и должны были отпрянуть не без того же чувства освобождения: «Ах, вот ты как».

В обществе, разделенном на два класса — воспитуемых и воспитателей, с преимущественным положением последних³⁵⁷, он безоговорочно встал на сторону эзков (воспитуемых), и это ему не могли простить, поскольку все возвернулось (возвращается) на круги своя.

А что на круги своя, тому свидетельство похороны Ворошилова — как будто не его, а самого хоронят: «Верный сын Ленинской партии»...

А мне не забыть, как на XXII [съезде] он сидел под градом обличений в «соучастии» и только когда во всем признался письмом — выступать не мог из-за волнения, — его Никита простил³⁵⁸.

Между прочим, исполнение песен революции относится к той эпохе, «когда он не был злым», а был слесарем луганским, большевиком, национальным героем с Гражданской войны, популярнейшим «песенным» наркомом. Но тут-то, в наркомах, его и подмял Сталин, заставил судить Тухачевского и др. и т.д.

Успокоение условное. М.б., даже и 9.XII на партсобрании что-нибудь прорвется. Мы готовы к отпору («с ведома и разрешения»)³⁵⁹ и в конечном счете готовы к уходу. Позора признаний не возьмем на себя.

Будь что будет.

Воронкову я объяснил, что напрасно он хотел меня порадовать тем, как воспринято мое «заявление» (по телефону) «в верхах».

Сказал: «Открытое письмо» из него исторгнуто, как вопль затравленного. Давили, давили и додавили — потекло.

Он, К.В., повторил свое приглашение в аппарат Союза («Оформим честь честью и в печати, и всячески»). Но что-то понял³⁶⁰:

— Да, А.Т., положение ваше, пожалуй, весьма тяжелое...

Привожу в порядок (перед закрытием) архив С<олженицына> и проч.

11.XII. П<ахра>. 5 ч.

Второй день Пленума всех «творческих союзов» в Колонном зале: «О воплощении (!) ленинских принципов народности и партийности в литературе и искусстве».

Третьего дня ребята говорили, что тема как раз такая, чтобы выступающим было где развернуться («Есть еще у нас отдельные»...).

Но — по странности — в «ЛГ» ни звука — даже в сообщениях о партсобраниях, даже с участием Корнейчука, которому есть что вспомнить в связи с именем С<олженицына>³⁶¹.

И третьего же дня мы думали-гадали, что означает приезд на наше собрание в «НМ» секретаря райкома Евгения Андреевича³⁶² — не большие ли это желания «познакомиться» и «утрясти» вопрос об оставлении Хитрова в секретарях [парторганизации «НМ»]. Нет, кажется, ничего такого, никаких упоминаний, — по простоте ли? Кажется, нет, не по простоте пока что.

Но вчерашнее сообщение Би-би-си о пленуме решительно связывает его с именем С<олженицына> и задачами «подтянуть». Колонный зал, 1000 чел., очевидное стремление, к умолчанию, ан нет, имечко сопутствует.

Не пойдя (хоть ночевал в городе и услышал по телефону> напоминание) на пленум, вопреки опасливым соображениям воронежца Троепольского, прибывшего в сопровождении секретаря обкома своего («А вы не думаете изменить свое отношение к С<олженицыну>?»), и даже Кондратовича («Надо бы, А.Т., сходить») — не пойдя, не только не испытал раскаяния, но все больше утверждался в мысли, что поступил разумно: невозможно сейчас именно видеть эти рыла «ликующих», да и что я этим исхлопотал бы и выслужил?.. В этом доме все равно не бывать, сколь ни протянулось бы это состояние «ни войны, ни мира».

Завожу новую папку: письма по поводу исключения С<олженицына>, их немного и частью анонимные — результат воздержания от «шумихи» («ЛГ» без сообщения об исключении в тираже для периферии и т.д.).

Мысли, настроение достаточно подавленное, мысли о старости, беззубости — 60!

Нельзя сказать, чтобы старость подступила внезапно, с юных лет ее отгонял, но пока было в запасе «много дней веселых» — одно, а когда их совсем немного — другое. —

Читал сценарий двухсерийной [картины] Горенштейна и Карасика о Втором съезде [РСДРП] — профессионально, но все до «потолка», вроде и накал страстей, но «от энтелева до сентелева». И невнятица из приемов оживления темы

(«сон» Ленина насчет сестры Оли, молодой Плеханов — все это в «наплывах»)³⁶³.

Жутко, до чего дожили: воронежская делегация, где, м.б., один Гаврила [Троепольский] — человек, с «дядькой» во главе, и все так, и рязанская, конечно. —

Прочел в верстке «Сладкий остров» А.Яшина — рассказ о том, как выбрался он с частью семьи к себе на север, на Нов-озеро — просто так, отдохнуть, порыбачить и с упоением и отрадой окунулся в тишину, в беззаботность хотя бы на малый срок³⁶⁴. Тот самый Яшин, который с болью говорил мне, что ему стыдно в свою деревню приезжать на машине. Он много понимал, страдал не на шутку, срывались у него и пугавшие меня слова насчет Сов<етской> власти... («А есть ли она у нас?»)

Ник<олай> Воронов, после «Железнодорожска», дал в «НМ» «Голубиную охоту», часть того же железнодорожского (магнитогорского) детства, но без принужденной задачи «отразить» и «воспеть», потому что в меру как раз правдивости его отражения, при всех оговорках, он «накололся» на «Письмо ветеранов» (см. «Дело»)³⁶⁵. Решил отдохнуть, забыться немного на неподкупном увлечении детских лет без оглядки изнурительной: не упустить бы отразить то-то и то-то... И получилось великолепно — послал ему телеграмму.

Гаврила Троепольский с отрадой отчаяния пишет о собаке — повесть, и, должно быть, получится, т.к. вне обязательности «отражения крутого подъема»³⁶⁶.

А еще раньше всех — Сок<олов>-Мик<итов> ушел из бытописания сов<етской> деревни 20-х годов, не переступив рубеж коллективизации, — ушел в охоту, в полярные экспедиции, в свою, приписанную ему «бывалость».

Нужно навестить старика — слепой, одинокий, неухоженный (Лидия Ивановна в больнице, внук женился, тот самый, которого я помню мальчонкой до 10 лет)³⁶⁷. —

Развиднеет за окном только-только, а уж 9-й час. Световой день урезанный до крайности, но уж, кажется, прибывает. — Маше серьезно нездоровится. И ее одиночество после отдаления Оли в связи с замужеством [...], ребеночком, тревогами — брат не брат отпуск в институте. Она (Маша) не может кого-то не кормить, не ухаживать — очень привязана к кошке, еще больше к подарку молодых — Фомке черному. —

С листков старого календаря:

Я не хочу, чтоб он стоял,
Тысячекратно повторенный,
На каждой площади районной,
На каждом скверике...

Чтоб он стоял, как тот при жизни,
Не из того ли он металла,
Что с Волго-Донского канала.

Как бы на цыпочках стоял:
На носках.

На областных подмостках
На всех районных перекрестках.

(На складе статуй)

Тут были — сколько — счесть не вдруг —
Без головы, без ног, без рук —
Навалом.

Бетон армированный сталью
Лом!³⁶⁸

13.XII. П<ахра>

Странности: Демичев на пленуме — речь без упоминания «дела С<олженицына>», без «НМ», с поддержкой речи Айтматова, направленной, как говорят, не в бровь против «11»³⁶⁹.

По меньшей мере это «тактика умолчания», критика молчанием, как однажды говорил мне сам Демичев. Но и выступления Арагона, «Униты», «Ринашиты», «Морнинг стар», телеграмма Б.Рассела — и не только, м.б., его — Косыгину³⁷⁰. Говорят, что упоминания *были* в тексте речи Демичева, но «стусевались».

Очень похоже на правду, что Соболев держал в кармане антисолженицынскую речь, но «сориентировался» и не выступил.

Один Михалков развернулся во всю свою подлость (Речь в «Моск<овской> Пр<авде>»), да Марков отчеканил одиознейшую фразу насчет зрелости «даже такой маленькой организации, как Рязанская, давшей оценку и исключившей С<олженицына> из СП»³⁷¹.

Троепольский, оживший после пленума, чуть ли не обнимал Айтматова в редакции, который сдержанно признал, что «по-тихому» он таки сказал кое-что.

«В свете пленума», м.б., верны и предположения Марьямова, что Евг. Андр. [Пирогов] не зря откладывал дважды наше собрание и не зря лично принял в нем участие в самых приятных для нас выражениях. —

Невероятно, но факт (позвонил Фрумкин), что тираж «НМ» при всех утеснениях, запозданиях с выходом и пр. вырос на 25 тыс. против прошлого года и, м.б., достиг наивысшей за все наше время цифры!³⁷² —

Несколько дней назад Джилас выступил, кажется, в «Нью-Йорк таймс» со статьей о Ленине, вполне уважительной, отдающей дань его революционной целеустремленности и личному благородству.

Упрек Джиласа Л<енину> в некоей «узости» («политик»), может нами рассматриваться и совсем по-другому, иначе был бы не Ленин, а, скажем, Луначарский. Л<енин>, говорит Дж<илас>, трагическая фигура века. Он создал партию профессиональных революционеров, которая потом обернулась партией бюрократии.

Л<енин> не имел личных друзей, но не имел и личных врагов, которых он бы лично преследовал³⁷³. —

Л.И.[Брежнев] на банкете колхозного съезда подошел, м<ежду> пр<очим>, и к столу грузин. Его приветствовали, назвали «гениальным вождем». — Ну, начинается, — поморщился он, — зачем это? Хотя, правду сказать, дела у нас неплохи. — Перечислил «крутой подъем», ЧССР («нормализация»), успехи в международной политике и пр. — «Да, с другой стороны, нельзя не признать...» —

[...] Еду (или едем) в город — к Ив. Серг. [Соколову-Микитову]. Вчера навестил Исаковского. Нужно написать «врезку»³⁷⁴. Он был собравшись в санаторий Герцена — измаялся от бессонницы по поводу перемены квартиры — жена.

С<офье> Х<анановне> рассказал, как и что с архивом.

Ни на минуту, ни на йоту не оболящаться, что, мол, пронесет, по кр<айней> мере, как говорят ребята, до ленинской даты. Каждый день может грянуть гром: Карфаген должен быть разрушен, несмотря ни на какую подписку. С этим жить — сперва до Нового года, потом до... и т.д., м.б., даже до 21.VI.70.

14.XII.69. П<ахра>

Дорогой друг Михаил Васильевич!

Я не сомневаюсь, что это словосочетание в моем обращении к тебе звучит несколько иначе, чем в приветствиях, получаемых нами с тобой к табельным датам от Союза писателей, где «дорогой друг» оттиснуто типографским способом и скреплено такой же безымянной подписью «Правление».

Дивиться нечему: «Правление» всякий раз приветствует и поздравляет тысячи своих «дорогих друзей» — «членов Союза», называть всех по имени было бы слишком накладно. Тут дело другое.

Я тебя знаю, дорогой друг Мих. Вас., с древнейших времен, когда ты еще знать не знал обо мне, а я читал тебя в моем Загорье, и как твой читатель уже на ранней заре моей юности любил тебя до обожания, еще не смея думать о дружбе с тобой.

Разница в 10 лет, малозаметная в нынешнем нашем возрасте, была нешуточной в пору, когда одному было 25, а другому едва 15. Впрочем, об этом частично уже рассказано в моей статье «О поэзии Михаила Исаковского», напечатанной не так давно в «Новом мире» и сопроводившей, к чести для меня, твоё четырёхтомное собрание сочинений³⁷⁵.

17.XII.69. П<ахра>

Думалось, ничего не стоит написать о Михвасе — уж его-то я знаю и перезнаю, ан нет. Три дня ушло, а на поверку все еще не совсем ладно. Хитров и Кондратович очень одобрили, но Лакшин указал на несомненные неловкости. Дал вчера Дементьеву — не пересолил ли я, — ведь дружба больше относится к юным моим годам, а чего-чего, кроме этой дружбы, не было: и других дружб, и неприятного по инертности (со стороны Михваса) сближения с Сурковым (кажется, опять сблизились), и проч. Но одно несомненно, это первый в моей жизни поэт, литератор, увлечения которым не стыжусь, и вообще первый по времени знакомства — около 1925—1926 гг. —

Оказывается, это Гусаку принадлежит честь «открытия» Солженицына как корня всех зол!³⁷⁶ А мы и рады удовлетворить новое руководство хоть по этой части, тем более что и у самих накипело. —

Задержана проза Пастернака — не по чему другому, по одной фамилии. Будь это не Борис, а, скажем, Федор — все равно не годится — напоминание в неудобный час³⁷⁷.

19.XII

Возможно, что меня, как Дубчека, желали бы судить, прорабатывать, но не с руки только — скандалезно, а и упрямать в Турцию невозможно. Очень похоже, что не находят замены: порядочный не пойдет на это место после Тв<ардовско>го, а подонок будет слишком заметен³⁷⁸. И так, день за днем, хотя, м.б., и документики заготовлены. Сколь-

ко это продлится, угадать нельзя. Тянуть, не высовываясь, до конца. Уже обретаю эту жалкую норму. Пастернак? Снимайте Пастернака — дело ведь не в том, что за этой подписью идет, а только в подписи, именно в фамилии. Буде он не Борис, а Ферапонт Пастернак, все равно: зачем в такой близости стоят фамилии П<астернака> и С<олженицына> — не надо. —

Вчера Би-би-си: протест группы «писателей Запада» против положения писателей в СССР, принимающего характер международного скандала: Солженицын. Подписали Миллер, Грин и еще кто-то, всего чел. 30. Угрожают бойкотом³⁷⁹.

Македонов, мой друг и наставник до 31-го г., когда он отрекся от меня, человек, впервые отличивший меня среди «смоленских молодых» (не Исаковский!), внушал мне, что я открываю новую страницу в поэзии. Потом мы сблизились, а потом, в 37-м, его забрал Гуревич, как и всех смоленских.

Его безалаберная, слишком умственная статья, вроде стенограммы речи в кругу друзей — неопрятно, разбросанно, с потугами на ученость. Но нельзя сказать, что глупо, а только несообразно со временем, отягчено грузом непереваренных «шлаков» в духе «Литкритика», где он пришелся было ко двору³⁸⁰.

Отчасти трагично: сохранить такую любовь к поэзии, заслоненной от него бог весть какими переменами судьбы («д<окто>р геолого-минералогических, кажется, наук» — до сих пор и эту лямку тянет).

Полон самокритичности, но понуждает сделать «замечания». —

Сколько чего проходит мимо этой тетради, много раз за много лет возникало желание бросить записывать, но уже поздно бросать. Даже невозможно представить, как бы я обходился без этой прерывистой, неполной, скомканной летописи. Верный почти признак на протяжении всех лет — нет записей, нет работы. Смолоду — еще не такая беда, запас был, а под старость — уже тyani да тyani хоть это.

Не записывал, шутка ли, такое дело, как повышение подписки на тыс. 25. Это при всем при том, что не только ущемляют, но «дыхать» не дают, можно сказать, удушают. Ирония: как раз «Огонек» и «Соц. индустрия» сыграли в пользу «НМ». Можно было судить по письмам — всколыхнулся читатель — за каждым письмом было — сколько не написав-

ших писем, но проявивших волю к тому, чтобы подписаться на этот безобразно опаздывающий, не попадающий в объявления, не имеющий почти розницы журнал.

Странный перевод по почте из Тирасполя от женщины, ждущий домашнего адреса, чтобы сказать о назначении этих 1200 р. Догадка С<офьи> Х<анановны>: Солженицыну?

Вьюга, поземка, «серебряные змеи» на шоссе, сплошная *немереча* в поле по кольцевой, где только тощие посадки.

И не утихает до утра, хотя снегу мало, — иду разметать; ночь дурная из-за груды «макарон по-флотски», комом глины легших и загородивших выход.

Вьюга — *немереча* (словечко из дому, похоже, белорусское).

Ф.Абрамов, его великолепный рассказ «Деревянные кони» (заглавие несколько натянутое) и др. Вчера рассказывал в редакции, как Прокофьев вспоминал меня на Лен<инском> комитете, обличая за мою защиту кандидатуры Солженицына³⁸¹.

Слабизна Гранина, воздержавшегося (только!) было при голосовании на [Секретариате СП] РСФСР, но после «Открытого письма» телеграфировавшего: сдаюсь³⁸². То же, что у многих других, — освобождение, радость, что он «оказался», «выявился» — так ему и надо. —

19. XII

[...]*

20. XII. 69. П<ахра>

Видит бог, не под влиянием вчерашней би-би-сейской передачи о «Круге первом», впрочем, вполне грамотной и личной, пришла мысль, которая исподволь просилась все это время, когда писал письмо Михвасу, и как бы только отстранялась.

Не зазорно ли мне в такие времена выступать с юбилейной этой речью, которая, как бы то ни было, может быть воспринята добрыми людьми как и мое признание и примирение с бедой, постигшей литературу? Как бы и нет ничего: Тв<ардовский> приветствует Исаковского в растепленном юбилейном плане, отмысливая беду наподобие тому, как упомянутые мной в этой тетради Абашидзе и Федин отмысливали ее: ничего не случилось, все нормально³⁸³.

* Записан фрагмент поэмы «По праву памяти».

Подумать, подумать! Но не ясно ли с утра, что мысль эта уже не оставит меня.

Смутное мое ощущение какого-то неодобрения Лакшиным этого моего опуса, м.б., даже скорее всего, не относилось к самому по себе этому опусу, а к возможности с моей стороны такого, подписанного выступления.

Значит, и я продолжаю жить в литературе, в Союзе писателей, исключившем из своих рядов крупнейшего, м.б., самого крупного писателя (я-то не из би-би-сейских передач знаю об этом).

И признания, относящиеся к Исаковскому, весь т<ак> ск<азать>, пафос письма были бы уместны и неззорны только в случае возможности при этом дополнить мою дружбу, мое обожание в юных годах поэзии Исаковского новым и столь значительным, поворотным во всех отношениях фактом моей биографии, осветившим ее всю с новой стороны. В этом свете я давным-давно вышел из обязательств юношеской дружбы, не отрицая ее, не зачеркивая, но по невозможности присовокупить к ней мою боль за Солженицына.

Вспоминаю, как я пытался в статье об Исаковском объяснить и оправдать его стихи о Сталине искренностью их и как даже С<офья> Х<анановна> не удержалась, чтобы не заметить непреодолимой запретности для меня этого утверждения. (Я-то сам вместе с Исаковским и в духе его послания писал юбилейное послание Сталину, читанное мной на вечере в Большом театре, — Грибачев и Сурков не в счет³⁸⁴.)

Нет, я не должен выступать с этим моим письмом Мише, милому и честному, но закрытому от той полосы моей жизни, которая пришла с Солженицыным, с моей горькой привязанностью к журналу, со всем тем, что есть сегодня.

М.б., поеду в Москву.

22.XII.69. П<ахра>

Сегодня в 5 утра — первая строчка, а потом заснул до полдевятого. —

Час мой утренний, час контрольный,
Утро вечера мудреней,
Мир мой внутренний и окольный
Достовернее и ясней.

Час открытий еще возможных,
Хорошо его подстеречь,
До того, как пустопорожних
Не предвидится слов и встреч.

Поверяет тот час контрольный,
Если ты человек в летах,

Все, что вольно или невольно
За день было не то, не так.

Но еще не бездействен ропот
Огорченной твоей души.

Приобщив этот к опыту опыт
Делать дело свое спеш³⁸⁵.

С «Исаковским» еще вчера решил поступить, еще до того как показал его Маше, по-доброму: он не виноват, что история с С<олженицыным> прошла мимо него: он уже на излете — не вбирает новых впечатлений, сосредоточен на своей старости, способен только — и то! — на мемуары. Нужно будет, пожалуй, не прибегать к «ленинской характеристике» его типа людей. Достаточно «Докладной зап<иски>»³⁸⁶. И не столь определенно похвалить его последние стихи. —

Звонил в ред<акцию> от Гердта — теплая дачка, можно закурить, — дала мне ключ.

Женщина из Тирасполя делает меня своим душеприказчиком³⁸⁷. —

24.XII.69

«Правда» от 21.XII. Люди перезванивались по телефону, делились радостным чувством: все-таки, все-таки... Можно предположить, что «демонстранты на Кр<асной> площади» не дождались выхода этой газеты, а то бы не из чего было «демонстрировать», как, впрочем, обитатели домов на Кутузовском, не выписывающие «Правду» (есть на службе), спохватились в этот день, ища ее по киоскам.

Даже на газетных щитах-витринах статья была кое-где вырвана — то ли теми, то ли этими. Даже Иннокентий [Шустер], не читавший «Правды» («Известия» получает пачками), рассуждал вчера, что «эта статья разделила всех на две части»³⁸⁸.

Ан выходят вчерашние все газеты (а не одна «Правда») с «Тезисами», и в них — уже для всеобщего сведения, а не для, скажем, одних читателей «Правды», и в них предупреждение (для опытного глаза не препятствие, что оно упрятно в тексте, который можно и не читать).

«Партия отвергает любые попытки направить критику культа личности и субъективизма (Хр<ущева>) против интереса народа и социализма, в целях очернения истории социалистического строительства, дискредитации революционных завоеваний, пересмотра принципов марксизма-ленинизма»³⁸⁹.

Любые! Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!

Звонил Воронкову насчет юбилея Исаковского (в связи с суждениями о моем Письме последнему). Говорит, что по-

слали представление на Звезду и что «на этажах не встречается препятствий».

«Не меньше же он Суркова?» — Не только Суркова, говорю, — но и всех предыдущих, кроме разве Шолохова за вычетом последних лет тридцати. — Ну так и вычтем, — говорит, смеясь. — Правда, он сперва сказал: не меньше Корнейчука, а потом уже Суркова упомянул.

26.XII.69. П<ахра>

Вчера, не дождавшись ответа на свою телеграмму Мышаковой Т.Г., получил на почте (6-е отд.) ее перевод на 1200 р. и положил на свое имя в сберкассе нашего дома.

Заполнил сегодня перевод Солженицыну на сто руб.:

«Александр Исаевич!

Пересылаю Вам сто (100) руб. по просьбе учительницы-пенсионерки Мышаковой Татьяны Гершевны. Адрес ее: Тирасполь — Центр, ул. Мира, д. 22, кв. 31, но находится она в настоящее время в больнице с тяжелым и, как она сообщает, безнадежным заболеванием.

Прошу уведомить о получении.

А.Твардовский».

Морока, обязывающая строго документироваться. Не сомневаюсь, что будет записана эта моя пересылка, но отвергнул пришедшую было мысль отправить деньги через М. Фед. [Яковлева].

Если уж так, то ничего не стоит опасаться, — всё — всё равно. —

Подчищаюсь к концу года, разгружаю ящики стола от писем, отписываюсь по новомуднему поводу, дочитываю кое-что из прошлогодних рукописей, т.е. 69 г.

1970

1.1.1970. Пахра

Вчера еще мог отвечать на вопрос о возрасте — 59, сегодня уже 60 («будет 21 июня»).

Слышу в очереди к сберкассе: «Я за этим пожилым товарищем» — это обо мне — вежливо, деликатно.

Вчера посылка из Приморья, вскрытая без особой необходимости («мы думали — рукопись») С<офьей> Х<ананович> и Кондратовичем. Запах кедровых шишек. Письмецо за подписью «Алексей»? (бог весть какой-то Гришков Алексей Петрович) и в нем строчки:

«О Тёркине мы помним и в таежных берлогах, и на вершинах гор, но как быть дальше — закрыто дымкой...»

Посылаю народного Тёркина, хотя, м.б., он имеет его от меня же¹.

Вчерашний день — с позавчерашнего моего посещения Вали. [...] Поехал к ней и отвез всю семью на дачу.

[...] Письмо (подклеенное), едва ли не первый отклик на «Главу».

[Вклейка]

Глубокоуважаемый Александр Тихонович!

Ознакомился с Вашей поэмой «Сын за отца не отвечает». Великолепно!

«Кто прошедшее забудет,
Тот с грядущим не в ладу»².

Цитирую на память, а потому заранее извиняюсь за возможную неточность цитирования.

Поэма великолепна и своевременна, ибо иные пропагандисты толкают нас на нечто такое, что и понять-то нет сил:

Позабывать, что Сталин-мрачный
Кровь невинных проливал,
И глотать, как дым табачный,
Все, что он ни написал.

¹ Так в тексте.

И это несмотря на то, что все написанное Сталиным сводится главным образом к моральной подготовке и оправданию геноцида, к затушевыванию того факта, что геноцид по классовым мотивам столь же отвратителен и преступен, как и геноцид по мотивам национальным и расовым.

По старинному русскому обычаю поясню кланяюсь Вам за ум, за сердца доброту и природы широту, за талант и мужество.

Пользуюсь случаем, чтобы поздравить Вас с наступающим Новым 1970 годом и пожелать Вам крепчайшего здоровья и дальнейших успехов в Вашей благородной деятельности.

Я.Иванов. 23.XII.69.

Иванов Яков Александрович. Инженер-полковник в отставке.

Рига — 19, ул. Ломоносова, 12, кв. 66.

Третьего дня заходит в редакцию не то внучка, не то внучатая племянница К.И.Чуковского, как она была представлена мне³ С<офьей> Х<анановной>, просит принять ее «на полторы минуты» и заговорщицки, в расчете на полное понимание между своими — а я впервые ее вижу — просит переслать через едущую в Рязань еще какую-то даму «все, что на имя А.И.».

Отказал: это он сам должен зайти. Я не сказал, забыл, что нужно было бы сказать — нужна от него записка. В самом деле, не затрудняется даже запиской. Если напишет — передам все, что имеется *на его имя* в редакции.

Все, что *в связи* с ним, у меня на даче, еще надо посмотреть.

С<олженицын> был на исполнении 14-й симфонии Шостаковича, был опознан публикой, раздавал автографы на программах, зап<исных> книжках и т.п. Все хорошо, но дурно, что Некрича, который хотел с ним встретиться с самыми добрыми намерениями, он, по словам Роя [Медведева], не только не принял по занятости, но через очередную «секретаршу» предупредил, что, мол, автографов он не дает. Наглец, ни за что ни про что оскорбивший человека, который был справедливо возмущен: нужны мне его автографы!

Рой же хорошо сказал, что, исключая С<олженицы>на, наши мыслители просчитались, приравняв его к своей табели, даже самой высокой, о рангах. П.Н.[Демичев], лишенный — не дай бог — должности, исчезает в небытии, а С<олженицын> пользуется возрастающими симпатиями и авторитетом⁴.

Прав Каверин был в письме к Федину: «Вы можете его наказать только мировой славой»⁵.

2.1.70

Еще непривычно ставить 70 вм<есто> 69.

30.XII совещание в агитпропе ЦК*. Отбой юбилейному году в связи с излишествами, профанацией и всякого рода натяжками в ленинской теме. «Нельзя всю жизнь нашего общества подчинять юбилею».

Очевидное перенасыщение, тем более что «в экономике дела, как известно, не блестящи». Но и —

нельзя показывать Л<енина>, живущим в Шушенском с полным покрытием бытовых и культурных потребностей (книги, иностранные и отечеств<енные> газеты и журналы, свобода передвижения, охота и т.п.), хотя бы это явствовало из его писем;

нельзя показывать Л<енина> в Горках, объясняющимся с помощью жестов и мимики. —

В.М.Карпова⁶: Неужели мы должны откладывать ознакомление (громкое чтение) с «кругом идей, заключенных в речи Л.И.[Брежнева] на декабрьском пленуме, по непонятным причинам».

— Да ведь там на 2 ч. чтения.

— И что ж?

— Ну, давайте соберемся завтра.

— Почему не сегодня?

Не стал ждать конца пререканий, выдрапал.

Прочел, больше ничего не делал, работу Роя (кажется, она была у меня в тезисном виде) о теории советского общества, развитии соц<иалистической> демократии. — Никаких сенсаций, все популярно, доказательно, партийно — и в этом сила, но если не читать, как не читал Гришин, — все наивно⁷.

[Вклейка]

Дорогой Яков Александрович!

Мне было бы только приятно, что Вы отозвались с похвалой об одной главе «Сын за отца не отвечает» из моего «триптиха», озаглавленного в целом «По праву памяти», еще не опубликованного, за исключением отрывка «На сеновале» («Новый Мир», № 1, 1969).

Но у меня есть опасения, что глава эта дошла до Вас в каком-нибудь несовершенном варианте, тем более что я еще продолжаю работать над «триптихом».

* Отдел агитации и пропаганды ЦК.

Очень прошу Вас, если это возможно, прислать мне имеющийся у Вас список, для замены его другим, окончательным вариантом, — во всяком случае — не распространять его.

С уважением и признательностью за добрые слова Вашего письма.

(Неотправленное) 1—3.1.70.

3.1.1970. П<ахра>

Невелика пожива — праздничные поздравления, не говоря уже о тех, кот<орые> начинаются обращением «Дорогой друг» и кончаются подписью «Правление» (друг правления?), но и с более или менее нестандартным оборотом фразы, — сам их пишу десятками, не успевая «охватить» даже иногда добрых людей.

Но вот истинный привет, доказывающий (не единственный, конечно, раз), что «есть в мире сердце, где живу я»⁸:

«...Желаю и дальше

Братся с душой за нелегкое дело,

Биться, беситься и лезть на рожон —

за правду и справедливость. Да, с великой охотой, с отменной злобой едят Вас всякие серые волки. Но

Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели.

И не съедят!

Желаю Вам трудного счастья упорной борьбы за подлинный коммунизм!

С сердечным приветом

А.Р.Палей».

Кажется, он (или она) писал мне, и я отвечал или посылал книжку.

Нельзя не отозваться, но выяснить у С<офьи> Х<анановны> — он или она. —

В ночь со 2-го на 3-е как обычно проснулся в рань (около 4 ч.), лег после кофе и двух сигарет, выпустив собаку в только что затихшую метель — утром убирал начерно снег, лег, и стало мне после вчерашнего немногого (гр. 300, однако) как-то худым-худо. Вдруг прожгла меня мысль, что я не соберусь с силами приняться за «По праву памяти».

Между прочим, все было в конце года таким навалом (Солженицын, неясность и томительное прозябание в журнале, который заметно крошится), что я подзабыл об этой своей нешуточной штуке.

И продремав кое-как до 8, когда рассвело, собираясь чистить снег, решил немедленно с сегодня приступить к делу,

имея в виду на днях обратиться в вурдалачий Секретариат — если откажутся читать, пригрозить письмом наверх, а в письме наверх пригрозить поставить вопрос на попу, в связи со сведениями о зарубежном существовании поэмы: не готовится ли мне участь Солженицына в мой юбилейный год (60 и 45 — «Новая изба»)⁹.

И если ни там, ни там не будет ни мычания, ни отела, еще раз спросить: может ли писатель редактировать журнал, где он лишен возможности напечатать собственную вещь, имеющую такое значение для всей его писательской жизни?

С богом! Довольно неясности и бесплодных томлений на старости лет! —

16.I.70. П<ахра>. 5 ч.

Пропускаю обидно неудачные праздники, горькое «опять», — все, что связано с отчаянием «беспамятства на ногах» в эти дни — слава богу, недолгие (после поездки к Вале на дачу и возвращения (3—4.I.70) хорошеньким и отъезда Оли, забранной зятем, и пр., и пр., вплоть до возрождения к жизни в последние дни), но вот жданный сюрприз третьеводневнешней поездки в город, в редакцию: «Эспрессо» «с полностью напечатанной поэмой А.Т., запрещенной в СССР»¹⁰.

(Подклеиваю перевод — несовершенный — на скорую руку, через Ирину Павловну [Архангельскую], предисловьица к этой публикации.)

Что я, кто я? Глав<ный> ред<актор> «НМ» или автор опубликованной в зарубежных изданиях поэмы, ранее запрещенной дома цензурой?

Совесть чиста даже формально: стучался, просил обсудить сразу после запрещения, ездил к Федину добывать его записочку-отписочку с разрешением обсудить «триптих» А.Т. и т.д.

Стучался и после праздников — звонил Воронкову — обсудить («так она же опубликована» — и он молчал!)¹¹, и мое последнее беспамятство на ногах.

Сегодня еду. Что будет — если что-нибудь будет, а не затянувшееся до невозможности мое неопределенное положение. Кто я, что я? Где мой юбилей несчастный (нужен он мне был!).

Звонил третьего дня Исаковский.

Мне даже не было предложено председательство на его вечере — Тихонов! — за отсутствием Суркова. «Возникала и твоя кандидатура».

Решил не показывать виду, что я задет (и самим Исаковским в числе прочих!). Прочсть 22.I свое письмо (если еще допустят!) и сразу отбыть¹².

А что дальше?

Несомненно, что «заварушка» в цензуре связана с поэмой (затребовано от цензуры — что было запрещено в «НМ» в последнее время).

Воронков, к которому я уже не стучался после его обещания поговорить с Марковым, в рот воды набрал. Что они хотят? Что наверху, хотя там свои дела и случаи — вроде истории с «цитатой из Л<енина>» в «Тезисах». Да и «совещание 20», о кот<ором> вчера было в Би-би-си¹³.

Да, вряд ли мне и на этот раз «отсидеться» — на чем уже *сидеть*?

Все это в совокупности с радостями семейной жизни (Оля отчаялась «сдавать», сидит за политэкономией — с младенцем на руках; Маша молча мучится).

Что я читал на рубеже 69—70-х?

В 1970: в болезни — «Сердце — одинокий охотник», в выздоровлении — Урванцева. Гюнтер Зойрен — «Лебек» («акция» сопротивления). «На Сев<ерной> земле» — чудо как сильно, — заканчиваю.

Не могу уже *даже в воображении* (возраст!) поставить себя на место Урванцева с Ушаковым — а в свое время мог бы с лихвой!¹⁴

Звонить Воронкову?

Из-за снегопадов — обрыв телефона, м.б., вчера что-то было — не знаю.

Одно, что доставило удовлетворение и хоть малое успокоение, — счистил снег с котельной, пробил стежку — лопатой — к компостной «базе».

Зять забрал Олю, подкинул Фомку, щенка, с которым мука мученская.

Не то, не так, сумбурно, беспамятно, [...] но жизнь перешла на другую колею, и нет возврата на прежнюю, хоть и та была не мед. —

Иду чистить вчерашний снег, обломавший сук у сосны в окне столовой — вечером — второй — еще раньше обломился первый, отволоч его к помойнице. —

Р.Роллан и Т.Манн о Бунине — от Бабореко¹⁵.

[Вклейка]*

Небольшая политическая поэма, которую мы публикуем, подпольно ходит в России уже несколько месяцев. Ее

* Предисловие редакции «Эспрессо» к публикации поэмы А.Т. «По праву памяти».

написал Александр Трифонович Твардовский, редактор «Нового Мира», журнала, который сейчас находится в центре острой полемики. Твардовский был военным корреспондентом во время Второй мировой войны, у него миллионы читателей, три раза награжден орденом Ленина. Лауреат Сталинской премии 1947 года, Твардовский начал присоединяться к наиболее беспокойным интеллигентам, особенно после смерти диктатора. Редактор «Нового Мира» с 1950 по 1954, и потом с 1958 года по сегодняшний день, он был одной из самых представительных фигур оттепели, а также одним из самых любимых авторов Никиты Хрущева.

Небольшая поэма, которую мы здесь публикуем, написана большей частью александрийским стихом восемнадцатого века и пушкинским стихом со вставками прозой и белыми стихами, всего поэма содержит 300 строф. Ее история достаточно любопытна. Летом она должна была выйти в «Новом Мире», но к моменту опубликования была запрещена цензурой. Опубликованная, как говорят в России, в «самиздате», то есть перепечатанная на машинке, она появилась на Западе, также в Западной Германии, где вышла в журнале «Посев», в издательстве того же названия. Поначалу возникли сомнения в ее подлинности, и было даже подозрение, что это какой-то советский маневр с целью избавления от «неудобного интеллигента». Потом сомнения постепенно исчезли. В первых числах декабря этого года поэма была опубликована в западногерманской газете «Зюддойче цайтунг». Журнал «Эспрессо» получил фотокопию поэмы из СССР, и сейчас мы ее публикуем полностью. В январе поэма будет опубликована в сборнике «Несогласные» в издательстве «Де Донато».

17.1.70

Вчера записывал с 5 ч., был нездоров, «наволакивал на себя». Пробовал прибрать сучья под искалеченной сосной — оставил, видя, что не смогу и побриться — будет дрожь рук, вообще недомогание. Сучьев оказалось 7—8, в том числе здоровенных, антенна [телевизионная] была оборвана. Сегодня все прибрал, поправил в том лучшем настроении, когда гляди, что не перед добром.

Маша прихворнула, пошел позвонить к Верейским, заодно похвастаться «сведениями о подписке» на «НМ» (январь 1969 и 1970). 145 чистых [подписчиков], 260 тыс. прибыли¹⁶ [к] 70 г.

Оля сдала политэкономия на 4 (могла бы на пять, но призналась, что не читала работы Ленина¹⁷ (какой-то).

Потом у Дементьева, который был оживлен, вцепившись в листок «сведений», но заметно помрачнел и отодвинулся куда-то, когда я рассказал об «Эспрессо» и т.д.

Однако — только вперед! Воронков не позвонил вчера до 6, в понедельник опять сам позвоню. Только вперед: обсуждайте, решайте. Пан или пропал.

18.1.70

«Вперед — и к черту в пекло!»
(Мелвилл. — Моби Дик¹⁸.)

Дорогой Константин Александрович!

В первых числах июля прошлого года я посетил Вас на даче в связи с запрещением моей поэмы «По праву памяти», известной Вам и предназначавшейся для очередной книжки «Нового мира». Поэма запрещена была без каких бы то ни было предложений о поправках или купюрах, более того — без всяких мотивировок со стороны цензуры.

Я обратился тогда к Вам с просьбой поставить этот вопрос на Секретариате и обсудить поэму по примеру того, как были обсуждены заключительные главы моих «Далей», в свое время также задержанные цензурой.

Вы не только выразили согласие, но в специальном письме К.В.Воронкову из санатория «Барвиха» подтвердили, что не видите препятствий к обсуждению поэмы на Секретариате, за что я был и остаюсь Вам очень признателен.

Однако поэма за весь этот срок не была обсуждена, и вопрос о ней оставался открытым.

Между тем за истекшие полгода сложились обстоятельства, заставляющие меня вновь обратиться к Вам с той же просьбой — обсудить эту мою новую вещь на Секретариате.

За этот срок я хоть и не имел, как сказано, никаких конкретных претензий к поэме со стороны цензуры, продолжал работать над ней, с одобрения членов редколлегии «Нового мира», она нынче снова набрана и может быть представлена на рассмотрение Секретариата в более совершенном, на мой взгляд, виде.

В самое же последнее время мне стало известно о появившихся за рубежом публикациях поэмы с оповещением, что она «запрещена в Советском Союзе».

Это, естественно, не могло меня не встревожить чрезвычайно и не возмутить, как угроза моему доброму имени советского литератора.

Я вновь прошу Вас, Константин Александрович, безотлагательно внести этот вопрос на рассмотрение Секретариата.

* А.Т. пишет первому секретарю Правления СП К.А.Федину.

Я совершенно уверен, что это рассмотрение моей поэмы «По праву памяти» придет к выводу — при всех возможных критических замечаниях и пожеланиях — о необходимости ее незамедлительного опубликования в нашей печати.

С уважением

А.Твардовский.

18.1.70. Пахра.

Написал по настойчивому совету Симонова, у которого вчера был, не ходить без бумаги к Воронкову. Сел с утра и по предложенной им схеме написал, не без приятного чувства удовлетворенности «складом и рядом» цидулки. Пошел к Дементу редактироваться. Он тоже считает, что мое дело в данном случае правое и что за этой бумагой закрывается некая дверца бесплодных смятений и предположений. Другого пути у меня нет, кроме последней возможности пожаловаться на Союз в ЦК.

Вчера Симоновы с Воробьевым Женечкой¹⁹ провожали меня до дачи, мороз подходил к 30 (утром сегодня было 35, сейчас 29 или 30), по заборам свешивались неподвижные седые под снегом и инеем ветви елей, макушки березок (размашисто перекинувшись и застыв). Тишина, тишина, как будто планета давно застыла, даже самолетов не слышать. В самом деле, подумалось, вдруг все так и останется в таком мертвенном оцепенении. Это уже не березы (охотнее всего гибнут под таким снегопадом они), не ели, а лес — породы деревьев неразличимы — мертвый, заколдованный (какое чудесное слово *приходит* в пусторечьи).

Детство — хотелось разгадать, представить под такой мертвенностью какое-то тепличко зверюшки, птицы, зайчишки и самому где-то там укрыться, притаиться в этом малом тепле, перенестись в чащобу, в самую глушь — укрыться, притаиться. —

19.1.70. П<ахра>. День Исаковского.

Внес три пары четверостиший («Да, он умел без оговорок...», «Мужик не сметил, что отныне...») (вторая строфа особо беспокоит Дементьева)²⁰, «Смотри, какой ты сердобольный».

Впервые подсчитал строки — до 700. (Чтобы знать размеры убытка.)

Вперед! Знаменательный день в многолетней истории всей этой моей штуки.

22.I.70. П<ахра>

19.I в понедельник позвонил в городе Воронкову.

— Ах, не браните меня, А.Т., но все нам не удается встретиться. Вот и сегодня я обедаю с болгарами.

— Хорошо, я привезу или пришлю вам бумагу на имя К.А.Ф<едина>, конверт не заклеен, вы можете ее прочесть.

— Да, но я хотел бы встретиться (услыхал [про] «бумагу») с вами.

Рассчитываем, сколько у него займет обед. Условливаемся, что в 4, ладно — 4.30; еду навестить Исаковского на новой квартире, сижу у него до 5, звоню С<офье> Х<анановне> — Не звонил? — Нет.

Еду без звонка — оставить у Антонины Ив<ановны>²¹ пакет. «"Они" — в "бункере", приглашают вас спуститься». Навстречу наглый Джагаров²² (догадываюсь) идет в нужник.

— Рад вас видеть трезвым.

— Вы меня всегда видели пьяным?

«На лестнице»: («Я вас ни пьяного, ни трезвого не имею чести знать»).

Сижу в бункере минут 15—20, противно, выпил лишь бокал-другой кисленького, сославшись на «бокал шампанского» у Исаковского.

Поднимаемся в кабинет К.В.[Воронкова], заговорил в объеме «событий».

— А.Т., я вас так люблю, не забывайте, что в этом году у вас 60-летие, если мы его не проведем на самом высшем уровне («звезда»), грош нам цена.

И далее всё как с Солженицыным:

— Вы должны выразить отношение к этим публикациям (т.е., не говоря ничего о запрещении поэмы у себя дома, обрушиться на Запад).

— За мною дело не станет, но надо же обсудить, надо, чтоб Секретариат знал, что это за поэма, и т.д.

— Нужно выразить отношение. 60-летие должно быть проведено на самом высшем...

— Но не в ущерб чести, К.В.

— Об этом я позабочусь. Завтра письмо будет на столе у К.А.Ф<едина>. Джагаров развязен? А вы думаете, зачем я пью с ним? Он нам нужен. Знаете, что румыны удумали? Созывают совещание руководителей Союзов поперек нашему совещанию, не посоветовавшись...

Вчера звонит на квартиру, я отзваниваю по приезду в город.

— Мы хотим, А.Т., чтобы вы выступили не от «Нового Мира», а от себя, поскольку мы журналам не даем слова на

этом юбилее, М<ихаил> В<асильевич> просил, чтобы не более часа. Сколько у вас минут? 5, 10?

— Минут 7. Но в тексте письма — «Новый Мир».

— Это неважно, только Тихонов объявит вас просто как Твардовского.

Новый набор поэмы готов. К.В.[Воронков] сказал, что будет сегодня у К.А.[Федина] (вчера) и позвонит. Не позвонил.

24.I.70. П<ахра>

С 22 на 23.I ночевал в городе из-за вечера Исаковского, хотя на концерте не оставался.

Вышли из Зала Чайковского — я, Демен<тьев>, Лакшин, Кондрат<ович>, Сац — решили ехать к Сацу. Тогда же сказал, что идем как с похорон, — слава богу, управились, так ли сяк, можно выпить-закусить. Все было умеренно, хотя даже попели по инициативе Дементя.

Но все было не так ли сяк — моя доля участия была вполне, даже очень заметной, хотя, сидя за дурацким круглым столиком между Тихоновым и Антониной²³, явочным порядком занявшей место в президиуме, порядочно «переживал»: читать письмо или говорить «от себя», почти уже решил, что буду «от себя», но Тихонов отсоветовал — письмо есть письмо. Еще опасался, что будут дрожать руки без упора перед микрофоном (дурацкое дело) и что, может быть, «зубы» подведут — произнесу что-нибудь не так. Но все было хорошо. Даже более того, сидящие в зале ребята немножко уже поопасались, что аплодисменты по объявлении меня были слишком уж, почти овация — даже в ущерб юбиляру. — Сокращал по ходу чтения текст, но заметили только свои, произношение было хорошее²⁴.

Воронков: завтра с утра буду у К.А.[Федина].

До обеда встретился в 16 ч. с Кулешовым, пытался ему преподать понятие о «времени» — в смысле [нрзб.], — еще летом нащупанным мной в одном стихе, — кажется, зря, но вещь и в таком виде талантлива²⁵.

Обед. Иван Прокопович, директор обл<астной> библиотеки в См<оленс>ке, давнишний приятель с переснянских времен, которого я не узнал — так он постарел — в цепочке смол<енской> делегации, подносившей М.В.[Исаковскому] буханочку белого хлеба на вечере²⁶.

Застолье. Стул, пустующий между мной и Соболевым, по счастью, оказавшийся тихоновским.

Моя здравица, полуимпровизированная, но, по уверениям Дементя, еще более удачная, чем выступление на вечере («за единство личности и таланта»).

[...] С.Васильев, прочитавший бестактнейшую пародию на Исаковского («банный лист»), выступления В.Федорова²⁷ и С.Смирнова — горбуна с тенденцией противопоставить мне Исаковского, — «классика» по согласованию с «эресефсерией» (Соболев), признание Кирсанова в недооценке М.В.[Исаковского].

Воронков пытался *принять* меня у себя в кабинете (после посещения утреннего К.А.[Федина], был все же заблокирован мною на месте, на лестнице наверх из зала, где был банкет). Я боялся, что это времени протяг, а уже нужно было домой на дачу.

— К.А. сосредоточил внимание на абзаце письма, где говорится о зарубежных публикациях поэмы, велел позвонить куда следует, собрать эти материалы, показать мне и все делать безотлагательно.

— Нужно будет ударить (дать по зубам) на этот раз, чтобы неповадно было.

Конечно, ударить по Западу. —

Я сказал, что ударная сила этого удара будет зависеть от того, будет ли объявлено, что поэма печатается в ее подлинном виде. К.В.[Воронков] как будто согласился с этим.

Поглядим, увидим.

Все собираюсь занести в тетрадь прошлогодние «кроки» к «стихам из зап<исной> кн<ижки>». М.б., завтра. —

25.I.70

Вчера. Учительница Лидия Семеновна Некрасова, заходившая второй раз (первый, когда я был в городе). Директор Ватутинского молокозавода поломал отводок водопровода, построенный ею вкуче с соседкой по дому (400 рублей на двоих) и снабжавший их водой 2—3 года. Акция была проведена накануне Нового года. Не отключил, а поломал (Балакирев Валентин Петрович) и уехал на курорт (в отпуск). Опасается хлопотать и протестовать в его отсутствие. Все дело в том, что он не обязан снабжать водой посторонних заводу людей. Сам живет в другом районе, и дети учатся там — не в этой («36 км») школе. Все это в Ленинском районе области, в Ленинском юбилейном году. Ирина Дементьева вызвалась помочь, — иду сегодня к Некрасовой писать письмо в «Известия»²⁸.

В день юбилея Исаковского или за день-два перед тем (когда уже было в газетах) позвонил и зашел в редакцию Осин с подчеркнуто самоуничижительной просьбой давать ему на рецензию рукописи, чтобы т<аким> обр<азом> он мог зарабатывать *рублей сто* в месяц. Мне, говорит, давали в «Сов. писателе», но теперь там урезка. Я сказал, что и у нас

такое же положение. — Ну, давай что вы даете другим, внештатным. — Даведьнельзя их то же лишить этого куска. — Верно. — А не взять ли тебе от нас командировочку, устроим писательскую (5 руб., а не 2.60). — Не могу, Витю не могу бросить. Оказывается, у него шестилетний сын от третьей жены. [...] — Нет, не хочу записывать всю эту дрянь, как они судились из-за сберкнижки и комнаты. [...]

Но шутка — знаю я Осина почти с той поры, как и Исаковского, которому он, как всем, по возможности гадил, когда тот еще не был членом РАППа, а Осин создал САПП, был ответственным. Боже мой, уже и та военная зима, когда редакция «Красноармейки» была в «Гудке», а Осин жил у меня на квартире, — за четвертью века с лишним...²⁹

Дал поэму «Орлань», которую помню с давних довоенных лет (по «красивому» названию). Дурная крестьянская проза (на уровне 30-х годов) в стихах, которые читать — как по шпалам ходить. —

27.1.70. П<ахра>

Семь часов утра. Морозно. Фомка, видя, что мне не до него, вернулся на свое место в тамбуре. Ночь плоха, с кофе в 2 ч. и кассетой* сигарет. Вчера был наконец принят Воронковым и Беяевым, уже ожидавшими меня в кабинете, столь знакомом (очередной шофер Дуся ушла, не предупредив, добирался на такси).

У Беяева изящная темненькая папочка, из которой он выгрузил на малый столик (ножка Т к большому) «Эспрессо», «Посев» и лит<ературное> приложение к «Фигаро» (какой-то «Литерер»). Я бегло просмотрел «Посев» — текст новомирский (по первой верстке), но без «На сеновале» и без концовки. Предисловие, по беглому прочтению, излагает историю с «Огоньком» и «Соц. индустрией» довольно точно, даже с расшифровкой фальшивки за подписью Захарова³⁰. «Эспрессо», по-видимому, подстрочник, насколько я мог установить по нерифмованным окончаниям стихов.

Я: Ну что ж, давайте говорить, что будем завтра варить.

Б.: Мы хотели вас послушать, какие вы имеете предложения к выходу из этого тяжелого положения.

Я ссылаюсь на свое последнее письмо Федину, говорю, что единственный выход — обсуждать поэму.

Б.: Что обсуждать — это? «Посев» обсуждать? Об этом нужно было думать раньше.

Я: Я и подумал: обратился к Федину в начале июня, когда стало известно, что вещь запрещена цензурой.

* Пачкой.

Воронков: Да нет, не в июне, позднее. Когда же это было...

Я: В июле. И Федин написал вам, что не видит препятствий к обсуждению.

Он затруднился вспомнить это письмо.

Я: У меня есть копия, присланная мне из Барвихи.

Беляев: Но дело сейчас не в том, чтобы вспоминать, кто больше виноват, а как лучше поступить сейчас.

Я: Обсуждать и печатать.

Б.: Это чтобы *они* поняли, что вынудили напечатать поэму, ранее запрещенную, и пользовались этим на будущее?

И т.д.

— Нужно, А.Т., выразить свое отношение, дать по зубам, чтобы неповадно было.

— Хорошо, я выражу свое отношение, а завтра что?

— Никакой секретариат не будет обсуждать поэму, напечатанную в «Посеве» (это Воронков).

— Значит, я со своей поэмой уже какой-то неприкасаемый. Значит, бросить меня с моей бедой?

— Наоборот.

Произносится несколько тирад о том, какой я хороший и знаменитый (Беляев даже вставил, что меня в школах изучают, из чего я понял — вспоминали и об этом, прикидывали).

Беспорядочно, т.к. все время разговор возвращался к исходным мотивам.

— Нужно выразить отношение.

— Так это же получается как с Солженицыным. А я, хоть я считал и считаю, что исключение Соложеницына грубейшая ошибка, я не Солженицын.

— Вот именно! (С упором, с подчеркнутым барски различием, порой даже с растерянностью — что же все-таки делать, и стоящим за этим «будь ты проклят со своим "НМ" и со своей поэмой — столько хлопот!»)

Но в то же время — ласкательство и забегательство. Воронков даже обратился к теме моего юбилея.

Чего-то им нельзя, не приказано.

Но когда я вынул из кармана 1-й и второй вариант верстки, они не протянули руки, не полюбопытствовали, что это за окончательный вариант, — это им неинтересно, так же как «На сеновале» — «Посеву». Беляев процитировал строфу (по «Посеву»), с которой он не может согласиться: «Зато уж вот где без изъяття...». Я сказал, что, между прочим, строфы этой уже нет во 2-й верстке.

Я устал, перекричался вопреки своему самообещанию быть спокойным, уже почти не слушал Беляева и Воронкова насчет заместителей. Сместить Лакшина? Только со мной вместе.

Для продолжения разговора сегодня: «Правда не должна зависеть от того, кому она на сей раз служит.»³¹

[Запись на полях]

27.I был у Воронкова. Отпросился подумать до 29.I.

29.I.70

Звонил Воронкову, чтобы сказать, что пишу наверх. — «Пишите, только скорее».

Вчера тихие именины Маши и Оли. Ботинки мне от Володи. Вертящийся табурет для Маши на кухню. Полфужера кислого винца — и не хочется, не до того.

Позавчера, вчера и сегодня с 5—6 ч. утра сидел над письмом наверх.

Сперва было начал (зелеными [чернилами]): «Только на днях мне стало известно...» — быка за рога. Все развертывается по порядку, замельтешил я с середины: «Воронков и Беляев показали мне».

— Черта тебе говорить о «Посеве», говори о поэме, о публикациях — вскользь (Дементьев).

Перевернул все другим концом: «В мае 69 г. я передал редакции "НМ" мою поэму...».

Было и о «травле», и о Солженицыне, и об орденах и премиях (вдруг не знают).

Сегодня прочел Дем<ентьеву> на гор<одской> квартире. Кисло одобрил, но при чтении выявилось, что в таком объеме (семо и овамо) трудно.

Добавилось пожелание Хитрова, не знающего письма, подчеркнуть «*только на днях*» (на основании сведений из цензуры — знает или не знает Тв<ардовский> об этих публикациях).

Вечером, после сна на укушетке, располагал переписать раз, утром — другой.

Пришел Симонов. Читал ему. Как открытие явилась мысль (у него): быка бы за рога: «Пишу к Вам по вопросу, который приобрел для меня неожиданно срочный характер».

Тогда уж вернуться к зеленому [по чернилам] началу. Господи!

Завтра Симонов обещал продиктовать свой вариант.

31.I.70. П<ахра>

У Симонова. Прочел и переписал у него на машинке (Тамара Дмитриевна³²) новый вариант, с пяти-шести часов дважды переписанный от руки. Симонов представил свой.

«Тоже красиво», — сказал я ему и похвалил: более, чем у меня, быка за рога — но, конечно, остановился на своем.

Прочел на редколлегии («глав<ная> ред<акция>») с участием Демента — признано.

Симонова не дали даже дочитать. Действительно не то: он не стесняется «стыдных» слов («отхлестать»), повторений, многословия — диктовка.

Прошли абзац за абзацем, во избежание переписки в редакции на маш<инке>, воздержались от не абсолютно необходимых поправок. Звонил по двум телефонам помощникам Л.И.[Брежнева] — как их нету.

Между тем — какие-то слушки от Эмилии: все у вас хорошо в «НМ», вот и обсуждение на днях будет.

Хитров видел Айтматова — тот уже знает о собеседовании, которое было у меня с Беляевым и Воронковым («Тв<ардовский> нервничал»). А я просто хотел, уже не видя пользы, уйти от беседы, от разговора о замах (вчера уже звонил Большов, рекомендованный Воронковым³³). Дичь!

С<офья> Х<анановна> при моем входе в редакцию: «Вы слышали о Сергее Ивановиче? Умер ночью».

С.И.Вашенцев, Сережа, которого я знал с 29-го г., когда он не был для меня Сережей, когда он «выдерживал» меня (как он после говорил), не печатая в «Прожекторе» («Яблоки» — Зозуля, помимо него) до поры, когда он именовал меня классиком и порядочно терпел от меня³⁴. Маша вчера за столом — Оле: «Я знала, что он пустоватый человек, но относилась к нему терпимо, потому что он любил отца». —

Книжечки, нелепые рукописи «двух романов, которые могут быть напечатаны только после моей смерти» — увы, и после смерти не могут.

И все это — с квартирой — некоей Тамаре Лазаревне, которая, говорят, самоотверженно ухаживала за ним, когда его уже нужно было кормить с ложечки.

Сколько пито-едено, сколько проболтано, сколько стыдного или достойного сожаления разделили мы с ним! Но и «Тёркина», еще в замысле одобренного им после финской войны, когда Сурков, грозя пальцем мне, не верил, что я таки действительно пишу «Васю Тёркина».

Беспечная жизнь в свое удовольствие, самодовольство наивнейшее («у меня — ум»), и такой печальный одинокий конец в Боткинской (по случаю отека легких). Звонили из Литинститута, похороны во вторник. —

1. II. 70. П<ахра>. 4 ч.

После вчерашней записи почувствовал себя неважно, прилег, приняв «тройчатку», и то ли от намечавшегося гриппа, то ли от нервной усталости последних дней проспал с пе-

рерывом весь день и ночь, и ночь до этого часа, который уже мне впривычку.

Между хворью еще вчера стал обдумывать *Письмо* — нужно его переоборудовать, — больше быка за рога, м.б., по Симонову, нужно сразу, со второго абзаца — предложения начать: 26 января мне были показаны Воронковым и Белявым издания, в которых...

Это даст большую краткость и ударность, и чтобы избежать тоекратного повторения фам<илии> Воронкова.

Сегодня намереваюсь при перепашке Письма поднять еще один *слой* и сказать, если удастся, что люди, предполагающие, что в поэме моей отразилось личное, автобиографическое (моей судьбы) отношение ко времени Сталина, забывают или вовсе не знают, что первый из трех моих орденов Ленина я получил еще в 1939 году (№ три тысячи [3910]), а все мои три государственные премии — когда они еще назывались сталинскими. И м.б. мало кому известно, что мое ходатайство о замене в учетной карточке моего «кулацкого» происхождения в конце концов было удовлетворено (III съезд сов<етских> писателей); что в партию я был принят еще при старых условиях приема и при наличии той автобиографии. Т<аким> обр<азом>, не через призму своей автобиографии (хотя от автобиографичности не уйти и нет нужды мне уходить) отразилось историческое время в моей поэме.

Оно отразилось в полном согласии с решениями партийных съездов и документов, определяющих линию партии в этом вопросе, вплоть до последнего из них — статьи в «Правде» «К 90-летию И.В.Сталина»³⁵.

Доколе, господи, доколе...

В голове и после кофе шумок вроде гриппозного — чтобы не накуриваться, иду в постель. —

Сегодня справлюсь с этим делом, если удастся с перепиской Письма на машинке.

2.II.70. П<ахра>. 7 ч.

Сроки приблизились, возможно, они уже исполнятся (по отчужденному тону Воронкова, которому позвонил вчера).

«У меня будет сегодня Федин». Я попросил передать К<онстантину> А<лександровичу>, что я хочу его видеть.

— «Я вам позвоню». —

Я был у Лакшина, который переписывал на маш<инке> мое письмо Л.И. [Брежневу] (письмо уже можно было не отправлять, поскольку явились новые обстоятельства).

Встреча с Фединым, протянувшим руку заученным манером издаека, предостерегая от объятий, которые у нас

были обычными, особенно на людях, за вычетом времени, когда я направил ему письмо о Солженицыне, на которое он грозился ответить, но «ответил» только в ноябре 69 г.³⁶

Воронков сделал движение удалиться — «Я не помещаю?»), но удержанный нами уселся и аккуратненько записывал в книжечку, как он делает во всех серьезных случаях: Федина и меня (особенно)³⁷.

Фединская нудь не поддается записи («коллектив», «отделение от коллектива», необходимость ответить «им» и т.п.). Но основная идея — я, как Солженицын, та же модель, ультиматум, попытка поставить Союз на колени и т.п. — знакомое — с напоминанием, что «мы» исключали С<олженицы>на и в коммюнике «РСФСР» хорошо сказано, что ежели ему не угодно, так может и отправиться туда, где его печатают и перевозят. Я поблагодарил его, но жаль, что мне что-то помешало сказать, что ответил на это предложение С<олженицын>³⁸.

По существу я сказал, что слушал его внимательно и не перебивая, но во всей речи не заметил упоминания о поэме как таковой, а лишь о ее заграничных публикациях. А казалось бы, мол, что она заслуживает рассмотрения ее и вне этой связи.

Сказал — повторил в который раз! — что мое выступление, не подкрепленное опубликованием поэмы, послужит только огласке сенсационного события, и скажут — у нас! — но где поэма, что это за вещь, двери с петель сорвут. (Сейчас уточняюсь внутренне и уверяюсь в очередном неотразимом аргументе: много чести отвечать «Посеву» и пр., надо, если отвечать — а я и говорил, что не отказываюсь, — так отвечать граду и миру, т.е. советским читателям, читателям соц<иалистических> стран и нашим друзьям на Западе, но град и мир в один голос скажут: а где поэма?)

Сказал, повторил, что, хотя я считал и считаю исключение С<олженицы>на грубейшей ошибкой, повлекшей за собой плачевные для нас последствия, я не С<олженицын>, я — Т<вардовский>.

— О да, — подхватили они вместе, и Федин даже слепил длинную фразу, что считает меня талантливее С<олженицына>. Но уже Воронков не возвращался к вопросу о моем юбилее — этот козырь был уже отброшен.

И более того, когда Федин стал склоняться к проведению все же обсуждения (вкуче, конечно, с осуждением) на моск<овской> группе Секретариата, В<оронков> заметил:

— Не знаю, пойдут ли секретари на это заседание (видимо, знает уже, что не пойдут). Предложение мое экземпляров «из сейфа» не было подхвачено. Но «обсуждение» намечается на завтра (сегодня). Я сказал, что мне нужно проводить Вашенцева, но я готов явиться. Условились, что я звоню в 12 ч. В<оронкову>.

4. II. 70. П<ахра>. Около семи (проверил) утра

В Секретариат Правления Союза писателей СССР

Вчера тов. К.В.Воронков ознакомил меня с решением Бюро Секретариата о назначении первым заместителем главного редактора ж<урна>ла «Новый мир» т. Большова³⁹.

Не имею ничего против т. Большова по той простой причине, что совершенно незнаком с ним, в глаза его не видел и даже не знаю его имени-отчества, тем не менее считаю этот факт беспрецедентным ущемлением прав главного редактора, носящим по отношению ко мне оскорбительный характер, и не могу не рассматривать его как прямое понуждение меня к отставке, об этом я вчера заявил на словах т. Воронкову и сегодня заявляю в письменном виде.

Прошу Секретариат Правления Союза писателей снять мою подпись главного редактора на второй (февральской) книжке «Нового мира», так как не могу уже нести ответственность за ее содержание⁴⁰.

(А.Тв<ардовский>.)

В редакцию «Литературной газеты»

На днях мне стало известно, что моя еще не опубликованная поэма «По праву памяти» напечатана в ряде западноевропейских изданий — в неполном или незаконченном виде, проникшая туда абсолютно неизвестными мне путями и, разумеется, помимо моей воли.

Наглость этой акции, имеющей целью опорочить это мое произведение, лживость и беззастенчивость, с какой поэма снабжена провокационным заглавием «Над прахом Сталина» и широковещательным уведомлением о том, что она будто бы «запрещена в Советском Союзе».

Я просил бы те западноевропейские издания, в элементарной порядочности которых не сомневаюсь, перепечатать это мое письмо в «Литгазету»⁴¹.

Препровождая Секретариату Правления Союза писателей мое письмо редакции «Литературной газеты» по поводу провокационного опубликования в ряде зарубежных изданий, считаю долгом своим подчеркнуть, что, как я и объяснял гг. К.А.Федину и К.В.Воронкову, нахожу эту форму отповеди [несвоевременной, сомнительной и даже нежелательной] наиболее слабой [ввиду ее сенсационности], если письмо появится до опубликования поэмы в нашей печати...

Наиболее же сильной формой отповеди всем этим «Эспрессо», «Фигаро» и «Посевам» было бы, по моему глубокому убеждению, опубликование поэмы после соответству-

ющего обсуждения и сводило бы на нет действенность их провокационных попыток опорочить это мое произведение.

6.II.70. П<ахра>. 2 ч.

«"Новый Мир" идет ко дну, —
Честь и совесть — на кону»⁴².

Вчера проводил Вашенцева, лежавшего перед отправкой в комнате парткома. Не дождался конца панихиды, уехал с С.Г.[Карагановой] (догадываюсь, что она специально поджидала меня там) в «контору» Симонова⁴³.

С ним отредактировал и приготовил к отправке три эти письма Союзу. Отвез их Воронкову.

Сегодня они побывали у Федина, и сегодня же пришла в пакете «срочно-лично» выписка из постановления С<екретаря>та от З.П (а не Бюро Секретариата, как было на самом деле, но это, говорят, принято так).

«Слушали: сообщение К.А.Федина о письме к нему Твардовского и о беседе с ним.

Постановили: назначить первым заместителем гл<авного> ред<акто>ра "НМ" т. Большова».

О телеграмме Брежневу — настояния Дементьева, Симонова, редколлегии — удержался.

Утром еще заготовил (с Дементом) письмо [в] ЦК (до половины — то, что Союзу).

Комиссия по укреплению редколлегии и редакции «НМ» уже с Большовым в ее составе (он уже формирует редколлегию!)⁴⁴.

Поехал к Воронкову.

Списки (с<овершенно>/секретные):

Убывающих —

Сац, Кондратович, Лакшин, Виноградов, Марьямов.

Предложенных в новый состав:

Я, Федин, из старых Гамзатов, Айтматов, Кулешов, Дорош и Хитров, из пополнения по убыли Дементьева и Закса.

Из новых:

1) Большов — первый зам.

2) О.П.Смирнов — не видел, не знаю — второй [зам.]

3) Косолапов

4) Рекемчук

5) Наровчатов (видел его вчера у Воронкова. Во что превратился этот ифлийский отрок — седой, лысый, обрюзгший)⁴⁵

6)

7) еще кто-то...

Воронкову сказал еще по телефону, не агитируя его, что опротестовал в ЦК назначение Большова*, убедил его, кажется, в совершенной им ошибке с Бюро, сообщил цифры подписки (одна только Москва 10 тыс., Л<енингра>д — 5 тыс. (новых) и т.д., при том что большинство толстых терпят урон в подписке. Он записал, для него это была новость.

Для нас — нет: письма в защиту журнала⁴⁶.

Хочу сказать об этом — напоследки — в понедельник. Еду на Гришина⁴⁷ (в ЦДЛ — 3 часа).

«Новый Мир» идет к одну.

7.II.70. П<ахра>

Вчера информировал редколлегию о встрече с Воронковым. На Гришина не поехал, и вряд ли это повлечет на меня лишнее неудовольствие авторов проекта новой редколлегии «НМ».

Как не вступило мне в голову, что Косолапов вместо меня. А Демент мгновенно сообразил. Что ж, пожалуй, это наименее неприятный вариант. Тем более что его записка ко мне, возможно, означает намерение издать мой т. 5-й. Отказаться от «Солженицына» сейчас не так зазорно, поскольку формально он уже не есть мой коллега, на чем я всегда стоял⁴⁸.

Вся задача — чтобы не подписывать 2-ю книжку, но 1-ю хорошо бы подписать. Но даже и это не важно в сравнении с опасностью, что будут заставлять подписывать еще некоторое время⁴⁹.

А в остальном — все будет без убыли чести. И важно одно: поэма. Если «будто бы запрещена» пройдет в письме в «Литгазету», читатели заставят опубликовать ее.

«Много баить не подобает».

8.II.70. П<ахра>. 7.30

Дело сделано. — Не воспользоваться неожиданной возможностью передачи письма Генеральному нельзя было.

Отвергнув два проекта (Виноградова — Буртина — Лакшина — Демента), надиктовал на машинку Виноградову свой, ознакомив предварительно с моими замечаниями по первому из проектов, написанному (как и второй) в языке и стиле адресата.

Доказал, что в таком письме нельзя обойтись одними «органами» — не упомянув поэму и Солженицына, и рад, что

* Не хочу и не могу с ним встречаться. — *Запись А.Т. на полях.*

с поэмы начато письмо (по первому моему неотправленному письму Л.И.[Брежневу]) и «орги» приторочены удачно⁵⁰.

Конечно, есть сомнения не только насчет того, что ответит ли, но и насчет новых неожиданностей со стороны «спасателей большого поэта». Но дело сделано: не буду попрекать себя и никто не попрекнет из ребят, что не дошел до конца, — дошел, дальше некуда.

Вперед! К тихой пристани, которую, возможно, сулит письмецо Косолапова. Уже с трудом могу представить, что я остаюсь, хотя бы и все оставалось на месте. —

10.II.70. 7 ч. (кофе и сигареты среди ночи, малая снотворка с 3-х до 7-ми — после легкого присеста с членами [редколлегии] в Столешниковом).

Решение состоялось. Плюс — Овчаренко. Сказал, что собирался сказать, но не назвал имени Генерального⁵¹.

Более других высказывался Михалков: журнал интересный, люди там образованные и соображающие, произведения выдающиеся.

Твардовский не замечает, как из него на Западе лепят модель «главы оппозиции».

Поэму печатать несвоевременно: Ленинский год.

Главные редакторы не должны печататься в своих журналах (вопреки традициям русской классической журналистики, о которых он понятия не имеет!), это бестактно, ж<урна>л — не вотчина главреда⁵². Кочетов и я.

Поцапкался с гнусавцем Чаковским, пытавшимся меня допрашивать, какого я жду ответа от ЦК, несмотря на ту критику, которая...⁵³

Позвонил Косолапову и еду к нему. В редакции уныние и паника.

Бек, Можаяев, Рыбаков ходили на прием к Федину — легкий способ приобрести популярность. Федин их не принял⁵⁴. Стояли на выезде у ворот — почти не замерзли.

Слухи.

12.II. 5 ч. Пахра

Разговор по телефону с Воронковым — протест против сообщения в «ЛГ» («пробный №»)⁵⁵.

Вызов на завтра в Р<айонный> К<омитет> [партии].

Бек — Можаяев и др.

Евтушенко: «Вам нужно увидеться с Л.И.[Брежневым]».

Румянцев (через Виноградова) по прочтении копии письма Л.И.: «Хорошее и правильное письмо, А.Т., нужно увидеться с Л.И.».

Слезы в редакции. М.Хитров — последствия его письма в Секретариат — вызов немедленный в РК⁵⁶.

Телеф<онный> разговор с Самотейкиным Евг. Матвеевичем⁵⁷: «Еще не доставлено, постараюсь».

10. II

Солженицын во сне и наяву⁵⁸.

11. II

Сообщение в «городском издании» «ЛГ» и (вариант) «Письмо в редакцию» «ЛГ».

Беседа в РК. Мое заявление. Оставление Хитрова на «доработку» в кабинете Пирогова (вдвоем с Верченко)⁵⁹. Укладывание вещичек.

12 февраля

В Секретариат Правления Союза писателей СССР

В связи с тем, что, несмотря на мои неоднократные устные и письменные протесты, состоялось — опубликованное в «Литгазете» — решение Бюро Секретариата, носящее по отношению ко мне оскорбительный характер (заявляю о своем уходе с поста), вынужден (покинуть пост) оставить должность главного редактора ж<урна>ла.

Прошу принять от меня журнал и снять мою подпись гл<авного> ред<актора> с последней страницы второй февральской книжки «НМ».

Оля с Володей и младенцем вчера уехали в гор<одскую> квартиру.

Валя позвонила мне вчера, что хочет поехать со мной на мою дачу, — послал за ней машину, и она (Валя) ночует у нас сегодня. М.б., она боялась, что я задую, — к этому были вчера благоприятные условия в редакции, но я уехал, и уехал бы, даже не будь Вали. —

[Вклейка. Вырезки из «Литературной газеты»]

«ЛГ» 11. II

Бюро Секретариата Правления Союза писателей СССР утвердило первым заместителем главного редактора и членом редколлегии журнала «Новый мир» Д.Г.Большова, заместителем главного редактора и членом редколлегии О.П.Смирнова. Членами редколлегии утверждены также В.А.Косолапов, А.И.Овчаренко, А.Е.Рекемчук.

От обязанностей членов редколлегии журнала «Новый мир» освобождены И.И.Виноградов, А.И.Кондратович, В.Я.Лакшин, И.А.Сац.

«ЛГ» 11.И.70 (стр. 3)

Состоялось заседание Бюро Секретариата Правления Союза писателей СССР, в котором приняли участие К.А.Федин, С.А.Баруздин, К.В.Воронков, В.М.Озеров, Л.С.Соболев, А.Т.Твардовский, Н.С.Тихонов, А.Б.Чаковский, К.Н.Яшен.

Бюро утвердило первым заместителем главного редактора и членом редколлегии журнала «Новый мир» Д.Г.Большова, заместителем главного редактора и членом редколлегии — О.П.Смирнова. Членами редколлегии утверждены также В.А.Косолапов, А.И.Овчаренко, А.Е.Рекемчук.

От обязанностей членов редколлегии журнала «Новый мир» освобождены И.И.Виноградов, А.И.Кондратович, В.Я.Лакшин, И.А.Сац.

13.И.70. П<ахра>. 8 ч., после бритья, до прогулки

Вчера по приезде в редакцию (пустые кабинеты) дал переписать и отправил с курьером ноту Секретариату об отставке. Тревога насчет Марьямова, накануне выпившего, прошла.

Постепенно стягивались члены — уволенные и оставшиеся, передавались слушки — мало и более достоверные, напр., о том, что Эмилия [Проскурнина] плакала при встрече со Светланой Лакшиной в Гослите, которой было сказано кем-то уже, что она может увольняться⁶⁰.

Со слов Эмилии, Романов и его клика ликуют по поводу решения Секретариата: а ежели, мол, Твардовский хочет уходить, то мы заставим его работать, «у нас есть способы».

Слух о том, что Демичев принимал редколлегию (пополнение) «НМ» без глав<ного> ред<акто>ра, что Рекемчук, запивший накануне, не явился. (Отчасти подтвердилось с заглянувшим в ред<акцию> Трифоновым: они с Тендряковым накануне пристыдили Рекемчука: «Что ж ты, брат?» — по праву однокашников Литинститута⁶¹.)

Еще что-то.

Занялся укладкой «вещичек» — книг из «чулана», отвлекаясь на замечания и соображения членов (как сонные мухи).

И вдруг звонок Воронкова (самого).

— Как бы нам повидаться, А.Т.

— Я к вашим услугам.

Приезжаю, извиняется радикулитом «на нервной почве», а то бы сам приехал, и сообщает, что с заявлением моим тотчас поехал в ЦК и там ему было сказано, что «отставку, по-видимому, придется принимать», что письмо Л.И. [Брежневу] передано и прочитано, что я на днях буду принят Л.И. и секретарями (или только секретарями) и что ему, Воронкову, в связи с этим приказано:

1) установить Т<вардовскому> ставку в Секретариате в 500 руб. «независимо от того, будет ли он работать или нет»;

2) сохранить за ним 4-е отделение Минздрава;

3) обеспечить ему, т.е. мне, кремлевское питание — именно эти слова!

4) издать в Гослитиздате — в роскошном издании — двухтомник избранных произведений.

Все это (или только пп. 3 и 4) мною уже сделано, я написал, позвонил. Беседа с вами будет носить хороший дружеский характер, очень хороший.

Рассказал членам под клятвенным обещанием не болтать. Позвонил Воронкову — можно ли сказать редакции? — Нет, еще нет решения Секретариата ЦК. Сегодня, кажется, Секретариат (пятница — обычно).

Итак, вместо журнала — «властителя дум» — кремлевское питание, синекура в 500 руб. и перспектива юбилею моему быть отмеченным «на высшем уровне» («у меня создалось такое впечатление»).

В возбуждении внезапной легкости отставки, в смятении и догадках приехал в редакцию, миновал вопрошающий проникающий взгляд С<офьи> Х<анановны>, еще раньше уклонился на лестнице от вопроса Буртина.

Слезы Хитрова (вторые при мне), поцелуи Лакшина (почему-то когда все члены ушли), малая выпивка в столовой, сдержанное и грустное отношение Маши к сообщению даже о кремлевском питании и утренняя догадка: Демичев Петр Нилович в своем репертуаре. —

Буду мягок, но тверд. —

14.II.70

Была пятница, и, наверно, был Секретариат ЦК, — Воронков озаботился узнать, где я, на случай, — но, прождав весь день в редакции, позвонил ему (он уже не позвонил) и узнал, что Бюро Секр<етариа>та (нашенского) приняло мою отставку и что он обзванивает секретарей — членов Бюро — на этот счет... Оставили до понедельника окончательные мои расчеты с журналом.

Заикнулся я было насчет отказа от «щедрот», ссылаясь на строки из «Далей»:

А нет — на должность с твердой ставкой
В Союз писателей пойду...⁶²

Подчеркнув, что уж это — крайняя степень падения в глазах автора классической поэмы (так и сказал зачем-то). Он хохотнул и сказал, что это не нашего ума дело, что ему приказано «зачислить на довольствие» — в этом роде.

Не ясно ли из одного того, что «виновных» ублажают, вместо того чтобы наказывать, понижать и т.д., — не ясно ли из этого смутное сознание собственной неправоты «авторов проекта»!

Ну да что уж!

И «встреча» не сулит ничего доброго. —

15.II.70. П<ахра>

Вчерашняя поездка в город. — У Исаковского. — Он подписал письмо Брежневу.

— Через полгода, много через год все это будет пересмотрено — безавторитетные люди и не работники.

Продолжение «Страниц» сдает «Дружбе»⁶³.

Урна с прахом М.И.Погодина. — Столовый сервиз от деда Погодина (по преданию — пользовался Пушкин), разный антиквариат, выманенный еще при жизни М.И. за бесценок Р... Кошки в запертой квартире⁶⁴. —

Болтовня Антонины Ив<ановны> о 6-летнем неправильном лечении М<ихаила> В<асильевича>.

У Сок<олова>-Микит<ова> (вместе с Лакшиным). Рассказы Ивана Сергеевича и Л<идии> И<вановны> о трусости и подлости Федина (фото Бунина, убранные со стены Фединым в связи с приездом в Карачарово секретаря РК; Федин в Кисловке — его письмо Горькому («окунаюсь в Русь») без упоминания о том, у кого живет и кормится)⁶⁵.

Сообщение Би-би-си — очень объективное и точное по существу («положение Т<вардовского> в связи с назначением новой редколлегии стало невыносимым!»).

Еду к Вале. —

17.II.70. П<ахра>. Утро

Округляются две недели со дня решения Бюро Секретариата о редколлегии (3.II).

4.II. — мои три бумаги Воронкову.

5.II. — апелляция в ЦК.

7.II. — письмо Л.И.[Брежневу].

12.II. — официальная просьба об отставке и — в тот же день — вместе с принятием ее — серия щедрот вплоть до «кремлевского кормления».

За это время — Кондратович и Лакшин — выписка на них из протокола решения Сек<ретария>та (а не Бюро).

15.II. Кондратович и Лакшин — первый день на новой работе⁶⁶.

Цунами в европейской печати. (Вчера по Би-би-си два обзора печати.)

Пустые кабинеты. Бледные речи Дороша и Марьямова — заявления которых я не принимаю.

№ 2 не сдается в цензуру. Неявка новой редакции. Убыль рукописей из портфеля редакции. Вчера разговор с Воронковым («А какие именно *крайние меры?*» — дважды, трижды переспросил). А я-то и не знаю, какие! Наверно, никаких не приму. Но заявлю сегодня, в случае неопубликования отставки (по «НМ») в «Литгазете» [буду добиваться] опубликования по КОМЕСу.

Вчера обдумывал с утра речь на прощанье — уже в конце дня вижу — нет.

18.II. П<ахра>

Вчера позвонил Воронкову — какие новости? — и сказал, что двухнедельный период деморализации не может продолжаться. М<ежду> пр<очим> сказал о заявлениях Дороша и Марьямова, не принятых мною к рассмотрению. («Ах и они?»)

Результат: телеграмма не будет в «ЛГ» напечатана (он не сказал, что она будет упомянута, — утаил)... «Мы разберемся сегодня, тут у меня — “малый хурал”».

Симонов и его заявление (письмо Суркову, Полевому, Грибачеву, Воронкову и Федину о «неконституционности» решения Бюро Секр<етария>та о «НМ»). Был вызван Мелентьевым, Беляевым, Шаурой — два часа толкли воду в ступе — он остался при своем.

Слухи о Косолапове (правдоподобные): возражает против Большова и Овчаренко и неправдоподобные о Соболеве: снят с РСФСР за Солженицына⁶⁷.

В машине по дороге к Симонову — Лакшин: проснусь среди ночи и не могу заснуть два-три часа. Мне страшно от мысли, что все изменилось, я — не я, а какой-то клерк, обязанный заниматься ненужным и неинтересным делом, вместо того чтобы заниматься нужным и интересным и быть в кругу друзей. Неужели это навсегда?

Еду сегодня, м.б., в последний раз. Что я буду говорить при «встрече», которая, должно быть, будет с секретарями? Правду!

19.II.70. 5 ч.

Самоважнейшее вчерашнего дня — сообщение В.Лакшина, которое даже этой тетради не решаюсь доверить — о происках Отдела в направлении моих загов⁶⁸.

Письмо Г.Фиша, принесенное вчера Татьяной Аркадьевной [Фиш] М.И., наводит на мысль обратиться по этому «частному» вопросу всей истории с «НМ», о котором говорится в письме Г.Ф<иша>, — просить о приеме.

[Вклейка]

В редакцию «Литературной газеты»

На днях мне стало известно, что моя еще не опубликованная поэма «По праву памяти» абсолютно неизвестными мне путями и, разумеется, помимо моей воли проникла за рубеж и напечатана в ряде западноевропейских изданий («Эспрессо», «Зюддойче цайтунг», «Фигаро литерер» и эмигрантском журнальчике «Посев») в неполном или искаженном виде.

Наглость этой акции, имеющей целью опорочить мое произведение, равна беспардонной лживости, с какой поэма снабжена провокационным заглавием «Над прахом Сталина» и широковещательным уведомлением о том, что она будто бы «запрещена в Советском Союзе».

А.Твардовский
4 февраля 1970 года.

20.II. П<ахра>

Переданная мне вчера из рук в руки записка Ю.Г.Буртина.

[Вклейка]

Дорогой Александр Трифонович!

Как мне передали, генсек вчера дал инициаторам разгрома «Нового мира» согласие на Вашу отставку.

Ю.Б.

Все честные и ответственно думающие люди современной России — с Вами, а не с этой шайкой.

22.II. Воскресенье. 7.30

Спал с обычным перерывом среди ночи для кофе, сигарет и проч.

Видел во сне под утро Большова, узнал, никогда не видя в жизни: мужчина типа Храпченки, занял мое место за столом, «блудливо улыбаясь» (именно так) и придерживая какую-то папченку у груди. С ним еще кто-то. Зачем-то был перед этим в моей пустой комнате грустный Леонов. Вслед за тем видел Федина, поздоровался с ним забывчиво, чуть ли не поцеловался, но потом вдруг почал его изобличать, как изобличаю за глаза, теми же словами («чего вам нужно еще?»), напомнил ему слова мои, сказанные на разбирательстве дела Солженицына в 67-м г. («помирать-то будем, К.А.»), он только краснел и пыхтел⁶⁹.

В пятницу простился с редакцией, обошел все этажи и комнаты, где и не бывал до того (корректорская, биб<лите>ка). Было решено уже, что не буду собирать всех в одной комнате, чтобы не «демонстрировать» ревом бабенок, и ни капли вина. Но слез было довольно. Не зарекался, что в 3-й раз уже не вернусь редактором, — у всех такое на словах.

В материнской квартире Лакшина, по соседству с редакцией, устроили встречу редколлегии в почти полном составе (кроме Федина и ньюнационалов, да еще Закса забыли, но был еще освобожденный мною Герасимов и намечавшийся в редколлегию Буртин)⁷⁰.

Порешили по предложению Дементя учредить ежегодный обед «НМ» (редколлегии с приглашенными по ее усмотрению — 20 февраля, — впредь до последнего в живых члена, который будет обедать один или уж приглашать кого хочет). — Это я уже после придумал для красоты, а вообще — дело.

Ездил вчера к Вале, выпил с ней и Сашей крошечную дозу виски и коньячку, закусил гурьевской икоркой и рыбкой⁷¹, по приезде лег отдохнуть и был рад, что встал свежим.

Заходил Рой, вчера лишь разобранный на К<омитете> п<артийного> к<онтроля> и исключенный за несовместимые взгляды, но не за клевету, и с отеческими внушениями остаться сов<етским> гражданином, пересмотреть свои взгляды.

Его рассказы о докладе Мацкевича, послужившем основой (более углубленной) речи Л.Б.<режнева> на пленуме (декабрьском)⁷².

Приводить в порядок стол, архив, почту. М.б., жизнь кончилась, осталось дожитие, хоть не верю в это, верю в жизнь, чую за собой еще силы и возможности. — Завтра еду фотографироваться с редакцией⁷³.

24.II. П<ахра>. Вторник

Вчера в редакции все без изменений. Хитров позвонил Баруздину. Тот отзвонил: говорил, мол, с Вас<илием> Филимоновичем [Шауро] — подождать день-другой⁷⁴. Завтра (т.е. сегодня) он должен представить им с Хитровым новую редакцию. Есть опасность настояний подписать № 2 и даже вообще «на время, ввиду трудного положения», остаться главредом, — говорит мне Хитров. Не желаю допускать этой мысли даже. Но в «ЛГ» сегодня наверняка нет отставки моей, и ничего не поделаешь.

Наготове язвительные и уничижительные фразы о проклятии поколений, о стыде пред детьми за позор Союза. Но угрожать бессовестным людям угрызениями совести — все равно что неверующим (атеистам) муками ада на том свете. — Еду.

25.II. Среда

Впервые за этот месяц — невыход (невыезд) в город, в редакцию.

Сейчас — около 17.30 — позвонил Хитров: решение принято, Косолапов завтра или послезавтра. Хитров приедет с утра ко мне, поделиться «детальями», возможно, уеду с ним в город. Постараться обойтись одним Косолаповым.

Вчерашний день — сидение с членами, гл<авным> образом — «добровольцами»: Марьямовым и Дорошем, но и Виноградовым и Кондратовичем, которые приехали подписать второе письмо «четырех» против возводимого на них навета. Поехали к Сацу за подписью, Кондратович туда позвонил и приехал: не надо в ЦК — сперва разобрать на Секр<етариа>те Союза первое письмо. Условились на завтра (сегодня) собраться четверем и решить окончательно. Навет гнусный: передача моей поэмы за границу. (Милиционер — Гердту: «Мне поверят, хоть я и зря причеплюсь, а вам — нет!»)

Итак, «просьбу удовлетворить» или «в связи с переходом» — все уже не столь важно.

Нечего скрывать от себя, что жизнь, пожалуй, кончена, остается дожитие, обращенное вспять, на «героический период» моей зрелости в «НМ». Впрочем, не исключен еще и третий заход, но он уже будет, если будет вообще, декоративно-символическим — это уже не будет борьба на жизнь и смерть.

Залыгину вчера сказал в ответ на вопрос о «настройке», что нетрудно о нем догадаться и что многие, в т.ч. некоторые дебютанты «НМ», достигшие в нем высоких степеней признания, еще не отдают себе отчета в масштабах

потери. Он «блудливо улыбнулся», и я, имея в виду его отказ подписать бумагу насчет «НМ», спросил: как дела с квартирой? Он обрадовался возможности пожаловаться на бюрократизм с оформлением прописки и т.п. Я вдруг догадался, но ему не сказал имен, что подарочная акция с пропиской и квартирой Буртину со стороны Воронкова была опять же поощрением моей отставки — это еще летом⁷⁵.

Гамзатов был явно смущен, встреченный нашим смехом: поторопился представиться новой редколлегии — ан нет ее. Не мне, а Хитрову что-то лепетал про мальчишник на своей московской квартире, но получил отказ. Между прочим, еще у меня сказал, что в Будапеште ему со слов руководителей нашего Союза сказали (как, мол, Твардовский?), что он, разумеется, пьет.

Кстати, сегодня приезжала Л<идия> Дм<итриевна> под видом заботы о Маше, я отдыхал, Маша сказала, что вполне здоров. —

Айтматов: «уйду и я, но после». Кулешов: «береги здоровье» (не честь, не совесть)⁷⁶.

Сегодня хорошо придумал дать статью Буртина Лакшину: дескать, отношения старшинства и подчиненности отпадают — свобода. И неплохо применить принципы «НМ» к быв<шему> главреду — выдерживает ли он их. Ведь мы в течение всего периода моего исключали Т<вардовского> из рассмотрения⁷⁷. Он охотно согласился. Вычитываю «Муравью».

27.II.70. Пахра. 7 ч.

Вчера — с Хитровым в город.

Баруздин: не подписал протокол. «Честно (?) говоря, я хотел бы, чтобы это было (передача ж<урна>ла) без моего участия».

— Я тоже хотел бы.

— Тов. Мелентьев просил передать вам, что вы будете приняты в ближайшие дни.

— Я знаю... (Хоть ничего я не знаю.)

— Он подтверждает. —

Около пяти часов позвонил ему Хитров.

— Пожалуй, сегодня уже не состоится передача?*

— Да, конечно.

Он не понял по дальнейшему разговору, что ставлю условием непоявление новых членов, — пусть один Косолапов.

Хитров разъяснил.

Последние наши «посиделки» в редакции.

* Имеется в виду передача дел новой редакции.

У Лакшина на материнской квартире (я, Лакшин, Хитров, Сац).

Заезд к Хитрову. «Вы ведь не бывали у меня ни разу...»

«Не уверен — не обгоняй».

— Я уверен.

Было хорошо и трогательно, он читал наизусть из поэмы*. Было многовато [выпито], но сегодня — ничего.

Шофер Киприяныч — Лакшину: «Что не дали Александру Трифоновичу до пенсии дотянуть?..»

— Правительство его не оставит.

15.III.70. Воскресенье

Ровно месяц как принято решение об удовлетворении просьбы т. Твардовского... Была передача дел (в понедельник, кажется) 2.II. (Перед тем — Демичев.)

Читал Делаборда «На краю земли» — очень сильное впечатление, подходящее под настроение⁷⁸.

Сегодня читал груду материалов из заруб<ежных> газет, переданных Вале Цецилией⁷⁹. — Похоронный звон.

Вполне здоров. Но записывать сил нет.

21.III.70. Суббота

Нынешняя моя весна света — как после многолетней болезни оклемаюсь, еще не веря, что «болезнь» позади. Именно что болезнь — 12 лет без передышки (с «передышками» известного рода), без отпусков и сроков. Как бы болезнь непонимания, невнимания к тому, что нельзя (авось можно!). Выбиваясь из хомута, боком, боком по скользкой глине изволока, под кручу, с замираньем в груди (сорвусь!), с мукой и отвращеньем и только неизменным сознанием, что бросить нельзя — совесть заест. И весь мир понял, что «Новый мир» тянул до последнего часа свой непомерной тяжести воз. Дотянуть заведомо нельзя было, но в том же и суть, что тянули, несмотря на эту заведомую невозможность дотянуть. —

[...]

«Шестидесятилетний Твардовский», «старый поэт» — все это, привычно уже мелькавшее в зарубежной прессе, все это было ничего [...]

И ко всему — отставка. — Нет еще сил записывать. Хоть бы написать необходимейшие письма.

* Из поэмы «По праву памяти».

«"Цирк" в "НМ"». — Явка, на материнской квартире Лакшина. — 5-й том. — «Двухтомник» в «Сов<етском> пис<ателе>». Дурацкий съезд⁸⁰. — Необходимость показаться, — «500 р.» и «кремлевское питание» — 70 р. (300). — Даже Маша не в восторге. От 500 р. во всяком случае отказался («но когда захотите — они ваши!»): не шуметь, не выказывать неповиновения, уязвленности. Добыть машину («уже написана бумага»). Барвиха? — съездить к Михвасу [Исаковскому]. — Зубы! —

22.III.70. П<ахра>. Воскресенье

Молодых не будет.

Дубчек исключен из партии. Вычитал этими днями верстку трех поэм для Детгиза.

«Страна Муравия» с первых глав хороша, но после главы о Сталине — почти непостижимо смелой для тех времен (35 лет этой моей вещи!) — есть только одна достойная, независимая от «духа времени» — «Острова». Остальное — напряженно-насильственное утверждение неутверждаемого, резкое различие между конкретно наблюдаемыми «детальями» и общей идеей незамедлительности счастливой жизни, «свадебной веселостью» на безмолвном фоне того, что называется тридцатыми годами.

Читал-читал, вдруг:

За грудь, за складку вдоль спины,
За вороную масть... —

конь-то везде — серый в яблоках или копейчатый (что одно и то же).

Проверил: нет («сказал другой», а не Моргунок о своем коне!..).

Зато на «Тёркине», как говорится, обрелся: много раз вставал из-за стола, чтобы не разрыдаться. Поистине книга необычная, беспрецедентная в литературе отечественной и, пожалуй, мировой, хотя последней до нее дела нет сегодня. Это при всем при том, что есть главы явно слабые («Поединок», «Тёркин-Тёркин»), особенно в «Т<ёркине>-Т<ёркине>» огорчило еще одно использование такой памятной детали, как «Казбек», — в «На Днестре» она ничего, но здесь — мучительно хотелось исправить, но не смог с ходу.

«Дом у дороги» хорош, но странным образом не глава «Родился мальчик», которая как-то стала выглядеть «пропагандистски», а больше первая часть вообще.

Кажется, что давным-давно не прочитывал этих своих вещей.

Но поскольку тот, как видно,
О себе вообразил,
Тёркин с кротостью ехидной:
— Не приучены? — спросил.

Тот, нимало не задетый,
С пачкой тянется своей:
— Перешел на сигареты.
Не хотите ли? Трофей!

И легче на душе.

Сегодняшнее, первое в году легкоморозное утречко весны света. Гулял с Фомом [Фомой], зашел к Верейскому расспросить про беличий выводок, который он подобрал на снегу. Белка всех перетащила в скворечник (шесть штук), одного не смогла удержать — сбежала с ним за 1 метр от земли, уронила, потом подобрала.

23.III.70. Ночь на понедельник. 2 ч.

«16 лет в "Новом мире"»*.

25.III.70

Третьего дня рассказал о замысле книги о «НМ» Лакшину — он очень горячо воспринял⁸¹.

Вчера — убожество съезда [СП РСФСР], невеселое правительство (а сначала не узнал — «Что это за мужчины» — спросил уже после аплодисментов — весьма умеренных).

Чистил снег, подбираясь к крыльцу веранды. Пришли строчки:

Все тоньше слой остатных дней,
Да не поникну в горести:
Все тоньше слой — зато плотней,
Чем смолоду — убористей.

Маша убедила меня оставить «Казбек» («эталон курева»). Но уже эти строфы выглядят иначе.

Но поскольку очевидно,
Что занесся человек,
Тёркин с кротостью ехидной:
— А у вас небось «Казбек».

* Обведено в рамку А.Т.

Тот, нимало не задетый,
Отвечает без затей:
— Перешел на сигареты.
Не хотите ли? Трофей...⁸²

Последним словечком не очень доволен.

26.III. П<ахра>

Думали-гадали, брать ли «стыдный паек» (70 р.). К чести Маши, она при всей своей хоз<яйственности> решительно склоняется к тому, чтобы не брать. Принимаю решение: *брать*. А не брать — тогда уж не брать и лечебное обслуживание (кстати, паек называется лечебным), Барвиху и т.д.

Тем более что гордыня моя будет доложена. И лишнее против себя раздражение — ни к чему.

За снегоуборкой дорабатывал эпиграмму:

Талантом Федин — беден,
Умишком — небогат,
Но был бы хоть безвреден,
Каков бы ни был Федин,
А то ведь гадит, гад!

1.IV.70. П<ахра>

Царь расхо-хо-тал-ся:
— Первый, брат, апрель...⁸³

Вот и скучнейшие, при пустом более чем наполовину Колонном зале спектакли съезда [СП] РСФСР позади.

Самые памятные моменты — сиротливой кучкой сидящее правительство (высидели 2 ч., никто не выступил); Родин⁸⁴ (Рязань), ожидающий меня за колонной внизу, чтобы объяснить, почему он голосовал за исключение С<олженицына> (Троепольский: надо было хоть бы воздержаться); Шаура, с которым я оказался рядом в президиуме («мы не мыслим, чтобы вы остались на исключительно творческой работе») — это чтобы я не сомневался, что меня еще ценят, не махнули рукой; фоторепортеры, бросившиеся меня снимать, чуть зазеваешься, раздача автографов и т.п. — признаки моей послеполуденной славы.

Медленно привыкаю к «свободе» — от рукописей, версток, ред<акционных> встреч, мук и радостей 12(16)-летнего моего бытия.

Больше замечаю природу и погоду. Вчера день был (проводил Машу с Верейским в город) особенно световой, совсем уже весенний (к вечеру подморозило, сейчас 17—18 морозца). Пойдем с Дем<ентьевым> на станцию добираться в город, где обеду меня с Бёллем — не представляю, что говорить⁸⁵. Ничего нельзя! Но по Воронкову судя — «не беда».

3.IV. П<ахра>. 5 ч. Пятница

С Бёллем все обошлось и было легко, если, конечно, не иметь в виду некоей предназначенности комнаты № 8 в старом клубе ЦДЛ, где мы обедали. Мил и деликатен.

Были (по одобрению Воронкова) Гинзбург Лев Владимирович, Мельников Даниил, кажется, Наумович, его жена Черная (имени-отчества так и не узнал), наша Ирина Павловна [Архангельская], через которую состоялась встреча⁸⁶. Бёлль был с женой Анной-Мари (?). Тут я, кажется, сплеховал, не усадив ее рядом с собой, слева или справа от себя. Но обошлось.

Мельниковы — те самые авторы статьи, не только не пошедшей в № 5 за 68-й г., но и ничем не замененной в нем, тощем по-необычному (с компенсацией в № 6 — 23 л.).

Бёлль при встрече настолько явно потянулся ко мне для поцелуя, что уже уклониться, пожалуй, было нельзя, хотя я и не ждал такого порыва. При прощании мы тоже расцеловались (он выпил одну рюмку пива, нельзя, хотя говорит, что пил раньше основательно), и, м.б., с моей стороны была только инициатива троекратности в русском духе. Словом, все было хорошо. О Солженицыне заговорил я первым, начав с «фуюслица»⁸⁷, которое попросил за столом передать мне. — Ввернул ему, что статью его знаю («Мир несвободы»), и ввернул то место из нее, где он говорит, что Запад не имеет оснований кичиться своей «свободой» и что ему, Западу, не выразить свою несвободу с такой силой⁸⁸. Оказывается, кроме этой статьи, им написано предисловие к «Рак<овому> корпусу». Мельников за столом [рассказал], что Бёлль, назначенный на этот год к Нобелевской премии, отказался в пользу Солженицына от своей кандидатуры. Это меня почти до слез тронуло, но говорить об этом ему я не стал (с одобрения Мельникова, который, м.б., и соврал). Но что-то такое было, и недаром, м.б., слухи о вынужденности отставки Соболева и, кажется, Таурина. Об этом я сказал только Лакшину, когда направился «пить кофе» к нему в «Асторию», почти одновременно со мной обедавшему там с Иштваном («Степкой») Шиманом. Не может быть, м<ежду> пр<очим>, не отмечено, что и представитель ФРГ, и социалистической Венгрии, бывало, принимаемые в редакции «НМ», теперь ее недвусмысленно обошли.

День мой закончился на материнской квартире Лакшина (подошел Хитров и был послан за излишним (для меня) пополнением, и тут я услышал от В.Я.[Лакшина] настоящее грустное до отчаяния признание:

— Не могу ничего работать. Руки не берут. Все обесмыслилось, все как будто не нужно и невозможно (т.е. ничто не замена журналу). — Крик души для него необычный. Пытался его утешить, успокоить. Вчера пытался дозвониться — должно быть, он был на своей «службе». —

Сегодняшняя проблема художника, которому отказывать больше нет сил.

В тот же день, проводив Машу в город (с Яковлевыми, по счастью, вдруг выехавшими из ворот).

Если отвлекусь, отмыслить общелитературное значение «акции», то нельзя не испытать блаженство свободы от рукописей, версток, посетителей и т.п. Впервые за многолетя сам с собой наедине, и не в результате какого-либо остракизма, а всечин-чином (только не будь редактором!), сию минуту даже позвонили, что путевки в Барвиху можно получить в любой день, — нужно будет воспользоваться, хоть и неохотушка горькая, но нужно хотя бы из-за зубов, грозящих катастрофой.

Сутки настоящей весны, пожирающей сугробы, теплынь; откапывал канализационный колодец. Вчера хотел пробиться к воротам, прорезал траншею, имея в виду машину поставить, если приедут молодые завтра. Но сегодня — туман и даже мороса (моросящая), снег сам собой оседает на глазах — стоит ли, думаю, трудиться. —

Весна света уступает весне воды — вот-вот!

Раскладываюсь по папкам, имея в виду свою затею*.

Попробую почитать дневники с 50-го г. — с назначения редактором «НМ» в 1-й раз.

6.IV.70. Понедельник

Вчера была Валя. Дал прочесть Сахарова (2-е письмо) и «После умерщвления "Нового мира" (Вместо некролога) неизвестного «Читателя»⁸⁹. Валя тоже не смогла определить автора, но что *не Гефтер*, заявила решительно, т.к. через ее руки прошли его многие писания. Когда я невзначай сообщил, что статью он, Гефтер, выправил по указаниям новой редакции и сдал, она с гневом (именно с гневом!) сказала:

* Выборка материала из рабочих тетрадей о «новомирском» периоде. — Пометка М.И.Твардовской.

— Я этого ему никогда не прощу. Спрашивала: как со статьей? — Это ей не грозит, — заверял (т.е. не грозит возможность быть напечатанной). И уехал в отпуск — хвостом накрылся. Она говорила ему, что есть, мол, разница между отклонением статьи новой редакцией и авторским волеизъявлением⁹⁰.

Одобрил вчера Дементьева, который поступил иначе, заявив Калерии [Озеровой]⁹¹, что после того, как он взял статью на доработку, произошел переворот и дорабатывать он уже не намерен.

Кондратович сообщил третьего дня (заходил ко мне с Дементом), что в редакции выявляются [...], склонившиеся к прогрессивным начинаниям нового руководства, — та же Калерия, что писала мне в день отставки, что она «12 лет была счастлива». —

Звонил на днях Кулешов, направляясь из Барвихи:

— Хочу передать поэму «Дружбе народов»⁹².

— Не с того конца начинаешь. Оставаясь членом редакционной коллегии, передавать поэму «Дружбе» — это жалкий кукиш в кармане, буквальное следование «указанию» Михалкова, что редакторы не должны печататься на страницах своих журналов. — И еще резче: и меня никто не снимал, но я не мог оказаться свиньей в отношении товарищей, с которыми дружил, жил и работал. —

Говорят, и В.Огнев (тоже — письмо в самых радикальных выражениях преданности и любви к старому «НМ») дает статейку.

Бек уже не в счет со своим романом, с которым мы три года валандались⁹³. —

Очень похоже, что «легенды» подтвердятся насчет Соболева с Тауриным, не вошедшим в новый Секретариат [СП] РСФСР.

Солженицын! —

Валя с восторгом встретила мое намерение писать «16 лет»⁹⁴. Вчера начал с тетрадки 1950 г., но там ни строки о назначении даже. И вообще — дневник весь из прогонов «Далей»; серьезные записи начинаются только с 53 г.

Да это не только редактор, но и поэт еще был дитятей в отношении к вопросам, которые потом определили того и другого.

«Вместо некролога» — в конец книги.

9.IV. П<ахра>

Просмотрел 16, 17, 18, 19-ю тетради. Все вырисовывается в серьезном виде.

1. Узел, затянувшийся вокруг Померанцева, Лифшица, Абрамова, Щеглова и «Т<ёркина> на том св<ете>» (1-й вариант) и повлекший освобождение меня от должности⁹⁵.

2. 54—58 г. напряженная работа над «Далями» и «Т<ёркиным> на том св<ете>» попеременно. «Берите "Октябрь"» (В.А.Смирнов). — 56 г.⁹⁶.

3. «Дали» и «Т<ёркин> на том св<ете>» определенно составят самостоятельный материал. (В перспективе будут записи по «триптиху».)

4. Дневник — *полосами*: то исключительно стихотворные варианты, «прогоны» «Далей» и «Т<ёркина> [на том свете]» (журнал как бы за бортом — он сам был моим дневником). То — с 54 г. — каникулы — записи *поисков*, поездок, раздумий.

Принимаю решение сегодня отказаться от Барвихи*, наметив поездку в Ореанду на май-июнь, т.к. Маша не может и не хочет в Барвиху.

Повидаться с *Воронковым*,
*Ванниковым*⁹⁷,
С<офьей> Х<анановной>,
Лакшиным, Хитровым,
Архангельской.

11.IV.70. П<ахра>

Весна классическая по интенсивности: дневные и ночные дожди съедают снег, выблеснувшие один-два дня с солнцем и легкими утрениками — тоже хороши — доводят весну до новых порогов. Обозначились приствольные круги — проталинки у деревьев (не у яблонь, утопанных в свое время). —

С мыса Кеннеди сегодня вылетают до 21.IV. Пребывание на Луне [...] ⁹⁸.

Слухи, слухи о кремлевских переменах, — кажется, Шурик [Шелепин] пал и М.А.С<услов>⁹⁹. Не диво, что весь бюрократический мир застыл в напряженном ожидании и высматривает — кто кого на обозримом пространстве истории. Он не рискует прогадать, ошибиться, ибо застрахован от пристрастий и полон готовности по имени-отчеству («вичить») кого будет нужно вичить.

Третьего дня с Воронковым по телефону. Рад, что отказался от Барвихи. Автомобиль в июне обещан министром.

В тот же день на материнской квартире Лакшина С<офья> Х<анановна> и Ирина Павловна [Архангельская]

* Подобно тому, как в свое время отказался от Америки из-за «Далей» (Сейчас из-за «16 лет в "НМ"»). — *Примеч. А.Т.*

(чл<енские> взносы). — Редакция переименована новой редакцией в «аппарат». При звонке из кабинета (б<ывшего> моего) вздрагивают. Вчера подтверждение слухов насчет Шуррика и др. дочитал 20-ю тетрадь. Дело близко к 58 г. — Буртин уволен 10.IV¹⁰⁰. — Верстки «Сов<етского> пис<ателя>»¹⁰¹.

15.IV. П<ахра>

Сколько раз себе говорю, что пытаться записывать во внешней и внутренней жизни, угадывать наперед, что более, что менее важно, — дело безнадежное.

Записывать по возможности погоду и природу и рубежные события, как сегодня: возвращение с пути к Луне космонавтов (мы ликуем, но, если они возвратятся, это будет не меньший успех, чем долететь, — приходит даже мысль, что это они нарочно на этот раз опровергают традиционный предрассудок насчет числа «13»); Громыко опровергает слухи о переменах в правительстве (Подгорный поправляется от гриппа)¹⁰².

Погода. После проблеснувших солнечных (неполных) деньков опять дожди дневные и ночные, съедающие снег.

Вчера заглянул в 3 ч. ночи в котельную, откуда накануне вылил 30 ведер, — вода под верхнюю ступеньку, в воде топор на нижней полке, котел погас, холодный. Разбудил Машу. С ней вычерпали до 100 ведер, отчаялись — прибывает по закону сообщ<ающихся> сосудов. — Володя купил насос, смонтировал и опробовал, но наспех. Сегодня ждем пузатого Гену-электрика.

Вчера отвез верстки двухтомника в «Сов<етский> пис<атель>». «Тёркина» не читал, дал «контрольный» с моей последней правкой.

«Дали» вычитал основательно, впервые за годы представил, обозрел распорядок глав по Дементьеву — ничего, хорошо.

Корректорша, читавшая «В<асилия> Т<ёркина>» еще для «Мол<одой> гвардии» (маленькая книжечка — 1-я часть) и отметившая похвалой мою правку (дополнительную) в главе «Т<ёркин>-Т<ёркин>» (слова «занесся», «без затей»)¹⁰³.

Позвонить Розе Як<овлевне> («Сов<етский> пис<атель>» насчет «Памяти матери» и фамилии этой корректорши. —

16.IV.70. П<ахра>

«В Твардовского я совершенно влюбился. Удивительна простота и полное отсутствие позы у этого человека, дважды «лауреированного» и занимающего такое положение в таком молодом возрасте — 35 лет — в современной литературе.

В последний раз я просидел у него чуть ли не четыре часа и никак уйти не мог. Кормит, поит, дает книги читать, а главное, говорит: "Ваше дело правое, победа будет за вами".

Александров тоже очарователен — велит каждый день ему звонить, чтоб все время быть в курсе событий».

Из письма В. Некрасова к матери из Москвы 14.2.46, которое он мне прислал в оригинале в дни моей отставки. Возвращаю то письмо с уведомлением о сделанной выписке¹⁰⁴. —

[Вклейка]

Об изменениях в составах редколлегий литературных журналов

Секретариат Правления Союза писателей СССР удовлетворил просьбу А.Т. Твардовского — освободил его от обязанностей главного редактора журнала «Новый мир»¹⁰⁵.

Главным редактором журнала «Новый мир» утвержден В.А. Косолапов.

Первым заместителем главного редактора и членом редколлегии журнала «Дружба народов» утвержден Л.И. Лавлинский.

В состав редколлегии журнала «Знамя» введен М.М. Зотов. А.Е. Рекемчук освобожден от обязанностей члена редколлегии журнала «Знамя» в связи с утверждением его членом редколлегии журнала «Новый мир».

(Информационный бюллетень Союза писателей СССР, № 3, 1970.)

17.IV.70. 5 ч.

До шестичасовых бибисейских известий 1 час. В котельной сухо — более половины ямки. Опять легкоморозный утренник, и похоже, что главная вода уже схлынула (дожди перед затоплением котельной). Насос, очарование цивилизации — вместо того, чтобы сгибаться с мокрыми ведрами под низенькую дверцу моего жалкого подземелья, черпать убывающую воду, обливаясь, — благо еще сапоги резиновые — тоже, впрочем, благо цивилизации, — вместо всего этого — выключатель, ровное бодрое гудение — вроде холодильника — чудный 20-й век.

А космонавты, обогнувшие Луну, несутся к Земле, обреченные, может быть, сгореть в своем гробу на троих. Многочасовой ужас, недостаток кислорода и воды, советы с Земли, как «организовать» очистку воздуха в кабине от углекислоты, — тот же 20-й век в его высочайшем образце человеческого дерзания и трагической, почти уже безнадежной человеческой немощи перед холодной враждебностью запредельных миров. (Слишком красиво фразеологически.)

Вчера был в городе, дозвонился до Розы Як<овлевны> («Сов<етский> пис<атель>») и Инны Ивановны [Кротовой]¹⁰⁶, условился об уточнениях в верстке и т.п.

Сговорился с Лакшиным о встрече на материнской квартире. Пришел Хитров со своими печальями и трудностями — не отпускают из «НМ». Одновременно свидетельство о нерешительности, постыдной уступчивости Дороша и Марьямова. Кондратович, которого я попрекнул общением с «коллективом»: — Вдруг стало ясно, что воодушевленные реальным делом люди редколлегии были на высоте, были больше самих себя, тянулись, пристраиваясь друг к другу. Теперь — иное. «Отдельно взятый» Кондратович — милый папень, не более.

26.IV.70. П<ахра>. Воскресенье. 1-й день Пасхи

Сообщение о запуске китайцами спутника. Записывать много чего, но нет сил: мне так хорошо здесь по дому и по двору, т.е. отвлекаюсь все время.

Можно бы и нужно бы записать:

1. Размышления о «Далях» — в отличие от «Тёркина» они не закончены. «По праву памяти» — это плоть от плоти «Далей», а если еще иметь в виду добавление (по рассказу Г.Гулии — как искали «сына», который не должен отвечать за отца...).

А еще не продвинулся в чтении тетрадей дальше 58 г.

Как может украсить и дополнить эта главка.

Доставить сына кулака.

Отмыть, побрить, одеть (одежду справить)

И доставить

В столицу сына кулака¹⁰⁷.

2. Встреча с Лукониным и Евтушенкой.

Первый: меня прочат в редколлегию «НМ».

— Ну и что ж ты?

— Я без зарплаты не пойду — дураков нету.

— А вообще пошел бы, хотя я оттуда ушел?

— Я об этом не думал¹⁰⁸.

Евтушенко подвозил меня до высотного, где он теперь живет. Умолял зайти на полчаса, 15, 5 минут. Тщеславие? Жене позвонил, что будет Т<вардовский>? Не только. Он чувствует, что дурно поступил, отдав поэму в «НМ» после моего ухода. Ему бы важно было говорить, что у меня был Т<вардовский>.

О том, что он нехорошо делает, я сказал. Истерически:

— А что мне делать?

— А что мне делать?

— Но у меня поэма написана.

— И у меня.

Едва отвязался у самого моего подъезда, когда он от угрызений перешел к обличениям:

— А вы разве не печатались у Аджубея в «Известиях»?¹⁰⁹ («Т<ёркин> на том св<ете>».)

Послал его неподалеку — противно и неосторожно: будет говорить, что я его подбивал забрать поэму.

Вчерашний разговор с Дементьевым на основе мерзостных намерений «Сов<етского> пис<ателя>» снять «волков» и «не стойте над душой»¹¹⁰. «Тебя обкладывают». —

Похоже.

Был у Исаковского. Его ужасный мир, жалкие стишки для домашнего употребления. Жалобы (даже ему не прошла даром подпись в пользу «НМ»).

Переписка Солженицына с Лакшиным. «Вскормил кушку воробей»¹¹¹.

После обеда будем с Вольдемаром откачивать «колодец». По дому и по двору. —

27.IV.70. П<ахра>

Встал с солнцем — около 5-ти, и после 6 ч., радио «Голос Ам<ерики>». Ничего для духовной жизни — откачивал «колодец» (успешно, — [...] пустил шланг по задам — пошло по асфальтовой дорожке, на сиреневый садик и далее на огород, — качал до дыры и ниже). Попутно отвлекался на разные разности по хозяйству. «По дому и по двору» обходится дорого. Надо, надо, надо:

1) читать тетрадки для извлечений по «Далям» и «НМ»;

2) просмотреть Бунина, присланного из «Лит<ературного> наследства»;

3) подумать над копией студ<енческой> работы о «Кому на Руси»;

4) перебелить кое-какие стишки и, м.б., ко Дню Победы¹¹².

Четверть века, четверть века — целая молодая, даже зрелая человеческая жизнь.

Те, что родились с окончанием войны, уже отслужились — *дай им бог* не применять науку свою.

[Вклейка]

Дорогой Валерий Алексеевич!

Посылаю Вам маленький врез, который хотел бы предпослать моему сочинению. Как Вы убедитесь, мы со Ступом изрядно поработали, и думаю, что с пользой. Не хотелось бы, чтобы первый блин в Вашем журнале у меня вышел комом.

«Сокрушение Тайфуна», может быть, действительно не очень подходящий заголовок. Тут я с Вами согласен. Давайте, пожалуйста, дадим «В ту тяжелую зиму». Это будет вполне в духе старого «Нового мира», таким образом, традиция и форма останутся, а содержание будет другое.

С лучшими пожеланиями,
теперь Ваш Б.Полевой.

Вручено на «материнской квартире» [Лакшина]
24.IV.70¹³.

[Вклейка]

Дорогому Александру Трифоновичу — славнейшему нашему поэту и Настоящему Человеку горячее и долгое Первомайское Уре-а-а-а-а-а-а!

Твой Б.Полевой.

«Юность» с нетерпением ждет твоих стихов.

Б.П.

Только что забежал Виноградов, передавал разговор с Шаурой (телефонный): полное благорастворение, а между тем 2 м<еся>ца человек без работы. Ш<аура> звонит Воронкову, Воронков, по-видимому, говорит, что, мол, если бы Вы, В.Ф., позвонили и дело бы с концом. Но Ш<аура>, демонстрируя в трубку свой разговор с В<иноградовым>, держивается: это решение Союза писателей — мы, мол, ни при чем. —

Третьего дня звонил Турков — хочет говорить, наверно, о статье — дам ему письмо «Читателя»¹⁴.

Симонов — тот же заказ от Полевого.

Симонов говорит: хорошо, но условие: один абзац о ред<акторской> деятельности Т<вардовского>. — Я позондирую. — Позондировал: нет, говорит, Сурков, уезжая в Англию, успел написать (без «абзаца»?)¹⁵.

Звонила Алигер — на квартиру. Боже, если по делу — пожалуйста, но для душевных разговоров — себе дороже¹⁶.

Первые первомайские поздравления с выражением добрых чувств, не соответствующих обстановке.

1. Бажан.

2. Кулешов (нет, без выражения и на «иностранном» языке).

3. Князев (Братск)¹⁷.

17.V.70. П<ахра>

Новая волна читательских (и отчасти писательских) писем в связи с получением на местах № 2 [«Нового мира»] за подписью В.А.Косолапова. Волна не сказать чтобы высокая, но дает и мне представление о том, что «там, во глубине России» уже довольно хорошо понимали значение «НМ», и собственную популярность мне суждено было ощутить в наибольшей, может быть, мерев эти печальные, послеразгромные недели и месяцы.

Почти во всех письмах со мной прощаются, благодарят за все, но за прощанием уже неизбежно следует примирение с совершившимся и если не забвение полное, то просто необходимость считаться с фактами¹¹⁸.

Но это только на ближайшей еще дистанции, а впереди, как мы согласны с Лакшиным, так или иначе — осознание утраты все в большей степени.

Конечно, невольно возникает все время аналогия [с] «августом» — по ходу переписки С<олженицына> с Лакшиным. Вот, казалось бы, все кончено, «приведено в соответствие», оформлено «протоколом» — ан нет, ничего не забыто¹¹⁹.

Политический гений т. Шауры и выше сказался со всей недвусмысленностью в назначении Ф.Таурина членом редколлегии «НМ» по разделу прозы (вместо бедного, слабого и больного Дороша, бог ему судья, [...] — заодно с Марьямовым — согласившегося подписывать № 2, — теперь они будут подписывать до № 7!).

В журнал, который, как я угадал в свое время, подвергался более надуманным, чем вызванным настоящей нуждой нападкам, когда еще нельзя было ему поставить в вину главную вину — Солженицына, — в этот журнал назначается для окончательного искоренения злого духа и окропления углов святой водой тот самый Таурин, который ездил «на акцию» исключения С<олженицына> в Рязань из Союза писателей. Прием безотказный до жути: парня заставили сперва сделать разовое гнусное дело — теперь откажись, попробуй. А парень, м.б., и неплохой «по идее», но уж как попал литначальником, так поделом вору и мука. Впервые встретился я с ним на Ангаре, — Иркутск, где он редактировал многотиражку, — однажды я даже пособил ему что-то обработать, заметку какую-то. Потом уж он оказался писателем, выходцем из министров Якутской АССР, автором двух-трех читанных мною романов — серая провинция, убожество, хотя знание материала было как будто. Сунулся он было в «НМ» с какой-то рукописью, но при всем моем благорасположении к нему это было нереально¹²⁰. Помню, кажется, его большие синие глаза с белыми ресница-

ми (он рыжий) в слезах, когда он выслушивал мой отрезный отказ. Или я кого-то другого вспоминаю? Во всяком случае рукопись была — и была решительно отвергнута. —

Вместе с ним назначен некий Сахнин, жук подоночный, которого помню по «Красноармейской пр<авде>», — уже тогда считался жуком подоночным. Еще вспоминается история с Далем, которого 4 тома он подобрал в См<олен>-ске — с шифром обл<астной> библиотеки — и присвоил, хотя ему говорилось, что это нехорошо¹²¹.

Компания подбирается. Мрак и ужас, по свидетельству С<офьи> Х<анановны> и Архангельской, которые уходят вместе со многими другими.

Мы говорили с Лакшиным (третьего дня ездил в райком отчисляться), что размеры катастрофы еще будут более и более выявляться (а потом уже перестанут выявляться — все будет наравне с другим).

Ленюсь записывать, писать письма смерть не могу, о чем другом уже не речь.

19.V.70. П<ахра>

Вчера в городе. Добрался автобусом, на конечной подвернулось такси. Села прежде меня женщина:

— Крематорий.

Поехали. Шофер бормочет:

— Зачем такое слово нехорошее — крематорий? Это немцы в крематориях сжигали людей, а мы — крематорий.

Я: — Это слово не немцы выдумали.

Женщина с заднего сиденья:

— Это слово еще во времена Пушкина было, когда хоронили Крылова... (?)

Отправил деньги в См<олен>ск. Свыше 20 лет заполняю ежемесячно этот бланк, дважды повторяя свой адрес (и фамилию) и адресата. Сестра Маруся пишет: почему не отвечаешь на мои письма? Но она, по лености своей, в кои-то веки письмишко написала, а что мне ей писать? О своих переживаниях разгрома «НМ» — не напишешь. А ее утесняют по службе (это синхронно: как со мной что-нибудь — тотчас отзывается на моих)¹²².

Позвонил Румянцеву — только что уехал, будет в 3.30. — Позвонил раз и другой Сацу — нету. Позвонил Лакшину — болен: свинка, не встал к телефону. Хитрову — есть, свободен (месяц уже по прочтении газет нечего делать в редакции, а отпустить не отпускают, подписывай ж<урна>л, ставь свою фамилию рядом с теми). Пробились в «Эрмитаж», съели по четверти «табака» и по чебурекам, от которых изжога и тошнота

подкатывает весь день. Поехали к Сацу, он вялый, виноватый и нерешительный — устал, пить не стали, слава богу. — Выпили не до конца буг<ылку> сухого в «Арарате». Зашли в магазин, купили собачьих костей 4 кг, дал я Сацу 10 руб. ввиду его уныния — завтра, т.е. сегодня, они с Хитровым выпьют.

Еще зашел до всего этого в фотоателье, где снимался для собр<ания> соч<инений> (изд. 2-е). Раисы Ивановны Хиббабулиной (?) там уже нет. А я испортил поправкой надпись на общей из двух последних карточек с этого негатива.

Володя, кормящий младенца, телефон, надо ехать ему за Ольгой с ее подрамниками и пр.

Впервые я в этом институте, никого нет, уговорил сторожуху, поднимаюсь на четвертый, почти задыхаясь.

— Вот кто это лезет, — слышу голос Ольги, не очень даже удивленный. Познакомила меня с одноруким своим преподавателем. Курилка? ¹²³ Сын Курилки?

После всей усталости и недовольства собой (только собачьи кости и снасти из охотнич<ьего> магазина утешали немного) как нельзя более дурной, предельно не нужный звонок С.Фиксина из гост<иницы> «Россия»¹²⁴.

— Шура! Ты мне друг. Какой же ты друг...

— Я устал, еду на дачу и т.п.

— Зачем тебе дача, там небось холодно... и т.п.

Дошел, бросил трубку, и хотя Фиксин болван болванский и как смолоду не читал «Капитанской дочки», так в старости и подавно, неприятно, что бросил трубку, — ничего не поймет. Около 40 лет (более) тому назад мы будто бы дружили, но он и тогда был дурак, думал, что на Южном полюсе жарко, так и теперь, через этих 40 лет.

20. V. 70. П<ахра>

Всесоюзное совещание по военно-худож<ественной> лит<ературе>, созванное Главпуром и Союзом писателей, оказывается, идет уже третий день. Вчера, имея основания предполагать, что меня просто не пригласили (Епишев, стремящийся запретить «В<асилия> Т<ёркина>» на исходе третьего десятилетия его жизни), позвонил Ольге — оказывается, было на столе приглашение, но я его не заметил, ни звонков, ни особых приглашений не было, как это бывало в подобных случаях.

И раздумавшись, решил не ездить. Вступ<ительное> слово Суркова, репетиция которого была в Ярославле, наверняка будет иным уже. Симонов, предположивший, что это репетиция, услышал от самого Суркова: — Да нет, куда там...

Доклад Кожевникова — просто не хочется слушать (писанный кем-нибудь, как уже заведено, «по образу и по-

добию»). Выступления же делегатов в вузах, на предприятиях столицы и в колхозах и совхозах Подмоскovie тоже меня не соблазняли бы даже в иные времена. И не поехал.

Не поехал, хоть была даже оказия — звонила (вдруг!) Нона Сергеевна [Яковлева].

Но сперва нужно было записать «Ярославль».

Симонов накануне отъезда в Гульрипшу свою спросил, не желаю ли я, по предложению Суркова, поехать с ними обоими в Ярославль. Нет, говорю, не желаю. И забыл думать об этом. Вдруг — «ЛГ» за прошлую среду, интервью с Воронковым: Сурков, Симонов, Твардовский выезжают в Ярославль. Симонов прислал мне записку: я, мол, неповинен, а Воронкова спросил, тот сослался на Суркова, с чьих слов будто бы и было сообщение. И оказалось, Симонов таки едет в Яр<ослав>ль, чтобы уехать от Совещания — Лариса Ал<ексеевна> так сказала.

Назавтра Симонов заезжает, рассказывает о Яр<ослав>ле и что он спросил Суркова, зачем же он указал мое имя в составе бригады. Сурков: — Я с ним, Воронковым, три года не разговариваю, ничего не говорил и на этот раз.

— Как же вы объяснились в Ярославле, что нет Т<вардовского>?

— Сурков сказал, что он (т.е. я) «немного нездоров». А Шауре я сказал, что Т<вардовский> «не может поехать».

Все погано. И верно сказал Хитров, которому я излагал эту историю, что это сознательное вранье в целях, во-первых, понуждения к поездке, а во-вторых, на что особенно налегает Дементьев, это в целях идеологической дискриминации («отказался поехать на подготовительную к Совещанию встречу в Ярсл<авском> Доме офицеров»). Это в том же роде приемы, как и понуждение Дороша и Марьямова подписать журнал, хотя бы они и не работали фактически.

М<ежду> пр<очим>, «НМ» отправил телеграмму Берггольц (сказала С<офья> Х<анановна>, убеждая меня приветствовать ее: «поздравляем верного друга *нашего* журнала» — редколлегия (без имен!)¹²⁵.

Записываю какую-то дрянью, а почта лежит, тетрадки лежат — дальше 20-й не читал, не говоря уже о деле!

Но еще о Дементьеве. Ему через Тимофеева было передано от Сучкова, чтобы он подал на пенсию. Он сказал — не буду подавать — и даже собрался кое-какую бумагу сочинить по старой памяти. Но позвонил Тимофееву, тому-сему — не хотят подтвердить оскорбительный тон предложения дирекции.

А третьего дня, который я сумбурно записал в неполноте неприятностей, звонит уже мне Мих. Мат. Кузнецов: так и так, события убыстряются, директор в ответ на отказ Дем<ентьева> подать на пенсию заявил во всеуслышание, что в таком случае он увольняется по мотивам *идеологической* непригодности и что в среду (сегодня) это решение будет подтверждено месткомом.

Кузнецов был в очевидной панике (он соавтор Дем<ентьева> по 4-му тому «Истории сов<етской> лит<ературы>» и т.п.): — На вас, А.Т., вся надежда, — пойдите, мол, к Д<емичеву> или С<услову>, предупредите это дело. Я сказал, что ни к Д<емичеву>, ни к С<услову> я не пойду, сам Дементьев будет против этого, но Дем<ентьеву> передам все, чтобы он выехал в город завтра или даже сегодня. Так и сделал.

Дементьев уже кое-что знал (позвонил своим людям, но недослышал по глухоте)¹²⁶.

Что-то он, бедняга, сейчас предпринимает? Вчера он уехал в Москву в 5 ч. утра. —

23. V. 70. П<ахра>

Без 20 [минут] 6. Солнце на восходе.

Вчера без большой нужды поехал в город с Верейским. Совсем без нужды и почти без повода заехал с ним в Детгиз, напоролся на неприятность — Кассиля, кот<орый> меня «не узнал»¹²⁷.

Послал телеграммы Берггольц — в ответ на ее телеграмму с просьбой приехать в Л<енингра>д на ее «скромное торжество» (девушка на телеграфе одобрила текст и была снисходительна к тексту телеграммы Горяеву¹²⁸, нанесенному на обороте испорченного бланка). Получил переводы от «Дніпро»¹²⁹ (25 р.) и из Литвы (9 р.). Не новый ли закон, по которому союзные республики тоже платят (как раз тогда, когда мне нечего получать)?

Лакшина вчера увезли в больницу, еще он был дома, когда я позвонил. Позвонил Воронкову, он выразил вящую (?) готовность помочь. Но Хитров предупредил меня — достал через «Известия» академика-специалиста (инфекциолога?). Тот и сказал, что немедленно в больницу, — Лакшин не хотел да и домашние: впереди два выходных, когда он будет лежать без присмотра.

Воронков сказал, что «надо бы нам поговорить о 21 июня. Не устроить ли вечерок» (так и сказал) и т.п. Условились на понедельник. А о чем поговорить и до чего можно договориться? Дадут ли Звезду — об этом он не сможет сказать, а так — «вечерок» устраивать — нет подъема духа.

Все глубже ухожу в тину-трясину безразличия ко всему, думы и предположения насчет конца концов.

Хитров, м<жду> пр<очим>, сказал, что на вчерашней редколлегии Овчаренко выступил с чем-то подобным его выступлению на [пленуме] РСФСР¹³⁰. Хитров назвал это клеветой и ушел звонить по поводу академика, поднялся невообразимый [шум], — как он сказал по телефону с квартиры Лакшина, где я застал его часов в 9 ожидающим возвращения Светланы из больницы. Подробности «не для телефона». Ждал его звонка до 11, пошел спать, позвонит сегодня.

Ленькин клен болеет, но должен прижиться.
Забывания.

25. V. 70. П<ахра>

Бедный Алгриг!

Вчера зашел к нему с принятым у нас некрасовским:

Ну, говори поскорей:

Что ты слышал про свободу?..¹³¹

— Ничего не слышал, — начал было он, поднимаясь с кушетки и тотчас поправился: — Вот как раз сам освобожден от работы в институте...

В числе четырех докторов наук (Тагер, Евнина, еще кто-то) он (Дем<ентьев>) подал заявление в местком, который, естественно, имел готовое решение, которое и вынес в присутствии Сучкова, попивавшего чаек (один он).

Д<ементьев> говорил складно и неопровержимо подготавливался, но что ж он думал, бедняга.

М<жду> пр<очим>, вшили ему (на словах) «новомирское направление», но на бумаге отпустили с миром, чтобы самим не увязнуть («НМ» тоже нельзя)¹³².

Выкорчевали.

Заговорил о работе, о планах своих изданий, но уж где там — до каких-либо перемен нечего и думать.

Дожил я до таких степеней, что уже, как подсказал мне Алгриг, даже такое дело, как возможность награждения меня той или иной наградой, не есть мое дело личное — оно касается многих и даже всей нашей литературы. Звезда не просто вид на жительство для меня одного. Если звезда, то еще не все прахом после «НМ», есть какое-то торможение при спуске, какая-то совесть и необходимость считаться с чем-то.

Но с другой стороны, какая тут звезда при наличии «будто бы запрещенной» поэмы, при факте разгрома журнала, который был поперек горла, и для этого пошли на все, на всяческое непотребство.

Сегодня еду в город по договоренности с Воронковым «поговорить без обиняков». Что означает «вечерок», который, «может быть», нужно устроить, — собственно в каком помещении? Если ЦДЛ, то спасибо в шапку, если Зал Чайковского, в котором Тихонов, Сурков, Исаковский подряд были причислены к лику, — другое дело. По одному этому можно будет судить о серьезности намерений.

Наибольшая опасность и коварство моих опекунов — четвертый орден [Ленина], коих у меня уже три, — это и безупречно высокая награда, ничего не скажешь, и вместе с тем отнесение меня ко второму разряду, вроде депутатства РСФСР¹³³.

Если звезда, то можно отложить на потом вопрос о поэме, решить его задним ходом, так сказать.

Если не звезда, то это почти наверняка исключено и непоправимо на длительный период

(пишу поверх, кажется, «тезиков» выступления на Белорусском съезде — в каком-то году — халтурка, невозбранна по тем временам — до 53 г.)¹³⁴.

Синицу в руки, если уж будет ясно, что не звезда, — машину, ибо ее я и при деньжонках не смогу добыть обычным путем.

Утренние немощи возраста, нависающая угроза больницы (ноги, зубы, жопа).

Сегодня зайти к Винниченко Ивану Федоровичу (кажется), легализоваться в парторганизации Московского отделения. Наровчатов лучше, чем Михалков, на этом месте¹³⁵.

Третьего дня выкладывал в штабель полтыщи (600) кирпича, приобретенного накануне за 20 р. Вчера копал за столожкой.

Неясность с Ленкиным кленом, который, по мнению Маши, не на месте. Вчера Оле не сказал, что это клен Ленкин, и не показал его.

26.V.70. П<ахра>

Аудиенция была очень короткой.

Между прочим, когда я позвонил в 2 ч. из будки (хорошо еще, что не грянул без звонка), там был Федин, с которым, слава богу, мне не было предложено встретиться. Любезнейший Жданов Вл. Викт., предложивший мне ехать прямо в Союз, отвез меня домой, лишившись возможности пообедать в ЦДЛ.

— Ну как будем, А.Т., праздновать? М.б., правда, вечерок устроим, я дам команду...

Ни слова о том, где, в каком зале.

— Да нет, К.В., я и в 50-летие свое вечера не устраивал.

— Я знаю. — Одобрительно. — Значит, не нужно. Да я и в ЦК докладывал, что ряд наших крупных писателей отказались от юбилейных вечеров: Леонов, Сурков, Твардовский... — Без оговорки, что Сурков потом согласился и расцвстал в Зале Чайковского.

— Действительно, зачем вечер. Наберется там черт знает какого народу, найдутся и *провокаторы* — не уберешься, несмотря на всю нашу бздительность (это он сострил).

«Ах, вон оно что», — смекнул-таки я, но не сказал ни слова.

— А мы лучше соберемся своей семьей в ЦДЛ, человек 40—50, ну 70, — устроим обед, там и речи будут...

— Нет, К.В., обед — это дело домашнее. И потом, какой мне интерес выслушивать речи подвыпивших людей, славословящих мне? Это — нет, К.В. Это я дома...

— Дома само собой. А тут в кругу своих товарищей по Секретариату, как-никак столько лет вместе работали.

— Нет. Знаете ли, полезет еще какой-нибудь целоваться, с кем я и здороваться не хочу.

— Так вы тех и не приглашайте — это все по вашему выбору.

— Нет, К.В., я бы только просил в ознаменование этой даты справить мне, как вы обещали («это не вопрос»), машину. Ведь после я уже не смогу ее купить, а машина нужна.

— Я постараюсь...

Были с Хитровым у Закса, я ничего не говорил о встрече с К.В. Хитров мне рассказал о «пятнице» — той редколлегии, где выступал Овчаренко, назвавший мое имя с Синявским. Был шум невообразимый. Женщины раскудахтались возмущенно. Косолапов потом сказал, что действительно Овчаренко допустил бестактность. Но, мол, я, Косолапов, читал поэму и в «Посеве», и в верстке «НМ» — разница небольшая... —

29.V.70. П<ахра>

Третьего дня на даче ночевал Македонов. Переговорили о многом. Дал ему прочесть зарубежные отклики на отставку, внутренние на № 2 (почта), папку «11», переписку Солж<еницына> с Лакшиным (последний еще в б<ольнице>), еще кое-что дал — надписал верстку «По праву памяти» (он не имел ее второго варианта с дополнениями «Забыть, забыть...»). Прочел его статью, очень — небо и земля! — улучшившуюся против 1-го варианта. В Гослите ему сказано было, что одностомник сдается 10.VI. Наконец-то¹³⁶.

Что не Звезда, то это уже ясно, судя по Воронкову, но уж хоть бы тот минимум, который дает право на переизда-

ния. Шутка сказать, наградная инфляция превратила орден Ленина во второстепенную награду, а еще м.б., что и ничего не последует: «не разоружился».

Закончил 23-ю тетрадь — 60-й г. Перечитывал впервые за 10 лет записи по 50-летию. Уже тогда старость была на пороге, теперь она переступила порог, и бог бы с ней, кабы на душе было спокойнее.

Вчера Тендряков читал свой рассказ о голоде в 33-м году. Был рад, что за невозможностью опубликовать были излишни суждения по существу¹³⁷.

Еду на партсобр<ание> Моск<овской> организации.

Редактором «НМ», в том смысле, какой приобрел окончательно, я стал, судя по тетрадям, примерно с 60-го г. До этого как бы вроде шла работа для себя и для ж<урна>ла. А тут уж все концы сходятся: и «Дали», и Солж<еницын>, и «Т<ёркин> на том свете». И стал уже дома, а не в редакции писать свои «письма». —

31.V.70. П<ахра>

Партсобрание с необозначенной повесткой дня, но закрытое и «явка обязательна». Думал поговорить с парт<ийным> руководством о перечислении меня на учет, но Президиум, в который меня не избрали (а отсутствующий Кочетов был избран), оказался мне недоступен. «Итоги ленинского юбилея» — фильмишки в начале и конце, боковые выходы закрыты и «мы решили не делать перерыва» (конечно же, и трети не осталось бы после перерыва).

Будь что будет, поднялся и ушел, сперва в боковой выход, там дверь на лестницу заперта, потом на виду у Президиума вверх — там был выход. Нет, думаю, т. Васильев, не окликнешь по фамилии, как иных, а окликнешь — обернись не спеша, «длинно посмотрю» и проследую к двери. — С Сацем, захватив для Фомки трески в рыбном. — Обидел Валю — она хотела заехать, но сил у меня не было. Оля сообразила — Володя отвез меня. Утром звонил Вале.

Безводье. С двумя ведрами к одной, другой колонке. Владелец дачи с гротами и всяческими детскими затеями — Виктор Петрович Чертков, вызвавшийся проводить меня, родник за 1—1,5 км в сторону Черной Десны (после фабричной). Дочь Цыбенко — той самой Ц., от которой я заочно отбояривался, когда ее навязывали в члены по публицистике.

Дача Черткова, все ее детские штучки, составляющие для этого доктора философских наук поистине трогательную привязанность и, м.б., главный интерес личной жизни (и зимой в летнюю дачу приезжает на «викенд», прогревает матрас и т.п.), навела на мысль к давнишнему замыслу рассказа

«Имба на буксире», и как-то прояснилось, что нужно в третьем лице и не расплываться («когда к нему пришли "обеспечивать", т.е. ломать, печку, он усмехнулся: я уж сам... Он привык быть "опорой", "активом" и т.п., через кого проводятся все "мероприятия"»). —

Перехожу в новую тетрадь^{*}.

Записать для начала, что по тетрадкам (читаю 24-ю) только с 60—61-го гг. журнал входит и в них наравне с «Далями», «Т<ёркиным> на том св<ете>» и стихами.

2 июня 70. П<ахра> **

Второй жаркий день после длительных холодов. В воскресенье — Рой [Медведев] с известием о Жоресе¹³⁸. Послал телеграмму в Калугу. — Вчера Москва: у Лакшина после болезни. — Оля сдала последний [экзамен]...

[Вклейка]***

Батя, батя, где ты, где ты
Нынче носишься по свету?
Под какой ночуешь кровлей,
Жив, здоров ли?

От годов, трудов и злости
Может, только стал горбатеи:
Или вовсе паришь кости
На неведомом погосте,
Батя, батя...

Иль мечтаешь в самом деле,
Чтоб вернули двор тебе,
Да не тот, что был на деле,
А что грезился тебе:

Сад по склону, дом глаголем,
Хоботастый сытый скот,
Клевера густые в поле,
В светлых сотах теплый мед...

1938

* Новой дневниковой тетради уже не было. — *Помета М.И.Твардовской.*

** Последняя запись А.Т в последней тетради. — *Помета М.И.Твардовской.*

*** Стихотворение из тетради 1938 г., воспроизведенное и в записи 18 марта 1968 г.

1967

- 1 Сессия ВС РСФСР, депутатом которого А.Т. был до 1967 г.
- 2 Имеется в виду рукопись Р.А.Медведева «Перед судом истории». См. о ней записи в ноябре 1966 г. (Т. 1).
- 3 Журнал «Природа», выписываемый М.И., в который и А.Т. часто заглядывал по ее совету.
- 4 О развитии отношений А.Т. с А.И.Солженицыным см. записи предшествующих лет.
- 5 В июле 1954 г. А.Т. был снят Секретариатом ЦК КПСС с поста главного редактора «Нового мира» (который занимал с 1951 г.) за «ошибочную политическую линию», объяснявшуюся «идейно-порочными взглядами самого А.Т., выявившимися в "Тёркине на том свете"» («Новый мир» и общественные умонастроения в 1954 году / Публ. Ан.Петрова и Ю.Буртина // ДН. 1993. № 11).
- 6 Л.И.Брежнев, к которому советовал обратиться А.Т. Сурков, как и вся партийная верхушка, относился к «Новому миру» резко отрицательно. См.: Из рабочих записей Политбюро // Источник. 1996. № 2. С. 111—118.
- 7 Про общение с А.Т. на Пахре см.: Бакланов Г.Я. Остановить мгновение // Воспоминания... М., 1982.
- 8 Савва Артемьевич Дангулов (1912—1989) — дипломат, писатель, член редколлегии журнала «Иностранная литература». Юрий Иванович Суровцев (1931—2001) — литературовед, критик, заместитель главного редактора «Литературной газеты».
- 9 Альберт Андреевич Беляев (р. 1928) — инструктор Отдела культуры ЦК (1962—1966), заведующий сектором литературы Отдела (1966—1973). Александр Михайлович Галанов — инструктор Отдела культуры, курировавший «Новый мир».
- 10 Роман В.М.Кожевникова, печатавшийся в редактируемом им журнале «Знамя» в 1965 г.
- 11 Жена А.Г.Дементьева.
- 12 Имеется в виду грипп в семье.
- 13 А.Т. умер в возрасте 61 года.
- 14 О Д.Старикове см. запись от 18 декабря 1966 г.
- 15 Шофер редакции «Нового мира».
- 16 Сообщения Телеграфного агентства Советского Союза, не предназначенные для распространения в средствах массовой информации.
- 17 Александр Яковлевич Каплер (1904—1979) — драматург, сценарист (к/ф «Ленин в Октябре», «Ленин в 1918 году»). Пьеса Каплера в «Новом мире» не появилась.

- 18 Иван Петрович Румянцев (1886—1937) — участник революций 1905 г. и Октябрьской. Первый секретарь Западного обкома ВКП(б). Пытаясь спасти в 1930 г. родителей от высылки как кулаков, А.Т. обращался за помощью и к Румянцеву, который напомнил ему, что революция требует жертв, и поставил перед выбором: или революция, или родители. Что мог ответить комсомолец, веривший в революцию? Румянцев был арестован и расстрелян в 1937 г., когда А.Т. жил уже в Москве.
- 19 Письмо в Политбюро ЦК КПСС о судьбе журнала «Новый мир», начатое 8 января, в котором А.Т. протестовал против «орывыводов» ЦК, явившихся не результатом обсуждения журнала, а «взамен обсуждения». А.Т. признавал такое положение оскорбительным, как исходящее из того, что он лишь подписывает журнал, «а делают его другие люди», и просил освободить его от должности главного редактора «Нового мира». В письме А.Т. излагал свое представление, каким должен быть журнал, и полемизировал с его критиками (Архив А.Т.). «Малое письмо» в ЦК см. в записи от 8 января.
- 20 23 января «Правда» напечатала подборку стихов А.Т. со ссылкой, что они из цикла, «который публикуется в журнале "Новый мир"». На такую ссылку газета не соглашалась в ноябре 1966 г., тогда А.Т. отказался от публикации.
- 21 Стихотворение «Я знаю, никакой моей вины...» в «Правде» завершалось строкой: «Речь не о том, но все же... / Что же — все же? / Не знаю. Только знаю, в дни войны / На жизнь и смерть у всех права равны». В «Новом мире» (1966. № 12. С. 97) концовка иная: «Речь не о том / И все же, все же, все же...» Со ссылкой на «Новый мир» и «Литературная газета» в январе 1967 г. напечатала стихи А.Т. из того же цикла. В декабре 1966 г. газета отказывалась дать такую ссылку, из-за чего публикация не состоялась. См. записи в декабре 1966 г.
- 22 Редакционная статья «Правды» усматривала «серьезные недостатки "Нового мира"» в «зыбкости идейных позиций» и «подчеркивании теневых сторон жизни». Отмечалось, что редакция проходит мимо героики в советской действительности, выдвигая на первый план «персонажей, обиженных судьбой, людей с ущербной психологией и моралью, общественно пассивных» (Когда отстают от времени // Правда. 1967. 27 января).
- 23 Празднование 8 Марта в редакции.
- 24 Твардовский А.Т. Из лирики этих лет (1959—1967). М.: Советский писатель, 1967. В книгу вошло 62 стихотворения.
- 25 А.Т. читал Дневники Л.Н.Толстого по собранию сочинений писателя в 20 томах (М., 1960—1967). Т. 20, испещренный пометками А.Т., сохранился в его библиотеке.
- 26 А.Т. избирался депутатом ВС РСФСР в 1947—1954, 1958—1966 гг. В 1966 г. кандидатом в депутаты властями не выдвигался.
- 27 Членом Комитета по Ленинским премиям А.Т. состоял в 1958—1967 гг.
- 28 В.Я.Лакшин не был утвержден заместителем главного редактора, но фактически выполнял его обязанности до разгона редколлегии в 1970 г.
- 29 КОМЕС — Комитет Европейского сообщества писателей.

- 30 А.А.Сурков — руководитель советской секции ЕСП, А.Т. — вице-президент ЕСП с 1965 г., И.В.Абашидзе — член исполкома ЕСП, Г.С.Брейтбурд — ответственный секретарь секции.
- 31 О критике в «Правде» «Нового мира» см. запись от 9 марта и примеч. 22.
- 32 Звание Героя Социалистического Труда получили М.А.Шолохов, К.А.Федин, А.Е.Корнейчук, Л.М.Леонов, М.Турсун-заде, П.Тычина, А.Упит (Правда. 1967. 24 февраля).
- 33 Имя А.Д.Синявского продолжали связывать с «Новым миром», где он печатался до ареста.
- 34 ТАСС сообщал, что С.Аллилуевой (дочери И.В.Сталина) в конце 1966 г. была выдана виза на выезд в Индию для захоронения ее мужа — гражданина Индии. «Как долго пробудет С.Аллилуева за рубежом — это ее личное дело» (Правда. 1967. 13 января). Однако слух о том, что она попросила политического убежища в США, уже распространился в обществе.
- 35 А.Т. писал Сурену Оганесовичу Газаряну, что его воспоминания оставили «большое и значительное впечатление». «И замечательно, что Вы, по-видимому, человек, необычайно сильный духом, способный выдержать жуткие пытки, но не совершить хотя бы и вынужденного бесчестья, в то же время отнюдь не рядитесь в тогу классического героя [...] и предстаете перед читателем как равный ему, читателю, человек, которому по человечески может быть и больно, и страшно. И горько, и мучительно одиноко... Отсюда — безоговорочное доверие читателя ко всему, о чем Вы повествуете, и та самая мера воздействия книги на читателя, когда он вместе с автором — героем книги как бы самолично проходит через все, что тому досталось пережить» (Письмо А.Т. С.А.Газаряну от 13 марта 1967 г. Копия // Архив А.Т.). Как и предрекал А.Т. автору, книга вышла в свет: Газарян С.О. Это не должно повториться. Ереван, 1990. В книге опубликовано и письмо А.Т. Воспоминания Газаряна — бывшего работника НКВД, арестованного в 1934 г. и реабилитированного в 1955 г., использованы в работе Р.Медведева, упоминаемой в записях А.Т.
- 36 Книга Евгении Семеновны Гинзбург (1904—1977) «Крутой маршрут» была издана в 1966 г. в Милане. Рукопись поступала в «Новый мир», но не была принята к публикации. Е.Гинзбург ошибочно посчитала, что А.Т. ее не прочел, а просто «бегло перелистал». После повести «Один день Ивана Денисовича» редактор «Нового мира» не хотел снижать планку в раскрытии лагерной темы. Сама Е.Гинзбург признает, что, уничтожив первый вариант своих воспоминаний, написанный в 1959—1962 гг., где была «раскованность и абсолютная исповедальность», писала уже под воздействием «внутреннего редактора» — с надеждой на опубликование, а это, по ее же словам, отразилось на книге (Гинзбург Е. Крутой маршрут. М., 1990. С. 394).
- 37 Расширенное заседание Секретариата Правления СП СССР, на котором обсуждался «Новый мир», состоялось 15 марта при отсутствии представителей Отдела культуры ЦК КПСС. Присутствовали первые секретари СП союзных республик, а также рабочие члены редколлегии «Нового мира» (В.Я.Лакшин,

- А.И.Кондратович, А.М.Марьямов, Е.Я.Дорош) во главе с А.Т. Стенограмму заседания см.: Октябрь. 1990. № 8. С. 174—198.
- 38 Рассказ прозаика Анатолия Сергеевича Макарова «Дома» (НМ. 1966. № 8), впервые выступавшего в журнале. Эту публикацию, как «беспросветную картину жизни» в российской глубинке, дружно критиковали В.М.Озеров, Н.М.Грибачев, Л.Н.Новиченко и др. Соглашаясь, что рассказ реалистичен, критикующие требовали от автора и журнала отразить «поступательное движение вперед» (Там же).
- 39 А.Б.Чаковский утверждал, что недостатки «Нового мира» (преимущественное внимание к теневым сторонам действительности и т.д.) — следствие взглядов редакции «не просто литературных, но выходящих за пределы литературного характера». Л.С.Соболев обращал внимание на то, что за границей в А.Синявском видят «ставленника» «Нового мира», и призывал А.Т. отмежеваться от него, подчеркивая, что до сих пор редактор журнала этого не сделал (Там же).
- 40 17 марта А.Т. вылетел в Рим на сессию ЕСП. 18 марта проездом был в Будапеште. Записи из путевого блокнота о пребывании в столице Венгрии, опубликованные М.И.Твардовской, см.: ЛО. 1982. № 10. С. 108.
- 41 Возвращение советской делегации из Италии.
- 42 В информационном сообщении о состоявшемся обсуждении журнала «Новый мир» говорилось преимущественно об «ошибках» журнала, причем о некоторых из них на самом обсуждении речи не было. Так, критиков «Нового мира» обвиняли в групповщине — захваливании своих и разносе неугодных журналу авторов. Из обстоятельного выступления А.Т. с анализом критики в адрес «Нового мира» не было приведено ни одного положения. Получалось, что А.Т. только выразил за нее признательность (В Секретариате Правления СП СССР // ЛГ. 1967. 29 марта; То же // Правда. 1967. 27 марта. Ср. со стенограммой обсуждения. О протесте А.Т. см. запись от 14 апреля).
- 43 Подразумевается подготовка к IV съезду писателей СССР, который должен был проходить в мае.
- 44 Николай Григорьевич Егорычев (1920—2005) — первый секретарь Московского городского комитета КПСС (1962—1967). 75-летие К.А.Федина отмечалось 24 февраля.
- 45 Письмо в Политбюро ЦК КПСС с протестом против вывода из редколлегии А.Г.Дементьева и Б.Г.Закса и просьбой об отставке см. в записях от 8 и 9 января. Выступление А.Т. на обсуждении «Нового мира» см. по стенограмме заседания Секретариата Правления СП 15 марта (Октябрь. 1990. № 8).
- 46 Цитата — слова Поприщина, героя «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя, — еще будет повторяться А.Т.
- 47 М.В.Исаковский не в первый раз просил А.Т. написать вступительную статью к его собранию сочинений. «Мне кажется, — писал он А.Т. 31 марта 1967 г., — если бы у тебя нашлось немного времени и если бы у тебя было соответствующее настроение, то написать статью ты мог бы, по-моему, сравнительно легко. Ведь статья обо мне у тебя есть и притом хорошая. Может быть, ее надо чуточку расширить, потому что писалась она уже давно

и кое-что в ней не учтено, но все же основа есть, а это очень важно» (Исаковский М.В. Собр. соч.: В 5 т. Т. 5. М., 1982. С. 250—251). Насколько «легко» далась эта статья А.Т., видно из последующих записей. Антонина Ивановна — жена Исаковского.

- 48 Речь идет об отчете о командировке в Италию на сессию исполкома ЕСП.
- 49 См. запись от 4 января. Л.Д.Троцкий в 1929 г. был обвинен в антисоветском заговоре и выслан из СССР. На первом же политическом процессе в 1936 г. приговорен к смертной казни. А.Т. впервые прочитал в рукописи Р.А.Медведева об организованной И.В.Сталиным охоте за Троцким и его убийстве.
- 50 Виктор Максимович Жирмунский (1891—1971) — филолог, академик, автор работ в области фольклора, поэтики, стиховедения.
- 51 Речь идет об обсуждении плана издания собрания сочинений С.Я.Маршака, членами комиссии по литературному наследию которого были А.Т., Жирмунский и Иммануэль Самуилович Маршак (Элик) — сын поэта. Статья А.Т. напечатана в 5-м томе собрания сочинений Маршака (М., 1970) как послесловие к его поэзии. Впервые — в «Новом мире» (1968. № 2).
- 52 Задуманное приложение к тому поэм в подготовляемом собрании сочинений не было напечатано.
- 53 Борис Николаевич Полевой (1908—1981) — прозаик, публицист, главный редактор журнала «Юность» (1962—1981).
- 54 Отобранные для публикации в «Юности» (1967. № 5) стихи: «В живых-то меня уже нету...» (в перечне А.Т. для краткости — «Старушка»), «Такою отмечен я долей бедовой...» («Волки»), «Я сам дознаюсь, доищусь...» («Над ухом не дышите»), «Спасибо за утро такое...» («Зимнее утро в лесу»).
- 55 Твардовский А. История одного стихотворения: Поэт отвечает на письмо читателей // Известия. 1967. 15 апреля. Здесь же приведена фольклорная запись, положенная в основу стихотворения «Ленин и печник». О замысле этой публикации и ее подготовке см. записи А.Т. в апреле 1965 г.
Эта же фольклорная запись была использована и М.М.Зощенко. См.: Зощенко М. Ленин и печник // Рассказы о Ленине. М., 1940.
- 56 Речь идет о приговоре по делу А.Синявского и Ю.Даниэля, грозившем расколоть Европейское сообщество писателей (см. запись от 3 апреля).
- 57 За «круглым столом» еженедельника «Эспрессо», где присутствовали А.Моравиа, М.Рипелли, П.Милано, А.Т. сказал: «Не верьте тем, кто говорит об оппозиционном духе нашего журнала. Вам должно быть достаточно одного этого заверения, потому что вы слышите его непосредственно от главного редактора, который коммунист не только по партийному билету, но и всем складом своей духовной жизни и всем содержанием своей литературной работы» (Встречи в Италии // ЛГ. 1967. 26 апреля).
- 58 О статье сотрудников Института истории искусств Леонида Пажитнова (1930—1997) и Бориса Шрагина (1926—1990) «Культурная революция и культура» см. запись от 11 апреля.

- 59 Твардовский А.Т. Поэзия Михаила Исаковского // Соч. Т. 4. Впервые под названием «Поэзия жизни» напечатана в «Литературной газете» (1949. 16 апреля).
- 60 Из стихотворения «Все та же даль...» (1926): «И у смоленских каменных порогов / Я слышу звон косы и дальний скрип востов...» (Исаковский М.В. Соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1981. С. 103).
- 61 Демьян Бедный (Ефим Алексеевич Придворов) (1883—1945) — поэт, из крестьян. В стихах Бедного соединялись народный лубок и политическая агитка с ее прямолинейными лозунгами.
- 62 А.Т. имеет в виду отзыв М.Горького на первую книгу стихов М.Исаковского «Провода в соломе» (1927). Автора Горький назвал «тем новым человеком, который знает, что город и деревня — две силы, которые отдельно одна от другой существовать не могут» (Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 24. М., 1953. С. 312).
- 63 Подразумевается встреча М.Исаковского с М.И.Погодиным — смоленским деятелем народного просвещения, который спас его от надвигавшейся слепоты и помог получить образование. См.: Исаковский М.В. На Ельнинской земле. Автобиографические страницы // Соч. Т. 3. М., 1981.
- 64 Числившиеся в 1920—1930-е гг. в плеяде «комсомольских поэтов» Александр Ильич Безыменский (1898—1973), Александр Алексеевич Жаров (1904—1987), Иосиф Павлович Уткин (1903—1944).
- 65 Названы стихи Исаковского 1920-х гг. Под стихотворением «Конокрады» имеется в виду стихотворение «Темной ночью». См.: Исаковский М. Соч.: В 5 т. Т. 1.
- 66 Парк назывался по имени бывшего владельца имения на Пахре.
- 67 А.Т. цитирует по памяти статью В.И.Ленина «Партийная организация и партийная литература»: «Литература должна стать частью общепартийного дела... Литературная часть партийного дела не может быть шаблонным отождествлением других частей партийного дела пролетариата» (Ленин В.И. Соч. 3-е изд. Т. VIII. С. 387—388).
- 68 Рецензия критика А.Лежнева (1893—1938) на книгу М.Исаковского (Правда. 1927. 18 ноября).
- 69 Упомянутый в записи от 8 апреля отзыв М.Горького в поддержку Исаковского был опубликован в «Известиях» (1928. 27 января).
- 70 Имеется в виду совещание селькоров Смоленского уезда Западной области (Смоленск, 24—26 марта 1926 г.). Анкету селькора Твардовского см.: Левитин М. Так начинался А.Твардовский // Под часами. Смоленск, 2002. № 1.
- 71 А.Т. по памяти цитирует первые строки стихотворения «Матери». У М.Исаковского: «Не думай, мать, об убежавшем сыне» (Исаковский М. Соч. Т. 1. С. 80).
- 72 Первое заседание редколлегии «Нового мира» в новом составе — после вывода из нее А.Г.Дементьева и Б.Г.Закса и пополнения Ч.Т.Айтматовым, Е.Я.Дорошем и М.Н.Хитровым.
- 73 Объясняя, почему «Новым миром» была отклонена статья Л.Пажитнова и Б.Шрагина «Культурная революция и культура», А.Т. писал авторам статьи 26 апреля 1967 г.: «Говоря о событиях и фактах китайской "культурной революции", об урод-

ливых формах культа личности Мао Цзэдуна, авторы более всего заняты выявлением известных аналогий и уподоблений, уводящих читателя от собственно китайского предмета изложения в его исторической и политической сложности... Я не хочу сказать, что основательная и глубокая характеристика китайской трагедии не может вообще вызывать в памяти некоторых печальных явлений и черт нашего исторического опыта, но это должно вытекать из существа китайских событий самих по себе, характеризующихся с научной основательностью и объективностью, без "наводящих" усилий авторов» (Архив А.Т. Копия).

- 74 О «Коммюнике» — информационном сообщении об обсуждении «Нового мира» на Секретариате Правления СП см. запись от 3 апреля и примеч. 42.
- 75 А.Т. протестует против утверждения, что внимание авторов «Нового мира» «сосредоточено на изображении лишь теневых сторон жизни», из-за чего она освещается односторонне, «обедняется образ советского человека»: «Не смогу никогда согласиться с этим, — пишет А.Т. на полях проекта постановления Секретариата, — тем более что на обсуждении этого не говорилось». В заключении проекта приведено заявление главного редактора «Нового мира», что все существенные критические замечания будут учтены. «Вот именно! — отмечает на полях А.Т. — А неверные и тенденциозные будут учтены и отвергнуты» (О работе журнала «Новый мир». Проект постановления Секретариата Правления СП СССР // Архив А.Т.). В своей записке о проекте постановления Секретариата о журнале «Новый мир» А.Т. отвергает обвинения, предъявленные журналу в «неоправданном захваливании одних произведений и тенденциозном разносе других» (как примеры приводились выступления В.Лакшина, Ю.Буртина, А.Шарова). А.Т. подчеркнул, что разделяет оценки, данные ими произведениям А.Солженицына, М.Алексеева и Н.Грибачева. А.Т. не соглашался видеть «ошибочную линию» во внимании авторов журнала к «заурядному» герою, в чем-то обойденному жизнью: «С каких пор принято, что объектом художественной литературы не могут быть лица заурядные (т.е. рядовые?)... Не противоречит ли это духу социалистического гуманизма?» Отмечая, что проект постановления Секретариата не отражает обсуждения журнала, А.Т. отказывается подписать этот документ, к составлению которого он, член Секретариата, не привлекался (Твардовский А.Т. Замечания по проекту постановления Секретариата Правления СП СССР «О работе журнала "Новый мир"». 14.IV. Копия // Архив А.Т.).
- 76 Буртин Ю. О пользе серьезности [рецензия на повесть М.Алексеева «Хлеб — имя существительное»] // НМ. 1965. № 1.
- 77 Эмилия Алексеевна Проскурнина — сотрудник Главлита, симпатизировавшая «Новому миру».
- 78 Речь идет о романе С.П.Залыгина «Соленая Падь» (НМ. 1967. № 4—6).
- 79 Повесть С.Залыгина «На Иртыше» (НМ. 1964. № 2), доброжелательно встреченная критикой, подвергалась нападкам на партийных совещаниях и инструктажах. В.И.Степаков в ту пору —

- заведующий Отделом пропаганды ЦК КПСС (см. о нем запись от 19 июня 1965 г.).
- 80 Зачин стихотворения «Отыграли по дымным оврагам...». Впервые с иным началом — в «Новом мире» (1969. № 1).
- 81 Петр Николаевич Федосеев (1908—1990) — вице-президент АН СССР (1962—1967), в систему которой входил Институт мировой литературы им. М.Горького (ИМЛИ), где А.Г.Дементьев возглавлял сектор советской литературы. А.Т. направлял ему письмо с просьбой защитить Дементьева от несправедливых притеснений, и письмо это возымело действие.
- 82 Самуил Миронович Алянский (1891—1974) — основатель издательства «Алконост». Речь идет о его воспоминаниях «Встречи с А.Блоком (Из записок издателя)» (НМ. 1967. № 6).
- 83 По свидетельству Н.К.Крупской, при посещении художественного училища (ВХУТЕМАС) В.И.Ленин, увидев, как увлечена молодежь Маяковским, «немного подобрел» к поэту (Воспоминания родных о В.И.Ленине. М., 1955. С. 195—196).
- 84 «Иван Доронин, пришедший, по его много раз цитированным строчкам, "машину примирить с нежными степными васильками", был провозглашен одно время певцом именно смычки города с деревней, но пел ее "утомительно и длинно" и, точно поверженный этими словами Маяковского, к началу 30-х годов замолк» (Соч. Т. 5. С. 222). Ср.: Маяковский В. Как делать стихи // Соч.: В 3 т. М., 1970. Т. 3. С. 491; Его же. Размышления о Молчанове Иване и о поэзии // Соч. Т. 2. С. 230—232).
- 85 Хлопоты об устройстве заболевшего А.И.Кондратовича в больницу (см. запись от 14 апреля).
- 86 Информация о советской делегации в Риме на сессии исполкома Европейского сообщества писателей (КОМЕС) опубликована (ЛГ. 1967. 26 апреля; см. запись от 8 апреля и примеч. 57). Цитировались слова А.Т. из газеты «Унита» — органа Итальянской компартии — о важной роли ЕСП в современном мире, которую эта организация может играть, «если только видит свою задачу в сохранении мира, в защите человеческих ценностей, в сохранении того, что является общими ценностями всего человечества».
- 87 Продолжение работы А.Т. над статьей о поэзии М.Исаковского. Речь здесь идет о поэте Сергее Александровиче Есенине (1895—1925).
- 88 Термин «чубаровщина» возник после преступления в Чубаровском переулке Ленинграда в 1926 г. Группа молодежи, среди которой были комсомольцы, изнасиловала девушку, приехавшую на заработки (Чубаровщина. По материалам уголовного процесса. М.; Л., 1927).
- 89 О восприятии А.Т. поэзии С.Есенина см. также его заметки «Об издании собрания сочинений С.Есенина» (Соч. Т. 5. С. 346—352). Выступая на Всероссийском съезде учителей в 1960 г., А.Т. первым поставил вопрос об изучении Есенина в средней школе: «Для нынешнего поколения важно знать произведения этого выдающегося русского лирика» (Там же. С. 344).
- 90 Иван Приблудный (Я.П.Овчаренко) — поэт есенинского круга. Печатался в 1920-е гг. Первая книга — «Тополь на камне» (1926),

- вторая и последняя — «С добрым утром» (1931). В 1937 г. репрессирован и погиб.
- 91 Редакция газеты хотела дополнить информацию о пребывании советской делегации в Риме и выступлениях там А.Т. интервью с ним. Но он отказался: никогда не ругал советский строй за рубежом, но и не хвалил его у себя в стране.
- 92 С «Докладной записки» (1924) Исаковский М. Провинция. Стихи. М.; Смоленск, 1930. Книга сохранилась в библиотеке А.Т. с автографом (карандашом): «Ал.Твардовскому — дружески. Мих. Исаковский. г. Смоленск. 15.V.30».
- 93 Место захоронения пса Антона, оставшегося от прежних владельцев дачи.
- 94 Начало работы над стихотворением «Время, скорое на расправу...». Впервые: НМ. 1969. № 1.
- 95 Герой повести Залыгина. IV съезд писателей СССР проходил 22—27 мая.
- 96 О.Гончар, не называя автора, говорил о романе А.Бека, задержанном цензурой.
- 97 Вера Казимировна Кетлинская (1906—1976) — прозаик, публицист, член Ленинградской организации СП — упомянула запретное имя Солженицына, вызвав аплодисменты зала. Единственным, кто аплодировал в президиуме, был А.Т. Названные выступления на съезде появились в печати в сокращенном, отредактированном виде.
- 98 Н.С.Хрущев на встрече с интеллигенцией в 1963 г. отметил, что беспартийный Л.Соболев занимает более партийную позицию, чем некоторые писатели — члены партии.
- 99 Лариса Иосифовна Богораз (1929—2004) — тогда жена Ю.Даниэля, видная участница правозащитного движения, с 1968 г. — политзаключенная.
- 100 «Открытое письмо уважаемому поэту Твардовскому» семьи Чмелевых, датированное 6 мая 1967 г., переслано А.Т. из «Литературной газеты». Бывший солдат пограничных войск, водитель трамвая в Улан-Удэ, его жена и мать просили оказать им честь быть крестным отцом сыну-первенцу, названному Василием «в честь героя Вашей бессмертной поэмы и в честь Дня Победы над фашистской Германией». На письме пометка А.Т.: «Отвечено согласием, послан "Тёркин" на имя Вас. Вадимовича Чмелева». Письма Чмелевых о здоровье и самочувствии маленького Василия, его аппетите и «правильном поведении» сохранились в архиве А.Т. с его пометкой: «Крестник».
- 101 Сергей Павлович Трапезников (1912—1984) — с 1965 г. заведующий Отделом науки ЦК КПСС, с 1966 г. — член ЦК.
- 102 В Институте истории СССР АН, где В.Твардовская работала с 1959 г., в 1960-е гг. были сильны антисталинистские настроения, стремления к демократизации науки и общественной обстановки, что давало себя знать на научных заседаниях и партийных собраниях института. В партбюро, секретарем которого был В.П.Данилов, входили К.Н.Гарновский, А.С.Некрич, С.И.Якубовская, В.Т.Пашуто, М.С.Симонова, Я.С.Драбкин и другие видные историки-шестидесятники. В своих исследо-

ваниях и в общественной работе они пытались противостоять идеологическому диктату. В трудах института начался пересмотр ряда исторических стереотипов, по-новому ставились проблемы истории советского общества. В 1968 г. институт был разделен на Институт всеобщей истории и Институт истории СССР с целью разъединить и ослабить демократические силы историков (см.: Партийная организация Института истории АН СССР в идейном противостоянии с партийными инстанциями 1966—1968 гг. Публикация документов / Вступ. ст. Л.В.Даниловой // Вопросы истории. 2007. №12; 2008. № 1—2).

- 103 Встреча А.Т. с заведующим Отделом культуры ЦК КПСС В.Ф.Шауро связана с событиями, развернувшимися вокруг письма А.И.Солженицына делегатам IV съезда писателей, в котором Солженицын призывал добиваться упразднения цензуры. Генеральный секретарь Европейского сообщества писателей Дж.Вигорелли выступил в поддержку Солженицына, высказав тревогу за него.
- 104 На первом послесъездовском заседании Секретариата СП (29 мая) письмо А.И.Солженицына IV съезду писателей оказалось в центре обсуждения. Н.М.Грибачев предложил опубликовать пьесу Солженицына «Пир победителей», взятую у писателя при обыске: «...пусть тогда Солженицын отвечает перед народом». Заявления Солженицына, что пьеса не отражает его нынешней позиции, проигнорировались и поддержавшим Грибачева Л.С.Соболевым (см. стенограмму заседания 29 мая // Октябрь. 1990. № 9. С. 170).
- 105 См. записи от 10 и 12 апреля 1964 г.
- 106 Речь идет об отрывке из повести «Раковый корпус», подготовленной к печати в «Новом мире».
- 107 Т.е. двум секретарям — Г.М.Маркову и К.В.Воронкову — из 42 членов Секретариата Правления СП СССР.
- 108 А.И.Солженицын уже ориентировался на западную печать и поддержку Запада и не был заинтересован в сотрудничестве с «Новым миром», с которым у него «все отгорело» (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом... // Октябрь. 1991. № 7. С. 84 и след.).
- 109 В статье А.Т. о поэзии М.В.Исаковского, как ее особенность, отмечалось использование иронии, «снижающей пафос утверждения новой жизни и подрывающей магическую силу казенных штампов речи» (Соч. Т. 5. С. 226—227).
- 110 Имеется в виду первая книга стихов Исаковского «Провода в соломе» (1927).
- 111 «Мастера земли» (1931) — третья книга стихов Исаковского. Стихи из нее, в том числе «География жизни» и «Враг» (1935), вошли в собрание сочинений Исаковского в 4 томах (Т. 1. М., 1968).
- 112 «Сказка о правде» была отдана Исаковским в «Новый мир», однако автор так и не решился напечатать ее, отозвав из журнала.
- 113 Сартаков Сергей Венедиктович (1908—1993) — прозаик, в 1967—1986 гг. — секретарь Правления СП, член редколлегии журнала «Молодая гвардия». Для А.Т. — типичный представитель той «секретарской литературы», издаваемой громадными

- тиражами по причине статуса автора, которая неоднократно подвергалась критике в «Новом мире».
- 114 Строка из статьи Анара «Большое бремя — понимать» (НМ. 1967. № 5), посвященной классику азербайджанской литературы Дж.Мамедкулидзе, который «ненавидел прирученную, приспособившуюся интеллигенцию, отказавшуюся от своего долга нести свет разума, мысли, бремя несогласия, бремя понимания». На июньском листке календаря 1967 г. — выписанные А.Т. из статьи стихи, посвященные герою пьесы Мамедкулидзе «Мертвецы»: «Да, Искандер, конечно, пил / И кличку пьяницы носил. / Он видел, что вокруг него / Живые мертвецы. / Он думал день и ночь, / Какой им жалкий жребий уготован. / И он ведь мог бы стать / Чиновником почтовым, / Не пил бы или пил бы в меру, / И жизнь его была бы тишь да гладь... / Не упрекайте Искандера. / Большое бремя — / Понимать».
- 115 Давний замысел рассказа, оставшийся нереализованным. Наброски к нему — в записях предшествующих лет.
- 116 Намек на судьбу Светланы Сталиной.
- 117 Глава «Перед отлетом», вобравшая в себя наброски к главе «Друг детства» поэмы «Задалью — даль» и ставшая главой поэмы «По праву памяти». Впервые опубликована в «Знамени» в 1987 г. (№ 2).
- 118 Поэмы «Дом у дороги» и «За далью — даль».
- 119 Как дополнительная к поэме «За далью — даль» задумывалась глава «Сын за отца не отвечает», в ходе работы превратившаяся в основу поэмы «По праву памяти», опубликовать которую при жизни А.Т. не дали.
- 120 Начальная строка стихотворения 1966 г. (Соч. Т. 3. С. 171).
- 121 Речь идет о вступительной статье А.Т. к собранию сочинений М.В.Исаковского, которая сначала печаталась в «Новом мире» и потому обсуждалась на редколлегии (Твардовский А.Т. Поэзия Михаила Исаковского // НМ. 1967. № 8). Анализ стихотворения М.Исаковского «Слово товарищу Сталину» (в собрание сочинений автором не включенного) А.Т. из статьи снял, считав, что обращение к нему в период оживления сталинистских настроений может быть воспринято как их поддержка.
- 122 Имеется в виду обострение идейной борьбы после письма А.И.Солженицына IV съезду писателей. На послесъездовских заседаниях Секретариата СП А.Т. предлагал, осудив по форме поступок Солженицына, признать справедливыми его требования, направленные против цензуры, и выступал за безотлагательное напечатание «Ракового корпуса».
- 123 Самоцитата из «Тёркина на том свете».
- 124 Герасимов Е.Н. Путешествие в Спас на Песках: Из записок старого журналиста // НМ. 1967. № 12.
- 125 Юрий Григорьевич Буртин, работая учителем в школе на станции Буй Костромской области, в 1958 г. самовольно выдвинул А.Т. кандидатом в депутаты ВС СССР. Выбор поддержали рабочие-железнодорожники — ученики Буртина, а он за свою инициативу был исключен из кандидатов в члены КПСС. С 1967 г. Буртин работал в «Новом мире» старшим редактором отдела «Политика и наука». Эти три года (до гибели

- журнала А.Т.) он считал «лучшими, счастливейшими» в своей жизни (Буртин Ю. Исповедь шестидесятника // ДН. 2001. № 2. С. 149).
- 126 Лакшин В. Пути журнальные: (Заметки о книгах по истории журналистики) // НМ. 1967. № 8. Барон Брамбеус — Осип Иванович Сенковский (1800—1858) — прозаик, романист, основатель (в 1822 г.) первого «толстого» журнала в России — «Библиотека для чтения».
- 127 Продолжение работы над фрагментом «Сын за отца не отвечает». Имеется в виду Светлана Сталина, оставшаяся за рубежом.
- 128 А.В.Назаров — цензор Главлита.
- 129 Михаил Михайлович Рошин (р. 1933) — драматург, прозаик. Его рассказ «С утрадо ночи» появился в № 8 «Нового мира» за 1967 г.
- 130 Речь идет о подготовленной к печати повести А.Солженицына «Раковый корпус», а также романе А.Бека «Новое назначение», повести Е.Драбкиной «Зимний перевал», не пропускавшихся цензурой с 1965 г., военных дневниках К.Симонова, за которые шла борьба на протяжении 1966 г.
- 131 Летчик-испытатель Герой Советского Союза Марк Лазаревич Галлай (1914—1998) — автор «Нового мира». Его записки «Первый бой мы выиграли» (НМ. 1966. № 9) вызвали резко отрицательный отзыв, подписанный генералами А.Катричем, Н.Сбытовым, Н.Кобяшовым и П.Стефановским — «Когда память не в ладу с историей» (Авиация и космонавтика. 1967. № 1). При обсуждении на парткоме Московской писательской организации записок М.Галлая генеральский отзыв о них был признан недобросовестным и недопустимым по тону (Решение парткома МО СП РСФСР 13 мая 1967 г. // Архив А.Т.). Однако письмо в редакцию (за подписью «Ваш читатель, инженер-полковник В.Розанов»), доказывавшее некомпетентность генералов-рецензентов и отмечавшее их оскорбительный тон в споре с героем-летчиком, цензура задерживала. А.Т. удалось отстоять ответ генералам-рецензентам (Розанов В. В споре нужны аргументы // НМ. 1967. № 7).
- 132 Имеются в виду Тезисы ЦК КПСС к 50-летию Октябрьской революции.
- 133 Николай Борисович Томашевский (1924—1992) — переводчик, специалист по романской литературе, консультант Иностранной комиссии СП, неоднократно вместе с А.Т. ездивший в Италию.
- 134 В списках репрессированных смолян Петроченковы из разных районов Смоленщины упоминаются трижды. Среди них Андрей Степанович Петроченков, 1913 г.р., осужденный в 1937 г. на четыре года заключения, — из деревни Починок, Починковского района — родных мест А.Т. (Забелин А.А. Имя им легион: (Судьбы смолян, репрессированных в других республиках, краях, областях). Смоленск, 1998).
- 135 И.И.Виноградов выступил с критикой статьи В.Я.Лакшина «Пути журнальные» (см. запись от 2 июля), доказывая, что аналогии между «Новым миром» и революционно-демократической журналистикой XIX в., которые могут возникнуть у читателя, повредят журналу.

- 136 В издательстве «Художественная литература» (Гослит) на подходе был пятый том собрания сочинений А.Т. В издательстве «Советский писатель» выходила его книга «Из лирики этих лет».
- 137 В проспекте «Нового мира» на 1968 г. объявлялись произведения Ф.Абрамова, В.Белова, В.Быкова, Р.Гамзатова, Д.Гранина, Ф.Искандера, В.Каверина, В.Лихоносова, В.Некрасова, В.Овечкина, В.Семина, И.Соколова-Микитова, Н.Саррот, Ю.Трифонов, Р.-П.Уоррена, В.Шукшина, А.Рыбакова, К.Кулиева, Б.Ахмадулиной, М.Алигер, И.Абашидзе, П.Бровки, Ю.Друниной, А.Жигулина, М.Исаковского, Д.Кугультинова, В.Леоновича, М.Луконина, С.Наровчатова, С.Орлова, Вл.Соколова, В.Шефнера, А.Яшина и др. Планировались воспоминания В.Шверубовича (сына В.И.Качалова), В.Ходасевич, маршала Н.Крылова, академика И.Майского, С.Маршака и др. Публицистика и критика были представлены Ю.Буртиним, Е.Гнединым, И.Золотусским, В.Кардиным, И.Коном, В.Лакшиным, Ю.Манном, В.Огневим, М.Туровской и др. В проспекте значились и не пропущенные цензурой роман А.Бека «Новое назначение», повесть Е.Драбкиной «Зимний перевал», дневники К.Симонова «Сто суток войны».
- 138 После просмотра документального фильма о победе под Москвой по сценарию К.Симонова и Е.Воробьева начальник ГЛАВПУРа генерал А.А.Епишев и маршал А.А.Гречко, с 1967 г. — министр обороны СССР, своими замечаниями по фильму, по сути, заблокировали его выход на экран.
- 139 Имеется в виду письмо А.И.Солженицына IV съезду писателей. См.: Кремлевский самосуд: Секретные документы КГБ о писателе А.Солженицыне. 1962—1974. М., 1994. С. 211—216.
- 140 См. примеч. 121.
- 141 Отзыв К.Симонова о романе А.Солженицына «В круге первом» см. в кн.: Кремлевский самосуд... С. 32—35.
- 142 «Без этой главы, — объяснял А.Т. первоначальный замысел главы «Сын за отца не отвечает», — я как-то не хотел бы уже и переиздавать "Дали"... Она не будет вмонтирована в текст, а так будет стоять в конце главой дополнительной» (Письмо А.В.Македонову от 10 октября 1967 г. // Твардовский А. Удел земной. Починок, 1998. С. 21).
- 143 А.Т. читал главу «Сын за отца не отвечает».
- 144 «Затруднительность» положения состояла еще и в том, что не был списан договор на роман «В круге первом» на сумму по тем временам весьма крупную (Кондратович А.И. Новомирский дневник. 1967—1970. М.: Советский писатель, 1991. С. 106). Однако А.Т. взял на себя списание договора и полученного автором аванса. Рассказывая, как А.Т. «впал в малодушие» при предложении заключить договор (Солженицын А. Бодался теленок с дубом // НМ. 1991. № 7. С. 74), Александр Исаевич не упоминает ни об этом несписанном договоре, ни о том, что новый договор был с ним заключен.
- 145 Зиновий Ефимович Гердт (1916—1996) — артист, с 1945 г. — в Центральном театре кукол под руководством С.А.Образцова, сосед по даче на Пахре. В 1970-е гг. выступал с воспоминаниями об А.Т. и чтением его стихов со сцены.

- 146 Иринка — внучка А.Т.
- 147 Николай Федорович — шофер.
- 148 До дачного поселка композиторов.
- 149 Речь идет о статье В.Я.Лакшина «Пути журнальные», прочитанной В.Твардовской в верстке.
- 150 Прозаики, представители «критического реализма», авторы рассказов и очерков из народной жизни Николай Васильевич Успенский (1837—1889) и Федор Михайлович Решетников (1841—1871).
- 151 См. запись от 7 апреля и примеч. 51.
- 152 Роберт Бёрнс (1759—1796) — шотландский поэт, его стихи в переводах С.Маршака печатались в «Новом мире».
- 153 Татьяна Львовна Щепкина-Куперник (1874—1952) — прозаик, драматург, переводчик.
- 154 Отрывок из рецензии А.Т. на книгу «Роберт Бёрнс в переводах С.Маршака» (НМ. 1951. № 4) был «встроен» в статью «О поэзии Маршака», которая поэтому и датируется 1951—1967 гг.
- 155 Юрий Валентинович Трифонов (1925—1981) дебютировал в «Новом мире» А.Т. повестью «Студенты» (1950), печатался здесь и в конце 1960-х гг. (НМ. 1968. № 1; 1969. № 8, 12).
- 156 Рассказ В.Семина «В сорок втором (Из воспоминаний)» — о подростках, угнанных немцами на работу, — касается пребывания только за «немецкой проволокой» (НМ. 1968. № 5). Тот вариант, что читал А.Т., в печати пока не обнаружен.
- 157 Халдор Лакснесс (1902—1991) — исландский писатель, Нобелевский лауреат (1955), один из любимых А.Т. современных авторов. Валентина Сергеевна Морозова — переводчик, литературовед, член Иностранной комиссии СП.
- 158 Норвежские писатели выражали тревогу об участии арестованных литераторов А.Гинзбурга, Ю.Галанскова, В.Добровольского, В.Лашковой, выпускавших Самиздат и протестовавших против суда над А.Синявским и Ю.Даниэлем.
- 159 Лихтенул — работник аппарата СП.
- 160 Виталий Александрович Сырокомский — заместитель главного редактора «Литературной газеты».
- 161 О реакции А.Т. на статью «Синьор Вигорелли в гостях и дома» в «Литературной газете» (1967. 23 августа) см. также: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 90—91.
- 162 Антонина Васильевна — секретарь заведующих Отделом культуры ЦК Д.А.Поликарпова, а с 1966 г. — В.Ф.Шауро.
- 163 Подразумевается письмо А.И.Солженицына IV съезду писателей.
- 164 Подписчик «Нового мира» из Барнаула М.С.Безматерных жаловался в Секретариат Правления СП на постоянное опоздание журнала на два-три месяца, обвиняя редактора в «пренебрежительном отношении к человеку». А.Т. ответил письмом в Секретариат 26 августа, содержание которого соответствовало записи от 23 августа (Архив А.Т.).
- 165 А.Т. пытался дозвониться заведующему Отделом культуры ЦК КПСС В.Ф.Шауро.
- 166 Николай Иосифович Конрад (1891—1972) — академик, востоковед. Автор трудов по сравнительному анализу западной

и восточной цивилизаций. Арнольд Джозеф Тойнби (1885—1975) — английский историк и социолог, автор 12-томного труда «Исследование истории» (1934—1961). Прочитав рецензию А.Монгайта на книгу Н.Конрада «Запад и Восток» (НМ. 1966. № 10), А.Тойнби вступил в переписку с советским ученым. С разрешения А.Тойнби Н.Конрад предоставил ее А.Т. для печати (Диалог историков. Переписка А.Тойнби и Н.Конрада // НМ. 1967. № 7). Письма выдающихся историков разных мировоззрений, сосредоточенных на поисках путей человечества к единству, — уникальный документ для советской печати, где, согласно официальной идеологии, мир делился на два лагеря и непримиримые противоречия между ними лишь обострялись. Н.И.Конрад свидетельствовал, что публикация эта «совсем не просто прошла». В самой редакции оказались возражавшие против нее. «В решении печатать основную роль сыграло категорическое мнение А.Т.Твардовского». Нападки на переписку советского и английского историков предпринимались и в академической среде (Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма. М.: РОССПЭН, 1996. С. 363, 365). А.Т. придавал этой публикации важное значение, увлеченно пропагандируя ее в новоиерусалимском окружении.

- 167 Геннадий Степанович Лисичкин (р. 1929) — экономист, в ту пору (до 1968 г.) — экономический обозреватель «Правды». Опубликовал в «Новом мире» статью «Два года спустя» (1967. № 1), посвященную роли рынка в сельском хозяйстве. На ее критику газетой «Сельская жизнь» журнал напечатал ответ (Лисичкин Г. О чем говорят факты // НМ. 1967. № 12). Статьи Г.Лисичкина были признаны в ЦК КПСС ошибочными за «чрезмерное преувеличение роли закона стоимости» и за «понижение роли централизованного планирования». Как следует из записки заведующего Отделом пропаганды В.Степакова и заведующего Отделом сельского хозяйства Е.Карлова, редакции было указано на ошибку, «выразившуюся в публикации статей Г.Лисичкина» (Пресса в обществе. 1959—2000. М., 2000. С. 495). Академик А.М.Румянцев, член ЦК, выступал в его защиту.
- 168 Имеются в виду поступившие в редакцию рукописи романа Ф.Абрамова «Две зимы и три лета» (НМ. 1968. № 1 и 2) и повести Н.Воронова «Юность в Железнодорожке» (НМ. 1968. № 11 и 12).
- 169 Здесь и далее выписки А.Т. из рукописи А.Бартова, опубликованной под заглавием «Побег из колчаковской тюрьмы» (НМ. 1967. № 10). В предисловии к ней А.Т. обращал внимание на непридуманность и безыскусность рассказанного о революции и ее вожде человеком из народа, усматривая в этом особую ценность воспоминаний Бартова. Истории этой публикации посвящен документальный фильм режиссера Н.Кристи «Твардовский и Бартов» (1977).
- 170 Замечания В.Твардовской по статье В.Лакшина «Пути журнальные» касались традиционной для советской литературы характеристики передовых журналов 1860—1870-х гг. («Современник», «Отечественные записки») как революционно-демократических, что, как она доказывала, не подтверждалось

- их более широким (либерально-демократическим) содержанием.
- 171 В № 10 «Нового мира», как и в следующем за 1967 г., план-проспект редакции на 1968 г. не появился. Речь идет о сводном проспекте выходявших в издательстве «Известий» журналов «Дружба народов», «Иностранная литература» и «Новый мир».
- 172 А.Т. имеет в виду продолжение повести «Мой Дагестан» Р.Гамзатова (пер. с аварского В.Солоухина), начавшей печататься в № 9, и повесть А.Зегерс «Тот самый голубой цвет» (пер. с немецкого В.Станевич).
- 173 О препятствиях, которые встретило продвижение названных произведений в печать, и попытках А.Т. их преодолеть см. в записях 1965—1966 гг.
- 174 Владимир Михайлович Россельс (1914—1999) — переводчик, критик, литературовед.
- 175 Глава «Сын за отца не отвечает».
- 176 31 августа умер И.Г.Эренбург — автор одной из самых длительных и многотрудных публикаций «Нового мира» — мемуаров «Люди, годы, жизнь». Начатая в 1960 г., она прервалась со смертью Эренбурга. Телеграмму А.Т. Л.М.Эренбург от имени коллектива «Нового мира» см. в кн.: Письма... С. 324.
- 177 Копия письма А.Т. в Секретариат СП от 1 сентября 1967 г. сохранилась в архиве А.Т.
- 178 Два некролога «Памяти И.Г.Эренбурга» за подписями А.Т. и Б.Н.Полевого напечатаны в № 9 «Нового мира» за 1967 г. В письме Л.М.Эренбург от 7 сентября 1967 г. А.Т. сообщал, что написал об Илье Григорьевиче, «конечно, с расчетом, чтобы прошло, но все же, надеюсь, по-иному, чем другие» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь: Воспоминания: В 3 т. Т. 3. М., 1990. С. 401—402).
- 179 См. запись от 16 августа.
- 180 «Вашей книге, м.б., суждена куда большая долговечность, чем иным "эпохальным полотнам" "чисто художественного" жанра», — писал А.Т. Эренбургу. Далее в письме зачеркнуто: «в том числе, простите меня, Илья Григорьевич, и Ваших собственных вещей, чисто беллетристических» (Письмо А.Т. И.Г.Эренбургу от 12 августа 1961 г. Черновик // Архив А.Т.).
- 181 О том, с каким трудом «проталкивались» мемуары Эренбурга в печать через цензуру, что в них было «не ко двору» для «Нового мира» и лично для редактора, см. в записях 1961—1964 гг.
- 182 В сообщениях газет о похоронах (наиболее полных в «Литературной газете») среди стоявших у гроба в почетном карауле редактор «Нового мира» не упоминался.
- 183 Шарль Луи Монтескье (1689—1755) — французский философ, просветитель, противник абсолютизма.
- 184 О болезни и смерти Э.Г.Казакевича см. записи 1962 г.
- 185 А.Т. пришлось быть похороненным на Новодевичьем кладбище, так полагалось по статусу.
- 186 Узнав о смерти А.М.Горького (случившейся 18 июня), А.Т. кинулся из Красного Бора (где летом 1936 г. семья снимала комнату в избе) в Смоленск с мыслью ехать в Москву, но понял, что не успеваает на похороны. «Вот и пришли эти дни, когда ни за что

- нельзя было взяться, думалось и чувствовалось об одном, — писал он М.В.Исаковскому 23 июня 1936 г. — Я перечитывал «Мои университеты» и др. А в день, когда гроб стоял в Колонном зале, я уехал с книгой на дачу и там провел весь день... Работа — самая достойная память о нем» (Соч. Т. 6. С. 334). За год до смерти Горький отрицательно отозвался о поэме А.Т. «Страна Муравия», посланной ему в июле 1935 г. М.Исаковским. Оценка Горького воспринималась в ту пору как резолюция, пересмотру не подлежащая, и грозила сказаться на судьбе поэта, но не поколебала отношения А.Т. к одному из его любимых современных писателей. «Мне, как и всем опять же, кажется, что только я самым глубочайшим и сердечнейшим образом понимаю Алексея Максимовича», — записал он 21 июня 1936 г. — в день своего двадцатипятилетия (Архив А.Т.).
- 187 К.В.Воронков — секретарь Правления СП по организационным вопросам, курировал строительство нового здания ЦДА.
- 188 См. запись от 16 августа.
- 189 Вера Васильевна Смирнова (1898—1977) — критик, автор книги «С.Я.Маршак» (М., 1954).
- 190 Друг юности А.Т. А.В.Македонов, для которого в 1930-е гг. Осип Эмильевич Мандельштам (1891—1938) был любимым поэтом, отмечает «большую роль» Мандельштама в становлении А.Т. (Македонов А.В. Эпохи Твардовского... Смоленск: Трастком, 1996. С. 129).
- 191 «Та детская литература, которую создают люди, подобные С.Маршаку, отлично удовлетворяет потребности нового времени», — писал Горький, выступая против травли «талантливых Маршаков» (Горький М. Человек, уши которого заткнуты ватой: К дискуссии о детской книге // Правда. 1930. 19 января. То же см.: Горький М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 25. М., 1953. С. 114).
- 192 Подразумевается пьеса-сказка С.Маршака «Двенадцать месяцев».
- 193 № 8 «Нового мира» за 1967 г. сдан в набор 15 июня, подписан к печати 17 августа, рассылался подписчикам после 20 сентября. Он задерживался цензурой из-за рассказа М.Рощина «С утра до ночи» и очерка В.Некрасова «Дом Турбиных» (о киевском доме семьи Булгаковых); № 9 сдан в набор 22 июля, подписан к печати 2 октября. Содержание октябрьского номера (выходившего к 50-летию Октябрьской революции) привлекло самое пристальное внимание цензуры: даже в лирической повести Р.Гамзатова «Мой Дагестан» нашли крамольные места. Задерживался № 9 и из-за плана-проспекта на 1968 г., который в 1967 г. так и не был опубликован.
- 194 Заметив, что присутствие И.Эренбурга в литературе еще «не в полную меру оценили», А.Т. высказывал свою излюбленную мысль, «что на этом свете лучше недополучить, чем переполучить. Применительно к литературным судьбам недополучение при жизни не только обычное дело, но оно и не в ущерб для писателя, значение которого не ограничивается его физическим наличием на земле. Рано или поздно все размещается по своим полкам» (Памяти И.Г.Эренбурга // НМ. 1967. № 9. С. 286; Эренбург И.Г. // Соч. Т. 5. С. 281).

- 195 Лев Исаевич Славин (1896—1984) — прозаик, драматург. «Новый мир» отозвался в юбилейном для писателя году рецензией на его итоговую книгу «Портреты и записки» (Левин Ф. Зоркость сердца // НМ. 1966. № 3). Подборка воспоминаний о М.Светлове в «Новом мире» не появилась.
- 196 Приветствие от редакции по случаю 50-летия Октябрьской революции было опубликовано в № 10 «Нового мира». «Верим, что и наша литература во всех ее видах и жанрах, опираясь на свой богатый опыт и прочные связи с народной жизнью, создаст новые, еще более значительные произведения во славу нашей любимой Родины», — говорилось в нем. Приветствие подписали члены редколлегии и авторы «Нового мира» — от представителей старшего поколения, вошедшего в литературу еще до Октябрьской революции, как К.И.Чуковский, И.С.Сokolov-Микитов, К.Г.Паустовский, до тех, кто в 1960-е гг. еще только вступал в литературу на страницах «Нового мира» (В.Войнович, В.Шукшин). Свои подписи под приветствием журнала поставили В.Астафьев и В.Белов, В.Тендряков и Б.Можаяев, К.Симонов и В.Катаев, Г.Бакланов и Ю.Бондарев, В.Быков и Ф.Искандер, В.Каверин и Ф.Абрамов, И.Грекова и В.Панова, А.Бек и А.Рыбаков, Ю.Домбровский и В.Некрасов, В.Овечкин и Ю.Черниченко, маршал И.Конев и генерал А.Горбатов, академики Н.Конрад и Б.Кедров, а также К.Кулиев, М.Карим, Э.Межелайтис, Ч.Айтматов, А.Кулешов, Р.Гамзатов, Д.Кутультинов и др. — писатели, публицисты, ученые, военные. Подписи были даны факсимиле.
- 197 В письме Любви Михайловне Козинцевой-Эренбург от 7 сентября 1967 г. А.Т. писал: «Понимаю всю неловкость обращения к Вам в эти дни по делам, которые могут лишний раз напомнить Вам о том, что еще и без того не могло улечься, но, думаю, Илья Григорьевич не осудил бы меня. Незадолго до его болезни я получил (в ответ на мое письмо) уведомление от него о том, что 16 глав седьмой книги "Люди, годы, жизнь" написаны и что он мог бы дать их мне прочесть... Это позволяет мне просить Вас, Любовь Михайловна, дать, если возможно, не откладывая, все то, что было написано до рокового дня. Я быстро прочту и уведомя Вас о видах редакции на конец этого или начало будущего года. Если же Вам решительно не под силу еще заниматься этим, то простите меня» (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 3. С. 401).
- 198 Сергей Александрович Макашин (1906—1989) — литературовед, один из создателей издания «Литературное наследство». А.Т. не смог принять участие как автор в томах «Литературного наследства», посвященных И.А.Бунину (редактор и составитель С.А.Макашин), но ощутимо присутствует в них. Здесь опубликовано письмо И.А.Бунина Д.Н.Телешову 1947 г. с восторженным отзывом о «Василии Тёркине». А.Т. упоминается в воспоминаниях Н.В.Кодрянской «Встречи с Буниным», где также говорится о восхищении Бунина поэмой А.Т.; в комментариях к письмам Бунина используются отрывки из переписки А.Т. с Н.Д.Телешовым. В ряде материалов тома — ссылки на статью А.Т. «О Бунине» — вступительную к собранию

- сочинений Бунина в девяти томах (М., 1965—1967) (Литературное наследство. Т. 84: Иван Бунин. Кн. 1—2. М., 1973. См. именной указатель).
- 199 Речь идет о публикации Ю.Буртина «Стихи читателей "Василия Тёркина"», в которую вошло упомянутое стихотворение (Литературное наследство. Т. 78. Кн. 1. М., 1965). Александр Михайлович Самсонов (1907—1992) — историк, член-корреспондент АН СССР, директор издательства «Наука», выпускавшего «Литературное наследство».
- 200 См. запись от 2 сентября.
- 201 М.Н.Хитров, утвержденный членом редколлегии «Нового мира» в марте 1967 г., пришел в обреченный, по сути, журнал из благополучной газеты «Известия», где у него и оклад был значительно больший. Лев Николаевич Толкунов (1919—1989) — ответственный работник аппарата ЦК (1957—1965), главный редактор «Известий» (1965—1976).
- 202 При подготовке 5-го тома собрания сочинений А.Т. исключил из «Родины и чужбины» очерк «Из песен о немецкой неволе» и пополнил книгу очерком «Комбат Красников» — других изменений в составе «Родины и чужбины» сравнительно с предшествующим изданием (1960) не произошло.
- 203 А.Т. состоял на учете в парторганизации журнала «Новый мир».
- 204 Микола Бажан — вице-президент КОМЕС от Украины. Постоянный автор «Нового мира». В № 12 за 1967 г. опубликованы его «Повести о надежде (Вариации на тему Р.М.Рильке)» в пер. Д.Самойлова.
- 205 Александр Исаевич, как обычно, задним числом уведомлял новоириццев о своих действиях, напрямую касавшихся журнала, выдавая их за еще только планируемые. 14 сентября КГБ направил в ЦК копии писем Солженицына (датированных 12 сентября) в адрес А.Т., а также секретарям Правления СП, в которых он настаивал на безотлагательной публикации «Ракового корпуса» (Кремлевский самосуд... С. 56—58).
- 206 О договоре с «Новым миром» на «Раковый корпус» см. запись от 16 августа и 28 сентября.
- 207 Имеется в виду падение авторитета власти и престижа страны вследствие травли Б.Пастернака и суда над А.Синявским и Ю.Даниэлем. А.Т. по-прежнему видит выход из ситуации с Солженицыным в том, чтобы без промедления опубликовать отрывок из «Ракового корпуса» в «Литературной газете», с примечанием о публикации повести в «Новом мире».
- 208 Речь идет об эпизоде из 13-й главы 7-й книги, связанном с посещением И.Эренбургом и Б.Полевым рабочих кварталов в Афинах, где их принимали с особой сердечностью. В опубликованных в 1990 г. воспоминаниях Эренбурга «Люди, годы, жизнь» порядок глав в 7-й книге иной, чем в полученной А.Т. рукописи.
- 209 Борис Абрамович Слуцкий (1919—1986) — поэт, в «Новом мире» выступал как переводчик.
- 210 Об И.С.Соколове-Микитове и совместном отдыхе с ним в Карачарове см. в записях 1961—1966 гг. Письмо А.Т. Соколову-Микитову от 2 августа (об упомянутом сневидении) и другие письма к нему 1967 г. см.: Соч. Т. 6. С. 417 и след.

- 211 Константин Андреевич Князев — тогда директор Братской ГЭС, корреспондент А.Т. со времени поездки поэта на Ангару в 1956 г. В 1968 г. в № 4 «Нового мира» напечатана его статья «Изобретения и предприимчивость», где Князев делился своим хозяйственным и организационным опытом.
- 212 В 4-й том 5-томного собрания сочинений (М., 1967) А.Т. включил «из братского» «Заметки с Ангары», печатавшиеся в «Новом мире» (1959. № 11).
- 213 Ван Вик Брукс (1886—1963) — американский литературовед, автор работ о Г.Джеймсе, Г.Мелвилле, У.Уитмене. А.Т. читал первый том книги Ван Брукса (М., 1967), второй том вышел в 1971 г.
- 214 Тезисы выступления А.Т. сосредоточены на «деле Солженицына», которое, в его понимании, находилось «на перекрестии двух тенденций общественного сознания, устремленных либо вперед, либо назад». А.Т. подчеркивал невозможность обойти вопрос о цензуре, поставленный в письме Солженицына IV съезду. Выход из кризисного состояния литературы он по-прежнему видел в опубликовании «Ракового корпуса», что явилось бы ответом на многие большие вопросы литературной жизни. На заседании были оглашены письма отсутствовавших на нем членов М.А.Шолохова и С.В.Михалкова, требующие карательных санкций против Солженицына. Не было зачитано письмо отсутствовавшего Б.Н.Полевого, позиция которого не являлась столь же ортодоксальной и руководство Секретариата не удовлетворила. Судя по тезисам, А.Т. знал и о каких-то других письмах в защиту Солженицына (возможно, С.С.Смирнова).
- 215 А.Б.Чаковский постоянно обращал внимание на особую позицию «Нового мира» как следствие взглядов «не просто литературных, но выходящих за пределы литературного характера» (Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов // Октябрь. 1990. № 8. С. 177).
- 216 А.Т. считал, что письмом, в котором Шолохов предлагал исключить Солженицына из Союза писателей и не допускать его к перу, автор «Тихого Дона» «уронил себя в глазах своих читателей и почитателей», «вместо того, чтобы показать пример достойного... художнического отношения к художнику» (Письмо К.А.Федину от 7—15 января 1968 г. // Кремлевский самосуд... С. 304).
- 217 Подразумеваются предложения А.Т., выдвинутые им еще на первых послесъездовских заседаниях Секретариата: 1. Немедленная публикация отрывка из «Ракового корпуса» со сноской: «полностью печатается в “Новом мире”»; 2. Издание сборника рассказов А.Солженицына со вступительной статьей, очищающей его биографию от клеветы; 3. Осудив форму выступления Солженицына, признать справедливым требования его письма съезду писателей относительно цензуры. См. записи мая-июня 1967 г.
- 218 Виталий Михайлович Озеров (1917—2007) — критик, секретарь Правления СП, с 1959 г. — главный редактор журнала «Вопросы литературы», председатель Иностранной комиссии СП. А.Т. уклонился от приема зарубежных переводчиков.

- 219 На полях первого издания «Сонетов» В.Шекспира (М., 1948) с дарственной надписью переводчика — С.Маршака, против строк 66-го сонета: «Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж / Достоинство, что просит подаянья...» и далее, кончая последними: «И прямо, что глупостью слывет, / И глупость в маске мудреца, пророка, / И вдохновения зажатый рот, / И праведность на службе у порока» — помета А.Т.: «В нынешний адрес». От намерения привести эти строки в статье о Маршаке А.Т. отказался.
- 220 См.: Бакланов Г. Чтоб это никогда не повторилось // ЛГ. 1962. 22 ноября.
- 221 Имеются в виду опубликованные в «Новом мире» повесть «На Иртыше» (1964) и роман «Соленая Падь» (1967) С.Залыгина, повесть Ч.Айтматова «Прощай, Гюльсары» (1964).
- 222 Ирина Анатольевна Луначарская — дочь А.В.Луначарского и Н.А.Розенель (Сац). Полностью книгу С.Аллилуевой «Двадцать писем к другу» А.Т. прочел в 1970 г. в больнице (принесла ее В.Твардовская, взяв у своего учителя — проф. П.А.Зайончковского, в свою очередь, получившего ее от одного из американских студентов, стажеров МГУ).
- 223 Названные главы седьмой книги воспоминаний И.Эренбурга А.Т. безошибочно определил как непроходимые. После того как Любовь Михайловна забрала рукопись из «Нового мира», в течение 20 лет «и речи не было о ее публикации, более того, самое упоминание о мемуарах И.Э. в печати считалось нежелательным», сказано в комментариях к первой публикации седьмой книги (Эренбург И. Люди, годы, жизнь. Т. 3. М., 1990. С. 402).
Любовь Михайловна обращалась к А.Т. с просьбой возглавить комиссию по литературному наследию И.Эренбурга.
- 224 Определение Военной коллегии ВС СССР о реабилитации А.И.Солженицына. Этим документом А.Т. неоднократно пользовался, опровергая пущенный «сверху» слух, что писатель был арестован по уголовному делу.
- 225 Василий Иосифович Сталин (1921—1962) — генерал-лейтенант ВВС. После смерти отца, И.В.Сталина, был выслан из Москвы в Казань, возвращен в столицу при Н.С.Хрущеве.
- 226 Резко антисолженицынскими были выступления А.Е.Корнейчука, В.М.Кожевникова, Б.С.Рюрикова, а также таких представителей национальных литератур, как П.Бровка, Берды Кербабаяв (1894—1974) — народный писатель Туркменской ССР (1967), Герой Социалистического Труда (1969), И.Абашидзе, Т.Абдумомунов, А.Шарипов. Афанасий Дмитриевич Салынский (1920—1993) — драматург, сценарист, прозаик, главный редактор журнала «Театр» (1972—1982, 1986—1991) — высказался за публикацию «Ракового корпуса». Леонид Николаевич Новиченко (1914—1996) — критик, литературовед, член-корреспондент АН УССР (1958), неоднократно выступавший против «Нового мира», посчитал возможным опубликование «Ракового корпуса» после серьезной переработки. См. стенограмму заседания Секретариата Правления СП 22 сентября (Октябрь. 1990. № 9. С. 172—204).

- 227 Там же. С. 174. Солженицын выступил с «заявлением», в котором отмежевывался от пьесы «Пир победителей» и «просил участников обсуждения к ней не возвращаться» (Информация Отдела культуры ЦК КПСС «Об обсуждении поведения А.Солженицына в Союзе писателей СССР // Кремлевский самосуд... С. 59).
- 228 О «старом проекте», предложенном А.Т., см. запись от 16 сентября. В Информации Отдела культуры ЦК КПСС в Политбюро отмечалось, что подавляющее большинство секретарей Союза писателей пришло к мнению о нецелесообразности публиковать «Раковый корпус». «Иной позиции придерживался А.Твардовский», который подчеркивал, что для того, «чтобы сохранить этого писателя для советской литературы, следует обеспечить безотлагательную публикацию "Ракового корпуса". При этом Твардовский игнорировал главный вопрос обсуждения — гражданскую позицию этого литератора и ошибочные концепции его творчества» (Там же. С. 62).
Рассказывая о «схватке» 22 сентября на заседании Секретариата, А.Солженицын не упоминает о выступлениях А.Т. и поддержавшего его А.Салынского, представ в этом «копьеборстве» одиноким борцом против вражеской орды (Солженицын А. Бодался теленок с дубом... // НМ. 1991. № 7. С. 77—79).
- 229 Среди стенографировавших заседание Секретариата 22 сентября была Тамара Сергеевна Герасимова — жена известного художника М.М.Герасимова — стенографистка высочайшего класса. Она рассказывала нам в 1970 г. о развернувшемся в тот день на ее глазах драматическом действии, надолго запечатлевшемся в ее памяти.
- 230 Близкие этим мысли о роли литературы рассыпаны не только по записям А.Т. Вот лишь некоторые его выступления, где они выражены с большей или меньшей определенностью: речи на XXI и XXII съездах КПСС и на конгрессе Европейского сообщества писателей (1965), «Слово о Пушкине» (Соч. Т. 5), статья «По случаю юбилея» (НМ. 1965. № 1), речь на сессии Европейского сообщества писателей (ЛГ. 1963. 10 августа).
- 231 В августе 1967 г. Секретариат СП не разрешил А.Вознесенскому поездку в Нью-Йорк на фестиваль поэзии, сообщив приглашающей стороне, что поэт болен. В письме, направленном в «Правду», Вознесенский заявлял, что подобные действия вредят престижу советской литературы, и обличал ее руководство во лжи (Грани. 1967. № 66. С. 168). Публикации письма Вознесенского в зарубежной прессе вызвали гнев властей и последовавшее покаяние Вознесенского в «Литературной газете». А.Т. считал, что подобные «признания» и «отмежевывания» приносят огромный вред, «порождая представление о писателях как о людях неразборчивых в морально-этическом смысле, лишенных собственного достоинства или всецело зависящих от "указаний" ...» (Кремлевский самосуд... С. 305).
- 232 А.Т. писал А.Солженицыну 23 сентября: «Вели Вы себя с абсолютной выдержкой и превосходным достоинством... Я издали любовался Вами и был рад за Вас и нас» (полностью письмо см.:

- Решетовская Н.А. А.Солженицын и читающая Россия // Дон. 1994. № 4. С. 47). Оценка А.Т. понятна, если иметь в виду стенограмму выступления А.Солженицына, и вряд ли объяснима в сопоставлении с воспоминаниями Александра Исаевича. Судя по ним, он «грязнул всем секретарям» свое обвинение «в многолетнем предательстве народа!!!» (Солженицын А. Бодался теленок с дубом... // НМ. 1991. № 7. С. 77); ср. со стенограммой заседания Секретариата 22 сентября (Октябрь. 1990. № 9. С. 173—174, 176—178). Фразы, вырванные из письма А.Т., Солженицын цитирует неточно и в странной транскрипции: обращения к нему А.Т. даны почему-то с маленькой буквы (Солженицын А. Указ. соч. С. 79).
- 233 Неизвестно, какую публикацию «Коммуниста» за 1965 г. имел в виду А.Т.: запись не завершена.
- 234 «Оценивая роман (так в тексте. — *Комм.*) "Один день Ивана Денисовича", я рад был появлению этого одаренного писателя, — заявил В.Кожевников на обсуждении повести «Раковый корпус». — Но потом, после напечатания повестей (так в тексте. — *Комм.*) "Матренин двор" и "Случай на станции Кречетовка", у меня было чувство протеста» (Октябрь. 1990. № 9. С. 185). С «протестом» против Солженицына выступал и А.Е.Корнейчук (Там же).
- 235 Написано до того, как у А.Солженицына появилась другая семья.
- 236 Заклячая договор с Солженицыным, когда большинство в Секретариате высказалось против публикации «Ракового корпуса», А.Т. брал на себя серьезную моральную и материальную ответственность. См. записи от 16 августа и 15 сентября и примеч. 144.
- 237 Имеются в виду проза Р.Гамзатова «Мой Дагестан» и некролог И.Эренбурга.
- 238 Выписка из рецензии критика Анатолия Георгиевича Бочарова на 78-й том «Литературного наследства», в котором помещена публикация Ю.Буртина «Стихи читателей "Василия Тёркина"» (см. запись от 8 сентября).
- 239 Шамиль (1799—1871) — имам Чечни и Дагестана, руководитель борьбы кавказских горцев с Российской империей под знаменем мюридизма. В 1859 г. взят русскими войсками в плен. В советской литературе оценки Шамиля менялись в зависимости от политической конъюнктуры: он признавался то прогрессивным, то реакционным деятелем. О восприятии в редакции цензурных требований к № 9 см. также: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 114.
- 240 Сергей Алексеевич Баруздин (1926—1991) — прозаик, с 1965 г. — главный редактор журнала «Дружба народов», член Секретариата Правления СП.
- 241 Роман Ф.Абрамова «Две зимы и три лета» печатался в № 1—3 «Нового мира» за 1968 г. Впечатления Ф.Абрамова от работы и общения с А.Т. были яркими и сильными. См. об А.Т.: Абрамов Ф. Зерна памяти // ЛГ. 1985. 19 июня; Его же. Объединял таланты // Советская Россия. 1985. 20 июня; Его же. На ниве духовной // Наш современник.

1986. № 7. Ф.Абрамов думал писать об А.Т. книгу. См. об этом: Кругликова-Абрамова Л. Ф.Абрамов об А.Твардовском // Аврора. 1987. № 2; Санин М. Твардовский живет сегодня... // Нева. 1988. № 2.
- 242 Пленум Правления СП РСФСР в апреле 1967 г., предшествующий IV съезду писателей. Виталий Александрович Закругкин (1908—1987) — прозаик, публицист. Роман В.Закругкина «Сотворение мира» подвергся в «Новом мире» критике (Беляя Г. В поисках «скромного новаторства» // 1960. № 8; Светов Ф. О ремесленной литературе // 1966. № 7).
- 243 А.Т. тосковал по дубам, основным деревьям на участке оставленной им дачи во Внукове, где и перед входом в дом росли три дуба.
- 244 Персонажи воспоминаний С.Маршака, встречи с которыми многое определили в его жизни: Владимир Васильевич Стасов (1824—1906) — музыкальный критик, искусствовед, общественный деятель; Федор Иванович Шаляпин (1873—1938) — великий русский певец и артист.
- 245 А.Т. числился в отпуске с 1 октября по 31 декабря 1967 г.
- 246 Дочерям в детстве А.Т. никогда не читал вслух детских поэтов — только русскую классику. Исключение делал для Маршака.
- 247 Т.е. гонорар за статью «Поэзия Михаила Исаковского» (НМ. 1967. № 8).
- 248 О письме А.Вознесенского см. запись от 23 сентября и примеч. 231.
- 249 Об А.К.Тарасенкове см. записи от 19 сентября 1962 г. и 3 мая 1964 г.
- 250 Имеется в виду письмо А.Т. Н.С.Хрущеву от 6 августа 1962 г. — сопроводительное к рукописи А.Солженицына. См. запись от 12 октября. Впервые: Континент. 1993. № 75.
- 251 Адмирал И.С.Исаков — постоянный автор «Нового мира» с начала 1950-х гг., см. о нем в записях предшествующих лет. Последняя его публикация: Переводчик (Из воспоминаний о 1917 г.) // НМ. 1967. № 11.
- 252 Намек на отпускные увлечения В.Ф.Шаура.
- 253 Поездка А.И.Кондратовича и М.Н.Хитрова в Переделкино к Федину за его подписью под поздравлением редакцией и авторами «Нового мира» читателей с 50-летием Октябрьской революции. См. подробнее: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 120—121.
- 254 Гамзат Цадаса (1877—1951) — народный поэт Дагестана, отец Расула Гамзатова. Имеется в виду вечер, посвященный его 90-летию.
- 255 Алексей Яковлевич Марков (1920—1992) — поэт, переводчик, критиковался М.Исаковским. Владимир Иванович Фирсов (р. 1937) — поэт, земляк А.Т. и Исаковского, подвергался критике в «Новом мире». Оба поэта рьяно нападали на А.Вознесенского. А.Т. считал, что в момент, когда после своего письма-протеста Вознесенский находится в опале, неприлично выступать против него.
- 256 Имеется в виду президиум юбилейного вечера Г.Цадаса.
- 257 Об отзыве А.Т. на макет тома О.Мандельштама, подготовленный в серии «Библиотека поэта», членом редколлегии которой был А.Т., см. запись от 27 октября.

- 258 Речь идет о непропускавшихся цензурой романе А.Бека «Новое назначение», повести Е.Драбкиной «Зимний перевал», записках К.Симонова «Сто суток войны», из-за которых задерживалось опубликование плана-проспекта журнала на 1968 г. Андрей Павлович Кириленко (1906—1990) — член Политбюро ЦК КПСС (с 1962 г.), секретарь ЦК с 1966 г. Курировал черную металлургию. О позиции А.П.Кириленко, стеной вставшего на пути романа А.Бека в печать, см.: Беляев А. На Старой площади // ВЛ. 2002. Вып. 3. С. 266.
- 259 Бакланов Г.Я. «Заполненный товарищами берег...»: Книга про бойца — книга о народе // ЛГ. 1967. 18 октября. То же в кн.: Бакланов Г. О нашем призвании. М., 1972. С. 45—51.
- 260 Вариант стихотворения «Там, сям дымок садового костра...» (впервые — НМ. 1969. № 1).
- 261 Имеется в виду Объединенный пленум правления творческих союзов и организаций СССР и РСФСР, посвященный 50-летию Октябрьской революции, проходивший 21 октября в Кремлевском дворце. Вступительное слово произнес К.Федин.
- 262 «Литературная газета» (1967. 26 октября) опубликовала отрывки из поэмы А.Вознесенского «Зарев», написанной, как объяснялось, в результате двухмесячной командировки по Сибири. Два месяца назад гневно обличавший советские порядки («Кругом ложь, ложь, ложь») в своем письме, опубликованном на Западе (см. записи от 23 сентября, 12 октября и примеч. 231), поэт дает в «Зареве» столь же гневный ответ эмигрантской организации НТС, которая «служит джазу и царю и, конечно, ЦРУ». Размышления А.Т. о твердой и последовательной художнической позиции Маршака, с его медленным, непрерывным — «в упорном труде изо дня в день — накоплением поэтических ценностей», без каких-либо «резких рывков, внезапных поворотов», вобрали в себя и наблюдения над некоторыми современными поэтами, в том числе и А.Вознесенским. Слава Маршака-художника, «упроченная этой последовательностью, чужда дуновениям моды и надежно застрахована от переменчивости литературных вкусов». Но при всей видимой ясности, традиционности Маршак — мастер, «много думавший об искусстве поэзии», заставляет всматриваться в себя «куда более, чем иные сложные и пересложные "виртуозы стиха"» (Твардовский А. О поэзии Маршака // Соч. Т. 5. С. 163).
- 263 Речь идет о рукописи воспоминаний полковника С.М.Бланка и инженера Д.Я.Шинберга «Артерия жизни», опубликованной под названием «По дну Ладоги» с предисловием маршала И.Х.Баграмяна (НМ. 1968. № 2). Маршал Советского Союза Иван Христофорович Баграмян (1897—1982) в 1941—1942 гг. возглавлял штаб Юго-Западного фронта, в газете которого «Красная армия» работал А.Т. военным корреспондентом (см.: «Я в свою ходила атаку...»). В письме к И.Х.Баграмяну от 26 октября А.Т. благодарил его за рекомендованную журналу рукопись С.Бланка и Д.Шинберга, имеющую «уникальный интерес документа героических лет Великой Отечественной войны». Прося предпослать очерку несколько слов, А.Т. замечал, что предисловием может явить-

- ся сопровождавшее рукопись письмо маршала в редакцию «при самой минимальной редакционной подготовке его к печати» (Архив А.Т.).
- 264 Постоянная помощь А.Т. родным.
- 265 Адресатом письма о Мандельштаме (от 25 октября) являлась редколлегия «Библиотеки поэта». Это отзыв А.Т. на том стихотворений О.Мандельштама, о необходимости включения которого в серию «Библиотека поэта» А.Т. поставил вопрос еще в 1961 г. (Соч. Т. 6. С. 158—159). Отметив, что ему непонятно, почему за бортом осталось не менее полусотни стихотворений поэта, А.Т. посчитал неудовлетворительным и предисловие Л.Я.Гинзбург: «нет, в сущности, литературного портрета, даже в биографическом смысле», поскольку «обходятся стороной самые необходимые сведения» (Соч. Т. 5. С. 296—298).
- 266 Воспоминания Марии Вениаминовны Юдиной (1899—1970) — известной пианистки — в «Новом мире» не печатались. Опубликованы в 1996 г. (Музыкальная жизнь. № 7—8).
- 267 Очерк Ю.Смолича «Мои сверстники» см. в № 11 «Нового мира» за 1967 г.
- 268 Роза Яковлевна Головина — работник аппарата СП. В.Сутырин — член парткома Московского отделения СП РСФСР. Речь шла о выступлении А.Т. на собрании московских писателей, посвященном 50-летию Октября.
- 269 Н.В.Крюков — редактор пятитомного собрания сочинений А.Т., выходявшего в издательстве «Художественная литература». А.Т., не успевая сдать статью о Маршаке, над которой еще работал, в 5-й том, готовившийся к выпуску в 1967 г., думал поместить в нем свою рецензию на книгу «Роберт Бёрнс в переводах Маршака» (М., 1950). Но 5-й том оказался задержанным цензурой из-за несогласия автора изъять из статьи имя А.Солженицына.
- 270 Солженицын, уже потерявший интерес к сотрудничеству с «Новым миром», «не отвлекался сожалением», что печатание «Ракового корпуса» в журнале А.Т. не состоится: его планы переключили на западную печать. Новомирцев в них он не посвящал (Солженицын А. Бодался теленок с дубом // Октябрь. 1991. № 7. С. 84—85).
- В.Я.Лакшин, ведущий критик «Нового мира», защищал Солженицына, когда имя писателя было полузапретным, за что и поплатился: его книга литературно-критических статей, принятая издательством «Советский писатель», так и не вышла в свет, а сам он подвергся систематическим нападкам в печати.
- 271 См. запись от 25 августа.
- 272 С.В.Сартаков вошел в Бюро Секретариата Правления СП — органа, созданного в те же дни. А.Т. называет его в записи от 27 декабря «бухгалтером», имея в виду его пост председателя Литфонда.
- «Подшефный» — А.И.Солженицин.
- 273 В действительности позиция руководства СП была иной, чем демонстрировалась А.Т. К.В.Воронков и С.В.Сартаков «по поручению Бюро Секретариата» сообщают 12 декабря в ЦК, что «редакция “Нового мира”» заключила с Солженицыным дого-

- вор и считает повесть "Раковый корпус" подготовленной к печати». Обращают внимание, что 22 сентября на заседании Секретариата большинство высказалось против публикации «Ракового корпуса», и заключают, что тем самым «существенно меняется позиция редакции "Нового мира", солидаризировавшаяся с позицией автора романа» (Записка Секретариата СП СССР // Кремлевский самосуд... С. 64).
- 274 Определение Военной коллегии Верховного суда СССР о реабилитации А.И.Солженицына.
- 275 По свидетельству Н.А.Решетовской, получив телеграмму от редакции «Нового мира», Солженицын позвонил некой Инне из отдела прозы (т.е. Инне Петровне Борисовой. — *Комм.*) и, «по секрету» узнав от нее, что хотят его «капитуляции», уехал из Рязани в свое «укривище». На новую телеграмму А.Т.: «Приезд необходим позвоните мне редакцию» Наталья Алексеевна, по инструкции мужа, ответила телеграммой, поздравлявшей редакцию с Новым годом. 28 декабря из «Нового мира» поступила телефонограмма: «Очень надо, чтобы Александр Исаевич приехал». Наталья Алексеевна («нервы не выдержали») поехала к мужу, застав его в прекрасном самочувствии: «работа, лыжи, чудесный воздух, размеренная жизнь». Одновременно Солженицын пишет А.Т.: «Всю спину обложил радикулит, так, что не пошевелюсь...» (Решетовская Н.А. Указ. соч. С. 57—58). Муж родственницы Н.А.Решетовской Вероники Туркиной — Ю.М.Штейн.
- 276 В связи с 50-летием Октябрьской революции А.Т. был награжден орденом Ленина.

═══════ 1968 ═══════

- 1 Бредихин — инженер газовой конторы.
- 2 Овчарка Рекс на даче во Внукове, находившаяся под присмотром соседей в отсутствие хозяев.
- 3 Имеется в виду письмо, в котором А.И.Солженицын должен был определить свое отношение к антисоветской кампании, поднятой вокруг него в зарубежной печати (Письмо Секретариата Правления СП А.И.Солженицыну от 25 ноября 1967 г. // Слово пробивает себе дорогу: Сб. статей и документов об А.И.Солженицыне. 1962—1974. М., 1998. С. 337). В зависимость от этого заявления писателя ставилась судьба его повести «Раковый корпус».
- 4 В письме, переданном с женой — Н.А.Решетовской, Солженицын писал, что не приедет, т.к. тяжело болен. Новомирцы догадывались, что это не так (Кондратович А.И. Указ. соч. С. 157, 160—161). Не скрывает это и сам Солженицын в своих воспоминаниях (НМ. 1990. № 7. С. 84, 87 и след.).
- 5 В конце 1967 г. И.С.Соколов-Микитов переехал из Ленинграда в Москву.
- 6 Речь идет о юбилейном комитете по празднованию 150-летия со дня рождения И.С.Тургенева.
- 7 Наталья Иосифовна Ильина (1914—1994) — прозаик, мемуарист. Выступала в «Новом мире» с острыми рецензиями.

- 8 Имеются в виду вступительные статьи к собраниям сочинений М.В.Исаковского и С.Я.Маршака. О работе над ними см. в предшествующих записях.
- 9 Подразумевается заседание Секретариата 22 сентября 1967 г., где антисолженицынская позиция К.А.Федина проявилась с полной определенностью.
- 10 Ср.: Твардовский А.Т. О поэзии Маршака // Соч. Т. 5. С. 163, 181—182.
Уильям Блейк (1757—1827) — английский поэт, художник; Джон Китс (1795—1821) — английский поэт; Роберт Льюис Стивенсон (1850—1894) — английский прозаик, поэт.
- 11 Н.Колесня — редактор издательства «Художественная литература». Том 5-й собрания сочинений А.Т. (статьи и заметки о литературе) задерживался из-за отказа автора снять имена А.И.Солженицына и Н.С.Хрущева, упоминавшиеся в нем.
- 12 В письме М.И.Ламнусова речь идет о стихотворении «В подбитом танке» (Соч. Т. 2. С. 7), впервые напечатанном как «Рассказ танкиста» в газете Ленинградского фронта «На страже Родины» (1939. 21 декабря). Письмо Ламнусова А.Т. опубликовал в «Записках с Карельского перешейка (Из фронтовой тетради)» как примечание к дневниковой записи от 6 декабря 1939 г. (НМ. 1969. № 2). А.Т. снял лишь пожелание ему автором «долгих лет жизни» и «успехов в Вашей огромной работе на благо нашего народа».
- 13 Речь идет о письме М.А.Шолохова в Секретариат Правления СП в сентябре 1967 г., где он предлагал исключить Солженицына из СП (Кремлевский самосуд... С. 59). Здесь и далее — наброски письма К.А.Федину. Опубликовано М.И.Твардовской («Нам решать вопросы литературной жизни». Письма А.Т.Твардовского к К.А.Федину // Октябрь. 1990. № 2). Впервые: Огонек. 1989. № 47.
- 14 О письме А.Т. К.А.Федину (датированном 7—15 января 1968 г.) председатель КГБ Ю.В.Андропов информировал ЦК 31 января 1968 г. Информация, содержащая отрывки из письма А.Т., «полученные оперативным путем», была разслана членам Политбюро и секретарям ЦК (Кремлевский самосуд... Док. № 21).
- 15 Имеется в виду протест деятелей культуры Запада против процесса Ю.Галанскова, А.Гинзбурга, Ю.Добровольского, В.Лашковой в январе 1968 г. (См. сб.: Процесс четырех / Сост. П.Литвинов. — Амстердам, 1971.) Бертран Рассел (1872—1970) — английский философ, общественный деятель, Нобелевский лауреат (1950). Игорь Федорович Стравинский (1882—1971) — русский композитор, дирижер, с 1910 г. живший за рубежом, с 1939 г. — в США. Иегуди Менухин (1916—1999) — скрипач (США). Джон Бойнтон Пристли (1894—1984) — английский прозаик, драматург.
- 16 Л.И.Брежнев резко отрицательно воспринял военные дневники К.М.Симонова, скорее всего, не прочитав их, а из соответствующего о них сообщения от окружающих (Из рабочих записей Политбюро // Источник. 1996. № 2. С. 111).
- 17 Елена Феликсовна Усиевич (1893—1968) — критик, литературовед, одна из первых откликнувшаяся на поэму А.Т. «Страна Му-

- равия» (ЛО. 1936. 10 октября). «Это была первая статья, утверждавшая, что А.Твардовский — огромный талант, развивающий великую реалистическую и демократическую традицию в нашей литературе», — не без гордости вспоминала она в конце 1950-х гг. (Усиевич Е.Ф. Пути художественной правды. М., 1958. С. 3—4). Подготовленный комиссией по наследию Е.Усиевич сборник ее статей (под ред. М.А.Лифшица) остался неизданным.
- 18 У истоков линии своего журнала А.Т. видел «Районные будни» В.В.Овечкина, оказавшие, по его мнению, огромное влияние на «деревенскую прозу» «Нового мира». А.Т. пытался еще в 1953 г. ввести Овечкина в редколлегию «Нового мира». На его отношение к писателю не повлияло, что Валентин Владимирович оказался среди тех, кто подверг разносной критике «Родину и чужбину» А.Т. Многолетняя (с 1946 г.) переписка А.Т. и В.Овечкина, где обсуждались злободневные проблемы литературы и действительности, — свидетельство дружбы в ее высоком смысле (Север. 1979. № 10; 1980. № 2). Письма к Овечкину отражают действенную поддержку А.Т. этого писателя в его трудной судьбе (Соч. Т. 6. С. 422—459). Суровый и сдержанный Овечкин книгу своих очерков (М., 1961) надписал: «Александру Трифоновичу Твардовскому — человеку, за которого я голову готов подставить под пулю».
- Евгений Кривицкий — заместитель главного редактора «Литературной газеты». Заметку А.Т. «Памяти В.Овечкина» см.: НМ. 1968. № 1.
- 19 Речь идет о книге А.П.Каждана «Византийская культура» (М., 1968). Автор (сотрудник Института истории СССР АН) неоднократно выступал в «Новом мире» с рецензиями на исторические исследования. Иисус Навин — библейская личность, преемник Моисея в управлении израильтянами. Иосиф Флавий (ок. 37 — ок. 100 н.э.) — военачальник израильтян, попавший в плен к римлянам и живший после разрушения Иерусалима в Риме, еврейский историк (писал на греческом), пользовавшийся покровительством императора Веспасиана.
- 20 Очерк И.С.Соколова-Микитова «На своей земле» (Звезда. 1968. № 1) рассказывал о путешествии автора и А.Т. по Тверской (тогда Калининской) области в 1955 г. с остановками в селах и деревнях, попадавших на пути. «Спутник мой неизменно заходил в колхозные кузницы», посещение которых «напоминало ему далекое его детство, наши родные смоленские места».
- 21 А.М.Марьямов — член редколлегии «Нового мира», заведующий отделом публицистики, ездил в Ташкент на похороны В.В.Овечкина как представитель журнала.
- 22 Михаил Макарович Колосов (1923—1996) — прозаик, очеркист, друг Овечкина, член комиссии по его литературному наследию.
- 23 Письмо В.А.Каверина К.А.Федину опубликовано в сборнике «Слово пробивает себе дорогу» (С. 311—314) — рядом с письмом А.Т. Об отношениях А.Т. и Каверина см.: Твардовская В.А.Каверин в «Новом мире» Твардовского // К 100-летию В.А.Каверина: Сб. М.: Academia, 2002.
- 24 Ольга Викторовна — секретарь и домоправительница К.А.Федина.

- 25 Лидия Ивановна — жена И.С.Соколова-Микитова.
- 26 Имеется в виду стихотворение «Мы живем, под собою не чуя страны...» (1933).
- 27 О книге Е.С.Гинзбург «Крутой маршрут» см. запись от 13 марта 1967 г.
- 28 В статье «Либерализм и демократия» (Вопросы философии. 1968. № 1) М.А.Лифшиц подверг язвительной критике «марксизм Дымшица» с его «сомнительной ортодоксией, воинственными общими местами», с его подходом к искусству «с точки зрения паспортного режима, а не общественной мысли». А.Л.Дымшиц явился здесь представителем казенного марксизма, претендующего на монополию и в оценке искусства. Мысль о необходимости демократии для развития художника высказана М.Лифшицем со всей определенностью, однако его противопоставление демократии либерализму спорно.
- 29 Письмо А.Т. Н.Я.Мандельштам близко дневниковой записи, что по-своему подтверждает глубину и искренность впечатления А.Т. от ее воспоминаний. «Книга эта явилась как выполнение Вами глубоко и благородно понятого своего долга, — писал А.Т. вдове поэта. — Именно так нужно расправляться со всем, что есть трудного и горького в жизни, — делиться им с добрыми людьми, а они всегда есть на свете и всё поймут и будут признательны за то, что им помогли понять. Правда, это — привилегия таланта, бог Вас наградил им, но всякий читатель, взволнованный талантливой книгой, — как бы соавтор ее». Благодаря за отклик, Надежда Яковлевна писала А.Т.: «Я принадлежу к людям, глубоко уважающим вашу деятельность. Именно потому я и хотела, чтобы вы прочли "записки" ... Спасибо за все, за вашу деятельность, за ваши живые слова и за то, что вы верите в существование добрых людей» (Переписку А.Т. и Н.Я.Мандельштам см.: ДН. 2003. № 1). Воспоминания Н.Я.Мандельштам вышли в свет в 1970 г. в Нью-Йорке. В 1988 г. опубликованы в журнале «Юность».
- 30 Костя и Дуся — старший брат А.Т. и его жена Евдокия Коновна.
- 31 И.С.Соколов-Микитов рассказывал, что дорогие ему вещи, «сохранившиеся от далекого детства», перемещались вместе с ним. Так, письменный стол из мореного черного дуба он перевозил из смоленской деревни Кислово в Гатчину, затем в Ленинград, оттуда в Карачарово, а затем в Москву (Соколов-Микитов И.С. Моя комната. Письменный стол // Соч.: В 4 т. Т. 4. М., 1987. С. 243—244).
- 32 Некролог И.Г.Эренбурга, подписанный Правлением СП СССР, начинался с заявления, что его путь «был сложен, иногда противоречив». В перечне романов писателя не названа антисталинистская «Оттепель» (Правда. 1967. 3 сентября).
- 33 В некрологе В.В.Овечкина, подписанном Правлениями СП СССР, РСФСР и Узбекской ССР, в перечне книг писателя очерки «Районные будни» оказались через запятую между забытой повестью «С фронтовым приветом» и незаметным сборником «На переднем крае». О том, во что обошлась писателю преданность правде, сказано, разумеется, не было, зато говорилось о его «беспредель-

- ной преданности ленинской партии». Напечатанный мелким шрифтом в «Правде» 30 января, некролог Овечкина был перепечатан более крупно «Литературной газетой» 31 января.
- В некрологе Е.Ф.Усиевич, подписанном «Группой товарищей», сказано о ее заслугах лишь: «Вся ее жизнь неразрывно связана с историей нашей литературы» (ЛГ. 1968. 17 января).
- 34 В обширном некрологе И.А.Пырьева, сопровождаемом портретом и подписанном видными деятелями культуры и партийными чиновниками, «неоценимый вклад» покойного в развитие советской кинематографии отмечен самыми высокими эпитетами, а его искусство названо подлинно народным и партийным (Правда. 1968. 8 февраля).
- 35 Речь идет о статье Е.Дороша «Образы России» (НМ. 1969. № 3).
- 36 В 1966 г. А.Т. напечатал пьесу В.Ф.Пановой «Сколько лет, сколько зим!», но отказался от ее исторических повестей «Лики на заре». Отклоняя драму «Тредьяковский и Волинский», А.Т. писал автору: «Журналу, обязанному своей популярностью и своей особой, пусть нелегкой, долей главным образом произведениям, обращенным к современной жизни, — в том числе и Вашим, Вера Федоровна, — этому журналу в нынешних сложившихся обстоятельствах обратиться вдруг к эпохе Анны Иоановны... решительно не с руки». Редактор просил автора «не гневаться». По свидетельству биографа Пановой, она с пониманием восприняла письмо А.Т. (Нинов А. Беседы с В.Пановой // Воспоминания о В.Пановой. М., 1988. С. 271).
- 37 Рассказ В.П.Некрасова «Дедушка и внучек» появился в № 9 «Нового мира» за 1968 г.
- 38 О замысле А.Т. рассказа «Дом на буксире», а также наброски к нему см. в записях 1961—1967 гг.
- 39 Гартгоф Раймонд Л. Советская военная политика: Исторический анализ. Пер. с англ. М., 1967.
- 40 О знакомстве А.Т. с П.Г.Григоренко см. запись от 22 марта 1966 г. По поводу их второй встречи и о посланном ей вслед своем «резком, злом» письме А.Т. П.Григоренко писал: «Прошло время, и я понял, как ужасающе не прав был я... Я навлек угрозу на журнал... Интересы журнала для него были выше моих, да, вероятно, и Ваших» (Письмо П.Г.Григоренко А.И.Солженицыну от 26 июня 1975 г. // Общая газета. 1995. 19—25 января).
- 41 Письмо П.Г.Григоренко в «Вопросы истории КПСС» впервые опубликовано в сборнике «Отрешившийся от страха. Памяти А.М.Некрича» (М., 1996).
- 42 Письма К.В.Воронкова и А.И.Солженицына см. в сб. «Слово пробивает себе дорогу» (С. 337—339). Солженицын обращает внимание Секретариата СП на то, что главный редактор «Правды» М.В.Зимянин, выступая в Ленинграде, повторил «надоевшую ложь» о пребывании писателя в плену. Татьяна Максимовна Литвинова (р. 1918) — переводчик, правозащитница, дочь бывшего министра иностранных дел СССР М.М.Литвинова.
- 43 Януш Шпотаньский — польский писатель, участник протестов польской интеллигенции против партийной политики в области культуры. За сатиру на нее, квалифицированную как «реакционный пасквиль», приговорен к трем годам тюремного заклю-

- чения. См. о нем в выступлении В.Гомулки на встрече с партийным активом Варшавы (Правда. 1968. 22 марта).
- 44 Линдон Джонсон (1908—1973) — президент США (1963—1969), при котором началась война во Вьетнаме.
- 45 Франция покупала 2% зерна, вывозимого Россией в Европу. Основными потребителями его были Германия и Англия. Значительную часть зернового экспорта России составляло неочищенное кормовое зерно (Киняпина М.Т. Хлебная торговля России в 1875—1914 г. Л., 1978. С. 275 и след.).
- 46 См. запись обсуждения книги А.М.Некрича в ИМЛ в феврале 1966 г. в сборнике «Отрешившийся от страха...». Г.А.Деборин (сотрудник ИМЛ) — один из рецензентов «Истории Великой Отечественной войны»; Б.С.Тельпуховский (сотрудник Института военной истории, член редколлегии и один из авторов «Истории Великой Отечественной войны» в 6 томах (М., 1960—1965) — участники обсуждения, поддержавшие книгу Некрича, а затем отрицательно оценившие ее в печати.
- 47 Рецензия Г.Федорова (НМ. 1966. № 1) осталась единственным положительным откликом в советской печати на книгу А.Некрича «1941 год. 22 июня».
- 48 Письмо академиков С.Г.Струмилина, Н.М.Дружинина, М.В.Нечкиной и Н.И.Конрада см. в сборнике «Отрешившийся от страха...». В числе историков, подписавших письмо в защиту книги А.Некрича, были выступавшие в «Новом мире» с рецензиями А.Монгайт, А.Каждан, А.Тартаковский, К.Тарновский и др. (Там же).
- 49 О конфликте А.Вознесенского с властями, не выпустившими его за границу, и последующем его «покаянии» см. запись от 23 сентября 1967 г. и примеч. 231 за 1967 г.
- 50 Твардовский А.Т. Вместо предисловия (НМ. 1962. № 11). Заметка А.Т. не вошла в его прижизненное и посмертное собрание сочинений. Перепечатана в сб. «Слово пробивает себе дорогу».
- 51 Имеется в виду цикл из трех стихотворений «О Сталине», а также стихи «К портрету», «5 марта 1953 года», «У великой могилы». Последний раз все эти стихи о Сталине печатались в 1954 г. В 5-томное собрание сочинений автор их не включал.
- 52 Директор газового завода.
- 53 Звонок из Министерства обороны с приглашением выступить на вечере, посвященном Дню Советской армии.
- 54 За книгу В.Я.Лакшина А.Т. пришлось хлопотать и далее. В декабре 1968 г. он обращается в Секретариат СП, требуя дать ход рукописи Лакшина, с декабря 1964 г. лежавшей в издательстве «Советский писатель». В письме в издательство А.Т., ссылаясь на положительные рецензии, возмущался изменением позиции редактора, первоначально одобрявшего рукопись (Архив А.Т.). Книга вышла лишь в 1990 г. (Лакшин В. Пути журнальные: Из полемики 60-х гг. М.: Советский писатель).
- 55 О задержанном 5-м томе собрания сочинений А.Т. см. запись от 13 января и примеч. 11.
- 56 «Эмиссаром» «Нового мира» был писатель М.М.Колосов.
- 57 Задуманная А.Т. публикация включала ранее не печатавшиеся очерки и рассказы В.Овечкина, выдержки из его записной

- книжки, воспоминания о нем Г.Н.Троепольского и заметку С.П.Залыгина (НМ. 1968. № 9).
- 58 В конце февраля 1968 г. А.И.Кондратович получил квартиру и разрешение оставить комнату, в которой жила семья, дочери (Кондратович А.И. Указ. соч. С. 195).
- 59 Можаяев Б. Где и кому жить // ЛГ. 1968. 21 февраля. Вопрос о жилищном строительстве в деревне для автора «не только экономический, но и социально-нравственный». Можаяев выступает против гигантомании в строительстве на деревне, за возможность выбора для сельских жителей целесообразного для их местности типа жилья. А.Т. снова вспоминает свой, также связанный с «социально-нравственными проблемами», замысел рассказа «Дом на буксире».
- 60 По-видимому, Иван Прокофьевич Иванов (1904—1987) — заведующий Переснянской библиотекой Починковского района, которой пользовался молодой А.Т.
- 61 Речь идет о статье М.Горького «О личном», запрещенной за субъективизм, и об изъятиях из писем писателя, подготовленных к публикации в № 3 «Нового мира» к 100-летию Горького. В итоге переговоров с Отделом культуры ЦК, давшим «указания» по поводу «горьковских материалов», в № 3 остались редакционная статья «Великий художник» и воспоминания В.Ходасевич «Таким я знала Горького» (см. также: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 207).
- 62 Первый набросок стихотворения «Памяти Гагарина», сделанный под впечатлением гибели космонавта 27 марта 1968 г. А.Т. вспоминает строки, написанные в 1961 г., после полета Г.А.Титова, и вошедшие в стихотворение «Оркестры смолкли, отзвучали речи...» (НМ. 1969. № 1). См. запись от 17 августа 1961 г.
- 63 А.Т. в те дни пристально следил за событиями в Чехословакии и Польше, где поднималось движение за демократизацию общественно-политического строя.
- 64 Неясно, какая статья Н.Бердяева имела в виду: о фанатизме речь идет в ряде работ философа.
- 65 В 1931 г. был сфабрикован процесс членов мифического «Союзного бюро ЦК РСДРП (меньшевиков)». 14 бывших меньшевиков обвинялись во вредительстве и связях с контрреволюционными организациями в стране и за рубежом. Бывший нарком торговли М.П.Якубович, в 1952 г. освобожденный из заключения, в мае 1967 г. в заявлении Генеральному прокурору рассказал, как его принудили к самооговору. Действуя на обвиняемых насильем, их одновременно призывали во имя долга перед партией содействовать показаниями ее борьбе с меньшевизмом, обещая, что приговор не будет исполнен. Письмо М.П.Якубовича А.Т., по-видимому, получил от Р.А.Медведева: оно приводится в его книге «Перед судом истории», над которой историк тогда продолжал работать. Полностью опубликовано в кн.: Большевикский процесс 1931 г. Т. 2. М., 1999.
- 66 Первоначальный вариант стихотворения «Памяти Гагарина» (НМ. 1968. № 4), разделившегося позднее на два самостоятельных.

- 67 Владислав Гомулка (1905—1982) — первый секретарь ЦК Польской объединенной рабочей партии (ПОРП) в 1956—1970 гг. В речи перед партийным активом в Варшаве говорил о трудностях, которые «замалчивать нельзя». Осуждая антисоветские и антипартийные настроения, он признал их распространенности серьезности. Подтверждая справедливость репрессивных мер против инакомыслящих, Гомулка говорил о неготовности партии дать глубокий анализ движению протеста в стране (Правда. 1968. 22 марта). Речь Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева на XIX конференции Московской городской организации КПСС состояла из общих мест об успехах в развитии промышленности, науки, культуры. Брежнев напомнил, что идеологическая борьба остается «острым фронтом классовой борьбы» и «в области идеологии не может быть мирного сосуществования, как не может быть классового мира между пролетариатом и буржуазией» (Правда. 1968. 30 марта).
- 68 А.Т. не переставал следить за тем, что появлялось в литературе о Бунине. Данная выписка — из воспоминаний русского эмигранта в Чехословакии Д.И.Мейснера, на книгу которого журнал А.Т. отозвался рецензией (Шкаренко Л. Дела и судьбы белой эмиграции // НМ. 1967. № 7).
- 69 Продолжение работы над стихотворением «Памяти Гагарина». Имеются в виду строки черновика. Серегин — летчик-испытатель, погибший вместе с Гагариным во время тренировочного полета.
- 70 Николай Иванович Смирнов — председатель Ленинградского горсовета.
- 71 Г.И.Куницын — бывший сотрудник Отдела культуры ЦК, с 1968 г. — член редколлегии «Правды», заведующий литературным отделом газеты. См. о нем записи 1965—1968 гг.
- 72 Записано под впечатлением пленума ЦК КПСС (9—10 апреля; см. о нем запись от 12 апреля). В редакцию поступали сведения, что на пленуме ставился вопрос о коллективных письмах как проявлении враждебной партии групповщины. Среди 62 писателей, подписавших письмо в защиту А.Синявского и Ю.Даниэля, более половины — авторы «Нового мира» (см. сб.: Цена метафоры, или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М.: Книга, 1990. С. 27—29). О процессе Синявского и Даниэля и о «подписантах», выступивших в их защиту, см. в записях 1966 г.
- 73 Р.А.Медведев принес А.Т. ходивший уже по рукам очерк Солженицына «Читают "Ивана Денисовича"» — обзор читательских откликов на повесть. А.Т. без разрешения автора читать отказался. Солженицын, 8 апреля посетивший редакцию, объяснил А.Т., что к распространению обзора не причастен, а в воспоминаниях пишет, что сам запустил его в публику («пусть гуляет») (Солженицын А. Бодался теленок с дубом // НМ. 1991. № 7. С. 88).
- 74 Юрий Яковлевич Яковлев (1922—1996) — писатель, автор рассказов о Ленине для детей.
- 75 Имеется в виду звонок от Г.М.Маркова с приглашением А.Т. выступить в защиту демократии в Греции, дни солидарности с ко-

- торой проходили в Москве. На общегородском митинге 16 апреля с требованиями освобождения греческих политзаключенных выступили представители рабочих и интеллигенции (среди них — скульптор Е.В.Вучетич, академик Б.А.Рыбаков и др.).
- 76 Благодаря положительной рецензии поэта Эдуарда Георгиевича Багрицкого (1895—1934) вышла в свет поэма А.Т. «Путь к социализму» (М.: Молодая гвардия, 1931). Багрицкий отозвался о ней как о «единственном в настоящее время художественном произведении, в котором актуальная тема дана в настоящем поэтическом освещении». В письме от 9 сентября 1933 г. А.Т. просил поэта поддержать новую книгу его стихов, собранных за два года работы. Ответа не пришло: Багрицкий был уже тяжело болен (умер в феврале 1934 г.). «Не будучи поклонником, ни тем более подражателем Багрицкого, всегда с благодарным чувством вспоминал о нем, — писал А.Т. — По-видимому, он обладал и добрым сердцем, и той обширностью взгляда в литературных делах, которая позволяла ему отмечать своим вниманием работу, казалось бы, совершенно чуждую ему по духу и строю» (Письмо А.Т. В.Б.Азарову от 17 сентября 1947 г. // Соч. Т. 6. С. 22—23). Письмо А.Т. Багрицкому от 9 сентября 1933 г. впервые опубликовано в 1983 г. (Там же. С. 7).
- Первым колхозным очерком А.Т. можно было бы считать «Слово о пятидесяти», написанное в декабре 1930 г. в результате командировки в Клинецкий район Смоленской (тогда Западной) области — о работе 50 партийцев, посланных в деревню райкомом (Западная область. 1931. № 1. Подпись А.Т.). В собрании сочинений том «Рассказы и очерки» (т. 4) открывался «Дневником председателя колхоза» (1932), а цикл очерков «По колхозной Смоленщине» — очерком «Заявление» (1933).
- 77 А.Т. призвал Исаковского расширить автобиографические страницы, предназначавшиеся для его собрания сочинений, которые, по словам самого автора, местами вышли похожими на анкету (Соч. Т. 6. С. 261). М.В.Исаковский писал А.Т. 11 апреля: «Как мы условились, я посылаю тебе свои автобиографические записи — не как редактору “Нового мира” (мол, пойдут или нет), а как товарищу и другу совершенно частным образом» (Исаковский М.В. Соч. Т. 5. М., 1982. С. 263—264). Так, по инициативе и при поддержке А.Т. появилась книга М.В.Исаковского «На Ельнинской земле», начавшая печататься в «Новом мире» № 4 за 1969 г.
- 78 Выписки А.Т. из резолюции пленума ЦК КПСС (Правда. 1968. 11 апреля).
- 79 Павел Никифорович Пропалов — директор музея С.Есенина в г. Вязьме (в котором он открыл и экспозицию А.Твардовского) — прислал нам с сестрой ксерокопию верстки стихотворения «Памяти Гагарина», набранной для «Правды». Он задавал вопрос: почему же стихи А.Т. не были напечатаны в газете? В ответ мы послали ему ксерокопию записи А.Т. от 12 апреля 1968 г.
- 80 Виктор Евгеньевич Луи (1922—1992) — журналист, печатался в зарубежной прессе, по слухам, был агентом КГБ.

- 81 Подразумевается Вероника Штейн (Туркина) — родственница жены Солженицына Н.А.Решетовской.
- 82 Ср.: Бакланов Г. Остановись, мгновенье... // Воспоминания... 1982. С. 513—514.
- 83 Речь идет о совещании Европейского сообщества писателей (КОМЭС), вице-президентом которого оставался А.Т., а Джанкарло Вигорелли — генеральным секретарем.
- 84 Из мемуаров Солженицына можно понять, что письмо А.Т. Демичеву ему не показали, а он сам в пустом кабинете редакции обнаружил его черновик (Солженицын А. Бодался теленок с дубом // НМ. 1991. № 6. С. 90).
- 85 Солженицын рассказывает, что рассылать свое письмо к этому времени еще не начал, но на вопрос А.Т. ответил утвердительно: «Вру: Да!» (Там же).
- 86 Это весьма близко тому, что пишет о себе Солженицын, ощутивший себя в эту пору «свободным человеком» и воспринимавший призывы А.Т. подумать о журнале, о литературе как посягательство на свою свободу (Там же).
- 87 «Усиевические дела» — дела, связанные с литературным наследством критика Е.Ф.Усиевич (см. запись от 2 февраля).
- 88 Юлиан Семенович Семенов (1931—1993) — прозаик, сценарист. Григорий Исаакович Поляккер — прозаик (Киев), гость Ю.Семенова.
- 89 Скорее всего А.Т. имел в виду Льва Соломоновича Айзермана, учителя литературы, выступавшего в «Новом мире» по проблемам ее преподавания в школе. Ю.Айхенвальд — критик, печатался в разделе «Книжное обозрение» «Нового мира», на педагогические темы не писал.
- 90 Антонин Новотный (1904—1975) — Первый секретарь Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) (1953—1968), президент ЧССР (1957—1968).
- 91 О судьбе статьи Л.Г.Фризмана «Ирония истории (Из политического словаря К.Маркса)» см. далее в записях мая-июня, а также: Фризман Л.Г. Ирония истории, или Эпизод из биографии «Нового мира» // Русская филология. Украинский вестник. 1994. № 1. Здесь же приводятся отрывки из этой не вышедшей в свет статьи, которые (как и выписки из нее А.Т.) делают понятными предчувствие А.Т., что она «не пройдет». «Ирония истории» проявляется, по Марксу, как результат несовпадения хода общественного развития с субъективными стремлениями. Горчайшая ирония истории, по словам автора, в том, что «революция вообще была бы невозможна, если бы не стремления, усилия и жертвы людей, ничего от нее не получивших и даже пострадавших на ней» (С. 45—47).
- 92 Из № 4 «Нового мира» по указанию Отдела культуры ЦК изымались: «Деревенский дневник» Е.Дороша, рассказ В.Некрасова «Дедушка и внучек», заметка К.И.Чуковского о повести И.Грековой «На испытаниях», полемизировавшая с ее критиками, письма читателей в защиту этой повести, опубликованной в «Новом мире». См. подробнее: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 232—236. Заново сформированный № 4 подписан к печати 19 мая, рассылался подписчикам в июне.

- 93 Слухи о снятии главного режиссера Театра на Таганке Ю.П.Любимова возникали с той же периодичностью, что и об отставке А.Т. См.: Золотухин В.С. Таганский дневник. М., 2002. Спектакль «Живой» был поставлен по повести Б.Можаяева «Из жизни Федора Кузькина» (НМ. 1966. № 7).
- 94 Выступления М.А.Шолохова об А.Т. и Солженицыне за рубежом в советской печати не публиковались.
- 95 Сергей Тимофеевич Конёнков (1874—1971) — скульптор, народный художник СССР (1958), Герой Социалистического Труда (1964), земляк А.Т. Моделью для задуманной им скульптуры Василия Тёркина должен был послужить А.Т. См.: Анисимов Г. Мир восторга беспредельный: Рассказы о художниках. М.: Музагет, 2006. Кн. 1. С. 29—39.
- 96 Василий Феофилович Купревич (1897—1969) — академик, биолог.
- 97 Г.А.Анисимов — искусствовед, автор книги «Незаконченные биографии» (М.: Советский художник, 1988) о С.Конёнкове, П.Корине и др.
- 98 Георгий (Егор) Тимофеевич Сиводедов — земляк А.Т., к.и.н., доцент Тульского пединститута. С братьями Егором и Василием Сиводедовыми А.Т. познакомился в 1923—1924 гг., учась в белохолмской школе, а в 1925 г., когда ушел из дома, некоторое время жил у Сиводедовых. См.: Сиводедов В.Т. И письма, и встречи... // Воспоминания... 1982. Письмо А.Т. Г.Т.Сиводедову см.: Соч. Т. 6. С. 268—269. Шесть писем А.Т. Г.Сиводедову опубликованы в кн.: Всегда с А.Т.Твардовским / Сост. В.Д.Савченков. — Десногорск, 2008.
- 99 Общественно-политическая обстановка в Румынии по-своему приближалась к сложившейся в Чехословакии и Польше. А.Т. знал об этом по передачам зарубежного радио.
- 100 Речь идет об уже упоминавшейся в записях комиссии МГК, проверявшей работу парторганизации «Нового мира».
- 101 Андрей Дмитриевич Сахаров (1921—1989) — академик, трижды Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии, Нобелевский лауреат в области физики (1975), общественный деятель, правозащитник. В 1968 г. выступил с программой демократизации советского строя и конвергенции социалистических и капиталистических систем. О меморандуме А.Д.Сахарова см. далее запись от 23 июня.
- 102 Собрание обсуждало итоги Апрельского пленума ЦК КПСС. Виктор Николаевич Ильин (1904—1991), генерал КГБ, и Георгий Давидович Мдивани (1905—1981), драматург, сценарист, — секретари Московской писательской организации. В докладе В.М.Кожевникова и прениях говорилось о необходимости усилить идеологическую дисциплину в ответ на «подрывную деятельность империалистической пропаганды». Г.Мдивани как пример идейной беспринципности и потери бдительности приводил 9-й том собрания сочинений И.А.Бунина (М., 1967), где был помещен отрывок из воспоминаний об А.Н.Толстом. Именно А.Т. — один из редакторов издания — немало сделал, чтобы отстоять фрагмент о «третьем Толстом».

- 103 Письмо А.Я.Яшину от 25 мая 1968 г. см.: Соч. Т. 6. С. 575. Ответ написан с явным трудом, нетвердой рукой: «Дорогой Александр Трифонович. Сердечно благодарю Вас [за] сердечное письмо. Ваш Александр Яшин» (Архив А.Т.). Юрий Давидович Левитанский (1922—1996) — поэт, автор «Нового мира». В № 1 журнала за 1968 г. опубликованы «Новые стихи» А.Яшина. О нападка на его очерк «Вологодская свадьба» и защите Яшина А.Т. см. в записях 1962—1963 гг.
- 104 Спектакль «Большевики» — часть театральной трилогии «Драмы революции», поставленной театром «Современник»: «Декабристы» (Л.Зорин), «Народовольцы» (А.Свободин), «Большевики» (М.Шатров). Против постановки «Большевиков» выступили Отдел пропаганды ЦК, Главлит и ИМЛ. Спектакль был показан с разрешения министра культуры Е.А.Фурцевой. «Новый мир» отозвался на трилогию «Современника» статьей В.Я.Лакшина «Посев и жатва» (1968. № 9).
- 105 Поездка на совещание Европейского сообщества писателей (КОМЭС). А.А.Сурков — председатель Бюро советской группы КОМЭС, Г.С.Брейтбурд — ответственный секретарь, И.В.Петров — сотрудник советского посольства в Италии. «Джорно» («День») — ежедневная либеральная газета, издававшаяся с 1956 г. в Милане тиражом более 200 тыс. экз.
- 106 Никита Семенович Рыжов (1907—1996) — нарком, а затем министр текстильной промышленности РСФСР (1944—1950), министр текстильной промышленности СССР (1954—1956). С 1957 г. — посол СССР в Турции, с 1966 г. — в Италии.
- 107 Запись заседания Секретариата СП СССР от 22 сентября 1967 г., сделанная Солженицыным, не содержала выступлений А.Т. и А.Д.Салынского в его поддержку, лишь враждебные ему речи секретарей.
Владимир Евгеньевич — переводчик посольства.
- 108 А.Леман — представитель писателей ФРГ в КОМЭС.
- 109 Луиджи Лонго (1900—1980) — генеральный секретарь Итальянской компартии (ИКП).
- 110 Факсимильное издание русского революционного плаката 1917—1929 гг. (из коллекции Библиотеки им. В.И.Ленина; Рим, б.д. [1967]), сохранилось в библиотеке А.Т.
- 111 В записи перечислены члены КОМЭС — представители писателей европейских стран.
- 112 Артур Лундквист (1906—1991) — шведский писатель, с 1950 г. — председатель Всемирного Совета мира.
- 113 Речь идет о записи из готовившегося к публикации наследия В.В.Овечкина (НМ. 1968. № 9), в печать не попавшей.
- 114 А.Т. подразумевает находившихся в заключении А.Синявского и Ю.Даниэля, а также А.Гинзбурга, Ю.Галанскова и других жертв последнего политического процесса.
- 115 Французский писатель Марсель Пруст (1871—1922), автор цикла романов «В поисках утраченного времени», был болен тяжелой формой астмы, что заставляло его вести затворнический образ жизни.
- 116 А.Т. имеет в виду автобиографическую повесть Ж.-П.Сартра «Слова» (НМ. 1964. № 10—11), подборку стихов Ганса Магнуса

- Энценсбергера (НМ. 1967. № 8), роман Натали Саррот «Золотые плоды» (НМ. 1968. № 4).
- 117 Джузеппе Унгаретти (1888—1970) — итальянский поэт, представитель модернизма, один из вице-президентов КОМЭС. Назвав Унгаретти «выдающимся современным поэтом Италии, широко известным за ее пределами», А.Т. сказал о нем: «Мы не можем не ценить присутствия среди нас маститого поэта, чье 80-летие мы будем отмечать нынешней осенью, не можем не помнить того, что в наиболее критические моменты нашего Сообщества он всегда занимал достойную позицию и давал отпор людям, вольно или невольно вносившим в нашу среду элементы раздора». О генеральном секретаре КОМЭС Джанкарло Вигорелли А.Т. выразился, что «как всякий смертный, он отнюдь не лишен несовершенств и изъянов. Но мы не можем не отдать должного его неустанной энергии и инициативе, которым мы, между прочим, обязаны и нынешней нашей встрече».
- Лейтмотивом речи А.Т. была мысль, что обстановка в современном мире «столько создает поводов для разобщения и отчужденности, что нужны действенные, целенаправленные усилия для того, чтобы не утратить наши связи, не впасть в духовный изоляционизм, губительный не только для искусства и литературы». «Одним из действенных усилий в этом направлении» А.Т. назвал встречи писателей — людей, «чьи голоса способны вернее многих других доходить до слуха наших народов, да и до слуха интеллигенции, занимающей в общественно-политической жизни современного мира такое большое место» (Речь вице-президента КОМЭС А.Т.Твардовского на сессии Сообщества в Риме 1 июня // Архив А.Т.). Текст речи А.Т. пришелся не по душе партийному руководству: в советской печати она не появилась. Не была включена и в его посмертное собрание сочинений.
- 118 Письмо А.Солженицына было напечатано в «Литературной газете» 26 июня вместе с обличающей его редакционной статьей. См. запись от 27 июня.
- 119 Леоне Паччини — итальянский поэт.
- 120 И.В.Абашидзе — член бюро советской группы КОМЭС.
- 121 Бранко Чопич (1915—1984) — сербский писатель, представитель Югославии в КОМЭС.
- 122 Ренато Бенедетти — итальянский поэт.
- 123 Стрелков — сотрудник посольства СССР в Италии.
- 124 Младшая дочь А.Т. и заместители редактора «Нового мира» А.И.Кондратович и В.Я.Лакшин.
- 125 «Золотой теленок» — фильм режиссера М.Швейцера по роману И.Ильфа и Е.Петрова (1968), где З.Гердт исполнил роль Паниковского.
- 126 А.Т. обращался в Секретариат СП с призывом обсудить на его расширенном заседании положение «Нового мира», которое становилось все более нетерпимым. На обсуждении должна, по его мнению, присутствовать редколлегия журнала в полном составе.
- 127 Об изъятиях из № 4 см. примеч. 92. В № 5 под запретом оказались В.Быков («Атака с ходу»), Ф.Искандер («Дедушка»),

- И. Эренбург (седьмая книга воспоминаний «Люди, годы, жизнь»), К. Чуковский (заметка о полемике по поводу повести И. Грековой «На испытаниях»).
- 128 Чиновники Отдела культуры ЦК, помощники П.Н. Демичева. А.Т. отмечал доброжелательность к нему Г.А. Сазонтова.
- 129 Константин Трифионович работал в кузнечном цехе совхоза «Лонницы» Смоленской области, а также преподавал в училище механизаторов.
- 130 Речь идет о продолжении «Деревенского дневника» Е. Дороса, рассказе В. Некрасова «Дедушка и внучек» и произведениях, названных в примеч. 127.
- 131 О задержанных цензурой произведениях А. Бека «Сшибка» («Онисимов»), К. Симонова «Сто суток войны», Е. Драбкиной «Зимний перевал», а также о «Раковом корпусе» А. Солженицына см. записи 1966—1967 гг.
- 132 Михаил Алексеев в «Новом мире» не столько критиковался, сколько высмеивался в рецензиях Ю.Г. Буртина и Н.И. Ильиной.
- 133 Строка из поэмы А.С. Пушкина «Цыганы».
- 134 Редактор Гослита требовал изъять имя Солженицына из вступительной статьи А.Т. к выпускавшемуся здесь собранию сочинений С.Я. Маршака. В журнальном ее варианте Солженицын еще упоминался (Твардовский А. О поэзии Маршака // НМ. 1968. № 2). После долгого сопротивления, будучи не вправе рисковать судьбой не своего издания, А.Т. снял цитату из статьи Маршака «Правдивая повесть» (в поддержку Солженицына, выдвинутого «Новым миром» на Ленинскую премию. См. записи 1964 г.). Опоздавшая к Т. 1, статья А.Т. появилась в Т. 5 собрания сочинений Маршака (М., 1970) как послесловие к его поэзии. В томе 5-м собственного собрания сочинений А.Т. отказывался вычеркнуть имя Солженицына вплоть до конца 1970 г., когда был уже смертельно болен.
- 135 О переговорах с этим инструктором Отдела культуры ЦК см.: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 248—249. Запись от 14 июня.
- 136 О речи А.Т. в Риме см. запись от 2 июня и примеч. 117.
- 137 И.П. Кириченко — заведующий сектором Отдела пропаганды ЦК.
- 138 Имеется в виду подписанная к печати Главлитом, но запрещенная ЦК публицистика № 5 «Нового мира» (6 а.л.) — статья Л.Г. Фризмана «Ирония истории» (см. запись от 21 апреля); статья Б.С. Итенберга и А.И. Володина «П.Л. Лавров о Марксе и Интернационале», где цензоров смутила критика Г.Н. Вырубовым К. Маркса, хотя и не поддержанная П. Лавровым, а также статья Д.Н. Мельникова и Л.Б. Черной «Преступник № 1. Адольф Гитлер и его хозяева», в которой усмотрели нежелательные ассоциации.
- 139 Статья не обнаружена.
- 140 С.П. Павлов, с 1959 г. бывший первым секретарем ЦК ВЛКСМ, один из ярых противников «Нового мира», в 1968 г. назначен председателем Комитета по физической культуре и спорту. См. о нем в записях 1961—1967 гг.
- 141 Копия письма А.Т. в ЦК КПСС от 17 июня сохранилась в архиве А.Т.

- 142 Мария Пуйманова (1893—1958) — чешский прозаик, поэт. Иван Цветков — болгарский писатель, поэт, один из руководителей СП Болгарии.
- 143 Речь, по-видимому, идет о положительной рецензии на кинофильм «Шестое июля» по сценарию М.Шатрова (Фрейлих С. Один день революции // Труд. 1968. 20 июня).
- 144 21 июня — день рождения А.Т., ему исполнилось 58 лет.
- 145 Цезарь Самойлович Солодарь — поэт, драматург.
- 146 Григорий Петрович Данилевский (1829—1899) — автор исторических романов «Княжна Тараканова» (1883), «Сожженная Москва» (1886) и др.
- 147 Ю.Ф.Карякин был исключен из членов КПСС после антисталинистского выступления на вечере памяти А.Платонова в ЦДЛ (в марте 1968 г.), где он высказался в защиту Солженицына. Думается, учитывалась при этом и его статья в поддержку повести «Один день Ивана Денисовича», перепечатанная «Новым миром» из журнала «Проблемы мира и социализма» (Карякин Ю. Эпизод из современной борьбы идей // НМ. 1964. № 9). См. запись от 10 сентября 1964 г.
- 148 Это убеждение А.Д.Сахарова полностью разделялось А.Т.
- 149 Лео Силлард (Сциллард) — американский физик, один из создателей ядерного реактора. Выступал за запрещение ядерных испытаний.
- 150 Сессия ВС РСФСР. Имеется в виду поездка секретарей Правления СП на теплоходе по Волге в Нижний Новгород (тогда — г. Горький), где должны были продолжиться юбилейные торжества по случаю 100-летия М.Горького.
- 151 Эвальд Васильевич Ильенков (1924—1979) — философ, разрабатывал проблемы эстетики. Рецензия Э.Ильенкова на книгу М.А.Лифшица и Л.Я.Рейнгардт «Кризис безобразия» (М., 1968) в «Новом мире» не появилась.
- Неприятие модернизма обеспечило М.А.Лифшицу поддержку ортодоксальных противников «буржуазного искусства», хотя его позиция была далека от таких представителей «социалистического реализма», как упомянутые критики и литературоведы (сотрудники ИМЛИ) И.Астахов, Б.Л.Сучков, И.И.Анисимов. Выступления по проблемам культуры в партийной печати (Лифшиц М. Маркс и трагедия буржуазной культуры // Коммунист. 1968. № 6), нападки на модернизм в пору официальных гонений на него многих отталкивали от М.А.Лифшица не менее, чем похвалы ему в журнале Вс.Кочетова (Шевцов И. Разоблачение кризиса безобразия // Октябрь. 1969. № 3).
- 152 Речь идет о редакционной статье «Идейная борьба. Ответственность писателя», опубликованной в «Литературной газете» 26 июня. В том же номере — письмо Солженицына с протестом против печатания в зарубежной прессе отрывков из «Ракового корпуса». Он заявлял, что будет преследовать «всякое искажение текста (неизбежное при бесконтрольном размножении и распространении рукописи)».
- 153 Меженков Вл. Жестокость и красота // Советская Россия. 1968. 25 июня. Рецензент хвалит «Поэму прощания» А.Софронова, опубликованную в № 3 «Октября» за 1968 г., за отказ автора «от

- скрупулезной отделки». Считает правомерным, что центральная глава написана без рифмы — поскольку писать в стихах о смерти — «нелепица». В рецензии не приводится ни единой строки из поэмы, поскольку они «не будут поняты вне ее контекста».
- 154 Х.Сабиров цитирует брошюру Б.Рассела «Здравый смысл и ядерная война», где философ призывает во имя спасения человечества забыть идеологические разногласия (ср. с выписками А.Т. 23 июня из меморандума А.Д.Сахарова). Если ссорящимся людям угрожает ураган, они забывают ссору, утверждал Б.Рассел: «Необходимо заставить человечество осознать ураган и забыть о проблемах, порождающих споры». Х.Сабиров доказывает несостоятельность «рецепта Рассела» с помощью учения Ленина об империализме, неизбежно порождающем войны за передел мира (Советская Россия. 1968. 25 июня).
- 155 Первые наброски стихотворения «Как зацветет Иван-чай...» (НМ. 1969. № 1).
- 156 И.П.Архангельская, в ту пору секретарь парторганизации «Нового мира», имела в виду редакционную статью в «Литературной газете» от 26 июля и предстоящую проверку комиссией МГК КПСС работы журнала. РК — комиссия Советского райкома Москвы, за которым числилась парторганизация «Нового мира».
- 157 Речь идет о Всесоюзном съезде учителей (2—4 июля), на котором выступал Л.И.Брежнев.
- 158 Гамаль Абдель Насер (1918—1970) — президент Египта с 1956 г. Председатель Арабской социалистической партии, основанной им в 1963 г. Сторонник сотрудничества с СССР.
- 159 Из № 5 «Нового мира» по указанию ЦК было изъято 6 а.л. публицистики (см. записи от 21 апреля, 15 и 18 июля). Поставленные в номер взамен изъятых статей рассказ Ф.Искандера «Дедушка» и седьмая книга воспоминаний И.Эренбурга также не получили санкции на выпуск. Повесть В.Быкова «Атака с ходу» после длительной задержки все же осталась в № 5.
- 160 В речи Л.И.Брежнева на съезде учителей было уделено внимание литературе как важному фактору воспитания молодого поколения. Говоря о «духовном богатстве» страны, генсек среди имен Горького, Шолохова, Фадеева, Маяковского назвал А.Т. Брежнев говорил о необходимости «многообразия стилей, приемов, жанров», выступая против нивелировки индивидуальности художника. «Партия желает только одного — чтобы художественные произведения отражали правду жизни», — утверждал он, предостерегая при этом против одностороннего показа ее теневых сторон (Правда. 1968. 6 июля).
- 161 Письмо в ЦК от 17 июня, где А.Т. протестовал против снятия из № 5 публицистики (6 а.л.), повести В.Быкова «Атака с ходу» и др. материалов, требуя письменного обоснования их запрета (см. запись от 18 июня).
- 162 Подразумевается Отдел культуры ЦК. Комиссия МГК КПСС, проверявшая работу редакции «Нового мира», состояла из 7 человек, комиссия районного комитета, вслед за ней проверявшая редакцию, — из 11.
- 163 Предисловие А.Т. к повести А.Солженицына (НМ. 1962. № 11) см. в сб. «Слово пробивает себе дорогу...». Здесь же опублико-

- ваны высказывания о Солженицыне из выступлений А.Т. — речи на сессии Совета Европейского сообщества писателей (Твардовский А. Убежденность художника // ЛГ. 1963. 10 августа), а также из интервью главного редактора «Нового мира» корреспонденту Юнайтед Пресс Интернэшнл Г.Шапиро (Правда. 1963. 12 мая). Названные выступления А.Т. исключались из его прижизненных и посмертных изданий из-за высказываний о Солженицыне.
- 164 Эта мысль об истоках «Нового мира» отчетливо выражена в ряде выступлений А.Т., в том числе и в его программной статье «По случаю юбилея» (НМ. 1965. № 1), никогда не перепечатывавшейся.
- 165 Перечислены авторы «Нового мира».
- 166 Как уже отмечалось (начиная с 1967 г.), из вступительной статьи А.Т. к собранию сочинений С.Я.Маршака, а также из 5-го тома собрания сочинений А.Т. требовали изъять упоминания о Солженицыне, что А.Т. сделать отказывался.
- 167 Т.е. к собственной литературной работе.
- 168 Имеются в виду события в Чехословакии, где все более набирал силу процесс демократизации, сопровождавшийся ослаблением цензуры, оживлением деятельности оппозиционных партий, общественным подъемом.
- 169 О последнем письме А.Т. Яшину и его ответе из больницы см. запись от 27 мая. «Новый мир» (1969. № 12) посмертно опубликоваллирические миниатюры Яшина и рецензию на последние книги его стихов (Буртин Ю. «Может быть, это мои прощальные письма...» // НМ. 1969. № 10).
- 170 На книгу А.В.Македонова «Н.Заболоцкий» (Л., 1968) «Новый мир» откликнулся рецензией А.М.Туркова, отмечавшей значительность темы и серьезные итоги исследования (1968. № 10).
- 171 Н.А.Заболоцкий распорядился все им опубликованное заменить текстами «окончательно установленными», из специально подготовленной рукописи. Стихи, печатавшиеся в «Новом мире», автор оставил в отредактированном А.Т. варианте, хотя при публикации протестовал против его правки.
- 172 12 июля Л.И.Брежнев отбыл в Варшаву. В Москву он возвратился 16 июля. «Ничего, ничего, молчание...» — слова, неоднократно повторяемые А.Т. вслед за Поприщиным — героем «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя.
- 173 Опального В.П.Некрасова А.Т. продолжал печатать (Некрасов В. Дедушка и внучек // НМ. 1968. № 9; Его же. В жизни и в письмах // НМ. 1969. № 9). Об отношении писателя к А.Т. см.: Некрасов В.П. И всегда — человеком: Воспоминания об А.Твардовском // Нева. 1990. № 6.
Сын В.В.Овечкина готовил публикацию из наследия отца; она появилась в № 9 «Нового мира» за 1968 г.
Владимир Николаевич Корнилов (1928—2002) — поэт, прозаик, выступал в «Новом мире» со стихами. В 1968 г. А.Т. принял к публикации его роман «Девочки и дамочки», который не был пропущен цензурой (опубликован в «Гранях»).
- 174 О редакционной статье в «Литературной газете» 26 июля см. записи от 27 июня и 2 июля.

- 175 Пребывание в Варшаве членов Политбюро ЦК во главе с Л.И.Брежневым было связано с событиями в Чехословакии — начавшейся там демократизацией партийной и политической жизни, воспринятой ЦК КПСС как угроза монолитности социалистического лагеря. Собравшиеся в Варшаве секретари ЦК компартий Польши, ГДР, Венгрии, Болгарии и СССР обратились с письмом к руководству Компартии Чехословакии, призвав к единству и сплочению в борьбе с контрреволюционными и ревизионистскими силами за дело социализма (Правда. 1968. 18 июля).
- 176 Продолжение работы над главой («Сын за отца не отвечает») будущей поэмы «По праву памяти». См. об этом также в записях предшествующих лет.
- 177 Об аспиранте Якутского университета А.Ф.Алексееве, работавшем в архиве редакции «Нового мира», см. запись от 20 июля 1966 г. Владимир Петрович Ставский (1900—1943) — прозаик, в 1930-е гг. секретарь СП, причастный к репрессиям против ряда писателей.
- 178 Имеется в виду разговор А.Ф.Бека с Ю.С.Мелентьевым по поводу задержанного цензурой романа Бека «Онисимов». Мелентьев открыто выразил неверие в возможность встречи Л.И.Брежнева с А.Т.
- 179 Редакция по-прежнему отказывалась снять запрещенные по указанию ЦК статьи Л.Г.Фризмана «Ирония истории», Б.С.Итенберга и А.И.Володина «П.Лавров о К.Марксе и Интернационале», Д.Е.Мельникова и Л.Б.Черной «Преступник № 1. А.Гитлер и его хозяева», требуя письменного обоснования запрета. См. записи в апреле-июне.
- 180 Речь идет о выступлении К.Паустовского в защиту повести В.Дудинцева «Не хлебом единым» (1956), подвергшейся разгрому в советской критике, когда даже К.Симонов, напечатавший ее в «Новом мире», признал публикацию своей ошибкой. Паустовский был редактором альманаха «Литературная Москва», где появился очерк А.Яшина «Рычаги» (1957), объявленный «очернительским». Поддержал Паустовский и очерк Яшина «Вологодская свадьба» (НМ. 1962. № 12), против которого в печати развернулась кампания с использованием фальсифицированных писем земляков Яшина. На недопустимость такого приема в полемике, ставшего уже традиционным для советской печати, попытался обратить внимание «Журналист» (Радов Г. За напечатанной строкой // Журналист. 1967. № 6; Кузнецов Ф. Критика начинается с критики // Там же. 1968. № 4). Редактор «Журналиста» с 1966 г. Егор Владимирович Яковлев (1930—2005) был снят со своей должности в апреле 1968 г. за «допущенные в журнале серьезные ошибки» (История политической цензуры... С. 187—188).
- 181 Имеется в виду роман Ф.А.Абрамова «Две зимы и три лета» (НМ. 1968. № 1—3), выдвинутый редколлегией журнала на соискание Государственной премии СССР (НМ. 1968. № 12). В.А.Косолапов — директор издательства «Художественная литература», выпускавшего «Роман-газету». Замысел А.Т. был осуществлен в статье Н.Ильиной «Литература и "массовый ти-

- раж" (О некоторых выпусках "Роман-газеты")» (НМ. 1969. № 1).
- 182 Аркадий Викторович Белинков (1921—1970) — писатель, с 1968 г. — в эмиграции в США. А.Т. имеет в виду отдельные главы книги А.Белинкова «Сдача и гибель советского интеллигента. Ю.Олеша», печатавшиеся с предисловием К.Чуковского в журнале «Байкал» (1968. № 1, 2) под заглавием «Юрий Олеша». Полностью книга опубликована в 1997 г. В библиотеке А.Т. сохранилась книга А.Белинкова «Юрий Тынянов» (М., 1965) с авторской надписью: «Дорогому Александру Трифоновичу Твардовскому, замечательному художнику, благородному человеку. Высшей похвалы не знаю. С глубоким, давним и искренним уважением (9.VI.66)».
- 183 Имеются в виду похороны К.Г.Паустовского.
- 184 Речь идет о замысле книги, где было бы рассказано о пребывании А.Т. на посту главного редактора «Нового мира».
- 185 В записке Отдела культуры ЦК (1 декабря 1956 г.) отмечалось, что тон обсуждению романа В.Дудинцева задал К.Паустовский, заявивший, что «роман зовет на бой против чиновников, которые захватили управление всей нашей жизнью и душат все честное, смелое и творческое... это новое племя хищников и собственников, не имеющих ничего общего ни с революцией, ни с нашим строем, ни с социализмом... Таких Дроздовых тысячи, и не надо закрывать глаза» (История советской политической цензуры... С. 122—123).
- 186 Ситуация у гроба А.Т. в свете этой его записки не была исключением.
- 187 Вальдек Роше (1905—1976) — генеральный секретарь Французской компартии (1964—1972).
- 188 «2000 слов» — манифест творческой интеллигенции ЧССР, отстаивавшей свободу слова и другие демократические свободы.
- 189 18 июля в «Правде» опубликовано Постановление пленума ЦК КПСС об итогах встречи в Варшаве делегаций коммунистических и рабочих партий социалистических стран, а также Письмо в ЦК КПЧ от имени ЦК компартий Болгарии, Венгрии, ГДР, Польши и СССР. «Братские компартии» требовали от КПЧ «прекратить действие всех политических партий, выступающих против социализма», овладеть всеми средствами массовой информации и развернуть борьбу с контрреволюцией и ревизионизмом, усилив пропаганду марксизма-ленинизма.
- 190 «Новый мир» до прихода на пост главного редактора К.М.Симонова издавался объемом 8,25 а.л. Объем сдвоенных номеров достигал 21 а.л. Владимир Родионович Щербина (1908—1989) значился ответственным секретарем редакции (в 1960-е гг. — заместитель директора ИМЛИ). В редколлегию входили К.А.Федин, М.А.Шолохов, А.А.Сурков, А.Н.Толстой, М.М.Розенталь. Объем журнала при Симонове (1946—1953) в среднем составлял 15 а.л., при А.Т. (в 1950—1954 и в 1958—1970 гг.) — 18 а.л.
- 191 29 июля — 1 августа состоялась двусторонняя встреча членов Политбюро ЦК КПСС и Президиума ЦК КПЧ в Чиерне-над-Тиссой. 2 августа в Братиславе — совещание руководителей коммунистических и рабочих партий, посвященное ее итогам.

- В «Заявлении», подписанном представителями ЦК КПЧ (А.Дубчеком и др.), говорилось о готовности «бороться за укрепление сплоченности международного коммунистического движения под знаменем марксизма-ленинизма» (Правда. 1968. 4 августа).
- 192 Учительница И.Чиброва писала А.Т. 17 июля после безответного обращения в «Литературную газету». Она восприняла обвинения газеты в адрес Солженицына как бездоказательные и несправедливые и спрашивала А.Т., почему газету не интересуют мнения ее читателей (Архив А.Т.).
- 193 Анатолий Максимович Гольдберг — комментатор Би-би-си.
- 194 Жить А.Т. оставалось около двух лет. Замысел автобиографической книги «Пан» остался нереализованным.
- 195 Николай Александрович Михайлов (1906—1982) — в 1955—1960 гг. министр культуры СССР, председатель Комиссии по делам печати при СМ СССР (1965—1970). Имеется в виду совещание по поводу задержки 5-го тома собрания сочинений А.Т.
- 196 В.П.Яковенко — заместитель директора издательства «Художественная литература» В.А.Косолапова.
- 197 Речь идет о предстоящей поездке в Швейцарию на заседание Европейского сообщества писателей (КОМЭС).
- 198 Меморандум А.Д.Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», законспектированный А.Т. 23 июня, опубликовали крупнейшие западные газеты. О создании, распространении и публикации этого программного документа см. в кн.: Медведев Р.А. Солженицын и Сахаров. М., 2002. С. 44—47.
- 199 Итальянский издатель Альберто Мондадори послал из Милана свой отклик на редакционную статью «Литературной газеты» «Идейная борьба. Ответственность писателя» в редакцию «ЛГ» и отдельно «Директору» «Нового мира». В письме к А.Т. от 4 июля А.Мондадори объяснял, что купил рукопись «Ракового корпуса» как анонимную и ввиду ее литературных достоинств напечатал, поскольку понимает долг издателя «в соединении автора и читателя» и в этом же усматривает смысл своего бизнеса (Архив А.Т.).
- 200 Н.Крюков — редактор 5-го тома собрания сочинений А.Т., выходявшего в издательстве «Художественная литература».
- 201 Речь о статье С.Я.Маршака «Правдивая повесть» (Правда. 1964. 30 января), посвященной «Одному дню Ивана Денисовича». А.Т. цитировал ее в своей вступительной статье к собранию сочинений Маршака. Редакция требовала снять цитату.
- 202 А.Т. ездил в приемную Генерального секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева.
- 203 О впечатлении от рассказа И.Н.Шустера см. также запись от 20 октября 1968 г.
- 204 Имеется в виду упоминавшаяся ранее статья «Литературной газеты» «Идейная борьба. Ответственность писателя», обличавшая А.Солженицына в идейной безответственности.
- 205 Эта ленинская цитата неоднократно использовалась в редакционных передовых «Нового мира», посвященных советским юбилейным датам. В Постановлении ЦК КПСС «О подготовке

- к 100-летию В.И.Ленина» говорилось исключительно о победах и достижениях «на всех направлениях коммунистического строительства» (Правда. 1968. 10 августа).
- 206 Борнычева В. Ленин и статистика // НМ. 1968. № 6. Рецензия на кн.: Овсиенко В.Е., Виташ Е.Г. Вопросы статистической науки в трудах В.И.Ленина; Либкинд А.С. Анализ американских сельскохозяйственных цензов в работах В.И.Ленина; Писарев И.Ю. Вопросы статистики труда в работах В.И.Ленина; Гуревич С.М. В.И.Ленин и статистика социалистического государства.
- 207 № 5 «Нового мира», вышедший в свет в конце июля и рассылавшийся подписчикам в начале августа, был сдан в набор 25 марта, а подписан к печати 25 июля.
- 208 Речь идет о типографской оплошности: вслед за воспоминаниями академика И.Майского был напечатан фрагмент снятой цензурой статьи А.И.Володина и Б.С.Итенберга «П.Л.Лавров о К.Марксе и Интернационале». См. о ней записи от 15 июня и 16 июля. Статья в «Новом мире» так и не была опубликована, но ее фрагменты вошли в другие публикации авторов и в кн.: Володин А.И., Итенберг Б.С. Лавров. М., 1981; Итенберг Б.С. П.Л.Лавров в русском революционном движении. М., 1988.
- 209 Машинистка в редакции «Нового мира».
- 210 Книга вышла в 1967 г. в издательстве «Наука». Вступительная статья, перевод и комментарии М.И.Казаника. Эверт-Идес Избрантес — иностранный купец, посол в Китае для устройства торговых отношений с Россией (1692). Адам Брандт — купец из Любека, сопровождавший русское посольство в Китай.
- 211 Вариант стихотворения «На дне моей жизни...». Впервые: НМ. 1969. № 1.
- 212 См. записи от 10—12 апреля 1964 г.
- 213 Лакшин В.Я. Роман Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» // НМ. 1968. № 6.
- 214 В ЦК и в Главлите были недовольны резко уменьшенным объемом № 5, который редакция не пополнила после изъятия цензурой 6 а.л. Раздражение вызвали и выходные данные, свидетельствовавшие, что опоздание № 5 на 4 месяца произошло не по вине редакции (см.: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 285).
- 215 Впервые (в подборке «Стихи из записной книжки»): НМ. 1969. № 1.
- 216 См.: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 285.
- 217 Имеется в виду стихотворение «Маркс, Энгельс, Ленин, знать бы вам...», о работе над которым см. далее.
- 218 Марта Мацкова, редактор пражского журнала «Ева».
- 219 Кузьма Минич Минин (?—1616), князь Дмитрий Михайлович Пожарский (1578—1642) — организаторы борьбы против польских захватчиков в 1612 г.
- 220 Людвиг Свобода (1895—1979) — президент Чехословакии (1968—1975), член ЦК КПЧ (1948—1949, 1968—1975). Александр Дубчек (1921—1998) — генеральный секретарь КПЧ в 1968—1969 гг. Лидер движения за демократизацию — Пражской весны.
- 221 Рольф Хоххут (р. 1931) — немецкий писатель, драматург (ФРГ), с 1963 г. жил в Швейцарии. Артур Миллер (1915—2005) — драматург (США). Суарис Нимейер (р. 1907) — бразильский архи-

- тектор, член Президиума Всемирного Совета мира, лауреат Международной Ленинской премии (1963).
- 222 Франсиско Франко Баамонде (1892—1975) — глава испанского государства (1939—1975), диктатор.
- 223 Имеется в виду диктатура в Греции, установленная в ходе военного переворота (1967—1974).
- 224 Закрытое письмо ЦК по поводу чехословацких событий, трактующее их как угрозу социалистическому лагерю. А.В.Василевская — заведующая библиотекой редакции «Нового мира».
- 225 «Ответственность писателя и безответственность "Литературной газеты" (27.VI—4.VII.68)» Л.К.Чуковской — отклик на редакционную статью «Литературной газеты» «Идейная борьба. Ответственность писателя» (26 июня). Циркулировавшее в самиздате письмо Л.Чуковской см. в кн. «Слово пробивает себе дорогу». О письме А.Мондадори А.Т. см. запись от 6 августа и примеч. 199.
- 226 Рукопись Ж.Медведева «Иностранные связи» — о государственной политике, ведущей к изоляции советской науки.
- 227 А.Т., как отмечали многие в его окружении, был пристрастен к дочерям. Упомянутый в записи разговор шел о повести В.Быкова «Атака с ходу» (НМ. 1968. № 5). В.Твардовская вспоминает, что, отвечая на ее вопрос, А.Т. вслух читал нарочито неясный конец повести, восхищаясь его музыкальным ритмом, присутствие которого в прозе он всегда ценил. Возможно, такая концовка стала следствием замечания редактора по поводу первоначального безысходного окончания повести. А.Т. писал В.Быкову по этому поводу 8 июня 1966 г.: «Здесь автор пренебрег возможностями, которые таятся в причудливости поворотов военной судьбы, когда вдруг то, что больше всего томило ответственностью и страхом, оборачивается самым благополучным образом (как и наоборот). При этом автор не обязан был из любого "причудливого" оборота делать благополучный конец повести, — он мог оставить на месте весь трагизм и т.д.» (см. переписку А.Т. с В.Быковым: ВЛ. 2008. № 2. С. 312—313).
- 228 Подразумевается многострадальный № 5 «Нового мира».
- 229 Статья являлась тенденциозным обзором откликов западной печати на братиславское заявление компартий. Выводы западной прессы о том, что процессы, начавшиеся в Чехословакии, не могут завершиться этим заявлением, а получают свое продолжение, автор статьи называет подстрекательством, оценивая их как подрывные действия антисоциалистических сил (Жуков Ю. Подстрекатели // Правда. 1968. 16 августа).
- 230 Николае Чаушеску (1918—1989) — с 1965 г. — член Исполкома и Президиума ЦК компартии Румынии. С 1968 г. — Председатель Национального совета Фронта социалистического единства.
- 231 Новый набросок стихотворения «Маркс, Энгельс, Ленин, знать бы вам...». При жизни А.Т. не публиковалось. Впервые: Известия. 1988. 25 июня.
- 232 Запись сделана под впечатлением введения советских войск в Чехословакию 21 августа.

- 233 Как рассказывал А.Т. в редакции, П.Н.Демичева «было стыдно слушать. Как детская игра: сидят люди, знающие все, слушающие транзисторы, а он лупит нам по "Правде"... Я думал, что будет приводить к присяге, и заранее решил, что если заставят что-либо подписывать, ни за что не подпишу... Я не могу и не хочу сравнивать дело Синявского с этими событиями, но ведь я тогда не подписал... А подписать под чешскими событиями — это надо забыть все на свете» (Кондратович А.И. Указ. соч. С. 290—291. Запись от 30.VIII).
- 234 А.А.Сурков пожаловался, что чехословацкие события довели его до того, что он не может писать даже мемуары. А.Т. посмеялся: «Мемуары как раз труднее всего писать»: нужны совесть и ум. А.Т. прочитал ему стихи «Что делать мне с тобой, моя присяга...». «Сурков тут же закричал: "Что ж ты хочешь, чтобы там с социализмом покончили!"». И А.Т. высказал ему жесткое: «Тебе почти семьдесят лет, а ты до сих пор ничего не понял, что произошло, и как мы живем» (см.: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 293).
- 235 Яннис Рицос (1909—1990) — греческий поэт, подвергавшийся преследованиям на родине за антимилиитаристские и социалистические идеи.
- 236 Штакеншнейдер Е.А. Дневник и записки. М.; Л., 1934. Елена Андреевна Штакеншнейдер (1836—1897) — дочь известного архитектора А.И.Штакеншнейдера, хозяйка салона, где в 1860—1880-е гг. бывали выдающиеся представители русской интеллигенции. В 1863 г. многие из них поддержали необходимость подавления польского восстания.
- 237 Сокращенная цитата из монолога Фомы Опискина — героя упомянутой повести Ф.М.Достоевского. Фому возмущает изображение мужика современными литераторами: «Выскочил из кабака и бежит по улице в растерзанном виде! Ну, что же, скажите, тут поэтического? чем любоваться? где нравственности?» «Пусть изобразят они мне мужика, но мужика благообразного, так сказать, селянина, а не мужика» (Достоевский Ф.М. Собр. соч.: В 30 т. Т. 3. Л., 1972. С. 68—69). А.Т. читал Достоевского по Полному собранию сочинений (СПб., 1904—1906), имевшемуся в его библиотеке.
- 238 Эш Уильям. Выбор оружия. Пер. с англ. М., 1968. Судя по предисловию С.Майзельса, советским читателем книга должна была восприниматься как разоблачение колониальной имперской политики.
- 239 Воспоминания Маршала Советского Союза Н.И.Крылова «В боях за Одессу» напечатаны в «Новом мире» (1968. № 7—9) с послесловием А.Т.
- 240 В ином варианте см.: НМ. 1969. № 1.
- 241 О замысле рассказа «Дом на буксире», а также наброски к нему см. в записях предыдущих лет.
- 242 Стихи, написанные под впечатлением записи В.В.Овечкина, не вошедшей в подборку из его литературного наследия (НМ. 1968. № 9). Ни запись, ни стихотворение в ту пору не могли быть напечатаны.
- 243 Речь идет о подаренных А.Т. авторами книгах, скапливавшихся в редакции, которые он время от времени переправлял домой.

- 244 Строки из стихотворения А.Т. «Перед дорогой» (1951).
- 245 Снятая из № 5 статья Д.Е.Мельникова и Л.Б.Черной «Преступник № 1. Адольф Гитлер и его хозяева» так и не была напечатана в «Новом мире». Лишь спустя 13 лет авторам удалось издать книгу: Мельников Д., Черная Л. Преступник номер 1: Нацистский режим и его фюрер. М., 1981.
- 246 Скорее всего имеется в виду рассказ М.Н.Хитрова о событиях в редакции «Библиотеки поэта», главным редактором которой был В.Н.Орлов, а А.Т. — членом редколлегии. Недовольство партийного руководства работой редакции привело в 1970 г. к ее разгрому, готовившемуся исподволь. Был уволен ряд сотрудников, в том числе и заведующая редакцией Ирина Владимировна Исакович — постоянный корреспондент А.Т. В.Н.Орлов был смещен с поста главного редактора, а затем выведен из редколлегии. См.: Эткинд Е.Г. Записки незаговорщика: Барселонская проза. СПб., 2001. С. 127—125. «Наслышен я об огорчительных делах в "Библиотеке", — писал А.Т. В.Н.Орлову в июле 1970 г. — Жаль, очень жаль! Не вдруг найти Лесючевскому такого редактора "Библиотеки", не только не вдруг, но и вообще не найти. Правда, он и искать не будет... Сожалею, как о самом себе» (Письма... С. 352).
- 247 Речь идет о подготовке к печати глав поэмы «По праву памяти», которые автору еще представлялись дополнительными к поэме «За далью — даль». «Пять слов» — первоначальное название второй главы, в окончательном варианте озаглавленной «Сын за отца не отвечает». Первая глава — «На сеновале» — сменила свое название на «Перед отлетом».
- 248 Романы Э.Хемингуэя А.Т. читал по 2-му тому его собрания сочинений в 4-х томах (М., 1968. Предисл. К.Симонова).
- 249 Степан Борисович Веселовский (1876—1952) — историк, академик, автор трудов по русской истории XIV—XVII вв. А.Т. высоко оценил «Исследования по истории опричнины» Веселовского (книга сохранилась в его библиотеке). «Новый мир» отозвался на нее рецензией Е.Я.Дороша «Книга о грозном царе» (1964. № 4). Статья С.Б.Веселовского «Род и предки Пушкина в русской истории» с предисловием Е.Я.Дороша опубликована в № 1 и 2 «Нового мира» за 1969 г.
- 250 Представители дворянского рода Чичериных считали своим родоначальником итальянца Чичери, приехавшего в Москву из Рима в 1452 г.
- 251 Имеются в виду главы поэмы «По праву памяти». В окончательном варианте глава «На сеновале» изменила название (см. примеч. 247), изменились и ее заключительные строфы, представленные в этой записи.
- 252 Твардовский А. Стихотворения и поэмы. Библиотека всемирной литературы (Серия третья. Литература XX в.). Том вышел, когда А.Т. был уже смертельно болен: сдан в набор в сентябре 1970 г., подписан к печати в январе 1971 г. Поэмы «Тёркин на том свете» и «По праву памяти» вопреки воле автора не были включены в него редакцией. О том, как неоднозначно был встречен «Василий Тёркин» критиками и литераторами, см. в кн.: «Я в свою ходил атаку...»

- 253 «Открытое письмо писателям Чехословакии» от советских писателей, которое А.Т., а также К.М.Симонов и Л.М.Леонов отказались подписать, появилось позднее, приуроченное к заключению договора между СССР и ЧССР (ЛГ. 1968. 30 октября). См. запись от 1 ноября.
- 254 Письмо 88 советских писателей Москвы к писателям Чехословакии, в котором они просили простить их и Россию, появилось в «Таймс» без подписей. На мысль об авторстве поэта Григория Михайловича Поженяна (1922—2005), бывшего моряка, навело число 88, на военно-морском языке означавшее поцелуй (Кондратович А.И. Указ. соч. С. 295). Автором письма называет себя поэт Петр Вегин (Вегин П.В. Опрокинутый Олимп: Записки шестидесятника: Роман-воспоминание. М.: Центрполиграф, 2001. С. 326).
- 255 Варианты концовки главы «Перед отлетом» поэмы «По праву памяти».
- 256 В марте 1968 г. редакция журнала «Грани» телеграммой в «Новый мир» предупреждала, что КГБ через Виктора Луи переправил на Запад рукопись «Ракового корпуса», чтобы заблокировать его публикацию в «Новом мире». Редакция «Граней» сообщала, что будет печатать повесть Солженицына. Он в свою очередь оповестил об этом Секретариат СП (Слово пробивает себе дорогу. С. 339—340).
- 257 См. запись от 12 июня и примеч. 134.
- 258 А.Т. имеет в виду свой настоятельный совет Солженицыну (в сентябре 1965 г.) не забирать рукопись романа «В круге первом» из сейфа редакции «Нового мира». Рукопись среди других материалов архива писателя была в том же сентябре изъята при обыске у В.А.Теуша, которому Солженицын отдал ее на хранение (см. записи сентября-октября 1965 г.).
- 259 Зачин стихотворения «В чем хочешь человечество вини...». О работе над ним см. далее.
- 260 Виктор Иванович Лихоносов (р. 1936) — прозаик. Дебют писателя с рассказом «Брянские» состоялся в журнале А.Т. (НМ. 1963. № 11). Запись сделана о рассказе «На улице Широкой» (НМ. 1968. № 8).
- 261 Сергей Митрофанович Штеменко (1907—1976) — генерал армии (1968), в Великую Отечественную войну — начальник Оперативного управления Генерального штаба. С 1968 г. — начальник штаба Объединенных вооруженных сил Государств — участников Варшавского Договора. О впечатлении А.Т. от его книги «Генеральный штаб в годы войны» (М.: Воениздат, 1968) см. также: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 302—303.
- 262 Кирилл Афанасьевич Мерецков (1897—1968) — Маршал Советского Союза, Герой Советского Союза, командующий рядом армий и фронтов в годы Великой Отечественной войны. А.Т. имеет в виду его книгу «На службе народу» (М.: Политиздат, 1968).
- 263 А.Т. подразумевает «художественное оформление» тенденции к рестаליнизации у А.Б.Чаковского.
- 264 В послесловии А.Т. к воспоминаниям маршала Н.И.Крылова (НМ. 1968. № 9) нет упоминания имени И.В.Сталина. См. далее запись от 29 октября.

- 265 Кандидатура А.Т. в академики была выдвинута Институтом русской литературы (Пушкинским Домом). На общем собрании сотрудников предложение о выдвижении А.Т. внес В.Е.Гусев — старший научный сотрудник, доктор исторических наук, заведующий сектором по изучению фольклора, член редколлегии журнала «Русская литература», тесно сотрудничавший в ИРЛИ с Д.С.Лихачевым. Именно Д.С.Лихачев позвонил в редакцию «Нового мира» с сообщением о единодушном выдвижении сотрудниками ИРЛИ А.Т. в члены АН СССР.
- 266 А.Е.Корнейчук — академик АН СССР с 1943 г.; К.А.Федин — с 1958 г.; М.А.Шолохов — с 1939 г.
- 267 В «Представлении Ученого Совета ИРЛИ АН СССР на выдвижение А.Т.Твардовского кандидатом в действительные члены АН СССР» среди ряда достоинств его творчества отмечалось: «Эстетически закрепленная в произведениях Твардовского действительность предстает такими своими сторонами и в таких художественных обобщениях, что перед читателями развертывается огромный мир духовной жизни целой исторической полосы» (Архив А.Т.).
- 268 Имеется в виду введение войск в ЧССР.
- 269 Калинин Анатолий Вениаминович (1916—2008) — прозаик, жил и работал на хуторе в Усть-Донецком районе Ростовской области. Автор книги о Шолохове «Вешенское лето» (М., 1964). Роман А.Калинина «Эхо войны» критиковался в «Новом мире» (1964. № 7) за надуманный сюжет и художественную несостоятельность. В очерке «Поездка в Вешенскую» (Известия. 1968. 5 октября) А.Калинин рассказывал о своем впечатлении от новых глав романа «Они сражались за Родину», подготовленных Шолоховым к печати. Посвященные предвоенному времени («Жили мы тогда как в сказке»), они обильно цитировались А.Калининым, находившим, что в них «все масштабно», «предельно открыто и правдиво».
- 270 А.Т. имеет в виду статью в ростовской газете (Моложавенко В. Об одном незаслуженно забытом имени // Молот. 1965. 13 августа), посвященную Ф.Д.Крюкову — донскому писателю, секретарю Войскового круга в Гражданскую войну, погибшему в 1921 г. Статья «Молота» воспринималась как продолжение споров об авторстве «Тихого Дона», в которых уже в 1920-х гг. звучало имя Ф.Крюкова: его рукописями якобы воспользовался молодой Шолохов. В «Молоте» эта версия поддерживалась. Попытка ее опровержения последовала через год и свелась к пресечению любых сомнений в авторстве Шолохова (Об одном незаслуженно возрожденном имени // Советская Россия. 1966. 14 августа). О позиции А.Солженицына, уверенного, что Шолохов — плагиатор, см. в его книге «Бодался теленок с дубом» (гл. 14. Стремя «Тихого Дона» // НМ. 1991. № 12).
- 271 Лоренс Стерн. Жизнь и мнения Тристрама Шенди, джентльмена; Сентиментальное путешествие по Франции и Италии. Пер. А.Франковского. Вступ. ст. А.Елистратовой. М., 1968.
- 272 Речь идет о пометках А.Г.Дементьева на рукописи поэмы «По праву памяти», здесь и далее обозначенной как «Главы».

- 273 Первоначальный вариант стихотворения «Допустим, ты свое уже оттопал...». Впервые: НМ. 1969. № 1.
- 274 Дьяков Б.А. Повесть о пережитом // Октябрь. 1964. № 7. В редакционном предисловии утверждалось: «Сила повести Б.Дьякова в том, что она — о настоящих советских людях, об истинных коммунистах», которые «были верны своим партийным идеалам», «сохранили веру в неминуемую победу ленинской правды, ленинских норм жизни» — т.е. обладали всем тем, чего, по мнению многих критиков повести Солженицына, так не хватало Ивану Денисовичу (см.: Лакшин В.Я. Иван Денисович, его друзья и недруги // НМ. 1964. № 1).
- 275 А.А.Маринов оставил воспоминания о встрече с А.Т. в Абхазии. Из них, в частности, видно, что А.Т. пытался заинтересовать Воениздат «Записками краскома» Е.М.Марьенкова, опубликованными в «Новом мире» в 1967 г. (Маринов А.А. Месяц в Сухуми // Наука и жизнь. 1988. № 6).
- 276 Вариант стихотворения «В чем хочешь человечество вини...», зачин которого см. в записях от 13—14 сентября. Впервые: НМ. 1969. № 1.
- 277 Впервые: НМ. 1969. № 1.
- 278 При жизни автора не публиковалось.
- 279 О чтении Т.Манна — одного из любимейших писателей А.Т. — см. записи предыдущих лет.
- 280 А.Т. читал Б.Шинкубе главы будущей поэмы «По праву памяти», а также «Стихи из записной книжки» (НМ. 1969. № 1).
- 281 См. запись от 9 августа.
- 282 Повесть Е.Драбкиной «Зимний перевал» о последних годах В.И.Ленина (НМ. 1968. № 10).
- 283 Договор между правительством СССР и правительством ЧССР об условиях временного размещения советских войск на территории ЧССР (Правда. 1968. 19 октября).
- 284 О замысле этого рассказа см. в записях предшествующих лет.
- 285 Абхазия, воевавшая много лет с Турцией, добровольно вошла в состав Российской империи в 1810 г. 1864 год — последний год Кавказской войны — ознаменовался вспышками сопротивления в ряде областей.
- 286 Фильм снят по одноименному роману В.М.Кожевникова (1965) режиссером В.П.Басовым. Вышел на экран в 1968 г. Главный герой — советский разведчик, работающий в гитлеровской Германии.
- 287 Размышления о будущей поэме «По праву памяти».
- 288 Роман Р.-П.Уоррена в переводе В.Голышева печатался в «Новом мире» (1968. № 7—9).
- 289 Строки предполагавшегося эпитафия вошли в текст главы «Сын за отца не отвечает»: «А мы, кичась неверьем в Бога, / Во имя собственных святых / Той жертвы требовали строго: / Отринь отца и мать отринь».
- 290 Речь идет о религиозной реформе египетского фараона Эхнатона (Аменхотеп IV, 1419—1400 до н.э.), заменившего культ бога Амона культом бога Атона. Он разрушил храм, возведенный в честь Амона, построив храм, посвященный Атону. Преемники Эхнатона восстановили культ Амона.

- 291 Послесловие А.Т. к воспоминаниям маршала Н.И.Крылова, подготовленным к публикации в «Новом мире». См. запись от 9 сентября.
- 292 Варвара Дмитриевна Бубнова (1886—1983) — художница, искусствовед, в 1922—1958 гг. жила в Японии, пропагандируя там русскую культуру. По ее воспоминаниям, А.Т. и Марию Илларионовну привез к ней в мастерскую М.Е.Эшба — председатель Союза художников Абхазии, сын видного государственного и партийного деятеля Грузии. В.Бубнова за эту недолгую встречу почувствовала в А.Т. «огромную любовь к великому искусству слова, его доброту... скрытую за усталостью от работы и борьбы за честность русского слова». В письмах А.Т. к ней (от 24 декабря 1968 г. и 27 августа 1969 г.) он выражал готовность печатать ее статью об искусстве, которую прочел «одним дыхом», и поощрял писать воспоминания (Бубнова В.Д. В памяти навсегда // Литературная Грузия. 1977. № 8). Разгром редакции в 1970 г. помешал запланированной в «Новом мире» публикации В.Бубновой.
- Джульетта Мазина (1921—1994) — итальянская актриса, снималась в фильмах своего мужа режиссера Ф.Феллини «Ночи Кабирии» (1957), «Джульетта и духи» (1964) и др. О последнем А.Т. высказался, выступая на конгрессе Европейского сообщества писателей в Риме в 1965 г. А.Т. увидел в нем некоторые «излишества формы». «И у меня являлось чувство сожаления о том, что знаменитая и прекрасная артистка вынуждена в ходе этой картины проигрывать свои, увы, столь известные, хотя и очень симпатичные нам приемы ее чудесной мимики, ее глаз, ее слез, ее улыбки, — но это уже не впервые» (Соч. Т. 5. С. 387—388).
- 293 Иван Тарба — абхазский поэт. Сведений об этой погребальной церемонии в местной печати не обнаружено.
- 294 Манн Т. Достоевский — но в меру // Соч. Т. 10. С. 338—339.
- 295 Имеются в виду строки: «И наготове вздох особый — / Держанья нашего предел: / Вот если б Ленин встал из гроба, / На все, что стало, поглядел». Они, как и связанный с ними мотив, перенесены в гл. 3 «О памяти».
- 296 Речь идет о послесловии А.Т. к воспоминаниям маршала Н.И.Крылова. См. запись от 9 октября.
- 297 Под «Открытым письмом писателям Чехословакии» стоят подписи всех действующих членов Секретариата СП (М.А.Шолохова, К.А.Федина, С.В.Михалкова, Б.Н.Полевого, А.Д.Салынского, И.Абашидзе, Э.Межелайтиса, О.Гончара и т.д.), за исключением отказавшихся подписать это письмо Л.М.Леонова, К.М.Симонова и А.Т.Твардовского.
- Введение советских войск в Чехословакию объяснялось в письме угрозой делу социализма и оценивалось как необходимость, осознанная странами социалистического лагеря. Авторы письма выступали как «выразители мыслей и чувств многонациональной общественности», широко высказавшейся о событиях в ЧССР на собраниях и митингах (ЛГ. 1968. 30 октября).
- 298 Подвиг Даниила Диденко запечатлен А.Т. в стихотворении «Танк», напечатанном впервые во фронтовой газете «На страже Родины» (1940. 30 ноября), а также в очерке «Экипаж героев» (Там же. 1941. 17 января). Рассказ Д.Диденко по дневнико-

- вой записи см.: Твардовский А. С Карельского перешейка: (Из фронтовой тетради) // НМ. 1969. № 1. Автокомментарий к стихотворению «Я убит подо Ржевом» в журнале «Костер» не появился. Впервые напечатан в 1971 г. в собрании сочинений в 5 томах (т. 5).
- 299 А.Т. жил с родителями на Запольной улице в квартире, полученной ими после освобождения Смоленска. В Колодне стоял поезд редакции фронтовой газеты «Красноармейская правда», военкором которой был А.Т., а главным редактором — Тимофей Васильевич Миронов. См. об этом в военных дневниках А.Т. («Я в свою ходил атаку...»).
- 300 Лев Семенович Понтрягин (1908—1988) — математик, создатель научной школы, лауреат Ленинской премии (1962), Герой Социалистического Труда (1969). Михаил Борисович Храпченко (1904—1986) — литературовед, председатель Комитета по делам искусств (1939—1948), в 1950-е гг. — главный редактор журнала «Октябрь», с 1966 г. — академик. А.Т., выдвинутый в академики, был забаллотирован на Отделении русского языка и литературы АН СССР, академиком-секретарем которого был М.Б.Храпченко.
- 301 Судя по дате получения А.Т. письма Солженицына в «Литературную газету» (12 декабря), оно было разослано еще до его юбилея (11 декабря) (Кондратович А.И. Указ. соч. С. 331).
- 302 К.А.Федин после вынужденного ухода А.Т., к которому сам был причастен в полной мере, оставался членом редколлегии «Нового мира» до самой своей смерти в 1977 г.
- 303 Чехословацкие писатели требовали извинения за оскорбительную для Э.Гольдштукера — председателя Союза писателей Чехословакии (1968—1969) — статью «Эдуард Гольдштукер — многоликий либерал» (ЛГ. 1968. 2 октября).
- 304 Черновой набросок стихотворения «Отыграли по дымным оврагам...» (НМ. 1969. № 1).
- 305 Продолжение работы над стихотворением «Маркс, Энгельс, Ленин...».
- 306 Первоначальный вариант стихотворения (НМ. 1969. № 1).
- 307 Вариант стихотворения «Чуть зацветет иван-чай...» (Там же). К.И.Чуковский особо выделил «Иван-чай» в новомирском цикле, названном им «хрустальным» (Письмо от VI.69 // ЛО. 1982. № 4).
- 308 Письмо А.Т. Брежневу не публиковалось.
- 309 Василий Осипович Ключевский (1841—1911) — историк, исследователь истории России с древнейших времен до XIX в. Речь идет о его книге «Письма. Дневники. Афоризмы и мысли об истории» (Предисл. М.В.Нечкиной. М., 1968).
- 310 См. запись от 31 декабря и примеч. 323.
- 311 Мемуары Дмитрия Алексеевича Толстого в «Новом мире» не печатались. Опубликованы в «Звезде» (1971), в книге «Воспоминания об А.Н.Толстом» (М., 1982). О повести Н.П.Воронова «Юность в Железнодорожке» см. в записях февраля-марта 1969 г.
- 312 См. запись от 16 декабря и примеч. 298. В «объяснительной записке» А.Т. рассказал, каким изменениям подвергся текст его «живой записи» рассказа Диденко в редакции «На страже Родины». В частности, заголовок очерка «Экипаж малышей» (все

- три танкиста экипажа Диденко были ниже среднего роста) был заменен на «Экипаж героев». В новомирской публикации 1969 г. текст очерка был восстановлен по дневнику А.Т.
- 313 В 1958 г., когда А.Т. вновь стал редактором «Нового мира», средний тираж журнала был 105 тыс., но подписка на него в армии тогда не была запрещена, как с середины 1960-х гг.
- 314 Йозеф Сморковский — один из наиболее радикально настроенных секретарей ЦК Компартии Чехословакии.
- 315 Илья Львович Френкель (1903—1994) — поэт, переводчик, один из друзей А.Т. в молодости. В 1939 г. во время похода в Западную Белоруссию вместе с А.Т. работал в газете «Часовой Родины». И.Френкель вспоминает об А.Т. в своей книге «Река времен» (М., 1984).
- 316 Франк Борман (р. 1928), полковник ВВС в отставке; Уильям Андерс (р. 1933), магистр наук, майор ВВС; Джеймс Ловелл (р. 1928), капитан ВМС в отставке — американские космонавты, совершившие первый в истории полет вокруг Луны на «Аполлоне-8».
- 317 Константин Федорович Катушев (р. 1927) — с 1968 г. — секретарь ЦК КПСС.
- 318 Стихотворение, датированное 1961 г., опубликовано в цикле «Стихи из записной книжки» (НМ. 1969. № 1).
- 319 См. запись от 5 августа 1968 г.
- 320 Об оценке А.А.Сурковым событий в Чехословакии см. также запись от 2 сентября 1968 г. и примеч. 234.
- 321 Имеется в виду книга М.С.Штеменко «Генеральный штаб в дни войны». См. о ней запись от 9 октября и примеч. 261.
- 322 Конспект меморандума А.Д.Сахарова «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», сделанный А.Т., см. в записи от 23 июня.
- 323 Очерк К.Лагунова рассказывал о крестьянском восстании 1921 г. в Сибири, жестоко подавленном с ведома В.И.Ленина. Лагунов уже выступал в «Новом мире» с очерком о тюменской нефти (1966). «В ту пору это был единственный человек, способный пойти поперек официального мнения», — объясняет К.Я.Лагунов свое обращение к А.Т. со столь огнеопасной темой. В середине декабря автор очерка встретился с А.Т., вручил ему свою рукопись и сразу же улетел домой в Тюмень. Утром А.Т. позвонил ему — 7 а.л. прочел за ночь. Не скрыл, что напечатать будет очень трудно. Просил убрать беллетризацию и дать больше документов. После ухода из «Нового мира» А.Т. оставил очерк Лагунова у себя, «думая его как-нибудь обнародовать». Когда А.Т. заболел, Лагунов получил письмо от Солженицына с предложением передать рукопись ему, но отказался это сделать. По просьбе автора Мария Илларионовна вернула автору очерк, который лишь через 20 лет увидел свет (Лагунов К. 21-й: Хроника Сибирского мятежа // Урал. 1989. № 5—6). О впечатлениях А.Т. от рукописи К.Лагунова см. также: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 338—339. Запись от 26.XII.68).
- 324 Статью О.Лациса «Опыт полувека. Размышления над документами (Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сб. документов за 50 лет. Политиздат, 1967—1968)», как и очерк Маркелова, А.Т. опубликовать не смог. Очерк И.Марке-

лова вошел в кн.: Маркелов И. Стройка государственной важности. Волгоград, 1993.

- 325 Об этом давнем замысле автобиографической прозы см. в записях предшествующих лет.
- 326 Очерк «Доктор Макс» опубликован в газете «На страже Родины» (1940. 15 марта). Дневниковую запись о М.Рабиновиче см.: Твардовский А. С Карельского перешейка: (Из фронтовой тетради) // НМ. 1969. № 2.

1969

- 1 Дж. Чивер. Семейная хроника Уопшотов. Пер. с англ. Т.Ровинской. М., 1968.
- 2 Незавершенное стихотворение, оставшееся в дневнике.
- 3 Речь идет о не публиковавшемся в печати выступлении П.Н.Демичева, секретаря ЦК КПСС, ведавшего вопросами идеологии и культуры. А.Т. рассказывал о нем в редакции и со слов К.М.Симонова (Кондратович А.И. Указ. соч. С. 349. Запись от 7 января 1969 г.).
- 4 Юрий Александрович Жуков (1908—1990) — политический обозреватель газеты «Правда».
- 5 Ю.Кузьменко — инструктор сектора художественной литературы Отдела культуры ЦК, заместителем заведующего которого был А.А.Беляев.
- 6 Записки «С Карельского перешейка: (Из фронтовой тетради)» опубликованы в «Новом мире» (1969. № 2). Замысел рассказа «Дом на буксире», оставшийся невоплощенным, неоднократно упоминается в предшествующих записях. Об очерке К.Я.Лагунова «21-й: Хроника сибирского мятежа» см. запись от 31 декабря 1968 г. и примеч. 323 за 1968 г. В повести Е.Драбкиной «Зимний перевал» о последних годах жизни В.И.Ленина (НМ. 1968. № 10), разумеется, отсутствовали какие-либо сведения о крестьянском восстании 1921 г. в Сибири, подавленном по приказу Ленина.
- 7 Из дневника Франца Кафки. Пер. с нем. Е.Кацевой // ВЛ. 1968. № 2.
- 8 Первоначальный вариант стихотворения под названием «Последний день на хуторе» опубликован в «Звезде» (1940. № 3/4). Окончательный вариант («На старом двореце») см.: Соч. Т. 1.
- 9 К.М.Симонов и его жена Лариса Алексеевна Жадова, З.Е.Гердт и его жена Татьяна Александровна Правдина — соседи по даче на Пахре.
- 10 Речь идет о новых главах романа М.А.Шолохова «Они сражались за Родину». См. далее запись от 13 марта.
- 11 Имеется в виду письмо Л.Г.Симоновича. Как видно из его ответа на письмо А.Т. от 2 февраля 1969 г., фотокопию открытки Бунина он получил от Мирзо Турсун-заде (Соч. Т. 6. С. 280—281, 580). Письмо И.А.Бунина Н.Д.Телешову от 10 октября 1947 г. с отзывом о поэме «Василий Тёркин» см.: Литературное наследство. Т. 84. Кн. 1. С. 637.
- 12 Стихотворение, писавшееся под впечатлением поездки на Смоленщину летом 1939 г. (см. примеч. 8). Задумав тогда «свобод-

- ный и деловой рассказ» про обновление деревни, А.Т. признавался, что «поездка в Загорье очень затруднила стихописание. Когда все это — деревня, детство, люди — было далеко за дымкой времени, с большей легкостью входило в стихи, чем теперь, когда так близко, в натуре неприглядной, побывало перед глазами» (Запись от 15 августа 1939 г. // Архив А.Т.).
- 13 Запись от 1 сентября 1939 г.: «Феодосийский шофер. Это тот герой, которого как раз недостает в нашей литературе, — весельчак, балагур, остряк в любую минуту жизни и т.п. Я попытался бы сделать что-нибудь из него в стихах, но для этого нужно бы от него больше послушаться». См. также: С Карельского перешейка // Соч. Т. 4. С. 181—183. В период Великой Отечественной войны «идея Тёркина» не могла не измениться. Образ героя усложнился: автор отдал ему многое из собственных мыслей и чувств.
- 14 Иштван Шимон — венгерский поэт и государственный деятель. Сохранившееся письмо А.Т. Шимону от 29 октября 1969 г. свидетельствует об их дружеских отношениях (Копия // Архив А.Т.). В трудные для «Нового мира» дни Шимон настойчиво звал А.Т. погостить в Венгрии. Стихи И.Шимона печатались в «Новом мире» в переводе О.Чухонцева (1969. № 5).
- 15 Имеется в виду шофер служебной машины А.Т.
- 16 Постановление ЦК КПСС «О повышении ответственности руководителей органов печати, радио, телевидения, кинематографа, учреждений культуры и искусства за идейно-политический уровень публикуемых материалов и репертуара. 7 января 1969 г. Совершенно секретно» // История политической цензуры. Документы и комментарии. М., 1997. С. 188—191. Передовая «Советской России» (24 января), исходя из «логики острой классовой борьбы», утверждала «личную ответственность» деятелей журналистики «за каждую строку своей статьи, за ее политическую направленность, за любую ошибку».
- 17 Речь о давнем замысле автобиографического романа «Пан Твардовский».
- 18 М.М.Вознов — родственник А.Т. со стороны матери, упоминаемый А.Т. в «Автобиографии» (Соч. Т. 1. С. 21). См.: Романова Р.М. Наш родственник Вознов // ЛР. 1979. 12 ноября.
- 19 В 1924 г., в год смерти В.И.Ленина, А.Т. вступил в комсомол, вызвав гнев отца — Трифона Гордеевича.
- 20 В 1926 г., в неполные 16 лет, А.Т. участвовал в совещании сельков Смоленского уезда, числясь в списке основных делегатов, а не от юнкорской секции. 3 января 1926 г. в газете «Смоленская деревня» было опубликовано его стихотворение «Селькор» (в собрание сочинений не включалось). Отвечая на вопросы анкеты делегата, А.Т. сообщал, что опубликовал в газете 10—12 заметок. Объясняя, почему «еще мало печатался», он пишет: «Я нахожусь в тяжелых материальных условиях, мне с трудом отыскать 8 копеек на марку. Но у меня огромное, неуклонное желание писать...» (Левитин М. Так начинался Твардовский // Под часами. Смоленск, 2003. № 2).
- 21 План карты хутора пустоши Столпова намечен в дневнике 1939 г.
- 22 А.Т., по-видимому, читал вступительную статью М.Урнова к собранию сочинений Р.-Л.Стивенсона в 5 томах (М., 1967).

- 23 Орехов Б. Слезьте с треножника, Джилас // Правда. 1969. 28 января. Статья обличала югославского публициста Милована Джиласа в клевете на советский строй. Джилас заявлял, что социализм в нынешней его советской форме мертв, доказывая, что и капитализма в старом его понимании уже не существует. Трактует идею конвергенции, высказываемую Джиласом, как призыв к «слиянию двух систем», автор традиционно противопоставляет ей утверждение об их непримиримой борьбе. Работу Джиласа «Новый класс» с ее анализом социальных и политических итогов развития советского общества Б.Орехов называет «грязным пасквилем на коммунизм». Опубликовано в кн.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- 24 О письме А.Т. К.А.Федину — первому секретарю Правления СП и члену редколлегии «Нового мира» см. записи в январе 1968 г.
- 25 Речь идет о повести Н.Воронова «Юность в Железнодорожке», начало которой (НМ. 1968. № 11) было встречено резкой критикой, а продолжение задерживалось цензурой.
- 26 В записи упоминаются: С.В.Сартаков (председатель Литфонда), В.М.Озеров (председатель Иностранной комиссии СП) — секретари Правления СП СССР; Л.С.Соболев — первый секретарь Правления СП РСФСР.
- 27 О заблокированных цензурой романе А.Бека «Сшибка» («Онисимов»), повести «Раковый корпус» А.Солженицына, дневниках К.Симонова «Сто суток войны» и борьбе А.Т. за эти и другие произведения см. в записях 1965—1968 гг. Продолжение «Деревенского дневника» Е.Дороша, изъятое из № 7 «Нового мира» за 1968 г., не пропускалось Главлитом и в № 1 за 1969 г. Неприемлемой для цензуры оказалась проводимая автором мысль, что «из-за некомпетентного руководства сельским хозяйством и администрирования крестьяне были насильственно отторгнуты от земли и производства» (Справка Главлита о контроле материалов журнала «Новый мир» за 1-е полугодие 1969 г. Секретно // Пресса в обществе. 1959—2000. М., 2000. С. 501). А.Т. назвал здесь лишь наиболее крупные произведения, не касаясь рассказов, стихов, очерков, статей и рецензий, не пропускавшихся цензурой, которые в 1969 г. редакция снова будет пытаться напечатать.
- 28 К.М.Симонов, А.Д.Салынский, Н.М.Грибачев — секретари Правления СП. Речь идет об ознакомлении их с повестью Н.Воронова «Юность в Железнодорожке» для отзыва.
- 29 Стихотворение впервые опубликовано в «Известиях» (1988. 15 июня). Публикация М.И.Твардовской.
- 30 Статья в «Коммунисте» с критикой В.Я.Лакшина не появилась. О замечаниях В.Твардовской по статье Лакшина «Пути журнальные» (НМ. 1967. № 8) см. записи А.Т. в августе 1967 г. Дочь оспаривала характеристику журналов 1860—1870 гг. «Современник» и «Отечественные записки» как революционно-демократических, считая их направление более широким, либерально-демократическим. Аналогии с «Новым миром», возникавшие при чтении статьи, оказывались при характеристике Лакшина неправомерными.
- 31 А.Т. имеет в виду записи К.М.Симонова бесед с Г.К.Жуковым (см.: Симонов К. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-

- исторический журнал. 1987. № 6, 7, 9, 10, 12). О впечатлениях А.Т. от рукописи Симонова см. также: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 367. Запись от 4.II.69.
- 32 Вклейка — письмо Марии Илларионовны Твардовской.
- 33 Подразумевается ежемесячный денежный перевод родным А.Т.
- 34 Речь идет о подготовке к публикации дневниковых записей А.Т. из фронтальной тетради 1940 г. — «С Карельского перешейка».
- 35 Шофер служебной машины А.Т.
- 36 О предшествующем пребывании в Кунцевской больнице см. записи в мае-июне 1965 г. Лидия Дмитриевна Морозова — лечащий врач А.Т.
- 37 С.Г.Островой, В.И.Фирсов — члены СП.
- 38 Роман П.Мериме «Хроника царствования Карла IX», вошедший в том его избранных произведений в серии «Библиотека всемирной литературы» (М., 1967), был взят А.Т. в больницу из дома. Подразумевается белохолмская школа второй ступени, где в 1923 г. А.Т. учился в шестом классе. Школа в Белом холме (бывшей усадьбе Каховских) была закрыта в 1924 г.
- 39 ИКП — Институт красной профессуры. Академик Е.С.Варга — специалист по политической экономии капитализма. См. о нем записи в июне 1966 г.
- 40 Изъятие из № 1 «Нового мира» за 1969 г. стихотворения А.Т. «Напрасно думают, что память не дорожит сама собой...» объяснялось утверждением в нем, что настало время сказать всю правду о прошлом, вопреки запретам и попыткам скрыть ее от народа: «Кто прячет прошлое ревниво, тот вряд ли с будущим в ладу» (Справка Главлита о контроле материалов журнала «Новый мир»... Секретно // Пресса в обществе. С. 500). А.Т. имеет в виду строки: «Пытливой дочке, комсомолке, / Пойди, сошлись на свой Главлит».
- 41 Стихотворение Н.Матвеевой «Размышление у трона» уже снималось цензурой из № 7, а затем из № 8 «Нового мира» за 1968 г. Цензура зрела в нем «мысль о перерождении диктатуры класса в диктаторское единовластие» и об опасности «возрождения идеологии культа личности» (Там же. С. 501).
- 42 О письме «металлургов» и ответе на него А.Т. см. далее.
- 43 Пункт 4 (секретный) «Постановления о повышении ответственности руководителей органов печати...» предусматривал усиление за ними контроля Главлита. Замечания цензоров должны были отныне доводиться до авторов «без ссылки на Главлит». Отступление от этого рассматривалось «как нарушение партийной и государственной дисциплины» (История политической цензуры. М., 1991. С. 180).
- 44 Письма Марины Цветаевой / Публикация, подготовка текста и вступительная заметка А.С.Эфрон; коммент. А.А.Саакянц // НМ. 1969. № 4.
- 45 Речь идет о Л.П.Берия.
- 46 Персонаж поэмы «За далью — даль», смоленская крестьянка — символ нищеты советской деревни. «И я за дальней звонкой далью, / Наедине с самим собой, / Я всюду видел тетку Дарью / На нашей родине с тобой; / С ее терпеньем безнадежным, / С ее избою без сеней, / И трудоднем пустопорожним, / И трудночью — не полней».

- 47 А.Т., не пропускаявший любую весть с его «малой родины», не прошел мимо и маленькой заметки в «Правде» о Смоленском ансамбле песни и пляски профучилищ с репертуаром на основе местного фольклора. Заметка сопровождалась фотографией репетиции танца «Восемь девушек, один я».
- 48 Внимание А.Т. остановила и статья о том, как в Новочеркасске при подготовке к новостройке бульдозером уничтожили сад старой актрисы — детище ее многолетних трудов (Тэсс Т. Короткая память // Известия. 1969. 16 февраля). А.Т. и самому не раз приходилось защищать интересы отдельного человека от подобного насилия «для пользы общего дела»: так было, например, при постройке больницы во Внукове в конце 1950-х гг., когда А.Т. отстоял участок местного жителя с домом и яблоневым садом, уже отнесенный к больничной территории.
- 49 Воспоминания М.В.Исаковского «На Ельнинской земле» начали печататься в 1969 г. (НМ. № 4, 5, 8). После ухода А.Т. с поста главного редактора автор перенес их публикацию в журнал «Дружба народов».
- 50 Халдор Лакснесс — один из любимых современных писателей А.Т. В 1969 г. «Новый мир» опубликовал в № 11 его рассказ «Птица на изгороди» (пер. с исл. В.Морозовой, предисл. Г.Фиша). Егор Павлович — плотник, строивший дачу А.Т. во Внукове, затем ее сторож. В библиотеке А.Т. сохранилась книга Лакснесса «Самостоятельные люди» (М., 1960).
- 51 Неясно, кто имелся в виду.
- 52 21 декабря — день рождения И.В.Сталина.
- 53 Трухановский В.Г. Уинстон Черчилль. М., 1968.
- 54 Марк Александрович Алданов (Ландау) (1886—1957) — прозаик, мемуарист. В 1918 г. эмигрировал из Одессы в Берлин, жил в Париже, в США (1941—1947), затем снова во Франции. Николай Павлович Гронский (1909—1934) — поэт, друг М.Цветаевой, в талант которого она верила.
- 55 Шарль Вильдрак (Мессаже) (1882—1971) — французский прозаик, драматург. В поэзии приверженец верлибра.
- 56 Владислав Фелицианович Ходасевич (1886—1939) — поэт, прозаик, критик, мемуарист. В эмиграции с 1922 г. С 1925 г. жил в Париже.
- 57 Деревянный ящик-сундучок, специально сделанный для хранения дневников. «При пожаре, — говорил А.Т. дочерям, показывая на сундучок, — первым делом его спасайте».
- 58 Речь идет о редактировании А.Т. автобиографических страниц М.В.Исаковского для публикации в «Новом мире». Михаил Васильевич с благодарностью вспоминал редакторскую правку А.Т. Особенно он ее оценил, когда после ухода А.Т. из «Нового мира» передал рукопись в «Дружбу народов». Он писал В.Твардовской 15 января 1973 г., что в «Дружбе народов» его текст «дали почему-то редактировать человеку, который совсем не знает деревенской жизни и не совсем хорошо знает русский язык». В письме перечислялись огрехи, оказавшиеся в публикации по вине редактора, которому он, будучи болен, полностью доверился. Так, осельских мужиков (из села Оселье) редактор превратил в «сельских мужиков» и т.д. и т.п. (Архив А.Т.).

- 59 Сергей Андреевич Страдный (Смирнов) (1901—1920) — поэт, участник Гражданской войны, руководитель смоленской литературной студии Пролеткульта (1920—1921), умер от тифа.
- 60 Очерк «В родных местах» (1945), где А.Т. упоминает о часах на главном перекрестке Смоленска (Советской и Пушкинской улиц) — «пункте, по которому определялись все направления и расстояния в городе: "от Часов", "пройдя Часы", "не доходя до Часов"». Здесь же вспоминает о своем ощущении «одиночества»: «Мальчиком я писал стихи и, зная, что все известные мне поэты давно умерли, чувствовал себя в этом смысле одиноким на свете» (Соч. Т. 4. С. 404).
- 61 А.Т. подразумевает цитату из своей статьи «Поэзия Михаила Исаковского», как дядюшка молодых Ростовых пел «с тем полным и наивным убеждением, что в песне все значение заключается только в словах, что напев сам собой приходит...» (Соч. Т. 5. С. 244; Впервые — НМ. 1967. № 8).
- 62 Вахтеров В.П. Мир в рассказах для детей. Книга для классного чтения в начальных училищах. Ч. I—IV. М.; Пг., 1923. 1-е изд. (И.Д.Сытина) — М., 1900. До 1917 г. хрестоматия Вахтерова выдержала 67 изданий.
- 63 Анатолий Сергеевич Штейгер (1907—1944) — поэт. Большой туберкулезом, он переписывался с М.Цветаевой из швейцарского санатория.
- 64 Игорь Северянин (Лотарев Игорь Васильевич) (1887—1941) — поэт, переводчик, мемуарист. В 1910-х гг. приобрел всероссийскую известность. Основатель «эгофутуризма». С 1918 г. жил в Эстонии, совершая поездки в европейские страны.
- 65 Книга Ж.Сименона «Желтый пес» (М., 1961) включала четыре повести (комиссар Мегрэ был героем двух). «Пристально» была прочтена А.Т. повесть «Президент», с той же темой старости и смерти, что и у Л.Толстого в «Смерти Ивана Ильича».
- 66 Об этих главах «Василия Тёркина» см. в кн. «Я в свою ходил атаку...».
- 67 Стихи А.Т. «Будь здоров, "Советский воин" ...» опубликованы в юбилейном № 6 журнала за 1969 г. См. далее запись от 27 апреля.
- 68 Голиков В., Мурашов С., Чхиквидзе И., Шатагин Н., Шаумян С. За ленинскую партийность в освещении истории КПСС // Коммунист. 1969. № 3. А.Т. имел в виду статью Л.С.Шаумяна «Культ личности» (Философская энциклопедия. Т. 3. М., 1964). Показывая громадный вред, нанесенный сталинизмом развитию страны, автор призывал к борьбе со всеми его проявлениями, утверждая, что она «остается актуальной задачей». А.Т. ошибся: у статей в «Философской энциклопедии» и в «Коммунисте» были разные авторы.
- 69 Клавдия Алексеевна Сахарова умерла в марте 1969 г. А.Д.Сахаров после ее смерти перечислил свои сбережения, Ленинскую и Государственную премии в Красный Крест и на строительство онкологического центра.
- 70 Имеются в виду заметка «В кривом зеркале» (без подписи, в рубрике «Из последней почты»), поддерживающая выступление «участников героической стройки» в Магнитогорске против повести Н.Воронова «Юность в Железнодорожке», и негатив-

ный отзыв М.Синельникова о ней, опубликованные в «Литературной газете» 5 марта. Повторяя вслед за «Литературной газетой», что «Новый мир» несет «моральную ответственность за просчеты и слабости повести», «Правда» напоминала, что редакция журнала «и ранее неоднократно подвергалась критике за публикацию ряда произведений, содержащих идейные ошибки, очерняющих нашу действительность. Ответственность вправе ожидать, что редакция "Нового мира" наконец сделает верные выводы из этой критики» (Правда. 1969. 6 марта). См. запись от 8 марта.

- 71 Первоначальное авторское название повести — «Все время ветер» — было изменено в редакции «Нового мира». Печатаемая отрывок из повести, «Литературная газета» представила ее автора как «сына рабочего», который «знает и любит людей труда». По словам газеты, «и прошлым, и настоящим, и будущим своим Н.Воронов связан с жизнью рабочего класса. Это его сердце, его боль, его работа». Обозначив жанр произведения как роман, газета называла его многоплановым, многослойным, по-новому, «много глубже», чем принято, характеризующим советского рабочего (Воронов Н. Первая плавка // ЛГ. 1968. 4 декабря).
- 72 В заметке М.Синельникова, как и в письме «металлургов», особо подчеркивалось, что «редакция, решившая напечатать такое произведение и не пожелавшая увидеть его просчеты и слабости, несет моральную ответственность наряду с автором» (Правде вопреки: По поводу повести Н.Воронова «Юность в Железнодорожке» // ЛГ. 1969. 5 марта).
- 73 Запись-набросок письма по поводу выступлений «Литературной газеты» и «Правды». Уверенность А.Т. в том, что письмо ветеранов было фальсифицированным и организованным «сверху», подтверждалась, в частности, историком М.Я.Гефтером. Он рассказал, что его родственник (профессор Института стали и сплавов С.С.Горелик) подписал письмо под названием партийного начальства, не читая повести Н.Воронова.
- 74 Лен Вячеславович Карпинский (1929—1995) — журналист, общественный деятель. Сын участника революционного движения, члена ВЦИК, видного деятеля советской печати В.А.Карпинского. Секретарь ЦК ВЛКСМ по идеологии (1958—1962), член редколлегии «Комсомольской правды» и «Правды» (1965—1967). После изгнания из органа ЦК Л.Карпинский работал в Институте социологии АН.
Имеется в виду рецензия В.Разумного на книгу Г.Гачева «Содержательность художественной формы. Эпос. Лирика. Театр» (М., 1968). Рецензент, в частности, оспаривал утверждение Гачева, что сращивание литературы с властью неблагоприятно для той и другой. Всеобщность этого вывода Разумный посчитал заблуждением, доказывая, что в нашей стране власть народная, и потому писатель, служа ей, тем самым служит и народу. Догматизм и некомпетентность этого ортодоксального марксиста уже подвергались критике в журнале А.Т. (Лифшиц М.Я. В мире эстетики: (О работах В.Разумного) // НМ. 1964. № 2).
- 75 Шолохов М. Главы из романа «Они сражались за Родину» // Правда. 1969. 12—15 марта. Со Сталиным — «крупнейшей по-

- сле Ленина личностью» — связаны в глазах героев Шолохова все успехи в развитии страны. «И какой же народище мы вырастили за двадцать лет! Сгусток человеческой красоты!.. Жили мы тогда как в сказке». Репрессии, коснувшиеся и действующих в главах лиц, объясняются дезинформацией вождя. Но «раскусил Сталин Ежова» и Берия «начал потихоньку разгрызать».
- 76 С Е.П.Пешковой А.Т. познакомился в послевоенные годы у С.Я.Маршака, который подростком находился под опекой ее и Горького. Об особой их роли в своей жизни Маршак рассказал в воспоминаниях, опубликованных А.Т. в «Новом мире» (1960. № 1—2).
- 77 Самоцитата из «Тёркина на том свете», где в «Гроб-газете» был «Отдел писем без ответа». Пересылая В.Твардовской копии подобных писем (в ЦК и в Секретариат СП), А.Т. определял их как свои «произведения эпистолярно-бюрократического жанра». За 16 лет редактирования «Нового мира» они могли бы составить отдельный том его собрания сочинений.
- 78 Воспоминания И.С.Маршака (Элика) — сына поэта, в «Новом мире» не появились.
- 79 При жизни А.Т. стихотворение не печаталось. Впервые — ДН. 1973. № 1. Публикация М.И.Твардовской.
- 80 Стихотворение осталось на страницах дневника.
- 81 Вариант стихотворения «Маркс, Энгельс, Ленин, знать бы вам...». Впервые (с изменениями) — Известия. 1988. 25 июня. Никогда не перепечатывалось.
- 82 Дымшиц А. Сердце — сердцу // ЛР. 1969. 15 марта. В заметке о статье А.Платонова «Навстречу людям», посвященной Э.Хемингуэю, критик, неоднократно обличавший «Новый мир» в дегероизации и очернительстве действительности, восхищается реализмом и гуманизмом Платонова.
- 83 Ср.: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 393. Запись от 17.III.69.
- 84 О воспоминаниях адмирала Н.Г.Кузнецова, предлагавшихся автором «Новому миру», см. запись от 7 декабря 1963 г. По-видимому, А.Т. имел в виду внутреннюю рецензию Симонова на мемуары Кузнецова для «Нового мира»: в печати она не обнаружена.
- 85 Стихотворение появилось в ходе работы над «Сельской хроникой», записано 23 марта 1938 г. — в «тяжелейший день» (Архив А.Т.). Осталось на страницах дневника.
- 86 Об А.В.Никитенко и его «Дневнике» (Т. 1—3. М., 1955) см. записи от 19 декабря и 27 октября 1966 г. Книга сохранилась в библиотеке А.Т., испещренная его пометками, сделанными в разное время. Автор — писатель, редактор, профессор Санкт-Петербургского университета, академик. В период многолетней службы цензором видел свою роль в посредничестве между властью и литературой, стремясь учесть интересы и той, и другой стороны. Александр Христофорович Бенкендорф (1783—1844) — с 1826 г. шеф жандармов и главный начальник III отделения. Сергей Семенович Уваров (1786—1855), граф — с 1818 г. президент АН, министр народного просвещения (1825—1855).

- 87 Крылов Н.И. Не померкнет никогда. М., 1969. Главы из воспоминаний дважды Героя Советского Союза Маршала Советского Союза Крылова печатались в «Новом мире» с послесловием А.Т. (1968. № 9). «Этих дней не смолкнет слава, / Не померкнет никогда. / Партизанские отряды занимали города» — строки стихотворения С.Алымова «По долинам и по взгорьям», ставшего песней Гражданской войны.
- 88 Письмо по поводу критики повести Н.Воронова «Юность в Железнодорожке», о котором шла речь в записях января-марта.
- 89 Рекемчук А. Зимний перевал // ЛГ. 1969. 12 марта. Если разносная критика повести Н.Воронова в «Литературной газете» 5 марта 1969 г. адресовалась не только автору, но и редакции «Нового мира», то в похвальном отклике на повесть Е.Драбкиной «Зимний перевал», за опубликование которой редакция боролась несколько лет, о «Новом мире» не упоминалось: автор выступал независимым от редакции субъектом.
- 90 Имеются в виду фальсифицированные письма земляков А.Яшина, обличавшие его «Вологодскую свадьбу» в незнании жизни и очернительстве (Свадьба с дегтем // КП. 1963. 31 января). Письма в поддержку «Вологодской свадьбы», самотеком пришедшие в редакцию (в том числе и от земляков А.Яшина), «Новому миру» опубликовать не дали (см. записи от 23 сентября 1962 г. и 26 апреля 1963 г. и примеч. 47 за 1963 г.). А.Т. понимал также организованные А.Кривицким нападки на статью В.Кардина «Легенды и факты» (НМ. 1966. № 3) и обличения газетой «Сельская жизнь» «Деревенского дневника» Е.Дороша в «принижении действительности» за подписью председателя колхоза Костромской области (Лебедев Л. Не видя солнца // Сельская жизнь. 1964. 11 октября).
- 91 К.В.Воронков позднее и предстал автором дневника, опубликовав выбранные места из хроники текущих дел Секретариата. Здесь нет и упоминания о письмах в Секретариат А.Т., выступлениях его на заседаниях, о переговорах с ним секретарей Правления. Судя по дневнику Воронкова, журнал А.Т. был вне поля зрения Секретариата (Воронков К.В. Страницы дневника / Предисл. В.Катаева. — М., 1977).
- 92 5-й том собрания сочинений (статьи и заметки о литературе) задерживался из-за отказа А.Т. изъять упоминания о Солженицыне. См. об этом в записях 1966—1968 гг.
- 93 Названные кандидатуры в члены редколлегии «Нового мира» были далеки от окружения журнала А.Т. Достаточной характеристикой прозаику Владимиру Алексеевичу Чивилихину (1928—1984) служила рецензия А.С.Берзер на его повесть «Ёлки-моталки», показавшая нравственную глухоту автора (Берзер А. Когда черное — бело // НМ. 1965. № 7). Любящий природу и всю живность тайги, герой повести убивает голодного человека, съевшего яйца из гнезда глухаря, и автор ему симпатизирует. К выходу новомирской рецензии «Ёлки-моталки» появились в «Роман-газете» с похвальным предисловием Н.Грибачева. Здесь уже провинившегося не убивали — тот сам падал с обрыва. Александр Евсеевич Рекемчук (р. 1927) — прозаик, заместитель главного редактора журнала «Молодая гвардия», главный ре-

дактор «Мосфильма» (1964—1967), член редколлегии журнала «Знамя» (1966—1970). Повесть А.Рекемчука «Молодо-зелено» критиковалась в «Новом мире» за поверхностное изображение жизни (1961. № 9).

Критики Л.Фоменко, Л.Якименко, Дм.Еремин не раз выступали с нападками на авторов «Нового мира». Отзыв А.Т. о Еремине см. в записи от 15 января 1966 г. Все эти кандидаты в редколлегию «Нового мира» были чужды журналу А.Т. по своим идейно-эстетическим позициям.

- 94 Р.Г.Гамзатов был членом редколлегии не только «Нового мира», но «Литературной России», а также редакционного совета «Дружбы народов», Ч.Айтматов — «Литературной газеты» и «Дружбы народов», А.Кулешов — «Немана». Имеется в виду постановление «О повышении ответственности руководителей органов печати...». См. записи от 29 января и 19 февраля.
- 95 Артур Федорович Ермаков (р. 1931) — журналист, сотрудничал с «Новым миром», выступая здесь с рецензиями.
- 96 Речь идет об утверждении В.Я.Лакшина заместителем главного редактора.
- 97 О приглашении А.Т. Л.Свободой см. запись от 14 марта.
- 98 В окончательном варианте А.Т. концовка иная: «Давно отцами стали дети, / Но за всеобщего отца / Мы оказались все в ответе, / И длится суд десятилетий, / И не видать ему конца».
- 99 Р.А.Медведев отзывался на статью В.Голикова, С.Шаумяна и др. «За ленинскую партийность в освещении истории КПСС» (Коммунист. 1969. № 3. См. о ней запись от 29 февраля), протестуя против попытки реабилитации Сталина и сталинизма.
- 100 Курс лекций и спецсеминар по истории народничества в Гурьевском пединституте (по командировке Института истории АН).
- 101 В архиве А.Т. — несколько десятков писем с откликами на «Стихи из записной книжки» в № 1 «Нового мира» из разных городов (немало осталось и в архиве редакции). Вот только одно из них, совпавшее в оценке со многими. Е.М.Ольшанская из Киева, рассказывая об обсуждении новых стихов А.Т. в Клубе поэзии, которым руководит, отмечает, что и для молодых, которых в клубе большинство, эти стихи — «событие». Она уверена, что «время, скорое на расправу», «бессильно против настоящих строк. А Ваши — настоящие» (Письмо от 18 июня // Архив А.Т.).
- 102 Сестра Мария Трифонова и Надя — дочь Анны Трифоновны.
- 103 Имеются в виду письма А.Т. в Секретариат СП: первое — по поводу организованной критики повести Н.Воронова «Юность в Железнодорожке» (см. записи от 8 и 19 марта); второе — о задержании 5-го тома собрания сочинений А.Т. в связи с его отказом изъять упоминания о Солженицыне; третье — в связи с задачей обновления и укрепления редколлегии «Нового мира». См. запись от 23 марта.
- 104 Зачин незавершенного стихотворения.
- 105 А.Т. подразумевает постановление ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» (1946).
- 106 «Без самоизменения, считал Маркс, нет подлинной революционной практики, а, напротив, возникает стремление делить об-

- щество на две части, воспитателей и воспитуемых, из которых одна возвышается над обществом» (Гефтер М. Из истории ленинской мысли // НМ. 1969. № 4). После разгрома руководимого М.Я.Гефтером сектора методологии истории в Институте истории АН В.Твардовская послала ему эту запись А.Т. о его статье вместе с другой — о его новой работе, которую А.Т. не успел напечатать. Гефтер ответил письмом (4 января 1973 г.), содержащим раздумья о наших шестидесятих годах, роли и месте в них «Нового мира». Письмо кончалось словами: «Для меня этих записей в рабочей тетради Александра Трифоновича достаточно, чтобы считать бесполезной свою жизнь» (Архив А.Т.).
- 107 «Ответ Секретариату» см. в записи от 23 марта. Зафиксированные А.Т. здесь и далее оценки Солженицыным «Нового мира» резко отличаются от данных им журналу А.Т. в его воспоминаниях. Рассказывая, как он приходил в редакцию «убеждать» А.Т., что «надо продолжать» вести журнал, Солженицын не скрывает, что думал при этом иначе: «Да я б на его месте и раньше ушел». «Новый мир», по мнению Солженицына, журнал компромиссный, пригодный лишь для «интеллектуальной гимнастики», жил на коленях, «с нераспрявленной спиной» (Солженицын А. Бодался теленок с дубом // НМ. 1991. № 7. С. 128, 131 и след.).
- 108 В статье «Чернышевский и Шлоссер» Е.Г.Плимак, вопреки утвердившейся в советской литературе трактовке, показал Чернышевского отнюдь не сторонником крестьянской революции, зовущим Русь к топору. Сознывая реальную возможность революции в стране, Чернышевский, опираясь на Шлоссера, предупреждает о ее неуправляемом, бесконтрольном и непредсказуемом развитии. Статья, так и не появившаяся в «Новом мире», отдельными фрагментами вошла в кн.: Володин А.И., Карякин Ю.Ф., Плимак Е.Г. Чернышевский или Нечаев? М., 1976.
- 109 Апрельский пленум КПЧ снял А.Дубчека с поста первого секретаря компартии Чехословакии. Им стал Г.Гусак. С самого начала «Пражской весны» в сознании А.Т. установилась определенная связь между судьбой ее лидера и собственной — редактора «Нового мира». «Его час — мой час», — говорил А.Т. В 1970 г. Дубчек будет исключен из КПЧ и политической жизни, А.Т. — отлучен от журнала.
- 110 В окончательном варианте главы «О памяти» (поэма «По праву памяти»): «Какой, в порядок не внесенный, / Решил за нас / Особый съезд / На этой памяти бессонной, / На ней как раз / Поставить крест».
- 111 Имеется в виду роман Г.Владимова «Три минуты молчания» (НМ. 1969. № 7, 8).
- 112 Первоначальный вариант вступления к поэме «По праву памяти».
- 113 Секретарь К.В.Воронкова.
- 114 Об этом давнем замысле автобиографической прозы, оставшемся неосуществленным, — в записях предшествующих лет.
- 115 Речь идет о воспоминаниях А.И.Герцена «Былое и думы» (одной из любимых книг А.Т.) и В.Г.Короленко «История моего современника». А.Т. писал В.Твардовской из Абхазии 22 апреля

- 1969 г.: «Перечитал здесь "Былое и думы" с большой пользой для себя. Прочел мемуары Г.К.Жукова — можешь не читать» (Архив А.Т.).
- 116 Михаил Григорьевич Плескачевский — двоюродный брат А.Т., племянник его матери Марии Митрофановны (в девичестве Плескачевской), журналист, живший и работавший в Баку. «Брат и собрат по перу», как называл его в письмах А.Т., был похож на Марию Митрофановну и лицом, и характером. Плескачевский — товарищ юношеских лет А.Т. — пристально следил за работой поэта и переписывался с ним с середины 1930-х гг. Когда в 1969 г. к А.Т. обратилась за помощью семья ветерана Отечественной войны, жившая в Баку в тяжелейших условиях, именно М.Плескачевский по просьбе А.Т. непосредственно на месте выполнял его поручения по этому делу. Семья ветерана получила хорошую квартиру, а благодарственное письмо от нее, адресованное А.Т., он отослал М.Плескачевскому (Соч. Т. 5. С. 295); Романова Р. «Я вступил в тот след горячий...» // НМ. 1985. № 6); Плескачевский М. «Листая обратно календарь...» // Всегда с А.Т.Твардовским: Сб. / Сост. В.Д.Савченков. — Десногорск, 2008).
- 117 28 апреля А.Т. писал И.С.Соколову-Микитову: «При всем том, в каком невеселом положении узника полутемной одиночки застал я вас в последнее мое посещение, я, поверьте, не вынес какого-либо гнетущего впечатления... Я даже был как-то ободряюще пристыжен за себя, при гораздо меньших стеснениях природы поддающегося порой унынием и хандре» (Соч. Т. 6. С. 420). Ольга Викторовна — секретарь и домоправительница К.А.Федина.
- 118 Валерий Васильевич Дементьев (1925—2000) — писатель, редактор издательства «Советская Россия», автор книги «Александр Твардовский» (М., 1976). Характеризуя В.Дементьева, А.Т. имеет в виду близость его к «национал-патриотам». А.Т. предполагал и иной состав издания: записки «С Карельского перешейка» вместе со статьей «Как был написан "Василий Тёркин" (ответ читателям)». Над поэмой он начал работать после войны с Финляндией.
- 119 Анатолий Григорьевич Новиков (1896—1984) — композитор, народный артист СССР, автор музыкальных комедий «Левша», «Королева красоты», песен «Дороги», «Гимн демократической молодежи».
- 120 В указателе содержания «Советского воина» за 1969 г. не упоминаются стихи А.Т., напечатанные в № 6 — к юбилею журнала. «Литературная газета» (1969. 25 апреля) сопровождала сообщение о новом издании поэмы А.Т. рисунком О.Верейского, оформившего книгу.
- 121 См. запись от 20 апреля и примеч. 110.
- 122 И.Т.Козлов — бывший (в 1950-е гг.) главный редактор издательства «Советский писатель», критик, печатал в «Новом мире» А.Т. 1950-х гг. рецензии. «Ответ читателям "Василия Тёркина"» впервые: НМ. 1951. № 11.
- 123 Шарль де Голль (1890—1970) в апреле 1969 г. ушел с поста президента Франции, который занимал с 1958 г. А.Т. в 1958 г. вто-

- рично был назначен главным редактором «Нового мира» (первый раз был им в 1950—1954 гг.).
- 124 Заключительные строки стихотворения Е.Н.Баратынского «Старик» (1828).
- 125 Хирн Д. Пришлый у ворот. М., 1969.
- 126 А.Т., член Комитета по Ленинским премиям, последовательно отстаивал кандидатуру Солженицына, выдвинутую редколлегией «Нового мира», связывая с его награждением судьбу не только самого писателя, но и всей советской литературы. Спектакль Театра Сатиры «Тёркин на том свете», поставленный В.Плучеком в 1966 г., был снят вскоре после премьеры. Депутатом ВС РСФСР А.Т. избирался в 1947—1954 и 1958—1966 гг. Более властями в высшие законодательные органы не выдвигался. На XXII съезде КПСС А.Т. (в октябре 1961 г.) был избран кандидатом в члены ЦК, делегатом XXIII съезда (в марте 1966 г.) он уже не был. После того как в декабре 1966 г. А.Г.Дементьев и Б.Г.Закс были выведены из редколлегии «Нового мира» вопреки воле главного редактора, А.Т., преодолев первый порыв к уходу, остался на своем посту, добившись пополнения редколлегии названными им самим Е.Я.Дорошем, М.Н.Хитровым и Ч.Т.Айтматовым. Обо всем этом см. в записях предшествующих лет.
- 127 «Я знаю, что с последней моей поездкой, — писал А.Т. В.Твардовской из Гульрипши (22 июня 1969 г.), — у меня нечто кончилось и что-то должно начаться, догадываюсь, что...» Ощущение, что «отломился целый пласт жизни», отразилось и в его лирике этих последних лет.
- 128 Из романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит» — одной из любимых книг А.Т.
- 129 5 мая в редакции отмечали шестидесятилетие Александра Моисеевича Марьямова, заведующего отделом публицистики и члена редколлегии «Нового мира».
- 130 Выйдя из больницы в начале июня, К.И.Чуковский написал А.Т., как тронули его «Стихи из записной книжки» (НМ. 1969. № 1). На больничной койке твердил он стихотворение «Допустим, ты свое уже оттопал...». Здесь «каждая строка обо мне и моя», — замечает он. «Вообще Ваш цикл — хрустальный», — пишет Чуковский, перечисляя восхитившие его «зарисовки Пахры и Десны» и «"Иван-чай" и т.д.» (Архив А.Т.). «Вы как будто назвали то, о чем я и сам думаю очень часто — назвали с трогательной силой», — писал А.Т. 6 июня 1969 г. В.А.Каверин. По его словам, эти стихи «вовсе не только о прошлом и даже, может быть, менее всего о прошлом. Они охватывают весь наш бесценный жизненный опыт, а ведь он еще пригодится нам...» (Архив А.Т.; ЛО. 1982. № 4. Публикация М.И.Твардовской). Назвав стихи из № 1 поразительными по самоуглублению и «вместестемширокозахватнейшему размышлению», А.В.Македонов выделил «Полночь в мое городское окно...» как «один из шедевров того, что называют философской лирикой...». Критик увидел в последних стихах А.Т. «достижение высшей откровенности перед собой и читателем...» (Архив А.Т.).
- 131 См. запись от 24 июня.

- 132 А.Т. цитирует предисловие к роману А.Филева «Солнцеворот», изданному тиражом 2 млн 100 тыс. В выражениях, применяемых обычно к русской классической литературе, здесь говорилось о «филевской прозе». В «Новом мире» роман Филева был оценен как газетная передовица в форме беллетристики (Ильина Н. Литература и массовый тираж: О некоторых выпусках «Роман-газеты» // НМ. 1969. № 1). С.В.Сартаков — секретарь Правления СП, автор произведений, иллюстрирующих партийные постановления. Позднее — Герой Социалистического Труда.
- 133 Зачин стихотворения «Нет ничего, что раз и навсегда...». См. запись от 19 июня.
- 134 Продолжение работы над поэмой «По праву памяти». А.Т. подразумевает строфу: «И верил: все на место встанет / И не замедлит пересчет, / Как только — только лично Сталин / В Кремле письмо его прочтет». Строфа: «Одно письмо — такая малость...» в окончательный текст не вошла.
- 135 «Участок нашей хозяйки напоминает некий диснеевский мирок, проектировавшийся Бабой Ягой. Первая половина подразными домиками, хлевушками, сарайчиками, летними кухоньками и просто верандочками, а вторая из лоскутков, на которых сидит чеснок, клубника, будущий лавровый лист, перец, помидоры, "нарцызы", пионы, гвоздика и также фруктовые деревья» (из письма М.И.Твардовской дочери Ольге от 15 июня 1969 г. // Архив А.Т.).
- 136 Георгий Дмитриевич Гулиа (1913—1989) — прозаик, писал на русском языке на сюжеты из жизни Абхазии, член редколлегии «Литературной газеты».
- 137 Т.е. поэму «По праву памяти», состоящую из трех частей.
- 138 «Прочел я здесь первую часть его (Симонова. — Комм.) нового романа, — писал А.Т. из Гульрипши, — поругал его, сколько следует, но и не мог не отметить, что эта вещь его решительно выше прежних — потому и печатать ее будет негде (то, что он, понимая это, продолжает работу, делает ему честь)» (Архив А.Т.). Речь идет о романе «Последнее лето» — третьей части романа «Живые и мертвые» (Знамя. 1970. № 6—8).
- 139 Дмитрий Иосифович Гулиа (1874—1960) — отец Г.Гулиа, народный поэт Абхазии, один из основоположников абхазской литературы.
- 140 Гульда Каладзе — скульптор, сын грузинского поэта Карло Каладзе, автора «Нового мира».
- 141 Иван Константинович Тарба — абхазский поэт, прозаик.
- 142 Лев Захарович Мехлис (1889—1953) — начальник Главного политического управления РККА (1937—1940), нарком (1940—1946), с 1939 г. — член ЦК ВКП(б).
- 143 Вариант стихотворения «Нет ничего, что раз и навсегда...», при жизни автора не печатавшегося (Подборка «Из последних стихов»). Публикация М.И.Твардовской. КП. 1972. 28 октября).
- 144 21 июня — день рождения А.Т.
- 145 Стихотворение «Когда обычный праздничный привет...». Впервые — в подборке «Из последних стихов».
- 146 Дача была снята в деревне Грязи у писателей И.Я.Ильина (брата С.Я.Маршакa) и его жены Е.А.Сегал. О первом дне войны А.Т.

- вспоминал каждый год 22 июня (см. записи предшествующих лет).
- 147 Петр Андреевич Вяземский (1792—1876) умер в возрасте 84 лет, Федор Иванович Тютчев (1803—1873) — семидесятилетним. А.В.Никитенко во время смертельной болезни поэта получил неверные сведения о его возрасте (78 лет). См.: Никитенко А.В. Дневник. Т. III. М., 1956. С. 287.
- 148 Александр Александрович Реформатский (1900—1978) — языковед, лингвист, профессор, сотрудник Института русского языка и литературы, муж Н.И.Ильиной — автора «Нового мира». «Этот день дает нам случай сказать Вам о нашем уважении, любви, горячем чувстве товарищества, неизменном при любом повороте судьбы», — говорилось в телеграмме (21 июня 1969 г.), подписанной «Ваши новомирцы» (Архив А.Т.).
- 149 Нодар Думбадзе (1928—1984) — грузинский писатель.
- 150 Сообщая, что получил с десятка поздравлений «от людей, дописавшихся до здешнего нашего адреса», А.Т. писал В.Твардовской 22 июня: «Были и цветы, и подарки, и ужин в роскошном ресторане "Мархеули", врезанном в зеленую гору с пещерами и гротами. Словом, все по чину последнего перед юридической старостью моего дня рождения» (Архив А.Т.). Это был, как вскоре стало ясно, последний праздник в жизни А.Т.
- 151 В опубликованных записях бесед К.Симонова с Г.К.Жуковым этого признания Рокоссовского нет (Симонов К. Заметки к биографии Г.К.Жукова // Военно-исторический журнал. 1987. № 6, 7, 9, 10, 12).
- 152 Дмитрий Григорьевич Павлов (1897—1941) — генерал армии, участник Гражданской войны, Герой Советского Союза, с 1940 г. — командующий войсками Западного Особого Военного округа, в 1941 г. — командующий Западным фронтом. В.Е.Климовский — генерал-майор, начальник штаба Западного фронта.
- 153 А.Т. поразумевает статью В.Горбатенкова, И.Каца и Н.Рыленкова «Стих это бомба и знамя» (Большевистский молодежник. 1935. 14 апреля). В ней говорилось, что «Твардовский начал с откровенно кулацких стишков» и продолжает линию «утверждения кулачества в жизни, извращенно показывая бедноту». Автором статьи «Кулацкий подголосок» (Там же. 1934. 17 июля) был Василий Ефимович Горбатенков (1910—1943) — поэт. Н.И.Рыленков и К.А.Долгоненков в своих выступлениях на собраниях Смоленской писательской организации поддерживали нападки на А.Т. как на поэта классово чуждого. На следствии в 1937 г. Рыленков свидетельствовал, что Македонов «всячески расхваливал» поэму А.Т. «Страна Муравия», содержащую «контрреволюционную клевету на коллективизацию», и защищал А.Т., несмотря на «кулацкие тенденции» в его творчестве (Илькевич Н.Н. «Дело» Македонова: Из истории репрессий против Смоленской писательской организации. 1937—1938 гг. Смоленск, 1996. С. 58—59). Отъезд в Москву А.Т. сопровождался его «делом», пересланным в СП за подписями Рыленкова (ставшего в 1937 г. во главе организации смоленских писателей) и его зама В.Горбатенкова. Новые руководители требовали разобраться в связях А.Т. «с врагом народа» А.Македоновым. Константин Акимович Долгоненков

- (1895—1980) — писатель. Во время немецкой оккупации (1941—1943) был в Смоленске редактором газеты «Новый путь», умер в эмиграции в Мюнхене.
- 154 Имеется в виду «ликвидация кулачества как класса», а также войны Финская, Великая Отечественная, военные походы в Западную Белоруссию и Западную Украину, участником которых был А.Т.
- 155 Гефтер М.Я. Из истории ленинской мысли (см. о статье М.Гефтера и выписку из нее в записи от 16 июня); О письмах Марины Цветаевой (НМ. 1969. № 4) и выписки из них см. в записях января; Исаковский М. На Ельнинской земле: (Автобиографические страницы). О воспоминаниях М.Исаковского, писать которые его побудил А.Т., см. в записях 1968—1969 гг.
- 156 Пленум ЦК КПСС 26 июня обсуждал итоги международного совещания коммунистических и рабочих партий. В Постановлении пленума говорилось об усилении идеологической работы в массах как важнейшей задаче (Правда. 1969. 27 июня).
- 157 Речь идет о поэме А.Т. «По праву памяти».
- 158 См.: Лакшин В. Последний акт. Дневник 1969—1970 гг. // ДН. 1993. № 4. С. 169.
- 159 Аркадий Николаевич Васильев — член СП, секретарь Московской партийной организации писателей.
- 160 Строка из стихотворения А.С.Пушкина «Дорожные жалобы».
- 161 «Слежу (с помощью радио и слухов) за драматическим Вашим стоянием — и восхищаюсь Вашей твердостью, в которой, впрочем, я и не сомневался», — писал А.И.Солженицын А.Т. 18 июня 1969 г. Когда читаешь письма А.И.Солженицына, сохранившиеся в архиве А.Т., не оставляет ощущение, что «Теленка...» написал совсем другой человек.
- 162 Статья Г.Бёлля «Мир несвободы» о романе А.Солженицына «В круге первом», которую читал А.Т. в переводе с немецкого Е.Г.Эткинда, в России была опубликована под названием «Мир под арестом» в переводе Г.Дашевича и Б.Хлебникова (ИЛ. 1989. № 8).
- 163 О романе К.Симонова «Последнее лето» см. запись от 18 июня.
- 164 Имеются в виду доклад на пленуме ЦК КПСС 26 июня и собрание партактива по итогам пленума.
- 165 Разговор с начальником Главлита шел о верстке № 5 «Нового мира», содержавшей поэму А.Т. «По праву памяти».
- 166 Мария Павловна Прилежаева (1903—1989) — автор книг о В.И.Ленине для юношества. Валерия Анатольевна Герасимова (1903—1970) — прозаик, активно печаталась в 1930-е гг., первая жена А.А.Фадеева.
- 167 Николай Сергеевич Новиков (1905—?) — в 1929—1937 гг. ответственный секретарь и заведующий отделами редакции смоленской газеты «Рабочий путь», редактором которой стал в послевоенные годы. В 1960-е гг. работал в редакции «Литературной газеты», затем «Правды».
- 168 Эмиль Григорьевич Гилельс (1916—1985) — пианист, профессор консерватории, народный артист СССР (1954).
- 169 Из писем В.И.Ленину (1920—1921). Публикация И.Б.Брайнина (НМ. 1969. № 1).

- 170 Фронтовые записи А.Т. рецензент назвал отражением Финской войны «в кривом зеркале», особо отметив неприязнь А.Т. к политработникам, «бездумно и бездушно бросавшим людей под огонь». По мнению критика, автор «не увидел духовных истоков героизма». Рецензия завершалась обвинением редактора «Нового мира» в том, что в его журнале «появляются преимущественно те произведения о Вооруженных силах, в которых принижается ратный подвиг народа, искажается облик воина» (Афанасьев Н. Кому это нужно? // Коммунист Вооруженных сил. 1969. № 12). Статья Н.Афанасьева вызвала в памяти А.Т. критику его произведений в 1930-е гг., обличавшую его как «кулацкого подголоска». См. запись от 25 июня и примеч. 154.
- 171 Дойчер Исаак. Троицкий в изгнании. Пер. с англ. М.: Политиздат, 1991.
- 172 Из вступления к поэме «По праву памяти» А.Т. снял строфу: «И вслед живыми подтвердится / Завета мыслимого суть. / Просчет невольный — да простится, / Расчет лукавый — проклят будь».
- 173 Речь идет об упоминавшемся (8 июля) предисловии к публикации И.Брайнина «Из писем В.И.Ленину».
- 174 О книге Дж.Хирна см. запись от 4 июня.
- 175 Возвращение американских космонавтов из полета на Луну.
- 176 Имеется в виду «Письмо в редакцию» «Огонька» под заголовком «Против чего выступает "Новый мир"?", подписанное М.Алексеевым, С.Викуловым, С.Вороныным, В.Закруткиным, А.Ивановым, С.Малашкиным, А.Прокофьевым, П.Проскуриным, С.Смирновым, В.Чивилихиным, Н.Шундиком. Выступив против статьи А.Г.Дементьева «О традициях и народности» (НМ. 1969. № 4), где критиковалась позиция журнала «Молодая гвардия» с ее идеализацией прошлого и пропагандой национал-патриотической мифологии, авторы главный удар направили на журнал А.Т. в целом. Они напоминали, что именно здесь печатался А.Синявский и другие «глумящиеся над трудностями роста советского общества» писатели. Критики «Нового мира», по словам авторов письма, культивируют скептицизм к «идеалам и завоеваниям» советского строя. Журналу чужд патриотизм и пролетарский интернационализм. «Новый мир» выступает против «главных духовных ценностей нашего общества», являясь проводником буржуазной идеологии и космополитизма (Огонек. 1969. 26 июля. № 30. С. 26—29).
Письмо, под которыми поставили подписи 11 литераторов, сами они не писали, над текстом работали М.П.Лобанов, О.Н.Михайлов, В.В.Петелин, В.А.Чалмаев, Н.М.Сергованцев (см.: Петелин В. Счастье быть самим собой. М.: Голос, 1999. С. 194—195). В партийно-государственном аппарате, как выявляют последние исследования, сочувствующих и покровителей у русских националистов оказалось большинство, включая членов Политбюро (см.: Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов в СССР: 1953—1985. М., 2003. С. 357 и др.). Особую роль в их организации и сплочении играла «группа Павлова» — секретаря ЦК ВЛКСМ, яркого противника «Нового мира» (Там же. С. 338—356). В записи А.Т. имеет в виду ре-

- цензию на кн. В.Шишова «Михаил Алексеев» (Саратов, 1968): Канашкин В.С. С миру по нитке (НМ. 1969. № 3).
- 177 Борис Дмитриевич Панкин (р. 1931) — критик, в ту пору главный редактор «Комсомольской правды».
- 178 К.Симонов писал, что, уйдя от идейного спора по существу проблем национализма и патриотизма, авторы «письма 11-ти» обрушились на «Новый мир» с грубыми и необоснованными нападениями. Он утверждал, что «Новый мир» «больше, чем какой-либо другой журнал, показывал на своих страницах народные истоки нашей жизни» и защищал «подлинное национальное достоинство нашего народа и нашей литературы в борьбе с унижающими это достоинство квасными патриотами и беспринципными реставраторами отвергнутых революцией самых темных сторон старой российской действительности» (Письмо К.Симонова датировано 28 июля 1969 г. Архив А.Т.).
- 179 Речь идет о проблемах подсознания, которыми в ту пору занималась серьезно лишь религиозная мысль, а советская наука оставляла в стороне.
- 180 О поездке к К.А.Федину — первому секретарю СП и члену редколлегии «Нового мира» см.: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 426—428.
- 181 От имени рабочего класса М.Захаров обвинял А.Т. в том, что «Новый мир» оторвался от насущных проблем советского общества и служит интересам, ему чуждым. Журнал мало печатает произведений о рабочих. Рабочий класс на его страницах «погрязший в быте, без идеалов». Деревня выглядит «мрачной и неудобной». «Кто дал право некоторым Вашим авторам издеваться над самыми святыми чувствами наших людей? Над их любовью к Родине, к дому своему, к березке русской?» — вопрошал Захаров (Социалистическая индустрия. 1969. 31 июля). Подписавшись «токарем Подольского завода», Михаил Егорович Захаров не упомянул, что является членом ЦК КПСС и депутатом ВС СССР.
- 182 Заявив, что мнение 11 литераторов о «Новом мире» нельзя разделять, газета поддержала обвинение, брошенное ими журналу А.Т., в «пренебрежении социально-моральными ценностями». «Новый мир», где проблемы деревни были едва ли не главными в прозе и публицистике, обличался в том, что любовь к деревне считает предосудительной (Справедливое беспокойство // ЛР. 1969. 1 августа).
- 183 Л.Н.Смирнов — в ту пору председатель Верховного суда РСФСР. Председательствовал на процессе А.Синявского и Ю.Даниэля.
- 184 Среди 11 литераторов, обличавших в «Огоньке» «Новый мир» в отсутствии патриотизма и пренебрежении к духовным ценностям, был поэт С.В.Смирнов. Протест против «письма 11-ти» подписал Сергей Сергеевич Смирнов — автор книг о защитниках Брестской крепости.
- 185 Критик посчитал надуманным конфликт в повести о том, как в целях военной операции пожертвовали жизнью подростка. Он доказывал, что судить о событиях в ней надо с точки зрения «реального вклада в дело победы», а не «абстрактной нравственно-

- сти» (Мотяшов И. Так что же произошло у Круглынского моста? // ЛГ. 1969. 3 июля). Переписку А.Т. с В.Быковым см.: ВЛ. 2008. № 2. С. 308—323. Публикация С.Шапрана, В. и О. Твардовских.
- 186 А.В.Македонов готовил для «Нового мира» статью о Мандельштаме, а также работал над вступительной статьей для тома А.Т. в серии «Всемирная литература».
- 187 Имелось в виду выступление историков с протестом против «Письма 11-ти», которое пытался организовать М.Я.Гефтер, работавший тогда в Институте истории СССР АН. См. далее запись от 4 августа.
- 188 По сообщению газеты, «боевая направленность» «письма 11-ти» в «Огоньке» «пришлась очень не по вкусу буржуазным идеологам», которые быстро и нервозно реагировали на публикацию «Огонька». По словам газеты, западные политики хвалят «Новый мир» за противодействие «советскому национализму», отмечая, что журнал А.Т. только формально числится органом СП, а по сути «действует автономно». «Неужели... коммунисты редакции и на этот раз не задумаются над тем, почему их позиция в литературе и общественной жизни вызывает столько радости в стане антисоветчиков, почему ни один другой советский печатный орган не пользуется таким «кредитом» у буржуазных идеологов, как «Новый мир»» (Иванов Д. По поводу выступления «Нью-Йорк таймс» // Советская Россия. 1969. 3 августа).
- 189 Совместная с Н.Печерским статья А.Т. — «Перекрытие Ангары» (Правда. 1956. 10 июля). Рассказывая о совместном с А.Т. пребывании в Сибири, Н.Печерский вспоминал, как на перекрытии Ангары «строители наперебой старались познакомиться с любимым поэтом, хоть издалека поглядеть на него. Порой я просто терял его из виду в гуще монтажников, верхолазов, бетонщиков, шоферов... А он чувствовал себя превосходно среди этих людей — интересных, ярких, умеющих весело и забористо пошутить, отозваться улыбкой на шутку и доброе слово». По наблюдению Печерского, при общении с А.Т. даже те, кто его не читал и ничего о нем не слышал, притягивались к нему, как это случилось с угрюмым и нелюдимым сторожем Александровского централа (Печерский Н.П. «Я в скуку дальних мест не верю...» // Воспоминания... 1978).
- 190 Иван Иванович Бодюл (р. 1918) — в 1959—1961 гг. — второй секретарь, а с 1961 г. — первый секретарь ЦК Молдавии. Член ЦК КПСС с 1961 г.
- 191 А.А.Епишев — начальник ГЛАВПУРА, ярый противник «Нового мира», запретивший подписку на него в армии; в 1950—1951, 1953—1955 гг. — первый секретарь Одесского обкома.
- 192 Возможно, А.П.Коровяков, член Союза художников СССР.
- 193 Свидетелем собраний вокруг костра, заживавшегося А.Т., оказался артист К.С.Столяров, навещавший в Кунцевской больнице отца — популярного артиста С.С.Столярова. Ему запомнилось, как «на поваленных деревьях, на пеньках» в скрытом высоким кустарником овражке сидели у огня А.Т., Р.Гамзатов, в сторонке стоял В.М.Молотов. С.Столяров вспоминал свое деревенское детство, А.Т. рассказывал, как первый раз увидел па-

- ровоз (Столяров К. Родовые сны. М.: Алгоритм, 2001. С. 22—23). Впечатления этих кунцевских вечеров в основе стихотворения Р.Гамзатова «Костер Твардовского». Поэт вспоминает гостеприимного «хозяина вольного костра», к огню и теплу которого стекались больные и здоровые: «И у свободы он в почете, / И не подвластен никому, / И ложь в сусальной позолоте / Не смеет подступить к нему» (Гамзатов Р. Сочинения: В 5 т. Т. 3. М., 1982).
- 194 В открытом письме в редакцию «Литературной России» Р.Гамзатов протестовал против не согласованного с ним как членом редколлегии выступления газеты в поддержку «письма 11-ти» (Справедливое беспокойство // ЛР. 1969. 1 августа). «Письмо полно недостойных политических инсинуаций, своей грубостью и передержками оно возрождает приемы той печальной памяти критики, которая нанесла советской литературе невосполнимый вред». Отмежевываясь от редакционной статьи в поддержку «Огонька», Р.Гамзатов заявлял о своем выходе из редколлегии «Литературной России» (Архив А.Т.). Письмо Гамзатова не было напечатано. В редколлегии «Литературной России» он остался.
- 195 А.П.Охотников — заместитель начальника Главлита П.К.Романова.
- 196 А.Т. имеет в виду голосование по своей кандидатуре, выдвинутой в академики. См. записи в октябре 1968 г.
- 197 В письме в журнал «Коммунист» (копию которого автор послал в Политбюро ЦК КПСС) рабочий БДТ В.Гаврюшов выражал «свое негативное отношение к негативному журналу "Новый мир"»: «Когда-то меньшевики захватили "Искру". Сегодня они не рискуют открыто соваться в политику, поэтому предпочли захватить "Новый мир". Современные меньшевики, как и их предшественники, далеко не глупый народ, и художественная сторона журнала на высоте, однако идейная на эту высоту не поднимается». В.Гаврюшов предлагал «Новому миру» «подобрать большевистскую редколлегию. Побольше таких, как, например, Ю.Барабаш...» (Архив А.Т.).
- 198 Анатолий Васильевич Кузнецов (1929—1979) — писатель, автор романов «Продолжение легенды» (1957), «Бабий Яр» (1965). Выступил в «Новом мире» с повестью «У себя дома» (1964) и рассказом «Артист миманса» (1968), подвергшимся резким нападкам критики. Секретарь Тульского отделения СП, заместитель секретаря местной парторганизации, член редколлегии журнала «Юность». 30 июля 1969 г., находясь в заграничной командировке, попросил политического убежища. Новых произведений Кузнецова в эмиграции не появилось.
Г.Бёльль видит «извращение естественного права творчества в эксплуатации писателя издателями». Он протестует против «низведения социально-политического положения писателя до уровня полного бесправия» (Бёльль Г. Цепи литературного рабства // За рубежом. 1969. 1—7 августа. № 31).
- 199 А.Т. благодарил Г.Бакланова, который вместе с Ю.Трифоновым и др. отправил в Секретариат СП протест против травли «Нового мира».

- 200 Речь идет о письме, подписанном К.Симоновым, К.Чуковским, М.Исаковским, С.С.Смирновым, А.Сурковым, В.Тендряковым, С.Антоновым и др., с критикой выступления «Огонька». См. запись от 3 августа.
- 201 А.Т. размышляет о Р.А.Медведеве и его труде «Перед судом истории», подаренном ему автором (см. записи 1967—1968 гг.). Опубликован под названием «О Сталине и сталинизме» (М., 1991).
- 202 Мысль о том, чтобы А.Т. сам ответил на статью «Нью-Йорк таймс», возникла не без воздействия воспоминаний об успешном интервью А.Т. Л.Шапиро — представителю одного из ведущих западных информационных агентств — «Юнайтед Пресс Интернэшнл». Тогда А.Т. удалось отразить нападки идейных противников, укрепить положение журнала, не отступив от своей позиции (см. записи в апреле-мае 1963 г.).
- 203 «Зоной» А.Т. называл больничную территорию, где многочисленная охрана и строгая пропускная система нередко вызывали инциденты с посетителями.
- 204 В своем письме В.Н.Гусаров выражал недоумение по поводу, кто есть кто среди подписавших «письмо 11-ти». По его мнению, им стоило бы указать свои профессии, место службы и сослаться на свои произведения: без таких сведений «имя и фамилию могут ставить люди, которых знает весь мир или хотя бы вся страна». «Весь день я спрашивал у знакомых: "Кто такой Шундик?" — но так и не добился ответа», — сетовал Гусаров (Архив А.Т.; о В.Н.Гусарове см. в кн.: Амальрик А.А. Записки диссидента. М., 1999). Н.Шундик между тем был заметной величиной среди «11-ти»: с 1965 г. состоял главным редактором журнала «Волга». Местом службы у двух авторов письма был журнал «Молодая гвардия», с критикой коего выступил А.Г.Дементьев в «Новом мире»: А.Иванов — заместитель главного редактора, В.Чивилихин — член редколлегии.
- 205 Высоко оценивая боевой характер выступлений журнала Вс.Кочетова, газета подчеркивала, что его «яркие материалы» с главенствующей здесь ленинской темой и «глубокой верой в историческую роль пролетариата» находятся на переднем крае «нашей боевой, кипучей советской жизни» (На переднем крае: По страницам журнала «Октябрь» // Советская Россия. 1969. 7 августа). «Октябрь» хвалили за то, за что ругали «Новый мир», и потому его обзор вписывался в серию антиновомирских выступлений.
- 206 Владимир Петрович Гольцев (р. 1909) — заведующий военным отделом редакции «Известий».
- 207 Николай Константинович Байбаков (1911—2008) — с 1965 г. председатель Госплана СССР, заместитель председателя СМ СССР. Рассказ А.Т. о совещании у Косыгина см. также в записи В.Лакшина (Дневник 1969—1970 гг. // ДН. 2003. № 4. С. 176).
- 208 Михаил Филиппович Шатров (р. 1932) — драматург. О замысле документальной пьесы «Брестский мир» автор рассказал в своей статье «История — лучший драматург» (Советский экран. 1969. № 1). Пьеса была принята к публикации в «Новом мире» и объявлена в планах журнала, но напечатать ее А.Т. не

- успел. Опубликовано в № 4 «Нового мира» за 1987 г. Замечания А.Т. по пьесе Шатрова см.: Кондратович А.И. Указ. соч. С. 435—436. А. Шаров — прозаик, публицист, автор «Нового мира».
- 209 В докладе председателя Госплана Н.К.Байбакова отмечалось, что во 2-м квартале 1969 г. ряд промышленных предприятий не выполнил план из-за плохой подготовки к зиме электростанций, железных дорог, строек (В Совете министров СССР // Известия. 1969. 8 августа).
- 210 Мария Трифонова — сестра А.Т.
- 211 «Социалистическая индустрия» опубликовала письмо А.Т. в редакцию с запросом о выступлении М.Захарова, для печати не предназначавшееся, и ответ заслуженного токаря, обличавшего А.Т. в высокомерии и неуважении к рабочим.
- 212 Как и в иных случаях, когда отказывается понимать происходящее, А.Т. снова цитирует героя «Записок сумасшедшего» Н.В.Гоголя.
- 213 Заседание Секретариата, посвященное подготовке празднования 100-летия писателя и общественного деятеля Армении Ованеса Туманяна (1869—1923).
- 214 Вариант стихотворения, при жизни не публиковавшегося. Впервые — в «Известиях» (1988. 25 июня).
- 215 Стихотворение осталось в дневнике.
- 216 Михаил Ильич Ромм (1901—1971) — кинорежиссер (к/ф «Ленин в Октябре», «Мечта», «Девять дней одного года»). О фильме «Обыкновенный фашизм» см. запись от 22 января 1966 г.
- 217 Александр Николаевич Яковлев (1923—2005) — известен как «прорабперестройки». С 1946 г. — работник аппарата ЦК КПСС, с 1965 г. — первый заместитель заведующего Отделом пропаганды ЦК. Судя по его воспоминаниям, после «письма 11-ти» в «Огоньке» руководство КПСС оказалось в трудном положении: «С одной стороны, нельзя было поддерживать шовинизм и антисемитизм, да еще в исполнении убогой, бесталанной писательской группировки. В то же время либерально-демократическая позиция и вовсе противоречила политическим принципам партии». Мемуарист дает понять о своем сочувствии и уважении к «Новому миру», редактора которого называет «великим поэтом и гражданином», но о занятой им самим позиции в пору развернувшейся травли журнала умалчивает. Между тем именно в ведении Яковлева находились массовые издания. Симптоматично, что если для публикации «письма 11-ти» решения не потребовалось, то вопрос об ответе на него «Нового мира» длительно «решался» на самом верху (Яковлев А.Н. Омут памяти. М.: Вагриус, 2001. С. 204 и след.).
- 218 Свыше 140 откликов в поддержку «Нового мира» сохранилось в личном архиве А.Т., значительная часть читательских писем осталась в редакции «Нового мира» после его ухода, часть писем осела в редакциях «Социалистической индустрии», «Литературной газеты» и др. изданий. Письма из личных архивов А.Т. и А.Г.Дементьева использованы в статье В.Твардовской «Дементьев против "Молодой гвардии"» (ВЛ. 2005. № 1).

- 219 Ответ «Огоньку» был написан предельно сдержанно. В нем подтверждалось, что выступление А.Г.Дементьева, обосновавшего «вред всякой национальной исключительности» и аргументировавшего опасность националистических тенденций, редакция считает правильным. 7-й номер «Нового мира», содержащий ответ «От редакции» на «письмо 11-ти», был подписан к печати 4 августа. Сигнальный экземпляр появился 19 августа, а подписчикам он рассылался в сентябре.
- 220 А.Т. читал статью А.В.Македонова о Мандельштаме, торопясь передать ее со своими замечаниями автору, уезжавшему из Москвы.
- 221 Каждому из подписавших протест против «письма 11-ти» А.Т. написал отдельно.
- 222 Первоначальные наброски стихов, разделившихся позднее на два самостоятельных стихотворения: «Что нужно, чтобы жить с умом...» и «Всему свой ряд, и лад, и срок...», при жизни А.Т. не печатавшихся. Опубликованы М.И.Твардовской в «Комсомольской правде» (1972. 28 октября). Незавершенное стихотворение «Звонок в два ночи...» осталось в дневнике.
- 223 Борис Михайлович Иофан (1891—1976) — народный архитектор СССР, академик. Один из авторов неосуществленного проекта Дворца Советов в Москве и павильонов СССР на Всемирной выставке в Париже и Нью-Йорке. Александр Лаврович Витберг (1787—1855) — русский архитектор. Автор проекта храма Христа Спасителя на Воробьевых горах (заложенного, но не построенного), памятника в честь победы в войне 1812 г. (заложенного в Москве, но не поставленного), Александро-Невского собора в Вятке (не сохранившегося).
- 224 О выступлении Е.И.Вучетича против программной статьи А.Т. «По случаю юбилея» (НМ. 1965. № 1) см. записи в апреле 1965 г.
- 225 Новые варианты стихотворений, начатых 15 августа. В завершённом виде опубликованы посмертно (КП. 1972. 28 октября).
- 226 Требование «единомыслия в России» с особой последовательностью высказывалось идеологом самодержавия М.Н.Катковым, над книгой о котором тогда работала В.Твардовская. А.Т. прочитал одну из ее глав, отметив определенное сходство консерватизма имперского и советского и заинтересовавшись проблемой приспособления реакции, отстаивавшей свои позиции, к прогрессу.
- 227 Алексей Иванович Метченко (1907—1985) — литературовед, критик, автор работ о В.Маяковском, преподаватель филологического факультета МГУ. Критику в «Новом мире» обвинял в недостатке партийности (Метченко А. О литературной критике: Обзор статей критического отдела «Нового мира» за 1965—1966 гг. // Коммунист. 1967. № 6).
- 228 Судя по развернувшейся против «Нового мира» кампании, мало кто верил, что редакция сможет ответить «Огоньку»: ни одно письмо в поддержку журнала А.Т. не было напечатано. Сам факт появления заметки «От редакции» в № 7 говорил сведущим людям: если дали ответить, значит, журнал еще будет жить

- (Буртин Ю. «И нам уроки мужества даны...» // Октябрь. 1987. № 12. С. 202).
- 229 Алексей Владимирович Эйснер (1905—1984) — из дворян, в эмиграции дружил с С.Эфроном. Участник Гражданской войны в Испании. См. его воспоминания «Двенадцатая, интернациональная» (НМ. 1968. № 6). Возвратившись в 1940 г. на Родину, был репрессирован, находился в воркутинском лагере. После реабилитации начал печататься. См. подробнее: Гефтер М. Он жил здесь, он был там: А.В.Эйснер // Из тех и этих лет. М.: Прогресс, 1991.
- 230 К.И.Чуковский особо отметил предисловие М.Я.Гефтера к книге В.Твардовской «Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг.» (М.: Наука, 1969), высказав автору книги, кроме одобрения, и ряд замечаний. В.Твардовская никогда бы не подумала посылать книгу К.И.Чуковскому: ее, надписанную «от автора» сестрой Ольгой по инициативе отца, отвез ему без ведома дочери А.Т.
- 231 Марк Наумович Бернес (1911—1969) — народный артист РСФСР, умер в Кунцевской больнице.
- 232 А.Н.Мясоедов — сосед по больничной палате.
- 233 Ходасевич Валентина. Встречи: Из книги «Портреты словами» (НМ. 1969. № 7). Воспоминания В.Ходасевич о М.Горьком (НМ. 1968. № 7) А.Т. оценивал весьма положительно.
- 234 Годовщина введения в Чехословакию советских войск. Стихи о присяге в посмертных изданиях А.Т. не печатались, но неоднократно цитировались в годы перестройки в публикациях о чехословацких событиях августа 1968 г.
- 235 Густав Гусак (1913—1991) — первый секретарь ЦК КПЧ (1969—1971), с 1975 г. — президент ЧССР. Гусак предупреждал об опасности ослабления «братских отношений» и говорил о недопустимости антисоветской пропаганды. Борьба с антисоциалистическими силами, утверждалось в докладе, должна быть продолжена (Правда. 1969. 21 августа).
- 236 Мустай Карим — народный поэт Башкирии, автор «Нового мира», в 1969 г. выступил здесь со стихами (в переводах Е.Николаевской и И.Снегиной) дважды (в № 5 и 10).
- 237 Глеб Максимилианович Кржижановский (1872—1959) — участник революционного движения, советский партийный и государственный деятель, председатель государственной комиссии по электрификации, разрабатывавшей план ГОЭЛРО (1920), вице-президент АН СССР (1929—1939), руководитель Энергетического института.
- 238 Фильм «Девять дней одного года» (1962). Режиссер М.И.Ромм.
- 239 Цитата из «Жития протопopa Аввакума, им самим написанного...», заключающая диалог протопopa со спутницей жизни: «Долго ли мука сия будет?» — «До самой смерти». — «Добро... ино еще побредем...» Борец с официальной церковью, лидер старообрядчества, Аввакум 15 лет провел в земляной тюрьме на Севере. Сожжен по царскому указу. Одна из любимых книг А.Т. — «Житие...» (М.: Academia, 1934) — сохранилась в его библиотеке.

- 240 Борис Александрович Смирнов (1908—1982) — народный артист СССР, сыграл В.И.Ленина в «Кремлевских курантах» Н.Погодина (МХАТ). М.И.Ромму (1901 г.р.) было 68 лет. Он умер, как и А.Т., в 1971 г.
- 241 Эльдар Александрович Рязанов (р. 1927) — кинорежиссер, сценарист, сосед по даче на Пахре.
- 242 Борис Андреевич Бабочкин (1904—1975) — народный артист СССР, с 1955 г. — в Малом театре. Исполнитель роли Чапаева в любимом фильме А.Т. (1934). Из дневников Б.Бабочкина видно, что он следил за событиями вокруг «Нового мира», высоко ценя А.Т. — «великого поэта и деятеля». «Разве его судьба лучше, чем судьба Шевченко? Ведь у Шевченко это было в начале жизни!» (Бабочкин Б. Воспоминания. Дневники. Письма. М., 1996. С. 178 и след.).
- 243 «Литератор» заявлял, что статья А.Дементьева в «Новом мире» «вызвала справедливые протесты писателей». О протестах читателей и писателей против «письма 11-ти» не упоминалось. В сопроводительной заметке «От редакции» говорилось, что редколлегия «Нового мира» «не проявила желания правильно, по-партийному реагировать на критику». Подчеркивая неуважение журнала А.Т. к общественному мнению, выразителем которого явились 11 литераторов в «Огоньке», газета утверждала, что в редакции «Нового мира» «игнорируют любые мнения, кроме собственного» (Литератор. Литературные споры и чувство ответственности // ЛГ. 1969. 27 августа).
- 244 Упомянутые выступления «Литературной газеты» от 27 августа, по сути, были откликом на заметку «От редакции» в еще не вышедшем в свет № 7 «Нового мира» — ответ на «письмо 11-ти».
- 245 Белов В. Бухтины вологодские: (Завиральные в шести темах) // НМ. 1969. № 8.
- 246 Антокольский П. Художник; Архимед и сказка; Балаганный зазывала; Два сонета; Стихотворения // Там же. Строк о «закупоренных бугылках» здесь нет.
- 247 А.Т. имеет в виду редакторскую деятельность Н.А.Некрасова и М.Е.Салтыкова-Щедрина.
- 248 Яков Гаврилович Ухсай (1911—1986) — народный поэт Чувашии. А.Т. был знаком с ним с 1930-х гг. и помогал его первым публикациям в столичной печати. В 1950-х — начале 1960-х гг. стихи Я. Ухсай в переводе Б.Иринина (Бурштына) печатались в «Новом мире». В автобиографии Я.Ухсай отметил важную роль А.Т. в своей жизни (Ухсай Я. Стихи. М., 1961. Библиотека советской поэзии).
- 249 Четверостишие осталось в дневнике.
- 250 Своей «поганой статьей», поддерживающей «неославянофилов», писал А.В.Караганов А.Т. 27 августа, газета «поставила групповые страсти выше идейных принципов» (Архив А.Т.).
- 251 Би-би-си цитирует заметку «От редакции» (НМ. 1969. № 7) — ответ на «письмо 11-ти».
- 252 Повесть Баграта Шинкубы «Приезд Чанты» (НМ. 1969. № 6).
- 253 Член Политбюро ЦК КПСС А.Н.Шелепин был одним из лидеров и идеологов т.н. «национал-патриотов» (Митрохин Н. Рус-

- ская партия: Движение русских националистов в СССР, 1953—1985. См. Указатель имен).
- 254 Военные дневники К.Симонова, разрешенные цензурой, были запрещены ЦК уже после напечатания № 10 за 1966 г. «Нового мира» (см. записи 1966 г.) и с тех пор оставались под запретом.
- 255 Отвага «Огонька», «Молодой гвардии», «Литературной газеты» и др. изданий, выступивших в поддержку позиции национал-патриотов и нарушавших «директивы» об одинаковой неправо-те и «Огонька», и «Нового мира», во многом объяснялась расстановкой сил в «верхах», где большинство было сторонниками т.н. Русской партии (см. Митрохин Н. Указ. соч.).
- 256 К.Симонов не принял роман «В круге первом» в «самой главной его отправной точке, в неверии во внутреннюю, здоровую силу нашего общества, которая присутствовала в нем всегда, в том числе и в такие тягчайшие периоды его развития, как последние годы жизни Сталина» (Кремлевский самосуд... С. 35).
- 257 Книга вышла в серии «Литературные мемуары» (Л., 1969).
- 258 Ул. Воровского, 52 (ныне ул. Поварская) — адрес Правления СП и его Секретариата.
- 259 «Избрав основным объектом своей критики статью А.Дементьева, опубликованную в журнале со сотысячным тиражом, одиннадцать разгневанных авторов клеймят его с трибуны "Огонька", обращаясь к двухмиллионной аудитории. Как-то невольно возникает желание устранить это несоответствие», — писала В.В.Локалова, учительница из села Кукобой Ярославской области, направив свое письмо в редакцию «Огонька», копию — в «Новый мир» (Архив А.Т.).
- 260 «Подавляющее большинство командиров пришло на войну без всяких репрессий... Так для чего же художнику "играть в поддавки с модой", делая героем репрессированного?» Читатель невольно должен был вспомнить здесь Серпилина из «Живых и мертвых» К.Симонова. «В.Быков так пишет советских людей, что непонятно, как мы войну выиграли» (Грибачев Н.М. О войне и человеке // ЛГ. 1969. 27 августа). О статье «Литератора» см. запись от 28 августа.
- 261 Роман А.Бека «На другой день», где была попытка, по словам автора, представить Сталина, «не тронутого ни фимиамом, ни обличениями позднейших лет», не мог рассчитывать на скорую его публикацию: в портфеле «Нового мира» с 1965 г. лежал роман А.Бека «Новое назначение» («Сшибка»), за который все эти годы редакция продолжала борьбу.
- 262 О чтении А.Т. пьесы М.Шатрова «Брестский мир» см. запись от 10 августа.
- 263 Л.Карпинского к А.Т. привел Ю.Буртин. В программной статье «Слово тоже дело» (1969) Карпинский отстаивал решающую роль свободы слова («самовыражения» для интеллигенции, партийных и общественных дискуссий) в радикальном преобразовании советского строя (Пресса в обществе, 1959—2000: Сб. М., 2000. С. 563 и след.).
- 264 О Р.А.Медведеве см. запись от 5 августа.
- 265 НМ. 1969. № 11.

- 266 А.Т. читал рукопись Е.Драбкиной «Раздумья в Горках» — продолжение повести «Зимний перевал» (НМ. 1968. № 8).
- 267 Речь идет о предисловии А.Т. к изданию в Италии писем трудящихся к В.И.Ленину, опубликованных И.Брайниным (НМ. 1968. № 4; 1969. № 1).
- 268 А.Т. имеет в виду внутреннюю рецензию Института марксизма-ленинизма, который должен был санкционировать все материалы о Ленине, предназначенные для публикации.
- 269 День рождения И.В.Сталина.
- 270 А.Т. читал сочинение римского историка и писателя Гая Транквила Светония, изданные в серии «Литературные памятники» (М.: Наука, 1966).
- 271 Евгений Иванович Чазов — начальник 4-го Главного управления Минздрава СССР, академик АН СССР и Академии медицинских наук.
- 272 Хлопоты, связанные с жилищным вопросом Ю.Г.Буртина.
- 273 А.А.Козловский — редактор тома А.Т. «Стихи и поэмы» в серии «Всемирная литература».
- 274 О письмах в поддержку «Нового мира» см. также запись от 12 августа и примеч. 218.
- 275 В редакционной статье «Ленинская партийность — знамя революционного искусства» (Правда. 12 сентября) одобрялось выступление «Литературной газеты», критиковавшее редакцию «Нового мира» (см. о нем запись от 28 августа) (Правда. 1969. 12 сентября).
В.Биляк — член Президиума ЦК КПЧ, говорил о подготовке антисоциалистическими силами в Чехословакии в 1968 г. государственного переворота. Избежать вступления в Чехословакию войск Варшавского Договора можно было, по его словам, мобилизовав все внутренние здоровые силы, направляя их «твердой партийной рукой»; А.Дубчек же подвергся влиянию «нечестных людей» и повел КПЧ по опасному пути (Биляк В. От Дрездена до Братиславы: Из истории событий в Чехословакии // Новое время. 1969. Сентябрь. № 17).
- 276 Роза Самойловна Землячка (1876—1947) — государственный и партийный деятель в 1920—1930-е гг. — член ЦК ВКП(б), заместитель председателя Комиссии партийного контроля.
- 277 Откликаясь на поэму «талантливого поэта-публициста» С.В.Смирнова «Нравоучительные строфы» (Москва. 1969. № 8), Е.Осетров мягко пожурил его за мелкотемье (в основе поэмы — дачные впечатления автора и история его собак) (ЛГ. 1969. 10 сентября). Подписавший «письмо 11-ти» поэт и его критик принадлежали к одной идейной группировке. «Евг. Осетров был одним из немногих русских националистов, кто позиционировал себя в этом качестве четко и открыто» (Митрохин Н. Указ. соч. С. 162).
- 278 Сергей Тимофеевич Аксаков (1791—1859) — писатель, поэт, критик, один из родоначальников автобиографической прозы в русской литературе («Семейная хроника», «Детские годы Багрова-внука»).
- Иван Афанасьевич Кушчевский (1847—1876) — прозаик, критик, фельетонист. Его роман «Николай Негорев, или Благополучный

россиянин», печатавшийся в 1871 г. в «Отечественных записках» Н.А.Некрасова, затем многократно переиздавался (особенно часто — в Сибири: Куцневский — сибиряк, уроженец г. Ачинска Енисейской губ.). А.Т. приобрел его роман, выпущенный в Иркутске Восточно-Сибирским издательством в 1958 г. Рассказывая историю либерала, превратившегося в лакея власти, автор отдает свои симпатии «чужакам, способным кинуться в бездну», презрев личное благополучие ради счастья других.

Сохранилась в библиотеке А.Т. и книга А.Горнфельда «Как работали Шиллер и Гёте» (М., 1933) с пометками А.Т. — студента ИФЛИ, одна из первых в его московской библиотеке. Аркадий Георгиевич Горнфельд (1867—1941) — критик, литературовед, ценимый представителями самых разных литературных направлений.

- 279 Анна Антоновна Тескова (1872—1954) — чешская учительница, писатель, переводчик, с которой М.Цветаева сблизилась во время пребывания в Чехословакии (1922—1923), а перебравшись во Францию, переписывалась (1923—1939).
- 280 Георгий Сергеевич Эфрон (Мур) (1925—1944) — сын М.И.Цветаевой и С.Я.Эфрона.
- 281 В макете книги «История советской литературы» (Т. IV. Под ред. А.Г.Дементьева) в разделе об А.Т. (автор — А.К.Швецова) была дана высокая оценка поэмы «Тёркин на том свете». Книга вышла без упоминания об этой поэме.
- 282 О деятельности Б.Д.Панкина в газете на посту главного редактора «Комсомольской правды» и об А.Т. см.: Панкин Б. Пресловутая эпоха в лицах, масках, событиях и казусах. М.: Воскресенье, 2002.
- А.Т. в письме Б.Панкину от 17 сентября 1969 г. благодарил его за поддержку Ф.Абрамова — «человека — мало сказать — талантливого, но честнейшего в своей любви к “истокам”, к людям многострадальной северной деревни и терпящего всяческие ущемления и недооценку именно в меру этой честности» (Соч. Т. 6. С. 285). Панкин Б. Живут Пряслины! // КП. 1969. 14 сентября — о романе Ф.Абрамова «Две зимы и три лета» (НМ. 1968. № 1—3), выдвинутом редакцией на соискание Государственной премии.
- 283 Читатель, посылавший в редакцию письма за такой подписью.
- 284 Розанов В.В. Легенда о Великом инквизиторе. СПб., 1906. Полемизируя с В.В.Розановым, считавшим, что определение Гоголя как писателя натуральной школы, данное Чернышевским, неверно, Горнфельд напоминает, что к реалистическому направлению Гоголя относили и К.Аксаков, и В.Белинский (Горнфельд А. О русских писателях. СПб., 1912. С. 147).
- 285 Великовский С. После «смерти бога»: (О «Постороннем» Альбера Камю) // НМ. 1969. № 9. В 1969 г. «Новый мир» опубликовал рассказы А.Камю «Жена» и «Немые» (в № 1) и его повесть «Падение» (в № 5). О попытках А.Т. напечатать роман А.Камю «Чума» см. в записях 1963—1965 гг.
- 286 Статья С.Лема «Мифотворчество Томаса Манна» была подготовлена к печати, но опубликовать ее до разгона редакции не успели. Напечатана новой редакцией, как и многие материалы из портфеля журнала А.Т. (НМ. 1970. № 6).

- 287 О постановлении «О повышении ответственности руководителей органов печати...» см. записи в январе-феврале 1969 г. А.Т. имеет в виду дискуссию по «письму 11-ти».
- 288 В 1924 г. в Москве и Петрограде несколько издательств выпустили стенографический отчет о процессе Б.Савинкова. Версия о его самоубийстве до сих пор не опровергнута (Б.Савинков на Лубянке. Документы. М., 2001).
- 289 Черновой набросок стихотворения. Впервые: НМ. 1987. № 3.
- 290 Впервые: Известия. 1988. 25 июня.
- 291 Впервые: КП. 1972. 28 октября.
- 292 Кочетов Вс. Чего же ты хочешь // Октябрь. 1969. № 9.
- 293 21 декабря — день рождения И.В.Сталина.
- 294 Постановление ЦК ВКП(б) «О журналах "Звезда" и "Ленинград"» (1946) см. в кн.: Литературный фронт: История политической цензуры 1932—1946 гг. М., 1994. С. 221—225. Руководствуясь этим постановлением, отлучавшим от литературы М.Зощенко и А.Ахматову, цензура не давала разрешения на публикацию очерка В.Каверина «Белые пятна», где рассказывалось о судьбах этих писателей.
Постановление ЦК «О преодолении культа личности и его последствий» см.: XX съезд КПСС: Стенографический отчет. М., 1956.
- 295 Лидия Ивановна Лерер — сотрудник международного отдела редакции «Нового мира».
Повесть Е.Я.Драбкиной «Раздумья в Горках» (продолжение опубликованной в 1968 г. в «Новом мире» повести «Зимний перевал») была набрана в журнале «Юность», но заблокирована ИМЛ. Опубликована 20 лет спустя (Драбкина Е. Зимний перевал. М., 1990).
- 296 Е.Я.Драбкина в 1959 г. опубликовала в «Новом мире» повесть «Черные сухари» и была постоянным внутренним рецензентом журнала. Повесть «Кастальский ключ» (о Пушкине) Е.Драбкина посвятила «Памяти Александра Трифоновича Твардовского» (Юность. 1972. № 9).
- 297 В.А.Голиков (р. 1914) — помощник Первого секретаря ЦК КПСС Л.И.Брежнева (1964—1982). По воспоминаниям Г.А.Арбатова, В.А.Голиков и С.П.Трапезников сгруппировали «пятую колонну сталинистов в самом брежневском окружении» (Арбатов Г. Затянувшееся выздоровление (1953—1985): Свидетельство современника. М.: Международные отношения, 1991. С. 125—127).
В.Голиков выступал за поддержку «Октября» и «Молодой гвардии», будучи жестко настроен против «Нового мира» (Яковлев А.Н. Омут памяти. С. 181).
- 298 Семидесятилетие А.А.Суркова, награжденного по этому случаю звездой Героя Социалистического Труда.
- 299 Впервые: КП. 1972. 28 октября.
- 300 № 9 «Нового мира» 1969 г. сдан в набор 30 июля, подписан к печати 29 сентября, рассылался подписчикам в конце октября.
- 301 М.Н.Алексеев — один из лидеров национал-патриотов. Его подпись стояла под письмом «Против чего выступает "Новый мир"»

- в «Огоньке». См.: Митрохин Н. Русская партия: Движение русских националистов. С. 375 и след.
- 302 Речь идет о запланированном А.Т. предисловии к итальянскому изданию писем трудящихся к В.И.Ленину, опубликованных И.Б.Брайниным в «Новом мире». См. запись от 7 сентября.
- 303 Партсобрание шло под знаком постановления «О повышении ответственности руководителей печати...». См. о нем запись от 29 января и след.
Рудольф Юльевич Бершадский (1909—1979) — в 1930-е гг. — поэт, в 1950—1960-е — прозаик, автор ряда «путевых очерков» о зарубежных поездках. Киншаса — столица Республики Заир (Африка).
- 304 О К.Д.Померанцеве и С.М.Рафальском — «русских парижанах»-литераторах см. запись от 30 ноября 1965 г.
- 305 Витторио Страда — итальянский историк, русист; в коммунистическом журнале «Ринашита» одобрительно отозвался о книге В.Твардовской «Социалистическая мысль России на рубеже 1870—1880-х гг.». В переводе на итальянский книга вышла в Турине (1975), на испанский — в Мадриде (1978).
- 306 А.Т. дал согласие на невключение в том своих сочинений в серии «Всемирная литература» «Тёркина на том свете». См. записи в августе-сентябре.
- 307 А.Т. имеет в виду вступительную статью Ю.Г.Буртина к изданию своих поэм в Детгизе (1970).
- 308 Рукопись А.Солженицына, полученная от автора для прочтения.
- 309 Впервые: КП. 1972. 28 октября.
- 310 Речь идет о повести В.Гроссмана «Все течет...» (1963), циркулировавшей в самиздате. Опубликована в 1970 г. во Франкфуртене-на-Майне, на родине — в 1989 г. в журнале «Октябрь».
- 311 А.Т. был в селе Вскоды (на берегу Угры) в первой половине июня 1936 г. Его очерк «Праздник песни» (Рабочий путь. Смоленск, 1936. 18 июня) рассказывает о прошедшей там олимпиаде художественной самодеятельности. В августе А.Т., зачисленный на 4 курс МИФЛИ, переехал в Москву, к началу занятий.
- 312 О письме К.Чуковского по поводу «Стихов из записной книжки» А.Т. в № 1 «Нового мира» см. запись от 10 июня. Письмо К.Чуковского А.Т. см.: ЛО. 1982. № 4. Современник А.Блока, Чуковский одним из первых отметил талант автора «Страны Муравии».
- 313 Оценка М.Горьким посланной ему М.В.Исаковским «Страны Муравии» была отрицательной. Она занесена А.Т. в дневник 1935 г. вместе с записью (23 августа): «Подкосил дед, нужно признаться. Но уже прошло два дня. Обдумал, почувствовал. Переживем. И да обратится сие несчастье на пользу нам. Слов нет, теперь для меня явственны сырые места. А что продолжает оставаться хорошим, то, видимо, по-настоящему хорошо. Испытание, так сказать. Все буду слышать: и восхищение, и такие отзвывы, а работа будет продолжаться. Дед! Ты заострил лишь мое перо. И я докажу, что ты "ошибку давал"».
- 314 Об истории на станции Буй см. запись от 2 июля 1967 г. и примеч. 125 за 1967 г., а также: Буртин Ю. Исповедь шестидесятника // ДН. 2001. № 2.

- 315 А.Т. был неприятно поражен статьей Буртина «Три поэмы Твардовского» для детгизовского издания («Страна Муравия», «Василий Тёркин» и «Дом у дороги». М., 1970). Выступавший с яркими, глубокими статьями и рецензиями в «Новом мире», Буртин написал здесь об А.Т. в духе стереотипов советской литературы. Это было тем более огорчительно для А.Т., что еще в 1953 г. он призывал Буртина (писавшего об А.Т. дипломную работу) к анализу своих поэм «по степени соответствия не официальным формулам, а жизненной правде, реальной судьбе народа» (Буртин Ю. Исповедь шестидесятника. С. 141). Стоит сравнить расстроившую А.Т. статью критика с написанной им для 2-готомасобрания сочинений А.Т. (М., 1977), — станет ясно, как далеко ушел Буртин от своей позиции конца 1960-х гг.
- 316 Продолжение работы над поэмой «По праву памяти». Вариант фрагмента.
- 317 Наставляя В.Ермилова, как «препарировать Достоевского с учетом идеологической борьбы», А.Фадеев в письме от 12 ноября 1955 г. советовал ему меньше цитировать писателя, поскольку Достоевский звучит «мощно и побивает автора» (Фадеев А. Письма, 1916—1956. М., 1973. С. 597—664).
- 318 А.Т. имеет в виду книгу А.Ф.Бережного «К.Маркс, Ф.Энгельс и печать» (Л., 1968). Рецензия на нее в «Новом мире» не появилась.
- 319 Статью И.Н.Горелова в центральных изданиях обнаружить не удалось. Судя по его опубликованным работам и реферату докторской диссертации (1977), он языковед, в 1997 г. выпустил книгу «Основы психолингвистики».
- 320 Обо всем этом — в предшествующих записях 1969 г.
- 321 В окончательном тексте осталась первоначальная авторская формулировка: «Забыть, забыть велят безмолвно...».
- 322 Ю.Я.Яковлев — писатель, автор рассказов о Ленине для детей, сосед по даче.
- 323 Разговор М.Н.Хитрова с кем-то из сотрудников Главлита — возможно, с Э.А.Проскурниной или Г.К.Волиной — заведующей отделом литературы Главлита, в ведении которой был «Новый мир».
- 324 Симптоматично, что А.Солженицын сразу же после исключения дал знать об этом (4 ноября) зарубежным корреспондентам и лишь на другой день позвонил в «Новый мир». В период «холодной войны» он ощущал за границей мощную поддержку, что во многом объясняет его отвагу и решимость (Солженицын А. Бодался теленок с дубом // НМ. 1991. № 7).
- 325 А.Т. полагал, что К.А.Федин должен дорожить дружбой с И.С.Соколовым-Микитовым, длившейся с 1920-х гг., и внять его увещаниям.
- 326 Французская газета «Figaro litteraire» напечатала статью о поэме А.Т. («Триптих»), набранной для «Нового мира», но не пропущенной цензурой. Изложение поэмы перемежалось с фрагментами из нее.
- 327 Подразумевается уже упоминавшееся предисловие А.Т. к итальянскому изданию писем к В.И.Ленину, опубликованных в «Новом мире» (см. записи от 7 сентября и 19 октября).

- 328 Эти документы, оперативно отосланные А.Солженицыным за границу (что следует из его воспоминаний), уже были там опубликованы (см.: Слово пробивает себе дорогу... С. 314—340).
- 329 Дело писателя А.В.Кузнецова, попросившего политического убежища в Англии (см. запись от 5 августа и примеч. 198).
- 330 Подразумевается сообщение начальника Главлита П.К.Романова о выводе из редколлегии «Нового мира» трех членов (см. запись от 7 ноября).
- 331 Луконин М. Ты слышишь? (Из книги «Вздых облегченья»). С посвящением Пабло Неруде (ЛГ. 1969. 5 ноября).
- 332 Речь о статье Я.Смелякова «Национальные черты». Признавая закономерным тяготение «к истокам своей российской старины», поэт предостерегал: «Не позабыть бы, с обольщением / В соборном роясь серебре, / Второе русское крещение / Осадной ночью на Днепре» (Там же).
- 333 А.П.Шапошникова — секретарь МГК.
- 334 Автоцитата из поэмы «По праву памяти».
- 335 Наталья Владимировна Баранская (1908—2004) — прозаик, выступила в «Новом мире» с повестью о буднях молодой советской семьи научных работников (Баранская Н. Неделя как неделя // НМ. 1969. № 11). Сохранилась верстка повести Баранской, которую тогда привез А.Т. В.Твардовской, полагая, что многое в ней будет для дочери узнаваемо. Повесть имела большой успех.
- 336 Неоднократно цитируемая строка стихотворения И.Бунина «Дочь». Далее: «Как будто после похорон...»
- 337 А.Т. имеет в виду исключение Солженицына из СП, о котором сразу же стало известно в США, куда Г.Бакланов ездил вместе с М.Алексеевым. См. запись от 19 октября.
- 338 А.Т. подразумевает формулу Гегеля: «Все действительное разумно, все разумное действительно».
- 339 Подразумевается статья А.Г.Дементьева «О традициях и народности» (НМ. 1969. № 4), вызвавшая в «Огоньке» ответ 11 литераторов, послуживший сигналом к массовой атаке на «Новый мир».
- 340 В докладе на пленуме ЦК ВЛКСМ, посвященном 40-летию комсомола, В.Е.Семичастный (в ту пору Первый секретарь ЦК ВЛКСМ) заявил: «...Если сравнить Пастернака со свиньей, то свинья не сделает того, что он сделал». Далее предлагалось «этому внутреннему эмигранту» «изведать воздуха капиталистического», стать «действительным эмигрантом» (КП. 1958. 30 октября).
- 341 Речь идет о романе Вс.Кочетова «Чего же ты хочешь?», с его открытой попыткой реабилитации Сталина и сталинизма (Октябрь. 1969. № 9). См. запись от 22 сентября.
- 342 Имеется в виду письмо А.Солженицына IV съезду писателей СССР (см.: Слово пробивает себе дорогу... С. 211—215). О нем см. в записях А.Т. мая-июня 1967 г.
- 343 Франц Николаевич Таурин — секретарь Правления СП РСФСР. Как представитель этой организации выступал на собрании Рязанской писательской организации, исключившей А.Солженицына из своих членов. Вторичной его поездки в Рязань не было.

- 344 Феликс Евгеньевич Овчаренко (1904—1972) — инструктор Отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, с 1970 г. — главный редактор журнала «Молодая гвардия». Участник «Павловской группировки» в движении русских националистов (Митрохин Н. Указ. соч. С. 243 и след.). Речь идет о постановлении «О повышении ответственности руководителей органов печати...», неоднократно упоминающемся А.Т. в записях 1969 г.
- 345 По воспоминаниям Солженицына, его истинное мнение об уходе А.Т. из журнала было совсем иным (Солженицын А. Бодался теленок с дубом // НМ. 1991. № 7. С. 128, 131 и след.).
- 346 Светлана Николаевна Лакшина-Кайдаш — жена критика, работала редактором в издательстве «Художественная литература» — в одном здании с отделом Главлита, занимавшимся литературой и, в частности, «Новым миром». Выступала в «Новом мире» с рецензиями. Ныне — публикатор наследия В.Лакшина, писатель, журналист.
- 347 Книга вышла в серии «Литературные воспоминания» в 1969 г.
- 348 А.Т. слушал передачу Би-би-си.
- 349 «Идейное движение, происходящее сейчас в России, свидетельствует о том, что глубоко в низах идет брожение. Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа». Цитата из письма К.Маркса З.Мейеру от 21 января 1871 г. приведена в заключение статьи В.Лакшина «"Мудрецы" Островского — в истории и на сцене» (НМ. 1969. № 12).
- 350 А.Т. подразумевает сообщение об исключении Солженицына из СП. Оно появилось в тираже «Литературной газеты», предназначенном для Москвы, 12 ноября.
- 351 В Открытом письме Секретариату СП РСФСР возмущенный исключением из СП Солженицын бросал прямой вызов СП РСФСР и, по сути, существующей системе (см.: Слово пробивает себе дорогу... С. 396). Расхождения между А.Т. и Солженицыным все более выявлялись. Выступавший против извращения идеи социализма советским строем, А.Т. оставался ее приверженцем. Солженицын, своих истинных взглядов перед новоявленными не раскрывавший, был противником социализма. Не зная этого, А.Т. многого не понимал в действиях этого конспиратора.
- 352 Листовкой А.Т. назвал дома «Открытое письмо Секретариату СП РСФСР» Солженицына. Обостренная реакция А.Т. объяснялась прежде всего его неготовностью к тому шагу, что сделал Солженицын. Связанный с «Новым миром», его печатавшим и защищавшим, Солженицын не считал нужным предупредить А.Т. об этой своей акции, напрямую касавшейся и журнала, находившегося в подвешенном состоянии. Сам он достаточно выразительно рассказал о том, как накануне разговаривал с А.Т.: «А за голенищем-то нож, письмо секретариату...» (НМ. 1991. № 7. С. 123). Письмо Солженицына отрезало возможность его дальнейшей защиты, а приговор ему непосредственно влиял и на судьбу «Нового мира».
- 353 А.Т. слушал по Би-би-си запись собрания Рязанской писательской организации, исключившей Солженицына из своих рядов.

- Сделанная Солженицыным запись была оперативно передана им за рубеж, как и «Открытое письмо Секретариату РСФСР».
- 354 Речь идет о старте космического корабля на Луну.
- 355 Эрнст Иванович Сафонов — в ту пору секретарь Рязанской писательской организации.
- 356 В письме к А.Т. от 21 декабря А.Солженицын пытался объяснить, почему свой «шаг 12 ноября» он совершил «без совета» с ним. А.Т. не претендовал быть советчиком: он рассчитывал на простое уведомление о действиях, прямо касавшихся журнала. Солженицын уверяет, что 11 ноября, когда он посетил редакцию, «Открытое письмо» еще не было написано, а лишь «ночью бессонной сложилось», потому он и прислал его только 13 ноября. Из мемуаров Солженицына видно, что при визите в редакцию у него в портфеле уже «томилось» готовое «Открытое письмо» Секретариату, которое он начал рассылать на другой же день (НМ. 1991. № 7. С. 122). Письмо Солженицына А.Т. вызвано, по-видимому, стремлением сгладить впечатление от действий автора «Нового мира», пришедшего в редакцию в трудные для нее дни с «ножом за голенищем». «Мои же навыки — каторжанские, лагерные. Без рисовки скажу, что русской литературе я принадлежу и обязан *не больше*, чем русской каторге, я воспитался *там*, и это навсегда», — объяснял Солженицын (Архив А.Т. Дата — 21.11.69 — поставлена А.Т. и означает день получения письма).
- 357 См. запись от 16 апреля о статье М.Гефтера «Из истории ленинской мысли» (НМ. 1969. № 4), где приводится соответствующая цитата К.Маркса, взятая на вооружение А.Т.
- 358 А.Т. цитирует некролог К.Е.Ворошилова, подписанный членами Политбюро ЦК КПСС (Правда. 1969. 4 декабря). На XXII съезде Ворошилов обвинялся в поддержке антиправительственной группировки Молотова, Кагановича, Маленкова. Тогда же он «решительно осудил» ее «фракционную деятельность». См.: XXII съезд КПСС: Стенографический отчет (М., 1962).
- 359 Имеется в виду, что повесть «Один день Ивана Денисовича» обсуждалась на заседании ЦК КПСС, где и санкционировалась ее публикация.
- 360 О приглашении в аппарат СП см. также запись от 4 ноября. А.Солженицын пишет, что у А.Т. произошли «переговоры с СП», где А.Т. от него «отрекался». При перепечатке первого зарубежного издания (1975 г.) на родине автор повторил эти сведения, не соответствующие действительности (НМ. 1991. № 7. С. 125).
- 361 А.Е.Корнейчук активно выступал против Солженицына на заседаниях Секретариата СП. См. стенограмму заседания 22 сентября 1967 г. (Октябрь. 1990. № 9).
- 362 Евгений Андреевич Пирогов — секретарь Советского райкома партии г. Москвы, за которым числилась парторганизация «Нового мира».
- 363 Фридрих Наумович Горенштейн (1932—2002) — прозаик, сценарист. С 1980 г. — в эмиграции. «Новый мир» откликнулся на его рассказ «Дом с башенкой» рецензией А.Берзер (1964. № 11). Юлий Юрьевич Карасик (1923—2005) — кинорежиссер (к/ф «Дикая собака Динго», 1962; «Шестое июля», 1968 и др.). Их сцена-

- рий был посвящен возникновению партии большевиков. Центральные герои его — В.И.Ленин и противостоящий ему лидер меньшевизма Г.В.Плеханов. Имея в виду эту запись А.Т., вряд ли стоит говорить столь категорично об изначальной «оторванности», «отчужденности» Горенштейна от советской литературы, «выключенности» из нее (см.: Русские писатели 20 века: Биографический словарь. М.: БРЭ, 2000).
- 364 Яшин А. Сладкий остров. Предисл. В.Белова // НМ. 1969. № 12.
- 365 Воронов Н. Голубиная охота // НМ. 1969. № 11. «Дело» — папка с перепиской по поводу повести Н.Воронова «Юность в Железнодорольске» (НМ. 1968. № 11, 12), которую А.Т. защищал от грубых и необоснованных нападок (см. записи января-февраля 1969 г.).
- 366 Подразумевается повесть Г.Н.Тропольского «Белый Бим Черное ухо», предназначенная для «Нового мира», но после ухода А.Т. из редакции переданная автором в «Наш современник», где опубликована в 1971 г. (№ 1—2) с посвящением: «Александру Трифоновичу Твардовскому». Повесть многократно переиздавалась, переведена более чем на 20 языков.
- 367 О дружеских отношениях А.Т. и И.С.Соколова-Микитова см. в предшествующих записях. В последнем письме к нему (25 декабря 1969 г.) А.Т., поздравляя Ивана Сергеевича с наступающим Новым годом, замечал: «Пишу на моем редакционном бланке, т.к. не знаю ни дня, ни часа, когда утрачу эту respectable возможность, спешу насладиться, а впрочем, и карточки с картинкой под рукой нету» (Соч. Т. 6. С. 421).
- 368 Зачин стихотворения о памятниках вождям.
- 369 Речь на Объединенном пленуме творческих союзов. Ч.Айтматов остановился на проблемах национализма и патриотизма, подчеркнув, что национальное своеобразие, чтобы не выродиться в национальную ограниченность, должно проявляться в «неразрывной связи с интернационализмом», а не быть самоцелью и не сводиться к этнографическим признакам. Айтматов обошел молчанием полемику национал-патриотов с «Новым миром», и направленность его выступления была понятна лишь тем, кто за этой полемикой следил (ЛГ. 1969. 10 декабря).
- 370 А.Т. упоминает выступления за рубежом с протестами против исключения Солженицына из СП. «Морнинг стар» — ежедневная газета Коммунистической партии Великобритании, тираж 50 тыс. экз.
- 371 С.В.Михалков говорил о главном направлении литературы как выражающем идеи партии и героическое начало жизни советского народа. «Мы, к сожалению, иногда являемся свидетелями девальвации мировоззрения у иных мастеров слова, которые в недалеком прошлом создавали талантливые реалистические произведения, достойные своего героического времени...» (Михалков С. Наше место — в строю борцов // Московская правда. 1969. 11 декабря). В этих словах новомирцы увидели намек на А.Т. (Кондратович А.И. Указ. соч. С. 453). Доклад Г.М.Маркова см.: ЛГ. 1969. 10 декабря.
- 372 Судя по выходным данным, тираж № 12 «Нового мира» за 1969 г. — 127 000, № 1 за 1970 г. (последнего, подписанного А.Т.) —

- 156 000. После ухода А.Т. тираж журнала растет — на его подписку в армии и учебных заведениях были сняты ограничения (№ 2 за 1970 г. — 163 000 экз.).
- 373 Сведения о статье М.Джиласа почерпнуты А.Т. из передачи «Голоса Америки». Ср.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- 374 Имеется в виду поздравление М.В.Исаковского с семидесятилетием, которое предназначалось для уже сформированного № 1 «Нового мира» за 1970 г.
- 375 Твардовский А. Поэзия Михаила Исаковского // НМ. 1967. № 8; Соч. Т. 5. То же в кн.: Исаковский М.В. Собр. соч.: В 4 т. Т. 1. М., 1968.
- 376 Возможно, речь идет о выступлении Г.Гусака, первого секретаря ЦК Компартии Чехословакии, на встрече руководителей братских стран в Москве 3—4 декабря. В печати выступления участников встречи не публиковались.
- 377 Публикация «Из литературного наследия Б.Пастернака» появилась в последнем номере «Нового мира», подписанном А.Т. (1970. № 1).
- 378 На место А.Т. — главного редактора «Нового мира» — отказались пойти К.М.Симонов и С.С.Наровчатов, с которыми власти вели переговоры. Сдавал А.Т. дела В.А.Косолапову в феврале 1970 г.
- 379 Протест правления Национального комитета писателей Франции подписали Ж.-П.Сартр, Э.Триоле, Луи Арагон, Мишель Бютор, Пабло Пикассо, Андре Стиль, Бернар Клавель и др. Письмо правления международного Пен-клуба Союзу писателей подписали Артур Миллер, Джон Апдайк, Джон Чивер, Трумэн Капоте, Генрих Бёль, Курт Воннегут, Митчел Уилсон и др. Письмо в «Таймс» подписали Грэм Грин, Гюнтер Грасс, Джулиан Хаксли, Мюриел Спарк, Филип Тойнби и др. (Слово пробивает себе дорогу... С. 599—401, 409—410).
- 380 Речь идет о первом варианте вступительной статьи А.В.Македонова к тому А.Т. «Стихи и поэмы» в серии «Всемирная литература». А.Т. посчитал долгом предоставить Македонову, другу юности, вырванному на долгие годы из литературы в 1937 г., возможность выступить в этом престижном издании. Одним из оснований «пресечения контрреволюционной деятельности Македонова» выдвигалась защита им «контрреволюционных произведений Твардовского» (Илькевич Н.Н. «Дело Македонова... С. 45). Дело о Смоленской писательской организации инициировал и вел следователь М.Н.Гуревич. В начале 1930-х гг. — работник редакции смоленской газеты «Юный товарищ», где печатался А.Т., Гуревич с 1935-го по 1950 г. служил в органах НКВД—МГБ. Уволенный в запас, работал в культурных учреждениях Смоленска.
- 381 Абрамов Ф. Деревянные кони // НМ. 1970. № 3. О защите А.Т. кандидатуры А.Солженицына, выдвинутого редакцией «Нового мира» на Ленинскую премию, см. записи в марте-апреле 1964 г.
- 382 На заседании Секретариата Правления СП РСФСР, утвердившего решение Рязанской писательской организации об исключении А.И.Солженицына, Д.А.Гранин поначалу был единственным воздержавшимся, но затем телефонирует о поддержке

- решения об исключении Солженицына (см. Стенограмму заседания 5 ноября 1969 г. // Октябрь. 1990. № 10. С. 192).
- 383 См. запись от 2 декабря.
- 384 21 декабря 1949 г. А.Т. от имени СП СССР читал коллективное приветствие вождю.
- 385 Опубликовано посмертно: КП. 1972. 17 декабря.
- 386 Подразумевается стихотворение М.Исаковского «Докладная записка» (1924), которое А.Т. назвал «одним из лучших произведений ленинской темы», где пафос и патетика уступают место мягкому юмору. Поздравляя поэта, А.Т. все же прибегнул к «ленинской характеристике». Прочитовав статью «Лучше меньше, да лучше», где В.И.Ленин возлагал надежды на людей, «за которых можно ручаться, что они ни слова не возьмут на веру, ни слова не скажут против совести», А.Т. посчитал, что Исаковский «своими понятиями о чести и достоинстве литератора-коммуниста» подходит для этой характеристики (Твардовский А. М.В.Исаковскому: (К его семидесятилетию) // НМ. 1970. № 1).
- 387 См. записи от 19 и 26 декабря.
- 388 Речь идет о передовой статье органа ЦК КПСС по поводу 90-летия И.В.Сталина. Отмечая его заслуги в деле построения социализма и в Великой Отечественной войне, статья утверждала, что партия решительно осудила культ личности и связанные с ним нарушения социалистической законности как явление, чуждое марксизму-ленинизму.
- 389 А.Т. цитирует Тезисы ЦК КПСС к 100-летию В.И.Ленина (Там же. 23 декабря).

1970

- 1 Эти кедровые шишки из приморской посылки мы сохранили. В те же дни в «Новый мир» пришла посылка из Сибири: огромная связка багульника.
«Народный Тёркин» — издание поэмы А.Т. в серии «Народная библиотека» (М.: Советская Россия, 1968).
- 2 Искажённые строки поэмы «По праву памяти»: «Кто прячет прошлое ревниво, / Тот и с грядущим не в ладу». В окончательном варианте: «Тот вряд ли с будущим в ладу».
- 3 Речь идет о Елене Цезаревне Чуковской — внучке К.И.Чуковского.
- 4 Об историке А.М.Некриче и его «деле» см. записи в феврале 1968 г.
- 5 Письмо В.А.Каверина К.А.Федину почти полностью занесено А.Т. в дневник в январе 1968 г.
- 6 В.М.Карпова — главный редактор издательства «Советский писатель».
- 7 Речь идет о рукописи Р.А.Медведева «Социалистическая демократия». В.В.Гришин — первый секретарь Московского городского комитета КПСС (МГК) — организации, исключавшей Р.Медведева из партии.
- 8 А.Т. цитирует (не в первый раз) последнюю строку стихотворения А.С.Пушкина «Что в имени тебе моем?..» (1830). Абрам Рувимович Палей (1893—1995) — писатель-фантаст, печатался

- с 1920-х гг. Выступал в «Новом мире» с рецензиями. В письме он приводит строки стихотворения А.Т. «Жить бы мне век соловьем одиночкой...» (1959) и «Такою отмечен я долей бедовой...» (1966).
- 9 В 1970 г. исполнялось 60 лет А.Т. и 45 лет его литературной деятельности, отсчет которой он вел от публикации стихотворения «Новая изба» («Пахнет свежей сосновой смолою...») (Смоленская деревня. 1925. 19 июля).
- 10 В итальянском либеральном журнале «Эспрессо» опубликована поэма А.Т. «По праву памяти».
- 11 О переговорах А.Т. с секретарями Правления СП К.А.Фединым и К.В.Воронковым см. записи А.Т. в июле-декабре 1969 г.
- 12 Речь идет о подготовке к празднованию 70-летия М.В.Исаковского.
- 13 В Тезисах ЦК КПСС к 100-летию со дня рождения В.И.Ленина, которые в течение года готовились несколькими институтами во главе с ИМЛ, в 14-м тезисе Ленину приписывалось высказывание Отто Бауэра (Правда. 1969. 23 декабря), отрицавшее насилие в классовой борьбе. Ленин был ярким противником этого немецкого социал-демократа, называя его оппортунистом именно за подобные высказывания. См. подробнее: Медведев Р. Поучительный урок // Коммунист Советской Латвии. 1990. № 1.
- «Совещание 20» — «встреча руководителей братских стран» в Москве 3—4 декабря, советской печатью не освещавшаяся.
- 14 Зойрен Г. Лебек. Пер. с нем. Предисл. Н.Вильмонта. М., 1969. «Акция сопротивления» героя романа — сильнейшего атлета в Европе — состояла в доведении себя до непригодности к участию в войне; Мак-Каллерс Карсон. Сердце — одинокий охотник. Пер. с англ. М., 1969.
- Особое впечатление на А.Т. произвела книга Н.Н.Урванцева «На Северной земле» (2-е изд. Л.: Гидрометеиздат, 1969). Землепроходец и исследователь, один из первооткрывателей Норильского рудного района, геолог Урванцев вместе с географом Г.А.Ушаковым в 1930—1932 гг. обследовал Северную землю — архипелаг на границе морей Карского и Лаптевых. Жили они в ледяной пещере, порой голодали. Репрессированный в 1937 г. Урванцев оказался в заключении в таких же тяжелейших условиях, но уже не по своей воле.
- 15 «Он неистово, желчно антиреволюционен, антидемократичен, антинароден, почти антигуманен, пессимист до мозга костей. Но какой гениальный художник! И, несмотря ни на что, о каком новом возрождении русской литературы он свидетельствует!» — писал Р.Роллан о Бунине. Т.Манн, восхищаясь рассказом «Господин из Сан-Франциско», считал, что он «по своей нравственной мощи и строгой пластичности может быть поставлен рядом с некоторыми из наиболее значительных произведений Толстого». Ту же «захватывающую силу» отмечал он в «Деревне» Бунина. Восхищался Т.Манн и проникновенностью «Митиной любви», находя, что в ней «сказалась несравненная эпическая традиция и культура» России (Бунин в оценках зарубежных писателей. Сообщение А.К.Бабореко // Литературное наследство. Т. 84: И.Бунин. Кн. 2. М., 1973. С. 375, 379—380).

- 16 По выходным данным № 12 за 1969 г., тираж журнала — 127 250.
17 Экзамен в Московском государственном художественном институте им. В.И.Сурикова.
- 18 «Моби Дик, или Белый кит» Г.Мелвилла — одна из любимых книг А.Т. — сохранилась в его библиотеке в разных изданиях. «Я думаю, что надо жить с девизом из "Моби Дика": "Вперед и пусть даже к черту в пекло"», — говорил А.Т. в те дни новоявцам (Кондратович А.И. Указ. соч. С. 470. Запись от 19.I.70). Этот же девиз А.Т. записал в те дни и В.Я.Лакшин в своем дневнике (ДН. 2004. № 9).
- 19 Евгений Захарович Воробьев (1910—1991) — писатель, очеркист. Оставил рассказ о совместной работе с А.Т. во фронтовой газете «Красноармейская правда» (Воробьев Е. В тяжкий час земли родной // Воспоминания... 1982).
- 20 А.Т. готовил поэму «По праву памяти» к обсуждению, внося поправки в верстку. Первый набор (в июле 1969 г.) был рассыпан после цензурного запрета. Имеется в виду строфа: «Мужик не сметил, / Что отныне, / Проси чего иль не проси, / Не Ленин, даже не Калинин / Был адресат всяя Руси».
- 21 Секретарь К.В.Воронкова.
- 22 Георгий Джагаров (1925—1995) — болгарский поэт, один из руководителей писательской организации Болгарии, член ЦК КПБ.
- 23 А.И.Исаковская — жена поэта.
- 24 Полный текст слова А.Т. по случаю юбилея М.В.Исаковского опубликован в № 1 «Нового мира» за 1970, вышедшем в феврале.
Поэт М.С.Лисянский (автор стихотворения «Дорогая моя столица...», ставшего гимном Москвы) писал А.Т. (1 марта 1970 г.): «Вы всю душу мне перевернули. Я читал, и слезы душили меня, и мне было хорошо оттого, что есть на земле такая светлая дружба, такие высокие и чистые отношения двух поэтов» (Архив А.Т.).
- 25 Поэма А.А.Кулешова «Далеко до океана», отредактированная А.Т., напечатана уже после его ухода с поста редактора (НМ. 1970. № 8). Поэт размышлял в ней о времени и пространстве, жизни и смерти — темах, постоянных в творчестве А.Т. Повидимому, А.Т. имеет в виду свое стихотворение «Когда обычный праздничный привет...», завершившееся строфой: «Нет, был бы он невыносимо страшен / Удел земной, не будь всегда при нас / Ни детских лет, ни молодости нашей, / Ни жизни всей в ее последний час». Начатое в день рождения А.Т. (см. запись 21 июня 1969 г.), стихотворение впервые опубликовано посмертно (КП. 1972. 28 октября).
- 26 Иван Прокофьевич Иванов (1904—1987) — заслуженный работник культуры РСФСР. В 1920—1926 гг. — заведующий переснянской волостной библиотекой Починковского района, читателем которой был А.Т. В 1931—1941 гг. — директор Смоленской областной библиотеки: ею А.Т. пользовался до отъезда в Москву в 1936 г. После войны, которую И.П.Иванов провел на фронте, он работал в той же должности, уйдя на пенсию в 1973 г.
- 27 Василий Дмитриевич Федоров (1918—1984) — поэт, лауреат Государственных премий.

- 28 И.А.Дементьева работала в отделе писем «Известий». По жалобе учительницы Некрасовой, пришедшей в газету, редакция обязана была сделать официальный запрос.
- 29 В ноябре-декабре 1944 г. редакция газеты «Красноармейская правда», фронтовым корреспондентом которой был А.Т., временно располагалась в Леонтьевском переулке (в ту пору — ул. Станиславского) в помещении редакции газеты «Гудок», где работал Д.Осин.
- 30 Об истории с «Огоньком» и «фальшивке» в «Социалистической индустрии» напечатанной «Открытое письмо» редактору «Нового мира» за подписью рабочего М.Захарова, см. в записях июля-августа 1969 г.
- 31 Бывший заведующий сектором Отдела культуры ЦК КПСС А.А.Беляев вспоминает о совещании 26 января 1970 г. с А.Т. так, как будто сам в нем участия не принимал: в его рассказе А.Т. беседует лишь с К.Воронковым. Готовность А.Т. дать отпор зарубежным издателям при условии опубликования его поэмы мемуарист характеризует ныне как «вполне разумное предложение, которое позволяло разрешить возникшую ситуацию». Признавая, что Секретариат СП «имел жесткое поручение руководства ЦК КПСС» добиться ухода А.Т. с поста главного редактора «Нового мира», А.Беляев не упоминает, что сам и представлял ЦК, заняв весьма агрессивную позицию по отношению к А.Т. (Беляев А. Все, что талантливо и правдиво, — нам на пользу: «Новый мир» эпохи Александра Твардовского: как это было // Культура. 2003. 26 июня — 2 июля). Прочитированная Беляевым строфа, «с которой он не может согласиться» (не вошедшая в окончательный текст поэмы «По праву памяти»): «Зато уж вот где без изъятия / Все классы делались равны. / Все люди — лагерные братья. / Клеймом измены клеймены».
- Последняя строка записи А.Т. — цитата из В.И.Ленина (Соч. 5-е изд. Т. 54. С. 446).
- 32 Секретарь К.М.Симонова.
- 33 Предназначавшийся в заместители А.Т. Д.Г.Большов, в прошлом секретарь ЦК ВЛКСМ Белоруссии, в 1970 г. числился членом Комитета по радио и телевидению. В 1966 г., будучи главным редактором «Советской культуры», вместе с несколькими ее сотрудниками послал в Президиум ЦК КПСС доклад на постановку Театром Сатиры «Тёркина на том свете». Спектакль характеризовался как наносящий «оскорбление гражданским, патриотическим чувствам советских людей» и издевающийся над «политическими ценностями, составляющими суть коммунистической идеологии». «Главный порок» постановки доносители видели «в литературном первоисточнике, которому, к сожалению, до сих пор не дана принципиальная оценка». Предлагая организовать обструкцию «Тёркину на том свете» в рабочей аудитории, авторы доклада доказывали, что выступление партийной печати по поводу спектакля и поэмы «явилось бы важным фактором улучшения всей идеологической обстановки среди творческой интеллигенции» (Осада «Нового мира»: Из хроники одного года по документам ар-

жива ЦК КПСС / Публикация Ан.Петрова и И.Брайнина // ЛГ. 1995. 21 июня).

- 34 О С.И.Вашенцеве см. запись от 8 августа 1962 г. Вашенцев с 1922 г. работал в редакции «Правды», сотрудничая с другими изданиями. В первый приезд А.Т. в Москву в 1929 г. Вашенцев познакомил его с редактором еженедельника «Прожектор» Ефимом Давыдовичем Зозулей (1891—1941). Здесь (Прожектор. 1929. Сентябрь. № 35) опубликовано стихотворение А.Т. «Яблоки» («Спать и слышать яблока паденье...») — одно из первых у него в столичной печати.
- 35 Речь идет о статье «К 90-летию со дня рождения И.В.Сталина» (Правда. 1969. 21 декабря). Утверждение «Правды», что в оценке деятельности Сталина ЦК руководствуется постановлением «О преодолении культа личности и его последствий» (1956), давало возможность А.Т. заявить о том, что его поэма не противоречит заявлениям партии, двойственность которых неоднократно им отмечалась в дневниковых записях. См. запись А.Т. от 24 декабря 1969 г., где отмечена важность ссылки в упомянутой статье на решения XX съезда КПСС.
- 36 О письме А.Т. к Федину и его текст см. в записях А.Т. в январе 1968 г. Опубликовано в сб. «Слово пробивает себе дорогу...».
- 37 В книге К.Воронкова «Страницы дневника» (М., 1975), представляющей выбранные места из хроники мероприятий Секретариата Правления СП, эти записи не отразились. О переговорах с А.Т., как и о заседаниях Секретариата, связанных с «Новым миром», здесь вообще не упоминается.
- 38 А.Т. имел в виду «Открытое письмо» А.Солженицына Секретариату СП РСФСР и его поддержку писателями Европы и Америки.
- 39 Бюро Секретариата заседало под председательством К.А.Федина в составе И.В.Абашидзе, С.А.Баруздина, К.В.Воронкова, С.В.Михалкова, В.М.Озерова, Л.С.Соболева, Н.С.Тихонова, А.Б.Чаковского, К.Н.Яшена и заведующего сектором Отдела культуры ЦК А.А.Беляева. Секретарь Правления СП А.Т., судьба поэмы которого, как и его журнала, обсуждалась, не был приглашен. Судя по протоколу, в заявленной повестке дня вопрос о «Новом мире» не значился — только информация Федина о письме А.Т. и встрече с ним. Примечательно, что стенограмма заседания не велась (Из истории общественно-литературной борьбы 60-х годов. Твардовский, Солженицын, «Новый мир» по документам Союза писателей: 1967—1970 / Публикация Ю.Буртина и А.Воздвиженской // Октябрь. 1990. № 11. С. 177—180).
- 40 Письмо, написанное под первым впечатлением от решения Секретариата, было отослано с другой концовкой: «Считаю действия Бюро Секретариата неправильными и обращаюсь с жалобой в ЦК КПСС» (Там же. С. 182). А.Т. и на этот раз удержался от заявления об отставке, которого так ждали от него руководители СП и направлявший их действия ЦК КПСС.
- 41 Утверждение Ю.Буртина, что А.Т. был «решительным противником подобных вынужденных отмежеваний» и пошел на это, чтобы спасти журнал (Там же. С. 183), нуждается в оговорках. А.Т. осуждал (как это сделал, в частности, в письме к К.Федину)

«неразборчивые в морально-этическом смысле» покаяния, когда писатель, по сути, признавал свою вину за возможность использования его произведения в антисоветской пропаганде. Протестуя против издания поэмы без ведома автора, А.Т. не отказывался от нее, выражая уверенность, что она будет напечатана у нас. Не менее, чем внутренний цензурный произвол, ему был отвратителен произвол зарубежных издателей, в своих целях опубликовавших поэму с искажениями, изъятиями и (в издательстве «Посев») с крикливым заголовком «Над прахом Сталина», противоречащим всему ее образному строю. Наспех сделанный перевод белым стихом (в «Фигаро» и «Эспрессо») с прозаическими вставками превращал ее из художественного произведения в своеобразную агитку. Протест поэта против издания «выкраденного и изуродованного» его произведения был искренним. К тому же А.Т. никогда не был приверженцем решения внутренних литературно-политических споров в зарубежной печати. И в этом его позиция была столь же близка В.Т.Шаламову, протестовавшему против публикаций за рубежом его произведений без согласования с ним, сколь противоположна Солженицыну, делавшему главную ставку в своей борьбе на поддержку Запада.

Как и В.Шаламов, А.Т. не желал быть «орудием холодной войны». Думая о спасении журнала, он стремился пресечь в этот трудный для «Нового мира» момент спекуляции на зарубежных изданиях его редактора. Ему важно было предать гласности сам факт существования «якобы запрещенной поэмы» и уже тем самым как бы узаконить ее, вывести из подполья. Не случайно, что ему пришлось добиваться публикации своего письма в «Литературной газете». Посланное 4 февраля, оно появилось в печати лишь 18 февраля под напором автора: содержание письма А.Т. явно не устраивало тех, кто его затребовал.

- 42 Эти строки А.Т. были в те дни у многих на слуху.
- 43 Имеется в виду офис К.Симонова в писательском кооперативном доме на ул. Черняховского.
- 44 В выписке из постановления Секретариата СП от 3 февраля, полученной А.Т., не оказалось пункта о создании комиссии в составе К.А.Федина, Г.М.Маркова, К.В.Воронкова, Д.Г.Большова, куда был заочно включен и А.Т., не поставленный об этом в известность. Комиссии надлежало в трехдневный срок представить соображения по укреплению редколлегии и аппарата «Нового мира».
- 45 Д.Г.Большов (см. о нем примеч. 33) и В.А.Косолапов — главный редактор издательства «Художественная литература» — литературные чиновники, не были членами СП. О.П.Смирнов — писатель, в ту пору малоизвестный даже в литературной среде. С.С.Наровчатов отказался войти в новую редколлегию «Нового мира». Уже после разгона старой, в июне 1970 г. Наровчатов писал А.Т., «великому национальному поэту», о своем уважении к его деятельности редактора, несмотря на то, что не все в ней принимает (Архив А.Т.).
- 46 А.Т. имеет в виду цифры прироста подписки в Москве и Ленинграде.

Письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И.Брежневу в защиту «Нового мира» (9 февраля 1970 г.) подписали М.И.Алигер, А.Ф.Бек, А.А.Вознесенский, Е.З.Воробьев, Е.А.Евтушенко, М.В.Исаковский, В.А.Каверин, Ю.М.Нагибин, В.Ф.Тендряков, Ю.В.Трифонов; Ф.А.Искандер отправил телеграмму председателю СМ СССР А.Н.Косыгину. Писатели доказывали, что «Для блага всей советской культуры необходимо, чтобы "Новый мир" продолжал свою работу» под руководством А.Т. — «национального поэта России и народного поэта Советского Союза» и «в том составе редколлегии, которую он считает полезной» (Пресса в обществе. М., 2000. С. 515—516). Инициатором письма был Ю.Буртин, прибегнувший к помощи в собирании подписей к Трифонову и Тендрякову, предупредив, что А.Т. об этом знать не должен.

Эти немногие подписи удалось собрать с трудом: большая часть тех, к кому обращались, ответили отказом. Письмо не повлияло на судьбу журнала, в «верхах» уже предрешенную, и почти все подписавшие его сразу же стали сотрудничать с новой редколлегией.

47 Речь идет о партийном собрании московских писателей, где с докладом должен был выступить секретарь МГК В.В.Гришин.

48 О задержке 5-го тома собрания сочинений А.Т. (Статьи и заметки о литературе) из-за отказа автора изъять упоминание о Солженицыне в статье о С.Маршаке см. в записях 1966—1969 гг. Том был подписан в печать в январе 1971 г., когда А.Т. уже был смертельно болен.

49 № 1 «Нового мира» за 1970 г. был последним номером журнала, подписанным к печати А.Т. как главным редактором; № 2 — за подписью В.Косолапова — был составлен еще старой редколлегией из произведений давних авторов журнала (Е.Драбкина, Ф.Абрамов, К.Кулиев др.). Таким же (из портфеля старой редакции) было содержание журнала на протяжении первого полугодия, постепенно становясь все более неоднородным и менее значительным.

50 Об организационных мерах («оргах»), примененных к «Новому миру», в письме говорится в связи с обстановкой, сложившейся вокруг поэмы «По праву памяти», добиться обсуждения которой А.Т. так и не смог. «Оргвыводы» Секретариата (об укреплении редколлегии «Нового мира») А.Т. характеризует как прямое понуждение его к отставке и «фактический разгром» редактируемого им журнала. Письмо А.Т. Генеральному секретарю ЦК КПСС Л.И.Брежневу см. в кн.: Пресса в обществе. 1959—2000. М., 2000. С. 511—514.

Рассказывая, что А.Т. не показал ему своего письма к Брежневу, А.И.Солженицын объясняет это тем, что А.Т. стыдился своего отречения от него. Но А.Т. уже давно не доверял Солженицыну и с документами, исходящими из редакции, его не знакомил. Александр Исаевич узнавал об их содержании своими путями. Он не скрывает, что письмо А.Т. Брежневу было уже ему известно без испрашиваемого на это разрешения у автора. Заявление в нем А.Т.: «Я не Солженицын, я — Твардовский» Александр Исаевич и трактует как отречение от него (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // НМ. 1991. № 7. С. 128).

Однако, утверждая, что у него свой путь, отличный от солженицынского, своя жизненная позиция, А.Т. здесь же повторил, что говорил неоднократно руководству СП и в ЦК: «Я считал и считаю исключение А.И.Солженицына из Союза писателей грубой ошибкой, причинившей нам огромный вред как внутри страны, так и за ее пределами» (Там же. С. 513).

- 51 Речь идет о заседании Бюро Секретариата СП СССР 9 февраля, на повестке дня которого стоял вопрос о «частичном изменении» редколлегии «Нового мира». Бюро заседало почти в том же составе, что и 3 февраля (см. запись от 4 февраля), — не было лишь И.Абашидзе: он предпочел уклониться от участия в решающем для журнала голосовании. Отсутствовал и представитель ЦК: разгром «Нового мира» следовало представить как внутреннее дело СП. Не приглашавшийся на предшествующее заседание Бюро, А.Т. на этом заседании присутствовал. Оно, как и заседание 3 февраля, не стенографировалось. Решением Бюро из состава редколлегии выводились В.Я.Лакшин, А.И.Кондратович, И.А.Сац, И.И.Виноградов и А.М.Марьямов — рабочее ядро редколлегии «Нового мира». Объявленные ранее новые ее члены во главе с Д.Большовым (см. запись от 6 февраля) дополнялись А.И.Овчаренко — последовательным противником журнала А.Т. Если А.Т. не мог добиться обсуждения своей поэмы «По праву памяти», то Овчаренко свободно судил о ней на Пленуме по критике и литературоведению СП РСФСР (4 февраля) как о кулацкой, намекая, что сам автор двинул ее в зарубежную печать (Из истории общественно-литературной борьбы 60-х гг. С. 184).
- 52 С.В.Михалков, как видно, не знал, что А.С.Пушкин печатался в редактируемом им «Современнике», Н.А.Некрасов — редактор «Современника» 60-х гг. и «Отечественных записок» 70-х гг. — именно здесь публиковал свои произведения, как и его преемники — редакторы «Отечественных записок» М.Е.Салтыков-Щедрин и Н.К.Михайловский.
- 53 А.Т. заявил на заседании Бюро, что не признаёт принимаемого Бюро решения и ждет ответа на свое обращение в ЦК. В протоколе протеста А.Т. не оказалось. Издевательская реплика редактора «Литературной газеты» А.Б.Чаковского: «Вы надеетесь на положительный ответ?» — показывает, что собравшимся исходдела был заранее известен.
- 54 Названные писатели после разгона старой редколлегии немедленно стали сотрудничать с новой, против которой протестовали. У каждого были свои серьезные мотивы для этого. А.Ф.Бек, несколько лет ожидавший опубликования своего романа «Онисимов» («Сшибка»), заблокированного цензурой, рассчитывал, что при новом редакторе цензура будет снисходительней. А.Н.Рыбаков понадеялся, что наступил благоприятный момент для публикации романа «Варя Иванова» («Дети Арбата»). Хотя продвижения в печать этих произведений не происходило, они активно использовались в рекламе новой редакции. В первые месяцы 1970 г. в «Новом мире» анонсировались как «наши авторы» только писатели, собранные А.Т. в его журнале: читателям как бы давалось понять, что существенных перемен не произошло.

- 55 Решение Секретариата Правления СП об изменении в редколлегии «Нового мира» без упоминания о протесте А.Т. и как бы узаконенное его присутствием напечатано в «Литературной газете» уже 10 февраля (9 февраля номер был подписан к печати). 11 февраля газета должна была поступить подписчикам (Из истории общественной борьбы 60-х годов. С. 185—186). См. вклейку к записи 12 февраля.
- «Прочтя в сегодняшней "Литературной газете" сообщение об изменениях в составе редколлегии "Нового мира", мы всё поняли, — писала по поручению группы читателей А.Шкодина. — Мы торопимся, пока все вы еще вместе, принести вам свою несказанную и невыразимую благодарность... Спасибо вам за все, что вы успели сделать...» (Пресса в обществе. С. 525).
- 56 М.Н.Хитров, в ту пору секретарь парторганизации редакции «Нового мира», вызывался в РК по поводу его заявления об уходе из редакции «Нового мира», которое В.А.Косолапов отказывался подписать.
- 57 Е.М.Самотейкин — референт Л.И.Брежнева. А.Т. интересовался у него судьбой своего письма к Генеральному секретарю ЦК.
- 58 А.И.Солженицын рассказывает о растерянности и подавленности А.Т., неспособности его к протесту в дни гибели «Нового мира». Журнал А.Т., по его словам, существовавший с согбенной спиной, умирал некрасиво — «на коленях». Знавший уже, кем пополнилась редколлегия после вывода соратников А.Т., Александр Исаевич 10 февраля пришел убеждать А.Т., «что, пока остаются, считая с ним вместе, четверо членов редакции — можно внутри редакции продолжать борьбу» (Солженицын А.И. Бодался теленок с дубом // НМ. 1991. № 7. С. 128). Солженицын, в роковой для журнала момент, по сути, призывал редактора к соглашательству, для А.Т. невозможному, — предать изгнанных из журнала соратников и объединиться с людьми, идейно и нравственно ему чуждыми.
- 59 Е.А.Пирогов — секретарь Советского РК КПСС, при котором числилась парторганизация «Нового мира». Ю.Н.Верченко — секретарь Правления СП по организационным вопросам.
- 60 С.Н.Лакшина продолжала работать в издательстве «Художественная литература» до 1979 г., когда по семейным обстоятельствам перешла на другую работу.
- 61 Ю.В.Трифонов и В.Ф.Тендряков — давние авторы «Нового мира» А.Т. — после его ухода сразу стали сотрудничать с новой редколлекцией и, в частности, с пристыженным ими Рекемчуком, назначенным в отдел прозы. Трифонов приходил к А.Т. с уведомлением о том, что собирается отдать новую повесть именно в «Новый мир», интересуясь мнением А.Т. на этот счет. В воспоминаниях он ссылаясь на благословение А.Т. на такое сотрудничество. А.Т. никого не отговаривал от сотрудничества с новой редакцией. Но мы помним, каким мрачным он был после разговора с Трифоновым, с какой горечью пересказывал его. («Какого же ответа он от меня ждал?» — недоумевал А.Т.) Эта незамедлительная готовность забыть о своем протесте и смириться с гибелью журнала тех, кто, казалось бы, был с ним прочно связан, не могла не ранить А.Т.

- 62 В главе «Две дали» поэмы «За далью — даль» А.Т. говорит о готовности пойти в СП «на должность с твердой ставкой» только в случае такой беды, как потеря читателя.
- 63 О письме писателей в защиту «Нового мира» см. примеч. 46. Речь идет о воспоминаниях Исаковского «На Ельнинской земле (Автобиографические страницы)», печатавшихся в «Новом мире» (1969. № 4, 5, 8) и после ухода А.Т. из журнала переданных автором в «Дружбу народов» (1971. № 11, 12; 1972. № 8). А.Т. по просьбе Михаила Васильевича должен был остаться фактическим редактором. В апреле 1970 г. он писал автору, что ждет новых глав его воспоминаний (Соч. Т. 6. С. 356).
- 64 М.И.Погодин (1884—1970) — из дворян, до революции заведовал народным образованием в уездной земской управе Смоленской губ., учительствовал в земской школе. Погодин сыграл особую роль в жизни Исаковского, обеспечив ему возможность лечиться от надвигавшейся слепоты и получить образование. В 1920-е гг. был организатором музейного дела на Смоленщине. С конца 1930-х гг. М.Погодин жил в Москве, работал директором созданной им библиотеки Института химического машиностроения.
- 65 Среди опубликованных писем К.А.Федина к М.Горькому упомянутое письмо не обнаружено.
- 66 А.И.Кондратович был назначен заведующим отделом журнала «Советская литература на иностранных языках», В.Я.Лакшин — консультантом журнала «Иностранная литература».
- 67 Д.Г.Большов и А.И.Овчаренко оставались в редколлегии и при сменившем В.А.Косолапова С.С.Наровчатове (1974—1979), и при В.В.Карпове (1979—1986) вплоть до смены редколлегии в годы перестройки. Л.С.Соболев возглавлял СП РСФСР с 1957 по 1970 г.
- 68 См. запись от 25 февраля.
- 69 Речь идет о заседании Секретариата Правления СП 22 сентября 1967 г. См. о нем и о позиции К.А.Федина запись от 23 сентября.
- 70 Отсутствовали из членов редколлегии Ч.Т.Айтматов, Р.Г.Гамзатов, А.А.Кулешов; Е.Н.Герасимов после ухода из редколлегии «Нового мира» в 1965 г. оставался автором журнала.
- 71 Гурьевская икра — из г. Гурьева, где В.Твардовская была в командировке.
- 72 Р.А.Медведев за исследование о Сталине и сталинизме («Перед судом истории»), признанное клеветническим, был исключен из партии МГК КПСС. Комиссия партийного контроля, куда он обратился, не соглашаясь с решением МГК, изменив мотивировку исключения, в партии его не восстановила. Владимир Владимирович Мацкевич (1909—1998) — министр сельского хозяйства СССР (1965—1973).
- 73 На снимке, сделанном 23 февраля, запечатлены рабочие члены редколлегии «Нового мира» 1960-х гг., его главный штаб: в первом ряду сидят: А.Т., его бывший заместитель Александр Григорьевич Дементьев и Борис Германович Закс (бывший ответственный секретарь), выведенные решением ЦК из редколлегии в декабре 1966 г., Алексей Иванович Кондратович — заместитель главного редактора, Александр Моисеевич Марьямов —

заведующий отделом публицистики. Во втором ряду стоят: Михаил Николаевич Хитров — ответственный секретарь, Владимир Яковлевич Лакшин — фактический, но так и не утвержденный заместитель главного редактора, Ефим Яковлевич Дорош — заведующий отделом прозы, Игорь Иванович Виноградов — заведующий отделом критики, Игорь Александрович Сац. Снимок может служить своеобразной иллюстрацией к словам А.Т., что его с поста редактора «снимали по частям».

- 74 С.А.Баруздин — секретарь Правления СП, замещавший К.В.Воронкова и К.А.Федина в их отсутствие.
- 75 С.П.Залыгин дебютировал в «Новом мире» в 1962 г. повестью «Тропы Алтая». Здесь же были напечатаны принесшие ему популярность повесть «На Иртыше» (1964) и роман «Соленая падь» (1967). Сергей Павлович отказался подписать письмо в защиту «Нового мира», объясняя, что ожидает получения квартиры.
- 76 Р.Г.Гамзатов и Ч.Т.Айтматов оставались в редколлегии «Нового мира» до ее реформирования в годы перестройки при редакторе С.П.Залыгине; А.А.Кулешов — до своей смерти в 1978 г.
- 77 Имеется в виду послесловие Ю.Г.Буртина к изданию в Детгизе трех поэм («Страна Муравия», «Василий Тёркин», «За далью — даль»), которое А.Т. решительно не понравилось. См. запись от 30 октября 1969 г. и примеч. 315 за 1969 г.
- 78 Делаборд Ж., Лоофс Х. На краю земли: (Огненная Земля и Патагония). Пер. с нем. М., 1969. Книга рассказывала об уничтожении исконного населения Патагонии пришельцами — золотоискателями, вызывая свои ассоциации с судьбой «Нового мира»: «Патагония осталась без патагонцев. Это название теперь так же не имело опоры, как упавшие деревья, тысячами лежащие на земле Патагонии. Оно пусто, как пампа...»
- 79 Цецилия Исааковна Кин — вдова писателя В.П.Кина, консультант журнала «Иностранная литература». Опубликовала в «Новом мире» свои «Страницы прошлого» (1969. № 5, 6). После ухода А.Т. из журнала отозвала из редакции подготовленный к печати свой очерк об итальянском коммунисте Франческо Мизиано. Вот лишь некоторые отклики зарубежной печати на разгром «Нового мира» из переданных А.Т. Ц.Кин (Архив А.Т.). В редакционной статье «Таймс» «Смелый "Новый мир"» (1970. 16 марта) деятельность А.Т. оценивалась как «доблестная»: «для него было важно лишь то, чтобы писатель мог сказать что-либо значительное и заявить об этом честно». В английском журнале «Экономист» (1970. 21—27 февраля) в редакционной статье «Конец эксперимента» говорилось, что «отставка Твардовского олицетворяет собой конец целой эры... Пал последний оплот либералов в советской литературе... Победа консерваторов — это итог длительной войны на истощение». «Надо понимать, какое выдающееся место занимал Твардовский в духовной и литературно-политической жизни советской интеллигенции, чтобы представить всю величину потери», — писала западно-германская газета «Цайт» (1970. 20 марта).
- 80 Имеются в виду 5-й том собрания сочинений А.Т., задерживавшийся из-за отказа снять имя Солженицына (см. об этом записи 1966—1969 гг.), а также двухтомник: поэма «Василий Тёркин»

(Т. 1) и «За далью — даль. Из лирики этих лет» (Т. 2. М.: Советский писатель, 1970), ставшие последними прижизненными изданиями А.Т.

- 81 В.Я.Лакшин, записывая (23 марта 1970 г.) разговор с А.Т., упоминает о его «прежней идее» «подготовить рукопись из писем, отзывов, протоколов и записей дневника», называя ее «12 лет в "Новом мире"» (Лакшин В. После журнала. Дневник 1970 года // ДН. 2004. № 9. С. 97). Но речь шла о давнем замысле книги «16 лет в "Новом мире"», которую А.Т. собирался писать по своим дневникам. Сознавая разную значимость первого и второго «заходов» в «Новый мир», он воспринимал их как единое целое своей редакторской эпопеи. Книгу А.Т. начал готовить с подборки записей о первом периоде своего пребывания в «Новом мире».
- 82 Этот вариант строф главы «Тёркин-Тёркин» появился в детгизовском издании поэмы (М., 1970) и последнем прижизненном ее издании (М.: Советский писатель, 1970). В последующих изданиях они воспроизводились в первоначальном варианте: «Но поскольку водит носом, / Задается человек, / Тёркин мой к нему с вопросом: / — А у вас небось "Казбек"?».
- 83 Строки стихотворения А.С.Пушкина «Брови царь нахмуря...» (1825). У Пушкина: «расхохотался» — без расчленения на слоги.
- 84 Николай Александрович Родин — прозаик, член Рязанской писательской организации.
- 85 Р.Д.Орлова записала в дневнике (31 июля 1965 г.) о первом визите Г.Бёлля в «Новый мир» с его слов, что А.Т. «ему очень понравился». А.Т. показался ему усталым, но Бёллю его усталость была понятна: «Сам часто устаю бороться за свое...» Приехав в 1974 г. в Москву, Бёлль с женой посетили Новодевичье кладбище, где поставили корзину цветов на могилу А.Т. (Орлова Р., Копелев Л. Мы жили в Москве. М., 1990. С. 157, 159, 174).
- 86 Лев Владимирович Гинзбург — поэт, переводчик. В библиотеке А.Т. сохранилась книга «Немецкие народные баллады» (М., 1959) с его автографом: «Замечательному народному поэту Александру Трифоновичу Твардовскому». Участниками встречи с Г.Бёллем были также публицисты Даниил Ефимович Мельников и Людмила Борисовна Черная. Об отстаивании редакцией «Нового мира» их статьи «Преступник № 1. А.Гитлер», так и не пропущенной цензурой, см. записи в апреле-мае 1968 г.
- 87 Словечко «маслице-фуяслице» вошло в обиход новомирцев со времени публикации «Одного дня Ивана Денисовича». Сетовавший на редакторский произвол (буквенную замену мата вместо традиционных многоточий по решению А.Т.), автор перепечатывает повесть с сохранением этой правки.
- 88 О статье «Мир несвободы», которую А.Т. читал в анонимном рукописном переводе (сделанном Е.Г.Эткиндром), см. в записях 1968 г.
- По свидетельству присутствовавшей на встрече с Бёллем И.П.Архангельской, зафиксированному Кондратовичем, Бёлль был растроган тем, что А.Т. помнит детали его рассказов, как публиковавшихся в «Новом мире», так и самых первых, пересказанных ему Заксом, читавшим их на немецком языке (Кондратович А.И. Указ. соч. С. 512—513).

- 89 Автором листка «После умерщвления "Нового мира"». Вместо некролога» за подписью «Читатель» был философ Г.Г.Водолазов. Рассказывая, к какой лжи и фальсификации прибегли власти, чтобы скрыть уход А.Т. и разгон его редколлегии, автор замечал, что сказать об этом правду — «значило бы обнаружить перед всем миром действительное бессилие противостоять могучему духовному влиянию журнала духовными же средствами...» Среди заслуг «Нового мира» Читатель выделяет ту, что журнал «умел (и учил своим примером) ценить правду — научную, художественную, нравственную, единую во всей сложности и неподдельной конкретности. Умел и учил ценить правду выше любых — самых благих соображений о ее целесообразном использовании теми, "кому она должна служить"». В некрологе отмечалась свобода журнала как от фанатизма официальной идеологии, так и от «отрицательного фанатизма», ослепленного «беспроblemным нигилистическим критиканством и озлобленностью» (Архив А.Т.).
- 90 Статья М.Я.Гефтера «К.Маркс и Россия» после доработки ее по замечаниям новой редакции была отвергнута ею вопреки публичному обещанию В.А.Косолапова ее напечатать. Опубликовано в кн.: Гефтер М.Я. Из тех и этих лет. М., 1991.
- 91 Калерия Николаевна Озерова — старший редактор отдела критики «Нового мира».
- 92 О поэме А.А.Кулешова «Далеко до океана» (НМ. 1970. № 5) см. запись от 24 января и примеч. 25.
- 93 Имеется в виду статья В.Огнева «Несуемое слово поэта (О стихах К.Кулиева)» (НМ. 1970. № 5). В книге «Амнистия таланту. Блики памяти» В.Огнев в доказательство оказанной им поддержки А.Т. в дни гибели «Нового мира» приводит это свое письмо (от 12 февраля 1970 г.), сохранившееся в Архиве А.Т. Косолаповская редакция отказалась бороться за роман Бека «Новое назначение», столкнувшись с первыми препятствиями на его пути. «Несчастный Бек... бегаёт теперь и клянет на чем свет стоит Косолапова и всех наобещавших ему золотые горы», — записал 21 июня В.Я.Лакшин в дневнике (ДН. 2004. № 9. С. 118).
- 94 В семье А.Т. давно было известно об этом замысле, вызревавшем в нем с середины 1960-х гг. Переход к его практическому выполнению был горячо одобрен. Начав подборку материала по своим дневникам, А.Т. пришел к мысли, что много писать не придется: все самое важное уже им записано. Подготовленные А.Т. выборки из записей 1950-х гг. («первого захода» на пост редактора) опубликовала М.И.Твардовская в журнале «Знамя» за 1987 г., когда его редактором был Г.Я.Бакланов.
- 95 В записи, по сути, А.Т. подводит итоги своего «первого захода» в «Новый мир», убеждаясь в их значительности. Упоминаются публикации «Нового мира», вызвавшие (как и «Тёркин на том свете») постановление Секретариата ЦК о снятии А.Т. с поста главного редактора за идейно-порочную линию журнала: В.М.Померанцев «Об искренности в литературе» (1953. № 12); М.А.Лифшиц «Дневник Мариэтты Шагинян» (1954. № 2); Ф.А.Абрамов «Люди послевоенной деревни» (1954. № 4); М.А.Щеглов «"Русский лес" Леонида Леонова» (1954. № 5). По

- словам исследователя редакторской деятельности А.Т. 1950-х гг., эти статьи, с которых А.Т. начал «расчистку литературного поля», возвращали критике ее достоинство, определяя идейно-эстетическую программу журнала. Призывая сосредоточиться на реальной жизни человека, они восставали против «идеологического закалечения искусства» (Аскольдова-Лунд М. Сюжет прорыва // Свободная мысль-XXI. 2002. № 1—2).
- 96 Речь идет о предложении А.Т., сделанном через секретаря Правления СП В.А.Смирнова, занять пост главного редактора журнала «Октябрь» (запись от 19 сентября 1956 г. См.: Знамя. 1989. № 7. С. 184).
- 97 Борис Львович Ванников (1897—1962) — генерал-полковник инженерной службы, нарком боеприпасов (1942—1946), заместитель министра среднего машиностроения (1953—1958), трижды Герой Социалистического Труда. Участник атомного проекта, в котором работал с Курчатовым. Запись о предстоящей встрече с кем-то из семьи Ванникова, возможно, связана с материалом, полученным от него А.Т. и оставшимся в старой редакции.
- 98 Имеется в виду полет космического корабля «Аполлон» с посадкой американских космонавтов на Луне.
- 99 А.Н.Шелепин оставался членом Политбюро до 1975 г. М.А.Суллов — член Политбюро ЦК с 1955 г., ведавший вопросами идеологии, оставался на своем посту до смерти в 1982 г.
- 100 10 апреля В.А.Косолапов подписал заявление Ю.Г.Буртина об уходе «по собственному желанию», лежавшее у него более месяца. Уволен был Буртин без выходного пособия.
- 101 В издательстве «Советский писатель» готовился к печати двухтомник А.Т. (см. примеч. 80).
- 102 Андрей Андреевич Громыко (1909—1989) — член ЦК КПСС с 1956 г., министр иностранных дел с 1957 г. Николай Викторович Подгорный (1903—1983) — член Политбюро ЦК (1960—1977), председатель Президиума ВС СССР (1965—1977).
- 103 См. запись от 25 марта.
- 104 «Новый мир» А.Т. не переставал печатать Некрасова и когда он, исключенный из партии, был в опале. См. его воспоминания об А.Т. (Некрасов В. «И всегда человеком...» // Нева. 1986. № 11). Владимир Борисович Александров — критик, литературовед, друг А.Т., с которым он познакомил В.Некрасова в том же 1946 г., когда продвигал в печать его повесть «В окопах Сталинграда». См. о В.Б.Александрове запись от 10 апреля 1964 г.
- 105 Появившаяся спустя два месяца после заявления А.Т. об уходе из «Нового мира» информация Секретариата Правления СП ничего не сообщала о протесте А.Т. против волевого «укрепления» редколлегии его журнала «сверху».
- 106 Инна Ивановна Кротова — редактор Детгиза, где печатались три поэмы А.Т. («Страна Муравия», «Василий Тёркин» и «Дом у дороги») с послесловием Ю.Г.Буртина.
- 107 Рассказ Г.Д.Гулиа о том, как тезис И.В.Сталина «сын за отца не отвечает» пытались иллюстрировать конкретным примером, записан А.Т. в Гульрипши 28 июня 1969 г.
- 108 Михаил Кузьмич Луконин (1918—1975) — поэт, в редколлегию «Нового мира» введен не был.

- 109 Поэма Е.Евтушенко «Казанский университет» в апреле была уже напечатана (НМ. 1970. № 4) — журнал В.Косолапова выходил без опозданий. В ней, в частности, поэт негодовал на тех, кто не протестовал против закрытия «Отечественных записок» М.Е.Салтыкова-Щедрина (в 1884 г.).
О публикации поэмы А.Т. «Тёркин на том свете» в «Известиях» см. записи в августе 1963 г.
- 110 «Волки» — условное обозначение стихотворения «Такою отмечен я долей бедовой...», из которого пытались снять строки: «С великой охотой, / С отменною злобой / Едят меня всякие серые волки. / Едят, но недаром же я из поделки: / Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели...» (1966). Строки «Не стойте только над душой, над ухом не дышите...» — из стихотворения «Я сам дознаюсь, доищусь до всех своих просчетов...» (1967). Стихи вошли в книгу А.Т. «За далью — даль. Из лирики этих лет» без изъятия (М.: Советский писатель, 1970. Ред. Е.А.Исаев).
- 111 А.И.Солженицын ставил в вину В.Я.Лакшину и другим новоязцам то, что они не уговорили А.Т. остаться на посту редактора в новой редколлегии. Лакшин резонно отвечал, что А.Т. ушел не только в знак протеста против вывода из редколлегии его соратников, но и потому, что со вновь назначенными ее членами (Д.Большовым, А.Овчаренко и др.) делать журнал он не мог. (Переписку А.Солженицына и В.Лакшина см. в кн.: Лакшин В. Солженицын и колесо истории. Сост., предисл. и коммент. С.Н.Кайдаш-Лакшиной. М.: Вече, 2008.)
«Вскормил кукушку воробей, / Бездомного птенца, / А он возьми да и убей / Приемного отца» — стихи Роберта Бёрнса в переводе С.Маршака.
- 112 1) Извлечения из Рабочих тетрадей предназначались для будущей книги «16 лет в "Новом мире"»; 2) Речь идет о присланных А.Т. материалах из готовившегося в «Литературном наследстве» тома, посвященного И.А.Бунину (Т. 84. Кн. 1—2. М., 1973). Ряд из них был связан с А.Т. (см. именной указатель). 3) По настойчивой просьбе директора музея-усадыбы Н.А.Некрасова «Карабиха» А.Ф.Тарасова, А.Т. послал ему рукопись своей студенческой работы о поэме «Кому на Руси жить хорошо», с которой он выступал на некрасовской сессии в ИФЛИ в 1938 г. А.Ф.Тарасов, отослав 20 марта А.Т. ее копию, просил разрешения оставить подлинник в музейной экспозиции и опубликовать его фрагменты. Публикация осуществлена после смерти А.Т. (О Некрасове: Статьи и материалы: Сб. Вып. IV. Ярославль, 1975). 4) А.Т. имеет в виду непечатавшиеся стихи о войне, оставшиеся в его Рабочих тетрадях. Некоторые из них опубликованы посмертно М.И.Твардовской.
- 113 О письме Б.Полевого новому главному редактору «Нового мира» В.А.Косолапову см. также запись в дневнике В.Я.Лакшина от 24 апреля 1970 г. (ДН. 2004. № 9. С. 108). Письмо передали из новой редакции журнала.
- 114 Исследователь поэзии А.Т. Андрей Михайлович Турков (р. 1924) откликнулся на 60-летие А.Т. статьей «Поэт народного подвига» (Неделя. 1970. № 25). О письме «Читателя» см. запись от 6 апреля и примеч. 89.

- 115 В статье А.А.Суркова «Ровесник любому поколению» (Юность. 1970. № 6) нет упоминания об А.Т.-редакторе, как и во всех публикациях об А.Т. того времени.
- 116 А.Т. опасался, что М.И.Алигер будет объясняться по поводу появления ее стихов в № 3 «Нового мира», отобранных и отредактированных еще А.Т. Поначалу она широко объявила, что отзывает их у новой редколлегии.
- 117 А.Т. имеет в виду приветствия, присланные по случаю майских праздников: Микола Бажана — украинского поэта, печатавшегося в «Новом мире» 1950—1960-х гг., и А.А.Кулешова, поздравлявшего его на белорусском языке.
Андрей Константинович Князев — директор Братской ГЭС, корреспондент А.Т. с 1956 г., когда А.Т. побывал на ее строительстве, звал А.Т. в Братск. «Посылаю Вам две мои старые поэмы в новом издании. Примите их как задаток под приезд автора», — писал А.Т. Князеву 12 августа, объясняя, что так и не смог выбраться в Братск летом (Соч. Т. 6. С. 294—295). Князеву был послан двухтомник (М.: Советский писатель, 1970). Письмо Князеву — одно из последних писем А.Т.: в сентябре его уже свалила смертельная болезнь.
- 118 Как будет видно из писем, которые получал А.Т., далеко не все читатели поняли, что случилось с «Новым миром» и почему ушел его редактор. А с осени 1970 г. смертельная болезнь А.Т. переключила внимание бывших читателей его журнала на состояние его здоровья.
- 119 В переписке В.Я.Лакшина с А.И.Солженицыным речь шла об августе 1968 г. Солженицын писал (20 апреля 1970 г.), что, не выступив против вторжения в Чехословакию советских войск, редакция «Нового мира» заплатила «страшную историческую цену». Если бы «за сохранение журнала» этой платы не было, доказывал он, судьба журнала нисколько не была бы хуже, ведь А.Т. «в тех же днях подобное заявление отказался подписать». Лакшин отвечал (27 апреля 1970 г.), что об «исторической цене» рассудит история. «Я же рад, что у меня и моих товарищей тогда нервы не сдали, иначе журнал был бы — сегодня это очевидно — раздавлен полтора годами прежде. А полтора года журнала Твардовского, я думаю, не безделица» (Лакшин В. Солженицын и колесо истории. С. 435).
- 120 Назначенный заведующим отделом прозы «Нового мира» Франц Николаевич Таурин (р. 1911) в годы войны работал директором якутского кожевенного комбината. С 1949 г. — секретарь Якутского горкома партии, член Президиума Верховного Совета Якутской АССР. С 1952 г. — в Иркутске редактор многотиражки «Огни коммунизма» и руководитель городской писательской организации. По свидетельству Таурина, он встречался с А.Т. в Якутске в 1953 г. и в Иркутске в 1956 и 1959 гг. В 1965 г. Таурин был избран в Секретариат Правления СП РСФСР. Тогда же принес в «Новый мир» роман, который не был принят А.Т. (Таурин Ф.Н. В быстротекущей жизни // Воспоминания... 1982).
- 121 Впоследствии Аркадий Яковлевич Сахнин — прозаик и публицист — утверждал, что он вместе с В.Косолаповым, Д.Большовым и другими пришел в «Новый мир», чтобы «свято хранить

и приумножать традиции Твардовского» — великого, по его словам, поэта и редактора (Сахнин А. Не бросаться словами // Московские новости. 1988. 24 апреля). В доказательство того, что журнал Косолапова и его преемников «верно следовал лучшим традициям Твардовского, ведя борьбу за правду жизни», Сахнин называет имена печатавшихся в нем авторов старого «Нового мира»: Ф.Абрамова, Ч.Айтматова, В.Быкова, Г.Бакланова, Ф.Искандера, Ю.Трифонов, В.Тендрякова и др., не упоминая, что этих писателей собрал в своем журнале А.Т. В 1970-е гг. под той же обложкой они печатались рядом с бездарной и серой литературой, мемуарами Л.И.Брежнева, в написании которых участвовал и Сахнин, рядом со статьями противников «Нового мира» 1960-х гг. — Д.Большова, Ю.Барабаша, А.Овчаренко, А.Дымшица. А.Т. изгоняли из редакции как раз для того, чтобы из его журнала сделать нечто подобное, что получилось при его преемниках.

«Красноармейская правда» — газета Западного, затем 3-го Белорусского фронта, в которой работал А.Т., печатавший здесь «Василия Тёркина».

- 122 Судя по дневникам и письмам, А.Т. помогал родителям, братьям и сестрам с начала 1930-х гг., еще не имея постоянного заработка и уже обзаведясь собственной семьей. Устроил их возвращение из ссылки в 1936 г. В войну вывез родных с оккупированной территории, решил для них проблему жилья (квартира в Смоленске). Все это время ежемесячно помогал всем им.
- 123 Михаил Михайлович Курилко (р. 1923) — театральный художник, профессор, преподаватель Московского государственного художественного института им. В.И.Сурикова.
- 124 Сергей Андреевич Фиксин (1907—1978) — земляк А.Т., поэт, переводчик, прозаик. См. о молодом А.Т.: Фиксин С. Первая даль поэта // Воспоминания... 1982.
- 125 В телеграмме О.Ф.Берггольц А.Т. поздравлял «автора идеи Главной книги» с юбилеем, желал ей здоровья и новых успехов. Зачитанная на юбилее, телеграмма А.Т. вызвала, по воспоминаниям Н.Банк, овацию в зале (Вспоминая О.Берггольц: Сб. М., 1979).
- 126 Л.И.Тимофеев, М.М.Кузнецов — сотрудники сектора советской литературы ИМЛИ, которым в 1960-е гг. заведовал А.Г.Дементьев.
Борис Леонтьевич Сучков (1917—1974) — литературовед, член-корреспондент АН СССР, директор ИМЛИ.
А.Г.Дементьев входил в редколлегию IV тома «Истории русской советской литературы», подготовленного в его секторе. Утвержденный Ученым советом института в 1968 г., том был задержан: серьезной переработке подвергся раздел об А.Т. В вышедшем в 1971 г. томе уже не упоминалось ни о редакторской деятельности А.Т., ни о его поэме «Тёркин на том свете». Такой пересмотр творчества А.Т. неизбежно сказался и на А.Г.Дементьеве.
- 127 Лев Абрамович Кассиль (1905—1970) — детский писатель.
- 128 Виталий Николаевич Горяев — художник, в годы войны работал во фронтовой газете «Красноармейская правда», военкором которой был А.Т. Горяев — один из иллюстраторов поэмы «Василий Тёркин». А.Т. поздравлял фронтового товарища с его 60-летием.

- 129 «Дніпро» — литературно-художественный и общественно-политический журнал, выходивший в Киеве на украинском языке.
- 130 См. примеч. 51.
- 131 Строки из стихотворения Н.А.Некрасова «Деревенские новости» (1860) — своеобразный пароль, которым новомирцы и литераторы из их окружения приветствовали друг друга: «Сходится хата моей / Больше и больше народу. / — Что ты слышал про свободу, / Ну, говори поскорей».
- 132 Как свидетельствовал Александр Григорьевич в воспоминаниях, предоставленных его дочерью И.А.Дементьевой, главным обвинением против него было то, что он проводил «линию "Нового мира"» (Дементьев А.Г. Как меня «ушли» на пенсию // Архив А.Г.Дементьева).
- 133 У А.Т. было три ордена Ленина, орден Красного Знамени (боевого), ордена Отечественной войны — 1-й и 2-й степени. Шестидесятилетие А.Т. правительство отметило орденом Трудового Красного Знамени.
- 134 На Белорусском съезде А.Т. был в последний раз в июне 1949 г. в Минске, где выступил с докладом.
- 135 Иван Федорович Винниченко — член парткома московских писателей. С.С.Наровчатов сменил С.В.Михалкова на посту секретаря Московской писательской организации.
- 136 Первоначальный вариант вступительной статьи А.Македонова к тому А.Т. в серии «Всемирная литература» вызвал серьезную критику А.Т. Том А.Т. «Стихотворения. Поэмы» сдан в набор 7 сентября 1970 г.
«Папка 11» — собрание откликов на письмо 11 литераторов «Против чего выступает "Новый мир"?» в «Огоньке» (июль 1969 г.). См. записи июля-августа 1969 г.
- 137 Рассказ («Хлеб для собаки») опубликован в сб.: Тендряков В.Ф. Неизданное. Проза. Публицистика. М., 1995.
- 138 Р.А.Медведев приехал с известием о том, что его брат Ж.А.Медведев — ученый-биолог, правозащитник — помещен в психиатрическую больницу. А.Т. вместе с В.Ф.Тендряковым поехал к Жоресу Александровичу в Калугу.

Стоит сказать несколько слов о произошедшем в последующие месяцы, но уже оставшемся за пределами дневниковых записей. Их прекращение в мае 1970 г. было, как это понятно сейчас, знаком беды — зловещим симптомом наступавшей болезни, свалившей А.Т. в сентябре 1970 г. Внешне его образ жизни весной и летом этого рокового года мало изменился. Он по-прежнему, как и привык, много читал, подолгу сидел за письменным столом, готовил задуманную книгу о пребывании на посту главного редактора «Нового мира», отвечал на письма, которых меньше не становилось.

Как всегда весной, много времени проводил в своем саду: что-то сажал, что-то пересаживал. Однако продолжительность этих «земляных работ» заметно сократилась: он быстрее уставал.

Переживая свою беду, А.Т. в нее не погружался, как всегда с готовностью откликаясь на разнообразные просьбы о помощи: весной и летом 1970 г. хлопотал по издательским, жилищным, больничным и другим житейским делам обращавшихся к нему писателей и читателей. В начале июня отец бросился на выручку Жореса Медведева, помещенного в психиатрическую больницу, дав телеграмму протеста председателю Президиума ВС СССР Н.В.Подгорному. Поездка в Калугу резко ухудшила его состояние и по-своему завершила конфликт А.Т. с властями. Становилось ясно, что отстраненный от журнала А.Т. «не разоружился» (как он говорил, имитируя партийную терминологию).

Отец не сомневался, что это соответствующим образом скажется на его предстоящем юбилее. Любителем подобных мероприятий он никогда не был, свое 50-летие, увенчанное только что полученной Ленинской премией, публично не праздновал. Однако в обстановке сложившейся конфронтации с властью то, как будет отмечено его 60-летие, неминуемо определяло судьбу изданий поэта, что не могло его не тревожить.

Но главная его печаль состояла в мыслях о потерянном журнале, которому было отдано шестнадцать лет жизни. Казалось бы, предчувствуя неизбежность этой потери, он готовился к ней и встретил ее сколь возможно спокойно, с сознанием того, что стоял на своем посту до конца, сделал все, что мог. И все же боль от утраты не только не затихала, но обострялась: будучи подготовлен к мысли, что из журнала его вынудят уйти, А.Т. оказался не готов к восприятию гибели «Нового мира» в литературной среде. Его протест против насильственного разрушения журнала, выраженный в заявлении об отставке, не был поддержан теми, кто в нем печатался и, как был уверен главный редактор, журналом дорожил. Давние и новые

авторы «Нового мира» А.Т. без промедления вступили в рабочие контакты с новой редакцией, обеспечив ей солидный портфель.

Талантливые писатели, собранные А.Т. в «Новом мире», остро ставили в своих произведениях нравственные проблемы, решая их так, как должно. В жизни им самим сделать нравственный выбор оказалось труднее, чем героям их произведений. Многие из них были озабочены судьбой не столько журнала и его редактора, сколько своего собственного творения, стремлением именно его как можно скорее и без помех довести до читателя. Понять это нетрудно: в переломный для журнала момент появилась возможность напечатать наконец труднопроходимое произведение, и никто не хотел ее упустить. Кто же кого осудит за это... Но получилось так, что редактор «Нового мира» и изгнанные из журнала его соратники остались наедине с их бедой.

А ведь отцу казалось, что он мог рассчитывать на поддержку литературных сил, которые собрал и вывел в большую литературу... Он занимался журналом, отодвинув в сторону свои собственные планы и замыслы. Взявшись за нелегкое дело, оказался способен многое ради журнала претерпеть и не раз, по его выражению, «всходил на костер», отстаивая то, что считал для литературы необходимым. Думается, верно понял А.Т. его выдающийся современник — генерал и правозащитник П.Г. Григоренко, упоминавшийся и в записях А.Т. По его словам, А.Т. пытался вырваться из удушающей атмосферы «не одиночкой, а опираясь на молодые дарования. В ущерб личному творчеству он тратил силы на то, чтоб дать развиваться талантам других... Он, жертвуя собой и своим талантом, отыскивал и выводил на большую дорогу русской литературы новые прогрессивные литературные силы... стремился не столько себя выразить, как это делает большинство даже больших писателей, сколько время наше всеми силами прогрессивных писателей». Григоренко писал, что А.Т. в этом смысле «один-единственный в советской литературе». И вот в дни гибели журнала А.Т. остался один перед лицом разрушительного насилия власти. А «выведенные им на большую дорогу литературные силы» продолжали свой путь, не оглядываясь назад.

В письмах к А.Т. писатели, поэты, критики выражали ему свою благодарность, объясняли, какое громадное значение имел его журнал, как много потеряли они с уходом из него А.Т., который, как писал ему В.Быков, «нужен человечеству, справедливости, культуре». Перечень этих писем составил бы не одну страницу. Надо ли говорить, как отец отнесся к таким объяснениям после гибели журнала, ведь для него они остались лишь словами, не подтвержденными поступком.

Особенно горько было оттого, что незамедлительная поддержка писателями новой редколлегии помогла провести акцию разгона «Нового мира» так, как она была задумана властями — бесшумно и почти незаметно для многих читателей в провинции. Записи А.Т. вместе с вклейками из газет показывают, к какой дезинформации и прямому обману прибегал Секретариат Правления СП, руками которого ЦК КПСС расправлялся с неугодным изданием. Как объяснялось в самиздатовском листке «После умерщвле-

ния "Нового мира"», в хронике о кадровых перемещениях в журнале А.Т. упоминался в числе оставшихся в нем после изгнания его соратников вместе с «утвержденными» новыми членами редколлегии. «Да мог ли он согласиться, — вопрошал листок, — работать в журнале с теми, кто, как известно, вполне чужд духу "Нового мира", с теми, кто согласился заgrimироваться под "членов редколлегии", принять участие в удушении этого журнала». Для многих авторов журнала и части ее старой редколлегии это показалось возможным.

Не имея сведений о действиях руководства СП и протесте А.Т., многие читатели так и не поняли истинных причин отставки А.Т.: ведь и при отсутствии имени А.Т. в новом составе редколлегии в «Новом мире» сохранились авторы, печатавшиеся при А.Т., те, кого он ввел в литературу. Больно отцу было читать письма, где читатели объясняли для себя его уход усталостью и, признавая право многолетнего редактора на отдых, сожалели о том, что он покинул журнал.

Во время болезни А.Т. во многих письмах звучал вопрос, что можно для него сделать, чем поддержать. Как жаль, что вопрос этот собраты по перу не задавали себе в дни тяжелейшего для А.Т. потрясения, когда он так и не дождался их действенной поддержки.

А.Т. вовсе не ждал от писателей митингов и демонстраций в защиту своего журнала, но поспешность, с которой многие авторы бросились сотрудничать с новой редколлегией, его обескуражила. Некоторые, вероятно, чувствовали определенное нравственное беспокойство, пытаясь, как видно и по записям А.Т., объясниться с редактором и заручиться по отношению к своим действиям если не его благословением, то снисхождением. Этот душевный дискомфорт сказался в ряде писем к А.Т. «Я все время думаю, что мы все, я лично в чем-то очень виноваты перед Вами, и не могу успокоиться, — писал, например, критик В.Огнев 21 июня 1971 г. уже больному А.Т. — Порой кажется, что произошло великое кощунство на наших глазах, и то, что мы его терпим, хотя и скрипим зубами, говорит именно о нашей болезни, которая пострашнее Вашей. Мы пишем Вам письма, говорим о любви к Вам, как будто пытаемся замолить свой грех, свою задолженность» (Архив А.Т.).

Далекий от окружения «Нового мира» С.А.Баруздин, выступающий в записях А.Т. в качестве литературного функционера, в стихах, посвященных А.Т. — «поэту, рожденному для России», — задается теми же вопросами: «Мы говорим с тобой о нем, / Как будто виноватые... / А в чем? Ни в чем! И все ж при том / Есть что-то то, что свято...»

От этого чувства вины не был свободен и В.Быков, за публикацию военной прозы которого журналу А.Т. доставалось не меньше, чем самому автору. В распоряжение новой редколлегии В.Быков оставил своего «Сотникова» — повесть, предназначавшуюся им для «Нового мира» А.Т. «Повесть была скоро напечатана, но без него... И вот теперь я сожалею, пожалуй, следовало поступить иначе...» — признавался В.Быков. Много лет спустя, переосмысливая события 1970 г., он «клял себя за мгновенье слабости» (ВЛ. 2008. № 2. С. 306—307).

Но в этот последний отпущенный ему срок перед неизлечимой болезнью отец испытал не только горечь утрат. В дни его шестидесятилетия дошла до него и большая волна читательских писем. Они позволили ему ощутить признание и благодарность тех, для кого он писал, для кого делал журнал. И как в свое время в конце «большой войны жестокой», он теперь, «на дне своей жизни, на самом доньшке», оглядываясь на пройденное, пережитое и написанное, вправе был сказать: «Скольким душам был я нужен, / Без которых нет меня!»

Летописец и хроникер своего времени, А.Т. задавался тем же извечным вопросом, что и один из его любимых писателей — А.Герцен — в своем дневнике: «Поймут ли, оценят ли грядущие люди весь ужас, всю трагическую сторону нашего существования? А между тем наши страдания — почка, из которой разовьется их счастье...» Хочется надеяться, что прочитавшие дневниковые записи А.Т. многое поймут и о том времени, и о нем самом.

Валентина и Ольга Твардовские

- Абакумов В.С. 1, 211, 585
 Абалкин Н.А. 1, 91, 102, 103, 316, 382, 383, 491, 547, 624; 2, 146
 Абашидзе Г.Г. 1, 461, 640
 Абашидзе И.В. 1, 91, 92, 400, 463, 547; 2, 18, 19, 164, 165, 432, 441, 503, 513, 521, 539, 554, 597, 600
 Абдомумнов Т. 2, 521
 Абрамов Ф.А. 1, 173, 197, 569, 581; 2, 93, 171, 176, 202, 219, 404, 441, 485, 513, 515, 518, 523, 524, 544, 584, 592, 599, 605, 609, 612
 Абрасимов П.А. 1, 111, 113, 114, 550
 Абуладзе Т.Е. 1, 548
 Аввакум, протопоп 1, 279, 603; 2, 584
 Аветисян С.П. 1, 183, 395, 478, 576, 644
 Аджубей А.И. 1, 45, 127, 181, 184 – 186, 265, 297, 412, 528, 538, 541, 555, 576, 577, 598, 606; 2, 374, 489
 Аджубей Р.Н. 1, 184, 297, 576
 Адриан, имп. 1, 151, 562
 Ажаев В.Н. 1, 86, 546
 Айзерман Л.И. 2, 536
 Айтматов Ч.Т. 1, 238, 257, 427, 428, 511, 570, 574, 594, 599, 633; 2, 16, 17, 176, 196, 310, 311, 437, 462, 466, 477, 506, 518, 521, 566, 569, 591, 602, 603, 609
 Айхенвальд Ю.А. 2, 152, 536
 Акоба Н.Р. 2, 244
 Акопова Н.Н. 1, 321
 Аксаков К.С. 2, 584
 Аксаков С.Т. 2, 403, 583
 Аксенов В.П. 1, 152, 167, 562
 Алданов М.А. 2, 289, 561
 Александр II, имп. 1, 124, 495, 563
 Александр III, имп. 1, 563
 Александров В.Б. 1, 254, 599; 2, 487, 606
 Александрова З. 1, 594
 Алексеев А.Ф. 1, 474, 643; 2, 201, 544
 Алексеев М.Н. 1, 316, 439, 441, 610; 2, 31, 149, 168, 204, 262, 354, 361, 413, 429, 507, 540, 573, 574, 585, 588
 Алексей Николаевич, царевич 1, 563
 Алексей Петрович, царевич 1, 495
 Алигер М.И. 1, 95, 112, 113, 117, 120, 546, 548, 595; 2, 20, 72, 490, 514, 603, 612
 Аликата М. 1, 153, 154, 156, 462, 563
 Аллилуева (Сталина) Н.С. 2, 83, 286, 503, 521
 Алымов С.Я. 2, 565
 Альперович Я. 1, 385
 Алянский С.М. 2, 31, 508
 Амальрик А.А. 2, 577
 Аменхотеп IV 2, 553
 Аметистов М. 1, 607
 Анастасьев А.Н. 1, 633
 Андерс П. 2, 350
 Андерс У. 2, 259
 Андреев Л.Н. 1, 304, 305
 Андроников И.Л. 1, 95, 156, 548, 561; 2, 370
 Андронов Н.И. 1, 569
 Андропов Ю.В. 1, 614, 626
 Анисимов Г.А. 2, 154, 537
 Анисимов И.И. 1, 254, 257, 316, 574, 575; 2, 184, 541
 Анненков П.В. 1, 603
 Антокольский П.Г. 1, 604; 2, 113, 391, 581
 Антонов С.П. 1, 200, 561, 582, 624; 2, 577
 Апдайк Дж. 2, 592
 Апеллес 1, 606
 Аппий Клавдий, имп. 1, 563
 Алухтин А.Н. 1, 27
 Арагон Л. 1, 303, 405, 437, 462, 568, 608, 634; 2, 437, 592
 Арбатов Г.А. 2, 585
 Арбузов А.Н. 1, 382, 589, 624
 Ардаматский В.И. 1, 473, 589, 642

- Арефьев М.А. **1**, 38, 536
 Архангельская И.П. **1**, 437, 634; **2**, 119, 146, 149, 156, 189, 451, 485, 492, 542, 604
 Архипов В.В. **1**, 453, 454, 638
 Арцыбашев М.П. **1**, 619
 Аршак Н. см. Даниэль Ю.М.
 Аршба Т. **2**, 244
 Асеев Н.Н. **1**, 180, 572
 Аскольдова-Лунд М.А. **2**, 606
 Аскоченский А.Н. **1**, 225, 590
 Асмус В.Ф. **1**, 587
 Астафьев В.П. **2**, 518
 Астахов И. **2**, 184, 541
 Афанасьев В.И. **2**, 136
 Афанасьев Н. **2**, 349, 573
 Ахмадулина Б.А. **1**, 155, 563, 629; **2**, 513
 Ахматова А.А. **1**, 125, 272, 441 – 442, 554, 579, 602, 606, 607, 635; **2**, 18, 124, 343, 585
 Ахундов В.Ю. **1**, 296, 606

 Бабаевский С.П. **1**, 539, 609
 Бабореко А.К. **1**, 325, 608, 613, 614; **2**, 452, 594
 Бабочкин Б.А. **2**, 390, 581
 Бабу Ю. **1**, 414
 Бабурин А.Ф. **1**, 59, 64, 539
 Баграмян И.Х. **2**, 104, 525
 Багрицкий Э.Г. **2**, 142, 535
 Бажан М. **1**, 142, 143, 154, 156, 157, 463, 558, 607; **2**, 75, 490, 519, 608
 Баженов Н.П. **1**, 332, 614
 Базунов С.И. **1**, 219, 587
 Байбаков Н.К. **2**, 365, 577, 578
 Байрон Дж. Г. **1**, 155, 239, 240, 245, 342, 594, 596; **2**, 58, 79
 Бакланов Г.Я. **1**, 77, 457, 545; **2**, 10, 82, 102, 113, 140, 142, 145, 176, 177, 183, 184, 209, 268, 269, 273, 336, 343, 345, 349, 352, 360, 362, 390, 391, 413, 426 – 428, 501, 518, 521, 525, 536, 576, 588, 605, 609
 Балакирев В.П. **2**, 458
 Бальзак О. **2**, 377
 Барабаш Ю.Я. **1**, 218, 368, 450, 460, 574, 585, 587, 621
 Баранская Н.В. **2**, 426, 588
 Баратынский Е.А. **1**, 312; **2**, 325, 339, 569
 Барбьери Г. **1**, 147, 561
 Бардин С. **2**, 234

 Бартов А. **2**, 62, 106, 515
 Баруздин С.А. **2**, 93, 95, 114, 344, 470, 476, 477, 523, 597, 603, 613
 Басов В.П. **2**, 553
 Баталов А.В. **1**, 599
 Бауков И.П. **1**, 35, 535
 Бауэр О. **2**, 594
 Бражба М. **1**, 135
 Бедный Демьян (Придворов Е.А.) **2**, 25, 26, 506
 Безматерных М.С. **2**, 61, 514
 Безыменский А.И. **1**, 644; **2**, 26, 33, 506
 Бек А.Ф. **1**, 121, 275, 360, 468, 475, 484, 487, 492, 553, 555, 620, 621, 646, 648; **2**, 64, 66, 72, 116, 122, 167, 169, 202, 275, 396, 397, 468, 484, 509, 512, 513, 518, 525, 540, 544, 559, 582, 599, 600, 605
 Белаш Н.И. **1**, 556
 Белая Г.А. **2**, 524
 Белинков А.В. **2**, 203, 545
 Белинский В.Г. **1**, 19, 529, 620
 Белинский Я.Л. **1**, 253, 598
 Белкина М.И. **1**, 598
 Бёлль Г. **1**, 142, 229, 373, 494, 591, 622, 647, 648; **2**, 215, 343, 345, 361, 482, 572, 576, 592, 604
 Белов В.И. **1**, 512; **2**, 196, 391, 392, 513, 518, 581, 591
 Бельшев А.В. **1**, 454, 638
 Беляев А.А. **1**, 363, 478, 490, 491, 496, 505, 620; **2**, 10, 12, 23, 59, 60, 93, 105, 110, 172, 173, 192, 204, 205, 213, 214, 216, 217, 223, 268, 271, 273, 314, 459 – 463, 473, 501, 525, 557, 596, 597
 Беляков А.С. **2**, 216, 217
 Беляков Е.А. **1**, 426, 430, 464, 469, 633; **2**, 35, 66, 80, 91, 92, 94, 97, 98, 106, 155, 394, 412
 Беляков М.Е. (Миша) **2**, 14, 25, 36, 91, 98, 302
 Бендик Я.В. **1**, 16, 528
 Бенедетти де Р. **2**, 165, 539
 Бенедиктов В.Г. **1**, 27
 Бенкендорф А.Х. **2**, 307, 564
 Берггольц О.Ф. **1**, 355, 595; **2**, 223, 494, 495, 609
 Бердяев Н.А. **1**, 426, 431, 633; **2**, 138, 150, 533
 Бережной А.Ф. **2**, 418, 587
 Березовские **2**, 285

- Берзер А.С. **1**, 121, 128, 181, 385, 529, 554, 573, 617; **2**, 15, 124, 125, 199, 216, 250, 421, 565, 590
- Берия Л.Г. **1**, 201, 583; **2**, 301, 560, 564
- Бернес М.Н. **2**, 382, 580
- Бёрнс Р. **1**, 239, 245, 274, 286, 515, 594; **2**, 57, 58, 71, 79, 91, 96, 97, 104, 303, 514
- Бершадский Р.Ю. **2**, 414, 586
- Бессонов В. **1**, 640
- Бецик В. **1**, 420
- Бианки Н.П. **1**, 383, 624; **2**, 15, 237
- Биляк В. **2**, 401, 583
- Бирман А.М. **1**, 450, 638
- Бланк С.М. **2**, 525
- Блейк У. **2**, 117, 528
- Близневский Н.А. **1**, 537
- Блок А.А. **1**, 27, 575, 622; **2**, 31, 247, 248, 412, 508, 586
- Блохин Н.Н. **1**, 95, 253
- Блунк Г.-Ф. **1**, 420
- Блюхер В.К. **1**, 512, 652
- Боборыкин П.Д. **1**, 379, 386, 623, 626
- Бовуар де С. **1**, 577
- Богданов А. **1**, 591
- Богданова А.В. **1**, 22, 531, 536
- Богораз Л.И. **2**, 37, 509
- Богуславская З.Б. **1**, 252, 259, 260, 597
- Бодюл И.И. **1**, 639; **2**, 359, 575
- Бойцов П.С. **1**, 560
- Большов Д.Г. **2**, 462, 465—467, 469, 473, 475, 596, 598, 600, 602, 607, 609
- Бондарев Ю.В. **1**, 75, 544, 589, 596
- Боргезе К. **1**, 146, 560
- Борисенко А.С. **1**, 45, 538
- Борисов Т. **1**, 606
- Борисова И.П. **2**, 527
- Борман Ф. **2**, 259, 556
- Борнычева В. **2**, 210, 547
- Бочаров А.Г. **2**, 92, 523
- Брайнин И.Б. **1**, 528, 550, 625, 637
- Брамбеус, бар. см.
- Сенковский О.И.
- Брандт А. **2**, 211, 547
- Бредихин М.А. **2**, 113, 527
- Брежнев Л.И. **1**, 294, 297, 318, 349, 456, 458, 461, 487, 490, 513, 606, 607, 611, 626, 646, 648; **2**, 52, 119, 120, 139, 142, 149, 174, 190—192, 198, 200, 201, 205, 207, 211, 213—215, 254, 259, 330, 344, 438, 449, 462, 463, 466, 468, 471—473, 475, 501, 528, 534, 542—544, 546, 555, 585, 599, 601, 609
- Брейтбурд Г.С. **1**, 142, 150, 157, 398, 463, 562, 607, 628; **2**, 18, 19, 21, 23, 32, 158, 160, 163—165, 170, 171, 189, 207, 410, 503, 538
- Брик Л.Ю. **1**, 608
- Бровка Петрусь **1**, 13, 16, 316, 527; **2**, 85, 390, 433, 513, 521
- Бровман Г.А. **1**, 492, 647
- Бродский И.А. **1**, 241, 247, 566, 594—596
- Брукс Ван Вин **2**, 77, 520
- Бруни И.Л. **1**, 578
- Брыль Янко **1**, 229, 231, 592
- Бубнова В.Д. **2**, 244, 554
- Буденный С.М. **1**, 25, 473, 532, 572; **2**, 113
- Буковский К.И. **1**, 113, 199, 550, 551
- Булгаков М.А. **1**, 183, 220, 325, 345, 576, 613, 616, 627; **2**, 213, 214, 517, 547
- Булгакова Е.С. **1**, 389, 627
- Булгарин Ф.В. **1**, 71, 542
- Бунин И.А. **1**, 236, 261, 264, 271, 275, 304—306, 310—315, 317, 319—321, 323, 328, 330—332, 342, 343, 346, 397, 405, 406, 552, 561, 594, 599, 600, 602, 603, 608, 610, 613, 614, 616, 619, 622, 624, 629, 643; **2**, 72, 97, 134, 140, 233, 243, 270, 305, 452, 472, 489, 518, 519, 534, 537, 557, 588, 594, 607
- Бунина В.Н. **1**, 405, 584
- Бурковский Б.В. **1**, 454, 597, 638
- Буртин Ю.Г. **1**, 173, 337, 483, 528, 550, 555, 568, 574, 610, 611, 615, 645, 650; **2**, 45, 72, 92, 250, 251, 320, 362, 391, 401, 405, 406, 415—418, 467, 471, 474, 475, 477, 486, 501, 507, 511—513, 519, 523, 540, 543, 580, 582, 583, 586, 587, 597, 599, 603, 606
- Бурштын (Иринина) Б.С. **1**, 253, 261, 598; **2**, 581
- Бурштын Е.Я. **1**, 253
- Бухарин Н.И. **1**, 280, 508, 650
- Быков В.В. **1**, 455, 458, 511, 638, 649, 651; **2**, 167—170, 173, 196, 218, 219, 343, 357, 513, 518, 539, 542, 548, 575, 582, 609, 612, 613
- Бычков **2**, 191, 198, 209
- Бютор М. **2**, 592

- Вазари Дж. 1, 559
 Ванников Б.Л. 2, 485, 606
 Варга Е.С. 1, 454, 471, 473, 642; 2, 281, 560
 Василевская А.В. 2, 395, 548
 Васильев А.Н. 2, 343, 344, 572
 Васильев И. 1, 259, 600
 Васильев С.В. 1, 33, 534; 2, 458
 Вахтеров В.П. 2, 291, 562
 Ваца М. 2, 255
 Вашенцев С.И. 1, 98, 549; 2, 462, 464, 466, 597
 Вашенцева В.М. 1, 98, 549
 Вегин П.В. 2, 551
 Великовский С.И. 2, 405, 584
 Венжер В.Г. 1, 447, 450, 637, 638
 Верейская Л.М. 1, 287, 605; 2, 215
 Верейский О.Г. 1, 117, 287, 314, 460, 489, 496, 552, 605, 610; 2, 14, 35, 41, 54, 65, 91, 113, 153, 175, 176, 184, 186, 199, 215, 217, 226, 256, 268, 279, 308, 319, 324, 336, 389, 390, 430, 453, 480, 482, 495, 568
 Верченко Ю.Н. 2, 469, 601
 Веселовский С.Б. 2, 224, 550
 Вечеслов П. 1, 613
 Вигдорова Ф.А. 1, 241, 595
 Вигорелли Дж. 1, 144, 275, 430, 433, 435, 438, 442, 447, 453, 467, 558, 603; 2, 38, 40, 59, 60, 159, 161 – 164, 510, 514, 536, 539
 Видач Д. 2, 134
 Викки Б. 1, 610
 Викулов С.В. 2, 573
 Виленская Э.С. 1, 623
 Вилтцин Р.И. 1, 273, 602
 Вильдрак 2, 289, 291, 561
 Вильмонт Н.Н. 1, 75, 544; 2, 594
 Винниченко И.Ф. 2, 497, 610
 Виноградов В.В. 1, 32, 534
 Виноградов И.И. 1, 390, 394, 396, 427, 428, 435, 455, 499, 500, 513, 560, 569, 604; 2, 13, 17, 43, 48, 69, 184, 190, 395, 425, 466 – 468, 470, 476, 490, 512, 603
 Виноградов Л.К. 1, 56 – 57
 Винокуров Е.М. 1, 561
 Вишпер Р.Ю. 2, 281
 Виташ Е.Г. 2, 547
 Витберг А.Л. 2, 373, 579
 Витковский Д.П. 1, 350, 590, 618
 Виткоп Ф. 1, 416
 Вишневецкий В.В. 1, 590
 Владимир Александрович, вел. кн. 1, 563
 Владимир Кириллович, вел. кн. 1, 563
 Владимов Г.Н. 1, 531; 2, 318, 567
 Владыкин Г.П. 1, 332
 Водолазов Г.Г. 2, 605
 Воеводин П.И. 1, 59, 539
 Воздвиженская А. 1, 650; 2, 597
 Вознесенский А.А. 1, 137, 152, 153, 155, 164, 241, 475, 561, 562, 564, 629; 2, 88, 98, 101, 104, 132, 200, 522, 524, 525, 532, 599
 Вознов М.М. 2, 272, 558
 Войнович В.Н. 1, 167, 173, 435, 569, 579, 589, 634; 2, 518
 Волина Г.К. 2, 587
 Волков О.Д. 1, 522, 654
 Волкова В.В. 1, 602
 Волконская М.Л. 1, 92, 95
 Воловченко И.П. 1, 590
 Володин А.И. 1, 604; 2, 540, 544, 547, 567
 Вольнов И.И. 1, 331, 332, 614
 Воннегут К. 2, 596
 Воробьев Е.З. 2, 455, 513, 595, 599
 Воробьев К.Д. 1, 174 – 175, 569
 Воронин С.А. 2, 573
 Воронко Н.Д. 1, 92, 95
 Воронков К.В. 1, 11, 12, 37, 39, 120, 121, 135, 231 – 235, 273, 363, 373, 374, 383, 384, 387, 390 – 392, 400, 401, 410, 435, 438, 442, 498, 501, 505, 506, 514, 522, 524, 527, 530, 545, 570, 633; 2, 7, 8, 18, 30, 39, 42, 44, 47, 53, 59, 66, 69, 70, 75, 76, 78, 82, 84, 93, 95, 106 – 108, 110, 114 – 118, 123, 128, 129, 132, 135, 136, 144, 146, 166, 167, 169, 171, 174, 185, 190, 191, 197, 220, 221, 223, 226, 250, 251, 255, 271 – 273, 275, 276, 278, 287, 307 – 310, 314, 319, 320, 325, 327, 330, 343 – 345, 347 – 349, 353, 368, 371, 373, 405, 406, 420 – 425, 429, 432 – 434, 443, 451, 452, 454 – 468, 470 – 473, 477, 482, 485, 490, 494, 495, 497, 498, 510, 517, 526, 531, 565, 567, 594, 595 – 598, 603
 Воронов Г.И. 1, 410, 628
 Воронов Н.Н. 1, 204, 393, 584
 Воронов Н.П. 2, 62, 258, 278, 281, 298, 299, 303, 308, 309, 317, 436, 515, 555, 559, 562, 563, 565, 566, 591

- Воронов Ю.П. 1, 574, 628
 Воронцов В.В. 1, 93, 548
 Ворошилов К.Е. 1, 59, 112, 204, 473, 539—540, 584; 2, 302, 434, 590
 Воршингтон П. 1, 473
 Врангель П.Н., бар. 2, 397
 Вучетич Е.В. 1, 260, 321, 322, 324, 345, 364, 451, 600, 612, 615, 625, 637; 2, 374, 535, 579
 Вылчев Н. 2, 342
 Вырубов Г.Н. 2, 540
 Вяземский П.А. 2, 336, 571
- Габрилович Е.И. 1, 220, 568, 570
 Гаврилов С.П. 1, 93, 302, 548, 607
 Гагарин Г.Г. 1, 564
 Гагарин Ю.А. 1, 41, 49, 57, 533; 2, 138, 141—143, 145, 146, 354, 369, 533—535
 Газарян С.О. 2, 18, 503
 Галанов А.М. 1, 497, 648; 2, 12, 104, 105, 170, 172, 501
 Галансков Ю. 2, 514, 528, 538
 Галина Г.А. 1, 493, 647
 Галич Б. 1, 589
 Галкин 1, 317
 Галлай М.А. 2, 46, 512
 Гамзатов Р.Г. 1, 172, 238, 257, 317, 457, 567, 570, 574, 575, 577, 599; 2, 64, 92, 96, 99, 100, 101, 105, 310, 311, 354—356, 359, 360, 362, 364, 365, 371, 374, 466, 477, 513, 516—518, 523, 524, 566, 575, 576, 603
 Гароди Р. 1, 462, 640
 Гарттоф Р. 2, 128, 531
 Гачев Г.Г. 2, 563
 Геббельс Й. 1, 420
 Гегель Г.-Ф. 2, 427, 588
 Георгиу-Деж Г. 2, 156
 Герасимов В.И. 1, 538
 Герасимов Е.Н. 1, 90, 187, 220, 346, 379, 547, 578, 588, 617, 624; 2, 44—46, 475, 511, 602
 Герасимов М.М. 1, 215, 586; 2, 522
 Герасимов С.А. 1, 15, 19, 20, 527—530
 Герасимова В.А. 2, 346, 572
 Герасимова Т.С. 2, 522
 Герасимова Т.Ф. 1, 530
 Гердт З.Е. 2, 53, 165, 269, 389, 401, 403, 427, 443, 476, 513, 539, 557
 Гердт Т.А. 2, 209, 389, 403, 567
 Герман Ю.П. 1, 224, 589
- Герцен А.И. 1, 313, 603, 620, 646; 2, 68, 330, 332, 335, 438, 567
 Гёте И.-В. 1, 342, 343, 418, 544, 580; 2, 58, 79, 351, 584
 Гефтер М.Я. 1, 321, 322, 612, 639, 642; 2, 315, 316, 341, 360, 363, 483, 563, 567, 572, 575, 580, 590, 605
 Гилельс Э.Г. 2, 347, 348, 352, 572
 Гиңдемит (Хиңдемит) П. 1, 146
 Гинзбург А.И. 2, 59, 128, 514, 528, 538
 Гинзбург (Аксенова) Е.С. 2, 19, 61, 125, 503, 530
 Гинзбург Л.В. 2, 482, 604
 Гинзбург Л.Я. 2, 526
 Гитлер А. 1, 419, 420, 560; 2, 172, 173
 Глезер 2, 332
 Гнедин Е.А. 2, 513
 Гоген П. 1, 435, 634
 Гоголь Н.В. 1, 68, 462, 640; 2, 405, 427, 504, 543, 578, 584
 Гойтисоло Х. 1, 142, 363, 373, 620, 621
 Голбан 1, 76
 Голиков В.А. 2, 293, 411, 562, 566, 585
 Голлан Дж. 1, 437, 634
 Гольде Ш. 2, 161, 324, 568
 Головина Р.Я. 2, 105, 526
 Голодный М.С. 1, 180, 572, 587
 Голубов С.Н. 1, 75, 544
 Голубова 1, 75
 Голышев В. 2, 553
 Гольдберг А.М. 2, 206, 209, 546
 Гольдштюкер Э. 2, 161, 252, 555
 Гольцев В.П. 1, 322, 612; 2, 364, 365, 371, 374, 577
 Гомулка В. 2, 139, 532, 534
 Гонкур Ж. 1, 326, 327, 337, 346, 347, 603, 613
 Гонкур Э. 1, 326, 327, 337, 346, 347, 603, 613
 Гончар О. 1, 260, 400, 600; 2, 36, 104, 509, 554
 Гончаров В.И. 1, 264, 400
 Гончаров И.А. 1, 488, 603, 620; 2, 394
 Горанская 2, 290
 Горанский 2, 28, 290
 Горбатенков В.Е. 2, 340, 571
 Горбатов А.В. 1, 267—269, 295, 302, 389, 511, 601, 602, 607, 651; 2, 518
 Горбилева (Кочетова) В. 1, 192, 341, 616
 Горбунова В.М. 1, 328, 331, 335; 2, 279, 280

- Горелик С.С. 2, 297, 563
 Горелов И.Н. 2, 418, 587
 Горелова В.И. 1, 532
 Горелова Е.И. 1, 32, 513, 533, 652
 Горелова И.Е. 1, 532, 652
 Горенштейн Ф.Н. 2, 435, 590, 591
 Горнфельд А.Г. 2, 403, 405, 584
 Горохов 1, 536
 Горшков А.В. 1, 195, 581
 Горький М. 1, 154, 304, 306, 312, 323, 332, 589, 608, 614; 2, 25, 27, 69, 71, 115, 137, 138, 190, 261, 301, 302, 354, 416, 472, 506, 508, 516, 517, 533, 541, 542, 564, 580, 586, 602
 Горюнов Д.П. 1, 27, 532; 2, 188, 357
 Горяев В.Н. 2, 495, 609
 Горячев Ф.С. 1, 385, 625
 Гочохая 1, 135
 Гранин Д.А. 1, 561; 2, 441, 513, 592
 Грасберг А. 1, 619
 Грасс Г. 2, 596
 Грачев 1, 117, 411, 506, 552; 2, 108, 110
 Гребенка Е.П. 1, 539
 Грекова И. (Вентцель Е.С.) 1, 505, 512, 649, 652; 2, 518, 536, 540
 Гречко А.А. 2, 513
 Грибачев Н.М. 1, 13, 16, 63, 65, 137, 172, 232, 255, 257, 260, 262, 391, 392, 400, 401, 441, 451, 456, 464, 513, 527, 528, 577, 593, 599; 2, 38, 77, 78, 149, 156, 276, 278, 395, 442, 473, 504, 507, 510, 559, 565, 582
 Грибоедов А.С. 1, 565
 Григоренко П.Г. 1, 448, 449, 635, 637; 2, 128, 129, 131, 531, 612
 Грин Г. 2, 440, 592
 Гринвальд К.К. 1, 405
 Гриневич Я.Г. 1, 236; 2, 285
 Гриненко В.С. 1, 273, 602
 Гришаев 1, 133
 Гришин В.В. 1, 393, 628; 2, 344, 449, 467, 593, 599
 Гришков А.П. 2, 447
 Гронский Н.П. 2, 289, 564
 Гроссман В.С. 1, 18, 20, 121, 134, 178–180, 193, 214, 220, 389, 528–530, 554, 557, 572, 580, 588; 2, 416, 427, 586
 Губер А.А. 1, 612
 Гулия (Гулиа) Г.Д. 2, 332–335, 342, 345, 488, 570, 606
 Гулия (Гулиа) Д.И. 2, 332, 570
 Гуляев 1, 328
 Гумилев Н.С. 2, 364, 377
 Гуревич М.Н. 2, 440, 592
 Гуревич С.М. 2, 547
 Гусак Г. 2, 382, 439, 567, 580, 592
 Гусаров В.Н. 2, 364, 577
 Гусев В.Е. 2, 231, 552
 Гусев С.И. (Драбкин Я.) 1, 583, 646
 Гусева-Оренбургская Г.А.
 см. Галина Г.А.
 Гутпер М.М. 2, 259
 Дангулов С.А. 2, 11, 501
 Даниельсон Б. 1, 137, 435, 557, 634
 Данилевский Г.П. 2, 176, 541
 Данилов В.П. 1, 612, 637; 2, 509
 Данин Д.С. 1, 121, 554
 Даниэль Ю.М. 1, 426–428, 434, 438, 439, 462, 627, 631–634, 636, 640; 2, 20, 37, 61, 76, 505, 509, 514, 519, 534, 538, 574
 Данте Алигьери 1, 142
 Датт Р.-П. 1, 346, 617
 Дашевич Г. 2, 572
 Дебилов 2, 198
 Деборин Г.Ф. 2, 129, 532
 Девитияров 2, 146, 156
 Дегтярев В.А. 1, 46, 538
 Дегтярева П.М. 2, 331
 Дегтяренко 2, 118
 Дедюхин 2, 385
 Дейнека А.А. 1, 260, 600
 Дейчер И. 2, 350, 352
 Делаборд Ж. 2, 478, 603
 Дементьев А.Г. (Демент, Алгриг)
 1, 19, 32, 35, 65, 66, 86, 87, 91, 123, 128, 141, 167, 168, 170, 172, 176, 224, 230, 245, 247, 251, 255, 263, 271, 279, 280–283, 284, 302, 316, 319, 320, 326, 344–346, 351, 375, 380, 381, 399, 400, 411, 412, 429, 436, 440, 441, 446, 448–450, 461, 462, 467, 470, 474, 481, 482, 485, 486, 490, 492, 494, 496, 498–501, 505, 513, 522–524, 530, 534, 535, 569, 580, 582, 589, 600, 631, 644, 645, 654; 2, 7, 8, 10, 12–15, 21, 31, 39, 41, 43, 48, 50, 53, 54, 56, 63, 64, 67, 69, 93, 102, 109, 113, 117, 127, 151, 155, 175, 183, 184, 187–189, 203, 206, 210, 220, 224, 233, 257, 275, 279, 300, 304, 306, 309–312, 315, 319, 320, 322, 323, 336, 345, 354, 355, 358, 364, 374, 390, 393, 396, 401, 408, 409, 416–422, 425,

- 427, 428, 439, 454, 455, 457, 461, 462, 466, 467, 475, 482, 484, 486, 489, 494 – 496, 501, 504, 506, 508, 552, 569, 573, 577 – 579, 581, 584, 588, 602, 609
- Дементьев В.В. 2, 323, 568
- Дементьева И.А. 1, 223, 284, 446, 459; 2, 310, 458, 596, 610
- Дементьева Л.Г. 1, 461; 2, 13, 501
- Демичев П.Н. 1, 34, 62, 324, 345, 363, 364, 368 – 370, 374 – 376, 384, 387, 388, 395, 396, 398, 400, 421, 434, 435, 437, 438, 469, 482, 483, 485, 486, 497 – 506, 514, 524, 534, 621, 628, 641, 645, 646, 648, 649; 2, 9, 10, 15, 23, 36, 65, 72, 75, 93, 99, 100, 116, 136, 144, 146, 157, 160, 165, 166, 174, 176, 186, 190 – 192, 220, 257, 267, 270, 346, 347, 365, 393, 428, 437, 448, 470, 471, 478, 495, 536, 540, 549, 557
- Деникин 2, 397
- Державин В.В. 1, 140, 558
- Де Сантис Дж. 1, 156, 563
- Де Сика В. 1, 156, 538, 563
- Джагаров Г. 2, 456, 595
- Джанглы Дж. 1, 643
- Джапаридзе Е.А. 2, 271
- Джеймс Г. 2, 520
- Джилас М. 2, 273, 438, 559, 592
- Джирибинэ К. 1, 643
- Джонсон Л. 2, 129, 532
- Джотто ди Бондоне 1, 147, 561
- Дзержинский Ф.Э. 1, 202, 212, 583, 600
- Диденко Д. 2, 248, 258, 554 – 556
- Дикушина Н.И. 1, 530
- Дмитриев С.С. 1, 581
- Добрев И. 1, 188
- Добровольский В. 2, 514, 528
- Добролюбов Н.А. 1, 620; 2, 311
- Доде А. 1, 347, 617
- Долгоненков К.А. 2, 340, 571
- Долматовская Г.Е. 1, 514, 653
- Долматовский Е.А. 1, 358, 450, 619, 620, 627, 638
- Домбровский Ю.О. 1, 224, 589; 2, 518
- Доронин И.И. 2, 31, 508
- Доронин П.И. 1, 286, 605
- Дорош Е.Я. 1, 307, 436, 467, 540, 589, 609, 641; 2, 16, 17, 45, 93, 135, 167, 168, 172, 173, 250, 257, 466, 473, 476, 488, 491, 494, 504, 506, 531, 536, 540, 550, 559, 565, 569, 603
- Дорошенко С.С. 1, 482, 645
- Достоевский Ф.М. 1, 270, 305, 323, 416, 603; 2, 137, 222, 239, 243, 245, 247, 409, 418, 549, 554, 587
- Дочалин 1, 93
- Драбкин Я.Д. см. Гусев С.И.
- Драбкин Я.С. 2, 509
- Драбкина Е.Я. 1, 202, 487, 583, 646; 2, 46, 49, 64, 66, 72, 116, 167, 240, 269, 275, 308, 398, 411, 512, 513, 525, 540, 553, 557, 565, 583, 585, 599
- Драчинский Н.Н. 1, 65, 186, 541
- Дровяников 1, 512, 652
- Дружинин Н.М. 2, 132, 532
- Друнина Ю.В. 2, 513
- Дубчек А. 2, 215, 261, 317, 320, 324, 439, 479, 546, 547, 567, 583
- Дувакин В.Д. 1, 447, 636
- Дудинцев В.Д. 1, 307, 579, 609; 2, 202, 204, 544, 545
- Думбадзе Н. 2, 337, 413, 571
- Дымшиц А.Л. 1, 481, 574, 644; 2, 125, 305, 306, 530, 564, 609
- Дыховичный В.А. 1, 206, 263, 584
- Дьяков Б.А. 2, 235, 553
- Д'Эсте 1, 152, 562
- Дюшен И. 1, 613
- Евгенов 2, 234
- Евсеев В.А. 2, 280
- Евтушенко Е.А. 1, 32, 33, 122, 125, 133, 137, 152, 154, 220, 241, 443, 475, 534, 554, 579, 588; 2, 132, 200, 468, 488, 599, 607
- Еголин А.М. 1, 38, 254, 536, 546
- Егоров А.Г. 1, 376, 377, 623
- Егорычев Н.Г. 1, 437, 440, 462, 611; 2, 21, 36, 38, 44, 504
- Ежов Н.И. 2, 301, 564
- Екатерина II 1, 386, 495, 648
- Елисеев Г.З. 1, 620
- Елистратова А.Г. 2, 552
- Емельянов В.С. 1, 457, 639
- Епишев А.А. 1, 639; 2, 38, 323, 349, 359, 493, 513, 575
- Еремин Д.И. 1, 421, 437, 632; 2, 310, 312, 566
- Ермаков А.Ф. 2, 310, 319, 566
- Ермаков В. 1, 648
- Ермилов В.В. 1, 118, 130, 173, 552, 553, 555, 569; 2, 418
- Ерофеева В.П. 2, 113
- Ерошенков Г.Г. 2, 15

- Есенин С.А. 2, 24, 27, 32–34, 508, 535
 Ефимов С.П. 1, 359, 362
 Ефремов И.А. 1, 141, 558
- Жаров А.А. 1, 644; 2, 26, 33, 506
 Жданов А.А. 1, 204, 584; 2, 279
 Жданов В.В. 1, 376, 623; 2, 36, 277, 433, 497
 Ждановы 2, 85
 Жемчужина (Молотова) П.С. 2, 385
 Жигулин А.В. 2, 513
 Жирмунский В.М. 2, 22, 343, 505
 Жуков Г.К. 1, 268, 528, 601; 2, 278, 329, 335, 337, 338, 559, 568, 571
 Жуков Ю. (Г.А.) 2, 219, 268, 548, 557
 Жуковский В.А. 1, 539
- Забелин А.А. 2, 512
 Заболоцкий Н.А. 1, 592, 625; 2, 198, 199, 543
 Завадский Ю.А. 1, 574
 Заглада Н. 1, 534
 Зайончковский П.А. 1, 629, 648; 2, 521
 Зайцев Б.К. 1, 405, 629
 Закруткин В.А. 2, 93, 524, 573
 Закс Б.Г. 1, 37, 90, 128, 132, 179, 186, 269, 280, 282, 287, 323, 375, 388, 412, 427, 436, 450, 482, 490, 492, 513–515, 523, 536, 612, 654; 2, 7, 8, 10, 12, 13, 69, 73, 99, 171, 205, 320, 325, 466, 475, 498, 504, 506, 569, 602, 604
 Закс С.Ю. 1, 323, 612
 Зальгин С.П. 1, 198, 374, 385, 414, 511, 581, 609, 623, 631, 651; 2, 31, 176, 196, 219, 476, 507, 509, 521, 533, 603
 Замятин Л.М. 1, 170, 567
 Зарьян Н. 1, 257, 599
 Заслав М.А. 2, 297
 Заславский А.М. 1, 121, 553
 Засядько А.Ф. 1, 17, 25, 195, 528
 Захаров М.Е. 2, 356, 360, 364–368, 379–381, 391, 459, 574, 578, 596
 Зегерс А. 1, 142; 2, 64, 516
 Землячка Р.С. 2, 402, 583
 Зимянин М.Г. 1, 465, 491, 638; 2, 101, 120, 129, 143–146, 269, 359, 531
 Злобина М. 1, 621
 Зозуля Е.Д. 2, 462, 597
 Зойрен Г. 2, 452, 594
 Золотусский И.П. 2, 513
 Золотухин В.С. 2, 537
- Золя Э. 1, 347, 617
 Зонина Л.А. 1, 405, 629
 Зорин Л.Г. 2, 538
 Зотов М.М. 2, 487
 Зощенко М.М. 1, 125, 373, 383, 387, 550, 554, 592, 624; 2, 18, 505
 Зубов П.П. 1, 148, 561
 Зуров Л.Ф. 1, 405, 613, 614, 629
- Иванов А.С. 2, 573, 577
 Иванов В.С.В. 2, 343
 Иванов Д. 2, 575
 Иванов И.П. 2, 137, 457, 533, 595
 Иванов Л.М. 1, 612
 Иванов Я.А. 2, 448
 Иванова Л.М. 1, 345, 616
 Иванова Т.В. 2, 343
 Ивашкевич Я. 1, 146, 447, 560
 Изаков Б.Р. 1, 446, 636
 Избрантес (Избрант) Э.-И. 2, 211, 547
 Ильенков Э.В. 2, 184, 541
 Ильин В.Н. 2, 157, 537
 Ильина Н.И. 2, 116, 224, 336, 527, 544, 570, 571
 Ильичев Л.Ф. 1, 134, 168, 170–172, 175, 176, 178, 181, 182, 190, 208, 209, 229, 230, 252, 254, 260, 270, 284, 510, 528, 557, 565, 568–571, 574, 575, 589, 597, 651
 Илькевич Н.Н. 1, 532, 566, 617; 2, 571, 592
 Ильф И. 2, 539
 Инбер В.М. 1, 587
 Иноземцев Н.Н. 1, 302, 308
 Ионесян 1, 223, 589
 Иофан Б.М. 2, 373, 579
 Исаев Е.А. 1, 254, 577, 598
 Исаков И.С. 1, 195, 429–432, 580, 581, 633; 2, 99, 524
 Исакович И.В. 2, 550
 Исаковская А.И. 2, 21, 101, 142, 457, 595
 Исаковский М.В. 1, 13, 16, 17, 21, 104, 247, 260, 374, 387, 412, 456, 527, 547, 566, 573, 626, 631; 2, 21, 22, 24–37, 39, 41–43, 50, 71, 97, 100, 101, 116, 142, 149, 150, 192, 284, 290, 300, 321, 339, 341, 345, 347, 357, 363, 416, 438–443, 451, 455–459, 472, 479, 489, 497, 504–506, 508–511, 513, 517, 524, 528, 535, 561, 562, 572, 577, 586, 592–595, 599, 602

- Искандер Ф. 1, 473, 642; 2, 167, 173, 240, 518, 539, 542, 599, 609
Итенберг Б.С. 2, 540, 544, 547
Ишков А.А. 1, 460, 639
- Каверин В.А. 1, 75, 111, 219, 230, 383, 384, 387, 544, 550, 592, 593, 624, 625, 627; 2, 121 – 123, 328, 448, 513, 518, 529, 569, 585, 593, 599
- Каганович Л.М. 1, 59, 91, 540, 585, 601; 2, 590
- Казакевич Г.О. 1, 93, 95, 97, 117, 121, 548, 553
- Казакевич Э.Г. 1, 11, 79, 92 – 95, 97, 112, 117 – 121, 147, 156, 178, 181, 526, 545, 546, 548, 553, 554, 561, 573, 607, 631; 2, 69, 516
- Казаков Ю.П. 1, 147, 152, 560, 561
- Казакова Р.Ф. 1, 558
- Казаник М.И. 2, 547
- Каждан А.П. 2, 121, 529, 532
- Калабутин А. 2, 292
- Каладзе Г.К. 2, 334, 337, 570
- Каладзе К.Р. 1, 92, 547, 574
- Калашникова
см. Шапошникова А.П.
- Калимаджаров
см. Кулиджанов Л.
- Калинин А.В. 2, 232, 552
- Калинин М.И. 1, 290, 473
- Каманин Ф.Г. 1, 610
- Камю А. 1, 142, 181, 220, 303, 373, 447, 568, 570, 573, 608, 622, 637; 2, 405, 584
- Канашкин В.С. 2, 574
- Капица П.Л. 1, 387, 626
- Капица С.П. 1, 387, 626
- Каплер А.Я. 2, 15, 151, 220, 501
- Капоте Т. 1, 142
- Караганов А.В. 1, 200, 255, 257, 494, 499, 500, 582, 599; 2, 119, 127, 392, 581
- Караганова С.Г. 1, 116, 494, 499, 514, 552; 2, 93, 119, 120, 127, 214, 323, 327, 329, 343, 392, 466
- Карасик Ю.Ю. 2, 435, 590
- Карбышев Д.М. 1, 75, 544
- Карвер Дж. 1, 438, 635
- Кардин В. (Э.В.) 1, 454, 455, 511, 519, 546, 637, 638, 645, 652; 2, 513, 565
- Карим М. 1, 257, 599, 629; 2, 383, 518, 580
- Карл IX 2, 281, 560
- Карлов Е.П. 2, 515
- Карпинский В.А. 2, 563
- Карпинский Л.В. 2, 300, 310, 397, 563, 582
- Карпов В.В. 2, 602
- Карпова В.М. 2, 449, 593
- Карякин Ю.Ф. 1, 281, 289, 604, 605; 2, 177, 541, 567
- Кассиль Л.А. 2, 495, 609
- Кастро Рус Ф. 1, 177, 570; 2, 15
- Катаев В.П. 2, 518, 565
- Катков М.Н. 2, 579
- Катрич А. 2, 512
- Катушев К.Ф. 2, 260, 556
- Каутский К. 1, 445, 636
- Кафка Ф. 1, 265, 601; 2, 220, 269, 557
- Каховские 2, 560
- Кац И.И. 2, 571
- Кацева Е.А. 2, 557
- Кацман А. 1, 232, 593
- Качалов В.И. 2, 513
- Каюмов З. 1, 45, 337, 537, 538
- Кедрина З.С. 1, 424, 437, 632
- Кедров Б.М. 2, 518
- Кеннеди Дж. 1, 37, 171, 191, 192, 536, 567, 579
- Кент Р. 1, 326, 613
- Кербабаяев Б.М. 2, 85, 521
- Кербель Л.Е. 1, 189, 578; 2, 364, 370, 374, 378, 382, 385
- Кербель Т.М. 1, 189
- Кетлинская В.К. 2, 36, 509
- Кин В.П. 2, 603
- Кин Ц.И. 1, 641; 2, 478, 603
- Кинбергер 1, 418
- Киняпина М.Т. 2, 532
- Кир Великий 1, 603
- Кириленко А.П. 1, 621; 2, 102, 146, 174, 405, 525
- Кириченко И.П. 2, 171, 204, 210, 213, 214, 371, 540
- Кирпичников см.
Колодников И.Ф.
- Кирсанов С.И. 1, 405, 629
- Киселев И.И. 1, 537
- Киселев М. 1, 336
- Китс Дж. 2, 117
- Клавель Б. 2, 592
- Климовских В.Е. 2, 338, 571
- Ключевский В.О. 2, 256, 555
- Книпович Е.Ф. 1, 229, 592
- Князев К.А. 2, 76, 490, 520, 608
- Кобяшов Н. 2, 512
- Кованов П.В. 1, 91, 297, 547, 606
- Ковтун А.И. 1, 187, 578

- Кодрянская Н.В. 2, 518
 Кожевников В.М. 1, 23, 130, 263, 351, 391, 400, 410, 441, 529, 531, 555, 600, 618, 635; 2, 78, 85, 88, 89, 114, 149, 171, 262, 344, 493, 501, 521, 523, 537, 553
 Козев 1, 370, 622
 Козинцев Г.М. 1, 619
 Козлов И.Т. 2, 323, 572
 Козлов Ф.Р. 1, 133, 242, 556, 596
 Козловский А.А. 2, 401, 404, 414, 415, 583
 Козловский И.С. 1, 134, 557
 Козырев С.П. 2, 198
 Колесникова А.Ф. 1, 542
 Колесня Н. 2, 117, 528
 Колодин 1, 366, 367, 372
 Колодников И.Ф. 1, 254, 599
 Колодный Л. 1, 533
 Колосов М.М. 2, 122, 529, 532
 Кон И. 1, 558; 2, 178, 513
 Конашевич В.М. 1, 389, 627
 Кондратович А.И. 1, 116, 117, 168, 198, 214, 267, 271, 272, 282, 306, 309, 317, 322, 336, 345, 346, 368, 370, 375—377, 383, 384, 387, 388, 390, 393—396, 412, 427, 436, 476, 490, 500, 501, 513, 552, 585, 601, 621, 632, 633, 647; 2, 8, 9, 11—13, 15, 20, 30, 32, 34, 45—47, 58, 63, 72, 93, 99, 101, 104—106, 108, 110, 117, 136, 144, 146, 147, 149, 150, 153, 167, 170, 172, 173, 185, 191, 192, 204, 213—216, 228, 229, 232, 271, 281, 282, 301, 302, 306, 312, 321, 344, 345, 355, 356, 360, 364, 370, 371, 373, 379, 384, 391, 396, 402, 422, 425, 435, 439, 447, 457, 466, 470, 473, 476, 484, 488, 504, 508, 513, 514, 523, 524, 527, 533, 536, 539, 540, 547, 549, 551, 555—557, 560, 564, 574, 578, 591, 595, 600, 602, 604
 Кондратьев см. Терентьев А.
 Конев И.С. 1, 71, 542, 619; 2, 518
 Конёнков С.Т. 2, 154, 537
 Конона Ж. 1, 443
 Конотоп В.И. 1, 639
 Конрад Н.И. 2, 62, 132, 514, 515, 518, 532
 Кончаловский П.П. 1, 612
 Конюхова Т.Г. 1, 599
 Копелев Л.З. 1, 622, 648; 2, 604
 Коржавин Н.М. 1, 534
 Корнейчук А.Е. 1, 229, 502, 592; 2, 85, 86, 89, 231, 435, 444, 503, 521, 552, 590
 Корнилов Б.П. 1, 592
 Корнилов В.Н. 2, 199, 543
 Коровяков А.П. 2, 359, 575
 Королев М. 1, 615
 Королев С.П. 1, 63, 540
 Короленко В.Г. 2, 321, 567
 Коротков С.К. 1, 195, 581
 Корроди Э. 1, 418
 Косарев А.В. 1, 202, 583
 Косиор С.В. 1, 512, 652
 Косолапов В.А. 1, 186, 275, 370, 535, 577; 2, 108, 117, 169, 202, 206—208, 228, 232, 466—470, 473, 476, 487, 491, 498, 544, 592, 598, 599, 601, 602, 605—609
 Костюковский Б.А. 1, 308, 321, 609
 Косыгин А.Н. 1, 204, 393, 458, 462, 584; 2, 174, 365, 437, 577, 599
 Котов А.А. 1, 27, 532
 Кочетов В.А. 1, 65, 128, 136, 154, 176, 191, 192, 195, 242, 263, 307, 341, 441, 450, 451, 453, 464, 466, 527, 539, 541, 547, 563, 579, 595, 596, 609, 616, 618, 638; 2, 150, 156, 262, 408, 409, 428, 468, 499, 541, 577, 585, 588
 Кочугина Н. 1, 548
 Кошечкин 2, 143
 Краевский А.А. 1, 620
 Кревс Ф. 1, 96
 Кремлев И.Л. 1, 206, 266, 584
 Кржижановский Г.М. 2, 384, 580
 Кривицкий А.Ю. 1, 447, 450, 492, 511, 528, 637, 638, 645, 652; 2, 565
 Кривицкий Е.А. 2, 120, 529
 Кристи Н. 2, 515
 Кропоткин П.А. 1, 343, 356, 394, 492, 616, 619, 647
 Кротова И.И. 2, 606
 Кроче Б. 1, 150, 562
 Кругликова-Абрамова Л.В. 2, 524
 Крупская Н.К. 1, 54, 539; 2, 31, 398, 508
 Крюков Н.В. 1, 469, 642; 2, 105, 110, 207, 208, 526, 546
 Крюков Ф.Д. 2, 232, 552
 Крылов И.А. 2, 492
 Крылов Н.И. 2, 222, 229, 301, 513, 549, 551, 554, 565

- Ксенофонт 1, 278, 603
 Кублицкий Г.Н. 1, 619
 Кудультинов Д.Н. 2, 513, 518
 Кудреватых Л.А. 1, 73, 192, 194, 195, 543, 580, 582
 Кудрейко А.А. 2, 31
 Кузьменко Ю.Б. 2, 268, 269, 557
 Кузьмин Н.В. 1, 578
 Кузнецов А.В. 2, 361, 363, 398, 414, 425, 576, 588
 Кузнецов М.М. 1, 284, 605; 2, 495, 609
 Кузнецов Н.Г. 1, 203 – 205, 583, 584; 2, 306, 564
 Кузнецов Н.Е. 1, 374, 375, 377
 Кузнецов Н.С. 1, 512, 652
 Кузнецов Ф.Ф. 2, 544
 Кукольник Н.В. 1, 27
 Кукрыниксы 1, 632
 Кулешов А.А. 1, 75, 239, 240, 242, 247, 248, 261, 275, 316, 456, 465, 544, 594, 602, 604, 610, 639; 2, 310, 311, 328, 457, 466, 477, 484, 490, 518, 566, 595, 602, 603, 605, 608
 Кулиджанов Л.А. 1, 466, 641
 Кулиев К.Ш. 1, 574; 2, 513, 518, 599, 605
 Куманев Г.А. 1, 637
 Кумач см. Лебедев-Кумач В.И.
 Кунаев Д.А. 1, 393, 628
 Куницын Г.И. 1, 368, 370, 379, 382 – 385, 392, 393, 396, 400 – 402, 491, 505, 621, 624, 647; 2, 141, 143, 144, 534
 Купревич В.Ф. 2, 154, 537
 Куприн А.И. 1, 261, 264, 304, 305, 332, 342, 354, 356
 Курашов С.В. 1, 95
 Курдов (Ходкевич) С.Т. 1, 528
 Курилко М.М. 2, 493, 609
 Кутузов М.И. 2, 341
 Кухарский В.Ф. 1, 316, 610
 Кучерова Е.А. 2, 285
 Куцевский И.А. 2, 403, 583, 584
 Кэмпбелл Т. 1, 240, 594

 Лабрюйерде Ж. 1, 278, 603
 Лавлинский Л.И. 2, 487
 Лавочкин С.А. 1, 179, 572
 Лавров П.Л. 2, 172, 173, 210, 540, 544, 547
 Лагунов К.Я. 2, 262, 556, 557
 Лакснесс Х. 1, 398; 2, 59, 161, 285, 514, 561
 Лакшин В.Я. 1, 90, 191, 200, 214, 229, 230, 245, 251, 271, 273, 279, 280, 309, 321, 326, 344 – 346, 375, 376, 390, 427, 436, 446 – 448, 464, 478, 481, 482, 486, 491, 492, 498, 500, 501, 513, 537, 547, 554, 566, 567, 569, 570, 573, 575, 576, 583, 585, 586, 589, 591 – 594, 601, 604, 617, 622, 634, 644, 645; 2, 8, 9, 11 – 13, 15, 17, 18, 20, 23, 26, 31, 37, 43, 45, 48, 56, 63, 64, 69, 72, 78, 81, 88, 92, 93, 106, 120, 135, 146, 147, 153, 154, 157, 158, 167, 168, 171, 172, 185, 190 – 192, 198, 199, 202, 213, 214, 216, 221 – 223, 226, 246, 255, 260, 267, 271, 278, 281, 306, 308 – 310, 312, 316, 319, 343 – 345, 353, 355, 360, 364, 371, 380, 381, 383, 395, 396, 406, 408, 416, 422, 425, 429, 430, 439, 442, 457, 460, 463, 466, 467, 470 – 475, 477 – 480, 482, 483, 485, 488 – 492, 495, 496, 498, 500, 502, 503, 507, 512 – 516, 526, 532, 538, 539, 547, 553, 559, 566, 572, 577, 589, 595, 600, 602 – 605, 607, 608
 Лакшина-Кайдаш С.Н. 2, 429, 470, 496, 589, 601, 607
 Ламнусов М.И. 2, 118, 528
 Лампедуза см. Томази ди Лампедуза
 Ла Пира 1, 145, 559
 Ларионов А.Н. 1, 243, 595, 596
 Лацис О.Я. 2, 263, 556
 Лашкова В. 2, 514, 528
 Лебедев 2, 118
 Лебедев В.С. 1, 21, 66, 92, 93, 96, 98, 111 – 113, 116, 117, 121, 123, 124, 167, 171, 172, 182 – 184, 186, 189, 190, 241, 247, 254, 256, 259, 263, 268, 277, 279, 280, 285, 328, 329, 334, 335, 412, 413, 448, 528, 530, 548, 595, 596, 598, 600, 604
 Лебедев Л. 1, 609; 2, 565
 Лебедев-Кумач В.И. 1, 356
 Лебедева Н.Д. 1, 412
 Леви К. 1, 155, 563
 Левин Ф. 2, 518
 Левинский А.П. 1, 429
 Левитан Ю.Б. 2, 267
 Левитанский Ю.Д. 2, 157, 538
 Левитин М. 2, 506, 558
 Лежнев А. 2, 27, 506
 Лем Ст. 2, 405, 584

- Леман А. 2, 159, 161, 162, 538
 Ленин В.И. 1, 54, 157, 199, 201, 252, 271, 275, 374, 453, 454, 458, 459, 461, 465, 472, 476, 477, 526, 539, 545, 552, 556, 583, 597, 602, 603, 613, 614, 616, 636, 638, 639, 642, 646, 650; 2, 22, 27, 31, 62, 64, 66, 121, 130, 145, 175, 178, 210, 214, 219, 240, 244, 246, 252, 269, 272, 277, 280, 287, 288, 293, 294, 296, 303, 305, 319, 321, 346, 349, 350, 352, 354, 359, 378, 385, 386, 388, 398–400, 410, 411, 414, 416, 422, 427, 434–436, 438, 443, 449, 452, 453, 463, 468, 497, 499, 501, 502, 505, 506, 508, 527, 531, 534, 537, 538, 540, 542, 546–548, 553–558, 562, 564, 566, 569, 572, 573, 577, 581, 583, 586, 587, 590–596, 610
 Леонидов Л.Д. 1, 405
 Леонов А.А. 1, 611
 Леонов Л.М. 1, 229, 592, 630; 2, 208, 226, 250, 344, 354, 433, 434, 475, 498, 503, 551, 554, 605
 Леонович В.Н. 2, 513
 Леонтьев Л.А. 1, 462, 640
 Лерер (Баша) Л.И. 2, 411, 585
 Лермонтов М.Ю. 1, 27, 32, 247, 248, 275, 281, 312, 548, 604
 Лесючевский Н.В. 1, 219, 229, 231, 382, 587, 591, 592; 2, 146, 550
 Либкинд А.С. 2, 547
 Лидин В.Г. 1, 224, 589; 2, 68
 Липкин С.И. 1, 140, 529, 558
 Лисичкин Г.С. 1, 491, 647; 2, 62, 515
 Лисянский М.С. 2, 595
 Литвинов М.М. 2, 531
 Литвинова Т.М. 2, 531
 Литошко Е. 1, 528
 Лифшиц М.А. 1, 35, 130, 131, 155, 214, 232, 262, 283, 368, 383, 389, 402, 410, 447, 499, 522, 535, 537, 556, 563, 586, 592, 593, 621, 623, 628, 637; 2, 83, 119, 120, 125, 150, 184, 306, 485, 529, 530, 541, 563, 605
 Лихачев Д.С. 2, 397, 552
 Лихоносов В.И. 2, 229, 513, 551
 Лихтенгул 2, 59, 514
 Лобанов М.П. 2, 573
 Ловелл Дж. 2, 259, 556
 Лозко С.К. 2, 277
 Локалова В.В. 2, 582
 Локтев А.Н. 1, 595
 Лонго Л. 2, 159, 538
 Лоофс Х. 2, 603
 Лоренцетти А. 1, 561
 Луи В.Е. 2, 144, 228, 535, 551
 Лукин Ю.Б. 1, 75, 186, 396, 544, 577, 613, 628
 Луконин М.К. 2, 425, 488, 513, 588, 606
 Луначарская И.А. 2, 83, 521
 Луначарская-Розенель (Сац) Н.А. 2, 521
 Луначарский А.В. 1, 445, 543, 636; 2, 188, 438, 521
 Лундквист А. 2, 161, 538
 Лунц Л.Н. 1, 230, 592, 593
 Лупан А.П. 1, 257, 599
 Лучков В.И. 2, 280, 353
 Лысенко Т.Д. 1, 509, 590, 650, 651
 Любарева Е.П. 1, 428, 633
 Любимов Н.М. 1, 405, 629
 Любимов Ю.П. 2, 153, 190, 537
 Мазина Дж. 2, 244, 554
 Мазуров К.Т. 1, 297, 606; 2, 404
 Майзельс С. 2, 549
 Майкапар Н.А. 1, 281, 604; 2, 134
 Майков Е.И. 2, 297, 299
 Майский И.М. 1, 461, 499, 640, 649; 2, 210, 513, 547
 Макаров А.С. 2, 504
 Макарова Т.Ф. 1, 21, 530
 Макашин С.А. 2, 72, 518
 Македонов А.В. 1, 241, 379, 462, 528, 537, 566, 595; 2, 70, 198, 231, 244, 287, 328, 339, 357, 358, 360, 364, 365, 371, 378, 440, 498, 517, 543, 569, 571, 575, 579, 592, 610
 Мак-Каллерс К. 2, 594
 Маковицкий Д.П. 1, 614
 Макушенко В.А. (Володя, Вольдемар) 1, 317, 470, 477, 481, 611; 2, 37, 113, 120, 151, 349, 389, 396, 469, 486, 493, 499
 Малахов К.И. 1, 217, 587
 Малашкин С.И. 2, 573
 Маленков Г.М. 1, 59, 204, 540, 601; 2, 328, 590
 Мальков П.Д. 1, 583
 Мальцев Е.Ю. 1, 181, 574
 Мандельштам Н.Я. 2, 124, 126, 530
 Мандельштам О.Э. 2, 70, 101, 102, 104, 124–126, 198, 371, 517, 524, 526, 575, 579
 Манн Т. 1, 72, 135, 276, 279, 338, 342, 414, 418, 421, 452, 482, 484, 493,

- 544, 603, 622, 631; 2, 162, 239, 245, 269, 281, 348, 396, 452, 553, 554, 584, 594
- Манн Ю.В. 2, 513
- Мао Цзедун 1, 226, 477; 2, 128, 207, 305, 323, 507
- Маргулис Е.С. 1, 537
- Маринов А.А. 2, 235, 553
- Маркелов И. 2, 262, 556, 557
- Марков А.Я. 2, 101, 524
- Марков Г.М. 1, 23, 229, 232, 257, 363, 390, 391, 397, 400, 410, 435, 437 – 439, 441, 442, 447, 451, 466, 485, 501, 505, 506, 518, 524, 531, 570, 627, 639, 641; 2, 19, 39, 42, 46, 114, 115, 117, 123, 135, 136, 142, 144, 146, 155, 166 – 169, 171, 174, 190, 252, 276, 310, 371, 400, 423, 437, 452, 510, 534, 591, 598
- Маркс К. 1, 532, 578, 582, 598; 2, 23, 152, 172, 173, 211, 214, 219, 252, 269, 293, 305, 315, 405, 418, 430, 536, 540, 541, 544, 547, 548, 555, 564, 566, 587, 589, 590, 605
- Мартенс К. 1, 414
- Мартини С. 1, 561
- Мартов Ю.О. 1, 545
- Мартон Э. 1, 610
- Мартынов Л.Н. 1, 629
- Марцинкявичюс Ю. 1, 257
- Маршак И.С. 1, 335, 370, 602; 2, 22, 505, 564
- Маршак (Ильин) И.Я. 1, 602
- Маршак С.Я. 1, 44, 46, 51, 52, 87, 171, 172, 179, 191, 199, 203, 219, 224, 260, 270, 273 – 275, 341, 358, 538, 547, 548, 562, 567, 570, 572, 578, 579, 582, 583, 588 – 590, 600, 602, 603, 620, 622; 2, 22, 57, 58, 70, 71, 73, 74, 77 – 81, 84, 91, 93, 94, 96, 97, 101, 103 – 106, 109, 116, 117, 146, 169, 196, 208, 228, 263, 303, 323, 336, 505, 513, 514, 517, 521, 524 – 526, 528, 540, 543, 546, 564, 570, 599, 607
- Марьенков Е.М. 1, 511 – 513, 528, 652; 2, 553
- Марьямов А.М. 1, 19, 226, 346, 529, 546, 563, 590, 595, 617; 2, 99, 122, 157, 171, 312, 327, 349, 394, 437, 466, 470, 473, 476, 488, 491, 494, 504, 529, 569, 600, 602
- Матвеев В. 1, 528
- Матвеева Н.Н. 2, 282, 560
- Мацкевич В.В. 2, 475, 602
- Мацкова М. 2, 215, 547
- Маяковский В.В. 1, 26, 27, 116, 532, 552, 572, 573, 637; 2, 25, 26, 31, 33, 399, 508, 542, 579
- Мдивани Г.Д. 2, 157, 537
- Медведев Ж.А. 1, 509, 650, 651; 2, 218, 221, 314, 500, 548, 610, 611
- Медведев Р.А. 1, 507 – 511, 518, 650, 652, 653; 2, 7, 18, 22, 38, 65, 131, 142, 156, 158, 183, 314, 323, 328, 362, 381, 383, 397, 448, 449, 475, 500, 501, 503, 505, 533, 534, 546, 566, 577, 582, 593, 594, 602, 610
- Медичи 1, 146, 559
- Межелайтис Э. 1, 229, 231, 591; 2, 518, 554
- Меженков В. 2, 541
- Мейер З. 2, 589
- Мейерхольд В.Э. 1, 534
- Мейснер Д. 2, 141, 534
- Мелентьев Ю.С. 1, 392, 395, 396, 398, 400 – 402, 438, 448, 450, 462, 505, 627, 630; 2, 16, 68, 97, 161, 202, 216, 217, 226, 273, 314, 327, 360, 391, 400, 401, 473, 477, 544
- Мелвилл Г. 2, 326, 454, 520, 569, 595
- Мельников Д.Е. 2, 482, 540, 544, 550, 604
- Менухин И. 2, 119, 528
- Меньшутин А.Н. 1, 388, 534, 564, 627
- Мерецков К.М. 1, 431, 634; 2, 230, 551
- Мериме П. 2, 281, 284, 560
- Метченко А.И. 2, 378, 579
- Механов Б. 1, 233 – 235, 591 – 593
- Мехлис Л.З. 2, 334, 570
- Мечников И.И. 1, 73, 543
- Мжаванадзе В.П. 1, 135, 184, 461, 557, 640
- Мизиано Ф. 2, 603
- Микеланджело Б. 1, 145, 146, 559, 560, 563
- Микоян А.И. 1, 61, 112, 123, 135, 425, 540; 2, 402
- Милано П. 2, 505
- Миллер А. 2, 215, 440, 547, 592
- Минин К. 2, 215, 547
- Минц С.Х. 1, 183, 186, 255, 269, 272, 280, 281, 287, 396, 398, 400, 428, 435, 455, 576, 604; 2, 39, 47, 56, 65, 72, 81, 99, 104, 105, 134, 141,

- 144–146, 150, 157, 167, 173, 189,
202, 223, 226, 231, 244, 250, 255,
256, 258, 259, 263, 267, 278, 292,
296, 303, 314, 316, 319, 322, 395,
400, 415, 429, 438, 441, 442, 447,
448, 450, 456, 462, 471, 485, 492,
494
- Мирова В.Ф. 2, 299
 Миронов В.М. 1, 318
 Миронов Т.В. 2, 248, 555
 Митерев Г.А. 1, 216
 Митин Г.А. 1, 557
 Митрейкин К.Н. 2, 31, 32
 Митрохин Н.А. 1, 551; 2, 573, 581 –
583, 586, 589
 Михайлов М.Г. 1, 208, 585
 Михайлов Н.А. 2, 206, 210, 391, 546
 Михайлов О.Н. 2, 573
 Михайловский Н.К. 1, 620; 2, 56, 600
 Михалков С.В. 1, 273, 456, 509, 527,
589, 651; 2, 75, 78, 142, 156, 190,
222, 260, 437, 468, 484, 497, 520,
554, 591, 597, 600, 610
 Младенович А. 2, 161
 Мнячек В. 2, 161
 Можаяев Б.А. 1, 428, 511, 633, 643, 649,
651; 2, 136, 468, 518, 533, 537
 Можелси К. 1, 148
 Моисеев И. 1, 102
 Моло фон В. 1, 419
 Моложавенко В. 2, 552
 Молотов В.М. 1, 204, 207, 286, 601;
2, 302, 362, 385, 575, 590
 Молчанов И.Н. 2, 31, 508
 Монгайт А. 2, 515, 532
 Мондадори А. 2, 207, 216–218, 546,
548
 Монтескье Ш.-Л. 2, 68, 516
 Мопассан де Г. 1, 343, 614
 Моравиа А. 2, 505
 Мориак Ф. 1, 405, 629
 Морозов Н.А. 1, 203, 583
 Морозова В.С. 2, 59, 514, 561
 Морозова Л.Д. 1, 68, 96, 187, 189, 328,
542; 2, 49, 120, 186, 249, 279, 285,
325, 383, 560
 Мотта Лима П. 1, 258, 600
 Мотылева Т.Л. 1, 418, 631
 Мотяшов И.П. 2, 343, 357, 575
 Мур Т. 1, 240, 594
 Мур см. Эфрон Г.С.
 Муравьев В.И. 1, 528
 Мурашов С. 2, 562
 Муссолини Б. 1, 560
- Мухина-Петринская В.М. 1, 20, 522,
530, 654
 Мушта Г. 1, 537
 Мясоедов А.Н. 2, 382, 580
- Набоков В.В. 1, 237, 323, 385, 594, 612
 Навин Иисус 2, 121, 529
 Нагибин Ю.М. 2, 599
 Нагорный С.Г. 1, 619
 Надсон С.Я. 1, 27
 Назаров А.В. 2, 45, 105, 512
 Наполеон Бонапарт 1, 560
 Наровчатов С.С. 1, 35, 535; 2, 466, 497,
513, 592, 598, 602, 610
 Насер Г.-А. 2, 191, 193, 198, 199, 272,
542
 Наумов Я.Н. 1, 212, 586
 Неизвестный Э.И. 1, 569
 Некрасов В.П. 1, 117, 130, 143, 144,
147, 148, 150, 156, 167, 183, 307,
552, 555, 558–563, 565, 566, 571,
575, 579, 608; 2, 127, 167, 173, 199,
487, 513, 517, 518, 531, 536, 540,
543, 606
 Некрасов Н.А. 1, 27, 30, 124, 144, 376,
456, 529, 535, 620, 623; 2, 28, 56,
199, 382, 391, 496, 581, 584, 600,
607, 610
 Некрасова Л.С. 2, 458, 596
 Некрич А.М. 2, 128–131, 448, 509,
531, 532, 593
 Неруда П. 1, 373, 622; 2, 588
 Нечаев С.Г. 2, 567
 Нечкина М.В. 2, 132, 532, 555
 Никитенко А.В. 1, 216, 488, 586;
2, 307–309, 311, 324, 336, 564, 571
 Николаев А.Г. 1, 102, 550
 Николаева Г.Е. 1, 181, 574
 Николаевская Е.М. 2, 580
 Николай I, имп. 1, 124, 495
 Николай II, имп. 1, 563
 Никонов П.Ф. 1, 569
 Никулин Л.В. 1, 304, 608
 Нилин П.Ф. 1, 49, 538
 Нимейер С. 2, 215, 547
 Нинов А. 2, 531
 Новиков А.Г. 2, 322, 568
 Новиков Б.К. 1, 219, 348, 425, 588, 632
 Новиков Н.С. 2, 347, 572
 Новиченко Л.Н. 2, 85, 504, 521
 Новотный А. 2, 152, 200, 536
- Образцов С.А. 2, 513
 О'Брайен 2, 161

- Овечкин В.В. 1, 19, 86, 214, 302, 336, 365, 510, 530, 540, 546, 557, 572, 586, 615, 621, 651; 2, 120, 122, 127, 135, 161, 223, 518, 529—532, 538, 543, 549
 Овечкин В.В., сын 2, 199, 543
 Овсиенко В.Е. 2, 547
 Овчаренко А.И. 2, 468—470, 496, 498, 600, 602, 607, 609
 Овчаренко Ф.Е. 2, 429, 473, 589
 Огарев Н.П. 1, 313
 Огнев В.Ф. 2, 484, 513, 605, 613
 Огородникова И.Ф. 1, 185, 435, 442, 561, 577
 Озерецковский В.Н. 1, 539
 Озеров В.М. 2, 79, 88, 156, 185, 209, 275, 327, 470, 504, 520, 559, 597
 Озерова К.Н. 2, 484, 605
 Ойстрах Д.Ф. 1, 268, 601
 Октябрьский (Иванов) Ф.С. 1, 204, 584
 Олеша Ю.К. 1, 294, 538, 606; 2, 203, 545
 Олсуфьева Д.В., гр. 1, 146, 560
 Олсуфьевы, гр. 1, 560
 Оппенгеймер Р. 1, 218, 587
 Орджоникидзе Г.К. (Серго) 1, 202, 583; 2, 356
 Орехов Б. 2, 559
 Орешин П.В. 1, 28, 532
 Орлов В. 1, 528
 Орлов В.Н. 1, 76, 543—545, 578, 591; 2, 224, 550
 Орлов Д.К. 1, 643
 Орлов Д.Н. 1, 22, 23, 228, 531, 536
 Орлов С.С. 2, 513
 Орлова Р.Д. 1, 622; 2, 604
 Оруэлл Дж. 1, 96, 548
 Освальд Х.-Л. 1, 191, 579
 Осетров Е.И. 2, 402, 583
 Осин Д.Д. 1, 241, 247, 595, 625; 2, 458, 459, 596
 Островой С.Г. 1, 22, 531; 2, 280, 560
 Островский А.Н. 1, 332, 346, 534, 617; 2, 56, 422, 589
 Охотников А.П. 2, 360, 576
 Ошанин Л.И. 1, 371, 622
 Павел I, имп. 1, 495
 Павленко П.А. 1, 195, 539, 580
 Павлов Д.Г. 2, 338, 571
 Павлов И.П. 1, 397, 628
 Павлов С.П. 1, 168, 254, 255, 257, 258, 358, 364, 374, 393, 410, 411, 414, 421, 440, 565, 599, 611, 621, 623, 631; 2, 39, 172, 195, 202, 212, 540, 573
 Пажитнов Л.Н. 2, 24, 30, 505, 506
 Пазолини П. 1, 150, 562
 Пайетта Дж. 1, 154, 156—158, 563, 636
 Пайетта Джул. 1, 153—156, 445, 563; 2, 158, 160, 161, 204
 Палей А.Р. 2, 450, 593
 Паллон В. 1, 590, 597
 Панаев И.И. 1, 19, 529, 620
 Панкин Б.Д. 2, 355, 404, 574, 584
 Панова В.Ф. 1, 145, 147, 148, 474, 559, 595, 642; 2, 127, 518, 531
 Пантин И.К. 1, 604
 Папанов А.Д. 1, 425, 429, 588, 632
 Паперный З.С. 1, 181, 542, 573
 Парнис А. 1, 75, 544
 Пастернак Б.Л. 1, 75, 76, 121, 146, 155, 253, 307, 354, 437, 499, 543, 545, 558—560, 567, 571, 587, 598, 601, 609, 619, 635, 649; 2, 18, 38—40, 104, 122, 197, 291, 348—350, 352, 427, 439, 440, 519, 588, 592
 Пастернак З.Н. 1, 75, 76, 179, 543, 545
 Пасынков А. 1, 35, 535
 Паустовский К.Г. 1, 121, 305, 325, 402, 548, 553, 554, 579, 613, 616, 628; 2, 202—204, 270, 518, 544, 545
 Пачини И. 2, 164, 175
 Пачини Л. 2, 164, 175
 Пашуто В.Т. 2, 511
 Первенцев А.А. 1, 206, 584
 Перельман А. 1, 228
 Перович П. 2, 134
 Песков В.М. 1, 113, 260, 551, 600
 Петелин В.В. 2, 573
 Петелин Г.Н. 2, 297
 Петефи Ш. 1, 91, 547
 Петр I, имп. 1, 495
 Петр III, имп. 1, 495
 Петренко С.А. 2, 297, 299
 Петринская В.М.
 см. Мухина-Петринская
 Петров Ан. 1, 528, 550; 2, 501, 597
 Петров Е.П. 2, 539
 Петров И.В. 2, 158, 538
 Петроченков А.С. 2, 48, 512
 Петроченков О. 2, 48, 512
 Печерский Н.П. 2, 358, 359, 381, 385, 387, 388, 575
 Пешкова Е.П. 2, 302, 564
 Пизано Н. 1, 561
 Пикассо П. 2, 592

- Пильняк Б.А. 1, 653
 Пимен Саратовский, еп. 2, 261
 Пирогов Е.А. 2, 437, 469, 590, 601
 Пиросманишвили Н. 1, 463, 640
 Писарев И.Ю. 2, 547
 Пластинин А. 1, 479, 644
 Платонов А.П. 2, 18, 305, 306, 541, 564
 Платонов Б. 1, 534
 Плескачевская А.М. 1, 236, 317, 594
 Плескачевская Е.М. 1, 317
 Плескачевский Г.М. 1, 369
 Плескачевский М.Г. 1, 369, 621;
 2, 322, 568
 Плеханов Г.В. 2, 436, 591
 Плешков А. 1, 241, 595, 625
 Плимак Е.Г. 1, 604; 2, 317, 567
 Плиний Старший 1, 606
 Плучек В.Н. 1, 370, 371, 406, 411, 424,
 425, 432, 433, 440, 443, 445, 446,
 470, 474, 478, 588, 622, 631, 632,
 635, 642, 643; 2, 325, 569
 Погодин М.И. 2, 472, 602
 Погодин Н.Ф. 1, 117, 118, 552; 2, 333,
 581
 Подгорный Н.В. 2, 110, 215, 218, 486,
 606
 Пожарский Д.М., кн. 2, 215, 547
 Поженян Г.М. 2, 227, 551
 Полевой Б.Н. 1, 102, 550; 2, 22, 52, 67,
 68, 70, 303, 363, 402, 411, 433, 473,
 490, 505, 516, 520, 554, 607
 Поликарпов Д.А. (Поликарпий, дядя
 Дима) 1, 18, 21 – 23, 49, 57, 91, 111,
 116 – 119, 128, 173, 230, 231, 281 –
 285, 290, 301 – 303, 306 – 308, 317,
 324, 336, 345, 351, 363, 364, 368,
 379, 383, 384, 403, 529, 530, 553,
 572, 609, 618, 630; 2, 60, 95, 514
 Полонский Я.П. 1, 312; 2, 339
 Полторацкий В.В. 1, 169, 382, 383,
 514, 566, 653
 Польшин В. 1, 371
 Полянкер Г.И. 2, 151, 536
 Померанцев В.М. 1, 575, 592; 2, 485,
 605
 Померанцев К.Д. 1, 405, 629; 2, 414,
 586
 Пономарев Б.Н. 2, 216
 Понтен Й. 1, 416
 Понтрягин Л.С. 2, 250, 555
 Поповкин Е.М. 1, 441, 635
 Поршнева Б.Ф. 1, 507, 650
 Поскребышев А.Н. 1, 193, 194, 202,
 211, 216, 303, 327, 580, 607; 2, 338
 Поспелов П.Н. 1, 91, 327, 359, 371,
 412, 547, 613, 642
 Постышев П.П. 1, 485, 512, 646
 Потапов К.В. 1, 328
 Преображенский С.Н. 1, 375, 414,
 623, 641; 2, 150
 Приблудный И. 2, 34, 508
 Прилежаева М.П. 2, 346, 572
 Пристли Дж.-Б. 2, 119, 528
 Прокофьев А.А. 1, 170, 255, 257, 260,
 262, 441, 466, 531, 532, 566, 595,
 600, 635; 2, 441, 573
 Прокофьев Б. 1, 539
 Пропалов П.Н. 2, 535
 Проскурин П.Л. 2, 573
 Проскурнина Э.А. 2, 31, 104, 204, 210,
 232, 282, 333, 373, 381, 422, 429,
 462, 470, 507, 587
 Пруст М. 2, 162, 538
 Пузиков А.И. 2, 169
 Пуйман 2, 175
 Пуйманова М. 2, 175, 541
 Пунина И.Н. 1, 607
 Путрамент Е. 1, 146, 560
 Пушкин А.С. 1, 27, 71, 73, 171, 191,
 192, 219, 247, 248, 312, 397, 456, 542,
 580, 599, 611, 620, 654; 2, 17, 224,
 225, 291, 295, 406, 407, 453, 472, 492,
 522, 540, 550, 572, 585, 593, 600, 604
 Пырьев И.А. 1, 596; 2, 127, 531
 Пысин К.Г. 1, 413, 631
 Пьевене Г. 1, 150, 562
 Рабинович М. 2, 263, 557
 Радищев А.Н. 1, 495; 2, 418
 Радлов Д. 1, 228, 229
 Радов Г.Г. 2, 544
 Разумный В.А. 1, 586; 2, 300, 563
 Райкин А.И. 1, 179, 571
 Раневская Ф.Г. 1, 72, 73, 543
 Раск Д. 1, 210, 585
 Раскин А. 1, 531
 Раскольников Ф.Ф. 1, 253, 485, 598,
 646
 Расмулис А. 1, 30
 Рассел Б. 2, 119, 186, 437, 528, 542
 Рафальский С.М. 1, 405; 2, 414, 586
 Рахманов Б.М. 1, 32, 534
 Ребер К. 2, 350
 Ребрин П. 1, 615
 Резвугин А. 1, 589
 Рейнгадт Л.Я. 2, 541
 Рекемчук А.Е. 2, 310, 312, 466, 469,
 470, 487, 565, 566, 601

- Реформатский А.А. 2, 336, 571
 Решетников Ф.М. 2, 56, 514
 Решетовская Н.А. 1, 542, 621, 626;
 2, 114, 217, 218, 250, 421, 429, 432,
 523, 527, 536
 Ржевская Е.М. 1, 220, 568, 570
 Ржезач В. 1, 292, 605
 Рильке Р.-М. 2, 519
 Рипелли М. 2, 505
 Рис Р. 1, 96, 548
 Рицос Я. 2, 221, 549
 Ровинская Т. 2, 557
 Рогачев см. Рычагов П.В.
 Родари Дж. 1, 46, 538
 Роджерс С. 1, 240, 594
 Родин Н.А. 2, 481, 604
 Родионов И.А. 1, 331, 614
 Рождественский Р.И. 1, 404, 629
 Розанов Б.П. 1, 223, 589; 2, 261, 353
 Розанов В. 2, 512
 Розанов В.В. 2, 405, 406, 584
 Розенблюм Л.М. 1, 377
 Розенталь М.М. 2, 545
 Розов В.С. 1, 224, 228, 589
 Ройтберг Л. 1, 623
 Рокоссовский К.К. 2, 337, 571
 Роллан Р. 2, 452, 594
 Романов А.В. 1, 258, 316, 494, 596
 Романов П.К. 1, 183, 370, 395, 396,
 550, 568, 576, 579; 2, 108, 210, 344,
 345, 348, 368, 425, 470, 576, 588
 Романова Р.М. 1, 593, 598, 604, 622;
 2, 558, 568
 Ромм М.И. 1, 424, 632; 2, 370, 382, 384,
 386, 388, 578, 580, 581
 Роом А.М. 1, 619
 Росляков В.П. 1, 75, 544
 Россельс В.М. 2, 65, 516
 Роше В. 2, 204, 545
 Рошин М.Н. 2, 45, 512, 517
 Рубен Б. 1, 553
 Рубштейн А.Н. (Саша) 1, 470, 642;
 2, 114, 206, 217, 218, 347, 376, 475
 Рудзутак Я.Э. 1, 485, 646
 Рудницкая Е.Л. 1, 611, 648
 Рузе М. 1, 587
 Румянцев А.М. 1, 289, 369, 385, 605,
 624, 626; 2, 62, 360, 361, 363, 468,
 492
 Румянцев И.П. 2, 16, 502
 Рунин Б.М. 1, 32, 534
 Рутман А.И. 1, 247, 597, 625
 Рыбаков А.Н. 1, 120, 553; 2, 468, 513,
 518, 600
 Рыбаков Б.А. 2, 535
 Рыбаков Ю.С. 1, 643; 2, 314
 Рыжов Н.С. 2, 158, 538
 Рыков А.И. 1, 212, 585
 Рыленков Н.И. 1, 317, 318, 347, 439,
 446, 611; 2, 339, 571
 Рычагов П.В. 1, 432, 634
 Рюриков Б.С. 1, 181, 494, 568, 574,
 591, 647, 648; 2, 59, 85, 172, 209,
 521
 Рязанов Э.А. 2, 348, 388, 389, 581
 Рязанова З.П. 2, 388, 389
 Саакянц А.А. 2, 560
 Сабиров А. 2, 186, 542
 Савинков Б.В. 2, 406, 585
 Савченков В.Д. 1, 566; 2, 537, 568
 Сазонтов Г.А. 1, 396; 2, 144, 166, 540
 Салтыков-Щедрин М.Е. 1, 167, 186,
 565, 620; 2, 319, 391, 581, 600,
 607
 Салынский А.Д. 2, 38, 85, 87, 276, 278,
 327, 344, 521, 522, 538, 554, 559
 Сальмен М.И. 2, 284
 Сальников М. 1, 53
 Самойлов В.Я. 1, 596
 Самойлов Д.С. 2, 519
 Самотейкин Е.М. 2, 469, 601
 Самсонов А.М. 2, 72, 519
 Саррот Н. 1, 142; 2, 163, 513, 539
 Сартаков С.В. 1, 170, 567; 2, 42, 107,
 120, 122, 135, 209, 275, 276, 282,
 344, 510, 526, 559, 570
 Сартр Ж.-П. 1, 142, 185, 294, 398, 442,
 447, 577, 606, 629, 635; 2, 163, 538,
 592
 Сатюков П.А. 1, 79, 128, 171, 260, 297,
 457, 528, 545, 598, 606
 Сафонов Э.И. 2, 433, 590
 Сахаров А.Д. 1, 548; 2, 157, 158, 177—
 183, 186, 207, 262, 263, 295, 296,
 483, 537, 541, 542, 546, 556, 562
 Сахарова К.А. 2, 295, 562
 Сахнин А.Я. 2, 492, 608, 609
 Сац И.А. 1, 72, 128, 180, 302, 309, 375,
 383, 396, 410, 412, 435, 455, 457,
 462, 467, 482, 498, 513, 543, 568,
 573, 641; 2, 43, 56, 83, 100, 105, 145,
 146, 167, 184, 191, 261, 271, 306,
 316, 321, 344, 345, 349, 353—355,
 357, 360, 364, 365, 380, 381, 406,
 457, 466, 470, 476, 478, 492, 493,
 521, 600, 603
 Сац (Линцер) Р.И. 1, 467, 482, 641

- Сбытов Н. 2, 512
 Свердлов А.Я. 1, 201, 202, 211, 212, 215–217, 582, 583, 585, 586
 Свердлов Я.М. 1, 583
 Свердлов К.Т. 1, 583
 Светлов М.А. 1, 179–181, 358, 572, 573, 620; 2, 518
 Светов Ф.Г. 2, 524
 Светоний Г.-Т. 2, 400, 403, 409, 583
 Свиридов Г.В. 1, 21, 52, 531, 589
 Свобода Л. 2, 215, 303, 547, 566
 Свободин А.П. 2, 538
 Святополк-Четверинский, кн. 1, 560
 Севастьянов А. 1, 325, 613
 Северянин И.В. 1, 27; 2, 291, 565
 Севиеро Р., гр. 1, 148, 157
 Сегал Е.А. 2, 570
 Секиринский С.С. 1, 626
 Селиверстов Н. 1, 587
 Сельвинский И.Л. 2, 25
 Сельченков Я. 1, 58
 Семенов Н.Н. 1, 63, 389, 540, 627
 Семенов Ю.С. 2, 151, 376, 427, 536
 Семин В.Н. 1, 325, 395, 505, 613, 625, 628, 644, 649; 2, 58, 513, 514
 Семичастный В.Е. 1, 289, 397, 446, 455, 514, 605, 625, 636, 638; 2, 118, 588
 Сенковский (Брамбеус, бар.) О.И. 2, 45, 512
 Сервантес М. 1, 603
 Сергеев А. 1, 578, 579, 593
 Сергеев А.Я. 1, 550
 Сергованцев Н.М. 1, 579, 596
 Сердюк З.Т. 1, 76, 545
 Серебрякова Г.И. 1, 200, 254, 582, 598
 Серегин 1, 123
 Серегин В.С. 2, 141, 534
 Серов В.А. 1, 451, 466, 638, 641
 Сиводедов В.Т. 2, 537
 Сиводедов Г.Т. 1, 537; 2, 155, 209, 537
 Сидоров А.Л. 1, 612
 Силлард Л. см. Сциллар
 Сименон Ж. 2, 292, 562
 Симонов А.К. 2, 211
 Симонов К.М. 1, 130, 263, 303, 337, 345, 349, 363, 364, 399, 402, 405, 410, 411, 433, 441, 447, 457, 460–463, 480, 487–490, 497, 498, 500, 514, 544, 546, 548, 555, 575, 600, 612, 615, 616, 620, 629, 630, 632, 636, 637, 644, 646–648, 653; 2, 20, 36, 46, 49, 50, 64, 66, 72, 84, 88, 89, 94, 99, 100, 116, 122, 146, 157, 158, 161–163, 165, 167, 169, 170, 171, 205, 211, 226, 248, 269, 270, 275, 276, 278, 303, 306, 310, 312, 317–321, 323, 329–335, 337, 342, 343, 353, 355–357, 363, 369, 371, 384, 392–395, 397, 400, 402, 413, 432, 455, 461–463, 466, 473, 490, 493, 494, 512, 513, 518, 525, 528, 540, 544, 545, 550, 551, 554, 557, 559, 560, 564, 570–572, 574, 577, 582, 592, 596, 598
 Симонова (Жадова) Л.А. 1, 447, 490, 636; 2, 171, 269, 270, 392, 397, 400, 490, 494, 557
 Симонова М.С. 2, 509
 Симонович Л.Г. 2, 557
 Синджер У.-Э. 1, 419
 Синельников М.Х. 1, 574; 2, 297, 299, 563
 Синцов А.А. 2, 15
 Синявский А.Д. 1, 388, 401–403, 405, 411, 421, 422, 425–428, 430, 434, 438, 439, 445–448, 450, 453, 462, 524, 534, 545, 564, 602, 626, 627, 631–636, 638, 640; 2, 18–20, 38, 40, 61, 76, 142, 356, 364, 374, 414, 498, 503–505, 514, 519, 534, 538, 549, 573, 574
 Скабе (Скаба) А.Я. 1, 374, 375, 397, 622
 Скорцени О. 1, 146, 560
 Скотт В. 1, 240, 594
 Славин Л.И. 2, 72, 518
 Слободской М. 1, 290, 584
 Слуцкий Б.А. 1, 629; 2, 76, 519
 Смеляков Я.В. 1, 67, 542; 2, 425, 588
 Смирнов Б.А. 2, 388, 581
 Смирнов (Крымский) Б.С. 1, 225, 590
 Смирнов В.А. 1, 16, 176, 229, 231–235, 382, 384, 570, 591, 593, 625; 2, 485, 606
 Смирнов Л.В. 1, 65, 541
 Смирнов Л.Н. 1, 438, 632; 2, 356, 364, 374, 387, 574
 Смирнов Н.И. 2, 141, 534
 Смирнов О.П. 2, 466, 469, 470, 598
 Смирнов С.В. 1, 13, 16, 527, 528; 2, 356, 458, 573, 574, 583
 Смирнов С.С. 1, 115, 551; 2, 356, 357, 363, 402, 520, 574, 577
 Смирнова В.В. 2, 70, 517
 Смоктуновский И.М. 1, 354, 619

- Смрковский Ё. 2, 259, 556
 Снастин В.И. 1, 195, 231, 457, 572, 581
 Снегина И. 2, 580
 Сноу Ч.-П. 1, 278, 281, 603, 604
 Соболев Л.С. 1, 364, 397, 480, 611; 2, 19, 36, 42, 93, 226, 275, 433, 437, 457, 458, 470, 473, 482, 484, 504, 509, 510, 559, 597, 602
 Соколов А.Г. 1, 328
 Соколов М.Д. 1, 169, 566
 Соколов-Микитов И.С. 1, 129, 161, 162, 164, 224, 225, 261, 264, 555, 564, 589, 600, 601, 615, 635; 2, 109, 114, 115, 121, 123, 124, 126, 237, 260, 320, 322, 421, 436, 438, 472, 513, 518, 519, 527, 529, 530, 568, 587, 591
 Соколова-Микитова Л.И. 2, 124, 261, 436, 472, 530
 Сокольников Г.Я. 1, 582
 Солженицын А.И. 1, 68, 89, 90, 92, 96, 97, 111–115, 118, 127, 129–131, 133, 135, 141, 156, 161, 164, 165, 167, 170, 171, 173, 181, 194, 198–200, 218, 223–225, 231, 232, 237, 240, 242, 246, 249–252, 254–264, 269–272, 277–281, 285–288, 301–305, 307–309, 364, 370, 374, 375, 384, 385, 387–390, 394, 397, 410–413, 421, 448, 474, 477, 487, 500, 505, 506, 511, 520, 524, 542, 546, 547–550, 555–558, 563, 566, 567, 571, 574, 579, 582, 585–587, 589–591, 594, 596–600, 602–605, 607–609, 616, 618, 621, 624–626, 630, 631, 637, 639, 643, 644, 647, 651; 2, 9, 18, 31, 38–41, 43–47, 50, 53, 56, 60, 61, 64, 66, 75–78, 80–91, 93, 98, 99, 101, 102, 106–110, 114–119, 122–125, 128, 129, 132, 135, 142, 144, 145, 149, 150, 154, 158, 161, 164, 167, 169, 171, 176, 177, 183, 187, 189, 190, 192, 193, 195–197, 200–202, 204, 208, 212, 215–220, 224, 226–229, 231, 232, 250, 251, 255, 256, 259, 268, 270, 274, 275, 290, 314, 317, 323, 325, 329, 335, 343, 352, 373, 377, 393, 415, 416, 421–431, 433, 435, 437, 439–444, 448, 450, 451, 456, 460, 461, 464, 467, 469, 473, 475, 481, 482, 484, 489, 491, 498, 499, 501, 507, 509–514, 519–524, 526–528, 531, 534, 536–543, 546, 551–553, 555, 556, 559, 565–567, 569, 572, 586–593, 597–601, 603, 607, 608
 Соловьев Б.И. 1, 229, 592
 Соловьев С.М. 1, 386
 Соловьев-Седой В.П. 1, 13, 527
 Соловьева 1, 174, 437, 634
 Соловьева И. 1, 560
 Солодарь Ц.С. 2, 176, 541
 Солонович Евг. 1, 142
 Солоухин В.А. 2, 516
 Сорокин В.С. 1, 462, 640
 Соснора В.А. 1, 566, 629
 Софронов А.В. 1, 137, 195, 439, 441, 443, 451, 557, 635, 638; 2, 150, 186, 306, 541
 Спарк М. 2, 592
 Спендер С. 2, 119
 Ставский В.П. 2, 202, 544
 Сталин В.И. 2, 85, 286, 521
 Сталин И.В. 1, 29, 84, 87, 91, 124, 125, 130–133, 145, 158, 161–164, 193, 195, 198, 201, 204, 205, 207, 216–218, 223, 253, 269, 280, 287, 289, 291, 339, 349, 350, 359, 374, 379, 430–433, 448, 473, 477, 490, 515, 516, 526, 527, 540, 541, 554, 580, 581, 584, 587, 589, 598, 600, 629, 638, 642, 647, 648, 650–653; 2, 43, 50, 51, 54, 56, 76, 124, 127, 131, 154, 166, 184, 193, 205, 235–237, 240, 246, 268, 270, 273, 280, 286, 288, 301, 302, 305, 331, 338, 350, 352, 396–400, 427, 434, 442, 447, 448, 463, 479, 503, 505, 511, 521, 532, 551, 561, 563, 564, 566, 570, 577, 582, 583, 585, 588, 593, 597, 602, 606
 Сталин Я.И. 2, 286
 Сталина С.И. 2, 18, 45, 52, 83, 85, 503, 511, 512
 Станевич В. 2, 516
 Стариков Д.В. 1, 233, 524, 579, 593, 654; 2, 15, 501
 Стасов В.В. 2, 94, 524
 Стельмах М.А. 1, 257, 532, 599
 Степаков В.И. 1, 345, 616; 2, 31, 150, 402, 411, 507, 515
 Степун Ф.А. 1, 342, 343, 616
 Стерн Л. 2, 233, 238, 552
 Стефановский П.М. 2, 512
 Стивенсон Р.-Л. 2, 117, 272, 528, 558
 Стиль А. 2, 592

- Столетов В.Н. 1, 20, 530
 Столяров К.С. 2, 575, 576
 Столяров С.Д. 2, 376
 Столяров С.С. 2, 382, 575
 Стоянов А. 1, 189
 Стравинский И.Ф. 1, 418; 2, 119, 528
 Страда В. 1, 143, 145, 445, 469, 558, 559, 636, 641; 2, 415, 586
 Страда К. 1, 143, 145, 152
 Страдный С. 2, 290, 562
 Страшунская Е.С. 1, 537
 Стрелков 2, 165, 539
 Стрельников Б.В. 1, 579
 Стривевская Н. 1, 539
 Струмилин С.Г. 2, 132, 532
 Стуруа Д.Г. 1, 128, 129, 140, 481, 482, 485, 555, 644, 645
 Сурков А.А. 1, 65, 91, 106, 142, 144, 147, 150, 154 – 158, 181, 185, 197, 229, 231, 273, 274, 279, 286, 356, 363, 379, 391, 392, 394, 395, 398, 400, 402, 405, 434, 435, 437 – 439, 441, 447, 453, 457, 463, 464, 520, 524, 541, 547, 561, 576, 577, 604, 629; 2, 10, 14, 18, 19, 21, 23, 49, 50, 75, 77, 82, 85, 88, 156, 158, 160, 161, 164, 165, 170, 175, 220, 262, 344, 357, 401, 412, 414, 439, 442, 444, 451, 462, 473, 490, 493, 494, 497, 498, 501, 503, 538, 545, 549, 556, 577, 585, 608
 Суровцев Ю.И. 2, 11, 501
 Суслов М.А. 1, 21, 34, 86, 93, 112, 156, 226, 301 – 303, 308, 309, 316, 435, 485, 487, 489, 491, 496, 527, 530, 548, 568, 590, 607, 626; 2, 7 – 9, 23, 52, 102, 174, 204, 274, 370, 402, 495, 606
 Сутоцкий С.Б. 1, 73, 543
 Сутырин С.В. 2, 105, 526
 Сучков Б.Л. 2, 184, 494, 496, 541, 609
 Сушкевич В. 1, 45, 56
 Сцилард Л. 2, 182, 541
 Сырокомский В.А. 2, 59, 514
 Сытин И.Д. 2, 562
 Сычев Ф.С. 2, 279, 281, 283, 286 – 289
 Сэлинджер Д. 1, 73, 142
 Тарасенков А.К. 1, 115, 253, 551, 562, 598; 2, 98, 524
 Тарасов А.Ф. 1, 535, 536; 2, 607
 Тарба И.К. 2, 245, 247, 334, 337, 554, 570
 Тарновский К.Н. 1, 612; 2, 509, 532
 Тарсис В.Я. 1, 436, 438, 632; 2, 61
 Тартаковский А.Г. 2, 532
 Таурин Ф.Н. 2, 428, 482, 484, 491, 588, 608
 Твардовская А.М. 1, 236, 317, 594
 Твардовская А.Т. 1, 318, 376, 380, 611; 2, 255, 258, 259, 314, 566
 Твардовская (Сверчакова) Е.К. 2, 126, 530
 Твардовская Е.М. 1, 317
 Твардовская М.М. 1, 167, 189, 275, 290, 317, 318, 594
 Твардовская М.Т. 1, 318, 611; 2, 255, 259, 314, 365, 566, 578
 Твардовская Н.И. 1, 318, 611; 2, 255, 314, 317, 566
 Твардовский В.Т. 1, 376, 623
 Твардовский Г.В. 1, 320, 611; 2, 263
 Твардовский И.Т. 1, 66, 290, 318, 541, 598, 605
 Твардовский К.Т. 1, 115, 275, 296, 318, 319, 479, 480, 551, 603, 606, 611, 644; 2, 126, 137, 323, 540
 Твардовский П.Т. 1, 189, 317, 318, 376, 380, 578
 Твардовский Т.Г. 1, 38, 39, 95, 136, 177, 178, 236, 247, 345, 354, 536; 2, 15, 365, 410, 558
 Тевекелян В.А. 1, 200, 306, 582, 583, 608
 Тевосян И.Ф. 1, 360, 368, 620, 621
 Телешов Н.Д. 1, 613; 2, 270, 518, 557
 Тельпугов В.П. 1, 437, 634
 Тельпуховский Б.С. 2, 129, 532
 Темушкин О.П. 1, 425, 632
 Тендряков В.Ф. 1, 147, 220, 293, 304, 323, 324, 380, 381, 387, 406, 411, 457, 560, 588, 612, 626; 2, 470, 499, 518, 577, 599, 601, 609, 610
 Теннер Дж. 1, 191, 192, 278, 580, 603
 Терентьев А. 1, 246, 596
 Терц А. см. Синявский А.Д.
 Тескова А.А. 2, 403, 584
 Теуш В.Л. 1, 626
 Тикунов В.С. 1, 473, 642
 Тимофеев Л.И. 2, 494, 609
 Тимошенко С.К. 1, 204, 584
 Титов Г.С. 1, 41, 49, 254, 258, 538; 2, 138, 260
 Тихомиров В. 1, 598
 Тихонов Н.С. 1, 230, 254, 257, 260, 316, 505, 510, 542, 543, 577, 578, 592, 593, 651; 2, 36, 69, 433, 451, 457, 470, 497, 597

- Товстоногов Г.А. 1, 565; 2, 270
Тойнби А. Дж. 2, 62, 515
Тойнби Ф. 2, 592
Токарев С.А. 1, 557
Токарев Ф.В. 1, 46, 538
Токомбаев А. 1, 257, 599
Толкунов Л.Н. 2, 365, 374, 519
Толстой А.Н. 1, 609; 2, 257, 261, 537, 545, 555
Толстой Д.А. 2, 257, 258, 261, 555
Толстой Л.Н. 1, 112, 228, 305, 307, 312, 314, 323, 397, 415, 416, 443, 444, 459, 512, 521, 522, 552, 570, 571, 594, 597, 604, 614, 620, 635, 636, 639, 645, 652; 2, 7, 8, 14, 17, 19, 37, 56, 123, 140, 162, 224, 232, 290, 292, 295, 354, 377, 381, 502, 562, 594
Тольятти П. 1, 60, 61, 445, 540, 636; 2, 160
Томази ди Лампедуза Дж. 1, 155, 563
Томашевский Н.Б. 1, 561; 2, 47, 160, 164, 512
Трапезников С.П. 1, 508, 650; 2, 38, 183, 509, 585
Триоле Э. 1, 303, 373, 405, 608, 629; 2, 592
Трифонов Ю.В. 2, 48, 58, 360, 398, 405, 416, 427, 470, 513, 514, 576, 599, 601, 609
Тропольский Г.Н. 1, 336, 409, 410, 413, 615, 630; 2, 93, 135, 383, 435–437, 481, 533, 591
Троицкий-Вайсберг 1, 128, 555
Тромадеро 1, 155
Троцкий Л.Д. 1, 158; 2, 22, 352, 397, 399, 505, 573
Трояновский О. 1, 528
Трубицын Е.А. 1, 264, 265
Трухановский В.Г. 2, 561
Тухай Г. 1, 632
Туманян О.Т. 2, 368, 578
Тупицын М.Н. 1, 413, 631
Тургенев А.И. 1, 321, 322, 611
Тургенев И.С. 1, 416, 594, 603, 620; 2, 56, 114, 140, 330, 429, 527
Туркина (Штейн) В. 2, 145, 250, 430, 432, 527, 536
Турков А.М. 1, 654; 2, 327, 490, 543, 607
Туровская М.И. 1, 632; 2, 513
Турсун-заде М. 1, 102, 103, 550; 2, 354, 503, 557
Тухачевский М.Н. 1, 202, 512, 583; 2, 270, 338, 434
Тынянов Ю.Н. 2, 545
Тычина П. 2, 503
Тэсс Т. 2, 284, 561
Тютчев Ф.И. 1, 27, 358, 620; 2, 336, 339, 403, 571
Уборевич И.П. 1, 512; 2, 230, 338
Уваров С.С., гр. 2, 307, 564
Узюмов Ю. 1, 569
Уилсон М. 2, 592
Ульянов М.А. 1, 599
Унгаретти Дж. 2, 163, 539
Уолл Б. 2, 160, 162
Уоррен Р.-П. 1, 142; 2, 243, 513, 553
Урванцев Н.Н. 2, 452, 594
Усиевич Г.А. 1, 558
Усиевич Е.Ф. 1, 141, 558; 2, 120, 127, 150, 528, 529, 531, 536
Утесов Л.О. 1, 206, 584
Утченко С.Л. 1, 608
Ухсай Я.Г. 2, 391, 581
Ушаков Г.А. 2, 452, 594
Фадеев А.А. 1, 19, 71, 120, 195, 197, 237, 351, 355, 467, 468, 524, 529, 530, 534, 539, 542, 553, 554, 597, 618, 625, 641; 2, 136, 402, 418, 542, 572, 587
Федин К.А. 1, 43, 72, 73, 161, 194, 197, 232, 235, 269, 335, 337, 383, 390–392, 410, 438, 498, 499, 501, 505, 518, 524, 530, 537, 542, 543, 548, 564, 580, 592, 618, 627, 648, 649; 2, 16, 19, 21, 23, 36, 39, 40, 67, 85–87, 98, 99, 101, 103, 107, 108, 114–117, 119–124, 129, 135, 136, 138, 148, 156, 168, 173, 198, 200, 231, 251, 274, 275, 277, 321, 322, 328, 343–349, 353–355, 390, 394, 406, 418–421, 432–434, 441, 448, 451, 454, 456–460, 463–466, 468, 470, 472, 473, 475, 481, 497, 498, 503, 504, 520, 525, 528, 529, 552, 554, 555, 559, 574, 587, 593, 597, 598, 602, 603
Федоров В.Д. 2, 458, 595
Федоров Г. 2, 130, 532
Федосеев П.Н. 2, 31, 508
Феллини Ф. 2, 554
Фельтринелли Дж. 1, 144, 152, 559; 2, 215
Фет А.А. 1, 312; 2, 339, 340

- Фетисов И.И. 1, 36, 535
Фиксин С.А. 1, 241, 595, 625; 2, 493, 609
Фиорованти ди 1, 561
Фирсов В.И. 2, 101, 280, 524, 560
Фиш Г.С. 1, 373, 384, 457, 622; 2, 315, 336, 403, 474, 561
Фиш (Смолянская) Т.А. 1, 457; 2, 336, 402, 403, 474
Флавий Иосиф 2, 121, 529
Фогельсон 1, 329
Фолкнер У. 1, 96, 549
Фоменко В.Д. 1, 32, 75, 181, 533, 537, 540, 573, 574; 2, 378
Фоменко Л.Н. 2, 310, 312, 566
Фоменко П.Н. 1, 648
Франко Баамонде Ф. 2, 215, 548
Франковский А.А. 2, 552
Фрейлих С.А. 2, 541
Френкель И.Л. 2, 259, 556
Фризман Л.Г. 2, 152, 536, 540, 544
Фролов Е.Д. 1, 523
Фрост Р. 1, 106, 111, 123, 142, 171, 175, 550, 567, 570
Фурцева Е.А. 1, 483, 645; 2, 59, 93, 328, 538
Фучик Б. 1, 416
- Хаксли Дж. 2, 592
Хвалебнова О. 1, 368, 621
Хейердал Т. 1, 557, 634
Хейфиц И.Е. 1, 77, 545; 2, 145
Хемингуэй Э. 1, 142, 463, 640; 2, 224, 550
Хенсфорд-Джонсон П. 1, 603
Хиббабулина Р.И. 2, 493
Хикмет Н. 1, 142, 146, 560
Хирн Дж. 2, 325, 353, 569, 573
Хитров М.Н. 1, 186, 514, 577; 2, 16, 17, 45, 48, 72, 75, 91, 93, 101, 105, 108, 120, 132, 144, 154, 167, 170, 173, 189, 191, 210, 222–224, 273, 316, 321–323, 332, 333, 342, 344, 348, 374, 381, 384, 392, 405, 406, 420, 422, 425, 429, 431, 435, 439, 461, 462, 466, 469, 471, 476–478, 483, 485, 488, 492–496, 498, 506, 519, 524, 550, 569, 587, 601, 603
Ходасевич В.М. 2, 382, 513, 580
Ходасевич В.Ф. 1, 379, 623; 2, 289, 291, 561
Ходжа Э. 1, 125, 554
Хоххут Р. 2, 215, 218, 547
Хо Ши Мин 1, 210, 585
- Храпченко М.Б. 2, 250, 475, 555
Хренников Т.Н. 1, 258, 466, 641
Хрущев Н.С. 1, 21, 37, 63–65, 76, 91, 111–113, 115, 116, 119, 121–127, 129–133, 135, 145, 146, 158, 164, 169, 171, 182–185, 189, 190, 195, 200, 209, 210, 223, 226, 231, 232, 243, 254, 259, 262, 277–279, 281, 283–291, 302, 327, 329, 334, 338, 349, 379, 412, 413, 448, 500, 509, 528, 530, 536, 538, 540, 541, 543, 545, 547–549, 554, 556, 558, 559, 564–570, 574–577, 579, 584, 585, 589–591, 595, 597–600, 604, 605, 607, 623, 636, 651; 2, 9, 19, 76, 98, 128, 171, 193, 270, 280, 281, 329, 399, 400, 453, 509, 521, 524, 528
Хрущев С.Н. 1, 605
Хрущева (Кухарчук) Н.П. 1, 449; 2, 329
Хрущева Ю. 2, 329
Худолеевы 2, 285
- Цадаса Г. 2, 101, 524
Цапенко Г. 1, 560
Цветаева М.И. 1, 27, 72, 111, 113, 119, 219, 543, 550, 553; 2, 283, 289, 291, 341, 403, 405, 560–562, 572, 584
Цветков И. 2, 175, 176, 541
Цыбенко 2, 499
- Чагович Г. 2, 341
Чазов Е.И. 2, 400, 401, 583
Чайковский П.И. 1, 418
Чаковский А.Б. 1, 232, 265, 391, 410, 439, 441, 451, 464, 466, 474, 514, 593, 635; 2, 19, 23, 77, 78, 81, 114, 149, 171, 185, 230, 276, 390, 468, 470, 504, 520, 551, 597, 600
Чалмаев В.А. 1, 574; 2, 573
Чапаев В.И. 2, 145, 581
Чаплин Ч. 2, 354
Чапчачов Ф.А. 1, 596
Чаушеску Н. 2, 219, 548
Чеботарев В.А. 1, 595
Черная Л.Б. 2, 482, 540, 544, 550, 604
Черниченко Ю.Д. 1, 462, 640; 2, 518
Черноуцан И.С. 1, 92, 98, 121, 128, 129, 171, 173, 178, 181, 182, 214, 230, 235, 277, 478, 548; 2, 16, 68, 70
Чернышевский Н.Г. 1, 620; 2, 311, 567, 584

- Чернышов В.Е. 1, 360, 620
 Чертков В.П. 1, 360; 2, 499
 Черчиля У. 2, 281, 287, 288, 385, 561
 Чехов А.П. 1, 68, 271, 304, 312, 552, 573; 2, 123, 340
 Чжоу Эньлай 1, 61, 210, 540
 Чиброва И. 2, 206, 546
 Чивер Дж. 1, 142; 2, 267, 557, 592
 Чивилихин В.А. 2, 310, 312, 565, 573, 577
 Чилая С. 1, 135
 Чирков Б.П. 1, 366, 367, 372, 621, 622, 643
 Чичерины 2, 225, 550
 Чмелев В.В. 2, 38, 509
 Чмелевы 2, 38, 509
 Чопич Б. 2, 164, 539
 Чуковская Е.Ц. 2, 593
 Чуковская Л.К. 1, 379, 595, 624; 2, 218, 423, 548
 Чуковский К.И. 1, 84, 179, 373, 383, 456, 546, 548, 567, 571, 582, 628; 2, 96, 167, 173, 229, 231, 328, 345, 347, 357, 363, 379, 412, 416, 419—421, 448, 518, 536, 540, 545, 569, 577, 580, 586, 593
 Чуковский Н.К. 1, 200, 379, 582, 624
 Чухонцев О.Г. 2, 558
 Чухрай Г.Н. 1, 142, 144, 146, 147, 150, 156, 559, 561
 Чхиквидзе И. 2, 562
- Шагинян М.С. 2, 605
 Шаламов В.Т. 2, 598
 Шаляпин Ф.И. 2, 94, 524
 Шамиль 2, 92, 523
 Шапиро Г.С. 1, 170—176, 569—572
 Шапиро Л.Н. 1, 175
 Шапошникова А.П. 1, 433, 634; 2, 426, 588
 Шапран С. 2, 575
 Шапс А.А. 1, 527
 Шарипов А. 2, 521
 Шаров А. 2, 365, 507, 578
 Шатагин Н. 2, 562
 Шатров М.Ф. 2, 365, 397, 538, 541, 577, 578, 582
 Шаумян Л.С. 2, 562
 Шаумян С.Л. 2, 293, 562, 566
 Шауро В.Ф. 1, 447—450, 460, 465, 478, 496—498, 502, 505, 506, 524, 637; 2, 7, 8, 10, 18, 23, 36, 38, 39, 48, 49, 53, 60, 62—65, 93, 95, 99, 100, 102, 103, 109, 136, 161, 174, 251, 330, 346, 347, 412, 473, 476, 481, 490, 491, 494, 510, 514, 524
- Швейцер М.А. 2, 166, 539
 Швейцер Р. 2, 348—350
 Шверубович В.В. 2, 513
 Швецова Л.К. 2, 584
 Шевченко А. 1, 528
 Шевченко Т.Г. 1, 54, 539, 592, 602, 635; 2, 581
 Шейнин Л.Р. 1, 412, 631
 Шекспир В. 1, 274, 342, 619; 2, 80, 91, 350, 521
 Шелепин А.Н. 1, 114, 269, 456, 458, 551; 2, 136, 392, 393, 427, 485, 581, 606
 Шелест Г.И. 1, 555
 Шемякин И. 1, 316, 610
 Шеридан Р.Б. 1, 239, 594
 Шефнер В.С. 1, 358, 619; 2, 513
 Шешковский С.И. 1, 495, 648
 Шиллер Ф. 1, 417, 544; 2, 177, 584
 Шимон И. 2, 271, 482, 558
 Шинберг Д.Я. 2, 104, 525
 Шинкуба Б.В. 1, 140, 480, 558; 2, 96, 231, 235—238, 240—242, 245, 248, 332, 335, 337, 342, 392, 393, 553, 581
 Шинкуба Т.К. 2, 215
 Шишкин С.С. 1, 93
 Шишов В.Н. 2, 354, 574
 Шишов М. 2, 354, 574
 Шкаренко Л. 2, 534
 Шкловский В.Б. 1, 155, 561, 563; 2, 204
 Шкодина А. 2, 601
 Шлоссер Ф. 2, 567
 Шолохов М.А. 1, 30, 31, 64, 185, 195, 206, 258, 260, 305, 307, 323, 451, 459, 460, 464, 534, 541, 584, 609, 610, 612, 639; 2, 78, 93, 118, 154, 200, 231, 232, 235, 236, 251, 256, 269, 270, 301, 354, 434, 444, 503, 520, 528, 537, 542, 545, 552, 557, 563, 564
 Шопен Ф. 1, 418
 Шостакович Д.Д. 1, 269, 298, 488, 602, 606, 632, 647; 2, 448
 Шоу И. 1, 142, 442, 635
 Шпотаньский Я. 2, 129, 531
 Шрагин Б.И. 2, 24, 30, 505, 506
 Штакеншнейдер Е.А. 2, 221, 549
 Штейгер А.С. 2, 291, 562
 Штейн А.П. 1, 32, 534
 Штейн В. см. Туркина (Штейн) В.

- Штеменко С.М. 2, 230, 551, 556
Шуйский Г.Т. 1, 528
Шукшин В.М. 2, 513, 518
Шумейко Г.В. 1, 22, 27
Шундик Н.Е. 2, 573, 577
Шустер И.Н. 2, 209, 240, 391, 425, 443, 546
- Щеглов М.А. 1, 229, 530, 591, 592; 2, 485, 605
Щедрин см.
Салтыков-Щедрин М.Е.
Щепкина-Куперник Т.Л. 2, 58, 514
Щербаков А.С. 1, 587
Щербина В.Р. 2, 205, 396, 408, 545
Щипачев С.П. 1, 54, 270, 539
Щорс Н.А. 1, 572
Щур С.П. 2, 318
- Эггелинг В. 1, 607
Эйдельман Н.Я. 1, 495, 648
Эйзенштейн С.М. 1, 550
Эйнерлинг Г.А. см. Галина Г.А.
Эйснер А.В. 2, 379, 580
Эккерман И.-П. 1, 193, 580
Эль-Регистан Г. 1, 527
Энгельс Ф. 1, 532; 2, 152, 199, 214, 219, 252, 305, 547, 548, 555, 564, 587
Энденсбергер Г.-М. 2, 161, 163, 538, 539
Эпов Н.Н. 1, 648
Эренбург И.Г. 1, 43, 44, 122, 167, 216, 220, 237, 248, 277–279, 281, 282, 301, 302, 307, 308, 501, 511, 520, 537, 548, 554, 558, 565–567, 571, 575, 579, 597, 603, 604, 607–609, 612, 651; 2, 66–68, 72, 73, 76, 84, 92, 93, 114, 127, 167, 516–519, 521, 523, 530, 540, 542
Эренбург (Козинцева) Л.М. 2, 84, 516, 518, 521
Эткинд Е.Г. 2, 550, 572, 604
Эфрон А.С. 2, 560
Эфрон Г.С. 2, 403, 584
Эфрон С.Я. 2, 405, 580, 584
Эхнатон см. Аменхотеп IV
Эш У. 2, 222, 549
Эшба М.Е. 2, 554
- Юдина М.В. 2, 104, 526
- Ягода Г.Г. 1, 201, 583
Якименко Л.И. 2, 310, 312, 566
Якир И.Э. 1, 512
Якобсон Л.В. 1, 632
Яковенко В.П. 2, 206, 207, 546
Яковлев А.Н. 2, 578, 585
Яковлев Б.В. 1, 230, 231, 592
Яковлев Е.В. 2, 544
Яковлев М.Ф. 1, 118, 464, 498, 552; 2, 191, 364, 444
Яковлев Ю.Я. 2, 142, 190, 420, 483, 534, 587
Яковлева Н.С. 2, 483, 494
Якубович М.П. 2, 138, 533
Якубовская С.Г. 1, 637; 2, 509
Яруллин Ф.З. 1, 632
Яшен К.Н. 2, 470, 597
Яшин А.Я. 1, 118, 167, 176, 179, 307, 364, 552, 570, 571, 576, 579, 588, 609; 2, 157, 198, 202, 309, 436, 513, 538, 543, 544, 565, 591
Яшина З.К. 1, 179

СОДЕРЖАНИЕ

1967.....	5
1968.....	111
1969.....	265
1970.....	445
Комментарии	501
Дополнение к комментариям.....	611
Указатель имен.....	615

Литературно-художественное издание

Твардовский Александр Трифонович
НОВОМИРСКИЙ
ДНЕВНИК

Том второй
1967–1970

Редактор

В.П.Кочетов

Художественный редактор

Т.Н.Костерина

Технолог

С.С.Басилова

Оператор компьютерной верстки

А.Ю.Бирюков

Оператор компьютерной верстки
переплета и иллюстраций

Л.В.Мелентьева

Корректоры

Г.В.Заславская,

Т.Г.Крastoшевская

Подписано в печать 21.12.2009

Формат 60×100/16

Тираж 3000 экз.

Заказ № 1809.

ЗАО «ПРОЗАИК»

107078, г. Москва,

ул. Новорязанская, д. 8А, стр. 3

Телефон: (495) 795-01-46

Электронная почта:

prozaic@prozaic.ru

По вопросам реализации
обращаться:

Книжный Клуб 36.6

107078, г. Москва,

ул. Новорязанская, д. 8А, стр. 3

Телефон: (495) 926-45-44

Электронная почта:

club366@club366.ru

Информация в Интернете:

www.club366.ru

Отпечатано с готовых файлов

заказчика в ОАО ИПК

«Ульяновский Дом печати»

432980 г. Ульяновск,

ул. Гончарова, д. 14.

13.IX. 69

...навверняка люди даже
новомирского поколения
не представляют себе... явления
читательской активности по случаю
гонений на журнал и меня.
Да мы сами не представляли
в такой очевидности этот мощный
подпор за нами. Стоило за такую
награду претерпеть, не рухнуть
под воздействием унижений,
оскорблений, угроз и видимой
безнадежности положения.

А.Тварговский

ISBN 978-5-91631-012-2

9 785916 310122